УЧИТЕЛЬ,

или

ВСЕОБЩАЯ СИСТЕМА ВОСПИТАНІЯ,

въ

которой предложены

ПЕРВЫЯ ОСНОВАНІЯ

НАУКЪ,

особенно нужныхъ молодымъ людямъ.

ВЪ

ДВѢНАТЦАТИ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

14)

ЧАСТЬ III,

содержащая въ себѣ:

Отдѣленіе IX, *Нравоученіе.*
Отдѣленіе X, *о Купечествѣ и Торговлѣ.*
Отдѣленіе XI, *о Законахъ и Правленіи.*
Отдѣленіе XII, *о человѣческой жизни и нравахъ.*

Переводъ
съ третіяго Нѣмецкаго изданія, исправленнаго
и умноженнаго Профессорами
Іоганномъ Маттіасомъ Шрекомъ
и
Іоганномъ Іакобомъ Эбертомъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова.
1789.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Учитель или Всеобщая Система Воспитанія, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; по чему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

Антонъ Барсовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

НРАВОУЧЕНІЕ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ НРАВОУЧЕНІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Философы раздѣляли все *познаніе человѣческое* на разныя части. Нѣкоторые принимали большее, а другіе меньшее число сихъ частей, соразмѣрно свѣдѣнію своему о многоразличныхъ предметахъ изслѣдованія человѣческаго.

Разделеніе познанія.

Одинъ великой ученой (*) полагаетъ три главныя отдѣленія онаго: *Исторію*, *Поэзію* и *Философію*, сообразно тремъ различнымъ душевнымъ силамъ, т. е. *памяти*, *воображенію* и *разсудку*. Память собираетъ понятія, получаемыя посредствомъ ощущенія, которыя суть матеріалы познанія; сила воображенія распоряжаетъ ихъ, даетъ имъ различныя расположенія, и составляетъ изъ нихъ разныя совокупленія или образы; разсудокъ наблюдаетъ ихъ различія, связи и взаимныя отношенія, и разсматриваетъ оныя.

Философія вообще.

Сіе послѣднее есть собственное дѣло *Философіи*, которая есть „познаніе всего сущаго", или „наука о Божественныхъ и человѣческихъ вещахъ." По сему опредѣленію предметъ ея обемлетъ *все*. Она излѣдуетъ все, что человѣку о Божествѣ и дѣлахъ Его, о существѣ ихъ, силахъ, дѣйствіяхъ и связяхъ познать возможно.

Раздѣленіе Философіи.

Для большей ясности сего опредѣленія можно выразить оное слѣдующимъ образомъ: „Философія есть познаніе всего міра, или Натуры и

 „ея

(*) Vid. Bacon. Verulam. de Augm. Scient. Lib. II. cap. 1.

„ея силъ, дѣйствій и связей, посредствомъ правильныхъ „и изъ самой Натуры выводимыхъ умозаключеній." Мы раздѣляемъ ее на *Физику* и *Нравоученіе* (*).

Физика. Нравоученіе.

Физика изслѣдуетъ свойства и дѣйствія *тѣлъ* или *матеріи*. Нравоученіе разсматриваетъ *натуру человѣка*, *нравственныя силы ея* и *связи*, и выводитъ изъ оныхъ законы поступокъ его. По обстоятельнѣйшему опредѣленію, оно есть „*наука* „выводящая *нравы* или *должности* человѣческія изъ су„щества и состоянія человѣка, и показывающая намъ, „что оныя имѣютъ цѣлію блаженство наше;" по чему и называется оно *Этикою*, Disciplina Morum. Короче сказать, оно есть „познаніе должности нашей и блажен„ства," или „искусство быть добродѣтельнымъ и щаᴗ„стливымъ."

По чему оно есть искусство.

Нравоученіе называется *искусствомъ* по тому, что содержитъ въ себѣ правила, показывающія, какъ надлежитъ содѣлаться добродѣтельнымъ и щастливымъ. Наблюдающій сіи правила пріобрѣтаетъ исполненіемъ оныхъ навыкъ и удобство въ добродѣтели и щастіи.

По чему оно есть наука.

Наукою называется оно по тому, что выводитъ сіи правила изъ коренныхъ побужденій и связей Натуры нашей, и доказываетъ, что наблюденіе оныхъ доставляетъ намъ блаженство. Оно, какъ искусство и наука вкупѣ, достойно величайшаго уваженія и весьма полезно.

Предметъ его.

Предметъ его есть должность человѣческая, или поступки при различныхъ нравственныхъ способностяхъ и въ различныхъ связяхъ, въ какихъ человѣкъ находится.

Дѣло.

Дѣло его есть управлять сими поступками, и показывать, отъ чего происходятъ обязанности

(*) Другое употребительнѣйшее у насъ раздѣленіе Философіи предложено въ первой Части сея книги, стр. 6--7. Но здѣсь не хотѣли мы ничего перемѣнить, для того, что сіи раздѣленія произвольны.

ности наши, и что онѣ цѣлію имѣютъ. *Польза*, или *цѣль* его, есть достиженіе блаженства; а *способы* къ оной суть правила надлежащаго употребленія нравственныхъ нашихъ силъ.

Цѣль.
Способы.

Понеже цѣна каждаго искусства и каждой науки опредѣляется по мѣрѣ того, сколько они споспѣшествуютъ нашему благополучію: слѣдовательно сіе нравственное искусство, или сія наука, показывающая, въ чемъ состоитъ должность наша и наше блаженство, должна быть масштабомъ, по которому надлежитъ опредѣлять цѣну и важность всякаго другаго искусства и всякой другой науки. Сіе даетъ ей преимущество предъ всѣми другими науками. Она есть владычествующее искусство, владычествующая наука, цѣнящая всѣ другія науки, указующая степень ихъ въ лѣствицѣ наукъ, предписывающая имъ надлежащіе предѣлы, и управляющая пользою ихъ и употребленіемъ въ общежитіи. По сему называютъ сію науку правительницею жизни, учительницею нравовъ, изобрѣтательницею законовъ и культуры, указательницею пути къ добродѣтели и блаженству, и утверждаютъ, что человѣкъ, не зная ея по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, былъ бы дикой, и жизнь его была бы позорище звѣрства и бѣдствія.

Нравоученіе есть масштабъ цѣны другихъ искуствъ и наукъ.

Мы опредѣлили предметъ и цѣль той науки, которой начальныя основанія предложить хотимъ; послѣ чего не безполезно будетъ представить наблюдаемый въ ней *методъ*. Нравоученіе имѣетъ общее съ Физикою то, что ссылается на Натуру, или на событія. Оно такъ же, какъ и Физика, основывается на наблюденіи; заключенія и постановленія его утверждаются на ясныхъ и неоспоримыхъ опытахъ, или на самомъ полномъ послѣдствіи заключеній, выведенныхъ изъ сообразныхъ дѣлу обстоятельствъ. Въ обѣихъ сихъ наукахъ надлежитъ замѣчать, quid faciat et ferat Natura, что Натурѣ свойственно, или что она въ какихъ либо обстоятельствахъ производитъ; или другими словами сказать: надлежитъ собирать натуральныя явленія во всякомъ предлежащемъ случаѣ, составлять изъ оныхъ нѣ-

Методъ.

нѣкоторыя общія основанія или законы ея дѣйствованія, и потомъ употреблять сіи основанія или законы къ объясненію по онымъ другихъ явленій.

И такъ Нравоученіе изслѣдуетъ не то, каковъ бы человѣкъ *быть могъ*, но каковъ онъ *есть*; не то, изъ какихъ основаній или мыслей дѣла его могутъ выведены быть искусствомъ, но изъ какихъ основаній и мыслей оныя подлинно происходятъ; не то, чѣмъ онъ быть можетъ, или что можетъ дѣлать, посредствомъ воспитанія, привычки, или постороннихъ обстоятельствъ, но чѣмъ быть и что дѣлать надлежитъ ему по натурѣ его, или по начальнымъ опредѣлительнымъ основаніямъ. Мы познаемъ употребленіе, пользу, или опредѣленіе всякаго дѣла Натуры и искусства по наблюденію состава его, частей, изъ которыхъ оно состоитъ, и связи ихъ, или общей дѣятельности. Такимъ образомъ узнаемъ мы употребленіе и пользу часовъ, какого либо растенія, глазъ, или рукъ. То же бываетъ и въ разсужденіи живыхъ существъ, какъ имѣющихъ умъ, такъ и не имѣющихъ. И такъ когда надлежитъ намъ означить *должность* или *опредѣленіе человѣка*, либо иными словами сказать, когда надлежитъ намъ опредѣлить *дѣло* его, или то, какъ онъ поступать обязанъ: для сего должны мы наблюдать качество его или состояніе, разсматривать всѣ части онаго порознь, взаимныя отношенія одной части къ другой, и общую силу или устремленіе всѣхъ частей вкупѣ.

Глава I.

О человѣкѣ и связяхъ его.

Предпринимая представить изображеніе человѣка въ первыхъ чертахъ, или исторію его вкратцѣ, должны мы вспомнить, что онъ происходитъ изъ малаго начала; способности и склонности его развиваются постепенно, и сообразно цѣлямъ жизни являются однѣ за другими; медленно восходитъ онъ къ зрѣлости по разнымъ сценамъ; достигши же оной, мало по малу обратно внизъ

скло-

склоняется, пока сойдетъ во гробъ. Надлежитъ преслѣдовать его въ шествіи по симъ сценамъ, слѣдующимъ одна за другою; надлежитъ замѣчать *побужденія*, оживляющія его въ каждой изъ оныхъ, и сопровождающія его *приключенія*, дабы научиться обозрѣвать его совершенно и во всей полнотѣ.

Состояніе человѣка въ самомъ первомъ младенчествѣ.

Человѣкъ родится нѣжною, слабою, безпомощною тварію, безъ пищи, безъ одежды и безъ всего прочаго, что потребно къ сохраненію бытія или къ оборонѣ. Младенецъ, имѣя множество нуждъ и подверженъ будучи безчисленнымъ опасностямъ, не имѣетъ никакихъ способовъ къ удовлетворенію нуждамъ своимъ и къ отвращенію опасностей. Но при сей слабости и безпомощномъ состояніи находитъ онъ непосредственное и надежное прибѣжище въ любви и попечительности родителей своихъ, которыхъ никакія трудности и никакія опасности не отвращаютъ отъ старанія пропитать и выростить нѣжнаго младенца. Натура привязываетъ родителей къ дѣтямъ симъ могущественнымъ инстинктомъ, какъ неразрушимыми узами; и сей же инстинктъ составляетъ самую крѣпчайшую *нравственную связь* со стороны младенца, когда онъ не имѣетъ еще ни малѣйшаго понятія объ ономъ. Голодъ и жажда, и всѣ чувствованія сопровождающія оныя, или совокупленныя съ оными, выражаются весьма яснымъ и непреодолимо трогающимъ языкомъ. Современемъ, когда разныя чувства доставляютъ молодому зрителю понятія и представленія окружающихъ его предметовъ, мы примѣчаемъ въ немъ первые знаки удивленія и любованія. Онъ видитъ блестящіе предметы и слышитъ проницательные тоны съ нѣкоторымъ потрясеніемъ и удивленіемъ. Однако не останавливаясь надолго на при какомъ предметѣ, онъ поспѣшаетъ отъ одного къ другому, и всякой новый предметъ кажется ему лучшимъ. Такимъ образомъ происходитъ любовь къ новому, или любопытство, и влеченіе къ удивительному безпрестанно питается. Постепенно узнаетъ онъ тѣ предметы, которые видитъ чаще другихъ, узнаетъ родителей своихъ, братій и сестръ, и тѣхъ до-

домашнихъ, которые болѣе прочихъ дѣла съ нимъ имѣютъ. Происходитъ въ немъ любовь къ нимъ; онъ чувствуетъ неудовольствіе, когда ихъ нѣтъ, а увидѣвъ ихъ, радуется. Сіи чувствованія бываютъ основаніемъ *нравственной склонности* съ его стороны, и сею взаимною симпатіею, или одинакими чувствованіями, вступаетъ онъ въ семейственный союзъ съ родителями своими, братьями и сестрами, и прочими членами семейства. Онъ принимаетъ участіе въ ихъ обстоятельствахъ, и чувствуетъ радость или печаль, надежду или страхъ, въ разсужденіи ихъ, равно какъ и въ разсужденіи себя. Когда чувствованія его къ другимъ обнаруживаются, тогда называютъ его *добрымъ* или *злымъ* младенцемъ, смотря по тому, какихъ чувствованій болѣе онъ оказываетъ. И такъ сіи суть первыя части *нравственной цѣпи*, раннія, основательныя, или самыя крайнія черты нрава его, первоначальные опыты дѣятельности, свободы и мужества.

Въ дѣтствѣ.

Выходя изъ младенчества и начиная распространять знакомство свое, человѣкъ составляетъ себѣ небольшой кругъ сообщниковъ, играетъ съ ними, ищетъ новыхъ упражненій, и предводительствуетъ своими товарищами, или слѣдуетъ предводительству другихъ, сообразно тому, каково бываетъ въ немъ природное влеченіе къ преимуществу, сильнѣе или слабѣе. Хотя въ сіе время желаніе и страсть въ немъ владычествуютъ; однако воображеніе и другія душевныя силы скоро развиваются. Онъ получаетъ вкусъ ко многимъ вещамъ, сообразно тому, какъ многоразличные образы вещей зрѣнію разума его представляются; нѣкоторыя вещи ему нравятся, а другія бываютъ противны, сообразно тому, пріятны ли или непріятны бываютъ понятія, къ совокупленію которыхъ подаютъ ему поводъ родители его, сообщники, и многоразличныя обстоятельства, или сообразно тому, съ какой стороны они представляютъ ему предметы, съ прелестной ли или съ ненавистной.

Чѣмъ болѣе свѣдѣнія его распространяются, тѣмъ болѣе распространяются постепенно и дѣятельныя и обще-

общественныя его силы, какъ то: любовь къ упражненію, къ подражанію, къ похвалѣ и къ соревнованію, любопытство, переимчивость, склонность повелѣвать и влеченіе къ перемѣнѣ. Страсти его быстры, перемѣнчивы, и уступаютъ всякому впечатлѣнію; любовь къ нѣкоторымъ вещамъ и постылость оныхъ скоро мѣняются въ немъ между собою. Онъ сравниваетъ вещи, различаетъ дѣла, судитъ о нравахъ, и любитъ ихъ или ненавидитъ, сообразно тому, каковы они ему кажутся, хороши или худы для него самого, или для тѣхъ, кого онъ любитъ. Между тѣмъ происходитъ въ немъ ощущеніе слѣдствій дѣлъ его, которыя либо доставляютъ ему похвалу, либо подвергаютъ его презрѣнію; онъ гордится тѣми дѣлами, которыми заслуживалъ похвалу; а тѣхъ, которыя презрѣніе на него навлекали, стыдится, старается таить ихъ, и краснѣетъ, когда они открыты бываютъ. Помянутыя силы дѣлаютъ его способнымъ къ культурѣ; нравственный союзъ становится крѣпче; человѣкъ ощущаетъ, что онъ долженъ и другимъ давать отчетъ въ поступкахъ своихъ, равно какъ самому себѣ; и такимъ образомъ постепенно созрѣваетъ въ немъ способность къ общежитію и къ упражненію въ дѣлахъ.

Въ юношествѣ.

Переходъ человѣка изъ дѣтскаго возраста въ юношеской открываетъ какъ страстямъ его, такъ и свѣдѣніямъ, пространнѣйшій путь. Новыя чувствованія удовольствія возбуждаютъ въ немъ новыя стремленія или желанія; онъ научается чувствовать прелесть красоты, ощущаетъ особенную склонность къ другому полу; раждается въ немъ нѣжная любовь, какой онъ прежде еще не имѣлъ. Изъ сего составляется *новый нравственный союзъ*, и сообщаетъ страстямъ его и поведенію болѣе нѣжности. Въ сіе бурливое время онъ получаетъ болѣе вкуса къ дружбѣ, сообществу, тѣлеснымъ упражненіямъ и къ забавамъ. Возрастаетъ въ немъ любовь къ истинѣ, къ подражанію и къ разнымъ предпріятіямъ; и чѣмъ болѣе распространяются связи его съ сосѣдами, согражданами и единоземцами, тѣмъ сильнѣе и дѣйствительнѣе становятся

вятся въ немъ желаніе славы, соревнованіе и общественныя склонности. Между тѣмъ не возможно ему жить уже столько, не бывши тронуту великими знаменіями порядка, премудрости и благости, напечатлѣнными въ видимомъ твореніи, и сильными внутренними внушеніями творящаго Духа, источника всякаго познанія и всякой красоты, предмета и перваго источника той дѣятельности и тѣхъ тайныхъ желаній, которыя иногда движутся во внутренности его и восхищаютъ его ко всемогущему и всѣмъ управляющему Существу. Отъ сего происходятъ чувствованія почитанія и благодарности, терпѣніе въ страданіяхъ и любовь, составляющія союзъ души съ Творцемъ Натуры и самую высочайшую и божественную изъ всѣхъ связей человѣческихъ.

Въ мужескихъ лѣтахъ. Когда человѣкъ достигаетъ самыхъ лучшихъ лѣтъ своихъ, тогда либо раждаются въ немъ новыя страсти, либо прежнія возвышаются. Онъ болѣе вникаетъ въ связь свою въ общежитіемъ и съ тѣмъ частнымъ обществомъ, къ которому онъ непосредственно принадлежитъ, и вообще открывается ему дальнѣйшій видъ жизни человѣческой, различныхъ нуждъ и пріятностей оной. Для того вступаетъ онъ въ тѣснѣйшіе дружескіе союзы, домогается власти, старается снискивать честь, съ большимъ хладнокровіемъ дѣлаетъ планы къ пріобрѣтенію себѣ пользы, и бываетъ внимательнѣе ко всему касающемуся до общества. Онъ вступаетъ въ семейственныя связи, и слѣдуетъ происходящимъ отъ оныхъ любовнымъ склонностямъ. Владычествующія страсти въ сихъ лѣтахъ сильно побуждаютъ человѣка пещись о вечерѣ жизни своея. Также дѣйствуютъ въ оныхъ сожалѣніе и благодарность, заставляющія его въ полной его крѣпости и бодрости платить родителямъ своимъ за прежнюю ихъ любовь и рачительность попеченіемъ объ ихъ нуждахъ и вспоможеніемъ ихъ слабости.

Въ старости. Наконецъ жизнь человѣческая склоняется внизъ, и непримѣтно наступаетъ старость съ сопутницами своими, заботливостію, любовію къ покою, корыстолюбіемъ, боязливостію, осторожностію

стію и любовію къ потомкамъ. Опытность старыхъ людей служитъ къ управленію юношескаго жару, а хладнокровіе ихъ къ умѣренію онаго; первая представляетъ имъ прежніе ихъ неразумные поступки, а второе научаетъ предусматривать слѣдствія вещей и предостерегаться отъ самыхъ худшихъ. Однакожъ каждый возрастъ имѣетъ особенныя страсти, ему свойственныя, и способствующія благополучію прочихъ. Такимъ образомъ недостатки одного возраста замѣняемы бываютъ свойствами другаго, и слабости одного возраста удерживаютъ въ равновѣсіи страсти другаго.

Страсти всякаго возраста.

Кромѣ сихъ страстей и склонностей, находятся еще другія, не столь перемѣнчивыя и не одному которому либо возрасту свойственныя, но бывающія во всякомъ возрастѣ, и дѣйствующія во всякомъ сердцѣ болѣе или менѣе во всю жизнь. Таковы суть: самолюбіе, человѣколюбіе, любовь къ жизни, честолюбіе, стыдъ, надежда, страхъ, желаніе, отвращеніе, радость, печаль, гнѣвъ, и пр. Первыя двѣ склонности тише прочихъ. Самолюбіе клонится къ собственной нашей пользѣ, а человѣколюбіе къ пользѣ нашихъ ближнихъ. Радость и печаль, надежда и страхъ, кажется, суть только разныя устремленія, или частныя изъявленія одинакихъ начальныхъ или коренныхъ склонностей (любви и ненависти, желанія и отвращенія), происходящія отъ разныхъ обстоятельствъ, или отъ свойства того предмета, котораго мы желаемъ, или отъ котораго отвращаемся, въ присутствіи или въ отсутствіи онаго. Отъ сихъ равнымъ образомъ происходятъ другія подчиненныя, или случайныя страсти, которыхъ бытіе и разныя степени зависятъ отъ удовлетворенія или неудовлетворенія коренныхъ склонностей, какъ-то: гнѣвъ, внутреннее удовольствіе, увѣренность, ревность, любовь, ненависть, уныніе, сильная радость, довольство, омерзѣніе, которыя суть не коренныя страсти, но токмо какъ бы вѣтви сихъ страстей.

Общія ихъ дѣйствія.

Сіи простыя, но сильныя пружины, либо перемѣняясь, либо непрерывно дѣйствуя, содержатъ и подкрѣпляютъ жизнь слабаго и нуждамъ подвер-

женнаго человѣка, и побуждаютъ его къ непрестанной дѣятельности какъ для удовлетворенія многочисленнымъ и всегда возобновляющимся нуждамъ его, такъ и для удаленія отъ себя многоразличныхъ предстоящихъ ему опасностей и нещастій. Сими узами люди связываются между собою, собираются въ семейства, составляютъ особенныя связи, и общимъ союзомъ всѣ совокупляются какъ бы въ одно тѣло, котораго члены чувствуютъ совокупно и находятся во взаимной симпатіи. Самая сія собразность качества человѣка съ состояніемъ его и постепенное развитіе силъ человѣческихъ суть средство къ соблюденію порядка, къ поддержанію общества, и къ доставленію жизни человѣческой той многоразличности дѣлъ, которая купно и заставляетъ оную быть дѣятельною, и производитъ въ ней многія отмѣны.

Управляющая сила.

Мы имѣемъ теперь краткое начертаніе главныхъ *движеній сердца* человѣческаго. Но сіи движенія не составляютъ еще всего человѣка; они побуждаютъ къ дѣлу, но не назначаютъ, какъ оному быть должно; имъ нуженъ еще предводитель, который опредѣлялъ бы силамъ ихъ надлежащую мѣру и употребленіе. А по тому и имѣютъ они такого предводителя, управляющаго ихъ дѣятельностію, и распоряжающаго оную. Мы примѣчаемъ въ себѣ коренную силу, которая изслѣдуетъ, сравниваетъ и размѣряетъ вещи, замѣчаетъ различія, наблюдаетъ дѣйствующія силы, и предусматриваетъ слѣдствія склонностей и дѣлъ. Сею силою обозрѣваемъ мы прошедшее и проницаемъ въ будущее, собираемъ опыты, опредѣляемъ цѣну предметовъ, какую они либо сами по себѣ, либо въ сравненіи съ другими имѣютъ, дѣлаемъ планы, изобрѣтаемъ способы къ произведенію оныхъ въ дѣйство, и утверждаемъ весь порядокъ и расположеніе нашей жизни. Мы обыкновенно называемъ силу сію *умомъ*, или *разсудкомъ*, котораго дѣло состоитъ не въ доставленіи намъ начальныхъ понятій или ощущеній, но въ томъ, чтобъ оныя обработывать, приводить въ порядокъ, и выводить изъ нихъ слѣдствія.

Мы примѣчаемъ въ себѣ еще другую коренную силу, которая одобряетъ нѣкоторыя мысли, страсти и дѣла, а противныя онымъ охуждаетъ. По приговорамъ сего внутренняго судіи называемъ мы нѣкоторыя дѣла, или причины поступокъ, справедливыми, пристойными, добрыми, а другія несправедливыми, непристойными, злыми. Первыя возбуждаютъ въ насъ почтеніе, внутреннюю нравственную пріятность и склонность: что дѣлаютъ они непосредственно сами собою, а не по слѣдствіямъ своимъ, хотя бы оныя касались до собственной нашей пользы, или нѣтъ. Напротивъ того другія, также натурально и необходимо, возбуждаютъ въ насъ презрѣніе, посмѣяніе и отвращеніе. Сила, посредствомъ которой мы познаемъ сіе различіе въ склонностяхъ и дѣлахъ, и чувствуемъ происходящее отъ того удовольствіе или неудовольствіе, обыкновенно называется *совѣстію*, или *нравственнымъ чувствомъ*. Существенна ли такая сила натурѣ человѣческой, или нѣтъ: рѣшить сіе предоставляется всякому по опытамъ происходящаго въ немъ самомъ.

Судящая или одобряющая сила.

Умъ и *совѣсть* явно суть коренныя силы, по натурѣ и роду своему различныя отъ страстей и склонностей. Ибо страсти суть какъ бы слѣпыя побужденія, дѣйствующія насильственно и безъ выбора, изъ которыхъ каждое стремится къ принадлежащимъ ему предметамъ, какъ къ послѣдней своей цѣли, не сообразуясь съ выгодою другаго или всея системы. Напротивъ того управляющія и судящія силы различаютъ и опредѣляютъ цѣну разныхъ способностей и взаимныхъ отношеній каждой страсти къ другой и ко всему цѣлому; онѣ размѣряютъ разныя степени достоинства оныхъ, и судятъ о всѣхъ поступкахъ, имѣя въ виду либо самихъ насъ, либо ближнихъ нашихъ; онѣ могутъ управлять слѣпыми побужденіями страстей, или ограничивать ихъ въ надлежащемъ равновѣсіи одной съ другою, или въ правильной зависимости отъ всея системы. —

Сіи двѣ силы различны отъ страстей.

Вотъ

Раздѣленіе страстей.

Вотъ краткое описаніе коренныхъ силъ существа нашего, которыя различными ихъ смѣшеніями, степенями и отношеніями образуютъ нашъ характеръ и управляютъ поступками нашими въ жизни. Разсматривая великой рядъ склонностей, производящихъ разныя явленія въ нашей жизни, примѣчаемъ въ нихъ слѣдующее очевидное различіе. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ цѣлію собственную нашу пользу; а другія ведутъ насъ внѣ самихъ себя къ пользѣ нашихъ ближнихъ: по чему первыя можно назвать *своеполезными*, а вторыя *общеполезными* склонностями. Перваго рода склонности суть: любовь къ жизни, къ удовольствію, ко власти, и пр.; а ко второму принадлежатъ сожалѣніе, благодарность, дружба, природная любовь къ сродникамъ нашимъ, и пр. Нѣкоторыя изъ своеполезныхъ страстей (*) имѣютъ цѣлію только собственную безопасность и защищеніе себя; напр. чувствительность къ претерпѣнной обидѣ и страхъ; напротивъ того другія стремятся къ какой либо пользѣ или выгодѣ, напр. къ богатству, покою, славѣ. По сей разности предметовъ первыя можно назвать *защитительными* страстями, которыя относятся къ *опасностямъ*, и побуждаютъ насъ избѣгать оныхъ, естьли можемъ, или встрѣчать оныя смѣло, естьли избѣжать ихъ не можемъ.

Защитительныя страсти.

Второй классъ своеполезныхъ страстей, стремящихся къ подлиннымъ собственнымъ выгодамъ, можно назвать *желательными* страстями. Но мы удержимъ названіе *своеполезныхъ* страстей для различенія ихъ отъ защитительныхъ. Человѣкъ долженъ удовлетворять многимъ и различнымъ нуждамъ; онъ способенъ къ различнымъ удовольствіямъ по разнымъ періодамъ жизни своей и по различнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ онъ

Своеполезныя, или желательныя страсти.

(*) Здѣсь слова *страсти* и *склонности* употребляются въ одинакомъ смыслѣ. Различіе ихъ показано будетъ въ послѣдствіи.

онъ бываетъ. Къ симъ нуждамъ и удовольствіямъ относится сообразный съ оными рядъ своеполезныхъ страстей, побуждающихъ его домогаться всего потребнаго къ содержанію его или благосостоянію.

Общеполезныя страсти.

Общеполезныя или *общественныя* склонности соображаются съ различными общественными связями и отношеніями, въ какихъ мы находимся съ другими людьми. Онѣ побуждаютъ насъ принимать участіе въ опасностяхъ и нуждахъ другихъ, и заставляютъ защищать ихъ отъ первыхъ, а вторымъ удовлетворять.

Справедливо ли предыдущее начертаніе человѣка и связей его: рѣшить сіе можно не столько умозаключеніями, какъ общимъ чувствомъ и общимъ опытомъ. И по тому всякой долженъ совѣтоваться съ собственнымъ опытомъ чувствуемаго имъ въ самомъ себѣ, и съ познаніемъ происходящаго внѣ его въ маломъ или въ большомъ кругѣ, въ которомъ онъ живетъ, и судя по сему опыту и познанію, опредѣлить вѣрно ли оное начертаніе или невѣрно. Ибо авторъ начертанія ссылается на одинъ только сей опытъ и на одно только сіе познаніе.

Раздробленіе основательнаго существа человѣка, изъ чего онъ состоитъ, есть первой шагъ къ открытію *должности* его и *опредѣленія*. Послѣ того надлежитъ разсмотрѣть, въ какомъ порядкѣ, въ какой пропорціи и мѣрѣ сего внутренняго основательнаго существа состоитъ *добродѣтель*, или здравое нравственное состояніе и надлежащее поведеніе, дабы узнать, отъ чего происходитъ *нравственная обязанность*.

Глава II.

О *должности*, или *нравственной обязанности*.

Мѣра силъ.

По цѣли или намѣренію каждой силы или дѣйствующей причины надлежитъ располагать движенія оной, и опредѣлять степень ея, потребную для надлежащей ея дѣятельности. Естьли она столь слаба, что не можетъ достичь своея цѣли, то мы

мы почитаемъ ее недостаточною; естьлижъ простирается далѣе цѣли своея, то мы называемъ ее въ разсужденіи дѣйствія чрезмѣрною; и въ обоихъ сихъ случаяхъ она бываетъ несовершенна и невмѣстна. Но естьли сила точно такова, какова потребна для достиженія цѣли, то мы почитаемъ ее надлежащею и тѣмъ, чѣмъ она быть должна. Разсмотримъ страсти по сему положенію.

Мѣра защитительныхъ страстей.

Защищеніе себя и собственная безопасность есть намѣреніе защитительныхъ страстей: по чему сія безопасность и сіе защищеніе должны быть мѣрою силы или слабости оныхъ. Естьли онѣ такъ слабы, что недостаточны къ исполненію сего намѣренія, или естьли онѣ ведутъ насъ далѣе онаго, то есть, когда возбуждаютъ чрезмѣрныя движенія, либо продолжаются болѣе, нежели сколько нужно: то онѣ неспособны къ исполненію опредѣленія своего, и находятся въ несовершенномъ и ненатуральномъ состояніи. Дѣйствованіе страха или чувствительности къ чему нибудь, не имѣетъ само въ себѣ ничего прелестнаго; и мы не можемъ предаваться ни страху, ни сей чувствительности, безъ непріятныхъ чувствованій. Не имѣя сихъ страстей въ нѣкоторой степени, мы беззащитны и подвержены опасностямъ. Но при чрезмѣрной силѣ оныхъ мы нещасливы и часто бываемъ несправедливы противъ другихъ. И такъ боязливость, или трусость, состоящая въ чрезмѣрномъ страхѣ, вмѣсто того, чтобъ избавлять насъ отъ опасности, даетъ ей слишкомъ ужасный видъ, приводитъ насъ не въ состояніе усматривать и употреблять самые лучшіе способы къ избавленію себя, и отнимаетъ у насъ оружіе смѣлости, которое есть натуральная наша защита. Дерзость есть недостатокъ надлежащей мѣры страха; она вовлекаетъ насъ въ опасности безъ нужды и усыпляетъ въ пагубной безпечности. Мстительность, то есть чрезмѣрная склонность къ воздаянію претерпѣнныхъ обидъ, силою движенія своего лишаетъ насъ высокаго присутствія духа, часто служащаго самою лучшею защитою отъ обидъ, и побуждаетъ насъ къ большей

стро-

строгости противъ обидчика, нежели какой защищеніе себя требуетъ. Малодушіе, или недостатокъ праведнаго негодованія на несправедливость, дѣлаетъ насъ совершенно беззащитными, и наконецъ погружаетъ душу въ покорность не имѣющую дѣятельности и силы. И такъ „защитительныя страсти достигаютъ натуральной ихъ „степени и исполняютъ опредѣленіе свое, удерживаемы „будучи въ надлежащей соразмѣрности съ опасностями.“

Мѣра своеполезныхъ страстей.

Своеполезныя страсти побуждаютъ насъ искать нѣкоторыхъ опредѣленныхъ собственныхъ выгодъ. По чему та выгода, или то добро, которое составляетъ предметъ и цѣль такой страсти, должно быть мѣрою оной и управлять ея дѣятельностію. Естьли страсти сіи столь слабы, что не заставляютъ насъ домогаться различныхъ ихъ предметовъ, то онѣ явно недостаточны; естьлижъ онѣ стремительностію своею сами разрушаютъ свою цѣль, въ такомъ случаѣ напряженіе ихъ бываетъ выше подлиннаго натуральнаго тона. Тщеславіе, или чрезмѣрное желаніе похвалы, заводитъ насъ въ такія подлости и низкіе происки для пріобрѣтенія выгоднаго мнѣнія черни, что мы тѣмъ самымъ лишаемся чести, которой ищемъ съ такою заботливостію. Съ другой стороны совершенное равнодушіе въ разсужденіи выгоднаго мнѣнія другихъ лишаетъ добродѣтель сильной защиты и побужденія, и подвергаетъ сердце опасности стремиться къ самымъ подлымъ цѣлямъ. И такъ „соблюденіе своеполезныхъ стра„стей и желаній въ надлежащемъ отношеніи къ потреб„ностямъ нашимъ есть истинная мѣра и крайній пре„дѣлъ сихъ страстей.“

Сравнительная способность.

Всѣ защитительныя и своеполезныя страсти вообще дѣйствуютъ согласно къ нашей выгодѣ или пользѣ по своему устремленію, или по своей употребительности. И такъ естьли случатся двѣ противныя одна другой выгоды, какъ то иногда случается: въ такомъ случаѣ сумма добра или благополучія, состоящаго изъ частныхъ выгодъ, къ которымъ каждая изъ сихъ страстей стремится, должна быть общимъ масштабомъ для размѣре-

нія степеней силы оныхЪ. То есть: ежели нѣкоторыя страсти вЪ настоящей своей степени не согласуются сЪ самою большею суммою добра, или самою вышшею выгодою: то онѣ неравны и не пропорціональны. Ибо говоря обЪ особенной системѣ, или особенномЪ учрежденіи силЪ, называемЪ мы ту цѣль самою вышшею, или главною цѣлію, вЪ которой намѣренія частныхЪ дарованій или силЪ соединяются, и которой они подчинены; и мы думаемЪ, что они находятся вЪ надлежащемЪ отношеніи между собою и вЪ разсужденіи цѣлаго правильны, естьли всегда бываютЪ подчинены и полезны сей главной цѣли. „И такЪ опредѣлять отношеніе защитительныхЪ „и своеполезныхЪ страстей нашихЪ кЪ нашимЪ опасно„стямЪ и нуждамЪ по той мѣрѣ, которая лучше вся„кой другой служитЪ кЪ приведенію насЪ вЪ безопасность, „и кЪ споспѣшествованію самой большей суммѣ собствен„ной нашей выгоды или благополучія: сіе есть вѣрный „способЪ кЪ опредѣленію цѣны ихЪ и масштабЪ, по ко„торому надлежитЪ измѣрять ихЪ вЪ такомЪ случаѣ, „когда онѣ противны бываютЪ другимЪ страстямЪ.“

Мѣра общеполезныхЪ склонностей.

Общеполезныя или общественныя склонности имѣютЪ цѣлію пользу другихЪ: по чему сія польза должна быть мѣрою ихЪ силы. Естьли какая либо общественная склонность, напр. благодарность или дружба, касающаяся до связи сЪ благодѣтелемЪ или другомЪ, столь слаба, что не можетЪ побуждать насЪ кЪ благодарнымЪ и дружескимЪ поступкамЪ: то сія склонность недостаточна и не чиста, по тому, что не можетЪ достичь цѣли своея. ЕстьлижЪ сЪ другой стороны такая страсть собственною силою своею и неравнообразіемЪ дѣйствуетЪ противно той выгодѣ, которой споспѣшествовать она должна, или даже и разрушаетЪ оную: вЪ такомЪ случаѣ страсть сія чрезмѣрна и неправильна. Напр. естественная любовь кЪ дѣтямЪ нашимЪ, превращаясь вЪ безразсудную страстную нѣжность, не только препятствуетЪ родителямЪ судить хладнокровно о пользѣ дѣтей своихЪ, но и часто заставляетЪ дѣлать имЪ весьма пристрастное и вредное послабленіе.

Несогласіе общественныхъ склонностей.

Каждая нѣжная склонность имѣетъ цѣлію пользу особеннаго своего предмета: по чему разныя выгоды или блага могутъ иногда быть несогласны между собою. Напр. уваженіе должное другу можетъ противно быть уваженію, которымъ обязаны мы цѣлому обществу. Въ случаѣ такого несогласія надлежитъ, какъ то очевидно, избирать самую большую выгоду; а самая большая выгода есть та, которая содержитъ въ себѣ самую большую сумму общаго блага, въ разсужденіи какъ пространства, такъ и продолженія. Сія выгода служитъ общимъ масштабомъ, къ измѣренію различной силы общественныхъ склонностей и различной степени, въ какой онѣ должны быть подчинены одна другой. Изъ сего выводимъ мы заключеніе: „что склонности сего класса „правильны и чисты, естьли побуждаютъ насъ искать „собственной нашей выгоды такъ, чтобы общественная „польза могла быть совершенно съ тѣмъ согласна;" или другими словами сказать: „естьли онѣ бываютъ въ над„лежащей соразмѣрности съ опасностями и нуждами дру„гихъ, и съ различными отношеніями, въ какихъ нахо„димся мы съ частными людьми или съ обществомъ."

И такъ, разсматривая каждый классъ склонностей особливо самъ по себѣ, посредствомъ ряда заключеній, выводимаго изъ разныхъ обстоятельствъ, нашли мы натуральный крайній предѣлъ, или пространство разныхъ классовъ склонностей. А какъ добродѣтель или совершенство каждаго существа основывается на томъ, чтобъ оно слѣдовало натурѣ своей, или поступало бы соразмѣрно точной пропорціи и гармоніи различныхъ силъ своихъ: слѣдовательно „добродѣтель или совершен„ство существа одареннаго такими склонностями, каки„ми одаренъ человѣкъ, должно состоять въ томъ, чтобъ „оно въ поступкахъ своихъ сообразалось съ натураль„нымъ крайнимъ предѣломъ и пространствомъ сихъ „склонностей.„ По крайней мѣрѣ пусть служитъ сіе первымъ слабымъ начертаніемъ добродѣтели, или совершенства.

Равновѣсіе склонностей.

Но какъ въ душѣ нѣтъ никакой независимой склонности, нѣтъ такой страсти, которая состояла бы сама собою, безъ всякаго сношенія съ другими: слѣдовательно ни о какой склонности или страсти, разсматриваемой *особенно*, не можно сказать, что она *слишкомъ сильна* или *слаба*. Сила и надлежащая мѣра каждой страсти должны опредѣляемы быть не только по тому, что ея дѣйствованіе достигаетъ собственной своей непосредственной цѣли, но и по отношенію ея къ цѣлой системѣ склонностей. И такъ мы называемъ страсть слишкомъ сильною не только тогда, когда она дѣйствуетъ противно собственной своей цѣли, но и въ такомъ случаѣ, когда она уменьшаетъ силу другихъ страстей, столько же нужныхъ для составленія нрава сообразнаго нѣкоторой экономіи, или какому либо состоянію. Равнымъ образомъ, страсть называется слишкомъ слабою не только по тому, что она недостаточна къ достиженію цѣли своея, но и по тому, что не можетъ исполнять должности своей, или дѣла, сообразно потребности всея системы. Любовь къ жизни можетъ быть слишкомъ сильна, естьли уменьшаетъ уваженіе должное отечеству и не позволяетъ намъ подвергаться за оное опасностямъ, либо и самой смерти. Напротивъ того честолюбіе можетъ быть слишкомъ слабо, естьли испровергаетъ ограду служащую къ защищенію добродѣтели, или ослабляетъ пружины дѣятельности ея и усердія къ общему благу.

Предѣлы своеполезныхъ склонностей.

Естьли спросятъ: „до какого предѣла можно слѣдовать склонностямъ своимъ въ разсужденіи собственной пользы или собственнаго щастія?" то на сей вопросъ выше сего предложено уже ограниченіе каждой склонности особливо; а именно, что онѣ должны подчинены быть общей суммѣ блага всея системы своеполезныхъ склонностей. По чему, слѣдуя онымъ, всегда надлежитъ имѣть въ виду всѣ собственныя блага, какъ то: здравіе, доброе имя, имѣніе, свободу въ дѣлахъ, неослабленное употребленіе ума, спокойное наслажденіе себя. Но изъ помянутаго выше сего равновѣсія склонностей проис-

исходитъ еще новое ограниченіе, а именно: безопасность и благополучіе другихъ; или: „мы можемъ съ доброю „совѣстію слѣдовать своеполезной склонности, естьли „не нарушимъ тѣмъ обязанностей, происходящихъ изъ „вышшихъ нашихъ отношеній, или связей съ обществомъ.“ И такъ естьли мы въ семъ сообразаемся съ предѣлами, начертанными Натурою въ сердцѣ каждаго человѣка, то что можетъ удерживать стремленіе наше къ собственному благополучію? Развѣ Натура недоброжелательна и скупа? развѣ Богъ Натуры не позволяетъ тварямъ своимъ быть щастливыми?

Несогласія выгодъ.

Бываетъ ли когда либо въ самомъ дѣлѣ несогласіе въ выгодахъ между системами общеполезныхъ, или общественныхъ, и частныхъ, или своеполезныхъ, склонностей, или между цѣлями сихъ классовъ склонностей: о семъ будемъ разсуждать въ послѣдствіи. Но когда такого несогласія нѣтъ, въ семъ случаѣ не бываетъ и опасности преступить надлежащую мѣру въ слѣдованіи которымъ нибудь изъ сихъ склонностей, особливожъ общеполезнымъ, естьли только онѣ всегда бываютъ подчинены благоразумному и умѣренному *самолюбію* и тихому и обширному *человѣколюбію*; ибо сіи коренныя побужденія, какъ духи хранители, начальствуютъ въ обѣихъ системахъ.

Слѣдствіе.

Сіе есть дѣйствованіе страстей, какъ особенныхъ и одинакихъ силъ, изъ которыхъ каждая ведетъ насъ къ своей собственной цѣли. Сіе же самое есть и равновѣсіе или экономія ихъ, какъ сложныхъ, или такихъ силъ, которыя имѣютъ взаимное сношеніе между собою, стремятся совокупно къ достиженію одной общеполезной цѣли, и слѣдовательно составляютъ одну систему, или одно цѣлое.

Порядокъ между силами.

Но что производитъ или соблюдаетъ сіе равновѣсіе, и что въ составѣ натуры человѣческой служитъ къ управленію страстей, дабы онѣ не разрушали собственной своей цѣли или не дѣйствовали одна противъ другой, то должно быть коренною силою вышшей натуры, должно опредѣлять страстямъ различную мѣру ихъ, и утвер-

ждать ихЪ отношенія. Мы видѣли, что умЪ или разсудокЪ есть такая коренная сила, назначающая устремленіе страстямЪ нашимЪ, размѣряющая вліяніе ихЪ вЪ частное и общее благополучіе, и показывающая самые лучшіе способы кЪ достиженію и того и другаго. Также видѣли мы, что находится еще другая сила, названная совѣстію или нравственнымЪ чувствомЪ, которая по нѣкоей природной ей власти судитЪ склонности и дѣла, и признаетЪ нѣкоторыя правыми и добрыми, а другія неправыми и злыми. ИзЪ чего слѣдуетЪ, что страсти, будучи только побужденія или слѣпыя силы, суть коренныя силы нижшаго рода и подчинены сей судящей способности. И такЪ, естьли мы хотимЪ слѣдовать порядку Натуры, то есть наблюдать взаимныя отношенія и порядокЪ, вЪ какихЪ разныя части натуры человѣческой между собою находятся: то страсти должны покорены быть правленію и владычеству управляющихЪ или учреждающихЪ коренныхЪ силЪ.

ВЪ чемЪ онЪ состоитЪ.

ИзЪ сего заключенія выводимЪ мы слѣдующее основательное положеніе: „истинное „устройство или экономія человѣческой натуры состоитЪ вЪ правильномЪ покореніи страстей и „склонностей владычеству совѣсти и правленію ума.“

Экономія Натуры, или надлежащее состояніе души.

Сіе покореніе бываетЪ правильно, естьли соблюдено вышепомянутое отношеніе, а именно: естьли защитительныя страсти всегда бываютЪ соразмѣрны опасностямЪ нашимЪ; естьли своеполезныя страсти находятся вЪ надлежащемЪ отношеніи кЪ нашимЪ нуждамЪ; и естьли общественныя склонности учреждены сообразно общественнымЪ связямЪ нашимЪ, и нуждамЪ и опасностямЪ другихЪ. Сія послѣдняя статья выражена нѣсколько отлично отЪ двухЪ первыхЪ, для включенія вЪ нея весьма важнаго отношенію нашего кЪ великому Творцу Натуры и необходимыхЪ законовЪ должности, которою обязаны мы Существу высочайше совершенному и блаженному, не имѣющему никакихЪ нуждЪ, вЪ которыхЪ бы мы помогать ему могли, и не подверженному никакой возможной перемѣнѣ.

На-

Натуральное состояніе какого либо существа, или истинная экономія силъ его, называется *здравіемъ* и *совершенствомъ* онаго; а сообразное симъ свойствамъ поведеніе называется *добродѣтелію* его, или *добротою*. И такъ „нравственное здравіе и совершен„ство человѣческое должно основываться на помянутой „власти совѣсти и ума, и на покореніи страстей ихъ „владычеству и правленію; а добродѣтель, или добро„та человѣческая, должна состоять въ поведеніи сообраз„номъ сему порядку или устройству.“

Человѣческая добродѣтель и совершенство.

Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что такое состояніе души и такое дѣйствованіе силъ ея и страстей можетъ выдержать испытаніе ума. Ибо при безпристрастномъ разысканіи слѣдствій вещей, или отношеній и согласованія способовъ съ цѣлями, умъ ясно доказываетъ и опытъ подтверждаетъ, что „нѣтъ надежнѣйшаго пути къ избѣ„жанію угрожающихъ намъ опасностей, или къ избавле„нію себя отъ оныхъ, и къ пріобрѣтенію искомой на„ми безопасности, какъ соблюденіемъ защитительныхъ „страстей нашихъ въ надлежащемъ отношеніи къ симъ „опасностямъ.“ — „Соблюденіе своеполезныхъ стра„стей въ такомъ же отношеніи къ нуждамъ нашимъ есть „самое лучшее средство къ отвращенію сихъ нуждъ; — „а устроеніе общественныхъ склонностей сообразно об„щественнымъ нашимъ отношеніямъ и пользѣ другихъ, „есть самой вѣрнѣйшій способъ къ удовлетворенію онымъ „и къ произведенію сея.“ И такъ въ семъ смыслѣ можно сказать, что добродѣтель есть не иное что, какъ поведеніе сообразное уму; ибо въ такомъ порядкѣ и устроеніи силъ и страстей умъ находитъ неоспоримую удобность къ достиженію естественной ихъ цѣли.

Какъ они сообразны уму.

Естьлибъ понятіе *нравственной обязанности* выведено было только изъ сея удобности, или связи нѣкоторыхъ страстей, либо нѣкотораго порядка и равновѣсія страстей, съ нѣкоторыми цѣлями, достиженными уже посредствомъ оныхъ, или кото-

Связь склонностей съ цѣлями не есть понятіе нравст-

рыхъ

венной обязанности. рыхъ еще достичь надлежитъ: въ семъ случаѣ надлежалобы уму, или разсудку, примѣчающему сiю удобность или связь, быть судiею нравственной обязанности; и предположивъ сiе, можно бы сказать, что она есть связь склонности съ цѣлiю, или что все равно, дѣла съ побудительною причиною. Ибо цѣль есть *побудительная* или *конечная причина* (caussa finalis); а склонность есть дѣло, или по крайней мѣрѣ непосредственная и естественная причина онаго. Человѣкъ можетъ по одному только самолюбiю исполнять обязанность, основывающуюся на связи защитительныхъ страстей съ ихъ цѣлями, или своеполезныхъ страстей со своими цѣлями; ибо какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, собственная его выгода будетъ побуждать его слѣдовать онымъ въ потребной надлежащей мѣрѣ. Но естьли не имѣетъ онъ никакой склонности, которой цѣль была бы внѣ его; естьли не имѣетъ онъ никакого кореннаго побужденiя, кромѣ самолюбiя, или по крайней мѣрѣ нѣкоего тонкаго рода онаго: что заставитъ его заботиться о благополучiи другихъ въ такомъ случаѣ, когда онъ не находитъ никакой связи между симъ благополучiемъ и собственною своею выгодою? или можетъ ли онъ имѣть какое либо чувствованiе нравственной обязанности къ споспѣшествованiю оному? И такъ по сему плану безъ общеполезной и общественной склонности не возможно быть никакой побудительной причинѣ, слѣдовательно и никакой нравственной обязанности къ благодѣтельнымъ и безкорыстнымъ поступкамъ.

Но естьли бы одна только связь нѣкоторыхъ страстей или нѣкотораго порядка страстей съ нѣкоторыми цѣлями составляла нравственную обязанность, или производила въ насъ понятiе оной: для чего бы въ такомъ случаѣ и удобности всякаго нрава или образа жизни, и даже всѣмъ частямъ состава побужденiй, могущимъ достигать своея цѣли, не производить столь же точной нравственной обязанности? Ибо связь и способность въ семъ случаѣ толь же сильны и непремѣнны, какъ и въономъ. Но принимая сiе, мы смѣшивали бы самыя очевид-

видныя различія вещей; и по тому надлежитъ намъ искать понятія нравственной обязанности въ другомъ и естественнѣйшемъ источникѣ.

Понятіе оной изъ опыта.

И такъ спросимъ у внутренняго нашего чувствованія и опыта: „какъ трогаютъ „насъ разныя страсти, въ надлежащей мѣрѣ „и равновѣсіи которыхъ долженъ состоять „правильный нравъ?" Ибо сіе есть дѣло одного только опыта, при которомъ, равно какъ и при всякой задачѣ касающейся до Натуры, надлежитъ изслѣдовать: „какія „суть собственныя чувствованія и дѣйствія Натуры, „и какія обстоятельства или признаки оныхъ находимъ „мы во всякомъ предлежащемъ намъ случаѣ?"

Для чего защитительныя страсти одобряемы.

Защитительныя страсти, какъ то гнѣвъ или страхъ, причиняютъ намъ болѣе неудовольствія, нежели удовольствія; однакожъ мы не можемъ удержаться отъ ощущенія ихъ, когда бываемъ обижены или имѣемъ причину опасаться непріятности. Тварь не имѣющая сихъ чувствованій почитается несовершенною, по тому, что они нужны ей для защищенія себя. Въ самихъ насъ надлежитъ нѣкоторымъ образомъ порочить недостатокъ чувствительности и заботливости въ потребной степени. Но естьли чувствительность наша преступаетъ претерпѣнную обиду, или заботливость то зло, котораго мы опасаемся: то мы порочимъ сію чрезмѣрность. Подвержены будучи опасностямъ, совсѣмъ не чувствовать оныхъ, почитаемъ достойнымъ хулы недостаткомъ, а чувствованіе оныхъ въ надлежащей, то есть въ потребной, мѣрѣ, одобряемъ, какъ нѣчто сообразное Натурѣ и состоянію такого существа, каковъ человѣкъ. Но естьли и по достиженіи безопасности мы продолжаемъ еще предаваться симъ страстямъ: сіе не только охуждается по тому, что онѣ вредны, но и порочится по тому, что онѣ противны мужеству, неблагородны и подлы; и такія поступки не доставляютъ намъ радости, не доставляютъ внутренняго одобренія, когда разсматриваемъ оныя съ хладнокровіемъ.

Ка-

Для чего одобряемы своеполезныя страсти.

Касательно своеполезныхъ страстей, какъ то любви къ жизни, къ удовольствію, къ покою, и пр., не имѣть оныхъ, почитаемъ за недостатокъ и даже за порокъ. По тому хулимъ мы такого человѣка, который безразсудно расточаетъ свое имѣніе, разслабляетъ свое здравіе, или подвергаетъ жизнь свою опасности. Мы не только жалѣемъ объ немъ, какъ о нещастномъ; но и чувствуемъ нѣкоторое нравственное негодованіе или презрѣніе къ нему за то, что онъ самъ себя нещастнымъ сдѣлалъ. Хотяжъ съ другой стороны благоразумное самолюбіе не доставляетъ намъ почтенія; однако мы уважаемъ оное въ нѣкоторой степени, и сіе уваженіе выше того, какое имѣемъ къ машинѣ хорошо изобрѣтенной, и различно съ онымъ: ибо такое самолюбіе есть какъ бы часть совершеннаго существа, принадлежитъ къ полнотѣ добродѣтельнаго характера, и весьма соразмѣрно нынѣшнему нашему состоянію, толикимъ нуждамъ подверженному. Находятся страсти касающіяся до частнаго блага, которыя уважаемъ мы еще въ вышшей степени, напр. любовь къ знанію, къ дѣятельности, къ чести, и пр. Мы почитаемъ оныя признаками благородно мыслящаго духа, и въ комъ ихъ недостаетъ, того необходимо должны бываемъ почитать весьма слабоумнымъ и въ нѣкоторой степени подлымъ.

Для чего одобряемы общеполезныя страсти.

Что касается до общественныхъ склонностей, какъ то сожалѣнія, любви къ родственникамъ, дружбы, человѣколюбія, и пр.: мы одобряемъ оныя, удивляемся имъ и любимъ ихъ, какъ въ самихъ себѣ, такъ и во всякомъ, въ комъ ихъ находимъ, съ уваженіемъ, которое хотя не различно отъ уваженія другихъ страстей, но степенію гораздо выше онаго. Своеполезныя страсти почитаемъ мы нужными, благородными, пристойными составу и состоянію нашей натуры, и называемъ существо не имѣющее ихъ недостаточнымъ, подлымъ, уродомъ. Но общеполезныя склонности почитаемъ естественно изящными, первоначальными и вѣч-

вѣчно любви достойными склонностями. Мы одобряемъ и хвалимъ самихъ себя тѣмъ паче, чѣмъ болѣе онымъ предаемся, и кто также сіе дѣлаетъ, того почитаемъ достойнымъ нашего уваженія и дружбы.

Различіе между сильными и тихими страстями.

Между общественными склонностями находится примѣтное и постоянное различіе; а именно: нѣкоторыя особенныя страсти побуждаютъ насъ сильными порывами и съ нѣкакимъ непріятнымъ чувствованіемъ домогаться выгоды ихъ предметовъ, какъ то сожалѣніе, любовь къ дѣтямъ нашимъ, и пр.; напротивъ того другія склонности и желанія тихо и спокойно побуждаютъ насъ въ равной степени и еще неперемѣнчивѣе, споспѣшествовать благополучію другихъ. Первыя вообще называемъ мы *страстями* для различенія ихъ отъ вторыхъ, которыя обыкновенно называются *склонностями* (аффектами), или *тихими желаніями.* Мы одобряемъ первыя и находимъ въ нихъ удовольствіе; но при вторыхъ, и при всѣхъ ограниченіяхъ особенныхъ натуральныхъ побужденій, по коренному побужденію всеобщаго человѣколюбія чувствуемъ одобреніе и нравственное внутреннее удовольствіе въ вышшей степени. Чѣмъ болѣе предметовъ тихія склонности обемлютъ, и чѣмъ оныя благороднѣе, тѣмъ паче возвышается достоинство ихъ, и купно тѣмъ паче собственное наше одобреніе увеличивается. Напротивъ того сердце не имѣющее сихъ общеполезныхъ склонностей и не чувствующее любви къ другимъ людямъ, но наполненное коварствомъ, враждою и злобою, почитаемъ совершенно подлымъ и ненатуральнымъ.

Таковы суть ощущаемыя нами чувствованія и склонности, когда различные классы страстей представляются зрѣнію разума.

Нравственная обязанность.

По сему „то состояніе, въ которомъ „мы чувствуемъ себя побуждаемыхъ къ симъ „склонностямъ и страстямъ, такъ какъ онѣ „представляются разсматриванію души, и въ „которомъ мгновенно и независимо отъ выбора нашего „или дѣятельности воли влекомы бываемъ къ согласнымъ

„съ

„съ оными поступкамъ, называется состоянїемъ (*нрав-*
„*ственной обязанности.*" Положимъ, напр., что отецъ, другъ, или благодѣтель нашъ впалъ въ нещастїе крайней нищеты, и что въ нашей власти состоитъ подать ему непосредственную помощь. Какъ поступить мы обязаны? Какую должность въ семъ случаѣ Натура намъ предписываетъ, и чего она отъ насъ требуетъ? Вонмемъ Натурѣ; и Натура скажетъ внятнымъ сердцу человѣческому и повелительнымъ гласомъ, котораго никто не унизивъ себя заглушить, и никто безъ собственной своей опасности пренебречь не можетъ, — она скажетъ намъ: „*должно* немедленно подать помощь." Положимъ еще, что другъ нашъ, сосѣдъ, или и посторонній человѣкъ, ввѣрилъ намъ свое имущество на сохраненїе, и чрезъ нѣсколько времени требуетъ онаго обратно. Въ семъ случаѣ, какъ скоро произойдутъ въ насъ понятїя *довѣренности* намъ оказанной, *собственности*, не *уступленной*, но только *на сохраненїе порученной*, немедленно и непремѣнно почувствуемъ и признаемъ обязанность возвратить оную. Въ обоихъ сихъ случаяхъ мы бы возненавидѣли сами себя, и стыдились бы самихъ себя, естьлибъ поступили иначе: по тому, что мы сдѣлали бы то, чего не должно, или не сдѣлали бы того, что должно; поступили бы несообразно достоинству Натуры нашей, противно внутреннему чувствованїю правды и неправды; — мы обвинили бы самихъ себя въ неблагодарности, несправедливости и безчеловѣчїи, и чувствовали бы, что заслуживаемъ отъ всѣхъ умныхъ существъ опороченїе, а по тому имѣемъ причину опасаться ихъ мщенїя. — Но естьли мы покоряемся обязанности и исполняемъ оную: то ощущаемъ радость и внутреннее одобренїе; чувствуемъ ненарушенное согласованїе Натуры нашей съ нашею должностїю, и думаемъ имѣть право на похвалу отъ всякаго безпристрастнаго свидѣтеля поступокъ нашихъ.

Нравственная обязанность.

И такъ, естьли не можемъ опредѣлить состоянїя нравственной обязанности, то опишемъ оное слѣдующими словами: оно есть „то состоянїе, въ которомъ существо ода-

„рен-

„ренное такими чувствованіями, силами и склонностя-„ми, какъ человѣкъ, опорочивало бы само себя и по-„читало бы себя заслуживающимъ опороченіе отъ дру-„гихъ, естьлибъ не удовлетворяло оному; а удовлетво-„ряя оному, одобряло бы само поступки свои, и ожи-„дало бы одобренія отъ всѣхъ другихъ.“

Существо нравственно поступающее.

И такъ по опредѣленію нашему, существо находящееся въ такомъ состояніи, или имѣющее нравственную обязанность, есть существо *нравственно поступающее*. Натуральное качество и связи человѣческія часто приводятъ человѣка въ такое состояніе нравственной обязанности: по чему заключаемъ, что онъ есть существо нравственно поступающее. Но понеже человѣкъ можетъ иногда дѣлать что либо, не зная что онъ дѣлаетъ, какъ то бываетъ въ сумасшествіи, въ горячкѣ, и во многихъ иныхъ натуральныхъ случаяхъ; или понеже онъ можетъ дѣлать что либо хотя и зная что дѣлаетъ, но безъ выбора или склонности, какъ то въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимости или принужденія: слѣдовательно дѣло называемое *нравственнымъ*, то есть похвальнымъ или порочнымъ, должно быть сдѣлано со знаніемъ и по волѣ, или по склонности и выбору. И такъ „*нравственно доброе дѣло* есть то, когда мы исполняемъ со знаніемъ и по волѣ какую либо нравственную обязанность;“ а „*нравственно худое* или „*злое* дѣло есть то, когда мы какую либо нравственную „обязанность со знаніемъ и по волѣ нарушаемъ.“ Краткость, предположенная нами себѣ за правило при семъ изслѣдованіи, не позволяетъ намъ вступать въ мѣлчайшія различенія дѣлъ.

Нравственно добрыя и худыя дѣла.

Нравственный характеръ, или добрый и злой нравъ.

Не одно дѣло, но цѣлый рядъ дѣлъ составляетъ *характеръ*; не одна склонность, но цѣлый рядъ склонностей составляетъ *нравъ*; и мы даемъ наименованія вещамъ по большему множеству свойствъ, или по тѣмъ свойствамъ, которыя оказываются въ нихъ болѣе прочихъ: по чему „*нравственно добрымъ характе-*

„*ромъ*

„*ромъ* называемъ мы тотъ характеръ, въ которомъ „оказывается рядъ нравственно добрыхъ дѣлъ;" а „*добрымъ нравомъ* тотъ нравъ, въ которомъ рядъ нравственно добрыхъ склонностей и дѣлъ имѣетъ перевѣсъ." Злой характеръ и злой нравъ суть противное тому. При наблюденіи вышепомянутаго порядка или умѣренія страстей, рядъ нравственно добрыхъ склонностей и дѣлъ получаетъ перевѣсъ. Слѣдовательно „только тотъ имѣетъ „добрый нравъ, кто наблюдаетъ сей порядокъ и сіе умѣ„реніе." А „добрый нравъ состоитъ въ нравственной „правильности, праводѣтельности, добродѣтели, или „или въ исполненіи должности."

Какъ мы получаемъ понятіе нравственной обязанности.

Естьли послѣ сего спросятъ еще: „какъ „мы получаемъ понятіе нравственной обя„занности или должности?" то можно отвѣчать, что получаемъ оное такимъ же образомъ, какъ и другія первоначальныя и основательныя понятія. Мы получаемъ ихъ всѣ отъ Натуры, или отъ великаго Творца Натуры. Ибо сіе понятіе нравственной обязанности не есть произведеніе разума, и не зависитъ отъ какого либо предварительнаго дѣйствія воли; но оно происходитъ при нѣкоторыхъ случаяхъ, или когда нѣкоторыя другія понятія представляются душѣ, толь же необходимо, мгновенно и непремѣнно, какъ происходитъ боль когда мы приближаемся къ огню, или какъ удовольствіе происходитъ при наслажденіи какого либо блага. Напр. не зависитъ отъ выбора нашего, почувствовать ли намъ обязанность помочь отцу въ нуждѣ, или возвратить ввѣренное намъ имѣніе, когда его потребуютъ. Не возможно назвать сего сложною идеею, выведенною изъ простой или изъ нѣсколька простыхъ идей. Правда, мы можемъ, да и должны имѣть при томъ предварительно нѣкоторыя идеи, напр. идею *отца* — *въ нуждѣ* — *сына* — *могущаго помочь*; — идею *отношенія одного человѣка къ другому*, — *имѣнія ввѣреннаго намъ*, — *права*, и пр. Однако ни которая изъ сихъ идей не составляетъ еще въ насъ понятія обязанности. Сіе понятіе совсѣмъ различно отъ идей взаимнаго отношенія въ обоихъ случаяхъ,

чаяхъ, и содержитъ въ себѣ еще нѣчто болѣе. Хотя сіе отношеніе, по закону натуры нашей, бываетъ поводомъ къ оному понятію, но только же съ нимъ различно, какъ цвѣты съ тонами. Посредствомъ внутренняго ощущенія мы познаемъ сіе отношеніе; память представляетъ намъ благодѣянія полученныя нами отъ отца, или ввѣреніе намъ имѣнія; многоразличныя обстоятельства въ семъ случаѣ суть событія и утверждаются на опытѣ. Однакожъ нѣжная внутренняя пружина, или сила, или какъ бы мы то ни назвали, дѣйствуетъ, по нѣкоторой мгновенной симпатіи, прежде разсужденія ума, и безъ предварительнаго наученія, безъ искусства нашего и безъ вознамѣренія, познаетъ нравственную гармонію, живыя, непреодолимыя влеченія нравственной обязанности, которая непосредственно трогаетъ согласующіяся съ нею страсти, и заставляетъ насъ исполнять свои повелѣнія.

Употребленіе ума во нравственныхъ случаяхъ.

Мы не имѣемъ причины ни мало опасаться скорости ея рѣшеній и ужасаться оной; ибо она подобна натуральному побужденію, или инстинкту, по чему и называется симъ именемъ. Одобрили ли бы мы то, естьлибъ кто сталъ долго разсуждать, или взялъ себѣ время на размышленіе, подать ли помощь нещастному отцу, накормить ли голоднаго сосѣда, или возвратить ли ввѣренное ему имѣніе? Не получили ли бы мы подозрѣнія, что подъ симъ умствованіемъ кроется обманъ, или что разсуждающій имѣетъ весьма слабую склонность къ добродѣтели? Мы употребляемъ умъ, и употребляемъ его весьма благородно, изслѣдуя состояніе, отношенія и другія обстоятельства дѣйствующаго или страждущаго существа, или тѣхъ, съ кѣмъ то либо другое въ связи находится, или другими словами сказать, изслѣдуя качество дѣла; и въ запутанныхъ случаяхъ, при многоразличности обстоятельствъ, потребно немало вниманія для того, чтобъ усмотрѣть истинное качество дѣла. Но естьли отношенія дѣйствующаго либо страждущаго существа и обстоятельства дѣла очевидны, или посредствомъ тщательнаго изслѣдо-

ванія усмотрѣны: то едва ли бы мы одобрили того, кто бы сталъ роптать на то, что онъ обязанъ поступить по требованію случая. Положимъ, что кто либо ввѣривши намъ шпагу на сохраненіе, пришелъ бы требовать ее обратно, но при такихъ обстоятельствахъ, которыя подавали бы намъ достаточную причину думать, что онъ употребитъ ее во вредъ либо другимъ, либо самому себѣ, какъ то въ сумасшествіи или въ меланхоліи. Въ семъ случаѣ уму и осторожности надлежитъ разсудить съ хладнокровіемъ о всякомъ обстоятельствѣ, о состояніи требующаго, о слѣдствіяхъ выдачи ввѣреннаго, и пр.; и при такомъ подозрѣніи, мы не опорочили бы того, кто не возвратилъ бы ввѣреннаго. Но естьлибъ ввѣрившій образумился, и обязанность возвращенія не была бы подвержена сомнѣнію: то нехотящаго исполнить оную мы по справедливости подозрѣвали бы въ порочномъ поступкѣ или обманѣ.

Разсмотрѣніе инстинкта.

Что касается до возраженія противъ сего первоначальнаго понятія нравственной обязанности, какъ противъ инстинкта, или необходимаго устремленія, или назначенія (determinatio) натуры нашей: на оное можно отвѣтствовать слѣдующее. Понятія назначенія ума не равно ли необходимы? Не должны ли мы необходимо соглашаться на всякое непосредственное понятіе, или на всякое такое разсужденіе, какъ скоро усматриваемъ сходство или разность сравниваемыхъ нами идей? Принимаютъ инстинктъ за нѣчто сопряженное только съ тѣлеснымъ ощущеніемъ и желаніемъ; за такое чувство, или за такое побужденіе, которое свойственно только животному, и въ которомъ душа или вышшія силы наши участія не имѣютъ. Но уменьшаетъ ли то цѣну нравственной силы ощущенія, или нравственнаго назначенія, что оно соплетено съ собственнымъ устроеніемъ и положеніемъ натуры нашей, что оно мгновенно, въ дѣйствіяхъ своихъ, или въ сужденіи, единообразно, и всегда само себѣ равно? Для чего почитать такой божественый инстинктъ не столь умнымъ, и не столь сообразнымъ достоинству души нашей, какъ тѣ непосредственныя понятія, которыя зани-

занимаются отвлеченными истинами, и которыя необходимо и мгновенно происходятъ изъ представляющихся намъ всегда отношеній вещей? И когда умъ при всей своей проницательности можетъ ошибаться, и въ самомъ дѣлѣ весьма часто ошибается: для чего жъ почитать другую какую либо силу ощущенія неподверженною ошибкамъ, или отвергать ее какъ свойственную только животнымъ и неумную, естьли она не такова?

Удовольствіе также не есть понятіе обязанности.

Изъ сказаннаго нами явно, что не удовольствіе и пріятныя чувствованія, сопровождающія изъявленіе разныхъ склонностей, также и не удовольствіе или пріятныя чувствованія, послѣдующія за дѣлами, составляютъ нравственную обязанность, или возбуждаютъ въ насъ чувствованіе оной. Сіе удовольствіе есть нѣчто послѣдующее уже за понятіемъ обязанности. Часто бываемъ мы обязаны къ склонностямъ и дѣламъ, сопряженнымъ даже съ прискорбіемъ, и сами познаемъ, что имѣемъ сію обязанность: какъ то въ испытаніяхъ добродѣтели, въ которыхъ мы должны бываемъ жертвовать собственнымъ благомъ общему, или настоящимъ удовольствіемъ будущей выгодѣ. Услуживая престарелому отцу, ощущаемъ удовольствіе; однакожъ не мысль о семъ удовольствіи и не надежда онаго возбуждаетъ въ насъ понятіе обязанности къ симъ услугамъ.

И такъ употребляя слова *обязанность*, *должность*, *должно*, и пр., принимаемъ ихъ за простое понятіе, за нѣкое первоначальное, несоставное чувствованіе, или за такоежъ точно представленіе души, какъ и всякое другое понятіе, и которое, равно какъ и всякое другое понятіе опредѣлено быть не можетъ. Сіе чувствованіе есть не произведеніе разума, но лучь непосредственно истекающій отъ Отца свѣта, истинное и величественное знаменіе руки Его, напечатлѣвшей въ душѣ всякую живую и первоначальную силу, или иначе сказать, уставившей сіи законы чувствованія, по которымъ нравственные виды привлекаютъ и плѣняютъ насъ съ непреодолимою силою.

Но какъ остроумные люди ученою своею тонкостію ввели въ дѣло толь ясное и легкое удивительныя затрудненія: то мы разсмотримъ нѣсколько подробнѣе нѣкоторыя остроумныя теоріи, которыми Нравоучители доказывали и объясняли нравственную обязанность.

Глава III.

Разныя мнѣнія о нравственной обязанности.

По предложенному нами предварительно введенію теперь можемъ мы удобнѣе судить о разныхъ ипотезахъ, изобрѣтенныхъ для доказанія основанія нравственной обязанности.

Система Гоббесова.

Гоббесъ, видѣвшій людей во всемъ неустройствѣ и во всемъ бѣдствіи междуусобной войны, разсматривалъ натуру нашу, кажется, съ весьма малой и тѣсной стороны и по тому представилъ ее въ весьма ненавистномъ и непріятномъ видѣ. Кромѣ старанія о сохраненіи себя, онъ полагаетъ владычествующими страстями въ человѣкѣ *любовь къ славѣ и ко власти*; и посредствомъ произвольной, ненатуральной и недоказанной ипотезы, противной общему опыту и общему употребленію словъ, старается вывести изъ сихъ страстей всѣ прочія страсти, которыя воспламеняютъ души и имѣютъ вліяніе во нравы человѣческіе. Всѣ люди, говоритъ онъ, по натурѣ своей равны; а сіе, по собственному его толкованію, значитъ не иное что, какъ то: что самый слабый можетъ столько же вреда сдѣлать, какъ и самый сильный; что всѣ ищутъ одинакихъ вещей, всѣ имѣютъ равное право на оныя, и всякой желаетъ превзойти другаго властію и честію. Но какъ не возможно всѣмъ имѣть одно и то же самое благо, или всѣмъ достичь великаго преимущества во власти и чести: то надлежитъ происходить изъ сего междуусобнымъ спорамъ, и натуральной склонности нападать на собственность другаго, унижать власть и достоинство другаго до равнаго со своимъ состоянія, либо возвышаться самому, и защищать

щать себя отъ нападеній другихъ (*). Сіе состояніе вещей, по которому всякой человѣкъ, имѣя право на всякую вещь, равнымъ образомъ имѣетъ и право отнимать выгоды у своего сосѣда силою или хитростію, — сіе состояніе, говоритъ онъ, естественно должно вести за собою состояніе войны и междуусобнаго кровопролитія. Въ такомъ состояніи, присовокупляетъ онъ, не можно ничего назвать несправедливымъ или неправымъ; ибо кто имѣетъ право на цѣль, тотъ имѣетъ право и на частныя средства къ достиженію оной; а сіи средства, по мнѣнію его, суть сила, либо хитрость. Онъ называетъ сіе состояніе натуральнымъ. — Но какъ люди, продолжаетъ нашъ Философъ, усмотрѣли, что такое состояніе ведетъ къ собственной ихъ погибели, то согласились между собою поручить неограниченныя особенныя свои права большей части, либо выбраннымъ большею частію, и покоряться впредь общимъ законамъ, или общимъ судіямъ и правителямъ. Въ слѣдствіе сего порученія и сего взаимнаго договора или согласія, они защищаемы бываютъ отъ взаимныхъ враждебныхъ нападеній, и принуждены или обязаны къ добрымъ и мирнымъ поступкамъ: почему уже несправедливо, или неправо (или, какъ Гоббесъ думаетъ, противно безопасности и благоразумію) поступать враждебно съ другимъ, или наносить ему обиду въ правахъ его. Ибо сіе было бы противно договору и нарушеніе обѣщанія и вѣрности. И такъ, понеже прежде договора не могло быть несправедливости, то сей договоръ, и одинъ только онъ, долженъ быть началомъ справедливости, основаніемъ должности и нравственной обязанности. — Вотъ система нашего остроумнаго Философа.

Но можно спросить у него: какую обязанность имѣетъ человѣкъ къ соблюденію своего обѣщанія, или къ исполненію договора, естьли нѣтъ никакой иной обязанности, никакого нравственнаго союза, кромѣ сего обѣщанія и договора, естьли нѣтъ должности, не зави-

(*) Vid. Hobbes de Cive, Cap. I. II. et Leviathan. Cap. XVIII. etc.

сящей отъ оныхъ и бывшей еще прежде ихъ. Естьли нѣтъ иныхъ обязанностей: то сіи суть весьма слабыя узы, и люди остаются еще столь же вольными и безсоюзными, какъ были прежде своего условія, и каковы только могутъ быть дикіе и волки. Но ежели есть явная и предварительная обязанность къ вѣрности, честности и уваженію обѣщаній нашихъ: то право и неправость, справедливость и несправедливость, бываютъ прежде договора. — Можетъ быть Гоббесъ хочетъ сказать только то, что необходимость въ предлежащемъ случаѣ, или смотрѣніе на собственную свою безопасность, содержащуюся въ общей безопасности, обязываетъ насъ исполнять свои обѣщанія. Мы можемъ быть принуждаемы и за преступленіе вѣрности и вѣры наказываемы тѣми, кому поручаемъ свои права. Власть или превосходная сила большаго множества, могущаго наказывать упорныхъ, безспорно есть истинный источникъ его обязанности, а самолюбіе одно только судія и мѣра оной, естьлибъ онъ хотѣлъ говорить откровенно. Но при такомъ положеніи, какую бы обязанность человѣкъ имѣлъ къ благодарности, къ милосердію, къ дружбѣ, и ко всѣмъ должностямъ человѣчества, не подлежащимъ свѣдѣнію или наказанію законовъ? какая была бы обязанность къ наблюденію истины, къ правдивости, и вѣрности въ частной жизни, естьлибъ человѣкъ безъ наказанія могъ быть злодѣемъ? Система освобождающая насъ отъ такихъ обязанностей и заводящая въ такія нелѣпости, должна сама быть какъ нелѣпа, такъ и безбожна. Натуральное состояніе, въ какомъ она за основаніе принимаема, есть произведеніе мозга, мечта, о которой мы по качеству и натурѣ человѣка, по возрастенію семействъ, по происхожденію обществъ или поколѣній, не имѣемъ причины думать, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ когда либо существовала. А по тому и все зданіе, утвержденное на семъ основаніи, есть вымыслъ и мечта. Гоббесъ рѣшительно полагалъ, что всѣ люди злодѣи либо дураки, и хотѣлъ составить систему правленія, которая была бы весьма пріятна испорченному вкусу правителей и образу мыслей роскошнаго

наго Двора, — систему вымышленную только для того, чтобъ небольшое число людей сдѣлать тираннами, а всѣхъ прочихъ невольниками. Онъ размѣрялъ добродѣтель по одной только пользѣ. А какъ онъ выдаетъ себя первымъ изобрѣтателемъ сея связи, и поставляетъ ее истинною причиною исполненія праводѣтельности: то кажется, что онъ либо не зналъ, либо не хотѣлъ признавать истиннаго существа оной и связи ея съ собственнымъ нашимъ совершенствомъ и блаженствомъ.

Система согласованія съ божественною волею.

Другіе основываютъ Нравоученіе на *волѣ* или *повелѣніи Божества* въ точномъ смыслѣ, и согласованіе съ сею волею или повелѣніемъ называютъ *добродѣтелію*. При всякой обязанности, говорятъ они, предполагается существо, *обязывающее* насъ, или имѣющее право повелѣвать, и могущее повинующихся награждать, а неповинующихся наказывать. Такое существо не можетъ быть никто, кромѣ Творца нашего. И такъ воля его есть законъ, которому повиноваться мы обязаны. Она только одна достаточна къ принужденію и обязанію такихъ несовершенныхъ и развращенныхъ тварей, каковы мы; ибо чувствованіе красоты и изящности въ добродѣтели трогаетъ насъ слабо, а напротивъ того гораздо удобнѣе предаемся мы владычеству страсти или надежды какой либо выгоды.

Что добродѣтель, или управленіе страстей, описанное выше сего, согласно съ волею Божіею, сіе очевидно; ибо сіе управленіе, или такая система должности, опредѣлена для насъ внутреннимъ нашимъ устроеніемъ, и самое сіе внутреннее устроеніе есть дѣйствіе воли или повелѣнія Божія. А по тому, что внутреннему нашему устроенію сообразно, или согласно съ онымъ, то равнымъ образомъ должно быть сообразно волѣ Божіей и согласно съ оною. Всѣ указанія или постановленія должности, открываемыя или представляемыя намъ качествомъ натуры нашей, суть указанія или постановленія воли Творца нашего, и могутъ признаваемы быть за то. Естьли сіи указанія по невниманію нашему къ нимъ, или по злоупотребленію натуры нашей, недо-

 спа-

статочны къ открытію намъ повиновенія волѣ Божіей; или естьли сіи постановленія по человѣческой слабости и безбожію недостаточны къ утвержденію насъ въ семъ повиновеніи, и Божеству угодно бываетъ присовокупить къ онымъ новыя указанія, или новыя постановленія: то не можно принять, да и защитники сея системы не принимаютъ, чтобъ сіи присовокупленныя указанія или положенія производили какую либо новую должность, или новую нравственную обязанность. Они сообщаютъ только новое и яснѣйшее открытіе должности нашей, или новую побудительную причину къ исполненію должности и къ удовлетворенію обязанности, которую мы и прежде уже имѣли, для нашей пользы. Что касается до существа обязанности, то все равно, какимъ бы образомъ воля Творца нашего ни была намъ открыта или внушена, письменно ли или изустно, или нѣкоторыми внутренними указаніями и опредѣленіями самой души нашей. Когда мы примемъ, что воля Божія какимъ либо образомъ намъ открыта, то естественно представится намъ первой вопросъ: „Для чего обязаны „мы повиноваться волѣ Божіей?" Естьли будемъ отвѣтствовать на сей вопросъ, что Богъ есть Господь нашъ, и можетъ за повиновеніе насъ награждать, а за упорство наказывать: то обязанность въ разсужденіи сего основывается только на нашей выгодѣ. Естьли скажемъ: Онъ есть Творецъ и благодѣтель нашъ; а мы должны Творцу нашему повиноваться и быть благодарными къ благодѣтелю: то основываемъ обязанность на внутреннемъ чувствѣ, или на ощущеніи того, что съ нашей стороны надлежитъ Творцу повиновеніе, а благодѣтелю благодарность. На какомъ иномъ основаніи, кромѣ сего, можно утвердить сіи отношенія, и сіе повиновеніе, сію благодарность, естьли не обратимся къ помянутой собственной пользѣ? Естьли нравственное чувствованіе и склонности Натуры нашей почитаемы слабымъ основаніемъ должности и нравственной обязанности, по тому, что они явно недостаточны заставлять или паче принуждать людей къ исполненію должности: то не можно ли сдѣлать сего же самаго возраженія и противъ сея послѣд-

слѣдней системы? ибо всѣ открытія и постановленія воли Божіей понынѣ никогда еще не имѣли надлежащаго своего дѣйствія, и не производили совершеннаго и всеобщаго исправленія.

Нѣкоторые, говоря о волѣ Божіей, какъ о правилѣ должности, вѣрно разумѣютъ подъ тѣмъ не слѣпое произвольное побужденіе къ дѣлу, но побужденіе управляемое умомъ, и обладаемое мудростію, или смотрѣніемъ на нѣкоторыя цѣли преимущественно предъ другими. Естьли мы не примемъ начала въ Божествѣ, подобнаго нашему чувству обязанности, предварительнаго устремленія или побужденія существа его къ предпочтенію нѣкоторыхъ цѣлей другимъ: то не можемъ представить достаточной или только возможной причины, для чего бы оно хотѣло одного лучше, нежели другаго, или для чего бы вообще имѣло свободный выборъ. И такъ основаніе выбора его или воли должно быть основаніемъ обязанности, а не самый выборъ или самая воля. — Сіе подтверждаемо и тѣмъ извѣстнымъ различіемъ, которое Богословы и Философы полагаютъ между *нравственными* и *откровеніемъ показанными* заповѣдями и должностями. Первыя почитаются обязательными безъ отношенія къ волѣ, или по крайней мѣрѣ къ извѣщенію оной; а вторыя почитаются обязательными только въ слѣдствіе точнаго повелѣнія Божія. Но на чемъ можетъ основываться сіе различіе, естьли всякая должность и обязанность одинакимъ образомъ есть только слѣдствіе воли?

Система истины Натуры и причинъ вещей.

Другіе Философы, еще глубокомысленнѣйшіе, старались утвердить ученіе о добродѣтели или нравственности на глубочайшемъ и на пространнѣйшемъ и твердѣйшемъ основаніи, а именно: на самой *Натурѣ* и *причинахъ*, на *истинѣ* и *свойственныхъ опредѣленіяхъ вещей*. Чувства и склонности, говорятъ они, ненадежны и непостоянны; да хотя бы они и не таковы были, однакожъ они суть неумныя основанія дѣлъ, а по тому и неспособны служить основаніемъ вѣчнымъ и непремѣннымъ обязанностямъ нравственности. Въ слѣдствіе того сіи Философы говорятъ многое объ отвлеченныхъ

ныхъ натурахъ и причинахъ вещей, о вѣчныхъ различіяхъ, о непремѣнныхъ отношеніяхъ, о пристойностяхъ и непристойностяхъ, проистекающихъ изъ сихъ отношеній. Изъ сихъ вѣчныхъ причинъ, различій, отношеній и проистекающихъ изъ оныхъ пристойностей, происходитъ, по ихъ мнѣнію, нравственная обязанность. Поведеніе сообразное онымъ, или иными словами сказать, „согласіе *съ истиною*, называютъ они *добродѣтелію*, а „противное тому *порокомъ* (*).“

Мы познаемъ натуры вещей посредствомъ разныхъ орудій ощущенія, или чувствъ. По ощущеніи оныхъ, умъ нашъ дѣйствуетъ надъ ними, ищетъ находящихся между ими отношеній, или изслѣдуетъ: что истинно и что ложно; что можно утверждать объ нихъ или отрицать. Такимъ образомъ посредствомъ чувства или опыта познаемъ существо или характеръ благодѣтеля и получающаго благодѣяніе. Когдажъ сравниваемъ сіи два понятія, происходитъ въ насъ третіе понятіе, называемое отношеніемъ между благодѣтелемъ и получающимъ благодѣяніе. Равнымъ образомъ познаемъ и основаніе сего отношенія, — оказанное и полученное благодѣяніе. Но составляетъ ли которое либо изъ сихъ понятій то, что мы разумѣемъ подъ нравственною должностію или обязанностію, понятіе благодарности, надлежащей благодѣтелю со стороны того, кому благодѣяніе оказано? Сіе есть ясное ощущеніе, удобно ощутительное чувству, но не происходящее изъ умозаключеній. Положимъ, что благодѣтель посаженъ за небольшой долгъ подъ стражу, а получившій отъ него благодѣяніе богатъ. Въ семъ случаѣ умъ скажетъ послѣднему, что небольшая часть его богатства, употреблена будучи въ пользу перваго, приведетъ его въ лучшее состояніе. Но умъ, одинъ только умъ, безъ малѣйшей степени склонности, побудитъ ли его къ такому доброму употребленію имѣнія? Или представленіе отношенія его къ своему благодѣтелю и

(*) См. сочиненія Д. Кларка, Вуластона, и другихъ славныхъ писателей.

и полученнаго благодѣянія побудитъ ли его къ одобренію такого поступка, естьли не предположимъ нѣкотораго ощущенія или чувства, совершенно различнаго съ симъ представленіемъ, или пріобщающимся къ оному отношеніемъ, и съ основаніемъ сего отношенія? По сему, усматривая всѣ возможныя причины, отношенія и различія вещей, можно бы намъ оставаться равнодушными къ поступкамъ, естьлибъ не имѣли мы нѣкоего чувствованія, или нѣкоей склонности, по которой мы нѣкоторыя поступки одобряемъ и любимъ, а другія охуждаемъ и ненавидимъ. Умъ можетъ усматривать сообразность съ какою либо цѣлію, или пристойность; но безъ чувствованія или склонности не можемъ мы предпоставить себѣ никакой цѣли, не можемъ вообразить никакой побудительной причины къ дѣятельности. — И такъ, прежде, нежели будемъ разумѣть натуры, причины, опредѣленія и пристойности вещей, составляющія, по мнѣнію помянутыхъ Философовъ, основаніе нравственности, должно знать, къ чему натуры клонятся, къ какимъ цѣлямъ онѣ способны, и какія коренныя побужденія или склонности поощряютъ ихъ къ дѣятельности; а безъ сего не можно судить о требуемой должности, или о поступкахъ пристойныхъ такому существу, которое почитаемъ подверженнымъ нравственной обязанности. Когдажъ натуры и находящіяся между ими отношенія опредѣлены, тогда уже можно назначить, какія поступки для какой натуры обязательны и сообразны ея качеству и устроенію; тогда одинакимъ натурамъ, находящимся въ одинакихъ отношеніяхъ, будутъ и одинакія поступки непремѣнно свойственны и для нихъ обязательны.

Называя нравственностію или добродѣтелію согласіе съ истиною, мы не имѣемъ еще опредѣленнаго понятія, не имѣемъ никакого различительнаго признака оной, но означаемъ симъ названіемъ нѣчто такое, что равно можетъ приложено быть и къ пороку. Ибо что въ такомъ случаѣ можно сказать о добродѣтели, напр.: что она проистекаетъ изъ добрыхъ мыслей, или сообразна порядку натуры нашей; что она имѣетъ цѣлію произведеніе блаженства; что она заслуживаетъ одобреніе, и т.

ш. и.: противное тому можно сказать съ равною вѣрностію и утверждать касательно порока. Истина не есть ли не иное что, какъ согласіе утверждаемаго нами о вещахъ съ ихъ натурою, или съ ихъ существомъ, или съ подлиннымъ ихъ бытіемъ? А порокъ не имѣетъ ли своея натуры, своего бытія, своихъ обстоятельствъ, или свойствъ и слѣдствій, равно какъ и добродѣтель? Положенія, утверждаемыя нами объ оныхъ и согласныя съ оными, не суть ли *истинныя* положенія? И по тому, поступки сообразныя такимъ истиннымъ положеніямъ, или означающія оныя, не суть ли *истинныя*, или согласныя съ истиною поступки? Могли ли бы разумѣть часовщика, живописца, или рѣщика, естьлибъ сіи художники, говоря каждый о своемъ искусствѣ, сказывали намъ, что часы, картина, или статуя, тогда бываютъ хороши, когда они истинны, или сдѣланы по истинѣ, и что искусство состоитъ въ томъ самомъ, чтобъ дѣлать свое дѣло правильно по истинѣ? Не понятнѣе ли бы и сообразнѣе намѣренію своему они говорили, естьлибъ опредѣлили цѣль или пользу своего дѣла, и для того показали бы намъ части онаго, какъ вкупѣ, такъ и порознь, мѣру и отношенія сихъ частей, и то, какимъ образомъ служатъ онѣ къ какой либо цѣли? Не нужно ли такое обстоятельное изслѣдованіе равнымъ образомъ и для уразумѣнія натуры человѣческой, ея должности и цѣли? Истина, отвлеченныя натуры и причины, вѣчныя отношенія и пристойности вещей, доставятъ ли намъ такое обстоятельное свѣдѣніе? Да хотя бы онѣ и могли доставить намъ оное; но какія степени добродѣтели или порока истина назначаетъ? Истина есть нѣчто простое, единообразное, непремѣнное, не способное ни къ увеличенію, ни къ уменьшенію. Напротивъ того добродѣтели и пороку свойственны почти безчисленныя степени и отмѣны: по чему онѣ и не могутъ ни состоять въ чемъ либо такомъ, чему оныя не свойственны, ни основываться на томъ; ибо каково основаніе, таково и зданіе быть должно.

Возраженіе. Но говорятъ, что выводя нравственную обязанность изъ качества натуры нашей и

вну-

внутренняго чувства, дѣлаемъ ее совсѣмъ произвольною и перемѣнчивою: ибо люди весьма различны въ качествахъ и могутъ иногда измѣну, злость и свирѣпство почитать за справедливость; по чему на такіе случаи можетъ потребенъ или обязателенъ быть иной, или совсѣмъ противный рядъ должностей.

противъ системы предложенной во второй главѣ.

Можно утверждать съ нѣкоторою вѣроятностію, что натура человѣческая можетъ инакова быть, нежели есть; но чтобъ она въ разсужденіи нынѣшняго ея учрежденія и обстоятельствъ могла лучше быть устроена, сіе по справедливости можно оспоривать при управленіи Творящаго все по числу и мѣрѣ, и Распространившаго по всѣмъ дѣламъ своимъ мудрость и красоту. Краткое начертаніе натуры нашей, предложенное нами, показываетъ, что она сообразно нынѣшнему нашему состоянію и многоразличнымъ связямъ, въ которыхъ мы находимся, устроена несравненно. Безъ послѣдственнаго ряда силъ и страстей, которыми мы снабдены, мы не могли бы пребывать въ такомъ состояніи и при такихъ связяхъ, или по крайней мѣрѣ не могло бы намъ быть столь хорошо. Безъ сего ряда, или съ противнымъ оному, надлежало бы намъ быть нещастными. Уставившій сіе состояніе и связи сіи, равнымъ образомъ уставилъ и употребленіе силъ и равновѣсіе страстей, соразмѣрное съ совершенною точностію сему состоянію и симъ связямъ. Естьли примемъ такое устроеніе тварей, и согласимся на такое состояніе при такихъ связяхъ, то поведеніе, опредѣленное нами по изслѣдованію, должно вѣчно и непремѣнно быть обязательно для существа находящагося въ такихъ обстоятельствахъ и связяхъ. Естьлибъ человѣкъ былъ совсѣмъ иная тварь и совсѣмъ въ иныхъ обстоятельствахъ, естьлибъ онъ былъ только животное: въ такомъ случаѣ былъ бы свойственъ ему и совсѣмъ иной рядъ должностей; напр. умѣніе ткать, рачительность и хищность, свойственныя пауку, тонкое обоняніе, склонность къ ловлѣ и проворство собаки, удовлетвореніе побужденія къ пропитанію, расплодженіе

Отвѣтъ на оное.

и любовь къ дѣтямъ, исполняли бы тогда опредѣленіе его натуры, и составляли бы собственное его дѣло, все его учрежденіе. Но какъ человѣкъ есть существо не только чувствующее, дѣятельное и склонное къ общежитію, но и умное, живущее въ обществѣ и способное имѣть религію: то предлежитъ ему благороднѣйшее дѣло и исполненіе многочисленнѣйшихъ и важнѣйшихъ должностей. Естьлижъ нѣкогда, въ какомъ либо будущемъ періодѣ бытія своего, достигнетъ онъ вышшей степени и вступитъ въ обширнѣйшія связи: то и кругъ должности его, число и важность его обязанностей, соразмѣрно увеличится. По сему, естьлибъ существо находящееся въ такомъ состояніи и въ такихъ связяхъ, какъ человѣкъ, сотворено было съ такими склонностями, по которымъ бы оно одобряло измѣну, злость, или свирѣпство: то сей нравъ, или сіе учрежденіе, имѣло бы цѣлію разрушеніе блаженства его. Мы принимаемъ, что Божество нѣкоторыя цѣли предпочитаетъ другимъ, напр. блаженство тварей своихъ бѣдствію: по чему равнымъ образомъ должно оно и самыя удобнѣйшія средства къ симъ цѣлямъ предпочитать инымъ средствамъ. И такъ, понеже Божество необходимо премудро и благо, то не могло оно вселить въ насъ такихъ склонностей, или иными словами сказать, не могло совокупить чувствованій одобренія съ поступками толико противными нашему состоянію и толь вредными блаженству нашему. Слѣдовательно, при безконечной многоразличности возможныхъ учрежденій, порокъ никогда не могъ быть похвальнымъ, а куппно никогда не могъ быть и обязательнымъ. — Слѣдовательно „предложенная нами выше „сего система натуры человѣческой утверждается на „одинакомъ основаніи съ божественною премудростію и „благостію; и основанная на оной система нравствен„ной обязанности равнымъ образомъ должна быть непре„мѣнна и вѣчна.“ А что Божество въ самомъ высочайшемъ и всеобщемъ смыслѣ премудро и благо, сіе возвѣщаетъ намъ Натура громкимъ гласомъ чрезъ всѣ дѣла свои.

Другое возраженіе.

Но еще приводятъ въ возраженіе противъ сея системы то, что люди во нравственныхъ мнѣніяхъ своихъ удивительно различны; ибо нѣкоторые почитаютъ за справедливость измѣну, мщеніе и свирѣпство, и даже цѣлыя націи одобряютъ воровство, пренебреженіе новорожденныхъ дѣтей и многія другія толь же мрачныя злодѣянія: а по тому нравственное чувство, поставляемое судіею нравственности, либо не всеобще, либо весьма ненадежное и обманчивое правило.

Опроверженіе онаго.

Что касается до сея различности мнѣній, или паче исполненія въ разсужденіи нравственной обязанности, то по оной не возможно заключать, что внутреннее ощущеніе, или нравственное чувство правды и неправды, не служитъ всеобщимъ и надежнымъ масштабомъ въ сужденіи о нравственности: равно, какъ различностію вкуса въ живописи, или различностію мнѣній объ одной какой либо картинѣ, не возможно доказать того, что въ живописи нѣтъ общаго масштаба, нѣтъ вѣрнаго и безспорнаго основательнаго закона въ семъ искусствѣ. Люди, имѣющіе различный вкусъ и разные навыки, ссылаются во мнѣніяхъ своихъ на Натуру, какъ на высочайшій масштабъ, и соглашаются въ томъ, что совершенство искусства живописи состоитъ въ подражаніи оной; но по различности орудій ощущенія, способности, воспитанія, по пристрастію, предразсужденіямъ, и по многимъ инымъ обстоятельствамъ, не одинакимъ образомъ относятъ сіе правило къ частнымъ случаямъ. То же бываетъ и въ Нравоученіи. Вообще люди соглашаются въ правилѣ, и ссылаются при томъ на общую натуру нашу и на общее ощущеніе, и даже весьма рѣдко судятъ различно или несправедливо въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ не имѣютъ причины къ пристрастію. Когдажъ ложно употребляютъ правило, или отступаютъ отъ принятаго масштаба, въ семъ случаѣ весьма удобно показать основательную и достаточную причину ихъ отмѣнъ.

Повѣствуютъ о гражданскихъ обществахъ, въ которыхъ воровство и пренебреженіе увѣчныхъ или уродливыхъ дѣтей были позволены. Но въ такихъ обществахъ едва ли была собственность; всѣ вещи были общія; и воспитаніе юношества крѣпкимъ, проворнымъ и хитрымъ предпочитаемо было безопасности какой либо частной собственности. Народы, у которыхъ сіе было позволено, почитали пренебреженіе дѣтей пожертвованіемъ своеполезныхъ склонностей любви къ общему благу. Не можно сомнѣваться въ томъ, что они любили дѣтей своихъ. Но какъ увѣчныхъ или уродливыхъ дѣтей почитали не только безполезными, но и вредными такому гражданскому обществу, въ которомъ все устроено было для войны: то вмѣняли въ славу, жертвовать общему благу самою сильнѣйшею и любезнѣйшею собственною выгодою. И такъ они по заблужденію предполагали несогласіе между сими различными выгодами, а не отвергали отеческую и матернюю любовь, или не отрицались оной. Они не впали бы въ сіе заблужденіе, естьлибъ свѣдома имъ была естественнѣйшая, просвѣщеннѣйшая и пространнѣйшая система Политики. Жители нѣкоторыхъ земель убиваютъ престарелыхъ увѣчныхъ родителей своихъ. Но по тому ли они дѣлаютъ сіе, что отвергаютъ естественную любовь, или не чувствуютъ оной? Нѣтъ; но они почитаютъ за самое лучшее доказательство дѣтской любви, освобождать ихъ отъ бремени старости, думая, что всѣ пріятности, какія въ старости имѣть можно, не могутъ замѣнить онаго. Короче сказать, люди вообще никогда не одобряли ни свирѣпости, ни неблагодарности, ни какого либо инаго дѣла въ видѣ порока. Они ошибаются только въ сужденіи о намѣреніи, слѣдствіяхъ, матеріалахъ и другихъ обстоятельствахъ дѣла, которыя могутъ показываться въ различномъ видѣ, или съ разныхъ сторонъ, сообразно различности точекъ зрѣнія и мнѣній о слѣдствіяхъ, свойственныхъ нравственному зрителю или дѣйствователю, или сообразно качеству страстей его, навыковъ и другихъ обстоятельствъ. Но всеобщее правило всегда принимаемо бываетъ за истинное; во нравственной натурѣ

туръ дѣла находятъ удовольствіе, а отступленіе отъ правила отвергаютъ и охуждаютъ. Всякой отвергаетъ безчеловѣчіе; однакожъ многіе почитаютъ справедливымъ гнать другихъ за мнѣнія касающіяся до религіи, и сами дѣлаютъ сіе, либо соединяя съ тѣмъ понятіе нѣкоего сожалѣнія къ душамъ гонимыхъ, или другихъ, которыхъ, по ихъ мнѣнію, не можно иначе предохранить отъ заразы еретичества; либо подъ видомъ ревнованія о чести Божіей, почитаемаго ими за божественное побужденіе, которому все человѣческое покорено быть должно: хотя благородномыслящимъ и просвѣщеннымъ людямъ такія поступки должны казаться весьма жестокими и безчеловѣчными, не взирая на богоугодное названіе, которымъ оныя прикрываемы бываютъ. — Никто не одобряетъ скрытной злобы; однакожъ ненавидѣть злой нравъ, или мстить за обиду, почитается полезнымъ какъ для собственной безопасности, такъ и для общаго блага, и предающіеся симъ страстямъ, при самыхъ язвительнѣйшихъ ругательствахъ своихъ, почитаютъ еще то за великодушное презрѣніе жизни, или за благородное негодованіе на неправду. Разбойникъ охуждаетъ несправедливость и мститъ сообщникамъ своимъ за обманъ; но въ извиненіе самого себя онъ говоритъ: „Нужда чего „не дѣлаетъ? не уже ли честному человѣку умереть съ „голоду? я старался доставать себѣ пропитаніе труда„ми, но тщетно; первая должность человѣческая ста„раться о продолженіи своей жизни, и ее исполнять „надобно.“ Въ сихъ и подобныхъ примѣрахъ не трудно показать причины разности мнѣній касающихся до нравственной обязанности, какъ-то: заблужденіе въ разсужденіи намѣренія дѣлъ, свойства благополучія, или общаго блага; пристрастныя связи, въ какія люди вступили; ложныя мнѣнія о религіи, или волѣ Божіей, и сильныя страсти, приводящія къ несправедливому употребленію правила, или препятствующія прилагать надлежащее вниманіе къ нравственному качеству. И такъ отложивъ непринадлежащее къ дѣлу, ссылаясь на опредѣленный выше сего истинный масштабъ Натуры, и замѣчая причины отмѣнъ, находимыхъ иногда у каждаго человѣка

особливо, весьма ясно познаемъ, что правило нравственной обязанности само собою твердо, и примѣчаемъ, что нравственное чувство всѣмъ вообще свойственно, и что самыя отмѣны онаго не только не должны служить возраженіемъ противъ сихъ истинъ, но еще споспѣшествуютъ подтвержденію одной и доказанію другой.

Слѣдствіе. Изъ всего вышесказаннаго можно вывести заключеніе, что Натура, причины и отношенія вещей не привели бы насъ никогда къ сему простому понятію нравственной обязанности, естьлибъ мы не имѣли особеннаго чувства, способнаго къ оному. Сіе чувство сопряжено съ образомъ и учрежденіемъ натуры нашей, и посредствомъ онаго мы сами себѣ законъ въ самомъ точномъ смыслѣ. Не зависитъ отъ насъ, хотимъ ли мы узнать законъ сей хладнокровными и медленными заключеніями ума. Также онъ не есть слѣдствіе тонкихъ и метафизическихъ изслѣдованій отвлеченныхъ натуръ и отношеній вещей. Намъ не нужно восходить на небо, чтобъ снести оттуда сей законъ, или спускаться въ глубины искать онаго. Онъ въ насъ, неразлученъ съ нами, непрестанно дѣйствуетъ въ душѣ, и напечатлѣнъ въ сердцѣ нашемъ явными и великими печатями совѣсти, любви къ родственникамъ нашимъ, сожалѣнія, благодарности и общаго человѣколюбія.

Глава IV.

Конечныя причины нравственныхъ нашихъ способностей къ ощущенію и склонности.

Начертаніе содержанія. Мы предложили общее понятіе о человѣкѣ и нравственныхъ силахъ его и связяхъ, и основали на ономъ планъ должности или нравственной обязанности, который кажется подтверждаемъ опытомъ, сообразенъ уму, и одобряемъ самыми внутренними и тайными чувствованіями нашими. Теперь предлежитъ намъ разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе *конечныя причины* тѣхъ нѣжныхъ пружинъ, которыя побуждаютъ насъ къ дѣламъ, и тѣхъ узъ, которыя удерживаютъ насъ

насъ отъ оныхъ. — Симъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ мы приведены будемъ въ состояніе судить о способности ихъ къ достиженію ихъ цѣли въ существѣ снабденномъ такими дарованіями, имѣющемъ такія нужды, подверженномъ такимъ опасностямъ, и способномъ къ такимъ удовольствіямъ, какъ человѣкъ. А по тому мы въ состояніи будемъ судить также и о цѣли всего его устроенія, о согласіи онаго съ его состояніемъ, и слѣдовательно о способности его къ исполненію великихъ и благихъ намѣреній Создателя.

Внутреннее раздробленіе душевной системы.

При раздробленіи сего внутренняго и тончайшаго предмета не нужно разбирать каждую мѣлкую частицу, или показывать нѣжнѣйшія сплетенія и многоразличныя раздѣленія меньшихъ частей. Довольно будетъ разобрать большіе сосуды и главные мускулы сего превосходнаго состава, и показать дѣло и употребленіе оныхъ въ устроеніи цѣлаго.

Всевышнему Существу угодно было совокупить въ огромномъ пространствѣ міра великую многоразличность несогласныхъ и одно другому противныхъ началъ: свѣтъ и тму, удовольствіе и досаду, добро и зло. Находятся различныя натуры, вышшія и нижшія, и многія занимаютъ среднее пространство между отдаленными одна отъ другой крайностями. Сіи натуры уставлены различнымъ образомъ, различно расположены между собою, подчинены одна другой, и всѣ вкупѣ подчинены порядку и совершенству цѣлаго. Можно принять, что человѣкъ поставленъ какъ бы въ средоточіи безчисленныхъ рядовъ существъ; ибо по наружности своей принадлежитъ онъ къ системѣ матеріи, а по внутренности имѣетъ связь съ духовною или нравственною системою. Слѣдовательно онъ подверженъ законамъ управляющимъ обѣими сими системами, или добру и злу, проистекающему изъ оныхъ. При сей безконечной многоразличности отношеній, между которыми онъ находится, и случаевъ, которымъ подверженъ, онъ чувствуетъ сильное влеченіе къ добру и великое отвращеніе отъ зла. Но добро и зло часто бываютъ въ смѣшеніи и удивительнымъ образомъ сплетены

ны между собою; иногда одно мгновенно изъ другаго раждается, и одно въ другое переходитъ; въ иное время они бываютъ весьма удалены одно отъ другаго, однакожъ одно ведетъ за собою другое посредствомъ случающихся между ими обстоятельствъ; и сіи дѣйствія часто производимы бываютъ сокровенными отношеніями и общими законами, о силѣ которыхъ человѣку судить не можно: по чему весьма удобно случается ему принимать добро за зло, а зло за добро; и слѣдовательно часто можетъ онъ плѣняться вредными ему вещами, или отвращаться отъ полезныхъ. Такимъ образомъ, по нѣжному и сложному строенію тѣла своего, онъ подверженъ многоразличнымъ непріятностямъ, болѣзнямъ, холоду, жару, утомленію, и безчисленнымъ нуждамъ. При томъ познаніе его заключено въ толь тѣсныхъ предѣлахъ, и умъ его толь слабъ, что онъ не можетъ судить по изслѣдованію или размышленію о связяхъ слѣдствій съ особенными ихъ причинами, или о многоразличныхъ внутреннихъ силахъ естественныхъ вещей. И такъ онъ получаетъ свѣдѣніе о сихъ связяхъ посредствомъ дѣйствованія нѣкоторыхъ чувствъ, или орудій ощущенія, которыя мгновенно чувствуютъ добро и зло по нѣкоему механическому движенію, ощущая при добрѣ удовольствіе, а при злѣ боль. Сіи чувства научаютъ его искать служащаго къ его благосостоянію, или избирать оное, а клонящееся къ разрушенію его отвергать и удалять отъ себя, безъ всякаго умствованія. Такимъ образомъ вкусъ и обоняніе, или удовольствіе доставляемое ему нѣкоторою пищею, даютъ ему знать, какая пища пристойна качеству его тѣла; а противное тому чувствованіе боли показываетъ, какая пища оному противна или вредна. Однако посредствомъ сего ощущенія не получаетъ еще онъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о внутренней натурѣ и внутреннемъ качествѣ вещей.

Употребленіе желаній и страстей.

Нѣкоторыя изъ сихъ чувствъ снабдены въ высокой степени безпокойствомъ, или болью, принуждающею ихъ искать свойственныхъ имъ предметовъ. Въ удовлетвореніи онымъ состоятъ непосредственныя и самыя нужнѣйшія по-

потребности человѣческія. Таковы суть чувствованіе голода, жажды, стужи, и прочія, принуждающія человѣка болѣзненными своими напоминаніями пещись о пищѣ, питіи, одеждѣ и жилищѣ. Сіи натуральныя побужденія, заставляющія насъ съ нѣкоторою тревогою или насиліемъ желать и искать добра, а зла гнушаться и избѣгать, называются *желаніями* и *страстями*. И такъ чувства наши даютъ намъ знать, что собственной нашей системѣ, или самимъ намъ особливо, полезно или вредно; и своеполезныя наши желанія и страсти къ первому насъ побуждаютъ, а отъ другаго удерживаютъ.

Наружное состояніе человѣческое.

Сей механисмъ натуры нашей и великое множество нуждъ, которымъ она насъ подвергаетъ, заводятъ насъ въ непрерывныя упражненія, требующія часто великаго напряженія духа, либо тяжкой тѣлесной работы, либо и того и другаго вкупѣ. Мы должны доставать себѣ необходимое въ жизни, пищу, одежду, жилище, и пр.; мы должны пещись о разныхъ удобностяхъ, дѣлающихъ жизнь нашу спокойнѣе и пріятнѣе. Для пріобрѣтенія сего нужны искусства, прилѣжаніе, рукодѣлія и торговля. А чтобъ намъ можно было мирно и безопасно пользоваться плодами оныхъ, для сего надлежитъ быть гражданскому правленію, полиціи и законамъ, и многоразличныя дѣла общежитія должны быть отправляемы. И такъ человѣкъ, занимаясь попеченіемъ о содержаніи себя или пріобрѣтеніи безопасности, постепенно вступаетъ въ связи съ семействомъ, съ друзьями, съ сосѣдами, съ цѣлымъ гражданствомъ, или обществомъ. Изъ сего происходятъ новыя нужды, новыя намѣренія, новыя попеченія и новыя дѣла. Страсти одного человѣка находятъ себѣ препятствіе въ страстяхъ другаго; разныя выгоды бываютъ противны одна другой. Случается многимъ домогаться одной выгоды; сопротивляются намѣреніямъ нашимъ; ожиданія наши не исполняются; дѣлаются различія; происходятъ партіи. Сіе открываетъ еще пространнѣйшее зрѣлище разсѣянія и замѣшательства, и ведетъ за собою множество добрыхъ и злыхъ слѣдствій какъ для общества, такъ и особенно

для насъ. Однакожъ при всемъ ономъ замѣшательствѣ и безпорядкѣ должно дѣлать планы своимъ поступкамъ, предусматривать слѣдствія, предохранять себя отъ оныхъ, и предупреждать непріятные случаи; и часто должно бываетъ рѣшиться на что либо особенное и производить планы въ дѣйствіе безъ долгаго размышленія и безъ замедленія.

Способы къ поправленію онаго.

Но какіе способы къ поправленію сего толь труднаго состоянія далъ намъ Творецъ натуры нашей? Какъ содѣлалъ онъ человѣка способнымъ дѣйствовать въ семъ толикому замѣшательству подверженномъ и многотрудномъ зрѣлищѣ? Посредствомъ особенныхъ чувствъ Онъ научилъ насъ познавать частное добро и частное зло, и посредствомъ нудящихъ естественныхъ побужденій заставилъ стремиться къ первому, а другое удалять отъ себя. Но какіе способы къ сохраненію и безопасности Божество опредѣлило для цѣлаго общества, для гражданства? Кто или что дастъ намъ свидѣтельство благоволѣнія Его къ цѣлому?

Общественныя чувствованія и склонности.

Всеобщій Отецъ нашъ, пекущійся обо всемъ, не упустилъ и въ томъ явить Себя. Онъ не сотворилъ ничего несовершеннаго; но все устроено одно для другаго. Не хотѣлъ Онъ оставить человѣка только напоминаніямъ ума его, и только посредствомъ онаго сообщать ему свѣдѣніе о выгодахъ и вредѣ, о благополучіи и бѣдствіи подобныхъ ему человѣковъ. Человѣкъ сотворенъ такъ, что благо и щастіе другихъ людей, а еще паче бѣдствіе ихъ и нещастіе трогаютъ его непосредственнымъ сочувствованіемъ, или скорымъ чувствованіемъ удовольствія и прискорбія.

Жалость.

Сіе послѣднее чувствованіе, или чувствованіе прискорбія, называется *состраданіемъ*, или *жалостію*. А первое, хотя ощущаемо всякимъ, кто не отвергъ совсѣмъ человѣчества, однакожъ предшественники наши не означили его никакимъ названіемъ; и по тому надлежитъ намъ назвать оное *благо-*

благоволенiемъ, или *радостнымъ сочувствованiемъ*, или *радостiю* происходящею отъ того, когда мы видимъ другихъ въ удовольствiи или щастiи. Оба сiи чувствованiя вообще называются *общественнымъ* или *общеполезнымъ чувствомъ*, посредствомъ котораго мы ощущаемъ касающееся до другихъ, хотя можетъ быть не съ такою живостiю, какъ то, что до самихъ насъ касается, и принимаемъ участiе въ ономъ.

Благоволенiе.

Когда мы видимъ подобнаго намъ человѣка подверженнаго нещастiю виною или обидою другаго, то возбуждается въ насъ *чувствительность*, или негодованiе на причинившаго сiе нещастiе. Усматривая, что сiе нещастiе причинено нашею виною, или обиднымъ поступкомъ съ нашей стороны, чувствуемъ *стыдъ*. Оба сiи класса чувствованiй и страстей, касающихся до бѣдствiя и несправедливости, сопряжены съ такимъ чувствительнымъ прискорбiемъ, что не только служатъ ближнимъ нашимъ и общей системѣ предохраненiемъ отъ зла, которое они могли бы потерпѣть, но и способствуютъ къ уменьшенiю и отвращенiю претерпѣваемаго въ самомъ дѣлѣ. Жалость, отводя насъ отъ самихъ себя, заставляетъ принимать на себя нѣкоторую часть непрiятностей приключающихся другимъ; убѣдительно говоритъ въ насъ въ ихъ пользу; размягчаетъ насъ, когда мы видимъ ихъ въ нуждѣ, и дѣлаетъ самихъ насъ въ нѣкоторой степени нещастными, пока сiе состоянiе продолжается. Она устроена весьма сообразно натурѣ человѣческой; ибо мы, какъ замѣчаетъ одинъ славный Нравоучитель, гораздо болѣе и гораздо чаще можемъ дѣлать зло, нежели добро, и отвращать или уменьшать бѣдствiе, нежели прямо сообщать благополучiе; по чему жалость служитъ несравненнымъ препятствiемъ своеполезнымъ страстямъ, или сильнымъ желанiямъ, побуждающимъ насъ дѣлать вредъ другимъ.

Чувствительность.

Находятся еще другiя особенныя натуральныя побужденiя или страсти, заставляющiя насъ принимать участiе въ принадлежащемъ до другихъ въ то же самое время, ко-

Общеполезныя страсти.

гда мы занимаемся принадлежащимъ до насъ самихъ, и по которымъ мы съ усиліемъ стараемся доставлять имъ добро, а зло отъ нихъ отвращать. Таковы суть: натуральная склонность къ родственникамъ, дружба, любовь, благодарность, честолюбіе, любовь къ обществу, съ которымъ мы въ связи находимся, любовь къ отечеству, и пр. Выше сего показали мы, что своеполезныя желанія и страсти сопряжены съ живымъ чувствованіемъ понужденія и безпокойства, дабы человѣкъ тѣмъ сильнѣе побуждаемъ былъ предпринимать нѣкоторые труды и отваживаться на нѣкоторыя опасности, для полученія благъ нужныхъ къ содержанію его и благосостоянію, и для отвращенія золъ ведущихъ за собою погибель его. Равнымъ образомъ и сему другому классу желаній и склонностей нужно было поощряему быть такимъ же скорымъ чувствованіемъ прискорбія, какъ для того, чтобъ дѣйствовать противъ силы сопротивляющихся имъ, такъ и для побужденія насъ къ добродѣтельной дѣятельности въ пользу нашихъ родственниковъ, семейства, друзей, сосѣдовъ и отечества. Хотя чувствованіе правды и неправды научало бы насъ, что споспѣшествованіе благополучію другихъ есть должность наша; а умъ и опытъ еще болѣе увѣряли бы насъ, что въ семъ состоитъ и собственная наша польза и самый лучшій способъ къ собственной нашей безопасности: но сіе чувствованіе, умъ и опытъ, весьма часто, особливожъ въ случаѣ опасности и трудности, при всѣхъ натуральныхъ неудобствахъ, и при томъ непрестанномъ замѣшательствѣ, въ какомъ своеполезныя страсти насъ содержатъ, были бы весьма слабымъ и безсильнымъ поощреніемъ къ надлежащимъ поступкамъ, естьлибъ не присовокуплялись къ нимъ оныя нѣжныя склонности, которыя указываютъ намъ совсѣмъ особенные круги должностей, влекутъ и оковываютъ насъ съ пріятнымъ насиліемъ.

Контрастъ, или равновѣсіе страстей.

И такъ очевидно, что классы своеполезныхъ и общественныхъ склонностей поставлены одинъ противъ другаго и опредѣлены къ тому, чтобъ препятствовать перевѣсу

другъ

другъ друга, взаимно назначать предѣлы вліяніямъ другъ друга, и чрезъ то производить правильное равновѣсіе въ цѣломъ. (*) Вообще сильныя чувствованія боли или безпокойства, сопровождающія голодъ, жажду, и прочія своеполезныя желанія, или утомленіе какъ духа, такъ и тѣла, не допускаютъ насъ слишкомъ прилѣпляться къ вышшимъ душевнымъ упражненіямъ, какъ то къ чрезмѣрному напряженію размышленія при изслѣдованіи истины, къ излишнему усилію въ какихъ либо дѣлахъ, и къ различнымъ степенямъ романическаго геройства. Съ другой стороны тончайшія чувства ощущенія, и благородныя желанія и склонности, совокупленныя съ оными, любовь къ дѣятельности, къ подражанію, къ истинѣ, къ чести, патріотическая добродѣтель, и пр., препятствуютъ намъ унизить высокое достоинство человѣческое до скотскаго состоянія. И такъ взаимное сопротивленіе сихъ противоположныхъ силъ предупреждаетъ худыя слѣдствія, которымъ бы естественно надлежало произойти, естьлибъ онѣ дѣйствовали порознь и особенно, и способствуетъ добрымъ слѣдствіямъ, къ произведенію которыхъ каждая изъ сихъ силъ сама по себѣ опредѣлена.

Контрастъ, или равновѣсіе между своеполезными и общеполезными склонностями.

То же щастливое обстоятельство находится и во взаимномъ сопротивленіи между своеполезными и общеполезными склонностями. Сожалѣніе способно не допускать до излишества любовь къ покою, къ удовольствію и къ жизни, также полагать предѣлы мщенію; а чувствительность къ обидамъ, сдѣланнымъ либо намъ самимъ, либо друзьямъ нашимъ, которыхъ мы любимъ равно какъ самихъ себя, предупреждаетъ слабое мяхкосердечіе, или унылость, и возбуждаетъ въ насъ благородное презрѣніе къ труду, боли и смерти. Естественная склонность къ дѣтямъ нашимъ, дружба, любовь къ отечеству, и даже самая ревность къ какой либо особенной добродѣ-

 тели,

(*) См. у Гутчесона о страстяхъ, тракт. I. §. 2.

тели, весьма часто бываютъ болѣе, нежели поощренiемъ ко многимъ общеполезнымъ страстямъ. Но съ другой стороны общественныя и нѣжныя побужденiя сердца человѣческаго безъ тайной владычествующей страсти самолюбiя и безъ совокупленныхъ съ оною своеполезныхъ желанiй превращались бы въ самое странное мечтанiе и въ мучительную заботливость.

Контрасты между разными страстями одного класса.

Не только разные ряды или классы склонностей обуздываютъ другъ друга; но и разныя страсти одного класса взаимно полагаютъ предѣлы однѣ другимъ. Коль многiе страхомъ удерживаемы бываютъ отъ насильственныхъ поступокъ мщенiя! Коль легко напротивъ того страхъ бываетъ преодолѣваемъ, когда великiя обиды возбуждаютъ сильную склонность ко мщенiю! Своеполезныя страсти часто противятся одна другой, и чрезъ то умѣряютъ силу другъ друга. Спокойное самолюбiе владычествуетъ при томъ, управляетъ особенными ихъ желанiями и отвращенiями, настроиваетъ ихъ дѣйствованiе, и удерживаетъ ихъ въ равновѣсiи. Равнымъ образомъ и между общеполезными склонностями одна воздерживаетъ другую; а всѣ вкупѣ управляемы спокойнымъ, отъ страсти свободнымъ человѣколюбiемъ, которое должно равно настроивать особенныя ихъ движенiя и полагать снымъ предѣлы. — И такъ, естьли не всѣ страсти, то большая часть оныхъ, имѣютъ двоякой наружный видъ и служатъ къ двойной цѣли. Съ одной стороны можно разсматривать ихъ какъ силы, побуждающiя людей къ нѣкоторому образу жизни съ живостiю, соразмѣрною чаятельной важности добра, къ которому онѣ стремятся. Съ другой стороны представляются онѣ разными тяжестями, сообщающими надлежащiй вѣсъ дѣятельности силъ, и опредѣляющими надлежащую мѣру живости ихъ движенiй. Посредствомъ сихъ силъ и тяжестей уставлено премудрымъ Творцемъ въ сердцѣ человѣческомъ натуральное равновѣсiе, доставляющее человѣку способъ наблюдать довольно порядка и правильности посреди многоразличныхъ сценъ въ жизни, чрезъ которыя онъ проходить долженъ.

Но

Но въ семъ не состоятъ еще всѣ способы, данные Богомъ къ отвращенію замѣшательства и неустройства въ томъ зрѣлищѣ, гдѣ человѣку дѣйствовать опредѣлено. При сихъ безчисленныхъ желаніяхъ частнаго и общаго добра и отвращеніяхъ отъ зла, люди либо часто не могутъ предусматривать слѣдствій или дѣйствій всѣхъ дѣлъ своихъ, предпріемлемыхъ для того или для другаго, особливожъ когда сіи дѣйствія запутанны, или когда слѣдствія отдаленны и одинаки; либо хотя и познаютъ оныя посредствомъ тщательнаго и спокойнаго изслѣдованія и надлежащаго употребленія душевныхъ силъ, однакожъ бываютъ заняты своими упражненіями, останавливаемы разными малостями, увлекаемы удовольствіемъ, и собственными своими страстями тревожимы такъ, что или въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ, или не могутъ находить времени, потребнаго на замѣчаніе сихъ слѣдствій, или на изслѣдованіе, произведутъ ли какія либо поступки вообще частное или общественное добро. И такъ, естьлибъ познаніе оныхъ дѣйствій и открытіе оныхъ слѣдствій совершенно зависѣло только отъ медленныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій ума: то очевидно, что житейскимъ дѣламъ надлежало бы при многихъ особенныхъ положеніяхъ обстоятельствъ останавливаться, и надлежало бы пропускать многіе важные случаи, либо по торопливости, дѣлать самыя грубыя ошибки. Того ради кромѣ общаго одобренія всякой степени нѣжной склонности, Божество впечатлѣло человѣку еще многія особенныя чувствованія, или побужденія къ одобренію нѣкоторыхъ свойствъ или дѣлъ, споспѣшествующихъ благу общества, и имѣющихъ связь съ частнымъ благомъ, хотя человѣкъ не всегда усматриваетъ сіе дѣйствіе оныхъ, или представляетъ себѣ сію связь. Сіи чувствованія, или побужденія, безъ дальнѣйшаго размышленія, стремятся къ полезнымъ намѣреніямъ, и заставляютъ насъ поступать выгодно для общественной системы и для собственнаго блага. Таковы суть толико сродныя сердцу человѣческому чувство искренности и истинности, отвра-

Особенныя чувствованія и натуральныя побужденія въ разсужденіи одобренія.

отвращеніе отъ обмана и лживости, чувствованіе вѣрности, справедливости, благодарности, великодушія, храбрости, доброжелательства, благопристойности, и отвращеніе отъ обмана, несправедливости, неблагодарности, подлости, трусости, свирѣпства и неучтивости. Мы одобряемъ первыя изъ сихъ нравовъ и проистекающія изъ оныхъ дѣла, а другія охуждаемъ, хотя бы и не разсматривали ихъ со стороны ихъ дѣйствія или способствованія благополучію или бѣдствію другихъ людей, либо нашему собственному. Въ первыхъ примѣчаемъ красоту, высокую изящность, согласіе съ достоинствомъ человѣческимъ, а во вторыхъ дурноту, негодность и униженіе человѣческой натуры.

Другія побужденія нижшаго класса.

Находятся еще иныя натуральныя побужденія, относящіяся ко благу общества, или ко благосостоянію собственнаго нашего совершенства (хотя сіе отношеніе не вдругъ видимо бываетъ), и принимаемыя нами со внутреннимъ удовольствіемъ и одобреніемъ; хотя сіе одобреніе степенію, либо и самымъ родомъ, менѣе вышепомянутаго. Таковы суть: важность, скромность, непринужденность въ поведеніи, умѣренность, благоразуміе въ домостроительствѣ. Мы ощущаемъ въ нѣкоторой степени презрѣніе или неудовольствіе къ тому, въ комъ находимъ недостатокъ сихъ свойствъ, либо кто подверженъ противному онымъ. Сіи и подобныя симъ представленія или ощущенія суть либо различные образы изъявленія нравственнаго чувствованія, либо подчинены оному. Они явно служатъ къ одинакой съ онымъ важной цѣ[illegible]; ибо въ различныхъ затруднительныхъ случаяхъ въ жизни суть скорые указатели того, что право и что неправо, къ чему намъ стремиться и чего избѣгать должно, и посредствомъ сопровождающаго ихъ пріятнаго или болѣзненнаго чувствованія, имѣютъ вліяніе въ надлежащія поступки, какъ убѣдительные увѣщатели.

Общія дѣйствія оныхъ.

При небольшомъ вниманіи къ помянутымъ кореннымъ побужденіямъ, можно усмотрѣть, что всѣ они должны придавать обществу

ству и особеннымъ членамъ онаго лучшій видъ, и что всѣ они непосредственною либо нѣсколько отдаленнѣйшею цѣлію имѣютъ споспѣшествованіе совершенству или благу какъ общества, такъ и частныхъ его членовъ. Существо толь слабое, занятое разными дѣлами и не далеко видящее, торопливое и непостоянное во мнѣніяхъ своихъ, служащее игралищемъ собственнымъ страстямъ своимъ, либо намѣреніямъ другихъ людей, подверженное болѣзнямъ, недостатку и заблужденію, каковъ человѣкъ, не можетъ всякой разъ предвидѣть такого дѣйствія, часто усматриваетъ вмѣсто онаго нѣчто совсѣмъ ложное, и даже рѣдко обращаетъ на него свое вниманіе. И такъ сіи натуральныя побужденія, толь тѣсно совокупленныя съ частною безопасностію и общимъ благомъ, заставляя человѣка находить первую и споспѣшествовать другому безъ дальнѣйшаго размышленія, и поощряя его къ выгоднымъ для обоихъ поступкамъ, весьма соразмѣрны нуждамъ нынѣшняго его состоянія и весьма премудро устроены для достиженія цѣли общаго человѣколюбія.

Страсти устроены сообразно состоянію испытанія.

Разсматривая сію матерію съ другой стороны, удобно было бы показать посредствомъ тщательнаго разобранія обстоятельствъ, коль чудесно устроена внутренность человѣческая, или удивительное множество нравственныхъ силъ и склонностей, сообразно различнымъ сценамъ состоянія опредѣленнаго къ постепенному дохожденію до совершенства и ко временному испытанію, чрезъ которыя человѣку проходить надлежитъ. Способности наши ограниченны и развиваются изъ весьма малаго и несовершеннаго начала; по чему должны быть увеличиваемы упражненіемъ, прилѣжаніемъ и неоднократными опытами. Сіе истинно не только въ разсужденіи силъ разума, но также и нравственныхъ и дѣятельныхъ силъ. Первыя подвержены заблужденіямъ въ размышленіи, а другія ошибкамъ въ исполненіи; и какъ тѣ, такъ и другія, часто оканчиваются нещастливыми приключеніями и непріятностями. Заблужденія и ошибки обыкновенно должны приписываемы быть страстямъ нашимъ,

или

или дерзскому и пылкому желанію тѣхъ частныхъ благъ, къ которымъ онѣ по природѣ стремятся, либо страху частныхъ золъ, отъ которыхъ онѣ имѣютъ природное отвращеніе. И такъ нещастливыя приключенія приводятъ насъ къ размышленію, въ чемъ состоятъ ошибки въ поступкахъ нашихъ, и отъ чего заблужденія наши произошли. Слѣдовательно они принадлежатъ къ спасительному испытанію, служащему къ распространенію познаній нашихъ, къ исправленію и очищенію страстей, а по тому и къ большему совершенству какъ разума нашего, такъ и нравственнаго состоянія. И такъ страсти суть матеріялы добродѣтели, данныя намъ отъ Бога для того, чтобъ мы ихъ обработывали, очищали, и составляли изъ нихъ гармоническое и божественное орудіе. Онѣ производятъ въ жизни человѣческой всѣ ея движенія, тишину и бури, свѣтъ и тѣнь. Онѣ показываютъ человѣка во всякомъ положеніи и различіи характера, и доставляютъ добродѣтели какъ войну ея, такъ и побѣду. Управлять хорошо ими во всякомъ состояніи, есть заслуга; а употреблять ихъ во зло, или не надлежащимъ образомъ, есть вина. Ими доказываемъ мы бытіе наше; а происходящіе отъ нихъ навыки даютъ намъ видъ нашъ и характеръ въ ряду сценъ нашей жизни, или во всякомъ будущемъ періодѣ бытія нашего.

И сообразно состоянію постепеннаго восхожденія къ совершенству.

Разные классы чувствованій, силъ и страстей, развивающихся въ сихъ одна за другою послѣдующихъ сценахъ, какъ нужны, такъ и соразмѣрны сему начинающемуся и на постепенное восхожденіе къ совершенству опредѣленному состоянію. Увеличивающіяся намѣренія и возрастающія связи требуютъ новыхъ страстей и новыхъ навыковъ; и сіи страсти, распространяясь отъ времени до времени далѣе, всегда находятъ себѣ вдаль простирающееся упражненіе: посредствомъ чего духъ, отъ времени до времени исправляясь, приходитъ въ большую зрѣлость и совершенство. — Но мы не можемъ долѣе останавливаться при сей матеріи.

Въ семъ превосходномъ расположеніи и гармоніи устроенія нашего, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, съ нашимъ состояніемъ, можно вдругъ познать главныя черты должности нашей, изображенной самыми явнѣйшими и блистательными буквами, съ удивленіемъ можно усматривать въ сердцѣ человѣческомъ высокое и чудесное зрѣлище премудрости и благости Божіей, которому равнаго не находится можетъ быть во всемъ пространствѣ Натуры. „Коль чудная тварь есть человѣкъ! коль величественъ умомъ своимъ! коль безконечны способности его! видъ и движеніе его коль совершенно устроены и коликаго удивленія достойны! дѣлами коль подобенъ Ангелу, а познаніемъ Богу! Красота міра! совершеннѣйшій образецъ въ царствѣ животныхъ!“

Согласіе устроенія нашего съ нашимъ состояніемъ.

Слѣдствіе.

Изъ сихъ обстоятельствъ явно, что человѣку по первоначальному образованію его надлежитъ быть умѣреннымъ, жалостливымъ, дружелюбивымъ, дѣятельнымъ, и постепенно восходить къ совершенству. Онъ стремится съ жаромъ къ добру, и столь же сильно ненавидитъ зло, постигающее какъ другихъ, такъ и самого его. Онъ ощущаетъ величайшее одобреніе и величайшее нравственное внутреннее удовольствіе при склонностяхъ и дѣлахъ непосредственно и собственно имѣющихъ цѣлію благо другихъ; а въ противномъ равнымъ образомъ ощущаетъ неудовольствіе и отвращеніе. Кромѣ сихъ, онъ имѣетъ еще разныя особенныя чувствованія, или натуральныя побужденія къ одобренію, которыя можетъ быть не одного рода съ первыми, однакожъ совокуплены съ согласными степенями склонности, и всѣ имѣютъ отношеніе къ общему благу. И такъ, человѣкъ поступая сообразно симъ побужденіямъ, поступаетъ сообразно устроенію своему, и исполняетъ благія намѣренія Творца онаго. Чтожъ сообразуется своей цѣли, то мы называемъ *добрымъ*, и тварь поступающую сообразно учрежденію своему, называемъ *доброю*. Слѣдовательно, человѣка, поступающаго

Въ какомъ расположеніи состоитъ добродѣтель.

го сообразно кореннымъ побужденіямъ и опредѣленію натуры своей, надлежитъ назвать *добрымъ*, или *добродѣтельнымъ*. На чемъ основывается добродѣтель его, на томъ же утверждается и правильное его поведеніе, достоинство и совершенство. Сіе согласно съ понятіемъ добродѣтели, сообщеннымъ выше сего, но только показываетъ оную съ другой стороны, или представляетъ ее въ иномъ свѣтѣ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ НРАВОУЧЕНІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Глава I.

Главныя различія должности, или добродѣтели.

Мы разсматривали устроеніе и связь человѣка, и основали на оныхъ общую систему должности, или нравственной обязанности, согласную съ умомъ, одобряемую высочайшимъ и внутреннимъ человѣческимъ чувствомъ, сообразную сложному его состоянію, и опытомъ подтверждаемую. Также изслѣдовали мы конечныя причины нравственныхъ силъ его и склонностей къ тѣмъ благороднымъ намѣреніямъ, которыя исполняютъ онѣ въ разсужденіи какъ частной, такъ и общей системы.

Общее раздѣленіе должности.

Изъ сего введенія явно, что находится *рядъ* или *классъ* должностей, которымъ человѣкъ обязанъ къ *самому себѣ*; *другой*, которымъ онъ обязанъ къ *обществу*, и *третій*, которымъ обязанъ онъ къ *Богу*.

Должности къ самому себѣ.

Должности, которыми человѣкъ обязанъ *къ самому себѣ*, основываются особливо на защитительныхъ и своеполезныхъ страстяхъ, побуждающихъ его искать всего того, что служитъ къ частному благосостоянію или блаженству, а что влечетъ за собою частное зло или бѣдствіе, того избѣгать и отвращать оное. Естьли онъ при многоразличныхъ благахъ, манящихъ его къ себѣ и прельщающихъ, и при многоразличныхъ злахъ, устремляющихся на него, или грозящихъ ему, „первыя осторожно и раз„судительно выбираетъ, а другія отвергаетъ, или, въ „случаѣ несогласія двухъ благъ или золъ, предпочи„таетъ самыя превосходнѣйшія блага, и избѣгаетъ са„мыхъ страшнѣйшихъ золъ; естьли тщательно и му-

„дро употребляетъ способы къ достиженію благъ и къ „избѣжанію золъ: то имѣетъ называемое *благоразумі*„*емъ*.“ Благоразуміе во внутреннемъ составѣ нашемъ подобно тонкому обонянію или скорости ощущенія во внѣшнемъ. — „Размѣреніе защитительныхъ страстей „по опасностямъ нашимъ называется *мужествомъ*, „которое всегда содержитъ въ себѣ правильное смѣше„ніе тихаго негодованія, или чувствительности, съ благо„учрежденною осторожностію.“ Сіе постоянство духа имѣетъ сходство съ крѣпостію и устроеніемъ мускуловъ въ тѣлѣ. — „Размѣреніе своеполезныхъ страстей „по нуждамъ нашимъ, или по истинной важности того „блага, котораго желаемъ или ищемъ, называется *умѣ*„*ренностію*, которая, по сему пространному значенію „сего слова, всегда содержитъ въ себѣ правильное или „надлежащее управленіе страстей,“ и подобна здравію или здравому сложенію тѣла.

Должности къ обществу.

Второй классъ должностей происходитъ отъ общеполезныхъ или общественныхъ склонностей, „которыхъ правильная гармонія, „или соразмѣрность съ опасностями и нуж„дами другихъ, и съ различными отношеніями, въ ка„кихъ мы находимся, обыкновенно называется *справед*„*ливостію*.“ Она заключаетъ въ себѣ всѣ должности наши къ обществу, къ основателю онаго, и ко всей области Натуры, особливожъ благодарность, дружбу, искренность, натуральную склонность къ родственникамъ, человѣколюбіе, и прочія общественныя добродѣтели. Она есть самое благороднѣйшее расположеніе и самый лучшій видъ души, и сходствуетъ съ красотою и соразмѣрностію частей тѣла. Добродѣтели принадлежащія къ предыдущимъ классамъ, особливожъ благоразуміе и мужество, могутъ включены быть и въ сей классъ, и сообразно обстоятельствамъ, или тѣснѣйшему либо пространнѣйшему кругу ихъ дѣйствованія, могутъ называемы быть частнымъ, экономическимъ, или гражданскимъ благоразуміемъ, мужествомъ, и пр. Онѣ управляютъ поступками нашими касательно нуждъ или опасно-

сностей большихъ или меньшихъ обществъ, съ которыми мы въ связи находимся.

Третій классъ должностей относится къ *Божеству*, и проистекаетъ изъ общеполезныхъ склонностей и различныхъ отношеній, въ какихъ находимся мы къ Нему, какъ ко творцу нашему, благодѣтелю, законодателю, судіи, и пр.

Должности къ Богу.

Хотя сей классъ должностей по важности и достоинству своему есть первой; но въ разсужденіи порядка времени, онъ кажется намъ послѣднимъ; по чему и предприняли мы разсматривать его послѣ всѣхъ: ибо мы почитаемъ за самый простой и удобнѣйшій методъ, слѣдовать постепенному шествію Натуры, которая начиная съ частныхъ людей, распространяется по томъ на общественную систему, и восходя выше и выше, возносится наконецъ ко Всемогущему Отцу и Владыкѣ своему, и такимъ образомъ заключаетъ ходъ свой самыми вышшими и лучшими должностями.

Методъ.

Должности, происходящія изъ сихъ отношеній, суть: *почитаніе, благодарность, любовь, терпѣливость* или *покорность въ страданіи, повиновеніе, поклоненіе, хвала*. Въ нихъ должна наблюдаема быть по предначертанію ограниченныхъ нашихъ способностей нѣкоторая соразмѣрность съ великостію и совершенствомъ того предмета, который мы почитаемъ, любимъ, и которому повинуемся. „Сія „соразмѣрность, или гармонія, вообще называется *бого-„боязненностію*, или *благочестіемъ*,“ которое бываетъ тѣмъ сильнѣе или слабѣе, чѣмъ болѣе или менѣе величества предмета ея мы понимаемъ. Сіе высокое начало добродѣтели есть душа, оживляющая нравственную систему, и союзъ, совокупляющій и содержащій прочія должности, которыми человѣкъ обязанъ самому себѣ или обществу. Оно не только служитъ самою сильнѣйшею защитою онымъ, но и сообщаетъ имъ самую вышшую ихъ цѣну и сіяніе, какъ то изъ послѣдующаго явно будетъ.

Богобоязненность.

Раздѣленія совѣсти.

Таково есть общее качество и установленіе добродѣтели, и сіи суть главныя черты или отдѣлы должности. Сердце даетъ свое подтвержденіе или свидѣтельство симъ добрымъ склонностямъ, имѣющимъ цѣлію различные предметы должности нашей, и всѣмъ дѣламъ, проистекающимъ изъ такихъ склонностей. Сіе подтвержденіе, или сей приговоръ о нравственномъ качествѣ или добротѣ дѣлъ, или склонностей, Нравоучители называютъ *совѣстію*. Естьли она судитъ о такомъ дѣлѣ, которому еще произойти надлежитъ, то называется *предварительною* совѣстію; естьлижъ судитъ о дѣлѣ уже происшедшемъ, то называется *послѣдующею* совѣстію. Естьли дѣло таково, что ведетъ за собою благополучіе, или только по наружности сообразно закону: то сіе называется *матеріальною* его добротою. Но добрыя склонности, отъ которыхъ дѣло происходитъ, или сообразность его съ закономъ во всякомъ смыслѣ, составляютъ *формальную* его доброту.

Доброта дѣла: матеріальная и формальная.

Натуральная и нравственная доброта.

Нѣкоторые достойные уваженія Нравоучители думаютъ, что для формальной доброты дѣла необходимо нужно, „чтобъ мы „разсматривали оное съ нѣкоторымъ нрав„ственнымъ внутреннимъ удовольствіемъ и „одобреніемъ. Одну только склонность, или натураль„но добрый нравъ, къ кому бы она ни клонилась, къ „другимъ ли, или только къ намъ самимъ, называютъ „они *натуральною* добротою, или *добротою инстинкта*, „къ которой прочія животныя столь же способны, какъ „и человѣкъ. Но естьли склонность, или сей нравъ раз„сматриваемъ бываетъ съ одобреніемъ, и становится „предметомъ новой склонности: сіе составляетъ *нрав„ственную* доброту, или *добродѣтель* въ точномъ смы„слѣ сего слова, и есть отличительное преимущество „нравственныхъ или по уму поступающихъ существъ."

Потребно ли одобреніе намъ къ

Должно согласиться въ томъ, что люди могутъ добры быть только отчасти; то есть, что они могутъ предаваться нѣкоторымъ

рымъ нѣжнымъ склонностямъ и дѣлать нѣкоторыя добрыя дѣла, однакожъ при томъ быть порочными и вообще неблагонравными. Напр. человѣкъ можетъ нѣжно любить дѣтей своихъ, несправедливъ будучи къ сосѣдамъ; или онъ можетъ быть жалостливъ къ сосѣдамъ своимъ, но жестокъ противъ отечества, либо ревностно преданъ отечеству, но немилосердъ къ частнымъ людямъ. Также должно согласиться и въ томъ, что размышлять часто и со вниманіемъ о каждой степени доброй склонности, и о каждомъ происходящемъ изъ оной дѣлѣ, — разсматривать оныя съ нравственнымъ одобреніемъ и удовольствіемъ, — по обстоятельному и безпристрастному изслѣдованію быть увѣрену, что добродѣтель сама по себѣ весьма любви достойна и сопровождаема самыми щастливыми слѣдствіями, — должно согласиться, что сіе служитъ иногда великою подпорою добродѣтели, во многихъ случаяхъ необходимо нужно къ полнотѣ добродѣтельнаго характера, и всегда сообщаетъ единообразіе и постоянство добродѣтельнымъ правиламъ, особливожъ при безчисленныхъ испытаніяхъ, какимъ оныя въ семъ смѣшанномъ зрѣлищѣ жизни человѣческой подвержены. Однакожъ коль много такихъ людей, которыхъ мы почитаемъ и любимъ, хотя они можетъ быть никогда не размышляли хладнокровно о красотѣ или величественныхъ отношеніяхъ добродѣтели, либо никогда не поставляли ее предметомъ нравственнаго своего одобренія или внутренняго удовольствія! Философы или другіе къ размышленію привыкшіе люди могутъ съ похвалою заниматься такими очаровательными теоріями, и въ самомъ дѣлѣ часто разсматриваютъ даже самый малѣйшій слѣдъ добродѣтели съ естественною нѣжностію и удивленіемъ. Прелестные виды, въ какихъ показываются ихъ теоріи, въ состояніи можетъ быть утверждать въ нихъ почтеніе ко всему достойному похвалы. Однакожъ не въ семъ классѣ людей ищемъ мы высокой добродѣтели; но по большей части надѣемся найти оную въ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ людяхъ, которые по превосходному природному добронравію, или по великодушному образу мыслей

Полнотѣ понятія добродѣтели.

слей

слей въ разсужденіи друзей своихъ, отечества, или всего рода человѣческаго, имѣютъ дѣйствительное и необыкновенное расположеніе къ добру. Короче сказать, какое бы ни было то свойство, которое мы въ какомъ либо дѣлѣ одобряемъ, которое признаемъ достойнымъ почтенія, и которое возбуждаетъ въ насъ почтеніе и любовь къ дѣлающему, — мы называемъ оное *добродѣтелію*, *заслугою*, или *формальною добротою* сего дѣла. Естьли дѣла съ такимъ свойствомъ имѣютъ перевѣсъ въ характерѣ, то мы называемъ сей характеръ добродѣтельнымъ или добрымъ. Извѣстножъ, что свойства или коренныя побужденія, описанныя нами выше сего, а особливо общеполезныя и человѣколюбивыя, принимаемы бываютъ съ одобреніемъ и любовію, сколь бы они просты ни были, или хотя бы происходили только отъ инстинкта. Натуру самаго сего кореннаго побужденія называемъ мы *совѣстію*, которая одобряетъ сіи человѣколюбивыя склонности и все происходящее посредствомъ ихъ вліянія: изъ чего видно, что *добродѣтель* или *заслуги* бываютъ въ сердцѣ прежде еще, нежели совѣсть о томъ узнаетъ; а дѣло совѣсти состоитъ только въ томъ, чтобъ наблюдать добродѣтель въ сердцѣ и давать ей одобреніе. Ибо, естьли добродѣтель есть нѣчто заслуживающее почтеніе и любовь, то она должна быть еще прежде, нежели совѣсть появляется или даетъ ей свое свидѣтельство. И такъ, сказать, что свидѣтельство совѣсти потребно къ существу или формѣ добродѣтельнаго дѣла, есть то же самое, какъ и утверждать прямо, что добродѣтель дотолѣ не добродѣтель, пока не бываетъ какъ добродѣтель разсматриваема и одобряема. Собственное дѣло ума при образованіи добродѣтельнаго характера состоитъ въ направленіи разныхъ сердечныхъ должностей къ разнымъ ихъ предметамъ, и въ указаніи намъ тѣхъ поступокъ или правилъ дѣятельности, которыя суть самые удобнѣйшіе способы къ достиженію сихъ предметовъ. Чтожъ касается до человѣколюбія, которое есть добродѣтель характера, или главная часть заслуги: то собственный предметъ онаго есть общее благо. По сему дѣло ума есть, научать насъ, въ чемъ состоитъ величай-

чай-

чайшее общее благо, какое поведеніе и какія дѣла суть самые сильнѣйшіе средства къ споспѣшествованію оному. При всемъ томъ душевныя движенія столь быстры и непримѣтны, столь переплетены между собою, что рѣдко можетъ быть какое либо изъ нихъ уступаетъ добродѣтельнымъ или добрымъ склонностямъ безъ одобряющаго чувствованія; и чѣмъ болѣе сія добродѣтель разсматриваема бываетъ съ удивленіемъ и любовію, тѣмъ крѣпче и неразрывнѣе разсматривающій ее такимъ образомъ будетъ къ ней привязанъ.

Раздѣленія совѣсти.

Естьли сердце не знаетъ, или еще не увѣрено о важности какого либо дѣла, либо о слѣдствіяхъ онаго въ разсужденіи частнаго или общаго блага; или естьли въ какомъ либо случаѣ представляются различныя обстоятельства, между которыми находятся сомнительныя, и по тому внушающія сомнѣніе въ разсужденіи нравственности дѣла: сіе называется *сомнѣвающеюся* совѣстію. Естьли она ошибается въ оныхъ, то называется *заблуждающеюся* совѣстію. Дѣло, происшедшее изъ невольнаго или непреодолимаго заблужденія или невѣдѣнія, почитается *невиннымъ*, или не подверженнымъ взысканію. Но естьли заблужденіе или невѣдѣніе происходитъ отъ небреженія или притворства, то есть, ежели оно есть слѣдствіе лѣности, или сдѣланнаго съ намѣреніемъ обмана и неосторожности: то поступокъ, проистекающій изъ такого заблужденія, долженъ поставленъ быть въ *вину* и порочeнъ. Не слѣдовать совѣсти своей, хотя бы она была въ заблужденіи, порочно; ибо она есть указательница пути въ жизни; а поступать противъ совѣсти, показываетъ развращенный и неисправимый нравъ. Однакожъ равно порочно и послѣдовать заблуждающейся совѣсти, естьли ея заблужденіе есть дѣйствіе небреженія или какой либо порочной страсти (*).

Какъ надлежитъ осво-

Естьли спросятъ; „какъ можетъ заблуждающаяся совѣсть освобождена быть отъ

(*) См. *Гутчес.* Нравоученіе ума, Кн. II. гл. 3.

Освобождать совѣсть отъ ея сомнѣній?

„своихъ сомнѣній? что весьма нужно; ибо „мы принимаемъ, что одна только совѣсть „есть указательница пути въ жизни и су-„дія въ нравственныхъ вещахъ:“ на сіе отвѣтствуемъ, что надлежитъ освобождать ее отъ сомнѣній такимъ же образомъ, какъ мы наставили бы умъ на правый путь, когда бы онъ судилъ ложно, что нерѣдко случается. А именно, надлежитъ дать ей способные и достаточные матеріалы къ правому сужденію, то есть, изслѣдовать все состояніе предмета, отношенія, связи и различныя обязанности дѣлающаго, слѣдствія и другія обстоятельства самаго дѣла, или всю частную либо общую пользу, которая отъ сего дѣла, или отъ упущенія онаго, происходитъ, или чаятельно произойти можетъ. Какъ скоро сіи обстоятельства ясно и безъ недостатка означены будутъ, совѣсть будетъ въ сужденіи своемъ справедлива и безпристрастна. Ибо она, по необходимому закону натуры нашей, даетъ одобреніе свое нравственной формѣ, и имѣетъ склонность къ оной. Хотяжъ иногда повидимому она одобряетъ порокъ или развращенные нравы; однакожъ всякой разъ дѣлаетъ сіе подъ видомъ какой либо добродѣтели, такъ что, говоря съ точностію, не совѣсть заблуждается въ такомъ случаѣ, но всю вину надлежитъ приписывать дѣлающему, который не старается получить лучшаго свѣдѣнія, либо ошибается по слабости, или съ намѣреніемъ по злобѣ, и судитъ по несовершенному увѣренію: (ибо сужденіе совѣсти всегда сообразно бываетъ той точкѣ, съ какой она смотритъ на дѣло; и сіе сужденіе всегда бываетъ справедливо, предполагая, что дѣло подлинно таково, какимъ ей представляется). По сему тотъ, кто гонитъ другаго за дѣла совѣсти, или за мнѣнія касающіяся до религіи, не одобряетъ несправедливости или жестокости, равно какъ и страждущій отъ того гонимый; но онъ почитаетъ строгость свою сообразною волѣ Божіей, либо спасительною для страждущаго, или по крайней мѣрѣ для всего общества вѣрныхъ, которыхъ пользу онъ долженъ, по увѣренію своему, предпочитать не только пользѣ одного человѣка, но и

всего

всего прочаго рода человѣческаго. Воображая себѣ вообще, что сія строгость есть одно средство къ споспѣшествованію оной высочайшей пользѣ, онъ судитъ столь же справедливо, и сужденіе его столь же естественно проистекаетъ изъ его правилъ, какъ и сужденіе врача, который для спасенія всего тѣла предписываетъ отсѣчь одинъ членъ, зараженный антоновымъ огнемъ, почитая сіе однимъ оставшимся способомъ къ избавленію. Въ последнемъ случаѣ искуснѣйшій практикъ можетъ быть вылѣчилъ бы больнаго и безъ такой опасной операціи; а въ первомъ лучшій Теологъ и искуснѣйшій въ духовномъ врачеваніи сыскалъ бы столь же надежное и гораздо невиннѣйшее пособіе.

Предложивъ общія раздѣленія добродѣтели, представляющія намъ различные ея виды, должны мы теперь приступить къ частнымъ раздѣленіямъ по предметамъ ея, и означить мѣлчайшія черты ея и отношенія, являющіяся въ особливыхъ приключеніяхъ жизни человѣческой.

Глава II.

О должности человѣка къ самому себѣ; о натурѣ добра, и самомъ высочайшемъ добрѣ.

Раздѣленія добра.

Всякая тварь внутреннимъ установленіемъ натуры своей побуждаема бываетъ любить себя, стремиться къ тому, что служитъ къ сохраненію ея и благосостоянію, а все клонящееся ко вреду ея и бѣдствію отвращать. Человѣкъ, одаренъ будучи чувствами и ощущеніемъ, необходимо долженъ въ нѣкоторыхъ предметахъ находить удовольствіе, а въ другихъ неудовольствіе. Предметы, доставляющіе удовольствіе, называются *добрыми*, а влекущіе за собою неудовольствіе, *злыми*. Къ первымъ человѣкъ ощущаетъ склонность, или влеченіе, называемое желаніемъ или любовію; а ко вторымъ имѣетъ натуральное чувствованіе называемое отвращеніемъ, или ненавистію. При такихъ предметахъ, которые не причиняютъ намъ ни удовольствія, ни неудовольствія, и въ разсужденіи

 кото-

которыхъ мы не понимаемъ, какъ могутъ они служить къ споспѣшествованію тому или къ отвращенію другаго, не ощущаемъ ни желанія, ни отвращенія, и бываемъ равнодушны къ симъ предметамъ. Предметы, не возбуждающіе сами собою ни удовольствія, ни неудовольствія, но служащіе средствами къ доставленію того либо другаго, называются *полезными* или *вредными*. Въ разсужденіи оныхъ мы расположены бываемъ зависящимъ образомъ, или имѣемъ къ нимъ склонность болѣе посредственную и по размышленію, а не прямую и непосредственную. Всѣ первоначальныя и собственныя склонности натуры нашей ведутъ насъ къ предметамъ перваго рода, и наконецъ останавливаются при оныхъ; а именно къ доставляющимъ непосредственное удовольствіе, и по тому называемымъ добрыми, и добрыми по себѣ самимъ. Одна только тихая склонность самолюбія занимается еще такими предметами, которые добры только въ слѣдствіи, или только полезны.

Нравственное добро. Но кромѣ сихъ родовъ предметовъ, называемыхъ добрыми по тому только, что доставляютъ удовольствіе, или служатъ средствами къ доставленію онаго, находится еще вышшій и лучшій родъ добра, при которомъ мы ощущаемъ особенное движеніе, называемое одобреніемъ или внутреннимъ нравственнымъ удовольствіемъ, и которое по тому называется *нравственнымъ добромъ*. Таковы суть склонности наши и происходящія отъ нихъ дѣла. Чувствованіе оныхъ, какъ то уже замѣчено, совершенно различно съ чувствованіемъ другаго рода. Хотя оно по человѣколюбивому качеству натуры можетъ совокуплено быть съ удовольствіемъ или выгодою; однакожъ составляетъ такое добро, которое есть добро независимо отъ сего удовольствія или выгоды, и не только степенію, но и достоинствомъ, гораздо выше оныхъ. *Натуральное* добро состоитъ въ полученіи удовольствій сообразныхъ и соразмѣрныхъ особеннымъ и способнымъ къ нимъ чувствамъ и страстямъ; оно столь же многоразлично, сколь многоразличны сіи чувства и страсти. *Нравственное* добро основывается на надлежащемъ употребленіи разныхъ

чувствъ

чувствъ и страстей, или на правильной соразмѣрности и согласіи оныхъ съ предметами и отношеніями каждаго чувства и каждой страсти; оно простѣе и непремѣннѣе.

Человѣческое блаженство.

По различности чувствъ нашихъ мы способны къ весьма многоразличнымъ пріятнымъ ощущеніямъ. Сіи ощущенія составляютъ особенныя *цѣли*, или предметы; и они суть самыя крайнія цѣли, къ которымъ надлежитъ стремиться для нихъ самихъ. Къ симъ цѣлямъ, или крайнимъ предметамъ, относятся особенныя желанія или склонности, побуждающія сердце домогаться оныхъ. По достиженіи сихъ цѣлей, сердце успокоивается при нихъ, и ничего болѣе не желаетъ. По сему, все то, что достойно желанія не само по себѣ, но для того только, что служитъ или потребно къ полученію чего либо инаго, имѣющаго внутреннюю цѣну, большую ли или малую, и заслуживающаго уваженіе само собою, — все такое называемъ мы *средствомъ*, а не цѣлію. Такимъ образомъ цѣли, а не средства, составляютъ матеріалы или самое существо блаженства нашего. Слѣдовательно *блаженство* такихъ тварей, каковы мы, имѣющихъ такія многоразличныя ощущенія удовольствія, или такія различныя способности къ радости, не можетъ быть вещь простая, единообразная. (Мы говоримъ здѣсь о *человѣческомъ* блаженствѣ.) То же самое коренное побужденіе, которое заставляетъ насъ стремиться къ одной какой либо цѣли, или какому либо роду добра, равнымъ образомъ заставляетъ стремиться и ко всякой другой цѣли, или ко всякому роду добра, къ которому мы способны, или къ которому первоначальное влеченіе вложено въ насъ Творцемъ нашимъ. Но въ великомъ множествѣ цѣлей, или благъ, составляющихъ многоразличныя части нашего блаженства, примѣчаемъ очевидную постепенность, или подчиненность, сообразную постепенности чувствъ, силъ и страстей, имѣющихъ превосходство въ смѣшанномъ и многоразличномъ качествѣ нашемъ, и непрестанно прибавляющемуся ряду связей, въ какія мы вступаемъ въ разныхъ сценахъ постепенно продолжающагося состоянія нашего.

Постепенныя последствія благъ.

И такъ явно, что *телесныя блага*, или *блага внешнихъ чувствъ*, занимаютъ самое нижшее место въ сей постепенности, или лествице благъ. Сіи блага свойственны намъ купно съ прочими животными. Хотя многіе люди столь преданы чувственности, что домогаются телесныхъ благъ съ ревностію превосходящею стремленіе другихъ животныхъ; однакожъ единогласное сужденіе всехъ людей, въ случае несогласія оныхъ съ благами вышшаго класса, отдавая симъ преимущество, назначаетъ чрезъ то онымъ самое нижшее место. За телесными благами следуютъ *блага* основывающіяся на внешнихъ *общественныхъ связяхъ*, какъ-то: честь, имущество, гражданская власть. Сіи блага имеютъ столь высокую цену для того, что они суть средства къ доставленію натуральнаго и нравственнаго добра, особливожъ последняго. *Блага разума*, какъ-то вкусъ, познаніе, память, разсудокъ, и пр., суть еще выше и благороднее. Самыя вышшія блага суть *нравственныя блага* сердца, касающіяся непосредственно до насъ самихъ, и которыхъ последній предметъ составляемъ мы сами, какъ-то: управленіе желаній и страстей, благоразуміе, мужество, человеколюбіе, и пр. Сіи блага суть великіе предметы стремленія нашего и главныя части нашего блаженства. Мы должны разсмотреть каждое изъ нихъ особенно, по местамъ занимаемымъ ими въ семъ натуральномъ ряде или лествице, и объяснить обязанность къ старанію объ оныхъ.

Краткость сея книги не позволитъ намъ размерять съ точностію истинную или относительную важность разныхъ родовъ благъ, представляющихся сердцу, или вступить въ дальнее изследованіе особенныхъ удовольствій, къ какимъ мы способны въ разсужденіи либо величности ихъ, либо продолженія, и которыхъ наслажденіе зависитъ более отъ случайныхъ обстоятельствъ, нежели отъ собственнаго нашего вниманія или прилежанія. По сему ограничимся мы разсмотреніемъ только техъ благъ, которыя точно заключаются въ собственномъ нашемъ круге, и которыя, будучи предметами нашего

вни-

вниманія и стремленія, принадлежатъ къ области должности.

Главныя *тѣлесныя* блага суть: *здравіе, крѣпость, проворство, способность къ перенесенію перемѣнъ, опрятность* и *благопристойность.*

Тѣлесныя блага.

Здравіе и порядочное удобное теченіе жизненныхъ духовъ сами по себѣ суть пріятныя натуральныя преимущества; они суть великой источникъ удовольствій, и подлинная приправа, сообщающая всякому другому удовольствію вкусъ его и прелесть. Недостатокъ здравія дѣлаетъ насъ неспособными къ большей части житейскихъ должностей, особливожъ есть врагъ общественныхъ и человѣколюбивыхъ склонностей; ибо нещастный страждущій обыкновенно бываетъ сердитъ и угрюмъ, недоволенъ распредѣленіемъ благъ отъ Провидѣнія, и по тому склоненъ къ подозрительнымъ и мрачнымъ мыслямъ о Подателѣ оныхъ. Сей недостатокъ препятствуетъ свободному и полному употребленію ума, дѣлаетъ насъ въ тягость друзьямъ нашимъ и неспособными къ сообществу. Напротивъ того ненарушимое наслажденіе здравія есть непрерывный источникъ веселости, а веселость другъ откровенности и добросердечія; оно дѣлаетъ насъ способными встрѣчать съ большею смѣлостію многоразличныя злоключенія и нещастіе въ жизни, или сносить оныя съ большимъ терпѣніемъ; однимъ словомъ, оно весьма много способствуетъ намъ дѣйствовать во всякомъ случаѣ съ большимъ постоянствомъ, равнодушіемъ и пристойностію (естьли мы впрочемъ имѣемъ надлежащее качество.) По сему весьма важно для насъ пріобрѣтеніе такого совершенства, безъ котораго всѣ другія внѣшнія удовольствія не имѣютъ вкуса и большая часть прочихъ преимуществъ мало пользы приноситъ.

Здравіе.

Самый лучшій способъ къ пріобрѣтенію онаго есть умѣренность въ яденіи и питіи, порядочное тѣлодвиженіе, и соблюденіе ясности духа, такъ, чтобъ онъ не былъ тревожимъ сильными страстями, или подавляемъ слишкомъ про-

Способъ ко пріобрѣтенію онаго.

продолжительными и непрерывными трудами, отъ чего самое крѣпчайшее сложеніе весьма ослабѣваетъ и мало по малу совсѣмъ разрушается.

Крѣпость, проворство, и пр.

Для крѣпости, проворства и способности къ перенесенію перемѣнъ потребно здравіе, безъ котораго ихъ имѣть не можно; но они содержатъ въ себѣ еще нѣчто болѣе, и нужны для сохраненія здравія, для совершеннаго употребленія жизни нашей и членовъ, и для приведенія насъ въ безопасность отъ многихъ золъ, которыя безъ нихъ неизбѣжны. Упражненіе въ нужныхъ для жизни рукодѣліяхъ, также и въ большей части искусствъ служащихъ къ украшенію, зависитъ отъ крѣпости и проворства тѣла; личныя, частныя и общія опасности, нужды друзей нашихъ, семейства нашего и отечества, требуютъ сихъ свойствъ; они необходимы на войнѣ, и служатъ украшеніемъ въ мирное время; полезны въ упражненіяхъ деревенской жизни, равно какъ и городской, и какъ въ той, такъ и въ другой, увеличиваютъ удовольствія и забавы. Они пріобрѣтаемы бываютъ по большей части посредствомъ умѣреннаго и постояннаго упражненія въ тѣлодвиженіяхъ.

Способъ къ пріобрѣтенію.

Способность къ перенесенію перемѣнъ.

Мало такихъ людей, которые были бы столь свободны отъ недостатка и зависимости, или отъ заботъ и трудовъ, чтобъ не бывали часто подвержены неравностямъ или перемѣнамъ въ пищѣ и питіи, въ движеніи, воздухѣ, климатѣ, и другимъ отступленіямъ отъ обыкновеннаго ихъ правила. Но что можетъ лучше предохранить человѣка отъ нещастій, причиняемыхъ такими неизбѣжными перемѣнами, какъ не крѣпость и нѣкоторая гибкость натуры, способная сносить чрезвычайные труды и подвергаться большимъ перемѣнамъ безъ примѣтнаго поврежденія или худыхъ слѣдствій? Самый лучшій способъ къ пріобрѣтенію оной есть не излишняя нѣга и слишкомъ тщательная точность въ образѣ жизни, или непремѣнный порядокъ въ ядѣніи и питіи, въ расположеніи времени и въ самыхъ упражненіяхъ; но отважная и

Способъ къ пріобрѣтенію.

благо-

благоучрежденная вольность въ діэтѣ. Сверьхъ сего, естьли мы при отступленіяхъ отъ постановленныхъ правилъ обыкновеннаго образа жизни остаемся въ предѣлахъ умѣренности и ума, то они бываютъ чистымъ источникомъ мыслей и новыхъ чувствованій, оживляютъ скучную сцену слишкомъ единообразной жизни и ежедневныхъ упражненій, и съ пріятностію возбуждаютъ страсти, которыя при одинакомъ образѣ жизни были бы безъ движенія, подобно болотной водѣ, или причиняли бы уныніе.

Опрятность, благопристойность, пр.

Опрятность, *чистота* и *благопристойность*, къ которымъ можно еще присовокупить *ловкость* въ поступи и ухваткахъ, кажется, заключаютъ сами въ себѣ уже нѣчто утонѣнное и нравственное. По крайней мѣрѣ, мы почитаемъ ихъ признаками любящаго порядокъ, благородномыслящаго и благоуправляемаго духа, знающаго внутреннюю свою цѣну и уваженіе, какимъ онъ обязанъ своей натурѣ. Напротивъ того неопрятность, нерадѣніе о чистотѣ, шалость и неблагопристойность, суть худые признаки заслуживающаго презрѣніе качества, безпечности и недостатка, и оказываютъ упрямое, подлое сердце, не знающее, чѣмъ обязано оно и себѣ и другимъ. Не нужно напоминать здѣсь, сколь много опрятность способствуетъ здравію. Равно очевидно и то, сколь нужна она къ поддержанію характера и достоинства въ жизни, и къ тому, чтобъ быть пріятнымъ какъ другимъ, такъ и самому себѣ. — Нѣкоторыя движенія, мины и ухватки кажутся пристойными виду и поведенію человѣческому, и мы находимъ въ нихъ нѣкое благородство, свободу, откровенность и пріятность. Напротивъ того другія кажутся противными нашему чувствованію и благопристойности, подлыми, принужденными, коварными и неучтивыми, и не сообразны природному достоинству вида человѣческаго. Первыя сами по себѣ суть самыя легчайшія, естественнѣйшія и удобнѣйшія; они сообщаютъ намъ смѣлость и присутствіе духа, скромную довѣренность къ самимъ себѣ, внушаютъ другимъ удовольственное уваженіе

женіе къ намъ; они обѣщаютъ чистоту и высокость души; предварительно располагаютъ другихъ къ выгодному объ насъ мнѣнію, дѣлаютъ сообщество наше пріятнымъ, часто заставляютъ любить насъ и почитать, и доставляютъ намъ высокую цѣну и преимущество какъ въ обращеніи, такъ и въ дѣлахъ; однимъ словомъ, они суть колоритъ добродѣтели, которую оказываютъ всегда съ великою выгодою того, въ комъ она есть, и не только подражаютъ добродѣтели, но нѣкоторымъ образомъ и замѣняютъ ее въ случаѣ недостатка оной. Неучтивость, принужденность, непристойность, и пр., производятъ совсѣмъ противныя дѣйствія. Онѣ бываютъ самимъ намъ въ тягость, наносятъ безчестіе натурѣ нашей, и дѣлаютъ намъ вредъ въ обществѣ. Самый лучшій способъ къ пріобрѣтенію оныхъ свойствъ, или благъ, есть благородное воспитаніе, сохраненіе справедливаго чувствованія достоинства натуры нашей, обращеніе въ самомъ лучшемъ и благонравнѣйшемъ обществѣ, а паче всего присвоеніе себѣ добродѣтельныхъ и возвышающихъ сердце навыковъ, которые составляютъ самую высочайшую благопристойность, сообщаютъ намъ видъ непринужденной возвышенности или великости, и распространяютъ по всей наружности и поступкамъ нашимъ дѣйствительно прелестный блескъ.

Способъ къ пріобрѣтенію.

Теперь по порядку надлежитъ намъ разсматривать блага, основывающіяся на внѣшнихъ общественныхъ связяхъ, какъ-то: *славу*, *имущество*, *гражданское уваженіе*, *власть*.

Блага внѣшнихъ общественныхъ связей.

Слава можетъ разсматриваема быть въ двоякомъ видѣ: какъ благо пріятное само по себѣ, или удовлетворящее коренному побужденію, и какъ благо способствующее и полезное къ иной дальнѣйшей цѣли. Честь, отъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ людей заслуженная добрыми поступками, служитъ наградою добродѣтельному человѣку; ибо гласъ собственнаго его сердца есть отзывъ пріятнаго тона сея чести. Мало такихъ людей, которые были бы совсѣмъ равнодушны и

Слава.

къ

къ похвалѣ отъ самой черни. Правда, не можно одобрить поведенія, проистекающаго изъ одного только сего источника, а не изъ добромыслія, или любви къ самому поведенію. Но для тварей, толь несовершенныхъ и часто подверженныхъ несогласнымъ между собою страстямъ, каковы мы, похвала нерѣдко служитъ подпорою и случайною побудительною причиною добродѣтели; по чему весьма бы опасно было совершенно истребить склонность къ оной. Напротивъ того съ другой стороны весьма благоразумно поступимъ, естьли заключимъ склонность сію въ надлежащихъ предѣлахъ, и даже похвально употреблять ее для навыка въ добродѣтели, такъ какъ употребляются при строеніи подставныя лѣса, которыя можно снять по совершеніи строенія, но не прежде. Искать славы для самой славы, есть невинное дѣло; желать ее только для пособія добродѣтели, благородно; искать ее для того, чтобъ имѣть орудіе къ споспѣшествованію общей пользѣ, еще благороднѣе и величайшей похвалы достойно. Ибо хотя людское мнѣніе и похвальная молва суть непостоянныя вещи, часто безъ заслугъ получаемыя, и теряемыя безъ вины. Однакожъ мы должны имѣть дѣло съ людьми, и способность служить имъ обыкновенно тѣмъ паче въ насъ увеличивается, чѣмъ болѣе возрастаетъ почтеніе ихъ къ намъ; а по тому умная и основательная похвала есть такое благо, котораго праводѣтельные люди искать могутъ, и ищутъ со скромностію и безъ хвастовства, не какъ уединеннаго, искусствомъ изобрѣтеннаго услажденія, но какъ общеполезнаго и удобнаго орудія къ дѣланію добра и доставленію благополучія другимъ. При томъ надлежитъ имъ научиться презирать честь основывающуюся только на чинахъ, богатствѣ, или иныхъ обстоятельствахъ и преимуществахъ, которыя не существенны дѣйствительнымъ совершенствамъ, или полезнымъ услугамъ оказываемымъ ими другимъ людямъ. Также надлежитъ имъ почитать такую похвалу весьма маловажною, которой домогаются безъ заслугъ, и которую получаютъ отъ неразумѣнія.

Имущество власть, и пр.

Имущество, *власть*, *уваженіе въ гражданствѣ*, или все то, что у людей имѣетъ великое вліяніе и высокую цѣну, суть блага втораго класса; то есть, они важны и заслуживаютъ быть искомы по тому только, что полезны и суть средства къ какой либо дальнѣйшей цѣли; а именно, по тому что служатъ къ доставленію или соблюденію намъ либо другимъ непосредственныхъ предметовъ радости или блаженства. И такъ весьма неестественно и неразумно любить сіи блага для нихъ самихъ, и домогаться ихъ какъ цѣлей, а не какъ средствъ къ радости. При такомъ намѣреніи не можно опредѣлить себѣ мѣры и положить предѣла; но все должно быть мечта, упрямство и заблужденіе. По чему такія желанія и не сходны бываютъ ни съ какими натуральными желаніями; пріобрѣтеніе желаемаго увеличиваетъ ихъ, и отъ наслажденія они становятся еще сильнѣе. Они исполняются всегда только съ условіемъ, и исполненіе оныхъ невѣрно и подвержено опасности, по тому, что предметы ихъ внѣ насъ находятся; рѣдко не бываютъ они сопряжены съ заботою и безпокойствомъ, ибо никакое увеличеніе богатства или власти удовлетворить имъ не можетъ. Но принимая сіи блага только за матеріалы или средства къ частному или общему блаженству, мы обязаны искать ихъ, по тѣмъ же самымъ обязанностямъ, которыя заставляютъ насъ искать сего блаженства.

По чему надлежитъ искать оныхъ.

Мы безспорно можемъ и должны стараться о пріобрѣтеніи богатства въ такомъ количествѣ, какое нужно для удовлетворенія истиннымъ потребностямъ, для освобожденія себя отъ рабской зависимости, и для снабденія удобствами пристойными мѣсту и состоянію нашему въ общежитіи. Кто слишкомъ безпеченъ въ разсужденіи такого количества богатства, тотъ подвергается всѣмъ искушеніямъ бѣдности и соблазна, теряетъ натуральную свою независимость и свободу, унижаетъ мѣсто свое и характеръ въ обществѣ, и слѣдовательно дѣлаетъ оное безполезнымъ, либо и презрѣннымъ. Но имѣя потребное для удовлетворенія симъ важнымъ цѣлямъ,

лямъ, не должно роптать или негодовать на то, что не имѣемъ болѣе. Однакожъ никакая нравственная или откровеніемъ сообщенная обязанность не запрещаетъ намъ стараться о пріобрѣтеніи еще большаго, дабы имѣть самое блаженнѣйшее и паче всего къ Божеству насъ приближающее свойство, а именно, *быть въ состояніи дѣлать добро.* Лѣность въ разсужденіи сего и неразумна и порочна: неразумна по тому, что лишаетъ насъ неизчерпаемаго источника самой чистѣйшей и прочнѣйшей радости; а порочна по тому, что съ сея стороны дѣлаетъ насъ безполезными обществу, къ которому мы принадлежимъ. „Стремленіе къ богатству, простирающееся далѣе первой цѣли, то есть „далѣе пріобрѣтенія необходимо нужнаго, или „житейскихъ удобствъ, сообразныхъ мѣсту „нашему и состоянію по предписанію ума (а не тщеславія или страсти), но также не имѣющее цѣлію и „дѣланія добра, называется *корыстолюбіемъ.* Естьлижъ „мы, пріобрѣтши свойственную намъ независимость и свободу умнаго и къ общежитію „опредѣленнаго существа, домогаемся еще власти, не „поставляя при томъ цѣлію пользы другихъ людей: сіе „называется *честолюбіемъ*, или *властолюбіемъ.*“ Едва ли возможно назначить съ совершенною точностію, до чего надлежащіе предѣлы добродѣтели позволяютъ намъ доходить въ исканіи богатства, или власти и уваженія въ гражданствѣ. Сіе должно предоставлено быть благоразумію, особенному характеру, состоянію и другимъ обстоятельствамъ каждаго человѣка. Можно положить только тотъ предѣлъ, чтобъ стремленіе къ которому либо изъ сихъ благъ не нарушало никакой иной должности или обязанности, относящейся къ намъ самимъ, къ обществу, или къ отцу и начальнику онаго. О власти надлежитъ сказать то же самое, что сказано о богатствѣ. Она имѣетъ цѣну по тому только, что служитъ орудіемъ къ собственному нашему блаженству и къ свободному наслажденію тѣхъ коренныхъ благъ, которыя она доставить можетъ и часто въ самомъ дѣлѣ доставляетъ; и по тому, что она есть средство къ

Корыстолюбіе.

Честолюбіе.

 рас-

распространенію блаженства друзей нашихъ, отечества и всего рода человѣческаго. Въ сей степени можно, и естьли не запрещаетъ какое либо вышшее благо, то должно искать оной. Естьли предлагаютъ намъ такую власть, или естьли мы сами можемъ пріобрѣсть ее съ чистою совѣстію: то порочно было бы отвергать оную, или по своекорыстной лѣности пренебрегать потребные къ полученію ея способы.

Способы къ пріобрѣтенію славы и власти.

Самый лучшій и одинъ только истинный путь къ достиженію основательной и прочной славы есть тотъ, чтобъ наблюдать единообразное и непремѣнное добродѣтельное поведеніе, употреблять способности свои и богатство на вспоможеніе другимъ въ ихъ нуждахъ, власть свою употреблять на споспѣшествованіе благополучію другихъ и на защищеніе правъ ихъ, и при всемъ томъ вообще поступать съ ласковостію и учтивостію. Равнымъ образомъ, кто изберетъ такое поведеніе способомъ къ пріобрѣтенію богатства или власти, тотъ вѣрно не обманется; а особливо, естьли будетъ совокуплять съ сими выгодами непрерывное прилѣжаніе, постоянное вниманіе ко нравамъ и потребностямъ людей и къ обстоятельствамъ разнаго времени, всегдашнюю гибкость духа въ дѣлахъ и твердую неустрашимую правдивость, которая не была бы ни прельщаема ласкательствомъ, ни колеблема страхомъ при видѣ смятеній и замѣшательствъ, въ какихъ мы живемъ. Хотя извѣстны другіе способы и пути, какъ то: обманы, притворство, рабское ласкательство, нечувствительность къ собственному безчестію, и другіе симъ подобные подлые пріемы, которыми такъ называемые свѣтскіе люди, или хитрые политики, собираютъ богатство и пріобрѣтаютъ власть; но мы, имѣя цѣлію образованіе добродѣтельнаго, честнаго, довольнаго и щасливаго человѣка, не касаемся до способовъ сихъ свѣтскихъ людей, и не завидуя и не подражая имъ, оставляемъ ихъ собирать плоды дѣлъ своихъ.

Блага разума.

Слѣдующій родъ предметовъ въ размѣреніи добра суть блага *разума*, какъ то:

по-

познаніе, *память*, *разсудокъ*, *вкусъ*, *проницательность*, *понятливость*, и все то, что называется *совершенствами разума*. Мы разсмотримъ ихъ нѣсколько, и будемъ разсуждать какъ о способахъ къ исправленію оныхъ, такъ и обязанностяхъ къ тому.

Важность оныхъ.

Человѣкъ есть умное существо, способное къ познаванію различій вещей и дѣлъ; — онъ не только видитъ и ощущаетъ настоящее, но также вспоминаетъ прошедшее, а часто и будущее предвидитъ; — идетъ къ познанію и опыту отъ малаго начала медленными шагами и со многими трудами и препятствіями; — мнѣнія его управляютъ страстями, а страсти поступками; — поступки его имѣютъ слѣдствія, простирающіяся не только на настоящее, но и на будущее время, и по тому суть главные источники или блаженства его, или бѣдствія. Все сіе явно показываетъ, что образованію его свойственно исправленіе силъ духа, и что для него должно быть весьма важно употребленіе и образованіе духовныхъ силъ, отъ которыхъ сіи мнѣнія, страсти и поступки зависятъ.

Какое удовольствіе они доставляютъ.

Но кромѣ будущихъ слѣдствій и важности исправленія духовныхъ силъ нашихъ, непосредственное упражненіе оныхъ въ свойственныхъ имъ предметахъ доставляетъ самое умное и чистое удовольствіе.

Познаніе и вкусъ.

Познаніе и правильный *вкусъ* въ искусствахъ подражанія и изобрѣтенія, какъ-то: въ поэзіи, живописи, скульптурѣ, музыкѣ, архитектурѣ, приносятъ не только невинное, но и весьма живое и высокое удовольствіе. Они сообщаютъ разуму свѣдѣніе о древнемъ и новомъ образѣ жизни, о исторіи людей и вещей, о силѣ и разныхъ дѣйствіяхъ страстей, о слѣдствіяхъ добродѣтели и порока; посредствомъ ихъ сила воображенія любуется и купно питается красотами Натуры и искусства, просвѣщается и распространяется новостію, великостію и согласіемъ, находимымъ во всемъ мірѣ; короче сказать, страсти бываютъ трогаемы съ пріятностію и надлежащимъ образомъ занимае-

маемы самыми величайшими и важнѣйшими предметами, какіе только могутъ наполнять сердце человѣческое. Кто имѣетъ вкусъ пріученный къ симъ благороднымъ удовольствіямъ, и изобиліе въ матеріалахъ для удовлетворенія оному, тотъ никогда не можетъ имѣть недостатка въ самомъ пріятномъ упражненіи, и причины къ обыкновеннымъ жалобамъ на скуку. Также не будетъ онъ имѣть недостатка въ предметѣ удобномъ къ наставленію и исправленію сердца. Ибо, занимаясь ежедневно красотою, порядкомъ и изобрѣтеніемъ въ вещахъ менѣе важныхъ, онъ подаетъ о себѣ самую вѣрную надежду, быть со временемъ любителемъ всего изящнаго и благопристойнаго въ расположеніи жизни и въ порядкѣ общества, которое есть не иное что, какъ только порядокъ и изобрѣтеніе, употребляемыя при самомъ вышшемъ ихъ предметѣ. Доброгласіе поэзіи приведетъ его къ гармоніи сердца и надлежащему управленію страстей; отъ удивленія добродѣтелямъ другихъ въ нравственныхъ изображеніяхъ, онъ перейдетъ къ одобренію оныхъ и къ подражанію. И такъ образованіе истиннаго и чистаго вкуса не только *полезно*, но и составляетъ *должность* для насъ, естьли обстоятельства наши доставляютъ время и случай къ оному, и естьли вышшія обязанности или должности къ обществу и роду человѣческому не препятствуютъ заниматься онымъ.

Способы къ пріобрѣтенію оныхъ.

Мы пріобрѣтаемъ познаніе и вкусъ посредствомъ чтенія самыхъ лучшихъ книгъ, въ которыхъ болѣе здраваго ума, нежели учености, и имѣющихъ цѣлію не одно только знаніе, но паче самое дѣло; посредствомъ вниканія въ самые лучшіе образцы, то есть въ такіе, которые вѣрнѣе всѣхъ подражаютъ Натурѣ и болѣе всѣхъ сходствуютъ съ нею; посредствомъ обращенія съ людьми имѣющими тонкой вкусъ и великую опытность.

Важность благъ разума.

Касательно прочихъ благъ разума, коль обильный источникъ упражненій находится въ томъ, чтобъ испытывать истину и многоразличныя отношенія вещей, изслѣдовать дѣйствія Натуры даже до всеобщихъ законовъ, объя-

объяснять по симъ законамъ многоразличныя натуральныя явленія; уразумѣвать порядокъ, которымъ все твореніе содержится, и устройство, по которому оно управляемо; вникать въ духъ человѣческой, познавать связи, подчиненности и различную пользу силъ его, и наблюдать вліяніе оныхъ въ жизнь человѣческую! Коль пріятно прозорливому наблюдателю замѣчать многоразличныя отношенія и связи разныхъ характеровъ въ обществѣ, открывать причины возвышенія и паденія обществъ, и восходить по пространной лѣствицѣ существъ ко всеобщему Духу, надъ всемъ надзирающему, и невидимо дѣйствующему во всякой системѣ, во всякое время, во всей окружности и постепенномъ ходѣ Натуры! Углубляясь въ такія упражненія, мыслящіе умы жертвовали онымъ всякими иными удовольствіями, какъ бы разлучались съ тѣломъ, и удалялись отъ общественныхъ дѣлъ въ уединеніе. Для нихъ трудолюбивые мужи часто предпочитали тихое, спокойное размышленіе шуму и тревогѣ общежитія. Самые расточители времени и сластолюбцы, получивши вкусъ въ сихъ упражненіяхъ, отвергали необузданныя стремленія чувствъ и похотей, и признавали сіи духовныя удовольствія самыми чистѣйшими и единственными. Сверьхъ того справедливое и пространное знаніе Натуры, открывая намъ совершенства Творца ея, возбуждаетъ и утверждаетъ въ насъ богобоязненность и всѣ благочестивыя склонности, основывающіяся на справедливыхъ представленіяхъ свойствъ Его, а чрезъ то разсѣиваетъ и уничтожаетъ многія суевѣрныя заботы, происходящія отъ недостаточнаго свѣдѣнія о существѣ и дѣлахъ Божіихъ. Обозрѣніе жизни человѣческой, непостоянства и скорыхъ перемѣнъ въ вещахъ, весьма способно ко вліянію въ душу нѣкоей возвышенности и благороднаго презрѣнія къ маловажнымъ попеченіямъ о власти, чести и богатствѣ, которыя безпокоятъ толпу народную и причиняютъ въ ней раздоры; оно весьма способно родить въ насъ спокойное терпѣніе при непріятностяхъ и злоключеніяхъ, которыя суть жребій человѣчества. Присовокупимъ еще ко всему оному, что справедливое знаніе человѣческой натуры и глав-

главныхъ основаній дѣлъ и приключеній человѣческихъ, не допуститъ насъ имѣть ни слишкомъ высокаго, ни слишкомъ низкаго мнѣнія о нашихъ ближнихъ; оно укажетъ не малую цѣль стремленію къ дружбѣ, довѣренности и добросердечію; но купно вооружитъ сердце наше надлежащею осторожностію и недовѣреніемъ, пружинами благоразумія, и сообщитъ ему большую власть надъ поступками какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. И такъ образуя способности разума, мы будемъ самымъ лучшимъ образомъ споспѣшествовать своей пользѣ, и пріобрѣтемъ славу чрезъ то, что будемъ дѣйствовать въ обществѣ съ большею честію для самихъ себя и съ большею выгодою для рода человѣческаго. Слѣдовательно, доводить сіи способности до самой крайней степени совершенства, до какой только возможно, есть должность наша. Онѣ суть сокровища, ввѣренныя намъ всемогущимъ Правителемъ общества, и мы должны дать Ему отчетъ въ употребленіи оныхъ. Однакожъ при всемъ томъ надлежитъ не забывать, что Музы и Граціи, хотя весьма прелестны, но главная заслуга ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ онѣ отворяли входъ и придавали великолѣпіе нравственнымъ добродѣтелямъ; а отступая отъ сея должности, онѣ бываютъ прислужницами самыхъ подлыхъ страстей, сводницами пороковъ, и приводятъ людей (естьли можно употребить сіе выраженіе) въ состояніе просвѣщенной, или утонѣнной дикости.

Способы къ пріобрѣтенію оныхъ.

Самые лучшіе способы къ пріобрѣтенію совершенствъ разума суть: тщательныя и прилѣжныя наблюденія, многое и частое чтеніе, и обращеніе съ людьми разныхъ характеровъ, а особливо съ такими, которые съ частнымъ ученіемъ совокупляютъ обширное знаніе міра и упражненіе въ дѣлахъ. Такіе удобные случаи весьма споспѣшествуютъ къ отложенію предразсужденій и рабской преданности къ невыразумѣннымъ системамъ; споспѣшествуютъ къ просвѣщенію ума и къ полученію опытности, на которой основывается практическое познаніе, полезнѣйшее всякаго другаго, и изъ которой проистекаютъ самыя надежнѣйшія правила поведенія въ жизни.

Вы-

Высочайшія блага, изъ которыхъ состоитъ блаженство человѣческое, суть *нравственныя блага сердца*, которыхъ мы сами собственный и послѣдній предметъ, какъ-то: *обладаніе желаній и страстей, благоразуміе и осторожность, великодушіе, мужество, смиреніе, любовь къ добродѣтели, любовь къ Богу, терпѣливость въ страданіи*, и пр. Сіи высокія блага суть блага въ самомъ точномъ смыслѣ; внутреннее достойное уваженія чувство натуры нашей одобряетъ ихъ и представляетъ какъ блага; они составляютъ содержаніе, собственное существо блаженства, тотъ видъ и красоту души, которыя дѣлаютъ насъ достойными похвалы и пріятными предъ очами Божіими; однимъ словомъ, они суть такія блага, которыя содержатъ въ себѣ начала всего будущаго нашего совершенства и блаженства.

Нравственныя блага.

Мы видѣли, что прочія блага зависятъ частію отъ насъ самихъ, частію отъ такихъ случаевъ, которыхъ мы ни предусмотрѣть, ни отвратить не можемъ, и происходятъ отъ такихъ причинъ, которыми намъ управлять, или перемѣнять ихъ, не можно. Они суть такія блага, которыя мы сегодни имѣемъ, а завтра потерять можемъ. Чтобъ пріобрѣсть ихъ въ полной ихъ красотѣ и совершенствѣ, для сего потребны щастливое сложеніе и природныя дарованія; а для безопасности въ обладаніи оныхъ потребно стеченіе многихъ щастливыхъ обстоятельствъ. И такъ, естьлибъ наше блаженство все или по большей части зависѣло отъ ненадежнаго обладанія такихъ преходящихъ и невѣрныхъ благъ: то само оно было бы весьма невѣрно, и мы поступали бы весьма неразумно, заботясь объ немъ. — Хотяжъ такія твари, каковы мы, не могутъ равнодушны быть къ симъ благамъ, и безъ нихъ нѣкоторымъ образомъ претерпѣвали бы нужду, а по тому блаженство наше было бы несовершенно; однако въ сравненіи съ нравственными благами, они маловажны. По благому устроенію натуры нашей, нравственныя блага находятся въ кругѣ нашего дѣйствованія, такъ что никакой человѣкъ, не отверг-

Важность ихъ.

шись самого себя, ихъ лишенъ быть не можетъ. Многіе изъ самыхъ мудрыхъ и лучшихъ людей претерпѣвали недостатокъ въ большей части вышепомянутыхъ благъ и бывали подвержены весьма многимъ зламъ, по крайней мѣрѣ необходимо проистекающимъ изъ недостатка оныхъ; но имѣвши нравственныя блага, они называли себя щастливыми, и безпристрастные наблюдатели очевидно увѣрились, что они въ самомъ дѣлѣ были щастливы. Напротивъ того самые худшіе люди, снабдены будучи всѣми внѣшними благами и выгодами богатства, и находившись на высокихъ степеняхъ почестей, были явно весьма нещастны, и часто сами въ томъ признавались. Исполненіе добродѣтели всегда вспомоществовало вѣрно ей преданнымъ, и подавало имъ радость почти въ несносныхъ страданіяхъ. Коль часто даже самый ложный видъ добродѣтели, или тѣнь ея, сообщали твердость самымъ величайшимъ злодѣямъ и лицемѣрамъ (*) въ такихъ же обстоятельствахъ! Но никакія внѣшнія блага, никакіе дары щастія не были въ состояніи смягчить мученіе при смерти, или разгнать страхъ порочнаго сердца, чувствовавшаго, что оно заслужило ненависть и основательныя укоризны отъ людей, а отъ всемогущаго Бога праведный гнѣвъ. Прочія чувства и способности къ радости получаютъ удовлетвореніе, какъ скоро достигаютъ свойственныхъ имъ предметовъ; и блаженство относящихся къ нимъ страстей основывается на щастливомъ достиженіи различныхъ ихъ цѣлей. По чему, честолюбивые, сластолюбцы, властолюбивые, и пр., тогда только получаютъ удовольствіе, когда пріобрѣтаютъ ту честь, тѣ забавы, или ту власть, къ которымъ они стремятся; естьлижъ стремленіе ихъ не имѣетъ успѣха, то они бываютъ нещастны; а нещастіе возбуждаетъ неудовольствіе. Напротивъ того натура *нравственнаго добра* толь отмѣнна

(*) Напр. Равальяку, умертвившему Короля Французскаго Генрика IV, и Балтазару Гергарду, убійцѣ Вилгельма I, Принца Оранскаго.

на и возвышенна, что сердце стремящееся къ оному, хотя бы и не имѣло успѣха въ намѣреніяхъ своихъ, но можетъ спокойно быть при своихъ поступкахъ, не сѣтуя на неудачу и не унывая. Удовольствіе, сопровождающее внутреннее чувствованіе добрыхъ намѣреній и великодушныхъ стараній, совершенно превзойдетъ оную неудачу, и уничтожитъ въ глазахъ нашихъ всѣ другія намѣренія; ибо они, въ сравненіи съ великою суммою остающагося намъ добра, ничего не значатъ. По сему, хотя блаженство человѣческое въ нынѣшнемъ состояніи проистекаетъ изъ многихъ особенныхъ и мѣлкихъ ключей, которые при непрестанномъ приливѣ и отливѣ вещей весьма часто должны бываютъ изсякать; однакожъ главный потокъ, съ которымъ оные меньшіе потоки обыкновенно сливаются, происходитъ изъ внутренности сердца, и течетъ во всю жизнь съ сильнымъ и всегда одинаковымъ стремленіемъ, естьли источникъ его чистъ. Но какъ и мѣлкія числа множествомъ своимъ составляютъ немалую сумму, и какъ оныя нижщія блага, принадлежащія къ блаженству, напр. здравіе, покой, имущество, и пр., часто при самомъ тщательномъ нашемъ стараніи пріобрѣтаемы быть не могутъ, или по крайней мѣрѣ бываютъ ненадежны: того ради весьма важно для насъ предуготовлять себя къ недостатку оныхъ, умѣряя желанія и удерживая страсти въ надлежащей покорности. При томъ не должно забывать, что не только для спокойствія нащего и безопасности отъ нещастія полезно, но и составляетъ одну изъ высочайшихъ добродѣтелей, презирать такія вещи, которыхъ презрѣніе по истинѣ благородно и великодушно, и поставлять блаженство свое паче всего въ добродѣтельныхъ навыкахъ и склонностяхъ, происходящихъ изъ чистаго и благоуправляемаго сердца: блаженство, котораго никакое состояніе повредить, и никакая перемѣна щастія нарушить или уничтожить не можетъ. Сіе защититъ и укрѣпитъ сердце наше противъ недостатка нижшихъ благъ и противъ заботъ, которымъ противныя онымъ зла большую часть людей подвергаютъ.

Пы-

Смѣшанное состояніе жизни человѣческой требуетъ особенныхъ должностей.

Нынѣшнее состояніе жизни человѣческой есть чудное смѣшеніе добра и зла, и никакая высокость почестей, никакое изобиліе имущества не можетъ сдѣлать добра совершенно надежнымъ, а отъ зла насъ предохранить: по чему очевидно, что большая часть радости и веселости въ жизни должна основываться на томъ, чтобъ мы содержали сердце свое въ надлежащемъ расположеніи и къ тому и къ другому; то есть, чтобъ наблюдали умѣренность какъ при утратѣ добра, такъ и претерпѣвая зло. Ибо то весьма истинно, что внѣшнія нещастія почерпаютъ самый вреднѣйшій ядъ свой и самыя чувствительнѣйшія свои дѣйствія изъ внутренняго расположенія, съ какимъ мы ихъ принимаемъ. Умѣя привести себя въ порядочное расположеніе, можемъ отнять много силы у сего яда и его дѣйствія, а по тому уменьшить число золъ въ жизни, и облегчить ихъ тяжесть, естьли и не въ нашей власти состоитъ пріобрѣсть достаточное число благъ. Три добродѣтели особенно способствуютъ намъ къ приведенію себя въ надлежащее расположеніе для принятія сихъ золъ, и имѣютъ отмѣнную силу естьли не къ совершенному отвращенію, то по крайней мѣрѣ къ великому облегченію нещастій. Сіи добродѣтели суть: *мужество*, *смиреніе* и *терпѣливость*. Мы разсмотримъ нѣсколько обстоятельнѣе какъ ихъ, такъ и сопровождающія ихъ дѣйствія.

Мужество.

Мужество есть спокойное и неподвижное расположеніе сердца, которое либо умѣряетъ заботы наши и дѣлаетъ насъ способными смѣло ожидать угрожающаго намъ зла, либо при непосредственныхъ угнѣтеніяхъ сего зла, дѣлаетъ духъ нашъ спокойнымъ и непреодолимымъ. Оно удалено отъ дерзости, равно какъ и отъ робости; и хотя оно не избавляетъ насъ отъ чувствованія удара, однакожъ не допускаетъ жаловаться на сей ударъ, или поколебаться приономъ. Оно всегда заключаетъ въ себѣ великодушное презрѣніе всѣхъ занятыхъ благъ, которыхъ полученіе и продолженіе не отъ насъ зависитъ; или по крайней

ней мѣрѣ поставляетъ насъ выше оныхъ. По чему человѣкъ, имѣющій сію добродѣтель въ семъ пространномъ смыслѣ, стоитъ на высотѣ, и видитъ приключенія человѣческія ниже себя. Хотя буря можетъ и до него достичь, однакожъ онъ стоитъ безопасно и твердо на основаніи чувствующей себя добродѣтели, которое самыя жесточайшія бури рѣдко могутъ потрясти, а испровергнуть никогда не могутъ.

Смиреніе есть другая добродѣтель высокаго достоинства, хотя гордые смертные ошибаясь часто почитаютъ ее подлостію и робостію. Она противна *гордости*, заключающей въ себѣ ложное или излишнее уваженіе собственныхъ заслугъ, приписываніе оныхъ самимъ себѣ, какъ единственной и первоначальной причинѣ, непристойное сравненіе себя съ другими, и въ слѣдствіе мнимаго преимущества дерзское предпочтеніе себя и надмѣнное презрѣніе къ другимъ. Напротивъ того смиреніе означаетъ скромное и свободное качество сердца, происходящее отъ истиннаго и справедливаго оцѣненія собственныхъ нашихъ преимуществъ въ сравненіи съ преимуществами другихъ, и отъ увѣренія въ томъ, что мы обязаны всѣми сими преимуществами первоначально Творцу нашему. Оно обыкновенно сопровождаемо бываетъ кротостію, пощадою другихъ и скромнымъ человѣколюбіемъ въ разсужденіи несовершенствъ и погрѣшностей другихъ, — такими добродѣтелями, которыя въ самомъ дѣлѣ рѣдки, и весьма благородны, которыя суть подлинное порожденіе отца толико достойнаго любви, самое лучшее украшеніе толь несовершенныхъ тварей, каковы мы, которыя драгоцѣнны предъ очами Божіими, и пріятностію своею привлекаютъ сердца человѣческія. — Смиреніе не совсѣмъ не извѣстно было благоразумнѣйшимъ Нравоучителямъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ, причислявшимъ его къ добродѣтелямъ подъ названіемъ Submiſſio animi. Но въ высочайшемъ совершенствѣ ученіе объономъ сообщаемо только Христіанскою религіею, и подтверждаемо въ ней самымъ величайшимъ примѣромъ и самыми сильнѣйшими побудительными причинами. Ибо Христіанская религія,

Смиреніе.

пове-

повелѣвая намъ исполненіе какъ сея, такъ и всякой другой нравственной и откровеніемъ предписанной добродѣтели, и возвышая оныя паче всякой иной системы религіи и Философіи, когда либо въ мірѣ бывшей, даетъ намъ наставленіе, что всякая добродѣтель и всякое натуральное дарованіе должны относиться къ первоначальному ихъ источнику, къ *Отцу всякаго свѣта, отъ котораго всякой добрый даръ и всякой совершенный даръ сходитъ.* Смиреніе есть добродѣтель служащая великимъ украшеніемъ тому нраву, въ которомъ оно находится, и освѣщающая всякую другую добродѣтель; оно есть несравненное свойство довольнаго сердца, и превосходная защита отъ многихъ золъ въ жизни, которыя нѣжнымъ и прихотливымъ людямъ бываютъ весьма чувствительны. Для увѣренія себя въ томъ, надлежитъ намъ только вспомнить, коль многія досады наши происходятъ отъ оскорбленія нашей гордости; — колико увеличиваемо и усиливаемо бываетъ почти всякое претерпѣваемое нами зло, или встрѣчающееся намѣреніямъ нашимъ сопротивленіе, тѣмъ самымъ, что мы представляемъ себѣ мнимыя свои достоинства, или то, что мы сихъ золъ не заслуживаемъ и имѣемъ всѣ права на благополучіе. Но благоразумное увѣреніе въ томъ, что мы и отъ кого зависимъ, и чувствованіе великаго разстоянія между нашею добродѣтелію и тѣмъ верьхомъ совершенства, къ которому намъ стремиться надлежитъ, отнимутъ силу у всѣхъ обидъ и поношеній, и доведутъ насъ до такого состоянія, что мы будетъ довольствоваться достающимися намъ благами и оставаться спокойными при злѣ, которое, какъ сія прозорливая и осторожная добродѣтель намъ покажетъ, часто должны мы приписывать собственнымъ нашимъ худымъ поступкамъ, и слѣдовательно почитать его праведнымъ и спасительнымъ наказаніемъ отъ Бога.

Терпѣливость. *Терпѣливость* есть кроткое и героическое расположеніе души, происходящее отъ увѣренія въ премудромъ и преблагомъ провидѣніи, и дѣлающее насъ способными покоряться праведнымъ установленіямъ онаго. Сія добродѣтель имѣетъ

въ

вЪ существѣ своемЪ нѣчто особенно ей свойственное, и нѣчто высокое вЪ своемЪ дѣйствованіи. Ибо она не только научаетЪ насЪ сносить зло сЪ терпѣніемЪ и какЪ нѣчто неизбѣжное; но и какЪ бы превращаетЪ зло вЪ добро, заставляя насЪ принимать оное купно со всякимЪ приключеніемЪ, имѣющимЪ самой малѣйшій видЪ зла, за божественное учрежденіе, за мудрое и благое распредѣленіе вещей, споспѣшествующее всеобщей пользѣ, вЪ которой содержится и польза каждаго частнаго существа, особливожЪ спокойно покоряющагося оному. Управленіе Божіе и каждое дѣло онаго, разсматриваемо будучи вЪ семЪ свѣтѣ, бываетЪ предметомЪ любви нашей; зло изчезаетЪ, или становится бальсамомЪ, исцѣляющимЪ и питающимЪ сердце наше. Ибо, хотя неожидаемое зло сперва устрашаетЪ и опечаливаетЪ душу; однакожЪ сія печаль превращается вЪ удовольствіе, какЪ скоро мы спокойно разсудимЪ о ея предметѣ; мало по малу сердце получаетЪ кЪ ней почтеніе, и она становится божественнымЪ душевнымЪ спокойствіемЪ. Частная воля наша теряется вЪ волѣ Всемогущаго, и безопасность наша отЪ всякаго дѣйствительнаго зла утверждается на томЪ же основаніи, на которомЪ утвержденЪ престолЪ Имѣющаго жизнь и власть вѣчную. И такЪ, кто снабденЪ такою бронею, занятою, естьли можно такЪ сказать, изЪ небесной оружейницы, того и самыя острѣйшія стрѣлы щастія уязвить не могутЪ, и вся злоба человѣческая противЪ него безсильна. Хотя не можетЪ онЪ быть свободенЪ отЪ золЪ, сопряженныхЪ со жребіемЪ человѣковЪ; однако можетЪ имѣть сердечное спокойствіе и удовольствіе, отнимающее жало у сихЪ золЪ, и весьма близкое кЪ совершенной свободѣ отЪ оныхЪ. — Но мы могли теперь только коснуться сея матеріи, и должны отложить до другаго удобнѣйшаго мѣста обстоятельное разсмотрѣніе должностей нашихЪ, обязывающихЪ насЪ искать сихЪ нравственныхЪ благЪ сердца, и указаніе самого лучшаго способа кЪ тому.

Самое высочайшее добро.

Прежде, нежели окончимЪ сію главу, не безполезно будетЪ замѣтить еще слѣдующее: Божество есть самый высочайшій и неисчер-

ро въ разсужденіи предмета, и въ разсужденіи формы.

паемый источникъ всего добра, изъ котораго блаженство всего творенія происходитъ; Оно есть самый высочайшій въ Натурѣ и единственный предметъ совершенно сообразный духовнымъ и нравственнымъ силамъ души, которыя при немъ останавливаются, совершенно занимаются, и находятъ совершенное удовлетвореніе; а по тому *Божество* называется *самымъ высочайшимъ благомъ въ разсужденіи предмета* (objective). *Добродѣтель*, или благоразмѣрное и живое употребленіе различныхъ силъ и склонностей къ приличнымъ предметамъ, описанное нами выше сего, называется въ Философскихъ училищахъ *самымъ высочайшимъ благомъ въ разсужденіи формы*, или *формальнымъ понятіемъ* онаго; ибо она есть внутреннее устроеніе, или первоначальная натура человѣческаго блаженства.

Изъ всего сказаннаго нами доселѣ можно вывести слѣдующія положенія.

Слѣдствія.

1) Очевидно, что блаженство такого существа, которому опредѣлено постепенно восходить къ совершенству, каковъ человѣкъ, никогда не можетъ найти твердаго предѣла, или быть опредѣленно и неперемѣнчиво. Сколь бы высоко ни вознеслась натура его, однакожъ всегда способна къ вышшимъ степенямъ исправленія и совершенства; и увеличеніе исправленія его, или добродѣтели, всегда пролагаетъ путь увеличенію блаженства. По сему, ни въ какомъ періодѣ бытія его не можно опредѣлить такого состоянія, въ которомъ бы онъ былъ совершенно блаженъ, то есть такъ, чтобъ не былъ уже способенъ ни къ какой вышшей степени блаженства. Всякое блаженство его есть блаженство только по сравненію. 2) Также явно, что для полноты блаженства толь перемѣнчиваго существа, подверженнаго толь многоразличнымъ нуждамъ и способнаго къ толь различнымъ удовольствіямъ, какъ человѣкъ, потребно стеченіе многихъ обстоятельствъ. 3) Понеже способности его къ удовольствію не могутъ всѣ въ одно время получить удовлетворенія, и понеже въ такомъ ненадежномъ и зыбкомъ состояніи, какова жизнь человѣческая,

онѣ

онѣ часто должны быть несогласны между собою, или часто не достигать своихъ цѣлей: то въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи не возможно пріобрѣсть совершеннаго блаженства, или ненарушимаго наслажденія различныхъ удовольствій, къ какимъ мы способны. 4) Намъ надлежитъ паче всего домогаться такого состоянія, въ которомъ бы случалось менѣе несогласныхъ выгодъ и непріятностей, нежели во всякомъ другомъ, которое ослабляло бы менѣе всякаго другаго чувствованіе удовольствія, и открывало бы неисчерпаемый источникъ самыхъ чистыхъ и прочныхъ радостей. 5) Состояніе, сопровождаемое всѣми оными выгодами, есть состояніе добродѣтели, или добродѣтельная жизнь. 6) Слѣдовательно, состояніе добродѣтели, въ которомъ мы пріобрѣтаемъ нравственныя блага сердца, есть самое *блаженнѣйшее состояніе.*

Глава III.

Должности къ обществу.

Отдѣленіе I.

Дѣтская и братская должность.

Послѣдовавъ порядку Натуры въ описаніи исторіи человѣка и должностей его къ самому себѣ, почитаемъ за нужное наблюдать сей же самой методъ и при должностяхъ *къ обществу*, составляющихъ *второй* классъ его обязанностей.

Связь съ родителями.

Родители принадлежатъ къ самымъ первымъ предметамъ вниманія человѣческаго. Младенецъ узнаетъ ихъ весьма скоро, имѣетъ къ нимъ особенную довѣренность и нѣжную склонность, которая есть самый ранній знакъ будущей *любви его* и *благодарности.* Такимъ образомъ Натура сама назначаетъ первыя черты дѣтской должности еще прежде, нежели надлежащее чувствованіе связи образуется. По томъ человѣкъ возрастая, и достигши такой сте-

пеній разума, что научается уже познавать нравственное добро и увѣряться въ благодѣяніяхъ получаемыхъ имъ отъ родителей, видитъ ихъ нѣжную и безкорыстную любовь; разсуждаетъ о неутомимыхъ трудахъ, употребляемыхъ ими къ воспитанію его, и попеченіяхъ объ немъ въ такомъ его состояніи, въ которомъ онъ самъ не имѣетъ ни благоразумія, ни силы для пріобрѣтенія себѣ всего нужнаго и приведенія себя въ безопасность. Сіе должно дать ему почувствовать, что онъ имѣетъ къ нимъ особенныя обязанности.

Должности къ родителямъ.

1. Человѣкъ долженъ *почитать* своихъ родителей, по тому, что чрезъ нихъ не только получилъ онъ жизнь, но и приведенъ въ такое состояніе, въ которомъ можетъ наслаждаться блаженствомъ жизни. И такъ онъ долженъ уважать добрыя ихъ свойства и подражать имъ въ оныхъ; долженъ сносить и сколько возможно прикрывать ихъ недостатки и слабости.

2. Онъ долженъ имѣть къ нимъ величайшую *благодарность* за тѣ благодѣянія, за которыя едва ли когда либо возможно ему будетъ заплатить достаточно. Сію благодарность долженъ онъ доказывать тщательнымъ вниманіемъ къ ихъ нуждамъ и ревностнымъ попеченіемъ о вспомоществованіи въ оныхъ, почтительнымъ повиновеніемъ отеческой и матерней власти и увѣщаніямъ; особливожъ послѣдовать ихъ совѣту въ выборѣ себѣ супруги или рода жизни; лучше уступать ихъ своенравію, нежели упорно противиться оному, помня, что они часто мучимы были его своенравіемъ; короче сказать, онъ долженъ облегчать ихъ заботы, услаждать печали, помогать при слабостяхъ старости, и доставлять имъ сколько можно утѣшенія и отрады въ остаткѣ ихъ жизни. — Кто оказываетъ родителямъ своимъ такое почтеніе и такимъ образомъ платитъ за любовь ихъ, тотъ, какъ Платонъ говоритъ, платитъ долгъ самый старшій, лучшій и величайшій послѣ перваго долгу, которымъ мы обязаны Всевышнему и всеобщему Отцу нашему. Сіе основывается на натурѣ нашей, и сообразно высочайшимъ кореннымъ законамъ благодарности

сти, любви къ чести, справедливости, естественной склонности и любви къ родственникамъ, сопряженнымъ съ нашимъ внутреннимъ устроенiемъ; и мы не можемъ не исполнять онаго, не отвергши сея натуры и не преступивъ сихъ законовъ.

Братья и сестры суть самые ближайшие изъ всѣхъ, съ кѣмъ человѣкъ вступаетъ въ общественную и нравственую связь: по чему онъ долженъ имъ *братскимъ почтенiемъ*, и обязанъ хранить съ ними тѣсный *союзъ* дружбы, взаимнаго согласiя, сострраданiя, вспомоществованiя совѣтомъ и дѣломъ, и взаимныхъ великодушныхъ услугъ, помня сродство ихъ съ общими родителями и ту естественную связь, которая соединяетъ ихъ общую пользу и склонность.

Должности къ братьямъ и сестрамъ.

Отдѣленiе 2.

О *супружествѣ.*

Человѣкъ, пришедши въ нѣкоторый возрастъ, начинаетъ чувствовать особенную симпатiю и нѣжность къ *другому полу*. Прелести красоты привлекаютъ его вниманiе, и возбуждаютъ въ немъ новыя и нѣжнѣйшiя движенiя, какихъ онъ прежде еще не ощущалъ. Разныя любви достойныя свойства, либо въ самомъ дѣлѣ изъявляемыя красотою лица или иными наружными прелестами, либо кажущiяся ослѣпленному зрителю, обращаютъ склонность его на одинъ особенный предметъ, мало по малу утверждаютъ бѣглый взоръ, тщетно бродившiй и терявшiйся между множествомъ, и производятъ отмѣнную и постоянную преданность къ одной особѣ: что обыкновенно ведетъ за собою самую важнѣйшую, почтеннѣйшую и прiятнѣйшую связь въ жизни.

Связь съ другимъ поломъ.

Состоянiе прочихъ животныхъ весьма различно съ состоянiемъ человѣческаго рода. Прочiя животныя, по свойству самаго ихъ

Основанiя сея связи.

состава, бываютъ одѣты и получаютъ оружія отъ природы; они удобно находятъ потребное къ пропитанію, и весьма скоро достигаютъ совершенства своего и зрѣлости: по чему попеченіе и помощь тѣхъ, отъ которыхъ они родятся, бываютъ имъ нужны только на малое время. Изъ сего видимъ, что Натура сообщила имъ любовь необязательную и скоропреходящую. Связь ихъ есть только натуральная, и цѣлію имѣетъ одно только распложденіе своего рода; по чему и прекращается сама собою, какъ скоро они достигаютъ сея цѣли. Но человѣкъ нѣжнѣе и беззащитнѣе; младенчество его и несовершенное состояніе продолжается гораздо болѣе; медленно достигаетъ онъ надлежащей крѣпости тѣла и зрѣлости разума; онъ имѣетъ нужду въ непрестанномъ смотрѣніи за нимъ, въ продолжительныхъ попеченіяхъ и пріуготовленіяхъ, пока придетъ въ состояніе научаться благопристойности, добродѣтели, и различнымъ упражненіямъ и искусствамъ, потребнымъ въ жизни. Того ради Натура даетъ ему попечительныхъ наставниковъ, которымъ надлежитъ помогать ему при его слабости, доставлять удовлетвореніе нуждамъ его, и научать его онымъ потребнымъ искусствамъ. Посредствомъ самаго прелестнѣйшаго и могущественнѣйшаго союза, то есть отеческой и матерней любви, она дѣлаетъ даже трудную должность сію пріятною для тѣхъ, на кого налагаетъ оную. Но естьли отецъ и мать не занимаются симъ важнымъ дѣломъ и не продолжаютъ попеченій своихъ вкупѣ, пока воспитаютъ дѣтей своихъ и приведутъ въ состояніе жить безъ ихъ помощи: то сіи должны оставаться преданы всякому дерзскому нападенію, и намѣреніе Натуры при первоначальномъ соединеніи двухъ половъ должно уничтожиться. По сему какъ устроеніе состава нашего, такъ и состояніе наше, служатъ явнымъ доказательствомъ тому, что человѣки опредѣлены къ тѣснѣйшему соединенію, къ соединенію нравственному и постоянному. Также явно изъ сего, что главная цѣль супружества есть не только рожденіе и прокормленіе дѣтей, но и наученіе ихъ и образованіе сердецъ ихъ къ исполненію великихъ должностей и пространныхъ опре-

дѣ-

дѣленій жизни. Общество должно снабдѣваемо быть полезными членами и лучшими украшеніями и подпорами изъ сего запаснаго сада. Но какъ бы возможно было симъ молодымъ растеніямъ быть охраняемымъ отъ суровости воздуха и погоды, возрастать и созрѣвать, естьлибъ человѣкъ былъ необузданъ и не имѣлъ ни какихъ правилъ въ любви, подобно животнымъ не имѣющимъ ума?

Нравственныя цѣли супружества.

Сердце имѣетъ способность къ разсѣянію при намѣреніяхъ и дѣлахъ дружбы и человѣколюбія, естьли оныя не устремлены на одинъ какой либо предметъ. Естьли человѣкъ предался сему разсѣянію, то не возможно уже его удерживать. Онъ бываетъ нечувствителенъ ко нравственнымъ прелестямъ, и преграждая путь пристойному употребленію нѣжныхъ и великодушныхъ чувствованій сердца, а чрезъ то ослабляя оныя, становится современемъ неспособенъ ко нравственному соединенію душъ, которое есть союзъ общества и источникъ самыхъ чистѣйшихъ семейственныхъ удовольствій, и получаетъ отвращеніе отъ онаго. Напротивъ того умная и неразвращенная любовь и сопровождающее оную супружество собираютъ скитающіеся взоры человѣка, устремляютъ сердце его къ надлежащему предмету, и ограничивая склонность его однимъ симъ предметомъ, тѣмъ самымъ дѣйствительно увеличиваютъ вліяніе и пользу онаго. Сверьхъ того, поступки человѣческія весьма явно показываютъ, что общія связи человѣчества недостаточны для устремленія страстей самой большей части людей къ потребностямъ общественнымъ, такъ чтобъ заставить ихъ пещись о сихъ потребностяхъ. Поле дѣлъ по связямъ сосѣдства, знакомства и общежитія вообще, для многихъ слишкомъ пространно; а еще пространнѣе, и для большаго числа людей, поле дѣлъ по связямъ цѣлаго гражданскаго общества, республики или государства: по чему сіи люди либо совсѣмъ не заботятся о сихъ связяхъ, либо не знаютъ, что имъ дѣлать въ разсужденіи оныхъ. Того ради мудрая и благодѣтельная Натура, вложивши въ человѣка сильную

симпатію, ощущаемую двумя особами разнаго пола, и посредствомъ оной побуждая его ко вступленію въ особливую нравственную связь, бывающую источникомъ многихъ семейственныхъ пріятностей, указуетъ каждой четѣ кругъ дѣятельности, сообразный ея намѣреніемъ и соразмѣрный способностямъ каждой четы. Сверьхъ сего, она внушаетъ симъ четамъ раченіе о пользѣ собственнаго ихъ малаго круга, а чрезъ то совокупляетъ ихъ тѣснѣе съ обществомъ, состоящимъ изъ частныхъ семействъ, и обязываетъ ихъ къ доброму поведенію въ томъ состояніи общежитія, къ которому онѣ принадлежатъ. Сія нравственная связь есть *супружество*, а сей кругъ дѣятельности *семейство*. И такъ изъ сказаннаго нами явно, что такимъ людямъ, которые имѣютъ столько достатка, сколько потребно на пристойное ихъ состоянію содержаніе семейства, и одарены въ обыкновенной степени благоразуміемъ для управленія семейства и воспитанія дѣтей, — такимъ людамъ вступать въ супружество есть должность, которою они къ обществу обязаны.

Отвѣтъ на возраженіе.

Нѣкоторые, мнящіе имѣть отмѣнно тонкое знаніе въ разсужденіи нравственности, думаютъ, что холостое состояніе гораздо выгоднѣе супружества для приведенія натуры нашей въ совершенство, и для исполненія высокихъ должностей, налагаемыхъ на насъ религіею. Въ самомъ дѣлѣ, важнѣйшія должности, которыми обязаны мы къ обществу, и которыхъ въ супружескомъ состояніи либо совсѣмъ, либо по крайней мѣрѣ со всею исправностію исполнять не можно, могутъ требовать холостаго состоянія, или дѣлаютъ супружество въ такихъ обстоятельствахъ менѣе похвальнымъ. Но безъ сомнѣнія то должно весьма способствовать исправленію общественныхъ склонностей, естьли мы обращаемъ ихъ на особенные предметы, уважаемые нами и находящіеся въ близкомъ съ нами сродствѣ, и ограничиваемъ исполненіе ихъ такимъ полемъ дѣятельности, которое и само по себѣ пріятно и для общества весьма выгодно. Постоянное исполненіе естественной склонности, обязывающей

ющей пещись о дѣтяхъ и воспитывать ихъ, расширяетъ сердце, и пріучаетъ душу къ частому отказыванію себѣ въ чемъ либо и управленію собою; слѣдовательно утверждаетъ добрые навыки. Истина сего весьма примѣтна по женатымъ людямъ, которые по нещастію не имѣютъ дѣтей, и по недостатку нужнаго предмета человѣколюбивымъ склонностямъ, часто заботятся слишкомъ рачительно о мірѣ и можетъ быть слишкомъ прилѣпляются къ своему домостроительству. Также и другое обстоятельство заслуживаетъ быть упомянуто; а именно: люди углубленные всегда въ ученіе или труды, либо съ напряженною заботливостію пекущіеся о государственныхъ дѣлахъ, отъ частныхъ непріятностей приключающихся имъ въ такомъ образѣ жизни, или отъ затрудненій, которыя имъ претерпѣвать надлежитъ, удобно становятся суровы и слишкомъ строги, либо угрюмы и неласковы. Въ такомъ случаѣ пріятный женской нравъ весьма способенъ къ умѣренію излишней ихъ важности и къ превращенію угрюмости ихъ въ семейственную нѣжность и кротчайшее человѣколюбіе; отъ чего душа ихъ, какъ бы разстроенная великимъ напряженіемъ силъ своихъ, получаетъ облегченіе, и обратно приходитъ въ положеніе потребное для отправленія дѣлъ. Сердца двухъ половъ сотворены одни для другихъ съ разными качествами, особенно свойственными каждому полу. Твердость, постоянство, смѣлость, важность мущины весьма сообразны кротости, нѣжности состава и страстей, тонкости вкуса и пріятности въ обращеніи женщины. Мужеской духъ способенъ къ защищенію, разсужденію, предусмотрѣнію, изобрѣтенію и совѣтованію; а женской къ довѣренности, сильному вообраніженію, опасенію, угожденію и исполненію. Сіи особенныя качества двухъ половъ составляютъ въ душахъ ихъ превосходное нравственное согласіе; и благоразмѣрное различіе разныхъ или противныхъ одно другому свойствъ, подобно надлежащему смѣшенію диссонанцій въ въ музыкальномъ сочиненіи, споспѣшествуетъ гармоніи общества гораздо лучше того, чтобъ всѣ они были настроены въ одинъ тонъ. При семъ согласіи нравствен-

 ныхъ

ныхъ половъ, естьли можно такъ сказать, и исправленіе каждаго изъ нихъ удобнѣе, нежели было бы тогда, когдабъ они жили порознь. Ибо мужъ не только защищаетъ жену свою и помогаетъ ей добрымъ совѣтомъ, но и сообщаетъ ей твердость и рѣшимость; а жена сообщаетъ мужу болѣе кротости, ласковости и склонности къ угожденію. Въ ея сообществѣ успокоивается онъ отъ своихъ трудовъ и заботъ; дружба ея укрощаетъ страсти его, встревоженныя шумомъ и разсѣяніемъ общежитія; множество неизъяснимыхъ пріятностей, происходящихъ изъ словъ и дѣлъ ея, побуждаютъ его къ нѣжнѣйшему поведенію. Съ другой стороны обращеніе съ мужемъ и примѣръ его распространяютъ познанія жены, возвышаютъ мысли ея, дѣлаютъ ее тверже въ намѣреніяхъ, и освобождаютъ отъ многихъ заботъ и печалей, какимъ бы она безъ того по слабости своей была подвержена. О такомъ расположеніи и происходящихъ изъ онаго благополучныхъ слѣдствіяхъ безъ сомнѣнія не возможно думать, чтобъ они противны были какой либо должности къ Богу, или къ роду человѣческому.

Должности супружества.

Супружеская связь предписываетъ слѣдующіе естественные законы:

1. Взаимная вѣрность въ разсужденіи брачнаго ложа. Вѣроломство уничтожаетъ самую цѣль супружества, разрушаетъ союзъ сродства, ослабляетъ нравственное соединеніе, котораго твердость по большей части основывается на взаимной любви; также, заставляя сомнѣваться объ отцѣ дѣтей, уменьшаетъ попеченіе и любовь, потребныя для воспитанія оныхъ.

2. Взаимные добрые совѣты и попеченія въ споспѣшествованіи общей пользѣ семейства и въ воспитаніи общихъ дѣтей. Для наблюденія сихъ законовъ съ обѣихъ сторонъ нужно сохранять благопристойность и чистоту нравовъ, какъ прежде вступленія въ брачный союзъ, такъ и послѣ, и пріобрѣсти вѣрное чувствованіе того, что характеру мужа и жены прилично.

3.

3. Союзъ долженъ быть ненарушимъ и продолжаться во всю жизнь. Сего требуютъ свойство дружбы, особливожъ сего рода, воспитаніе дѣтей, порядокъ общества, и наслѣдство, которое безъ того было бы подвержено великимъ замѣшательствамъ. Для сохраненіяжъ сего союза и для сообщенія ему большаго согласія и пріятности необходимо нужны взаимное попеченіе и нѣжность, взаимное угожденіе и терпѣніе, подаваніе добрыхъ совѣтовъ, вспомоществованіе и уваженіе. Естьли мужъ и жена будутъ заниматься приличными каждому изъ нихъ дѣлами, то не будутъ имѣть причины спорить о первенствѣ, и такіе споры никогда между ими не произойдутъ. Они не имѣютъ никакихъ противныхъ, никакихъ раздѣленныхъ выгодъ; по чему и не могутъ имѣть никакой справедливой причины поступать вопреки другъ другу.

Многоженство.

Изъ сихъ обстоятельствъ и изъ нынѣшняго состоянія рода человѣческаго, въ которомъ оба пола числомъ почти равны, весьма явно, что *многоженство* есть *ненатуральное состояніе*. Найдено, что оно не служитъ даже и къ умноженію людей. Но хотя бы оно и служило къ тому, однакожъ совсѣмъ не удобно къ образованію душъ, которое Натура имѣетъ цѣлію, равно какъ и расплажденіе, или еще болѣе.

Разводъ, и пр.

Въ какихъ случаяхъ *разводъ* позволителенъ; какія суть законныя препятствія вступленію въ супружеской союзъ; въ какихъ степеняхъ родства бракосочетаніе позволено быть можетъ: для изслѣдованія сего мы не имѣемъ здѣсь мѣста, и читателю, желающему имѣть свѣдѣніе о томъ, надлежитъ получить оное изъ иныхъ подробнѣйшихъ книгъ, до Нравоученія касающихся.

Отдѣленіе 3.

О должностяхъ родителей.

Связь родителей съ дѣтьми.

Связь родителей съ дѣтьми есть натуральное слѣдствіе супружеской связи; и должности, которыми они обязаны къ дѣтямъ, происходятъ такъ же натурально изъ сея связи. Слабость дѣтей, подверженная толь многимъ нуждамъ и опасностямъ, требуетъ непрерывнаго ихъ попеченія и вниманія; незнаніе и не образованныя сердца требуютъ наставленія и образованія. Естьлибъ дѣти родились съ совершенною мужескою силою, но притомъ со свойственною имъ слабостію ума и стремительностію страстей: въ такомъ случаѣ они по упрямству не покорялись бы правленію и наставленію своихъ родителей. Но какъ познанію и добродѣтели ихъ опредѣлено возрастать постепенно: то сообразно сему и возрастеніе тѣла должно итти наравнѣ съ возрастеніемъ духа, дабы намѣренія сего постепеннаго хода могли исполняться. Къ удивительнымъ намѣреніямъ сего постепеннаго развитія, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго состава, принадлежитъ и то, чтобъ оно доставляло великую цѣль исполненію многихъ нѣжныхъ и великодушныхъ склонностей, производящихъ въ семейственной жизни изобиліе различныхъ должностей и удовольствій, и въ послѣдствіи дѣлающихъ благородное образованіе сердца и тщательное воспитаніе похвальнѣйшими и важнѣйшими должностями общественной жизни.

Родительская власть, основывающаяся на сей связи.

Помянутая слабость и невѣдѣніе дѣтей, кажется, явно подаютъ родителямъ право на власть, потребную для защищенія и воспитанія оныхъ. Но сія власть можетъ расположена быть такъ, чтобъ простиралась не далѣе, какъ сколько нужно для достиженія сея цѣли, и продолжалась только дотолѣ, пока дѣти бываютъ слабы и невѣдущи; а по томъ она прекращается сама собою. Сколь бы ни велика была необходимая или законная власть родительская надъ дѣтьми во время ихъ малолѣтства; но несправедливо было бы, есть-

естьлибъ родители требовали такогожъ права, или присвоивали себѣ оное и тогда, когда дѣти достигли уже зрѣлости или совершеннаго употребленія силы и ума. По сему весьма очевидно, что родители не имѣютъ права наказывать дѣтей своихъ строже, нежели какъ свойство попечительства ихъ того требуетъ; а еще менѣе лишать жизни дѣтей своихъ, отнимать у нихъ натуральную свободу, или отдавать ихъ, какъ всякую иную собственность, во владѣніе кому либо другому. Естьлижъ какой либо отецъ былъ бы столь несправедливъ и безчеловѣченъ, чтобъ почиталъ дѣтей за свое имущество и собственность, и поступалъ съ ними такъ: то они, будучи въ состояніи противиться ему, могутъ сдѣлать сіе безъ всякаго усомнѣнія; естьлибъ они могли свергнуть съ себя столь безчеловѣчное и ненатуральное иго: то имѣютъ право на сіе, и могутъ наслаждаться свободою, опредѣленною имъ отъ Бога и Натуры.

Родительскія должности.

Первый классъ должностей родительскихъ къ дѣтямъ касается до натуральной ихъ жизни, и заключаетъ въ себѣ защищеніе, прокормленіе, введеніе ихъ въ общежитіе, пристойно своему состоянію и имуществу.

Нравственное воспитаніе.

Второй классъ должностей родительскихъ относится къ духовной и нравственной жизни дѣтей, или къ сообщенію имъ искусствъ и совершенствъ, потребныхъ для исполненія тѣхъ должностей, которыми они къ самимъ себѣ или къ другимъ обязаны. Мы видѣли, что сіе есть главное намѣреніе супружеской связи; по чему исполненіе сего намѣренія составляетъ самую важнѣйшую и почтеннѣйшую родительскую должность. И такъ чтобъ привести дитя въ состояніе дѣйствовать въ мірѣ мудро и пристойно опредѣленію человѣка, гражданина и твари Божіей; родители должны употреблять къ тому соединенную свою мудрость, важность и власть, и тѣ особенныя дарованія, которыя составляютъ превосходство и украшеніе свойственное каждому полу. Отецъ долженъ сдѣлать планъ воспитанію, и надсматривать надъ онымъ;

а мать должна производить сей планЪ вЪ дѣйство, и соразмѣрно способности своей располагать частныя обстоятельства. Отцу надлежитЪ расположить мужеское образованіе духовныхЪ и нравственныхЪ силЪ своего дитяти. Образованіе силы воображенія и способы онаго суть дѣло матери. ОтецЪ долженЪ совѣтовать своему питомцу, защищать его, управлять имЪ, и посредствомЪ опытности своей, мужеской смѣлости и большаго уваженія, свойственнаго его полу, научать питомца трудолюбію, важности, праводѣтельности и постоянству, и утверждать вЪ оныхЪ. Должность матери есть дѣлать сына способнымЪ кЪ гибкости вЪ общежитіи, кЪ тонкости вкуса, и кЪ разнымЪ пріятностямЪ и удовольствіямЪ человѣчества, посредствомЪ пріятностей ея обращенія, кротости и благопристойности; а вЪ дочери исправлять и очищать свойственую ей нѣжность и скромность, и пріучать ее ко всѣмЪ тихимЪ семейственнымЪ добродѣтелямЪ, составляющимЪ собственныя преимущества и украшенія женскаго пола. ТакимЪ образомЪ родители должны проводить ввѣренныя ихЪ попеченію разцвѣтающія сердца по различнымЪ періодамЪ постепеннаго ихЪ возрастенія, вспомоществовать имЪ во всякомЪ періодѣ, посѣвая сокровенныя сѣмена ума и чистосердечія, дабы познаніе и добродѣтель отЪ времени до времени непрестанно вЪ нихЪ увеличивалась. ВЪ послѣдствіи надлежитЪ вывести молодыхЪ дѣйствователей на великой театрЪ человѣческой жизни, чтобЪ они могли играть роли свои предЪ своими друзьями, предЪ обществомЪ и предЪ родомЪ человѣческимЪ. Какая славная награда родителямЪ за труды ихЪ, когда дѣти бываютЪ достойными наслѣдниками какЪ имущества ихЪ, такЪ и добродѣтелей; когда они соблюдаютЪ свойственный каждому изЪ нихЪ характерЪ сЪ пріятностію и благопристойностію, и подаютЪ усладительную надежду, что передадутЪ родительское имя сЪ увеличенною честію и выгодою нерожденному еще потомству!

Отдѣ-

Отдѣленіе 4.

Должности господъ и слугъ.

Основаніе сея связи.

При натуральномъ теченіи обстоятельствъ человѣческихъ естественно случается, что нѣкоторые живутъ въ изобиліи и богатствѣ, а другіе въ нуждѣ и бѣдности. Первымъ потребны бываютъ труды послѣднихъ, а симъ содержаніе и вспоможеніе отъ оныхъ. Сія взаимная потребность есть основаніе связи между *господами* и *слугами*, какъ бы мы ни назвали ея, нравственною ли, или гражданскою связью. Доставляющій пропитаніе другому имѣетъ право требовать отъ него нѣкоторой платы, состоящей въ трудахъ, и право на плоды сихъ трудовъ; а трудящійся для другаго имѣетъ право ожидать отъ него вспоможенія. Но труды человѣка, имѣющаго обыкновенную силу, стоятъ болѣе одной только пищи и одежды (ибо онъ пріобрѣталъ бы ими болѣе, и даже могъ бы самъ содержать семейство, естьлибъ работалъ для себя): по чему онъ имѣетъ неоспоримое право требовать за службу свою нѣкоторой платы сверьхъ содержанія. Естьлижъ онъ не одумавшись обязался служить только за содержаніе, то по справедливости можетъ требовать нѣкоторой замѣны сей утратѣ; ибо условіе для него было слишкомъ обременительно. Естьли въ условіи означены именно какія либо услуги, то слуга не обязанъ ни къ чему иному, кромѣ оныхъ. Естьлижъ услугъ именно не означено: то должность и обязанность его состоитъ только въ такихъ услугахъ, которыя согласны со справедливостію и человѣколюбіемъ.

Качество службы.

Человѣкъ, подвергаясь службѣ по собственному своему выбору, не теряетъ никакихъ иныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ лишеніе необходимо сопряжено со службою, и не подвергается никакому иному наказанію, кромѣ того, которое умышленнымъ небреженіемъ о службѣ, по справедливости заслуживаетъ. Дѣти такихъ слугъ имѣютъ право на свободу, не утраченную ни ими самими, ни ихъ родителями.

Неволя преступниковъ. Что касается до *осужденныхъ на вѣчную неволю* за какія либо ужасныя преступленія, или за какой либо важный вредъ, причиненный ими, и котораго они ничѣмъ инымъ замѣнить не могутъ: то и сіи люди не теряютъ всѣхъ правъ человѣческихъ, но лишаются только тѣхъ, которыхъ лишеніе нужно для приведенія общества въ безопасность отъ такихъ преступниковъ впредь, или для замѣны сдѣланнаго ими вреда.

Неволя военноплѣнныхъ. Весьма жестоко и безчеловѣчно было бы осуждать на вѣчную неволю *военноплѣнныхъ*, естьли непріятельскія ихъ дѣйствія не были сопровождаемы какими либо чрезвычайными и весьма достойными наказанія обстоятельствами. Подданные, употребляемые правительствомъ къ войнѣ, весьма справедливо могутъ почитаемы быть невинными непріятелями; и по тому имѣютъ право на пощаду, не противную общему спокойствію рода человѣческаго, и частной безопасности того общества, противъ котораго война ими ведена. Хотя плѣнники получаютъ жизнь свою въ даръ отъ побѣдителей; однакожъ для нихъ слишкомъ бы дорого было платить за нея свободою. Находятся иные способы къ воздаянію за сей даръ безъ лишенія такого блага, которое для нихъ почти столь же драгоцѣнно, какъ и самая жизнь.

Нѣкоторые производятъ ненатуральный торгъ людьми, подъ предлогомъ необходимой надобности въ томъ для торговли, и принуждаютъ невинныхъ, но нещастныхъ братій своихъ къ вѣчному рабству и неволѣ. Касательно сихъ можно привести здѣсь слѣдующія слова одного глубокомысленнаго писателя: „Какъ бы корыстолюбіе ни извинялось, однакожъ человѣку свойственно „благородное отвращеніе отъ того, чтобъ покупать и „продавать подобныхъ намъ человѣковъ, и почитать „ихъ нашимъ имуществомъ и собственностію.“

Должность слуги есть служить господину своему вѣрно и охотно, зная, что онъ долженъ дать въ томъ отчетъ великому Обладателю всего міра. Равнымъ образомъ и господинъ не долженъ никогда требовать отъ слу-

слуги своего ничего такого, что преступаетъ натуральные предѣлы справедливости и человѣколюбія; ибо ему надлежитъ во всякое время помнить, что слуга есть братъ его изъ одного съ нимъ рода, наслѣдникъ одинакой натуры, и подданный одного великаго Обладателя.

Отдѣленіе 5.

Общественныя должности частнаго состоянія.

Доселѣ разсматривали мы только семейственныя экономическія должности; ибо онѣ суть первыя въ постепенномъ натуральномъ состояніи. Но человѣкъ, дѣйствуя и внѣ малаго круга семейства своего, вступаетъ въ связи со своими сродниками, друзьями, сосѣдами, и съ другими людьми; изъ чего происходитъ новый классъ общественныхъ должностей частнаго состоянія, какъто: *дружба, цѣломудріе, ласковость, доброе сосѣдство, человѣколюбіе, миролюбіе и гостепріимство.*

Человѣкъ сотворенъ для общежитія.

Человѣкъ устроенъ съ удивительною способностію къ особливымъ общественнымъ связямъ и должностямъ. Въ натурѣ его находится свойственное ей и сильное влеченіе къ тому, чтобъ сообразаться съ расположеніями и склонностями другихъ. Люди согласны между собою подобно музыкальнымъ инструментамъ, настроеннымъ такъ, что трепетанія или звуки, произведенныя въ одномъ, производятъ и въ другомъ такіяжъ звуки и трепетанія. Движенія удовольствія или неудовольствія, радости или печали, происходящія въ одномъ сердцѣ, сообщаются въ нѣкоторой степени и другимъ сердцамъ посредствомъ мгновенной натуральной симпатіи. Особливожъ, когда сердца настроены согласно одно съ другимъ въ склонности и нѣжности (какъ говоритъ нѣкоторый писатель), то радость двигнувшаяся въ одномъ сообщается и другому. Мы можемъ присовокупить къ сему еще слѣдующее: хотя радость, такимъ образомъ

сообщаясь, возвышаетъ гармонію; но печаль, переходящая въ сердце друга, и отзывающаяся изъ онаго въ симпатическихъ тонахъ, ослабѣваетъ и какъ бы исчезаетъ. Всѣ страсти, а особливо общественныя, удобно сообщаются; и страсти одного человѣка, соединившись со страстями другаго, увеличиваются и удивительно размножаются. Въ лицѣ человѣческомъ, въ видѣ и въ голосѣ находится весьма трогательное краснорѣчіе, которое съ несравненною живостію выражаетъ самыя сокровеннѣйшія душевныя чувствованія, переливаетъ ихъ въ сердца другихъ людей, какъ тонкое пламя, и возбуждаетъ въ оныхъ такіяжъ чувствованія. Дружба, любовь, ласковость, радость распространяются по всѣмъ чертамъ лица, особливожъ изъ глазъ пускаютъ кротчайшія или живѣйшія лучи свои съ непреодолимою силою. Равнымъ образомъ и противныя онымъ страсти, ненависть, вражда, досада и печаль, покрываютъ лице мрачнымъ и печальнымъ видомъ, переливаются изъ глазъ въ глаза, и возжигаютъ множество подобныхъ страстей. Сими и другими удивительными свойствами во всѣхъ частяхъ совершенно устроеннаго внутренняго состава, люди образуемы бываютъ къ блаженству и пріятному размѣну дружественныхъ чувствованій и должностей, для того, чтобъ они увеличивали блаженство другихъ участвованіемъ въономъ, а свое собственное сообщеніемъ, и чтобъ уменьшали общее количество бѣдствія раздѣленіемъ онаго.

Должности происходящія отъ частнаго сродничества.

Первыя изліянія коренной общественной склонности заставляютъ насъ вступать въ тѣснѣйшую связь дружбы или довѣренности съ близкими къ намъ по кровному родству внѣ предѣловъ нашего семейства. Склонность наша къ нимъ обыкновенно оказывается сама собою въ вышшей или нижшей степени, сообразно тому, чѣмъ ближе или чѣмъ далѣе родство. Сіе весьма соразмѣрно окружности силъ нашихъ и скудости нашего состоянія; ибо люди по большей части могутъ распространять дѣйствіе способности своея или человѣколюбія только въ сихъ меньшихъ кру-

кругахъ родства, и слѣдовательно только посредствомъ того содержатъ связь свою съ обществомъ и бываютъ способны къ споспѣшествованію общей пользѣ. По сему надлежитъ намъ почитать сіи связи самымъ ближайшимъ дѣломъ семейственной связи, въ которой Натура указала намъ кругъ дѣятельности и произведенія пользы; и мы должны образовать нѣжныя склонности, которыми сіи пріятныя связи содержатся.

Что потребно для дружбы.

Отличныя нравственныя свойства, примѣчаемыя нами въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ знакомыхъ, часто могутъ производить благороднѣйшую связь, называемую *дружбою*, которая предпочтительна связи родства. Въ сей послѣдней болѣе инстинкта, нежели ума; по чему и не можемъ мы приписать ей такого умомъ утверждаемаго основанія. Но дружба почерпаетъ всю силу свою, красоту и прочность изъ сердечныхъ свойствъ, или изъ добродѣтельныхъ склонностей; либо, естьли въ самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, то по крайней мѣрѣ они должны быть предполагаемы, или тѣнь ихъ должна находиться. По сему можно назвать дружбу „соединеніемъ двухъ сердецъ посредствомъ добродѣтели, которая есть общій ихъ „предметъ и союзъ взаимной ихъ склонности." Безъ добродѣтели, или безъ предположенія оной, дружба есть корыстолюбный союзъ, совокупленіе взаимной пользы, которому современемъ надлежитъ прекратиться, какъ скоро польза сія прекратится. Она есть не особенная страсть, но паче совокупленіе нѣкоторыхъ благороднѣйшихъ сердечныхъ чувствованій и страстей. Тонкой разумъ, правильный вкусъ въ добродѣтели и любовь къ оной, совершенная честность и добросердечіе, или что мы обыкновенно добронравіемъ называемъ, и благородная симпатія мыслей и склонностей, суть необходимо нужныя свойства сея добродѣтельной связи. Будучи посаждена на взаимномъ почтеніи, питаема обращеніемъ и привычкою, и временемъ въ зрѣлость приводима, она приноситъ безконечное, всегда новое и всегда возрастающее, удовольствіе; служитъ благороднымъ подкрѣпленіемъ во многоразличныхъ искушеніяхъ и перемѣнахъ щастія, и

драгоцѣнною приправою всѣхъ прочихъ удовольствій. Вступленіе въ союзъ добродѣтельной дружбы и соблюденіе онаго должно служить превосходнымъ способомъ къ исправленію нрава: ибо главное намѣреніе дружбы есть добродѣтель, обнаруживаемая со всѣми прелестями вида ея, существа и поступокъ, просіявающая въ природныхъ пріятностяхъ многоразличныхъ благородныхъ чувствованій и склонностей, и какъ бы дѣлающаяся видимою наблюдающему другу въ непринужденномъ, благородномъ и честномъ поведеніи; и главныя дѣла ея суть напечатлѣнія добродѣтели, или дѣйствія и изліянія оной. Сія любви достойная связь, занявъ сердце наше, безъ сомнѣнія увеличитъ въ насъ почтеніе и любовь къ добродѣтели; и естьли ненатуральныя предразсужденія не будутъ ей препятствовать въ ея успѣхахъ, то она распространится и содѣлается дружбою ко всему роду человѣческому. Ибо человѣкъ, ненавидящій родъ человѣческой, не можетъ достоинъ быть священнаго имени друга и присвоивать себѣ оное; а тотъ, кто истинно любитъ человѣчество, имѣетъ самое существенное свойство истиннаго друга.

Должности дружбы.

Должности дружбы суть: взаимное почтеніе между друзьями, не имѣющее собственной выгоды ни основаніемъ, ни цѣлію; благородная откровенность, удаленная отъ недовѣрчивости и подозрѣнія; непрерывное согласіе чувствованій и склонностей, намѣреній и выгодъ; вѣрность, не поколебимая никакими перемѣнами щастія; постоянство, не нарушимое никакимъ продолженіемъ времени и никакимъ разстояніемъ мѣста; жертвованіе собственною пользою пользѣ друга; безпредѣльная взаимная готовность къ пріятнымъ услугамъ другъ другу, безъ всякаго недоброжелательства. Но при всѣхъ дѣйствіяхъ сея нравственной связи, хотя пристойной человѣчеству и благородной, не должно забывать, что она дѣйствуетъ только въ тѣсномъ кругѣ, и предметъ непосредственной ея дѣятельности есть одинъ только человѣкъ; по чему особенныя ея побужденія всегда должны подчинены быть общественной выгодѣ, всегда должны быть управляемы и ограничиваемы пространнѣйшими связями нашей натуры.

Есть-

Любовь и цѣломудріе.

Естьли предметомъ дружбы нашей бываетъ особа другаго пола, въ которой красота, или миловидность, и пріятныя поступки, соединяясь, выражаютъ и возвышаютъ нравственную прелесть нѣжнаго и чистаго сердца, и въ которой здравый умъ украшаетъ кроткой, пріятный и скромный нравъ: въ такомъ случаѣ обыкновенно дружба превращается мало по малу въ нѣжнѣйшую и еще пріятнѣйшую склонность. Сія склонность, увеличиваясь отъ того, когда достоинство предмета ея становится болѣе свѣдомо, управляема будучи благоразуміемъ, и имѣя въ послѣдствіи цѣлію помянутую выше сего нравственную связь (см. 2 Отдѣленіе сея Главы), бываетъ источникомъ многихъ пріятныхъ должностей, сообщенія склонностей и намѣреній, самой чистой благопристойности, и многоразличныхъ неизъяснимыхъ, во глубинѣ сердца ощущаемыхъ удовольствій взаимной нѣжности и любви, проистекающихъ изъ каждаго взора, каждаго слова и каждаго дѣла. Въ семъ случаѣ дружба дѣйствуетъ съ сугубою силою, и натуральныя прелести, соединясь со нравственными, утверждаютъ и подкрѣпляютъ любовь къ добродѣтели. Нѣжность женской любви къ чести и благопристойности, и неизъяснимая прелесть цѣломудренныхъ и благонравныхъ поступокъ, суть самые вѣрные и одни только дѣйствительные способы къ возженію сего нѣжнаго и пріятнаго пламени, къ соблюденію онаго въ послѣдствіи, и къ доведенію до опредѣленной ему цѣли. И такъ, кто старается обманомъ нарушить сію нѣжную любовь къ чести, и подъ предлогомъ страсти осквернить и заразить благопристойность и цѣломудріе, а чрезъ такое безчеловѣчное любострастіе подвергаетъ легковѣрный и неосторожный предметъ онаго ненависти женскаго и посмѣянію нашего пола: тотъ поступаетъ не только подло и порочно, но и противно оному умному и чистому удовольствію, проистекающему собственно изъ цѣломудренныхъ и священныхъ прелестей добродѣтели, которая, сохранена будучи ненарушимо, всегда остается прелестною для сердца любовника.

Услужливость, доброе сосѣдство, и пр.

Услужливость, *доброе сосѣдство*, *ласковость*, и другія такія обязанности, основывающіяся на общественныхъ должностяхъ частнаго состоянія, весьма нужны людямъ, составляющимъ общество и при сплетеніи взаимныхъ потребностей и зависимости имѣющимъ нужду во взаимной помощи. Сіи обязанности состоятъ не въ тонкой хитрости, ласковой минѣ, пріятномъ ласкательствѣ, или учтивыхъ ужимкахъ; но въ правильномъ и скромномъ чувствованіи собственнаго своего и другихъ людей достоинства, и почтенія, которымъ мы обязаны роду человѣческому, а особливо вышшимъ членамъ общества; въ благоразумной и мужественной уступчивости и снизхожденіи ко слабостямъ и страннымъ замысламъ другихъ людей; въ тщательномъ наблюденіи благопристойности и учтивости; особенножъ въ откровенномъ ласковомъ обхожденіи, и въ великодушной взаимной готовности къ добрымъ услугамъ на самомъ дѣлѣ болѣе, нежели на словахъ. Такое поведеніе весьма полезно; ибо оно служитъ несравненною защитою отъ обидъ, доставляетъ самое лучшее право на уваженіе, учтивость и общее почтеніе отъ другихъ, и есть самой лучшій способъ къ пріобрѣтенію сихъ выгодъ. Сей нижшій классъ добродѣтелей тѣснѣе соединяетъ частныхъ членовъ общества, и составляетъ меньшія подпоры гражданскаго зданія, которыя во многихъ случаяхъ замѣняютъ неизбѣжные недостатки законовъ, и поддерживаютъ гармонію и благосостояніе общежитія тамъ, гдѣ нѣтъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ предписаній добродѣтели.

Человѣколюбіе и миролюбіе.

Человѣколюбіе и *миролюбіе* суть весьма достойныя любви и полезныя общественныя должности. Нравоучители раздѣляютъ права на два класса, а именно: на *совершенныя* и *несовершенныя*. Удовлетвореніе первымъ необходимо нужно для сохраненія и для благосостоянія общества. Исполненіе другихъ есть должность, столь же священная, какъ и нужная, и служитъ къ приведенію общества въ лучшее состояніе. Но какъ нарушеніе сихъ по-

слѣднихъ правъ не дѣлаетъ большаго вреда общественной пользѣ, то и наблюденіе оныхъ не подвержено сужденію законовъ, но предоставлено честности, человѣколюбію и благодарности частныхъ людей. Такимъ образомъ открыто намъ пространное поле, на которомъ можемъ исполнять всякое великодушіе и показывать подлинныя заслуги и истинное сіяніе добродѣтели. Въ разсужденіи сего, нужды и нещастія другихъ вызываютъ насъ на дружелюбное вспоможеніе и поданіе пособія въ надлежащее время. Честный человѣкъ, не будучи принужденъ законами, или побуждаемъ какими либо своеполезными видами, съ охотою приметъ сіе печальное и трогательное вызываніе, и великодушно удовлетворитъ оному. Сіе вызываніе подтверждаемо повелѣніемъ Неба, надѣляющаго насъ благами, которыхъ благодарное употребленіе приноситъ честь употребляющему. Хотя собственныя *совершенныя* права честнаго человѣка нарушаемы бываютъ несправедливостію другихъ; однакожъ онъ не отвергнетъ *несовершенныхъ* ихъ правъ на сожалѣніе и прощеніе; развѣ въ такомъ только случаѣ, когда бы сіе сожалѣніе и прощеніе было противно пространнѣйшимъ правамъ общества, или общественной пользѣ. Въ семъ случаѣ онъ прибѣгнетъ къ гражданскому правосудію и законамъ; однакожъ и тогда будетъ мстить за обиду не съ безполезною строгостію, но паче съ кротостію и человѣколюбіемъ. Естьли обида только личная и можетъ извиняема быть, и естьли прощеніе оной не ведетъ за собою худыхъ слѣдствій, а особливо слѣдствій могущихъ быть вредными обществу: то честный человѣкъ великодушно проститъ брату своему, обидившему его. Онъ долженъ сдѣлать сіе, а не мстить, или не воздавать зломъ за зло. Ибо, хотя чувствительность къ обидѣ есть натуральная страсть, и вложена въ насъ съ мудрыми и благими намѣреніями, какъ що выше сего замѣчено (Кн. I, Гл. 2 и 4); но понеже люди по большей части имѣютъ много пристрастія къ самимъ себѣ, то всякой поступалъ бы какъ судія въ собственномъ своемъ дѣлѣ и хотѣлъ бы исполнить осудительный приговоръ внушенный ему склонностію къ отмщенію: изъ чего весьма явно, что люди

въ ярости своей преступали бы всѣ предѣлы; и послѣдній пострадавшій имѣлъ бы побужденіе поступить по самому строгому праву воздаянія. Такимъ образомъ воздаяніе зла за зло производило бы непрестанныя насилія и бѣдствіе, отъ чего бы общество было несносно, или и совсѣмъ стоять не могло. И такъ, естьли собственная наша безопасность, или общественная польза, не требуетъ соразмѣрнаго обидѣ воздаянія: въ такихъ случаяхъ общему закону человѣколюбія и особеннымъ цѣлямъ страсти, стремящейся къ отвращенію неправды и происходящаго отъ оной бѣдствія, сообразно, прощать личныя обиды, или по крайней мѣрѣ не воздавать зломъ за зло. Сія должность есть одно изъ великихъ исправленій, произведенныхъ Христіанствомъ въ правилахъ поступокъ человѣческихъ, и съ чрезвычайною силою и красотою подтверждаемыхъ предписаніями, какъ почтенія, такъ и любви достойными. Самое исполненіе оной составляетъ уже ея награду; ибо оно изгоняетъ изъ сердца самыхъ страшнѣйшихъ возмутительницъ покоя его, враждебныя страсти, раждаемыя и питаемыя желаніемъ мщенія; обезоруживаетъ и даже усмиряетъ всякаго врага, естьли онъ имѣетъ еще въ себѣ нѣчто человѣческое, кромѣ наружнаго вида.

Гостепріимство. Самая пространнѣйшая и человѣколюбнѣйшая частная связь есть связь *гостепріимства*, изъ которой проистекаютъ достойныя любви и безкорыстныя должности наши къ странникамъ. Мы смотримъ со нравственнымъ одобреніемъ и удовольствіемъ на исполненіе самыхъ величайшихъ и естественнѣйшихъ своеполезныхъ страстей: коль же достойнымъ любви и почтенія должно намъ казаться исполненіе тѣхъ склонностей, которыя происходятъ изъ тихаго человѣколюбія, основаны на общихъ правахъ и связяхъ общества, и распространяются не на особенную какую либо секту, партію, или націю, но на всѣхъ человѣковъ безъ различія и безъ всякихъ мѣлкихъ пристрастныхъ видовъ самолюбія!

Отдѣленіе 6.

Общественныя должности, касающіяся до торговли и промысловъ.

Должности касающіяся до торговли и промысловъ.

Слѣдующій классъ связей составляютъ связи происходящія отъ нуждъ и слабостей человѣческихъ, и отъ многоразличныхъ положеній, въ какія люди приводимы бываютъ разными обстоятельствами. Мы можемъ назвать оныя связями торговли и промысловъ, а проистекающія изъ нихъ должности *касающимися до торговли и промысловъ должностями*, какъ-то: *справедливость въ торговлѣ*, *искренность*, *вѣрность въ соблюденіи договоровъ*, и пр.

На чемъ онѣ основываются.

Одинъ знаменитый писатель (*) сдѣлалъ замѣчаніе, что Натура хотя во всѣхъ дѣлахъ своихъ совершенна, однакожъ наблюдаетъ между ими очевидное и важное различіе. Она сама совершаетъ всѣ тѣ дѣла, которыя находятся внѣ круга человѣческой способности и силы, и принадлежатъ къ собственной ея области въ точномъ смыслѣ. Человѣкъ можетъ подражать симъ дѣламъ; но никогда не можетъ быть ея соперникомъ въ оныхъ, или прибавить нѣчто ко красотѣ ихъ и совершенству. Таковы суть виды и составы растеній, животныхъ, и многихъ произведеній ихъ, напр. меду, паутины, и пр. Но другія дѣла свои она какъ бы съ намѣреніемъ оставляетъ неоконченныя, для того, чтобъ доставить упражненіе проницательности и силѣ человѣческой. Она предлагаетъ человѣку изобиліе всякихъ матеріаловъ, которыя служатъ къ удобству и употребленію, но еще не обдѣланы и не пріуготовлены, или таковы, что безъ труда и искусства не приносятъ никакой пользы. Онъ долженъ трудиться и прилагать искусство свое, чтобъ сдѣлать сіи матеріалы годными къ употребленію, и пользоваться оными въ ихъ совершенствѣ. Такимъ образомъ Натура даетъ ему великое множество травъ, полевыхъ плодовъ, минералы, дерево, воду,

 землю,

(*) Лордъ Баконъ Веруламской.

землю, воздухъ, и многоразличные иные матеріалы для удовлетворенія многочисленнымъ его нуждамъ. Но онъ долженъ сѣять, садить, копать землю, чистить, полировать, строить, однимъ словомъ, обработывать различныя произведенія Натуры для полученія самаго необходимаго въ жизни, а тѣмъ паче еще удобствъ и украшеній. Сіи удобства и украшенія бываютъ наградою за работу его и прилѣжаніе, безъ которыхъ Натура ничего ему не даетъ. Но потребности человѣческія многочисленны, а силы одного человѣка малы; по чему людямъ едвали бы можно было пріобрѣтать и самое необходимо нужное въ жизни, а не только удобства, естьлибъ они не соединяли способностей своихъ и силъ къ пріобрѣтенію оныхъ, и не дѣлали взаимныхъ услугъ другъ другу. Нѣкоторые люди способнѣе къ нѣкоторымъ трудамъ и искусствамъ, а другіе къ другимъ; разныя страны и поясы земные изобильны разными произведеніями, какихъ другимъ недостаетъ. И такъ люди мѣняя между собою произведенія трудовъ своихъ, и награждая недостатки одной земли изобиліемъ другой, уменьшаютъ труды другъ друга и споспѣшествуютъ вездѣ изобилію. Сіе есть основаніе всякаго торга, или мѣны товаровъ. Для облегченія онаго изобрѣтены разные сорты монеты, или денегъ, служащихъ общимъ масштабомъ, по которому люди опредѣляютъ всякой вещи соразмѣрную цѣну. А чтобъ торгъ былъ безопасенъ и имѣлъ свое дѣйствіе, для того необходимо нужны справедливость въ ономъ, искренность и вѣрность въ соблюденіи договоровъ.

Справедливость, и пр.

Справедливость въ торговлѣ, или иными словами сказать, навыкъ поступать съ другими такъ, какъ мы желаемъ, чтобъ они съ нами поступали, есть добродѣтель весьма важная и неразлучно совокупленная съ добрымъ характеромъ. Она есть союзъ общества, или тотъ проницающій духъ, который совокупляетъ членовъ онаго, опредѣляетъ различныя ихъ отношенія, и сохраняетъ порядокъ и подчиненность каждой части цѣлому. Безъ нея общество было бы вертепомъ воровъ и разбойниковъ, взаимно ненавидящихъ и губящихъ другъ друга.

Ис-

Искренность, или истинность въ словахъ и дѣлахъ, есть другая добродѣтель, или должность, весьма важная для общества; по тому, что она есть одинъ изъ крѣпчайшихъ союзовъ взаимнаго промысла и основанïе взаимной довѣренности. Безъ нея общество было бы жилищемъ недовѣрчивости, зависти и обмана, а обращенïе было бы упражненïемъ во лжи и притворствѣ. Она заключаетъ въ себѣ согласïе словъ нашихъ съ мыслями, тщательное наблюденïе истины, и непримиримую ненависть ко лживости. Хотя она не требуетъ, чтобъ мы безразсудно открывали свои мысли и во всякомъ случаѣ сказывали всю истину; однакожъ не позволяетъ ни малѣйшаго нарушенïя истины, или несогласïя словъ съ мыслями, и не можетъ того позволить. Ибо сдѣлавъ однажды такое нарушенïе, не возможно уже назначить предѣла оному, и никакïя частныя или общественныя выгоды не могутъ замѣнить худыхъ слѣдствïй онаго. Мы увѣрены, что въ порядкѣ Натуры и Провидѣнïя рѣдко случается нужда въ такомъ важномъ пожертвованïи для достиженïя цѣлей человѣколюбïя, либо и никогда не случается. А намъ надлежитъ дѣлать то, что кажется справедливо и сообразно натурѣ нашей, оставляя Богу направить успѣхъ или слѣдствïя онаго къ добру, что всегда непремѣнно и сбывается.

Искренность.

Вѣрность въ соблюденiи обѣщанiй, договоровъ и условiй равнымъ образомъ есть должность весьма важная для безопасности торговли и для взаимнаго доброжелательства между людьми. Безъ самаго тщательнаго наблюденïя оной общество скоро содѣлалось бы несноснымъ. Гоббесъ и другïе, послѣдовавшïе ему, съ удивительнымъ усилïемъ старались ввести замѣшательство въ сïю матерïю, и доказать, что всѣ добродѣтели сего рода суть только хитрыя уловки, которыя прежде заведенïя условïй между людьми совсѣмъ не были обязательны. Хотя договоры предполагаютъ людей вступающихъ въ нихъ, а обѣщанïя предполагаютъ дающихъ оныя; по чему прежде договоровъ и обѣщанïй надлежитъ

Вѣрность въ соблюденiи обѣщанiй, договоровъ, и пр.

уже быть нѣкоторому большему или меньшему сообщенію между людьми, вступающими въ сіи взаимныя обязательства: но развѣ договоръ или обѣщаніе не прежде бываютъ обязательны, какъ тогда, когда уже люди условились, чтобъ они были обязательны? или, развѣ они обязательны по тому только, что наша польза требуетъ сего, или чтобъ мы ихъ исполняли? Не одобряемъ ли мы въ высокой степени того человѣка, который исполняетъ ихъ и въ такомъ случаѣ, когда они явно противны его выгодѣ? а нарушающаго ихъ по сей причинѣ не осуждаемъ ли, какъ обманщика? Обѣщаніе есть добровольное, словами или то же означающими дѣлами выражаемое, изъявленіе намѣренія нашего сдѣлать что либо въ пользу другаго, или оказать ему какую либо услугу. Естьли обѣщаніе дано; то давшій оное, по признанію всѣхъ людей, обязанъ исполнить его; а тотъ, кому оно дано, имѣетъ право требовать сего исполненія. Сіе понятіе *обязанности* есть простое понятіе, и таково же, каковы прочія нравственныя понятія, которыя могутъ обясненны быть примѣрами, но не опредѣлены. Имѣемъ ли мы понятіе обязанности, совершенно различное отъ пользы, общей ли или частной, которая можетъ сопровождать исполненіе обѣщанія: сіе должно предоставлено быть совѣсти каждаго. Равнымъ образомъ надлежитъ сослаться на совѣсть честнаго человѣка и въ томъ, можетъ ли одно чувство сея обязанности, разсматриваемое безъ всякихъ особенныхъ обстоятельствъ или слѣдствій, быть достаточнымъ побужденіемъ или причиною къ исполненію обѣщанія, безъ содѣйствованія какой либо своеполезной склонности натуры нашей. Справедливость въ торговлѣ и вѣрность въ соблюденіи договоровъ требуютъ, чтобъ мы не употребляли для нашей выгоды во зло незнанія, страсти, или неспособности другихъ (отъ какой бы причины сія неспособность ни происходила); чтобъ мы поступали честно и откровенно при вступленіи въ договоры, а по томъ старались бы исполнять сіи договоры со всею возможною вѣрностію и точностію. Въ такомъ случаѣ, когда другая сторона на-

ру-

рушаетъ свои обѣщанія, должно искать помощи у законовъ, или у тѣхъ людей, которымъ исполненіе оныхъ поручено. Короче сказать, торговыя добродѣтели и должности требуютъ, чтобъ мы не только не нарушали правъ другихъ людей, но и защищали бы оныя; чтобъ мы поступали честно и безпристрастно при уступкѣ или промѣнѣ своея собственности, въ чемъ бы она ни состояла, въ вещахъ ли, или въ услугахъ; и чтобъ исполняли съ ненарушимою вѣрностію слова свои и обѣщанія, естьли они не касаются до какого либо порочнаго дѣла, и естьли мы дали ихъ не будучи принуждены къ тому насильно. — Однакожъ краткость, какую предприняли мы наблюдать въ семъ сочиненіи, не позволяетъ намъ останавливаться долѣе при сей матеріи.

Отдѣленіе 7.

Общественныя должности къ гражданству.

Наконецъ приступаемъ къ послѣднему и самому вышшему классу общественныхъ должностей, происходящихъ отъ исполненія самыхъ благороднѣйшихъ и великодушнѣйшихъ склонностей, и основанныхъ на самыхъ пространнѣйшихъ нашихъ связяхъ.

Связи съ гражданствомъ.

Коренная склонность человѣческая къ сообществу толь безпредѣльна, что не можетъ ограничена быть кругомъ семейства, друзей, или сосѣдства, простирается на пространнѣйшія системы, и совокупляетъ людей въ большія союзничества, гражданскія общества и государства. Въ сихъ только большихъ обществахъ вышшія силы существа нашего достигаютъ самой большей зрѣлости и самаго большаго совершенства, къ какому онѣ способны. Въ пустынническомъ натуральномъ состояніи симъ кореннымъ склонностямъ трудно найти себѣ удовлетворительные предметы. Коренное побужденіе къ упражненію не можетъ въ ономъ возвыситься болѣе, какъ только до натуральной любви къ дѣтямъ и внукамъ; личныя или семейственныя нужды истощаютъ все раченіе

и всѣ труды человѣка, и не оставляютъ ему времени на обширнѣйшія намѣренія и склонности, или не подаютъ никакого случая къ онымъ, хотя бы время и оставалось. Въ уединенномъ состояніи всѣ люди одинакимъ образомъ заняты бываютъ только попеченіемъ о животномъ своемъ бытіи; и при всѣхъ возможныхъ трудахъ и стараніи, трудясь одни только для себя, и не имѣя никакой помощи отъ прилѣжанія другихъ, находятъ скудное удовлетвореніе нуждамъ своимъ, и слабое, ненадежное охраненіе отъ опасностей, которыми угрожаютъ имъ дикіе звѣри, суровость погоды и климата, пороки или насильственныя страсти другихъ людей, самое преимущество предъ сосѣдами своими, ими пріобрѣтаемое, и всѣ заблужденія собственнаго самолюбія. Напротивъ того въ обществѣ многоразличныя взаимныя услуги, оказываемыя другъ другу, облегчаютъ труды каждаго; а соединенная сила и умъ частныхъ членовъ доставляютъ всему общественному составу безопасность и защищеніе. Въ дарованіяхъ человѣческихъ находится не только великая многоразличность, но и нѣкоторый порядокъ. Нѣкоторые люди сотворены для того, чтобъ предводительствовать и обладать другими, вымышлять планы благосостоянію частныхъ людей и правленію цѣлыхъ обществъ, заниматься попеченіемъ о пользѣ общества, изобрѣтать законы и искусства, смотрѣть за наблюденіемъ и произведеніемъ оныхъ въ дѣйство; однимъ словомъ, чтобъ сообщать жизни человѣческой болѣе тонкости и просвѣщенія. Другіе, не имѣя такихъ великихъ дарованій, могутъ имѣть такіяжъ правдивыя сердца, истинный патріотической духъ, любовь къ свободѣ, ненависть къ подкупленію и тиранству, благородную ревность къ законамъ, порядку и общественнымъ учрежденіямъ, и далеко простирающееся человѣколюбіе. Иныежъ, не имѣющіе ни которыхъ изъ сихъ дарованій сердца и разума, могутъ подъ предводительствомъ другихъ съ пользою заниматься художествами, рукодѣліями и тѣлесною работою. Коренныя побужденія перваго изъ сихъ классовъ не находятъ себѣ въ уединеніи никакого дѣла: ибо въ такомъ состояніи всѣ мысли и попе-

печенія человѣка либо касаются только до него самого, либо не простираются далѣе семейства его, и вся должность и добродѣтель уединеннаго смертнаго заключается въ семъ маломъ кругѣ. Напротивъ того общество представляетъ каждому дарованію пристойные ему предметы и упражненія; оно представляетъ самыя благороднѣйшія цѣли и упражненія самымъ благороднѣйшимъ дарованіямъ и самымъ высочайщимъ стремленіямъ натуры человѣческой, особливожъ той пылкой и божественной страсти, которую самъ Богъ возжегъ въ груди нашей, а именно склонности дѣлать добро и приносить честь натурѣ своей. Сія склонность въ обществѣ можетъ находить себѣ какъ упражненіе, такъ и самое драгоцѣннѣйшее удовлетвореніе. Въ обществѣ человѣкъ имѣетъ не только болѣе времени, но и удобнѣйшіе случаи къ употребленію способностей своихъ съ большею пользою; особливожъ по тому, что не можетъ имѣть недостатка въ добрыхъ совѣтахъ и вспоможеніи другихъ людей, которые тѣснѣе совокуплены между собою и должны наблюдать общее отношеніе къ одной нравственной системѣ, или къ одному гражданскому обществу. И такъ сія система бываетъ предметомъ соразмѣрнымъ самымъ пространнѣйшимъ общественнымъ склонностямъ его, и служа ей, онъ находитъ довольно случаевъ къ употребленію и приведенію въ совершенство самыхъ высочайшихъ духовныхъ и нравственныхъ силъ своихъ. Слѣдовательно гражданское общество, или образъ гражданскаго правленія, утверждается на сихъ двухъ главныхъ основаніяхъ: „мы находимъ въ немъ без„опасность отъ тѣхъ золъ, которыя въ уединеніи не„избѣжны, — и получаемъ тѣ блага, которыхъ, „живучи порознь и завися каждый только отъ собствен„наго своего благоразумія и прилѣжанія, отчасти со„всѣмъ бы не могли получать, отчастижъ получали бы „не съ такою удобностію.„

Изъ сихъ немногихъ обстоятельствъ явно, что человѣкъ есть существо сотворенное для общественнаго состоянія, и что общежитіе, сообразно будучи вышшимъ

ко-

коренным побужденiям его и опредѣленiям его натуры, необходимо должно быть его *натуральным состоянiем.*

Должности къ гражданскому обществу.

Должности, сообразныя сему состоянiю, и происходящiя изъ сихъ коренныхъ побужденiй и опредѣленiй, или иными словами сказать, изъ общественныхъ склонностей нашихъ и общественныхъ связей, либо изъ сродства нашего съ системою гражданства, суть: *любовь къ отечеству, покорность и повиновенiе законамъ, патрiотическое расположенiе духа, любовь къ свободѣ, пожертвованiе жизни и имѣнiя пользѣ гражданскаго общества,* и пр.

Любовь къ отечеству.

Любовь къ отечеству есть одна изъ самыхъ благороднѣйшихъ страстей, могущихъ воспламенять и оживлять сердце человѣческое. Она заключаетъ въ себѣ всѣ ограниченныя и особенныя склонности наши къ родителямъ, дѣтямъ, друзьямъ, сосѣдамъ, согражданамъ и единоземцамъ. Она должна управлять тѣснѣе ограниченными и пристрастными дѣйствiями оныхъ, приводить ихъ въ надлежащие и натуральные ихъ предѣлы, и наблюдать, чтобъ они никогда не причиняли урона священному почтенiю, какимъ мы вообще обязаны великому гражданскому обществу, къ которому принадлежимъ. Естьлибъ мы были уединенныя твари, отлученныя отъ прочихъ людей, и естьлибъ не имѣли способности понимать общественную выгоду, или склонностей, побуждающихъ искать ее и стремиться къ ней: то не имѣли бы и должности заботиться о сей выгодѣ, и не было бы порочно пренебрегать оную. Но мы составляемъ *части гражданской системы*, имѣемъ способности споспѣшествовать великимъ намѣренiямъ въ пользу оной, и совокуплены съ нею самыми сильнѣйшими склонностями, побуждающими насъ принимать участiе въ касающемся до нея: по чему имѣемъ мы и священную обязанность споспѣшествовать съ величайшею ревностiю невредимости ея и благосостоянiю, особливожъ во время общественной опасности. Любовь къ отечеству не заключаетъ въ себѣ привязанности къ какой либо землѣ, или мѣсту, гдѣ мы только рождены, хотя сiи натуральныя представленiя весьма

ма часто совокуплены бываютъ со нравственными, и подобно наружнымъ знакамъ или символамъ, способствуютъ къ опредѣленію и утвержденію оныхъ; но она содержитъ въ себѣ склонность ко *нравственной системѣ*, или *обществу*, управляемому одинакими законами и одинакимъ начальствомъ, и котораго разныя части совокуплены между собою многоразличными образами и всѣ соединены на основаніи общественной пользы. Хотя можетъ быть не всякой членъ сего общества въ состояніи обнять мыслями толь пространный предметъ, особливожъ естьли сіе общество простирается по великимъ областямъ и пространнымъ землямъ; или по крайней мѣрѣ можетъ въ немъ быть одинъ членъ представляющій себѣ, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ гражданства, но что всѣ члены такого общества покорены своенравію и неограниченной волѣ одного человѣка: однакожъ предпочтеніе, отдаваемое большею частію людей той землѣ, въ которой они рождены, предъ всякою иною; печаль и сильное желаніе возвращенія, изъявляемое ими въ продолжительной отлучкѣ; труды, предпріемлемые ими, и тягости, претерпѣваемыя для спасенія или охраненія сей земли; отмѣнная склонность къ единоземцамъ, — все сіе очевидно доказываетъ, что страсть сія естественна, и всегда непремѣнно окажется, какъ скоро надлежащимъ образомъ будетъ освобождена отъ постороннихъ узъ и обращена къ собственному ея предмету. Господствуя съ природою своею силою и въ натуральной полнотѣ своей, она поглощаетъ всякія непристойныя и своекорыстныя намѣренія; она преодолѣваетъ любовь къ покою, ко власти, къ удовольствію и къ богатству; и даже, когда любви достойныя пристрастія дружбы, благодарности, частной склонности или попеченія о семействѣ, бываютъ съ нею несогласны, въ такомъ случаѣ она научаетъ насъ жертвовать всѣмъ онымъ соблюденію правъ отечества нашего, и споспѣшествованію или защищенію чести его и благосостоянія.

Покорность и *повиновеніе законамъ и учрежденіямъ общества*, къ которому мы принадлежимъ, суть должности къ граждан- Покорность и повинове-

скому

ніе законамЪ, и пр. скому обществу, необходимо нужныя для существа его и безопасности, и безЪ нихЪ надлежало бы ему вскорѣ превратиться вЪ позорище наглости и безначалія. Благосостояніе и самая натура гражданскаго общества требуютЪ, чтобЪ находился вЪ немЪ порядокЪ различныхЪ состояній, или различіе чиновЪ и другихЪ преимуществЪ; чтобЪ нѣкоторымЪ людямЪ, или нѣкоторымЪ состояніямЪ между людьми, поручено было наблюдать дѣла касающіяся до общественнаго благосостоянія и безопасности, и заниматься оными; чтобЪ всякой имѣлЪ опредѣленное ему общественное дѣло, или должность; чтобЪ одинЪ подчиненЪ былЪ другому, и по тому никто не могЪ бы препятствовать другому; — наконецЪ, чтобЪ установлены были правила, или общіе маештабы поступокЪ, по которымЪ бы всякому, вЪ исполненіе свойственной ему должности, надлежало управлять другими, или самому быть управляему, и всѣ вкупѣ могли бы споспѣшествовать сохраненію порядка общественной системы и увеличенію ея благосостоянія. Сіи *правила поступокЪ* суть законы общества; а сіи различныя *состоянія* суть чиновники или начальники, избираемые гражданствомЪ для объявленія законовЪ и для смотрѣнія за наблюденіемЪ или исполненіемЪ оныхЪ. По такому учрежденію, должность каждаго честнаго человѣка есть повиноваться установленнымЪ законамЪ, покорятся блюстителямЪ оныхЪ со всѣмЪ надлежащимЪ почтеніемЪ и вѣрностію, сообразно особенному чину и состоянію каждаго изЪ нихЪ, какЪ хранителямЪ общественнаго спокойствія и защитникамЪ общей свободы, исполнять должности состоянія своего и чина сЪ ревностію, вѣрностію и безпристрастіемЪ. Начальство *вышшихЪ* состояній, или власть, ввѣренная имЪ отЪ гражданскаго общества, даетЪ имЪ право на повиновеніе и покорность нижшихЪ состояній и на соразмѣрное состоянію уваженіе и почтеніе отЪ всѣхЪ прочихЪ. Покорность нижшихЪ состояній требуетЪ покровительства, защиты и безопасности отЪ вышшихЪ. Законы, которые выше всѣхЪ вообще, требуютЪ повиновенія и покорности отЪ всѣхЪ вкупѣ; ибо

они суть послѣднее прибѣжище, и приговорѣ ихѣ не подверженѣ уже ни чьему сужденію. — Кромѣ сего *натуральнаго* и *опредѣленнаго* порядка вѣ обществѣ, бываютѣ еще *случайныя* и *вымышленныя* учрежденія. Общество состоитѣ изѣ богатыхѣ и бѣдныхѣ, изѣ знатныхѣ людей и простолюдиновѣ, изѣ остроумныхѣ и знающихѣ людей и имѣющихѣ менѣе остроумія и знанія. Богатые должны доставлять нужное бѣднымѣ, а бѣдные платить за то богатымѣ плодами трудовѣ своихѣ. Знатнымѣ надлежитѣ защищать нижшихѣ и подчиненныхѣ, и дѣлать имѣ добро; а сіи должны соединенными силами и пособіемѣ услуживать знатнымѣ. Остроумные люди должны приводить вѣ совершенство способности духа своего вѣ пользу прилѣжныхѣ; а прилѣжные должны вспомоществовать остроумнымѣ своими силами и искусствомѣ.

Основаніе патріотическаго расположенія духа, любви кѣ свободѣ, и пр.

Патріотическое расположеніе духа, героическая ревность, любовь кѣ свободѣ, и прочія должности кѣ гражданскому обществу, паче всякихѣ другихѣ приносятѣ честь и славу исполняющимѣ ихѣ; ибо онѣ суть плодѣ благороднаго сердца и источникѣ самыхѣ величайшихѣ благодѣяній обществу. Общественное благо поставляется высочайшимѣ правиломѣ гражданскаго учрежденія. Цѣль общества есть *общественная польза* и благосостояніе составляющаго общество народа: по чему сія цѣль необходимо должна быть высочайшимѣ закономѣ, или общественнымѣ масштабомѣ, по которому надлежитѣ учреждать и размѣрять особенныя правила поступокѣ для разныхѣ членовѣ общества. Общественнаяжѣ польза не можетѣ быть ни что иное, какѣ плодѣ *здраваго ума* или *общихѣ чувствованій* всѣхѣ членовѣ. Частные люди, или особливыя состоянія, имѣютѣ выгоды или чувствованія имѣ свойственныя, о которыхѣ удобно могутѣ они судить справедливо; но сіи выгоды и сіи чувствованія могутѣ быть различны сѣ выгодами и чувствованіями всѣхѣ прочихѣ членовѣ общества, а часто и совсѣмѣ противны онымѣ: по чему симѣ людямѣ, или симѣ состояніямѣ, не можно имѣть

права дѣлать законы, несообразные или противные выгодамъ и чувствованіямъ прочихъ, а еще паче предписывать сіи законы всѣмъ своимъ согражданамъ.

Должности каждаго гражданина къ гражданскому обществу.

Такимъ образомъ устроенное по здравому уму, и по плану общественной пользы расположенное, общество бываетъ предметомъ всеобщаго уваженія, всеобщаго почтенія, всеобщаго повиновенія, всеобщей и ненарушимой обязанности непрельщаться подкупленіемъ и не быть поколеблему страхомъ; короче сказать, оно бываетъ предметомъ всѣхъ пространныхъ и важныхъ должностей, проистекающихъ изъ вступленія въ толь величественную связь. Пещись о сохраненіи такой системы; употреблять умъ свой, искусство, силы, и всякую способность, какъ натуральную, такъ и пріобрѣтенную, на произведеніе всего того, что можетъ споспѣшествовать пользѣ оной; противиться всякому нарушенію правъ ея, дѣлаемому посредствомъ какъ тайныхъ происковъ, такъ и явнаго насилія, и стараться всѣми силами отвращать такое нарушеніе; наконецъ, жертвовать защищенію или спасенію ея своимъ покоемъ, богатствомъ, властію, самою жизнію, и даже семействомъ своимъ и друзьями, что еще дороже жизни: все сіе составляетъ должность, честь, пользу и блаженство каждаго гражданина. Исполненіемъ сего онъ заслужитъ себѣ почтеніе и любовь на всю жизнь. Естьлижъ смерть постигнетъ его въ такомъ величественномъ дѣлѣ: то всѣ будутъ оплакивать его, и предадутъ имя его памяти самаго позднѣйшаго потомства съ безсмертною славою.

Глава IV.

Должности къ Богу.

Связи съ Богомъ.

Самое высочайшее и совершеннѣйшее изъ всѣхъ отношеній, въ какихъ находится душа человѣческая, есть отношеніе между *Творцемъ* и *тварями* его, между *Всевышнимъ Законодателемъ* и

его

его *подданными*. Сіе отношеніе проистекаетЪ изЪ натуры твари вообще, и изЪ устроенія сердца человѣческаго особенно, котораго самыя благороднѣйшія силы и склонности стремятся ко Всеобщему Духу, и безЪ такого высокаго устремленія были бы несовершенны и безплодны. И такЪ коль нелѣпа должна быть такая система Нравоученія, вЪ которой не упоминается о Божествѣ! Она не приноситЪ никакого утѣшенія и лишена самой твердѣйшей подпоры.

Бытіе Божіе.

Мы не хотимЪ рѣшить, что есть собственное увѣреніе каждаго о бытіи Божіи: *врожденное* ли только *натуральное понятіе* души; или оно переходитЪ отЪ отца кЪ сыну, отЪ одного человѣка кЪ другому, посредствомЪ всеобщаго *пересказыванія*; или по *непремѣнному закону натуры нашей* внушаемо намЪ бываетЪ разсматриваніемЪ великолѣпнаго зрѣлища и величественнаго порядка строенія міра. ОпытЪ болѣе всего подтверждаетЪ, что чувствованіе красоты и величества вЪ строеніи міра, и удивительная сообразность одной вещи сЪ другою вЪ великомЪ множествѣ оныхЪ, *необходимо* и *непремѣнно* приводятЪ сердце кЪ ощущенію *намѣренія*, или *опредѣляющей причины*, которая есть первоначальный источникЪ всего, и приводятЪ кЪ тому слѣдствіемЪ столь же простымЪ и натуральнымЪ, какЪ то, посредствомЪ котораго прекрасная картина или хорошо расположенное зданіе производятЪ вЪ насЪ понятіе искуснаго художника. Ибо вЪ высочайшей степени вѣрно кажется, что усматривая стремленіе или содѣйствіе разныхЪ вещей кЪ одной какой либо цѣли, или произведеніе ими общаго слѣдствія, мы должны при томЪ по необходимому закону связи представить себѣ и намѣреніе, опредѣляющую *силу*, или причину. Какіе бы ни были сіи предметы, натуральные ли или искусственные, но сіе представленіе, или сія мысль, непремѣнно происходитЪ, и связь между дѣйствіемЪ и причиною внушается душѣ сама собою. Также не нужно остроумное изслѣдованіе, или трудное послѣдствіе умозаключеній, и для того, чтобЪ усмотрѣть или доказать сію связь. Мы увѣряемся вЪ истинѣ оной нѣкоторымЪ непосредственнымЪ по-

 зна-

знаніемЪ, особливожЪ вЪ семЪ дѣлѣ, о которомЪ здѣсь говоримЪ; и кажется, мы не сЪ большимЪ уваженіемЪ принимаемЪ преподаемое вЪ училищахЪ положеніе: „что не возмож„но быть безконечному послѣдствію причинЪ и дѣйствій, „производящихЪ одни другія, и одни другими производи„мыхЪ.“ Да и вЪ самомЪ дѣлѣ, затвердивЪ сіе положеніе, не ощущаемЪ, чтобЪ знаніе и увѣреніе наше отЪ того весьма увеличилось. Мы чувствуемЪ наше бытіе, мысли наши, ощущенія и страсти, и при томЪ увѣрены, что все сіе не отЪ насЪ самихЪ происходитЪ. По сему познаемЪ *творящаго духа*, *первоначальное разумное существо*, отЪ котораго мы получили сію мыслящую и дѣятельную силу. Мы не только чувствуемЪ вЪ самихЪ себѣ и вЪ другихЪ примѣчаемЪ нѣжныя склонности, но и видимЪ вокругЪ себя толикое множество и толикую многоразличность тварей, которыя одарены свойствами, совершенно сообразными различнымЪ ихЪ опредѣленіямЪ и учрежденіямЪ, взаимно способствуютЪ одна другой, всѣ вкупѣ соблюдаемы общимЪ порядкомЪ вещей, и имѣютЪ различныя степени участія вЪ блаженствѣ, сообразно способностямЪ каждой изЪ нихЪ. Сіе естественно и необходимо приводитЪ насЪ кЪ Отцу толь многочисленнаго рода, кЪ источнику сего толь далеко простирающагося блаженства. Представляя себѣ существо сіе бывшимЪ прежде всего, выше всего и болѣе всего, естественно и безЪ продолжительныхЪ умозаключеній приписываемЪ ему всякое *совершенство*, *безпредѣльную премудрость*, *могущество* и *благость*, и чувствуемЪ, что ему надлежитЪ существовать во всѣ времена и дѣйствовать повсюду.

Отношеніе его кЪ душѣ человѣческой.

Мы приписываемЪ ему величественное имя *творца* нашего, *хранителя* и *благодѣтеля*, *высочайшаго обладателя* и *законодателя* всѣхЪ умныхЪ, мыслящихЪ духовЪ. —— Не только несовершенства и нужды существа и состоянія нашего, но и нѣкоторыя изЪ самыхЪ благороднѣйшихЪ натуральныхЪ побужденій и склонностей нашего сердца, приводятЪ насЪ вЪ связь сЪ симЪ великимЪ и совершеннымЪ ДухомЪ. Сердце, переходя отЪ предмета кЪ предмету, находитЪ вЪ каждомЪ нѣкоторыя пятна или

или недостатки; скоро всякой предметъ ему наскучиваетъ и причиняетъ неудовольствіе; оно не находитъ между людьми толь высокаго характера, чтобъ самая высочайшая степень почтенія, къ какой оно способно, могла оному быть соразмѣрна; не находитъ въ округѣ вещей человѣческихъ такого предмета, который бы совершенно удовлетворялъ силѣ любви его. Въ семъ далеко простирающемся переххожденіи не можетъ оно нигдѣ остановиться, или послѣ самаго вышшаго воспаренія своего успокоиться, пока достигнетъ существа имѣющаго безпредѣльное высочество и достоинство, которымъ самыя высочайшія силы его могутъ заниматься, никогда не истощая онаго, и которое доставляетъ предметъ самой сильнѣйшей и нѣжнѣйшей любви, никогда не насыщая или не наскучивая. И такъ натура сего существа сообразна натурѣ человѣческой; и силы разума и воли не могутъ иначе достичь крайней ихъ цѣли, какъ принявъ такое существо, и находясь въ дѣйствительной симпатіи и сообщеніи съ нимъ. Природное стремленіе сердца нашего къ почитанію всего *великаго* и *чудеснаго* въ Натурѣ, находитъ самый достойнѣйшій предметъ почитанія въ Томъ, кто сотворилъ небо и землю, и кто всѣ вещи сохраняетъ и управляетъ ими. Удивленіе красотѣ, любовь къ порядку, и внутреннее удовольствіе, ощущаемое нами въ семъ случаѣ, должны достичь самой вышшей ихъ степени и совершенной силы и радости дѣйствія ихъ, когда соединяются въ Томъ, кто есть полнота и источникъ всякаго совершенства.

Безбожіе противно нравственности.

Съ какою бы точностію ни исполняли мы должности, проистекающія изъ отношеній нашихъ къ роду человѣческому, но при самомъ малѣйшемъ разумѣніи Нравоученія усматриваемъ, что пренебреженіе должностей, происходящихъ изъ отношенія нашего ко Всемогущему, показываетъ великое поврежденіе ума и злобу сердца. Естьли несовершенныя степени достоинства требуютъ почтенія, и естьли недостатокъ сего почтенія доказываетъ нечувствительность къ достоинству, или,

 что

что еще хуже, отвращеніе отъ онаго: какіяжъ низкія мысли и подлый нравъ должны быть въ томъ, кто не имѣетъ склонности къ самому высочайшему существу, а еще паче въ томъ, кто имѣетъ отвращеніе отъ онаго. Любить общество, или особенныхъ членовъ онаго, но не чувствовать связи нашей съ Верьховнымъ Начальникомъ общества, не имѣть склонности ко всеобщему Отцу и Благодѣтелю нашему; заботиться о одобреніи или неудовольствіи подобныхъ намъ человѣковъ, но не имѣть такой заботы въ разсужденіи видящаго и измѣряющаго дѣла наши съ необманчивою премудростію и справедливостію, и могущаго безконечно какъ награждать насъ, такъ и наказывать: сіе показываетъ и безуміе и пристрастіе сердца. И такъ мы безъ всякаго сомнѣнія обязаны оказывать нѣкоторыми знаками почитаніе наше къ великому Творцу всѣхъ; ибо всѣ любви достойныя и величественныя свойства совокупляются въ немъ для влiянія въ насъ почитанія и покорности.

Справедливыя представленія о Богѣ.

Мы замѣтили уже, что склонности наши происходятъ отъ представленій предметовъ ихъ, и обыкновенно бываютъ таковы, какими представляемъ себѣ предметы. Почему весьма важно, и какъ то весьма вѣроятно, есть одна изъ главныхъ должностей ко Творцу нашему, „составить себѣ такія *понятія* о *свойствахъ* „его и *правленіи*, въ которыхъ было бы сколько возмож- „но менѣе несовершенства; ибо совершенныхъ понятій „объ оныхъ, по причинѣ ограниченности способностей „нашихъ, мы составить не можемъ.“ Такія *понятія*, впечатлѣны будучи глубоко въ насъ, послужатъ къ содѣланію *богослуженія* нашего умнымъ и къ очищенію *склонностей*. Естьли представленія наши низки и обизчивы: то богослуженіе будетъ суевѣрно и мысли будутъ подлы. Но естьли мы вѣримъ, что *совершенная благость*, *святость* и *правосудіе* суть свойства Всевышняго Существа, и что оно любитъ паче всѣхъ того, кто болѣе всѣхъ уподобляется ему: то почитаніе, воздаемое ему, будетъ умно и возвышенно, и почитатели будутъ стараться угождать ему подражаніемъ почитаемой

мой благости и святости. Въ семъ случаѣ основаніе истинной религіи есть *умная вѣра*. А главные пункты умной вѣры, кажется, суть слѣдующіе: „принимать бытіе безконечнаго, паче всего „совершеннаго Духа, не имѣющаго никакой выгоды про„тивной выгодѣ тварей его, или различной съ оною; — „вѣрить, что онъ обозрѣваетъ всѣ твари и вещи, и „управляетъ ими; — что благость его простирается „на всѣхъ его тварей, въ разныхъ степеняхъ, сообраз„но особенной натурѣ каждой твари, однакожъ безъ вся„каго пристрастія или зависти; — что онъ дѣлаетъ „все въ пользу или къ споспѣшествованію совершенству „и блаженству всего; особливожъ, что онъ устрояетъ „и управляетъ все касающееся до человѣковъ, надзира„етъ надъ дѣлами ихъ, — различаетъ добрыхъ отъ „злыхъ, — что злые ему не угодны, и что онъ жа„лѣетъ объ нихъ въ семъ мірѣ, — а въ будущемъ добрыхъ „наградитъ, и накажетъ злыхъ, по дѣламъ каждаго; — „однимъ словомъ, что онъ въ безпредѣльномъ продол„женіи времени всегда занимается исполненіемъ плана до„бродѣтели и блаженства, — и ведетъ твореніе свое, „по перемѣняющимся послѣдственно сценамъ и періодамъ „къ вышшимъ степенямъ совершенства и благосостоя„нія.“ Въ семъ состоитъ истинный *Деисмъ*, система натуральной вѣры, система: видимая во всѣхъ дѣлахъ Божіихъ и всѣмъ его правленіемъ представляемая (*).

Умная вѣра.

(*) Но не таковъ Деисмъ многихъ Англичанъ: по чему молодому читателю не должно представлять себѣ толь выгодно тайныхъ враговъ Откровенія, называющихся нынѣ *Деистами*. Впрочемъ и слово *вѣра* не принимается здѣсь въ Богословскомъ смыслѣ, но означаетъ только тѣ истины, которыя мы познаемъ посредствомъ *свѣта Натуры*, и ко принятію которыхъ чувствуемъ обязанность въ *совѣсти* нашей. *Прим Нѣмецк. Переводч.*

Должности благодарности, и пр.

Въ комъ владычествуютъ справедливыя понятія о Божествѣ и его провидѣніи; кто признаетъ Божество неисчерпаемымъ источникомъ познанія, любви и радости, — такимъ существомъ, которое дѣйствуетъ сообразно соединеннымъ свойствамъ отца и правителя, которое надѣляетъ тварей своихъ безпредѣльною многоразличностію способностей, и которое снабжаетъ ихъ всѣмъ потребнымъ къ совершенному имъ удовлетворенію и ихъ блаженству: какое почитаніе и какую благодарность должны возжечь такія понятія въ томъ человѣкѣ, естьли онъ твердо вѣритъ онымъ! Чье сердце отверсто чувствованію истины и всего изящнаго, великаго и чудеснаго въ Натурѣ, коль естественно и коль пріятно тому мыслить съ почитаніемъ о самомъ изящнѣйшемъ, величайшемъ и чудеснѣйшемъ существѣ, въ которомъ премудрость, могущество и благость имѣютъ жизнь, существенность, первое свое начало, и дѣйствуютъ съ совершеннымъ согласіемъ! Какое высочество находимъ въ немъ для удовлетворенія самой пространнѣйшей способности! Какую красоту, для воспламененія самой жарчайшей любви! Коликое множество чудесъ въ толикой полнотѣ совершенства, для приведенія духа человѣческаго въ удивленіе, и для питанія его непрерывнымъ вѣчнымъ удовольствіемъ!

Другія склонности.

Естьли мы признаемъ Бога высочайшимъ нашимъ защитителемъ и благодѣтелемъ, отцемъ милосердія, который съ безконечною нѣжностію любитъ тварей своихъ, особливожъ всѣхъ добрыхъ людей, и которому даже самая несовершенная праводѣтельность пріятна: какое спокойствіе, какая довѣренность, какое благородное упованіе, какая надежда на Бога и премудрое его провидѣніе должны произойти въ душѣ, наполненной такими любви достойными представленіями объ немъ! Благочестіе вообще, особливожъ почитаніе и любовь въ высочайшей степени, устремлены будутъ къ Богу, какъ натуральному, высочайшему и одному только достойному ихъ предмету. Хотя неисчислимыя благодѣянія, получаемыя нами отъ Бога, могутъ производить въ насъ живѣйшія чувствованія Божіей

жіей благости, нежели общее и отвлеченное разсматриваніе оной; однакожъ склонности благодарности и любви сами по себѣ суть самыя великодушныя и безкорыстныя склонности, а не слѣдствіе раченія о собственной пользѣ, или ожиданія награды. Совершенный характеръ, въ которомъ мы предполагаемъ совершенную благость, послѣдующую во всемъ необманчивой премудрости и подкрѣпляемую всемогущею властію, есть истинный предметъ совершенной любви; и хотя сей характеръ находится съ нами въ отношеніи благодѣтеля, однако душа бываетъ толико тронута симъ совершенствомъ, что совсѣмъ теряется въ такомъ быстромъ пламени красоты, и какъ бы нечувствительна бываетъ къ меньшимъ лучамъ онаго, касающимся ея самой. И такъ безбожно и нелѣпо говорить о своекорыстной любви къ Богу, или такой любви, которой главное свойство есть страхъ. Естьли мы не любимъ самый достойнѣйшій любви предметъ для него самого: то никакое ожиданіе добра, или страхъ зла, никогда не могутъ произвести въ насъ почитанія или любви къ нему. Сіи склонности столь благородны, что не могутъ быть куплены, или пріобрѣтены какъ корысть. Достоинство или заслуги суть предметъ ихъ; а награда ихъ есть нѣчто подобное имъ, или сродное съ ними. Кто предается такимъ мыслямъ о Божествѣ и такимъ склонностямъ къ нему, тотъ весьма утверждается въ любви къ добродѣтели, въ желаніи подражать самому совершеннѣйшему образцу ея, и въ радостномъ увѣреніи, что подъ управленіемъ необманчивой премудрости и безпредѣльной благости не должно ничего опасаться въ разсужденіи самого себя, друзей своихъ и всего міра. Добрый человѣкъ, заботящійся о блаженствѣ всѣхъ, только въ попеченіи и провидѣніи Божіемъ находитъ совершенное успокоеніе, которое ни личнымъ нещастіемъ, ни частнымъ зломъ, нарушено быть не можетъ

Раскаяніе, и пр.

Разсуждая о безпорочной чистотѣ и неограниченномъ совершенствѣ Божественнаго Существа, и при томъ помышляя о несовершенствѣ и многоразличныхъ порокахъ нашихъ, должны мы почувствовать въ душѣ глубокое смиреніе и униже-

ніе предъ существомъ толь дивно великимъ и святымъ, или по крайней мѣрѣ должны увѣриться въ справедливости такого чувствованія. Также воспоминая, коль мало и слабо чувствовали мы присутствіе и величество Божіе; коль нечувствительны, и даже неблагодарны бывали къ отеческой и безпредѣльной его благости; коль далеко еще отстоимъ отъ того совершенства, какого законъ его требуетъ, и колико унижаемъ достоинство натуры нашей; какъ мы преданы своеполезнымъ склонностямъ, и сколь мало слѣдуемъ человѣколюбивымъ: воспоминая все сіе, надлежитъ намъ почувствовать, что мы должны раскаяться во нравѣ и поведеніи, толь недостойномъ натуры нашей, и толь несообразномъ обязанностямъ нашимъ ко творцу ея; что мы должны рѣшиться и стараться впредь поступать мудрѣе и лучше. Самъ Богъ уставилъ, чтобъ развращеніе и неразуміе наше сопряжено было со внутренними укоризнами и со многими внѣшними злоключеніями; по чему они суть натуральное изъявленіе неугодности нашей ему; а влеченіе къ продолженію прежняго образа жизни, происходящее по законамъ привычки, подаетъ намъ основательную причину опасаться, что мы и впредь будемъ ему неугодны: ибо сіе влеченіе служитъ къ утвержденію въ насъ пороковъ и неразумія, и есть предвозвѣстникъ закоснѣлости въ оныхъ.

Упованіе прощенія. Однако свойства Божіи, изъявляемыя всѣми дѣлами его, медленность или облегченіе наказанія, нерѣдко испытываемыя преступниками, и милосердое правленіе Божіе во многихъ иныхъ случаяхъ, подаютъ искренно кающемуся надежду, что Отецъ и Судія его не поступитъ съ нимъ по всей строгости, но окажетъ ему благость и милость свою, естьли онъ искренно будетъ стараться, отложить современемъ прежнія привычки, обуздать прежніе пороки, и впредь жить сообразнѣе волѣ Божіей. Хотя бы и оставались еще нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ, какъ можетъ правосудіе Божіе согласно быть съ оставленіемъ преступленій безъ наказанія; однакожъ онъ не можетъ думать, чтобъ отеческой милости и премудрости Божіей противно было

ло

ло, изобрѣсти такое средство къ спасенію кающагося преступника, которымъ бы величество правленія Божія могло быть совокуплено и примирено съ милосердіемъ его. Умъ самъ собою не указываетъ сего средства; но подаетъ нѣкоторую причину надѣяться онаго. Хотяжъ натуральная религія не можетъ сообщить въ толь важномъ дѣлѣ большаго просвѣщенія и лучшей увѣренности; однако она научаетъ смиреннаго Деиста ожидать съ покорностію дальнѣйшаго открытія воли Всевышняго Обладателя, какое самому ему сдѣлать угодно; она научаетъ изслѣдовать съ чистосердечіемъ и безпристрастіемъ все сказываемое о вѣрности и несомнѣнности *Божественнаго откровенія*, какая бы ни была сія вѣрность, *естественная* ли или *сверхъестественная*; при явной и убѣдительной вѣрности принимать откровеніе съ почтеніемъ и радостію; и наконецъ, когда оно указываетъ нѣкоторыя новыя отношенія или связи, то натуральная религія побуждаетъ искреннаго почитателя своего ко принятію обязанностей, происходящихъ изъ сихъ отношеній и связей, и къ исполненію должностей, проистекающихъ изъ оныхъ (*).

Поклоненіе хвала, благодареніе.

Еще надлежитъ замѣтить, что всѣ склонности, имѣющія непосредственнымъ и высочайшимъ предметомъ Божество, суть живыя силы души; слѣдовательно оказываютъ дѣйствіе свое надлежащимъ образомъ только на самомъ дѣлѣ, и равно какъ всѣ прочія душевныя способности, получаютъ отъ сего болѣе силы и дѣятельности. По чему для насъ какъ *должность*, такъ и самая великая *польза* въ томъ, чтобъ часто и въ назначенное время воздавать честь великому Образцу бытія нашего и источнику всея красоты и всего добра, пристойными и торжественными дѣлами, изъявлять почтеніе и любовь нашу почтительнымъ и благоговѣйнымъ размышленіемъ о совершенствахъ его,

(*) При семъ надлежитъ предложить молодому ученику краткое начертаніе должностей, распространенныхъ Откровенною религіею.

его, и доказывать благодарность нашу къ нему прославленіемъ благости его и признаніемъ его благодѣяній. Равнымъ образомъ должны мы приличными дѣйствіями покаянія и смиренія признаваться въ неблагодарности и неразуміи нашемъ, изъявлять надежду нашу на Бога и упованіе на благость его, и для того испрашивать благословенія его и милостиваго пособія, чтобъ онъ помогъ слабостямъ натуры нашей и исцѣлилъ поврежденіе оной. Наконецъ должны мы оказывать увѣреніе наше во владычествѣ его и вѣрность къ его царствію тѣмъ, чтобъ мы обязались исполнять волю его и предать судьбу нашу божественному его установленію. Сіи должности обязательны не по тому, чтобъ Богъ имѣлъ въ нихъ нужду, или чтобъ исполненіе ихъ доставляло ему какую либо выгоду; но по тому, что онѣ явно пристойны и нравственны, сообразны отношеніямъ нашимъ къ нему, какъ ко творцу нашему, благодѣтелю, законодателю и судіи; по тому, что онѣ изъявляютъ состояніе и обязанности наши, и служатъ къ исправленію души, дѣлая насъ умнѣе, способнѣе къ сообществу, подобнѣе Богу, и слѣдовательно блаженнѣе.

Внѣшнее богослуженіе.

Доселѣ разсматривали мы *внутреннюю* богобоязненность, или *сердечное поклоненіе въ духѣ и истинѣ*; и заключимъ сію главу краткимъ разсмотрѣніемъ *внѣшняго* богослуженія. Внѣшнее богослуженіе происходитъ изъ тѣхъ же основаній, изъ какихъ внутреннее, и стольножъ обязательно. Оно бываетъ или *частное*, или *публичное*. Одно только внутреннее богопочитаніе для большей толпы людей есть дѣло слишкомъ духовное и отвлеченное. Дѣятельность души ихъ, особливожъ потребная при самыхъ высочайшихъ, безтѣлесныхъ предметахъ, должна получать вспоможеніе отъ внѣшнихъ орудій ощущенія, или отъ воображенія; безъ чего она весьма скоро приводима бываетъ въ разсѣяніе чувственными впечатлѣніями, либо продолжаясь слишкомъ долго, изнемогаетъ. Идеи толь непостоянны, что надлежитъ ихъ удерживать, и для большей части людей толь недѣйствительны, что должно выражать ихъ чувственными знаками или образа-

ми, и какъ бы начертывать; а безъ того мы не можемъ ни прилагать къ нимъ вниманія, ни трогаемы быть ими. И такъ, *словесное* воздаваніе чести, моленіе, хвала, благодареніе и прославленіе суть превосходные способы ко внутреннему богопочитанію; они удерживаютъ вниманіе наше, собираютъ и оживляютъ мысли, впечатлѣваютъ въ насъ глубже чувствованіе высокаго присутствія, въ какомъ мы находимся, и посредствомъ натуральнаго и механическаго вліянія возвышаютъ благочестивыя чувствованія и помышленія, какія намъ имѣть должно, и которыя такимъ образомъ становятся формальнымъ и явнымъ дѣломъ.

Публичное богослуженіе.

Все сіе еще въ вышшей степени истинно въ разсужденіи *публичнаго* богослуженія, при которомъ присутствіе подобныхъ намъ человѣковъ и сильно дѣйствующій примѣръ общественныхъ склонностей совокупно возжигаютъ пламя благочестія и распространяютъ его съ большимъ жаромъ и съ большею силою. Изъ сего можемъ вывести слѣдующее заключеніе: понеже Богъ есть основатель и верьховный начальникъ общественной системы; понеже онъ сотворилъ насъ къ общежительному состоянію; понеже въ сей системѣ находимъ мы самую лучшую защиту отъ всѣхъ натуральныхъ золъ, а въ семъ состояніи наслаждаемся самыми величайшими удовольствіями онаго; понеже сія система и сіе состояніе доводятъ натуру нашу до крайней ея доброты и крайняго совершенства; сверьхъ того, понеже находятся благодѣянія, и нещастія, или преступленія, въ которыхъ всѣ мы имѣемъ нѣкоторое участіе, и всеобщія нужды и опасности, которымъ всякой подверженъ: слѣдовательно очевидно, что частое и торжественное отправленіе публичнаго богослуженія есть должность, имѣющая необходимую нравственную обязательность, принадлежитъ къ самымъ крѣпчайшимъ союзамъ общества, составляетъ одну изъ самыхъ твердѣйшихъ подпоръ правительства, и служитъ самымъ величайшимъ украшеніемъ какъ сему, такъ и оному.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ НРАВОУЧЕНІЯ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Глава I.

О практическомъ Нравоученіи, или образованіи сердца.

Великость и важность сея матеріи.

Мы разсматривали по порядку разныя должности, которыми обязаны мы къ самимъ себѣ, къ обществу и къ Богу. Говоря о первомъ классѣ должностей, мы коснулись того, какимъ образомъ можно пріобрѣтать разныя блага, къ исканію которыхъ натуральный инстинктъ насъ побуждаетъ; и намъ оставалось только разсмотрѣть способъ пріобрѣтенія нравственныхъ благъ сердца, о чемъ предоставили мы говорить особливо, по причинѣ важности сея матеріи. И такъ, теперь покажемъ средства къ полученію добродѣтельныхъ и къ истребленію порочныхъ навыковъ, сколько краткость сего сочиненія то позволитъ. Сія матерія какъ весьма трудна, такъ и весьма важна въ Нравоученіи; однакожъ писавшіе о Нравоученіи занимались ею менѣе всякой другой. Весьма прилично предложить ее послѣ обстоятельнаго изслѣдованія должности; ибо сіе покажетъ намъ средства или пути, весьма нужные и полезные къ исполненію оной.

Чувственныя понятія и чувственный вкусъ.

Въ первой части сихъ Начальныхъ Основаній Нравоученія мы изслѣдовали порядокъ страстей, являющихся въ разныхъ періодахъ жизни человѣческой. Сей порядокъ не случайный; онъ происходитъ не отъ своенравія человѣческаго, или не отъ вліяній привычки и воспитанія; но проистекаетъ изъ кореннаго устроенія и законовъ натуры нашей, къ которымъ между прочимъ принадлежитъ и то, „что чувственные предметы дѣлаютъ пер-

„вый

„выя и самыя сильнѣйшія впечатлѣнія въ сердцѣ.“ Сіи впечатлѣнія, произведены будучи въ душѣ посредствомъ внѣшнихъ орудій ощущенія, становятся предметами ея вниманія, о которыхъ она размышляетъ, когда внѣшнихъ предметовъ уже нѣтъ, или иными словами сказать, когда впечатлѣнія во внѣшнія орудія ощущенія прекращаются. Сіи предметы размышленія души называются *понятіями*, *представленіями*, или *образами*. По другому закону натуры нашей мы не бываемъ къ нимъ совсѣмъ равнодушны, но происходятъ въ насъ согласныя съ ними движенія *желанія* или *отвращенія*, *любви* или *ненависти*, сообразно тому, пріятное ли или непріятное впечатлѣніе въ орудіяхъ ощущенія дѣлаютъ изображаемые ими предметы. Понятія и склонности, получаемыя нами въ первомъ періодѣ жизни, причисляемъ къ *чувственности*; а вкусъ, образуемый оными, называемъ *чувственнымъ*, или только *натуральнымъ вкусомъ*. Предметы, соотвѣтствующіе сему вкусу, обыкновенно называются *добрыми*, или *пріятными*.

Понятія о красотѣ и хорошій вкусъ.

Но какъ душа продолжаетъ ходъ свой всегда далѣе и далѣе: то познанія ея распространяются, и она получаетъ новый и многочисленнѣйшій классъ понятій, въ которыхъ замѣчаетъ *единообразіе*, *многоразличность*, *сходство*, *согласіе частей*, *отношеніе къ цѣли*, *новость*, *великость*. Сіи понятія составляютъ множество послѣдующихъ одна за другою и разныхъ картинъ, которыя душа совокупляетъ во многоразличные виды, раздѣляетъ, и по произволенію своему перемѣняетъ, въ отсутствіи предметовъ, доставившихъ ей сперва оныя. Многоразличныя сіи картины производятъ новый рядъ желаній и склонностей, толикожъ живыхъ и прельстительныхъ, какъ и всѣ вышепомянутыя. Весь сей классъ ощущеній или впечатлѣній относится къ *воображенію*, и образуетъ вкусъ вышшій чувственнаго, имѣющій непосредственное и сильное вліяніе въ тончайшія страсти натуры нашей, и обыкновенно называемый *хорошимъ*, или *тонкимъ вкусомъ*. Предметы, согласные съ симъ вкусомъ, обыкновенно называются *изящными*, *гармониче-*

скими, *великими* и *чудесными*, или вообще разумѣются подъ названіемъ *красоты*.

Нравственныя понятія и нравственный вкусъ.

Но какъ между тѣмъ душа еще продолжаетъ ходъ свой и увеличиваетъ количество своихъ понятій: то доходитъ еще до вышшаго рода предметовъ, а именно до *духовнаго порядка* и *взаимныхъ духовныхъ отношеній*, *склонностей*, *характеровъ*, *дѣлъ* и различныхъ *видовъ*. Въ нихъ находитъ она *красоту*, *великость*, *благопристойность*, гораздо прелестнѣйшую и плѣнительнѣйшую, нежели въ какомъ либо предметѣ изъ вышепомянутыхъ классовъ. Сіи предметы, или образы оныхъ, представляясь разуму одинъ за другимъ, по необходимому закону натуры нашей возбуждаютъ другой и благороднѣйшій классъ склонностей, какъ-то: удивленіе, уваженіе, любовь, почитаніе, благодарность, человѣколюбіе, и другія склонности сего рода. Сей классъ *совершенствъ* и соотвѣтствующихъ имъ *склонностей*, по предметамъ ихъ (которые суть *нравы*) прилагаемъ мы ко *нравственному* чувству, и *вкусъ* или *образъ мыслей*, производимый ими, называемъ *нравственнымъ*; а предметы, сообразные сему вкусу или образу мыслей, вообще называются *нравственною красотою*, для различенія оной отъ *физической* или *натуральной* красоты.

Источники совокупленія понятій.

Сіи различные классы понятій или образовъ суть матеріалы, которыми душа занимается, смѣшивая, разставляя и перемѣняя ихъ многоразличными образами. Она ощущаетъ въ себѣ сильное влеченіе къ совокупленію и связыванію тѣхъ понятій, между которыми примѣчаетъ нѣкоторое *подобіе*, или *способность* къ произведенію другъ друга, какія бы ни были сіе подобіе и сія способность, *существенныя* ли и *натуральныя*, или только *употребительныя* и *искусственныя*. Такимъ образомъ она любитъ совокуплять понятія натуральной и нравственной красоты; ибо и та и другая проистекаетъ изъ одинакихъ источниковъ, какъ-то намѣренія, гармоніи частей, или отношенія къ цѣли, и обѣ относятся къ душѣ, какъ общему ихъ началу. Хорошее лице

це или пріятныя поступки естественно производятъ понятія о нравственной красотѣ. Многіе наружные знаки, напр. короны, Епископскіе жезлы, монументы, по силѣ привычки, нерѣдко возбуждаютъ нравственныя чувствованія, какъ то величество, набожность, героисмъ. Естьли нѣкоторые ряды, или смѣшенія понятій бывали когда либо вкупѣ при одинакихъ предметахъ: то душа послѣ всегда будетъ имѣть влеченіе къ соединенію оныхъ, хотя бы ихъ въ самомъ дѣлѣ вкупѣ уже и не было. Видавши иногда добрый нравъ совокупленный съ пріятною наружностію, добродѣтель сопровождаемую учтивостію, и заслуги сопровождаемыя славою, мы склонны бываемъ думать, что сіи свойства всегда неразлучны. Естьли нѣкоторыя понятія, или ряды понятій, непосредственно и мгновенно производимы были какими либо предметами или случаями, которые послѣ подали поводъ къ различному съ первыми, а можетъ быть и совсѣмъ противному онымъ, ряду понятій, или впечатлѣній: то сіи предметы, представляясь вторично, производятъ первой рядъ понятій; а послѣдній, бывшій позднѣе, бываетъ между тѣмъ совсѣмъ забытъ. Такимъ образомъ пьяница, увидѣвъ свою бутылку и друзей своихъ, увеселяется понятіями пріятнаго сообщества, дружбы, позволеннаго удовольствія, которыя въ первой разъ произведены въ немъ были сими предметами, и при томъ, обманывая себя, не вспоминаетъ о головной боли, тоскѣ, тягости, и прочихъ скорбныхъ впечатлѣніяхъ, сопровождавшихъ неумѣренную его забаву, хотя бы то и недавно съ нимъ случилось.

Законы совокупленія понятій.

По какимъ бы причинамъ душа ни совокупляла въ первой разъ два понятія или болѣе, по сходству ли ихъ, или по тому, что они случаются вмѣстѣ, или по тому, что одно бываетъ причиною другаго, или по какому либо иному удобству или отношенію; но то есть непремѣнный законъ натуры нашей, что „два понятія „или болѣе, бывая часто вкупѣ, соединяются навсе„гда такъ, что послѣ весьма трудно разлучить ихъ.“ По сему любовникъ не можетъ разлучить понятія до-

стоинствѣ со своею любовницею; придворный не можетъ разлучить понятія достоинства со своимъ чиномъ или съ лентою; для скупца понятіе блаженства неразлучно съ денежными мѣшками. Дѣйствованіе души въ сихъ случаяхъ нерѣдко бываетъ таково же, какъ и при отвлеченнѣйшихъ ея дѣйствіяхъ. Увѣрившись однажды въ истинѣ какого либо Геометрическаго положенія, она можетъ послѣ твердо помнить связь выраженій сего положенія, и предполагать, напр., равенство угловъ равносторонняго тріугольника, хотя и не мыслитъ уже о присовокупленныхъ понятіяхъ, объяснившихъ ей сію связь, или совсѣмъ забыла оныя. Равнымъ образомъ, ревностные искатели богатства или власти хотя можетъ быть получаютъ первое понятіе о цѣнѣ оныхъ отъ пользы, доставляемой хорошимъ употребленіемъ богатства или власти частному удовольствію, или общественному благосостоянію; но когда сердце ихъ прилѣпляется уже къ сей связи, тогда часто забываютъ они непосредственную цѣль, то есть мудрое и благородное употребленіе, и постепенно доходятъ до того ослѣпленія, чтобъ уважать богатство и власть для нихъ самихъ, воображая себѣ, что оныя имѣютъ собственную внутреннюю цѣну, не зависящую отъ употребленія. Симъ и подобнымъ сему образомъ происходятъ самыя твердѣйшія совокупленія понятій, и разные ряды вышепомянутыхъ понятій составляемы бываютъ безъ порядка и различія, часто безъ натуральнаго между ими сродства или отношенія, только по случаю, по примѣру другихъ, въ сообществѣ, по симпатіи, по воспитанію, иногдажъ и по своенравію. По сему всякое натуральное добро соединяется со нравственною красотою; и понятія, въ натурѣ совершенно противныя одно другому, сцѣпляемы бываютъ такъ, что весьма трудно разлучить ихъ въ сердцѣ наблюдателя; напр. благоразуміе съ коварствомъ, честолюбіе съ несправедливостію, религія съ лютостію, подкупленіе или возмущеніе съ патріотисмомъ. — Сіи совокупленія достоинства или блаженства съ вышепомянутыми разными классами предметовъ или образовъ составляютъ *вкусъ* нашъ, или *сложное понятіе добра.*

По

По другому закону натуры нашей „склонности наши „послѣдуютъ сему вкусу и управляемы онымъ; характеръ нашъ и поведенiе сходны и сообразны бываютъ „съ сими склонностями; а отъ качества характера и „поведенiя паче всего зависитъ наше блаженство.“

И такъ, понеже всѣ главныя страсти наши зависятъ отъ устремленiя нашего вкуса, а вкусъ всегда бываетъ настроенъ одинаково съ главными совокупленiями понятiй: то не безполезно изслѣдовать обстоятельнѣе, какъ происходятъ сiи совокупленiя, чтобъ открыть тайные источники, изъ которыхъ страсти почерпаютъ главную силу свою, происхожденiе и упадокъ. Сiе доставитъ намъ истинный ключь къ управленiю оныхъ, и покажетъ надлежащiй способъ къ укрощенiю злыхъ страстей и къ усиленiю добрыхъ.

Главныя страсти сообразуются со вкусомъ.

Не весьма большое знанiе натуры человѣческой показываетъ уже намъ, что никакiе предметы не дѣлаютъ въ насъ толь сильнаго впечатлѣнiя, какъ дѣйствующiе непосредственно надъ чувствами и разительно впечатлѣвающiеся въ воображенiе. Мы находимъ въ душѣ слабые слѣды того, что только духовно, напр. отвлеченныхъ или сцiентифическихъ истинъ, тонкихъ отношенiй и различiй вещей. Хотя оно занимаетъ и остритъ память и разсудокъ; однако едва ли можетъ возбуждать дѣятельныя силы и страсти, которыя суть главные источники движенiя. Но естьлибъ, съ другой стороны, душа совсѣмъ предана была управленiю чувствъ, и естьлибъ она не была способна ко принятiю никакого инаго впечатлѣнiя, кромѣ производимаго присутствующими предметами и дѣйствующими надъ нѣкоторыми внѣшними орудiями ощущенiя: то наше состоянiе было бы совершенно одинаково съ состоянiемъ прочихъ животныхъ; мы были бы управляемы однимъ только инстинктомъ, или пожеланiемъ, и не имѣли бы силы противиться дѣлаемымъ въ насъ впечатлѣнiямъ, каковы бы оныя ни были. Того ради Натура снабдила насъ *среднею силою*,

Важность и польза воображенiя.

которая весьма сообразна смѣшанному нашему состоянію, и принадлежитъ отчасти къ чувствамъ, отчастижъ къ уму, по тому, что она весьма тѣсно связана съ чувствами и служитъ общимъ вмѣстилищемъ всѣхъ идей происходящихъ отъ нихъ, но также и уму дѣлаетъ великую пользу и пособіе, сообщая представленіямъ его тѣло, связь и красоту. Средняя сила сія, одна изъ самыхъ дѣятельнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ душевныхъ силъ, называется *воображеніемъ*. Въ семъ общемъ вмѣстилищѣ содержатся также и всѣ нравственные образы, происходящіе изъ нравственныхъ способностей ощущенія, и часто получаютъ въ немъ новые виды, смѣшиваясь съ образами чувственныхъ или натуральныхъ вещей и отъ того передѣлываясь. Посредствомъ сего соединенія образовъ натуральная красота нравственными свойствами и совершенствами бываетъ возвышаема и исправляема, а нравственныя свойства натуральною красотою обнаруживаются и освѣщаются. Чувственная красота, или чувственное добро, очищается, участвуя во нравственномъ; а нравственная красота, или нравственное добро получаетъ отъ чувственнаго клеймо свое, видимый признакъ и употребительность. — Но чтобъ научиться судить о семъ взаимномъ вліяніи, для сего не безполезно будетъ привести здѣсь нѣкоторые примѣры, какъ воображеніе или совокупляющая сила дѣйствуетъ.

Сила его въ возвышеніи чувственныхъ удовольствій при разныхъ случаяхъ.

Привыкая къ чувственнымъ впечатлѣніямъ и чувственнымъ удовольствіямъ прежде всякихъ другихъ, мы получаемъ рано *чувственный вкусъ* и любовь къ удовольствію въ нижшемъ значеніи сего слова. Но чтобъ дать сему вкусу надлежащее устремленіе, душа мало по малу открываясь болѣе вышшимъ чувствованіямъ красоты и добра, занимаетъ изъ нихъ рядъ благороднѣйшихъ образовъ, какъ то: правильный вкусъ, великодушіе, общественную склонность, дружбу, хорошее сообщество, и пр., и придавая прежнимъ стремленіямъ своимъ сіи новыя украшенія, сообщаетъ имъ достоинство и блескъ.

По-

Посредствомъ сего, желаніе имѣть хорошій столъ, любовь къ пышности въ одеждѣ, склонность къ любовнымъ связямъ и удовольствію, простираемы бываютъ гораздо далѣе натуральныхъ ихъ предѣловъ; ибо получаютъ сугубое поощреніе, какъ отъ силы натуральныхъ желаній, такъ и отъ присовокупленной къ онымъ силы страстей нравственнаго класса. Когда душа становится чувствительнѣе къ тѣмъ предметамъ, въ которыхъ примѣчаетъ красоту, единообразіе, великость и гармонію, какъ то: къ хорошему платью, красивымъ мебелямъ, золотымъ и серебрянымъ сосудамъ; къ картинамъ, садамъ, домамъ, экипажамъ; ко красотѣ животныхъ; особливожъ къ прелестямъ другаго полу: то Натура ведетъ сердце къ симъ предметамъ; либо привычка, мнѣніе и примѣръ другихъ научаютъ его совокуплять съ оными нѣкоторыя понятія нравственнаго характера, достоинства, благопристойности, щедрости, нѣжности, и дѣятельнаго или общественнаго удовольствія. Слѣдствіе сего совокупленія понятій есть то, что предметы, съ которыми мы ихъ связываемъ, получаютъ въ глазахъ нашихъ большую цѣну, и что мы домогаемся оныхъ съ соразмѣрнымъ тому усиліемъ. Наслажденіе ихъ часто сопровождаемо бываетъ удовольствіемъ; и даже самое то, что мы ихъ имѣемъ, нерѣдко доставляетъ намъ нѣкоторое уваженіе отъ другихъ, которые оныхъ не имѣютъ. Многіе почитаютъ уваженіе сіе равнымъ удовольствію самаго наслажденія. По чему, понятіе блаженства иногда бываетъ совокупляемо съ тѣмъ, чтобъ только имѣть; и мы домогаемся сего съ великимъ усиліемъ, ни мало не думая о хорошемъ употребленіи, или похвальномъ наслажденіи. Такимъ образомъ страсть останавливается при средствахъ, не доходя до цѣли; то есть: она теряетъ изъ виду натуральный свой предметъ, и отъ того бываетъ безпорядочна и необузданна.

Въ увеличеніи чувствительности къ красотѣ, гармоніи, и пр.

Однимъ словомъ, всякой предметъ, или всякое наименованіе, лента, корона, титулъ, могутъ быть нравственнымъ при-

Въ увеличеніи цѣны внѣшнихъ

знаковъ, или изображеній.

знакомъ, или изображеніемъ заслугъ, власти или чести, естьли имѣющіе или уважающіе ихъ находятъ или думаютъ, что оныя совокуплены съ заслугами или честію. Но по вышепомянутому заблужденію, люди забываютъ и пренебрегаютъ заслуги, или поступки, дающія право на сіи признаки преимущества, и любятъ самые знаки, или ищутъ ихъ, какъ нѣчто заключающее въ себѣ всякое совершенство. Получивъ оные, какимъ бы то образомъ ни было, думаютъ, что всѣ обстоятельства, соединяемые съ оными Натурою, обычаемъ, или случаями, необходимо должны послѣдовать за ними. Такимъ образомъ нравственныя цѣли, которыми нещастный искатель прикрываетъ страсти свои и намѣренія, оправдываютъ, по его мнѣнію, самыя непозволенныя средства, какъ то, обезчещеніе самого себя, лесть, измѣну, и всякіе обманы, явные или скрытые.

Въ возвышеніи цѣны богатства, власти, и пр.

Видя, что богатство и власть, называемыя обыкновенно *интерессомъ*, служатъ общимъ путемъ ко всякому удовольствію, люди охотно придаютъ предметамъ домогательства своего разные прелестные нравственные виды, чтобъ оправдать страсть свою и прикрасить способы употребляемые къ удовлетворенію оной, какъ-то: независимость отъ пороковъ и страстей другихъ людей, доставленіе безопасности себѣ и друзьямъ своимъ, благоразумное домостроительство, или хорошее употребленіе щедрости, общественную довѣренность, превосходство надъ непріятелями своими, которые всѣ почитаемы бываютъ ни къ чему годными людьми, честную услугу, и многія другія случайныя свойства заслугъ. Какихъ хитростей, и даже какихъ подлостей не почтетъ такой безстыдный искатель собственной пользы безпорочными, естьли только можетъ посредствомъ оныхъ получить выгоду или удовольствіе! — Воображеніе людей, называемыхъ въ мірѣ изъ лести *весельчаками*, столько же изобильно нравственными образами, которыми они всегда сообщаютъ хорошій видъ грубымъ своимъ похотямъ, или естьли не могутъ того сдѣлать, то

то по крайней мѣрѣ прикрываютъ оныя. По сему, удивленіе остроумію, тонкія чувствованія и достоинства, дружба, любовь, великодушная симпатія, взаимная довѣренность, доставленіе или полученіе удовольствія, суть обыкновенныя приправы, которыя такіе люди обыкновенно прикладываютъ къ своему волокитству и веселому препровожденію времени, и посредствомъ которыхъ они увѣряютъ самихъ себя, и другихъ стараются увѣрить, что любовныя связи ихъ суть соединенное дѣйствіе ума и добродѣтели.

Вліяніе воображенія во всѣ страсти.

Сіи совокупленія понятій, которыя воображеніе многоразлично составляетъ и разставливаетъ, образуютъ главныя своеполезныя страсти, обладающія большею частію людей въ жизни, какъ-то: любовь къ дѣятельности, или къ удовольствію, ко власти, къ богатству и чести. Они имѣютъ вліяніе въ защитительныя страсти, и доставляютъ выгоду общеполезнымъ. Они возбуждаютъ радость или печаль, сообразно удовлетворенію оныхъ. По чему, сіи совокупленія понятій *добра* или *зла*, *красоты* или *гнусности*, и возбуждаемыя ими страсти, суть главныя вѣсовыя гири жизни и нравовъ, и обильные источники нашего щастія или бѣдствія. Изъ сегожъ явно, что все нравственное образованіе должно основываться на томъ, чтобъ дать главнымъ страстямъ надлежащее устремленіе, и умѣрять ихъ сообразно цѣнѣ искомыхъ предметовъ или благъ, подъ какимъ бы именемъ онѣ ни представлялись.

Нравственное образованіе посредствомъ исправленія вкуса и воображенія.

Чтобъ дать страстямъ сіе *надлежащее устремленіе* и сію *надлежащую мѣру*, для сего должно *надлежащимъ образомъ* ограничить тѣ совокупленія понятій, отъ которыхъ страсти зависятъ, какъ-то изъ предыдущихъ положеній явно. Чрезмѣрное желаніе богатства, удовольствія, или власти, происходитъ изъ совокупленія понятій, или изъ такого мнѣнія, что при наслажденіи или обладаніи сихъ благъ находится болѣе красоты или добра, натуральнаго ли или нравственнаго, нежели

 сколь-

сколько оно въ самомъ дѣлѣ доставляетъ: по чему, желая привести сіи страсти въ надлежащую мѣру, должно начать съ того, чтобъ исправить самое мнѣніе, или разрушить ложное совокупленіе понятій; либо иными словами сказать: мы должны разобрать собственный призракъ блаженства или добра, толь нѣжно нами любимый, разлучить понятія не имѣющія никакого натуральнаго сродства, и отдѣлить первоначальное понятіе богатства, власти, или удовольствія, отъ постороннихъ примѣсовъ, слишкомъ возвышающихъ цѣну оныхъ, или сообщающихъ имъ самую большую силу къ очарованію и прельщенію сердца. Напримѣръ, разсудимъ, сколь малозначаще и не достойно уваженія *богатство*, естьли оно не совокуплено съ дѣйствительнымъ употребленіемъ, или съ понятіями способности къ дѣланію добра въ имѣющемъ оное, со свободою, великодушіемъ, попеченіемъ о семействѣ или о друзьяхъ, и съ охотою удѣлять другимъ. По сему масштабу опредѣлимъ истинную его цѣну; признаемъ подлымъ и поноснымъ худое употребленіе его, или наслажденіе безъ жалости и удѣленія другимъ; и не будемъ приписывать одному только обладанію богатства никакой заслуги или цѣны, принадлежащей великодушному употребленію онаго.

Посредствомъ отрицанія и внутренняго преодолѣнія себя,

Естьли прельщаетъ насъ составленный видъ добра, называемый *удовольствіемъ*: то раздробимъ его на части, изъ которыхъ онъ составленъ, или разберемъ пріятности, которыя почерпаетъ онъ изъ сердца и воображенія для увеличенія малой способности нравиться, самому ему свойственной; опредѣлимъ со всею возможною точностію цѣну каждой части особливо и въ сравненіи съ другими, и вычтемъ оную изъ всея суммы; послѣ чего остатокъ удовольствія окажется скуденъ, непривлекателенъ и едва примѣтенъ. Чѣмъ болѣе уменьшается высокое мнѣніе о искомомъ благѣ, тѣмъ болѣе должна уменьшаться и любовь къ оному. Сильнымъ способомъ къ уменьшенію такого высокаго мнѣнія, а по тому и основаннаго на немъ навыка, служатъ опыты въ отрицаніи себя, или воздержаніе

отъ

отъ стремленія къ самымъ пріятнѣйшимъ для насъ предметамъ, либо отъ наслажденія оныхъ, до нѣкоторой степени. Для удобнѣйшаго произведенія сего въ дѣйство, должно избѣгать случаевъ, сообщества, мѣстъ и прочихъ обстоятельствъ, могущихъ возбудить сіе стремленіе и наслажденіе сдѣлать пріятнымъ. Также для равновѣсія съ другой стороны, должно давать вышшимъ или совсѣмъ различнымъ удовольствіямъ испытывать свою силу, устремлять иныя страсти противъ прежнихъ, перемѣнять мѣста, заниматься другими забавами, быть въ сообществѣ съ людьми различнаго или лучшаго образа мыслей касательно какъ натуральныхъ, такъ и нравственныхъ матерій.

Посредствомъ умнаго и Натурѣ сообразнаго воспитанія.

Весьма многое зависитъ отъ первыхъ сценъ въ жизни: почему юношеское воображеніе, склонное къ пышности и блеску, заблаговременно должно пріучаемо быть, посредствомъ *наставленія*, *примѣровъ*, пристойныхъ *нравственныхъ упражненій*, и даже посредствомъ взоровъ, тѣлодвиженій, и всякаго изъявленія справедливаго одобренія или опороченія, совокуплять понятія достоинства, чести и блаженства не съ родомъ, не съ пышностію одежды, чинами, красотою, богатствомъ, властію, уваженіемъ отъ согражданъ, и подобными симъ внѣшними предметами, но со нравственными и истинно добродѣтельными свойствами, и съ удовольствіями, проистекающими изъ порядочнаго управленія страстей, особливожъ общественныхъ и безкорыстныхъ склонностей. Должно часто представлять воображенію сіи возвышенные виды красоты и добра, и ревностно выхвалять оные въ трогающихъ изображеніяхъ и примѣрахъ; утверждать ихъ силою совѣсти, и посредствомъ ума доказывать, что они суть самыя вѣрнѣйшія средства къ удовольствію, одни только независимыя, неперемѣнчивыя и прочныя блага. Сіе лучше всего послужитъ къ перевѣшенію низкихъ страстей, и будетъ самымъ твердѣйшимъ основаніемъ и защитою добродѣтели.

Посредствомъ правильнаго размышленія о натурѣ человѣческой.

Для образованія правильнаго вкуса, или чистыхъ и обширныхъ представленій блаженства, весьма полезно учиться *познавать натуру человѣческую*; разсуждать, что она есть многочастная система; особливожъ впечатлѣть глубоко въ сердцѣ своемъ вышеупомянутое *постепенное послѣдствіе* чувствъ, способностей и силъ къ наслажденію удовольствій, и проистекающую изъ онаго *подчиненность благъ*, которую Натура поставляетъ себѣ цѣлію, и которая самымъ опытомъ человѣческимъ подтверждаема. Ибо человѣкъ, постоянно размышляющій, а не послѣдующій непосредственному вліянію сильнаго предразсудка, или насильственной страсти, не предпочтетъ ли удовольствій размышленія, сообщества, и большей части нравственныхъ дѣлъ и радостей, какъ то дружбы, натуральной склонности къ родственникамъ, и пр., всякому удовлетворенію чувствъ, каково бы оно ни было? Естьли разные роды удовольствія смѣшаны въ составномъ видѣ: то должно со всею возможною точностію разобрать ихъ, причислить каждое удовольствіе къ собственной его способности, или къ собственному его чувству, и изслѣдовать каждое особенно, что ему свойственно, что имѣетъ оно общаго съ другими, и что въ немъ постороннее и случайное. Подвергая богатство, знатность, пышность, любовь, честь, и пр., сей пробѣ, усмотримъ собственную ихъ цѣну. — Также должно разсуждать, не можетъ ли сердце быть спокойно и наслаждаться самимъ собою въ высокой степени, хотя бы мы совсѣмъ не имѣли способовъ къ нѣжной жизни, или такого изобилія, какое другіе имѣютъ, или бремени богатства и власти, котораго другіе домогаются съ толикою жадностію, и подъ которымъ они воздыхаютъ? Должно разсуждать, коль трудно пріобрѣтеніе, коль ненадежно обладаніе излишняго богатства и зависть возбуждающей знатности; съ коликими огорченіями оно сопряжено, какъ то: со множествомъ запутанныхъ дѣлъ, съ тягостнымъ сообществомъ, съ не-

Посредствомъ сравненія важности и низости разныхъ благъ.

необходимостію оказывать многимъ почтеніе, чувствуемое въ самомъ дѣлѣ только къ немногимъ, со стараніями о сохраненіи того, что имѣешь, съ заботою, чтобъ не лишиться онаго, съ желаніемъ еще большаго, и съ прочими безпокойствами, сопровождающими бѣдственное сіе рабство и пышную неволю. Должно, говорю я, со вниманіемъ разсуждать о сихъ и подобныхъ симъ обстоятельствахъ. Они весьма полезны для уничтоженія, или по крайней мѣрѣ для уменьшенія высокаго мнѣнія о такихъ благахъ; а посредствомъ того, совокупленная съ онымъ страсть, или классъ страстей, мало по малу истребится.

Посредствомъ наблюденія собственной натуры и характера нашего, и пр.

Надлежитъ замѣчать собственное *влеченіе* своей натуры и своего характера: къ какимъ совокупленіямъ понятій мы склоннѣе, къ *чувственнымъ* ли, или *духовнымъ* и *нравственнымъ*, и въ какихъ предметахъ находимъ вкусъ, въ чувственныхъ ли, или духовныхъ и нравственныхъ. Что въ насъ болѣе дѣйствуетъ, къ тому должно прилагать и болѣе вниманія; должно обращать оное къ надлежащимъ предметамъ, исправлять пристойными способами, и посредствомъ надлежащаго удерживанія сохранять отъ уклоненій въ противную сторону. Такимъ образомъ чувственное влеченіе можетъ возвыщено быть духовнымъ, вкусъ къ совершенству изящныхъ искусствъ можетъ образоваться, и какъ сіе влеченіе, такъ и сей вкусъ, вкупѣ могутъ содѣлаться способными къ возбужденію и впечатлѣнію чувствованій нравственныхъ и патріотическихъ въ высочайшей степени. Сіе внутреннее замѣчаніе должно простираться на силу и слабости нашей натуры, на состояніе наше, наши связи, привычки, упражненія, знакомство, и на прочія обстоятельства нашей жизни. Всякой человѣкъ можетъ по оному весьма точно опредѣлить цѣну собственныхъ своихъ склонностей и всего характера, и вывести изъ того самыя лучшія правила къ содѣланію ихъ лучшими и приведенію въ совершенство. А чтобъ можно было дѣлать то съ большею пользою, для сего надлежитъ особенно замѣчать тѣ

времена, или критическія минуты, въ которыя сердце болѣе нежели когда либо склонно бываетъ къ перемѣнѣ, и тогда исправлять себя посредствомъ рѣшительныхъ вознамѣреній, обѣщаній, или какихъ нибудь иныхъ способовъ къ побужденію сердца быть постояннымъ въ добродѣтели. Короче сказать, надлежитъ только прилѣжно разсматривать особенное свое поведеніе, и тщательно замѣчать причины поврежденія или исправленія онаго.

Посредствомъ прилѣжнаго нравственнаго упражненія.

Для очищенія нравственнаго вкуса и для утвержденія добродѣтельнаго нрава весьма полезно пріучать сердце къ прилѣжному *упражненію во нравственныхъ чувствованіяхъ* и *вознамѣреніяхъ* посредствомъ чтенія хорошихъ повѣстей, хорошихъ поэмъ (особливожъ изобразительнаго и драматическаго класса), посредствомъ упражненія въ изящныхъ искусствахъ, посредствомъ обращенія съ людьми отличающимися здравымъ разумомъ и добродѣтелію, особливожъ посредствомъ тщательныхъ и частыхъ дѣлъ человѣколюбія, жалости, дружбы, учтивости и гостепріимства. Сіе упражненіе доставляетъ здравіе и крѣпость. Кто прилѣжнѣе всѣхъ къ размышленію, тотъ бываетъ всѣхъ мудрѣе, и болѣе всѣхъ наслаждается удовольствіями мудрости. Кто чаще всѣхъ трогаемъ бываетъ предметами жалости въ Поэзіи, въ Исторіи, или въ общежитіи, того душа паче всякаго другаго отверста будетъ сожалѣнію и усладительнымъ прискорбіямъ и должностямъ онаго. Равнымъ образомъ, кто прилѣжнѣе всѣхъ къ услугамъ нѣжности и щедрости, тотъ образуетъ посредствомъ сего такой нравъ, изъ котораго должны проистекать всѣ права его на личныя достоинства и на блаженство какъ въ нынѣшней, такъ и въ будущей жизни.

Посредствомъ пристойнаго званія.

Полезное и пристойное *званіе* въ жизни можетъ представить множество такихъ случаевъ, и утвердить чувство добродѣтели и добрыя склонности, которыя, равно какъ и силы разума, должны быть питаемы надлежащимъ управленіемъ. Ибо такое званіе распространяетъ

етъ опытность нашу, пріучаетъ насъ ко внимательности и осторожности, или принуждаетъ насъ, по необходимости, либо для пользы, наблюдать страсти наши и учиться благопристойности и наружнымъ знакамъ добродѣтели; отъ чего современемъ происходитъ добрый навыкъ, а наконецъ и любовь къ добродѣтели и честности для нихъ самихъ.

Посредствомъ разсматриванія людей и нравовъ съ доброй стороны.

Великимъ побужденіемъ къ исполненію человѣколюбія служитъ то, чтобъ разсматривать натуру человѣческую *съ доброй стороны*, искать въ характерахъ людей болѣе похвальнаго, толковать дѣла ихъ, сколько возможно лучшимъ образомъ, и охотнѣе почитать оныя дѣйствіемъ пристрастныхъ и обманутыхъ, нежели злыхъ склонностей, или по крайней мѣрѣ заблужденіями простительнаго самолюбія, а рѣдко признавать ихъ, либо и никогда не признавать дѣйствіемъ одной злости.

Посредствомъ размышленія и упражненій богобоязненности.

Но паче всего должно замѣчать *натуру* и *слѣдствія добродѣтели* и *порока*; ибо слѣдствія ихъ суть законъ натуры нашей и воля Небесъ. Надлежитъ размышлять, въ какомъ видѣ представляются они Высочайшему Творцу и Законодателю нашему, и какъ онъ ихъ приметъ. Мы должны заниматься *упражненіями богобоязненности*, какъ-то: почитаніемъ и хвалою величества Божія, испрашиваніемъ помощи Его и упованіемъ на нея, исповѣданіемъ, благодареніемъ и преданіемъ себя волѣ Божіей; навыкать въ оныхъ, и прилѣжать къ нимъ, принимая ихъ не только за врачество для сердца нашего, но и за исправляющее совершенство онаго.

Посредствомъ правильнаго разсужденія о нынѣшней жизни человѣ-

Въ заключеніе надлежитъ упомянуть, что въ истребленіи худыхъ навыковъ и насажденіи добрыхъ несравненную силу имѣетъ то, чтобъ мы прилѣжно разсматривали жизнь человѣческую какъ *пріуготовленіе къ будущему* и *безсмертному бытію*, какъ *состояніе испытанія*, въ которомъ должны мы быть

ческой и связи ея съ будущею.

воспитаны къ божественной жизни; чтобъ мы никогда не забывали, что добродѣтели и пороки наши такъ же безсмертны, какъ и мы сами, и что они имѣютъ вліяніе въ будущее блаженство наше, равно какъ и въ нынѣшнее, — а по тому всякое качество нрава и всякое дѣло должно разсматриваемо быть какъ простирающее слѣдствія свои за предѣлы нынѣшняго бытія въ безсмертное бытіе. Навычное вниманіе къ сей пространной и важной связи сообщитъ чувствованіямъ и дѣламъ нашимъ великость и достоинство, чтобъ вліять въ насъ благородное неуваженіе къ удовольствіямъ и непріятностямъ сея жизни, и благородное честолюбіе, побуждающее стараться содѣлать добродѣтель нашу такъ же безсмертною, какъ существо наше безсмертно.

Глава II.

Побудительныя причины къ добродѣтели въ разсужденіи личнаго блаженства.

Побудительныя причины въ разсужденіи личнаго блаженства.

Мы уже разсматривали обязанности наши къ исполненію добродѣтели, проистекающія изъ устроенія натуры нашей, заставляющей насъ одобрять нѣкоторый порядокъ и экономію въ склонностяхъ и согласный съ оными рядъ дѣлъ. (См. I Кн. Гл. 1 и 2.) Но кромѣ того находятся еще разныя другія побудительныя причины, которыя укрѣпляютъ и защищаютъ добродѣтель, хотя сами не принадлежатъ ко нравственному классу. Таковы суть *слѣдствіе добродѣтели въ разсужденіи личнаго блаженства*, и противное оному *слѣдствіе порока*. „Личное блаженство „человѣка происходитъ либо изъ состоянія собственнаго „его нрава, либо изъ состоянія и качества внѣшнихъ „причинъ, до него касающихся.“

Внутреннее блаженство добродѣтели.

Сперва изслѣдуемъ, „какъ добродѣтель „способствуетъ блаженству въ разсужденіи „самаго состоянія нрава человѣческаго.“ Въ Нравоученіи сіе весьма важно. Ибо естьли мы не можемъ сами увѣриться, или другимъ дока-

казать, что исполненіе должностей нашихъ и наблюденіе нравственныхъ обязанностей, вообще имѣетъ цѣлію величайшее *удовольствіе* собственнаго нашего сердца, или самую величайшую нашу *выгоду*: то будутъ происходить въ насъ сильныя и часто непреодолимыя предразсужденія противъ исполненія добродѣтели; особливожъ когда намъ покажется, что должность наша несогласна съ нашимъ удовольствіемъ, или съ нашею пользою. Существамъ, имѣющимъ толикое желаніе блаженства и толикое отвращеніе отъ бѣдствія, какъ мы, и нерѣдко завлекаемымъ въ несогласныя между собою страсти и выгоды, такимъ существамъ необходимо нужно, чтобъ добродѣтель представлялась имъ не только въ *похвальномъ*, но и въ *пріятномъ* и *полезномъ* видѣ. Для оправданія выбора нашего какъ предъ самими собою, такъ и предъ другими, должны мы чувствовать въ себѣ способность и быть въ состояніи утверждать предъ всѣмъ міромъ, что пути его суть пріятные пути и стези мирны. Сіе неоспоримо докажетъ, что мы не только одобряемъ дѣлаемое нами, но и можемъ показать достаточную тому причину.

Вліяніе порока въ состояніе нрава.

Бываютъ спокойные часы, въ которые человѣкъ свободенъ отъ дѣлъ и не тревожимъ никакою страстію. Въ такой часъ пусть онъ размыслитъ постоянно: какое состояніе или качество нрава желалъ бы онъ ощущать и соблюдать лучше всякаго инаго, чтобъ быть довольнымъ и наслаждаться самимъ собою? Желалъ ли бы онъ для сего жить въ непрестанномъ разсѣяніи и смятеніи мыслей, въ препятствіяхъ употребленію ума? Желалъ ли бы онъ, чтобъ носились въ воображеніи его разнообразные и часто противоборствующіе одинъ другому призраки добра, которые попеременно гнали бы его и приводили въ смущеніе, которые иногда льстили бы ему обманчивою надеждою, иногдажъ мучили бы его самыми тяжкими заботами? Хотѣлъ ли бы онъ въ одну минуту одобрять то, что въ другую отвергнетъ? Желалъ ли бы имѣть сильное и болѣзненное чувствованіе всякой малой обиды, внезапную печаль при всякомъ угрожающемъ

злѣ,

злѣ, непрестанное и ненасытимое желаніе власти, богатства, чести, удовольствія, непримиримое негодованіе на всѣхъ своихъ соперниковъ, гордыя и тиранскія чувствованія ко всѣмъ нижшимъ, а къ вышшимъ ласкательскія и купно завидливыя, и при томъ мрачное подозрѣніе на всякаго смертнаго? Желалъ ли бы онъ, и самъ никого не любить, и никѣмъ не быть любимъ; не имѣть друга, на котораго бы могъ положиться, или которому могъ бы сообщать мысли свои и предпріятія; не имѣть любимаго человѣка, на котораго могъ бы устремить всю свою нѣжность, или которому бы могъ открывать сердце свое? Однимъ словомъ, желалъ ли бы не имѣть никакой заслуги къ человѣчеству, никакого уваженія отъ подобныхъ ему тварей, никакого добраго чувствованія къ Творцу своему, никакого старанія угодить ему и никакой надежды на него; а вмѣсто того, все ненавидѣть, и знать, что самъ онъ всѣми ненавидимъ; все презирать, и знать, что самого его всѣ презираютъ — добрые за то, что онъ толико имъ неподобенъ, а злые за великое сходство съ ними; — короче сказать, желалъ ли бы онъ, чтобъ грудь его была обиталищемъ гордости и похотей, упорства и мстительности, глубокой грусти, безстыдной злобы, и всѣхъ другихъ фурій, когда либо гнѣздившихся въ сердцѣ человѣческомъ и мучившихъ оное? — Возможно ли спокойному искателю блаженства почитать такое состояніе и такое качество нрава самымъ вѣроятнѣйшимъ способомъ къ доставленію себѣ желаемаго спокойствія и наслажденія самого себя?

Вліяніе добродѣтели въ состояніе нрава.

Не пожелалъ ли бы онъ лучше наслаждаться чистымъ и покойнымъ теченіемъ мыслей, просвѣщеннымъ и постояннымъ умомъ, разсудкомъ не занятымъ никакими предразсужденіями и не смущаемымъ никакими страстями, наслаждаться трезвымъ и благоуправляемымъ воображеніемъ, которое представляло бы ему образы вещей истинно, а не смѣшивая ихъ съ обманчивыми и ненатуральными прелестями, и по тому, не подавая опасной пищи огню страстей, оставляло бы сердцу свободу изби-

избирать что либо, или отвергать, прилично умному существу? Не желалъ ли бы онъ наслаждаться кроткимъ и тихимъ расположенiемъ духа, не удобно нарушаемымъ ни надеждою, ни страхомъ, не склоннымъ ни къ подозрѣнiю, ни ко мщенiю, способнымъ разсматривать людей и дѣла ихъ съ самой лучшей стороны, и лучше съ благопристойностiю уступать своенравiю другихъ, нежели упрямо имъ противиться? Не хотѣлъ ли бы онъ лучше наслаждаться такою умѣренностiю и воздержностiю сердца, чтобъ оно не алкало почестей и власти, не было пристрастно къ богатству, или порабощено забавамъ, а по тому не напыщалось бы въ щастiи, и не унывало бы въ нещастiи? Не хотѣлъ ли бы лучше наслаждаться скромнымъ и благороднымъ смысломъ, который умѣлъ бы соблюдать власть безъ гордости, наслаждаться почестями безъ высокомѣрiя, употреблять богатство безъ мотовства либо чрезмѣрной бережливости, и который бы находилъ болѣе радости въ томъ, чтобъ доставлять другимъ удовольствiе, нежели чтобъ другiе оное ему доставляли; наслаждаться постоянствомъ и единообразнымъ расположенiемъ духа, которое поставляло бы его выше нещастiй, или превращало бы оныя въ полезныя приключенiя; такою честностiю и такимъ величествомъ сердца, чтобъ никогда не льстить порокамъ, не утѣшаться глупостями народной толпы, противиться съ равнымъ мужествомъ и рабству и тиранству, не впускаться самому въ подлыя предпрiятiя, и не заводить въ оныя другихъ? Наконецъ, не предпочелъ ли бы онъ такой доброты и благодѣтельности, чтобъ принимать сердечное участiе во всякой радости другихъ, и не отказываться раздѣлять съ другими всякую печаль ихъ; чтобъ желать добра всѣмъ людямъ; чувствовать право свое на уваженiе отъ всякаго и на любовь отъ самыхъ лучшихъ людей? Не предпочелъ ли бы имѣть такое сердце, которое находило бы удовольствiе въ томъ, что можетъ дѣлать добро, безъ хвастовства и не гордясь тѣмъ; которое радовалось бы тому, что оно любитъ Творца своего и имъ любимо, чувствовало бы присутствiе его, предавалось бы его провидѣнiю, и при одо-

одобреніи его почитало бы себя щастливымъ? — Которое изъ сихъ двухъ качествъ нрава избралъ бы онъ себѣ, для того, чтобъ быть спокойнымъ, довольнымъ и щастливымъ? — Первое качество нрава есть *порокъ*, а второе *добродѣтель*. **Гдѣ владычествуетъ** *порокъ*, тамъ владычествуетъ *бѣдствіе*: что почти всякой долженъ бываетъ признать. Гдѣ управляетъ *добродѣтель*, тамъ управляетъ *блаженство*; и всеобщее признаніе то доказываетъ. Совершенство сихъ двухъ качествъ нрава есть либо совершенное бѣдствіе, либо совершенное блаженство. Слѣдовательно приближаясь къ которой либо изъ сихъ крайностей, приближаемся либо къ бѣдствію, либо къ блаженству; то есть: всякая степень порока или добродѣтели сопровождаема соразмѣрною ей степенію бѣдствія или блаженства.

Возраженіе, выводимое изъ мнимаго соглашенія добродѣтели съ порокомъ.

Однако многіе имѣютъ такое мнѣніе, и поступками своими, кажется, подтверждаютъ оное, что можно совокупить или согласить оба помянутые крайніе предѣла, и примирить добродѣтель съ порокомъ: въ чемъ, какъ они думаютъ, состоитъ истинный средній путь блаженства и способъ къ удобному провожденію жизни и лучшему дѣйствованію въ сей сценѣ, толикимъ замѣшательствамъ подверженной. „Честность (говорятъ они) вообще есть са„мая лучшая политика; однакожъ она часто бываетъ „слишкомъ груба и глупа, или по крайней мѣрѣ всегда „слишкомъ заботлива. И такъ умѣряя оную кстати „въ критическихъ обстоятельствахъ, и прибавляя къ „ней нѣсколько хитрости, можно дѣлать ее пріятнѣе „другимъ, и себѣ полезнѣе. Человѣколюбіе очень хоро„шо въ своемъ мѣстѣ, и естьли оно ничего не стоитъ „человѣку. Но прежде должно любить самого себя; а по„томъ уже должно заботиться о другихъ, и всегда быть „готовымъ къ важнымъ случаямъ. Кромѣ того, на что „заботиться безъ нужды о другихъ? Намъ довольно дѣ„ла и съ собственнымъ нашимъ благополучіемъ; а есть„ли мы не хотимъ быть щасливыми безъ того, чтобъ „и другіе не были щасливы, то надѣяться сего есть

„пу-

„пустая Утопическая мечта. Мы для самихъ себя не „захотимъ дѣлать зло; но въ случаѣ нужды меньшее „добро должно уступить большему, то есть собствен-„ной нашей личной пользѣ; ибо сія польза, по первому „коренному закону натуры нашей, для насъ важнѣе все-„го. Поступать такимъ образомъ есть самый лучшій „способъ къ тому, чтобъ не имѣть причины укорять „себя, быть спокойнымъ и безопаснымъ отъ нещастій и „обидъ.“

Качество и состояніе притворной честности и обмана.

Сіе возраженіе показываетъ великое пристрастіе какъ разума, такъ и сердца. — Но оно есть одна изъ самыхъ сильнѣйшихъ оборонъ, къ какимъ корыстолюбіе и обманъ обыкновенно прибѣгаютъ: по чему не безполезно будетъ опровергнуть оное, чтобъ проложить противнымъ ему правиламъ путь къ совершенному торжеству. Мы не хотимъ оспоривать того, что люди безразсудною, чрезмѣрною заботливостію о пользѣ другихъ могутъ лишаться собственной пользы, или наносить самимъ себѣ вредъ; — что честность можетъ иногда превращаться въ грубое упрямство, или досадную неуступчивость; — что въ важныхъ случаяхъ можетъ потребно быть пожертвованіе малаго общеполезнаго блага большему частному благу; — что безразсудно было бы, сдѣлать самого себя нещастнымъ для того только, что другіе не такъ щастливы, какъ бы мы желали. Но не имѣемъ ли мы самой справедливой причины подозрѣвать, что безчестное, или притворное и низкое качество нрава, защищаемое въ ономъ возраженіи, совсѣмъ противно тому качеству, отъ котораго происходитъ истинное спокойствіе и дѣйствительное наслажденіе самого себя, и тому характеру, который даетъ право на уваженіе, безопасность и щастіе? Человѣкъ сомнѣвающійся и не могущій рѣшиться, не должно ли ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть обманщикомъ, не можетъ ни въ какомъ смыслѣ названъ быть честнымъ человѣкомъ. По истинѣ не можетъ самъ онъ одобрять такого поведенія, которое по ненарушимому закону натуры своей осуждать долженъ. Естьлижъ

не можетъ самъ одобрять своего поведенія, то лишается одного изъ самыхъ сладчайшихъ чувствованій сердца человѣческаго. Хотя бы могъ онъ прикрыть подлое дѣло или чувствованіе пышнымъ именемъ какой либо добродѣтели, или по крайней мѣрѣ маскою нужнаго попеченія о самомъ себѣ (какъ то часто случается, когда человѣкъ хочетъ избѣжать важнаго сужденія совѣсти, которая никогда не обманываетъ, пока дѣйствуетъ безпрепятственно); однако онъ долженъ признаваться въ самомъ себѣ, что онъ не можетъ выдержать испытанія судіи безпристрастнѣйшаго, нежели каковъ онъ самъ, и по тому долженъ всегда бояться, чтобъ притворство не открылось, и чтобъ не подвергнуться общему опороченію и всѣмъ прискорбнымъ слѣдствіямъ онаго. Сей боязни надлежитъ быть еще болѣе, естьли онъ при обманѣ своемъ употребляетъ помощниковъ, или орудія, которыя употреблять, по натуральной слабости и недостатку силъ, обыкновенно бываетъ долженъ. Такимъ образомъ онъ принужденъ зависѣть отъ другихъ и быть имъ покоренъ; и при томъ еще принужденъ покоренъ быть худымъ людямъ, которыхъ не можно удерживать ничѣмъ инымъ, кромѣ ихъ пороковъ, и которые, подобно неукротимымъ дикимъ звѣрямъ, часто устремляются противъ собственныхъ своихъ господъ. Такое ненадежное, покорное, зависимое состояніе необходимо должно быть состояніемъ подозрѣнія, рабства и страха, которыя не только не сопровождаемы спокойствіемъ и наслажденіемъ самого себя, но суть источники безпокойствія и бѣдствія. Сверьхъ того, непрестанное сомнѣніе въ противорѣчащихъ между собою правилахъ, насиліе дѣлаемое природному чувству честности, отвращеніе отъ первыхъ шаговъ еще не укоренившагося и самого себя стыдящагося обмана, поперемѣнный жаръ и ознобъ добродѣтели или порока, колебаніе и нерѣшимость сердца влекомаго противными между собою страстями: все сіе суть первые тягостные симптомы той страшной болѣзни, которая въ послѣдствіи дѣлаетъ все доброе и благородное безплоднымъ, и производитъ въ порочномъ мученіе, ему самому несносное, а другимъ со-

всѣмъ непонятное. Въ послѣдствіи будетъ изслѣдовано, споспѣшествуетъ ли въ самомъ дѣлѣ такое само себѣ противорѣчащее, отчасти добродѣтельное, отчастижъ порочное поведеніе къ достиженію тѣхъ выгодъ, которыя поставляемы бываютъ цѣлію приономъ.

Качество и состояніе праводѣтельнаго, добронравнаго человѣка.

Касательно другой части возраженія, надлежитъ разсудить, что человѣкъ съ человѣколюбивымъ сердцемъ, мыслящій, чувствующій и дѣйствующій для другихъ, не подверженъ и половинѣ тѣхъ безпокойствъ, какимъ подвержена душа любящая только свою пользу, ограниченная только собою; — что онъ въ случающихся ему непріятностяхъ находитъ множество облегченій, какихъ другимъ недостаетъ, — и что онъ имѣетъ щастливый случай къ усугубленію своихъ удовольствій. Желанія его умѣренны, а нужды малы въ сравненіи съ нуждами другихъ; ибо мѣра ихъ назначаема натурою, имѣющею предѣлы, а не фантазіею или страстію, не знающею никакихъ предѣловъ. Онъ остороженъ, не будучи недовѣрчивъ или завистливъ; попечителенъ, но не безпокоенъ; трудолюбивъ, но безъ замѣшательства въ дѣлахъ. Онъ наслаждается удовольствіемъ, не будучи приводимъ онымъ въ разсѣяніе; сноситъ прискорбія безъ малодушія или негодованія; мало чувствуетъ огорченій, испытываемыхъ соперниками, ищущими одной выгоды, и совсѣмъ не чувствуетъ мучительныхъ заботъ зависти.

Облегченія находимыя имъ въ случающихся ему нещастіяхъ.

Главныя облегченія нещастій его состоятъ въ томъ, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ могли быть слѣдствіемъ неосторожности его или слабости, однако весьма немногія усиливаемы бываютъ чувствованіемъ преступленія, и ни одно не сопровождаемо чувствованіемъ злаго намѣренія, которое по истинѣ есть самое острѣйшее ихъ жало; — что сіи нещастія общи ему съ самыми лучшими людьми; — что онѣ рѣдко застигаютъ его нечаянно, или и никогда не застигаютъ, но что онъ всегда охраняемъ своею честностію и добродѣтелію, вѣрою и упованіемъ

на Провидѣніе, и постоянною преданностію совершеннымъ установленіямъ онаго, какъ бы стражею; — что сіи нещастія могутъ служить способами къ исправленію, или матеріалами къ доставленію добродѣтели его упражненія и прочности; — наконецъ, они примѣтно облегчаемы, а часто и услаждаемы бываютъ общимъ сожалѣніемъ всѣхъ мудрыхъ и честныхъ людей.

Удовольствія его.

Удовольствія его многочисленнѣе, или, естьли не многочисленнѣе, то по крайней мѣрѣ болѣе удовольствій злыхъ людей; ибо онъ наслаждается своимъ участіемъ въ радости другихъ, и всякой прибытокъ общаго или частнаго блаженства есть дѣйствительный прибытокъ собственнаго его блаженства. Правда, что дружественное сожалѣніе о другихъ подвергаетъ его печали, не ощущаемой ожесточеннымъ злсдѣемъ; однакожъ предаваясь сожалѣнію, онъ какъ бы платитъ тѣмъ пріятный долгъ. Охотно питаетъ онъ сію печаль; она есть нѣкая сладостная тоска, которая размягчаетъ сердце, и теряется въ радости, служащей ему наградою. Хотя бы благомыслящему человѣку недоставало способовъ къ произведенію въ дѣйство человѣколюбивыхъ его намѣреній, или хотя бы не имѣлъ онъ успѣха въ своихъ стараніяхъ; однакожъ онъ всегда чувствуетъ въ себѣ доброе расположеніе, какъ то выше сего замѣчено (Кн. II. Гл. 2); а сіе чувствованіе составляетъ гораздо усладительнѣйшее удовольствіе, нежели самое величайшее торжество щастливаго порока. Естьли желанія честолюбиваго, корыстолюбиваго, или сладострастнаго человѣка не исполняются: то страсти его нападаютъ на него самого съ яростію, соразмѣрною высокому мнѣнію его о цѣнѣ предмета его желаній и чаянію щастливаго успѣха. Между тѣмъ во внутренности его не находится ничего, что могло бы держаться въ равновѣсіи съ нещастіемъ; развѣ только имѣетъ онъ потребную къ тому мѣру гордости. Но сія гордость часто представляетъ простые случаи оскорбительными обидами, и увеличиваетъ неудовольствіе его даже до ярости и бѣшенства. Напротивъ того кроткой, смиренный и человѣколюбивый нравъ служитъ самъ себѣ

не-

непосредственною наградою; онъ внутренно доволенъ самимъ собою и не только увеличиваетъ въ высокой степено радость при щастливомъ успѣхѣ, но и въ случаѣ неудачи облегчаетъ печаль, и нѣкоторымъ образомъ истребляетъ оную.

Праводѣтельный человѣкъ, чувствуя въ себѣ, что онъ всѣхъ людей любитъ и желаетъ имъ добра, долженъ быть увѣренъ въ томъ, что заслуживаетъ отъ всякаго уваженіе и доброжелательство. Сіе увѣреніе во взаимныхъ общественныхъ чувствованіяхъ, по самому существу натуры нашей, бываетъ источникомъ великихъ и весьма радостныхъ удовольствій. Онъ чувствуетъ себя въ тѣсномъ союзѣ съ родомъ человѣческимъ посредствомъ сея симпатіи въ склонностяхъ и выгодахъ; и понеже онъ исполненъ чувствительности ко всему роду своему: то сердце его ощущаетъ каждое прикосновеніе ко всякой части человѣчества, и соотвѣтствуетъ оному такъ, что онъ, по остроумному выраженію одного славнаго Философа (*), собираетъ себѣ удовольствіе и веселіе изъ пріятнаго и щастливаго состоянія окружающихъ его, изъ повѣствованій о такомъ благосостояніи, изъ чертъ лица, тѣлодвиженій, голосовъ и тоновъ, и даже отъ нижшихъ тварей, не принадлежащихъ къ роду человѣческому, въ которыхъ только возможно примѣтить какіе либо признаки радости и удовольствія.

Удовольствія почерпаемыя имъ изъ взаимнаго уваженія и симпатіи.

Сіи великодушныя склонности не заграждаютъ никакого инаго натуральнаго источника радости, или не умерщвляютъ чувствованія какихъ либо невинныхъ удовольствій; онѣ споспѣшествуетъ еще свободному и ненарушимому дѣйствованію чувствъ и силъ ощущенія, не давая имъ разстроиваться отъ чрезмѣрнаго напряженія, или отъ злоупотребленія портиться. Сіе очевидно будетъ всякому, кто разсмотритъ разсѣянное, нечувствительное состояніе людей оду-

Они никогда не бываютъ противны другимъ удовольствіямъ.

(*) Шафтесбури, въ Разсужд. о Добродѣтели, кн. II.

одушевляемыхЪ сладострастіемЪ, честолюбіемЪ, или корыстолюбіемЪ, и сравнитЪ оное сЪ покойнымЪ и тихимЪ состояніемЪ такого сердца, которое вЪ самомЪ себѣ имѣетЪ мирЪ и дружественное расположеніе ко всѣмЪ людямЪ, не тревожимо никакимЪ стремительнымЪ движеніемЪ, и отверзсто всякой доброй и прелестной радости. ВЪ комЪ вѣчныя и высочайшія красоты, *умѣренность* и *добродѣтель*, всегда обитаютЪ, тотЪ не можетЪ быть нечувствителенЪ кЪ пріятностямЪ сообщества и дружбы, кЪ прелестямЪ добродѣтельной любви, кЪ удовольствію доставляемому чтеніемЪ, или кЪ какой либо красотѣ нижшаго класса, кЪ изъявленіямЪ невинной веселости, или кЪ чему либо иному, что доставляетЪ удовольствіе душѣ, или дѣлаетЪ ей жизнь пріятною. Наслаждаясь самимЪ собою, онЪ бываетЪ вЪ самомЪ лучшемЪ расположеніи наслаждаться и всѣмЪ другимЪ. ВЪ такомЪ сердцѣ все чисто и стройно. Всякое удовольствіе, вливающееся вЪ него, имѣетЪ свойственный ему вкусЪ, и ни одна капля его не пропадаетЪ; ибо добродѣтель отнимаетЪ отЪ онаго всякую нечистоту, и примѣшивая нѣчто собственное свое кЪ самымЪ обыкновеннымЪ забавамЪ, дѣлаетЪ ихЪ возвышеннѣйшими радостями.

Вредственныя слѣдствія чрезмѣрности своеполезныхЪ страстей.

ЕстьлибЪ захотѣли мы пройти различные классы исчисленныхЪ нами склонностей (см. 1 и 2 Гл. I Кн.), то легко было бы показать, что сердце достигаетЪ истиннаго спокойствія и удовольствія только наблюденіемЪ вЪ оныхЪ опредѣленной мѣры. Боязнь, преступая сію мѣру, превращается вЪ грусть и малодушіе. ГнѣвЪ, преступая надлежащіе предѣлы, становится яростію и мстительностію, или теряется вЪ угрюмой грызущей досадѣ, вливающей горечь во всякое добро, и дѣлающей насЪ чрезмѣрно чувствительными ко всякому злу. Своеполезныя страсти, особливожЪ любовь кЪ чести, которой побужденія тѣмЪ благороднѣе, чѣмЪ далѣе простираются ея слѣдствія, суть орудія частнаго удовольствія. Но естьли онѣ не соразмѣрны нуждамЪ нашимЪ, или цѣнѣ различныхЪ ихЪ предметовЪ, либо равновѣсію другихЪ страстей, толикожЪ

кожъ нужныхъ и еще достойнѣйшихъ любви: то бываютъ орудіями великой досады и бѣдствія. Ибо въ такомъ случаѣ, лишены будучи равновѣсія, удерживающаго ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ, онѣ становятся мятежны, безразсудны и мстительны; бываютъ источникомъ безпрестаннаго безпокойства и мученія, перемѣняющагося иногда въ дикую необузданную радость, иногдажъ въ глубокую меланхолическую печаль. Согласіе между умомъ и страстію истребляется; все впадаетъ въ неустройство и замѣшательство; сердце выходитъ изъ свойственнаго ему расположенія, и ощущаетъ тоску, соразмѣрную силѣ владычествующей страсти.

Бѣдственныя слѣдствія чрезмѣрности общеполезныхъ страстей.

Почти то же, или еще хуже, бываетъ въ такомъ случаѣ, когда нѣкоторыя изъ особенныхъ нѣжныхъ склонностей выступаютъ изъ натуральнаго своего порядка и надлежащаго отношенія: напримѣръ, въ случаѣ излищней жалостливости, чрезмѣрной любви, безразсудной родительской нѣжности къ дѣтямъ, или какого либо инаго пристрастія, въ которомъ теряется изъ виду надлежащее уваженіе къ обществу. Чѣмъ общественнѣе и общеполезнѣе страсть, тѣмъ яростнѣе необузданность ея, и тѣмъ страшнѣе вредъ, производимый сю какъ во внутренности, такъ и во внѣшности. Сіе весьма очевидно въ такихъ случаяхъ, когда ложный видъ религіи или чести, ревность или пристрастіе къ какой либо партіи, занимаетъ натуральный энтузіасмъ сердца и возвышаетъ его даже до безумія. Онъ расторгаетъ всѣ натуральные и гражданскіе союзы, попираетъ самыя священнѣйшія и торжественнѣйшія обязанности, заглушаетъ всякую иную склонность, какъ общеполезную, такъ и частную, и самые кроткіе нравы превращаетъ въ самые дикіе и безчеловѣчные. Такая чрезмѣрная страсть подобна ненатуральному наросту въ тѣлѣ, который не только отнимаетъ пищу у прочихъ членовъ, но и всему тѣлу угрожаетъ смертію, причиняя купно несносную боль и мученіе. Короче сказать, всѣ натуральныя склонности, подобно жизненнымъ духамъ, или тѣлеснымъ сокамъ, задержаны

будучи въ свойственномъ имъ теченіи, причиняютъ или бѣшенство или меланхолію, и обыкновенно сами прорываютъ себѣ путь съ насиліемъ, толикожъ вреднымъ для больнаго, какъ и для тѣхъ, кто съ нимъ въ связи находится.

Блаженство порядочнаго управленія страстей.

Но кто удерживаетъ склонности свои въ равновѣсіи: тотъ покоенъ и тихъ въ своихъ движеніяхъ; кротокъ и нѣженъ, единообразенъ и всегда самъ себѣ равенъ въ чувствованіяхъ; не подверженъ непріятной борьбѣ разныхъ выгодъ и страстей; предается всегда самымъ дружественнѣйшимъ склонностямъ, и никогда не послѣдуетъ внушеніямъ или дѣйствіямъ мщенія, кромѣ важныхъ случаевъ, въ которыхъ безопасность частной или общественной пользы, или благосостояніе общей системы, или великая выгода рода человѣческаго, необходимо требуютъ благороднаго негодованія; даже и въ сихъ случаяхъ умѣряетъ онъ гнѣвъ свой надлежащимъ образомъ; наконецъ онъ размѣряетъ каждую страсть по цѣнѣ того предмета, къ которому имѣетъ склонность, или по важности той цѣли, къ которой стремится.

Сокращенное содержаніе сего доказательства.

Повторимъ сокращенно сію часть доказательства. — Честный и праводѣтельный человѣкъ со всѣхъ сторонъ имѣетъ превосходство въ самой высочайшей степени предъ обманщикомъ и злодѣемъ, ищущимъ только своея пользы. Удовольствія, которыми наслаждается сей послѣдній, происходятъ по большей части изъ внѣшнихъ выгодъ и удовлетвореній; они маловажны и скоропреходящи, нарушаемы продолжительною досадою, частыми укоризнами совѣсти и страхомъ, зависятъ отъ щастливыхъ случаевъ и обстоятельствъ, и подвержены своенравію другихъ людей. Но праводѣтельный человѣкъ доволенъ въ самомъ себѣ; главная собственность его находится въ немъ самомъ, и по тому внѣ круга своенравія другихъ людей, или щастія; радость его усладительна и прочна; она сопровождаема не внутренними укоризнами, которыя могли бы заглушать ее, но идеями достоинства и собственнаго одобре-

ренія; онъ можетъ наслаждаться ею во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. *Удовольствія* порока мятежны и ненатуральны; они происходятъ обыкновенно отъ удовлетворенія такимъ страстямъ, которыя сами по себѣ несносны, и оканчиваются мучительными мыслями; бываютъ часто раздражаемы сопротивленіемъ, наслажденіемъ всякой разъ воспламеняемы, но отъ частаго повторенія наскучиваютъ. Удовольствія добродѣтели тихи и натуральны; они проистекаютъ изъ исполненія нѣжныхъ склонностей, или изъ происходящихъ отъ онаго пріятныхъ мыслей; они пріятны не только въ ожиданіи, но и при самомъ наслажденіи; никогда не наскучиваютъ, или никогда не теряютъ своего вкуса; напротивъ того почтеніе къ добродѣтели ежедневно еще возрастаетъ; и не только желаніе, но и самое наслажденіе, всякимъ новымъ удовлетвореніемъ бываетъ возвышаемо; и сія склонность симпатіею и сообщеніемъ не уменьшается, но увеличивается, въ чемъ большая часть другихъ склонностей съ нею не сходна. Однимъ словомъ, можно стремиться къ удовольствіямъ добродѣтели безъ всякаго посторонняго побужденія, и имѣть ихъ какъ при самомъ маломъ, такъ и при самомъ большомъ щастіи; они могутъ выдерживать самое строжайшее испытаніе; никогда не перемѣняются съ обстоятельствами, и съ продолженіемъ времени не старѣются; ни насиліе, ни обманъ не могутъ ихъ у насъ похитить. Наконецъ, они не только не уменьшаютъ никакого инаго удовольствія, но еще паче возвышаютъ цѣну всякаго удовольствія.

Благополучныя слѣдствія добродѣтели показываются не въ однихъ только внутреннихъ удовольствіяхъ, доставляемыхъ ею человѣку; „но она споспѣшествуетъ также „и щастливому расположенію внѣшнихъ при„чинъ, которыхъ дѣйствіе до него касается.“

Дѣйствія добродѣтели во внѣшности.

Добродѣтель доставляетъ намъ умное наслажденіе самихъ себя и власть надъ страстями: чего слѣдствіемъ должно быть спокойствіе сердца и чистѣйшее натуральное теченіе жиз-

Въ разсужденіи тѣла.

ненныхъ духовъ, споспѣшествующее паче всего здравію и долгой жизни. Сильныя страсти и чрезмѣрныя дѣйствія оныхъ постепенно разслабляютъ тѣлесную машину и разрушаютъ. Но тихое, кроткое состояніе умѣреннаго сердца и полезныя упражненія, къ какимъ добродѣтель вѣрныхъ почитателей своихъ побуждаетъ, способствуютъ полной свободѣ и согласію натуральныхъ дѣйствій, и освѣжаютъ жизненные духи, которые суть главныя орудія дѣятельности. Даже можно сказать (хотя можетъ быть сіе и покажется слишкомъ глубокомысленно), что добродѣтель не только есть самый здоровый темпераментъ души и самый лучшій цвѣтъ ея лица, но равнымъ образомъ сообщаетъ иногда и тѣлу сродную ей красоту, дѣлаетъ видъ и положеніе бодрыми, и распространяетъ въ нихъ нѣкоторую свободу, веселость и достоинство, которымъ обезьяна добродѣтели, учтивость, хотя можетъ подражать, но никогда совершенно присвоить ихъ себѣ не можетъ. — Однимъ словомъ, умѣренность, называемая иногда матерью, иногдажъ питательницею добродѣтелей, весьма хорошо описана однимъ остроумнымъ писателемъ (*), который говоритъ: что она есть добродѣтель безъ гордости, или сила безъ зависти, доставляющая тѣлу свободу отъ болѣзней, а духу спокойствіе; самая лучшая оборона юности, и подпора старости; богиня хранительница здравія, и всеобщее врачество жизни, дѣлающее разумъ яснѣе, укрѣпляющее нервы, прочищающее зрѣніе и ободряющее сердце.

Въ разсужденіи щастія, имѣнія, и пр.

Можетъ быть нѣкоторымъ странно покажется, естьли мы будемъ утверждать, что добродѣтель и въ нынѣшнемъ состояніи земныхъ вещей не противна *щастію* человѣческому. — Но что можетъ препятствовать добродѣтельному человѣку въ пріобрѣтеніи онаго, естьли мы разумѣемъ подъ щастіемъ умѣренную или достаточную долю богатства, власти или уваженія, а не чрезмѣрную

(*) Г. Темпелемъ, въ собраніи разныхъ его сочиненій, Ч. I, тракт. 6.

ную степень сихъ благъ? Правда, онъ не можетъ льстить и раболѣпствовать; однако можетъ быть учтивъ и услужливъ, равно какъ и обманщикъ. Его учтивость, имѣя въ себѣ мужественнѣйшую благопристойность и прелесть, гораздо пріятнѣе, нежели подлое ласкательство обманщика. Онъ не можетъ обманывать, или подрывать щастіе другаго; но можетъ быть остороженъ, попечителенъ, внимателенъ къ случаямъ, и столь же ревностно, какъ и лукавецъ, пользоваться оными. Онъ гнушается быть прислужникомъ страстей другихъ, или служить орудіемъ ихъ порокамъ; однако можетъ имѣть здравый разумъ и великую способность къ споспѣшествованію истинной ихъ пользѣ; и сверьхъ того онъ услуживаетъ съ вѣрностію и честностію. Въ общемъ теченіи дѣлъ встрѣчаются и ему такіежъ удобные случаи къ увеличенію своего щастія, какіе обманщикъ имѣетъ. Онъ можетъ имѣть столько же дарованій, столькожъ прилѣжанія, столькожъ рачительности въ дѣлахъ; а во многомъ свойственно ему даже и преимущество въ высокой степени. Люди охотнѣе имѣютъ съ нимъ дѣло; могутъ болѣе вѣрить ему; знаютъ, что онъ не обманетъ ихъ и не лишитъ никакой выгоды; могутъ на одно слово его безопаснѣе полагаться, нежели на клятву или самыя убѣдительныя увѣренія другаго. Напротивъ того *коварство*, плодъ невѣжества и неразлучный сопутникъ обмана, есть не только подлое, но и слѣпое свойство, и весьма важное препятствіе въ теченіи дѣлъ. Хотя оно можетъ доставлять минутныя и малыя выгоды; но сопровождаемо страшными посрамленіями, весьма превышающими сіи выгоды: какъ по тому, что будучи открыто, лишаетъ человѣка довѣренности другихъ, такъ и по тому, что оно несогласно съ великостію души, объемлющей не только самыя ближайшія, но и самыя отдаленнѣйшія выгоды, и пекущейся о самой прочнѣйшей пользѣ, равно какъ о самой скоропреходящей. Изъ сего удобно усмотрѣть, сколь важны честность и добродѣтель для довѣренности къ человѣку, для добраго имени его, и слѣдовательно для его щастія. Человѣку истинно честному не нужно притворяться, не нужно

носить маску; замыслы его открыты; всѣ слова и поступки его совершенно между собою согласны. Не споспѣшествуя никакимъ презрительнымъ намѣреніямъ, не удовлетворяя никакимъ подлымъ страстямъ, но желая всякому добра, и по возможности дѣлая всякое добро, онъ вооруженъ и отвсюду огражденъ невинностію и добродѣтелію. Хотя онъ не свободенъ отъ нещастныхъ приключеній; однако характеръ его и друзья, заслугами его пріобрѣтенные, могутъ часто возвращать ему все потерянное. Напротивъ того лукавство, какъ говоритъ одинъ писатель, есть такой покровъ, которымъ человѣкъ съ одной стороны себя прикрываетъ, а съ другой обнажаетъ. Сверьхъ сего притворство и лукавство перемѣнчивы и непостоянны, и суть источникъ нерѣшимости и противорѣчія въ поступкахъ. Они должны часто перемѣнять виды свои, и всегда вымышлять новые способы, сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ; за недостаточнымъ вымысломъ всегда долженъ слѣдовать другой такой же вымыслъ, чтобъ помогать первому и поддерживать оный; и по тому, обманщику надлежитъ имѣть неисчерпаемую хитрость, чтобъ достичь цѣли какого либо намѣренія и соблюсти на нѣсколько времени притворный характеръ. Но будучи узнанъ, онъ лишается навсегда довѣренности; и естьли онъ не весьма искусенъ въ притворствѣ, то хитрыя поступки его всегда будутъ подвергать его подозрѣнію, которое бываетъ весьма проницательно. Самый праводѣтельный человѣкъ не безопасенъ отъ нападковъ клеветы; но онъ защищенъ отъ ея жала. Естьли не можетъ онъ заставить клевету молчать, то опровергнетъ ее, продолжая постоянно быть добродѣтельнымъ и дѣлать добро. Всемогущая истина современемъ одержитъ верьхъ; и онъ можетъ самыхъ пристрастныхъ судей принудить почитать его, а отъ безпристрастныхъ получить радостное одобреніе. Но хотя бы облако, которымъ злоба или зависть закрываютъ его добродѣтель, и не могло никогда въ жизни его совсѣмъ быть разсѣяно; однако смерть, могущая укрощать зависть и всѣ недоброжелательныя страсти, совершенно истребитъ всякую оставшуюся

вра-

вражду противъ него, и представитъ характеръ его въ полномъ, истинномъ и ненарушимомъ сіяніи онаго. Одръ добродѣтели есть одръ чести, и умирающій на ономъ, умираетъ оплакиваемъ добрыми и почитаемъ злыми людьми.

Въ разсужденіи безопасности и мира съ сосѣдами, можно бы подумать, что человѣкъ спокойнаго и уступчиваго нрава, добросердечный и ласковый, подверженъ бываетъ несправедливости и обидамъ гордыхъ или сварливыхъ людей, имѣющихъ власть или охоту дѣлать вредъ. Сіе случалось бы часто, естьлибъ сія натуральная кротость сопряжена была съ трусостію или малодушіемъ. Но въ самомъ дѣлѣ, праводѣтельный человѣкъ смѣлъ, какъ левъ, и тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ добронравнѣе. Такой человѣкъ едва ли послужитъ когда либо предметомъ насмѣшки другимъ. Злонравный боится раздражить его, а благонравный не захочетъ того сдѣлать. Сверьхъ сего истинная добродѣтель, управляемая умомъ, и изъявляемая съ благопристойностію и безъ хвастовства, есть нѣчто весьма привлекательное и повелительное. Естьли не можетъ она вдругъ обезоружить злобы и гнѣвливости, то мало по малу приводитъ ихъ въ изнеможеніе, и наконецъ совершенно преодолѣваетъ. Коль многіе ласкою и благоразумною уступчивостію побѣждали врага, который самымъ сильнымъ сопротивленіемъ былъ бы только возбужденъ къ жесточайшей ярости! Короче сказать, праводѣтельность заслуживаетъ общую похвалу паче всякаго инаго преимущества, могущаго всѣмъ нравиться. Хотя предразсужденія или страсти заставляютъ иногда людей почитать ее только прикрытіемъ тайной слабости, или изображать ее непріятными чертами; но естьли она является въ подлинномъ любви достойномъ видѣ своемъ, то имѣвшіе прежде самое худое объ ней мнѣніе получаютъ почтеніе къ ней, прочіе удивляются ей и любятъ ее, и всѣ боятся, или по крайней мѣрѣ стыдятся поносить или обижать нѣчто толь невинное и божеству подобное.

Въ разсужденіи спокойствія и безопасности.

Пра-

ВЪ разсужденіи семейства.

Праводѣтельный человѣкъ хотя можетъ имѣть непріятелей, но имѣетъ еще болѣе друзей; и какъ онъ дастъ много опытовъ частной дружбы и общеполезной добродѣтели, то едва ли возможно ему не имѣть такого доброжелателя, который могъ бы защитить его, или такого святилища, въ которомъ могъ бы онъ укрыться отъ угрожающаго бѣдствія. По смерти его едва ли возможно тому случиться, чтобъ дѣти его не были кѣмъ либо приняты и призрѣны. Хотя онъ впрочемъ мало имъ оставляетъ; однако они получаютъ самое лучшее наслѣдство, обыкновенно менѣе всякаго инаго зависти подверженное, наслѣдство добраго имени, которое, подобно доброму сѣмени, посѣяно будучи въ полѣ будущаго, нерѣдко производитъ неожидаемыхъ друзей и приноситъ благословенную жатву неожидаемыхъ благодѣяній. Естьлижъ бы отцовская добродѣтель толико раздражала развращенныхъ и завистливыхъ людей, что подвергла бы гоненію и безпомощныхъ сиротъ: то онѣ имѣютъ Небеснаго Отца, который наградитъ ихъ за родительскія добродѣтели обильнымъ благословеніемъ. Мысль честнаго человѣка, что онъ оставляетъ дѣтей своихъ подъ такимъ призрѣніемъ, утѣшаетъ его и разгоняетъ ужасъ смерти; ибо онъ увѣренъ, что Всемогущій Покровитель, надѣлявшій самого его толикимъ изобиліемъ благъ, никогда не будетъ суровымъ или невѣрнымъ попечителемъ для осиротѣвшихъ дѣтей. — Сіе приводитъ насъ къ весьма высокой побудительной причинѣ и благородному орудію добродѣтели, которыя доставляютъ ей самое твердѣйшее подкрѣпленіе, и посредствомъ которыхъ она достигаетъ самаго высочайшаго совершенства своего и величественнѣйшаго сіянія.

Гла-

Глава III.

Побудительныя причины къ добродѣтели въ разсужденіи бытія и провидѣнія Божія.

Кромѣ важной побудительной причины къ добродѣтели, о которой говорили мы въ послѣдней Главѣ, находятся еще двѣ великія побудительныя причины, совокупленныя весьма тѣсно съ человѣческою жизнію, и проистекающія изъ самой натуры и устроенія души человѣческой. Первая есть *бытіе* и *провидѣніе Божіе*; а вторая *безсмертіе души*, купно съ *будущими награжденіями* и *наказаніями*.

Двѣ внѣшнія побудительныя причины къ добродѣтели.

Изъ четвертой Главы второй Книги явно, что человѣку по первоначальному устроенію натуры его опредѣлено быть существомъ *богобоязненнымъ*. Онъ находится въ самой тѣсной связи съ Божествомъ и необходимо зависитъ отъ него. Изъ сея связи и необходимой зависимости происходятъ различныя обязанности и должности, безъ исполненія которыхъ многія изъ самыхъ вышшихъ силъ и склонностей его оставались бы несовершенны и безплодны. Естьлижъ онъ еще существо *безсмертное*, и естьли нынѣшнія его поступки имѣютъ вліяніе въ *будущее* его *блаженство*: то явно, что мы разсматривали бы сіе существо только отчасти, не разсматривая сего важнаго свойства его натуры, и что мы оцѣнили бы жизнь человѣческую недостаточно, совсѣмъ выпустивъ изъ счета, или по крайней мѣрѣ оставивъ безъ вниманія ту часть оной, которая простирается даже въ самую вѣчность. — И такъ въ сей Главѣ разсмотримъ побудительныя причины, проистекающія изъ первой связи, а въ слѣдующей проистекающія изъ другой.

Важность оныхъ.

Изъ доказаннаго нами выше сего (Кн. II, Гл. 4) весьма явно, что „главная часть „нравственной добродѣтели и полнота высо„чайшаго опредѣленія натуры нашей состоитъ въ томъ, „чтобъ содержать нравъ нашъ и поведеніе въ отношеніи

Богобоязненность.

„къ Божеству, почитать и любить свойства его, „чтить его благость, уповать на провидѣніе его и предаться оному, стараться угождать ему, и поступать по дѣйствительному увѣренію въ его владычествѣ.“

Она есть подкрѣпленіе добродѣтели.

Богобоязненность есть не только существенная часть добродѣтели, но и великое подкрѣпленіе ея и побужденіе къ наблюденію оной. Естьли мы съ удивленіемъ помышляемъ о существѣ толикаго достоинства и совершенства, превосходящаго разумъ человѣческой, каковъ есть Богъ: то сіе натурально и необходимо должно отверзсть и расширить сердце наше; должно дать силамъ его свободу и пространнѣйшій кругъ, а намѣреніямъ великость и высочество. „Ибо, какъ замѣчаетъ одинъ уваженія достойный Богословъ, великость пред„мета и доброта упражненія какого либо дѣятельнаго „существа, занимающагося предметомъ превышающимъ „нашъ разумъ, весьма споспѣшествуютъ распростране„нію и исправленію способностей сего существа.“ Малые предметы, худое сообщество, недостойныя заботы, и низкія дѣла весьма стѣсняютъ сердце, удерживаютъ стремленія его въ малыхъ предѣлахъ, и сообщаютъ ему подлый видъ. Но естьли оно возносится выше смертныхъ заботъ и смертныхъ стараній къ Божеству, и вступаетъ въ сообщеніе съ самымъ величайшимъ и лучшимъ всѣхъ существъ: то распространяется въ обширнѣйшемъ округѣ, получаетъ вышшее пареніе ума и доброты, и бываетъ богоподобнѣе. Добродѣтель, естьли можно такъ сказать, есть и дѣйствіе и причина великости сердца. Она требуетъ свободныхъ мыслей и благородныхъ дѣлъ. Но что можетъ болѣе споспѣшествовать свободѣ мыслей и достоинству дѣлъ, какъ то, чтобъ составить себѣ достойное понятіе о Божествѣ, чтить совершенство его, которому нѣтъ ничего равнаго, подражать сему совершенству въ нашей натурѣ, безпрестанно представлять себѣ сродство наше съ нимъ, и помнить, что мы есмы образъ и отблескъ славы его въ прочемъ твореніи? Такія чувствованія и помышленія

нія заставятъ насъ отметать всѣ низкія, непристойныя, или натуры нашей не достойныя дѣла; и сродство съ Божествомъ осіяетъ духъ нашъ свѣтомъ мудрости, и дастъ ему свободу и владычество добродѣтели.

Она охраняетъ добродѣтель и возбуждаетъ къ оной.

Вліяніе и дѣйствованіе религіи можетъ еще разсматриваемо быть съ иной стороны. Всякому извѣстно, что присутствіе друга, сосѣда, или нѣкотораго числа зрителей, особливожъ знатнаго собранія, обыкновенно бываетъ сильнымъ обузданіемъ поведенію такого человѣка, который не лишился совсѣмъ чувствованія чести и стыда, и что оно весьма способствуетъ къ воздержанію какихъ либо безпорядочныхъ изъявленій страсти. Равнымъ образомъ можно себѣ представить, что почитаніе къ Высочайшему Духу, знающему сокровенное поведеніе наше, и имѣющему совершенную власть наградить или наказать насъ за оное, не попуститъ намъ быть необузданными въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ другіе человѣки не могутъ требовать у насъ отчета. Полагая далѣе, что самыя сокровенныя мысли и намѣренія, равно какъ и самыя тайныя дѣла наши, обнажены и открыты предъ Высочайшимъ и Всеобщимъ Духомъ, который есть и *свидѣтель* и *судія* дѣлъ человѣческихъ: усматриваемъ, что увѣреніе въ толь высокомъ присутствіи и толь почтенномъ надзираніи должно содержать въ себѣ обузданіе и важность, соразмѣрныя силѣ сея вѣры, и должно быть новою побудительною причиною къ наблюденію многихъ должностей, которыя не могли бы исполняемы быть безъ онаго. — Чувствованіе чести или стыда бываетъ въ насъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе мы уважаемъ того, отъ кого честь заслуживаемъ, или кого стыдимся. По чему, усомнимся ли въ томъ, что одобреніе или опороченіе отъ Почитаемаго нами какъ судіею, такъ и образцемъ всякаго совершенства, можетъ насъ тронуть? А не сомнѣваясь въ семъ, можемъ ли отрицать, что сіе чувствованіе дѣйствуетъ надъ всякимъ сердцемъ, имѣющимъ оное, не только какъ побужденіе

деніе къ заслуживанію одобренія отъ Высочайшаго Судіи, но и какъ предостереженіе, чтобъ избѣгать опороченія? Можно представить себѣ такіе случаи, въ которыхъ добродѣтельный человѣкъ силою вредныхъ ему предразсужденій и ложнымъ видомъ, въ какомъ дѣла его представляются, можетъ подверженъ быть искушенію, оставить доброе дѣло, приводящее его въ опасность потерпѣть опороченіе или осмѣяніе. Но естьли онъ можетъ смѣло обратиться къ Сердцевѣдцу, пренебрегая мнѣнія человѣческія: то увѣреніе въ толь высокомъ одобреніи вѣрно утвердитъ его на его пути; слѣдовательно послужитъ добродѣтели его подкрѣпленіемъ, и научитъ его въ надлежащее время презирать клевету и даже самыя усильныя нападенія злобы и зависти.

Особливо въ самыхъ великихъ искушеніяхъ.

Праводѣтельный человѣкъ можетъ послужить жертвою насилію или несправедливости; жизнь его можетъ быть непрерывнымъ послѣдствіемъ нещастій, изъ которыхъ многимъ только добродѣтель его подвергаетъ; расположеніе и состояніе тѣла и необычайныя сердечныя скорби могутъ сдѣлать его неспособнымъ къ наслажденію естественныхъ плодовъ добродѣтели, либо совсѣмъ, либо по крайней мѣрѣ къ наслажденію съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ такомъ случаѣ, коликое утѣшеніе, коликое утвержденіе для праводѣтельности его, и какое превосходное средство противъ досады и негодованія, удобно происходящихъ въ сердцѣ при такихъ искусительныхъ обстоятельствахъ, должно быть то, естьли онъ вѣритъ, что безконечная премудрость и благость управляетъ міромъ; — что всякой случай зависитъ отъ устроенія оной, и по тому бываетъ причиною или слѣдствіемъ большаго блага либо для него самого, либо для всего; — что всѣ нещастія, его постигающія, опредѣлены Небомъ только къ наказанію неразумія его, къ возвышенію или утвержденію его добродѣтели, и слѣдовательно къ увеличенію блаженства его! Естьли онъ совершенно проникнутъ сими чувствованіями: то оныя, подобно чудесному врачеству, должны послужить и послужатъ ему къ разгнанію заботъ и къ утвержденію вѣр-

вѣрности и преданности его къ Божественному провидѣнію.

Однимъ словомъ, сколь бы непріятны ни были внѣшнія обстоятельства; но праводѣтельный человѣкъ увѣревъ, что Всемогущій есть отецъ, защитникъ и другъ его; и по тому можетъ твердо надѣяться, что Онъ сохранитъ и защититъ его въ печаляхъ, или склонитъ и управитъ оныя къ большей пользѣ.

Упражненія богобоязненности возвышаютъ добродѣтель.

Еще надлежитъ замѣтить слѣдующее: „Естьли мы живемъ съ навычнымъ увѣре„ніемъ въ бытіи и управленіи Божества: то „познаемъ *мудрость*, *порядокъ* и *красоту* въ „самыхъ высочайшихъ предметахъ, и купно „получаемъ восхитительныя мысли и благо„дѣтельныя чувствованія, какія производятъ „онѣ, сіяя изъ каждой сцены Натуры и Провидѣнія.“ Колико должны такіе виды служить къ исправленію сердца, расширяя его и возвышая надъ тѣми низкими выгодами и распрями, которыя тревожатъ другихъ людей и вооружаютъ другъ на друга! Коль радостное и блаженное вліяніе во нравъ должны имѣть удивленіе и любовь къ божественной благости, естьли мы помышляемъ, что она простирается на безконечное пространство, на безчисленные роды тварей, и отъ вѣка до вѣка! Какую правдивость, какое человѣколюбіе и какую благодѣтельность должны они производить въ сердцѣ, и какую величественность и пріятность въ наружномъ поведеніи! Наконецъ, съ какою плѣнительною силою благодѣянія Божіи должны возбуждать насъ къ благодарности, примѣръ его къ подражанію, премудрость его, могущество и благость къ упованію и надеждѣ на него, а одобреніе его къ ревностному желанію содѣлаться достойными онаго! Присутствіе его колико должно оживлять и усиливать всѣ другія побужденія къ добродѣтели, естьли мы твердо оному вѣримъ, или паче живо чувствуемъ оное!

Глава IV.

Побудительная причина къ добродѣтели въ разсужденіи безсмертія души, и пр.

Метафизическія доказательства безсмертія души.

Другая упомянутая нами побудительная причина къ добродѣтели есть *безсмертіе души*, купно съ *будущими награжденіями* и *наказаніями*. Нѣкоторые писатели обыкновенно выводятъ *метафизическія* доказательства безсмертія души изъ того, что она есть существо *простое*, *несложное* и *нераздѣлимое*: по чему они заключаютъ, что душа не можетъ истребиться, или разрушиться разрѣшеніемъ или разлученіемъ частей; — или изъ того, что она имѣетъ *начало движенія* въ самой себѣ: по чему движеніе ея никогда прекратиться и потеряться не можетъ; — или наконецъ, изъ разныхъ свойствъ *матеріи* и *духа*, изъ косности и недѣятельности оной, и безпредѣльной дѣятельности сего, изъ удивительнаго паренія мыслей его и воображенія, проницательности, памяти, предусмотрѣнія будущаго: изъ чего выводятъ заключеніе, что существо толь божественной натуры уничтожиться не можетъ. Но какъ сіи метафизическія доказательства основываются на трудныхъ умозаключеніяхъ, касающихся до *натуры*, *свойствъ* и *различій* тѣла и духа, о которыхъ не имѣемъ мы точнаго свѣдѣнія: то простому разуму неудобно понимать ихъ, и они рѣдко бываютъ столь убѣдительны, даже и для отличнаго разума, чтобъ не оставляли послѣ себя нѣкоторыхъ сомнѣній; по чему можетъ быть и не надежно утверждать толь важное доказательство на такихъ основаніяхъ, которыя многимъ могутъ показаться только тонкостями школьной учености. Напротивъ того доказательства, выводимыя по *аналогіи*, изъ *нравственнаго устроенія*, и *явленій* или *дѣйствій духа человѣческаго*, изъ *нравственныхъ свойствъ* Божіихъ, изъ *настоящаго теченія вещей*, и по тому называемыя *нравственными*, суть самыя яснѣйшія и удовлетворительнѣйшія. Мы изберемъ изъ оныхъ и предложимъ здѣсь только одно или два.

Из-

Нравственное доказательство по аналогіи.

Изслѣдуя *натуру* и *опредѣленіе* какого либо существа, съ самою большею достовѣрностію судимъ объ ономъ по *дѣятельнымъ* его *силамъ*, по *цѣли* и предѣламъ ихъ въ сравненіи съ *состояніемъ* его, или съ тѣмъ *полемъ*, въ которомъ онѣ употребляемы. Естьли сіе существо переходитъ по разнымъ перемѣнамъ состоянія, или полямъ дѣятельности, и мы находимъ въ немъ *рядъ послѣдующихъ одна за другою силъ*, соразмѣрныхъ разнымъ періодамъ постепеннаго хода его: то заключаемъ, что оно сотворено къ такимъ послѣдующимъ одна за другою перемѣнамъ его состоянія, и говоримъ, что натура его опредѣлена къ *постепенному возрастенію*. Естьли кромѣ непосредственнаго класса силъ, потребныхъ для дѣйствованія его въ настоящемъ состояніи, примѣчаемъ въ немъ еще другой классъ такихъ силъ, которыя для сего дѣйствованія явно не нужны: то естественно заключаемъ, что оно сотворено не для того, чтобъ оставаться въ настоящемъ состояніи, но должно перейти въ состояніе сообразное симъ излишнимъ силамъ. Такимъ образомъ мы судимъ, что насѣкомому, имѣющему крылья, образующіяся или уже образованныя, и все нужное для полета расположеніе, не опредѣлено всегда ползать по землѣ, или висѣть на стѣнѣ безъ всякаго дѣйствованія; но что оно сотворено для того, чтобъ въ опредѣленное время летать по воздуху. Безъ сего дальнѣйшаго опредѣленія, удивительный механисмъ крыльевъ и прочаго устроенія былъ бы тщетенъ и несообразенъ цѣли. Такоежъ умозаключеніе можетъ употреблено быть и въ разсужденіи человѣка, живущаго въ матернемъ чревѣ *подобно растенію*. И въ семъ состояніи онъ имѣетъ уже орудія ощущенія, глаза, уши, и прочія чувства, которыя въ ономъ хотя питаемы, но къ свойственному имъ употребленію еще не способны, и должны сперва нѣкоторымъ образомъ развиться. (*) Представимъ себѣ разумнаго зрителя, ко-

(*) Vid. LUDOV. VIVES *de Rel. Christ.* Lib. II. *de vita uteri*, & c.

который никогда бы не имѣлъ никакой связи съ человѣкомъ и ни малаго свѣдѣнія обо всемъ касающемся до человѣчества. Естьли бы онъ увидѣлъ сіе удивительное зрѣлище, — существо, такъ образованное, какъ человѣкъ, и находящееся въ такихъ обстоятельствахъ, которыя повидимому совсѣмъ несообразны толь многочастному составу: не усомнился ли бы онъ въ пользѣ такого сложнаго устроенія, и не почелъ ли бы толикое изобиліе дивнаго искусства тщетнымъ? или предварительно не заключилъ ли бы, что существо снабденное толь многоразличными, хотя еще не развившимися способностями, опредѣлено къ пространнѣйшему кругу дѣятельности, въ которомъ сіи сокровенныя способности получатъ достаточное упражненіе? Соразмѣрность и взаимное отношеніе разныхъ частей и орудій при толикой многоразличности оныхъ, удобная связь ихъ со вмѣстилищемъ ихъ жизни и пищи, и зависимость отъ онаго, примѣчаемыя въ семъ существѣ, не позволятъ ему почитать оное произведеніемъ случая или неудачнымъ дѣломъ неискуснаго художника; по крайней мѣрѣ надлежало бы ему нѣсколько размыслить прежде, нежели бы онъ принялъ такое мнѣніе. Но положимъ, что между тѣмъ онъ увидѣлъ бы, какъ нѣжный младенецъ, по немногихъ одно за другимъ послѣдующихъ усиліяхъ, свергаетъ съ себя свои оковы, вырывается изъ тѣснаго, темнаго обиталища своего, и выходитъ на дневный свѣтъ; какъ тогда сокровенныя и спавшія силы его развиваются; какъ онъ дышетъ воздухомъ, съ жадностію смотритъ на свѣтъ, принимаетъ впечатлѣнія цвѣтовъ, звуковъ, и всея прекрасной многоразличности натуры. Тогда рѣшились бы всѣ сомнѣнія сего зрителя; сообразное цѣли и великолѣпное устроеніе видимаго имъ существа представилось бы ему въ полномъ своемъ блескѣ; и вся тайна *перваго* періода была бы открыта явленіемъ сея новой сцены. Хотя сіе существо въ семъ *второмъ* его періодѣ живетъ по большей части подобно прочимъ *животнымъ*, то есть, слѣдуетъ *чувствамъ* своимъ и *пожеланіямъ*; однакожъ посредствомъ многоразличныхъ покушеній и наблюденій пріобрѣтаетъ опытность, и по-

степеннымъ развитіемъ разныхъ способностей *воображенія* мало по малу пріуготовляется къ вышшей жизни, къ упражненію въ *изобрѣтеніи* и *подражаніи*, и въ такихъ дѣлахъ, для которыхъ потребно болѣе силы или искусства, нежели остроты или великости разсудка. Въ слѣдующемъ *умномъ* или *разумномъ* періодѣ *разумъ* его, показывавшійся прежде въ низкомъ кругѣ, возносится въ вышшую сферу, изслѣдуетъ натуру вещей, судитъ объ отношеніяхъ ихъ, составляетъ планы, выводитъ слѣдствія изъ прошедшаго, и какъ по настоящему, такъ и по прошедшему, угадываетъ будущія приключенія. Посредствомъ сея перемѣны своего состоянія, и сообразной тому культуры, человѣкъ современемъ становится существомъ *нравственнымъ*, *способнымъ къ общежитію* и *полезнымъ гражданскому обществу*. Сей періодъ есть послѣдній въ смертномъ его теченіи. Всякой такой періодъ ведетъ къ другому послѣдующему за нимъ; каждый возрастъ въ жизни есть поле для упражненія и пріуготовленіе къ слѣдующему вышшему возрасту: жизнь нерожденнаго еще плода есть пріуготовленіе къ жизни младенца; жизнь младенца къ жизни отрока; и всякое нижшее состояніе есть пріуготовленіе къ самому вышшему и лучшему. Но оно послѣдній ли періодъ въ ходѣ Натуры? Сею ли развязкою оканчивается вся драма, и дѣйствователь погружается ли послѣ того въ вѣчное забвеніе? Или не снабденъ ли онъ очевидно излищними силами, которыя не имѣютъ полнаго употребленія и цѣли, даже и въ самой послѣдней сценѣ, и не достигаютъ зрѣлости или совершенства, къ какому онѣ способны, а по тому имѣютъ цѣлію вышшую сцену, въ которой надлежитъ ему явиться въ иномъ и важнѣйшемъ прежняго характерѣ? Естьли такія силы въ самомъ дѣлѣ находятся: то не можно ли по сходству и такимъ же образомъ, какъ прежде, заключить, что человѣкъ опредѣленъ къ оному дѣйствованію, и выступитъ на вышшій и торжественный театръ, гдѣ вышшія силы его будутъ имѣть соразмѣрное имъ дѣло и натура ихъ должна достичь полноты своея?

Силы въ человѣкѣ, имѣющія цѣлію жизнь будущую. Духовныя силы.

Обращая вниманіе наше на *любопытство* и удивительную *жажду къ познанію*, сродныя душѣ въ каждомъ періодѣ постепеннаго ея возрастенія; при томъ разсуждая о безконечномъ кругѣ дѣлъ и заботъ, и многоразличныхъ тягостныхъ трудахъ, которыми большая часть людей какъ бы цѣпями окована: усматриваемъ, что въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи не возможно ожидать удовлетворенія толь ненасытимому и купно толь благородному желанію. Чувства наши, обыкновенныя орудія, служащія къ доставленію душѣ познанія, всегда бываютъ несовершенны и часто обманчивы. Немногіе люди имѣютъ ту выгоду, что могутъ вспомоществовать имъ, или исправлять ихъ. Много затрудненій въ томъ, чтобъ сыскивать истину между многоразличными и одно другому противорѣчащими мнѣніями, частными выгодами и страстями человѣческими; а нужды человѣка, или тѣхъ, съ кѣмъ онъ въ связи находится, многочисленны и неотмѣнны: по чему въ разсужденіи большей части людей можно сказать, что *духовныя* ихъ орудія ощущенія толикожъ закрыты и такъ же лишены свойственной имъ пищи и употребительности въ маломъ кругѣ, которымъ они ограничены, какъ *тѣлесныя* орудія ощущенія въ матернемъ чревѣ. Даже и самые тѣ, которые, при высокомъ природномъ дарованіи, получили все вспоможеніе искусства, имѣютъ досугъ, и пользовались самымъ лучшимъ воспитаніемъ, — и тѣ видятъ безпредѣльную сцену вещей съ небольшаго возвышенія; виды ихъ ограниченны; они хватаютъ съ жадностію новыя открытія, но любопытство ихъ никогда не находитъ себѣ удовлетворенія или предѣловъ.

Нравственныя силы.

Естьли скажутъ, что человѣкъ сотворенъ для *дѣйствованія*, а не для *умствованія*, или безполезныхъ изслѣдованій: то мы спросимъ: для какого дѣйствованія онъ сотворенъ? для *тѣлесныхъ* ли только упражненій, или для *нравственныхъ*, *полезныхъ гражданскому обществу*, и упражненій *богобоязненности*? Онъ способенъ ко всѣмъ симъ упражненіямъ; но по неизбѣжнымъ обстоятельствамъ своего жре-

бія принужденъ заниматься первыми; а для другихъ едва ли имѣетъ столько времени, чтобъ думать объ нихъ; или хотя имѣетъ довольно времени, но не имѣетъ орудій потребныхъ къ онымъ. Любовь къ добродѣтели, къ друзьямъ нашимъ и отечеству, великодушная симпатія съ человѣчествомъ, и героическая ревность въ дѣланіи добра, которыя толико естественны всѣмъ великимъ и благороднымъ душамъ, и которыхъ слѣды даже и въ самыхъ низкихъ душахъ примѣтны, рѣдко бываютъ совокуплены съ соразмѣрными имъ способами или случаями къ изъявленію, такъ, что нравственная пружина, благородныя силы и побужденія души, даже и при самыхъ щастливѣйшихъ обстоятельствахъ, едва ли могутъ находить свойственную имъ цѣль, но иногда весьма ослабляемы, а по большей части почти и совсѣмъ лишаемы дѣйствія безчисленными препятствіями скудной, болѣзненной, или многотрудной жизни. Но не уже ли такія могущественныя силы, такія богоподобныя склонности, для того только насаждены въ груди человѣческой, чтобы только развиться въ тѣсномъ пространствѣ нынѣшняго нашего бытія, какъ бы въ маткѣ, а никогда не обнаружиться въ *совершеннѣйшей* жизни, или не распространиться по свободнѣйшему пути *безсмертія*?

Неудовлетворимое желаніе бытія и блаженства, и пр.

При томъ надлежитъ разсудить, что никакое обладаніе, никакое удовольствіе въ кругѣ смертныхъ вещей не равняется желаніямъ духа, или не соразмѣрно его способностямъ. Самое знатнѣйшее состояніе подвержено огорченіямъ, и самыя лучшія обстоятельства щастія оставляютъ неисполнившіяся желанія. Хотяжъ бы и всѣ желанія по крайней возможности исполнялись, однако сердце никогда не перестаетъ стремиться къ новымъ. Присовокупимъ еще къ сему сильное *желаніе безсмертія*, тайный *страхъ небытія*, и скорый непрестанный пульсъ душевнаго стремленія къ *совершенству*, съ невѣроятностію или невозможностію достичь онаго *здѣсь*. По всему оному разсудимъ: не явно ли, что сей тщательно устроенный составъ,

ставЪ, сіе величественное собраніе внутреннихЪ силЪ и орудій ощущенія, имѣютЪ цѣлію *будущую жизнь* и возвѣщеніе человѣку *вѣчности*? Натура совершаетЪ меньшія и маловажнѣйшія дѣла свои даже до послѣдней черты, и всякую другую тварь доводитЪ до зрѣлости и совершенства ея существа: для чегожЪ бы оставила она величественное дѣло свое не совершеннымЪ? Она доводитЪ жизнь *человѣка* вЪ состояніи *растенія* и *животнаго* до всея полноты и послѣдняго опредѣленія оной: для чегожЪ бы попустила она *духовной*, *нравственной*, *божественной* жизни его увянуть и навѣки уничтожиться? Возможно ли согласить такія незрѣлыя порожденія вЪ нравственномЪ мірѣ сЪ совершенною премудростію, и благостію, сохраняющею и украшающею физической мірЪ?

И такЪ человѣкЪ безсмертенЪ.

И такЪ изЪ сихЪ обстоятельствЪ должно заключить, что *нынѣшнее состояніе*, вЪ самомЪ совершенствѣ своемЪ, есть только какЪ бы *матка* бытія человѣческаго, вЪ которой самыя благороднѣйшія коренныя побужденія нѣкоторымЪ образомЪ окованы, или удалены отЪ сферы дѣятельности, могущей удовлетворить имЪ, и по тому опредѣлены кЪ будущему и неограниченному состоянію, вЪ которомЪ онѣ освободятся и окажутЪ полную силу свою. Самый совершенный смертный вЪ семЪ низкомЪ и мрачномЪ вмѣстилищѣ Натуры есть только *расположеніе* кЪ тому, что онЪ будетЪ, когда приметЪ эфирный полетЪ свой и облечется вЪ безсмертіе. БезЪ отношенія кЪ сему состоянію человѣкЪ былЪ бы только незрѣлое порожденіе, неразвившійся зародышЪ, уродЪ вЪ Натурѣ. Но естьли примемЪ такое состояніе: то онЪ остается первымЪ образцовымЪ дѣломЪ творенія; всѣ сокровенныя силы его соразмѣрны гармоніи и вдаль идущему возрастенію Натуры; благородное желаніе другаго рожденія и болѣзнь при разлученіи души сЪ тѣломЪ, суть начало сего рожденія ко свѣту, свободѣ и совершенству; а смерть есть освобожденіе изЪ темницы, разлука сЪ соучастниками плѣна, и вступленіе вЪ соборЪ отшедшихЪ прежде его кЪ великому и вѣчному Отцу

цу своему. Тогда оковы смертнаго состоянія спадутъ съ него, и стѣны темницы его разрушатся; а по тому со всѣхъ сторонъ откроется ему свободный путь къ истинѣ и добродѣтели, и къ прекрасной сопутницѣ ихъ, блаженству; всякая пружина жизни и разума божественнымъ напряженіемъ разширится въ свободномъ небесномъ воздухѣ. Тогда онъ не будетъ уже видѣть строеніе міра и великаго Творца онаго сомнительнымъ взоромъ сквозь мрачную рѣшетку или несовершенное зрительное стекло, и получать понятія о величествѣ его посредствомъ скудныхъ чувственныхъ орудій ощущенія; но будетъ *весь зрѣніе*, *весь слухъ*, *весь* небесное и божественное *чувство*. — Между тѣмъ надлежитъ еще замѣтить слѣдующее сходство: въ матернемъ чревѣ мы получаемъ первоначальное положеніе, видъ и необходимо нужныя части существа нашего, съ которыми родимся, и которыя имѣютъ весьма важное вліяніе въ послѣдующіе одинъ за другимъ періоды нашей жизни; равнымъ образомъ состояніе наше въ будущей жизни зависитъ отъ поведенія нашего въ нынѣшней, и отъ характера, здѣсь нами образованнаго. Мы нынѣ *въ маломъ видѣ*, или въ миніатюрѣ, то, что впредь будемъ въ совершенной или *натуральной величинѣ*. Нынѣ дѣлается только первой грубый *чертежъ ума* и *добродѣтели*, чтобъ послѣ быть отдѣланнымъ и доведеннымъ до Ангельской натуры и красоты.

Безсмертіе служитъ подкрѣпленіемъ добродѣтели и побужденіемъ къ оной.

Естьли мы разсудимъ о семъ надлежащимъ образомъ, то оно должно служить не только *подкрѣпленіемъ* добродѣтели, но и превосходнымъ *побужденіемъ* къ оной. Ибо кто вѣрно и ревностно слѣдуетъ свѣту познанія и стремится къ вышшимъ совершенствамъ и добродѣтелямъ, тотъ бываетъ весьма ободренъ и оживленъ, увѣрившись совершенно, что сею жизнію все не оканчивается, — что бореніе его, происходящее отъ слабости натуры и силы привычки, превратится въ торжество, — что ходъ его по пути мудрости и добродѣтели будетъ и скорѣе и удобнѣе, — и что желанія его, стремящіяся къ не-

небу, то есть къ *совершенству* и *безсмертію добродѣтели*, найдутъ соразмѣрный имъ предметъ и полное упражненіе въ такой сферѣ, которая сообразно имъ пространна, неразрушима и безсмертна. Напротивъ того коль бы прискорбно было праводѣтельному человѣку, естьлибъ надлежало ему опасаться совершеннаго уничтоженія свѣта и добродѣтели, безъ которыхъ жизнь и даже самое безсмертіе не стоятъ желанія!

Доказательство, выводимое изъ неравнаго раздѣленія временныхъ благъ.

Нѣкоторые писатели выводятъ доказательства безсмертія души и будущихъ награжденій или наказаній изъ *неравнаго раздѣленія благъ* въ здѣшней жизни. Неоспоримо то, что безбожные люди часто избѣгаютъ заслуженнаго внѣшняго наказанія за свои преступленія, а внутренняго не чувствуютъ въ такой мѣрѣ, которая соотвѣтствовала бы ихъ винѣ: что происходитъ частію отъ безчувственности и закоснѣлости въ порочныхъ привычкахъ, частіюжъ отъ разсѣянія, въ какое души ихъ приводимы бываютъ удовольствіемъ или дѣлами. Напротивъ того праводѣтельные, по разнымъ непредвидимымъ и неизбѣжнымъ нещастнымъ приключеніямъ, иногда не пожинаютъ всѣхъ естественныхъ и истинныхъ плодовъ своея добродѣтели. Вѣря премудрому и благому Провидѣнію, надлежитъ принимать сіе за доказательство, и за весьма сильное доказательство будущаго состоянія, въ которомъ такое неравенство должно быть заглаждено. Однакожъ не принимая владычествующаго добраго порядка въ нынѣшнемъ теченіи вещей, мы ослабляемъ доказательство управленія Божія и вѣрность упованія лучшаго порядка въ какомъ либо будущемъ періодѣ.

Вѣрить безсмертію служитъ великимъ подкрѣпленіемъ въ искушеніяхъ,

Изъ второй Главы сея Книги явно, что добродѣтель совокуплена съ настоящими награжденіями, а порокъ совокупленъ съ настоящими наказаніями, и что въ разсужденіи сихъ награжденій и наказаній добродѣтель въ большей части случаевъ заслуживаетъ предпочтеніе предъ порокомъ. Однакожъ при безконечной многоразличности приключеній

ній человѣческихъ можетъ иногда случаться, что строгимъ наблюденіемъ добродѣтели человѣкъ лишится нѣкоторыхъ знатныхъ выгодъ, какія могъ бы онъ доставить себѣ самому, семейству своему, или друзьямъ своимъ, посредствомъ обмана, согласія на что либо противное совѣсти, посредствомъ измѣны отечеству, или какого либо инаго преступленія, при которомъ искущеніе было бы еще увеличиваемо безопасностію, или вѣроятностію, что оное открыться не можетъ. Также можетъ случиться, что привязанность его къ чести, религіи, или свободѣ и добродѣтели, подвергнетъ его самого или семейство его опасности всего лишиться, бѣдности, неволѣ, смерти, либо мученіямъ еще несноснѣйшимъ самой смерти. Что подкрѣпитъ добродѣтель его въ такихъ обстоятельствахъ искушенія? Что утвердитъ обязанности совѣсти противъ прелестей толь многихъ выгодъ, противъ боязни толь многихъ и страшныхъ золъ, и противъ непреодолимаго почти отвращенія натуры человѣческой отъ чрезвычайнаго мученія? Искушеніе бываетъ еще сильнѣе, естьли преступленіе совокуплено съ обстоятельствами, которыя удобно могутъ быть извиняемы; напр. съ нуждою, съ натуральною склонностію, съ любовію къ семейству, или друзьямъ, претерпѣвающимъ нищету. Такія обстоятельства даже придаютъ преступленію видъ добродѣтели. Къ сему надлежитъ еще присовокупить причину думать, что преступленіе будетъ имѣть мало худыхъ слѣдствій, — что оно легко можетъ быть утаено, — или возможность достаточно замѣнить оное впредь добрыми поступками. Весьма удобно усмотрѣть, въ какую сторону люди склонялись бы по большей части въ такихъ случаяхъ, и коль нужно для равновѣсія съ противной стороны разсужденіе о Богѣ, провидѣніи и безсмертномъ состояніи воздаянія, чтобъ сохранить сердце твердымъ и невредимымъ въ сихъ или подобныхъ случаяхъ искушенія, или стѣсненія.

и въ обыкновенномъ

Но хотя бы и не предполагали мы такихъ особенныхъ случаевъ; однакожъ представленіе Управляющаго Духа, и увѣреніе въ

течении жизни.

томъ, что онъ какъ здѣсь надѣляетъ добродѣтель блаженствомъ, такъ и впредь увѣнчаетъ ее награжденiями, которыя сообразны ея натурѣ, сами по себѣ велики и въ продолженiи своемъ безконечны, должно служить сильнымъ подкрѣпленiемъ добродѣтели, побужденiемъ къ исполненiю оной, и могущественною обороною отъ порока. Представленiя Всемогущаго Судiи и неложнаго будущаго отчета, часто тревожатъ, жестоко тревожатъ, даже и самыхъ упорнѣйшихъ злодѣевъ. Напротивъ того коль утѣшительно праводѣтельному человѣку думать, что онъ ведетъ жизнь предъ очами какъ судiи, такъ и друга! Коль прiятно ему разсматривать нынѣшнее состоянiе въ связи съ будущимъ; всякую связь, въ какой онъ находится почитать училищемъ, образующимъ его склонности, всякое искушенiе случаемъ къ упражненiю въ какой либо добродѣтели; а добродѣтельныя дѣла, происходящiя изъ сихъ связей и искушенiй, представлять себѣ ведущими его къ вышшимъ сценамъ радости и щастiя! Наконецъ, коль восхитително признавать смерть освобожденiемъ отъ золъ смертности, и торжественнымъ вступленiемъ въ состоянiе свободы, безопасности и совершенства, въ которомъ познанiе и мудрость отвсюду будутъ на него сiять, въ которомъ всякая способность найдетъ свойственный ей предметъ, и добродѣтель, часто претерпѣвавшая здѣсь препятствiя и принужденiе, будетъ ненарушимо и вѣчно владычествовать!

Превосходство Христiанскаго ученiя, и связь его съ натуральною религiею, или нравственностiю.

Обозрѣвая всю сiю сокращенную систему Нравоученiя, и доказательства, утверждающiя оную, и сравнивая ихъ съ планомъ *Христiанской религiи*, усматриваемъ, какой свѣтъ и какую силу сiя религiя имъ сообщаетъ. Коль совершенно Христiанство объясняетъ связи натуры нашей, какъ тѣлесныя, такъ и духовныя, какъ будущiя, такъ и настоящiя! Коль пространно и прекрасно представляетъ оно намъ должности, которыми мы обязаны къ Богу, къ обществу и къ самимъ себѣ! — должности, откровенныя со всею

воз-

возможною простотою, полнотою и удобностію, свободныя отъ всякаго пристрастія къ какой либо сектѣ или націи, и сообразныя всеобщему состоянію человѣческому! Коль величественными и прелестными примѣрами объясняетъ оно намъ наблюденіе сихъ должностей и побуждаетъ къ оному! и коль важными обѣщаніями и угрозами подтверждаетъ сіе побужденіе! Съ какою силою описываетъ оно намъ развращеніе натуры нашей, отступленія въ жизни отъ правила должности, и причины какъ того, такъ и другаго! Коль чудный и благости исполненный планъ искупленія оно намъ открываетъ, посредствомъ котораго сіе развращеніе можетъ быть исправлено, и натура наша можетъ возвращена быть отъ заблужденій своихъ къ высотамъ добродѣтели и богобоязненности, превышающимъ разумъ человѣческой! Наконецъ, коль прекрасный и полный видъ правленія Божія оно открываетъ, представляя нынѣшнее наше состояніе только небольшимъ періодомъ въ ономъ, и при томъ періодомъ борьбы и искушенія! Коль торжественны и безпредѣльны сцены, открываемыя имъ по окончаніи сего періода! Воскресеніе мертвыхъ, всеобщій судъ, равномѣрное раздѣленіе награжденій добрымъ, и наказаній злымъ, совершенное исполненіе Божественной премудрости и благости въ конечномъ постановленіи порядка, совершенства и блаженства. — Коль величественна, и коль достойна какъ любви, такъ и удивленія, система религіи, которая предлагаетъ намъ такія *открытія* и подаетъ такую *помощь*, а чрезъ то способствуетъ созрѣнію неувядающихъ плодовъ и торжеству добродѣтели, и приводитъ выгоды ея въ безопасность отъ всякой силы времени и случая!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сокращенное повтореніе всея системы.

Мы разсматривали *устроеніе* и *связи человѣка*, и предложили въ порядкѣ различныя *должности*, происходящія изъ оныхъ. Мы изыскивали нѣкоторые *способы* къ сохраненію устроенія сего въ здравомъ состояніи, или къ возстановленію онаго. Мы изслѣдовали *конечныя причины* устроенія человѣческаго, и усмотрѣли превосходную гармонію онаго съ состояніемъ человѣка. Наконецъ предложили мы главныя *побудительныя причины* къ исполненію должностей, которыми обязано существо имѣющее такое устроеніе и въ такихъ обстоятельствахъ находящееся.

Слѣдствіе.

Изъ всего онаго явно: „что „*человѣкъ* есть существо снабдѣнное различ„ными *чувствами*, *силами* и *страстями*, подверженное „разнымъ *нуждамъ* и *опасностямъ*, находящееся во мно„гихъ *натуральныхъ связяхъ*, и способное ко вступле„нію во многія *гражданскія* связи, и по такой натурѣ, „по такому состоянію и по такимъ связямъ обязанное „различными *должностями*, которыхъ наблюденіе со„пряжено со многими *удовольствіями*.“ — Также явно: „что всѣ сіи должности состоятъ въ *управленіи* чувствъ, „силъ и страстей, сообразномъ нуждамъ его, опасно„стямъ и связямъ; — что сіе управленіе заслуживаетъ „величайшее одобреніе во временной жизни, и доставля„етъ самыя чистыя и прочныя удовольствія въ вѣчно„сти; — что особливо исполненіе общеполезныхъ склон„ностей сопровождаемо радостію, которая достоинст„вомъ и прочностію превосходитъ всякую иную ра„дость; — и что въ самой большей суммѣ такихъ удо„вольствій и радости состоитъ самое высочайшее чело„вѣческое *блаженство*. И такъ, естьли мы всегда со„держимъ отверзсты сіи чистые источники радости, и „въ такихъ случаяхъ, когда одни удовольствія бываютъ „противны другимъ, жертвуемъ нижшими удовольствія„ми вышшимъ, то есть, удовольствіями чувствъ и „похотей удовольствіямъ ума, добродѣтели и богобояз„ненности: сіе не есть отверженіе себя въ точномъ

смы-

„смыслѣ, но истинная *мудрость* и самое *справедливое* „*оцѣненіе блаженства*. Естьлижъ мы затворяемъ благо„роднѣйшие источники, или жертвуемъ вышшими удо„вольствіями нижшимъ: сіе не есть уступчивость въ „свою пользу, но верьхъ *неразумія* и *ложная оцѣнка* „блаженства."

Самая блаженнѣйшая молодость.

И такъ, кто въ молодости исправляетъ силы духа своего изслѣдованіемъ истины и полезнымъ познаніемъ, а нравственныя и дѣятельныя силы любовію къ добродѣтели укрѣпляетъ, дѣлаетъ благороднѣе и способнѣе къ услугамъ друзьямъ своимъ, отечеству и роду человѣческому; кто для общественной жизни одушевляемъ истиннымъ честолюбіемъ и поощряемъ священною дружбою, а для семейственной посредствомъ добродѣтельной любви образуетъ нѣжныя склонности; кто отворяетъ сердце свое всякой иной доброй и великодушной склонности; и кто со всѣмъ онымъ совокупляетъ умную мужественную богобоязненность, удаленную отъ суевѣрія и суесвятства: тотъ наслаждается самою *пріятнѣйшею молодостію*, и собираетъ обильные способы къ похвальному дѣйствованію и щастливому наслажденію въ слѣдующихъ періодахъ жизни.

Самыя блаженнѣйшія мужескія лѣта.

Кто въ *мужескихъ лѣтахъ* со всею возможною мудростію ограничиваетъ защитительныя и своеполезныя страсти; кто вступаетъ въ благоизбранные и добродѣтельные союзы дружбы; кто стремится къ чести, богатству и власти путемъ истины и добродѣтели, и великодушно пренебрегаетъ оныя, естьли не можетъ найти ихъ на семъ пути; кто въ частномъ званіи и частныхъ связяхъ своихъ старается паче всего удовлетворять нѣжнымъ и мужескимъ склонностямъ, а въ общественномъ званіи и общественныхъ связяхъ съ величайшею честностію и безкорыстіемъ служитъ отечеству своему и роду человѣческому; кто наконецъ наслаждается благами жизни съ величайшею умѣренностію,

а злоключенія сноситъ съ величайшимъ постоянствомъ, и при сихъ различныхъ обстоятельствахъ должности и искушенія, сохраняетъ и оказываетъ навыкъ въ почитаніи и любви къ Богу: того характеръ есть самый достойнѣйшій въ сей сценѣ жизни; онъ исполняетъ его съ величайшимъ удовольствіемъ и самымъ лучшимъ образомъ, и пролагаетъ себѣ путь къ самой спокойнѣйшей и похвалы достойнѣйшей старости.

Самая блаженнѣйшая старость.

Кто при ущербѣ жизни свободнѣе всякаго другаго отъ огорченій, сопровождающихъ сей періодъ; кто любитъ самыя справедливѣйшія и нѣжнѣйшія склонности; кто употребляетъ опытность, мудрость и уваженіе съ величайшимъ чадолюбіемъ и самымъ достойнѣйшимъ почтенія образомъ; живетъ чувствуя надзираніе Творца своего, и непрестанно помышляя объ одобреніи его; ежедневно желаетъ безсмертія, и день отъ дня болѣе созрѣваетъ къ оному; и кто совершивъ дѣйствованіе свое съ честностію и согласіемъ, сходитъ къ сего театра въ скромномъ и любви исполненномъ торжествѣ: тотъ есть *самый лучшій*, тотъ есть *самый блаженнѣйшій старецъ*.

Самая блаженнѣйшая жизнь.

Слѣдовательно, вся жизнь въ молодости, мужескихъ лѣтахъ и старости, проведенная такимъ образомъ, есть *самая лучшая* и *блаженнѣйшая жизнь*.

Праводѣтельный, самый мудрѣйшій и блаженнѣйшій человѣкъ.

„Кто имѣетъ самое сильнѣйшее влече„ніе къ такимъ чувствованіямъ и мыслямъ, „тотъ имѣетъ самый *лучшій* природный „*нравъ*. Кто образуетъ оныя съ величай„шимъ раченіемъ, тотъ имѣетъ самый *до„бродѣтельнѣйшій характеръ*. Кто старает„ся слѣдовать имъ самымъ благоразумнѣй„шимъ и согласнѣйшимъ образомъ, тотъ „есть самый *мудрѣйшій* человѣкъ. Кто при самыхъ ве„личайшихъ способностяхъ имѣетъ самые лучшіе слу„чаи

„чаи къ слѣдованію симъ чувствованіямъ и мысаямъ; „што есть самый *блаженнѣйшій*.“

„Располагая жизнь свою по сему плану, „мы *слѣдуемъ Натурѣ*; то есть, поступа„емъ сообразно первоначальному устроенію „нашему и вѣчному порядку вещей; а посту„пая такимъ образомъ, споспѣшествуемъ величайшей „нашей пользѣ, и приводимъ ее въ безопасность.“ (Съ толикою благостію Творецъ насъ устроилъ!) И такъ, очевидно (и для кого не радостно толь божественное установленіе!) что „*долж„ность*, *мудрость* и *блаженства* сливаются „другъ съ другомъ и суть *одно*.“

Жизнь сообразная Натурѣ.

Должность, мудрость и блаженство суть одно.

Наконецъ, „*добродѣтель* есть самое вы„сочайшее упражненіе и исправленіе *ума*, пол„нота, гармонія и правильное равновѣсіе „*склонности*, здравіе, сила и красота *души*.“ — „*Совершенство* добродѣтели состоитъ въ „томъ, чтобъ умъ могъ дѣйствовать свободно; чтобъ „мы охотно повиновались приговору совѣсти; чтобъ „слѣдовали защитительнымъ страстямъ съ постоян„ствомъ, своеполезнымъ съ умѣренностію, общеполезнымъ „со справедливостію, а всѣмъ вообще съ благоразуміемъ, „то есть сообразно надлежащему ихъ отношенію однѣхъ „къ другимъ, и чтобъ всѣ онѣ служили къ полному чело„вѣколюбію; — чтобъ мы почитали и любили Бога съ „безкорыстною и ему одному посвященною склонностію, „и предавались бы провидѣнію его съ охотною покорно„стію. Всякое приближеніе къ сему масштабу есть при„ближеніе къ совершенству и *блаженству*, а всякое „отступленіе отъ онаго есть приближеніе къ *пороку* и „*бѣдствію*.

Содержаніе и совершенство добродѣтели.

Изъ сего краткаго изслѣдованія натуры человѣческой можно усмотрѣть самую божественную и радостную истину, являющуюся съ совершенною ясностію и сіяніемъ; а

Важное и радостное слѣдствіе.

именно: „Человѣкъ достаточно снабдѣнъ чувствами и „способностями къ наслажденію блаженства, и средства„ми къ пріобрѣтенію онаго. Собственная натура его „показываетъ ему, въ чемъ оно состоитъ; страсти и „нужды его служатъ сильнымъ побужденіемъ къ исканію „онаго; а премудрое и благое управленіе Божіе часто „приводитъ его къ *благополучію частной системы*, и „всегда дѣлаетъ его полезнымъ для *всеобщаго блага.*"

ОТДѢЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

О КУПЕЧЕСТВѢ и ТОРГОВЛѢ.

О КУПЕЧЕСТВѢ и ТОРГОВЛѢ.

ГЛАВА I.

О натурѣ и происхожденіи торговли. Показаніе, что она есть основаніе гражданскаго общества, великое подкрѣпленіе художествъ и наукъ, истинное основаніе всякой свободы, причина прилѣжанія и деликатности, и что она нужна для благосостоянія народа.

Славный Фенелонъ въ Телемакѣ своемъ возобновилъ и весьма прекрасно предложилъ древнюю Стоическую идею: что весь родъ человѣческой предъ очами Творца своего есть одна республика, въ которой всѣ народы, какъ большіе, такъ и малые, составляютъ поколѣнія или семейства. Нѣкоторыя изъ сихъ семействъ находятся въ лучшемъ, а другія въ худшемъ состояніи, сообразно доброму или худому употребленію данныхъ имъ отъ Творца способовъ, имѣющихъ цѣлію блаженство всѣхъ тварей его. Премудрое Провидѣніе, склоняющее все ко благу, посредствомъ сего самаго выводитъ нѣчто доброе изъ зла, и самую величайшую скудость дѣлаетъ источникомъ и причиною самаго величайшаго изобилія.

Натура, давши человѣку сильное ощущеніе скудости, доставила ему и изобрѣтательность, потребную для способовъ къ избѣжанію оной. Изъ сего произошли первыя понятія *торговли.* Усмотрѣвъ, что одно семейство не можетъ удобно жить безъ помощи другаго, люди начали еще въ самыя первыя времена пещись о общественномъ благосостояніи, сообщая взаимно другъ другу плоды трудовъ своихъ. Сей легкой и натуральный способъ *мѣны* былъ началомъ торговли. Занимавшіеся земледѣліемъ старались выработывать, сверьхъ

 нуж-

нужнаго для собственнаго ихъ пропитанія, еще столько, чтобъ могли получать отъ сосѣдовъ своихъ, посвящавшихъ себя пастушеской жизни, часть ихъ скота посредствомъ мѣны. А сіи равнымъ образомъ находили свою выгоду въ томъ, что за лишній скотъ могли доставать хлѣбъ и плоды.

Современемъ мѣна распространялась, и умъ человѣческой ежедневно изобрѣталъ что либо новое для удобности жизни: отъ чего и торговля получала совсѣмъ иной видъ. Вмѣсто того, чтобъ ходить изъ дому въ домъ, для вымѣна нужныхъ вещей, учреждены были общія сборища; и такимъ образомъ произошли *торжища*, или *торговыя мѣста*. Сперва мѣняемы были только *необработанные* товары. Отдавали овцу за мѣшокъ жита, или нѣсколько птицъ за нѣкоторое количество плодовъ. Для сего нужны были мѣра и вѣсъ. По изобрѣтеніи пряденія и тканья, приносимы были на торгъ не только необработанные, но и *рукодѣльные* товары. Такимъ образомъ произошла различность въ торговлѣ; и чему сперва нужда научила, то напослѣдокъ стало *искусствомъ*.

Одно изъ первыхъ, и безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ важнѣйшихъ открытій въ семъ новомъ искусствѣ, вѣроятно весьма рано сдѣланное, есть надобность общей мѣры для опредѣленія цѣны всякихъ товаровъ и рукодѣлій. Надобно было приносить на торгъ много разныхъ вещей, и сверьхъ того на торгахъ случались немалыя затрудненія. Приносившіе на вымѣнъ товары не всегда могли находить людей имѣвшихъ такіе товары, какіе имъ были надобны; или хотя и находили такихъ людей, но симъ не надобны были тѣ вещи, которыя они промѣнять хотѣли. Для отвращенія сихъ неудобствъ, люди принуждены были назначить что либо такое, что въ надлежащей соразмѣрности могло бы почитаемо быть замѣною всякихъ товаровъ или рукодѣлій. Такимъ образомъ произошли *деньги*. Не нужно было деньгамъ имѣть внутреннюю цѣну: ибо довольно было и того, чтобы общее условіе доставляло имъ такой переходъ изъ рукъ въ руки, который весьма прилич-

лично выражаемъ словомъ *курсъ*, и чтобъ онѣ были прочны, удобны къ переношенію съ мѣста на мѣсто, и не подвержены перемѣнамъ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ прежде употребляемы были *кожаныя* деньги. У древнихъ Мексиканцевъ служили вмѣсто денегъ *орѣхи какао*; а на Африканскихъ берегахъ и понынѣ еще употребляютъ вмѣсто денегъ нѣкоторыя мѣлкія бѣлыя, пестрыя и блестящія *раковинки*. Современемъ, какъ торговое искусство возрастало, у большей части народовъ *серебро* вошло въ цѣну, и стало общею мѣрою всѣхъ вещей, чѣмъ оно и понынѣ еще служитъ.

Такимъ образомъ прекратились всѣ помянутыя затрудненія и еще многія иныя, о которыхъ мы здѣсь для краткости не упомянули. Вмѣсто того, чтобъ вымѣнивать хлѣбъ на скотъ, или какія либо рукодѣлія на вино, можно было получать и то и другое за серебро. Чѣмъ менѣе было какихъ либо товаровъ, тѣмъ болѣе серебра за нихъ давали; но чѣмъ болѣе ихъ привезено было на торгъ, тѣмъ менѣе они стоили. Отъ сего произошли выраженія *дорого* и *дешево*. Серебро почти вездѣ принято мѣрою вещей по причинѣ красивости его и крѣпости, и по тому, что оно не много мѣста занимаетъ. Сперва опредѣляли цѣну его по вѣсу; а по томъ начали означать сей вѣсъ штемпелемъ, или мѣткою, чтобъ умножить и ускорить обращеніе серебра: изъ чего произошло то, что мы *деньгами* называемъ. Изъ сего основанія удобно усмотрѣть, для чего во многихъ земляхъ названія денегъ заняты отъ вѣсу. Напр. у Евреевъ *сикль* былъ и монета и вѣсъ, т. е. штемпель, поставленный на кускѣ серебра, называемомъ *сикль*, означалъ, что въ семъ кускѣ сикль вѣсу. Равнымъ образомъ въ Англіи *фунтъ* и *маркъ* суть и вѣсъ и сумма; ибо сперва фунтъ серебра стоилъ фунтъ деньгами, а маркъ составлялъ двѣ трети фунта, какъ въ деньгахъ, такъ и въ вѣсѣ. Въ послѣдствіи обстоятельства перемѣнились; ибо нынѣ фунтъ серебра стоитъ три фунта деньгами. Однакожъ употребительныя еще названія фунтъ и маркъ не дѣлаютъ никакого замѣшательства; по тому, что осталось еще прежнее отношеніе между фун-

фунтомъ и маркомъ въ деньгахъ: т. е. маркъ и понынѣ составляетъ двѣ трети фунта. Въ Шотландіи ведется то же самое отношеніе, хотя цѣна Шотландскихъ денегъ весьма унизилась; ибо Шотландской фунтъ составляетъ не болѣе дватцати пенсовъ Англійскихъ, а маркъ двѣ трети сего фунта.

Надлежитъ еще замѣтить, что серебро ходило въ обращеніи вѣсомъ до совершеннаго учрежденія гражданскихъ обществъ, то есть, пока не заведено было правленіе. Ибо безъ гражданской власти не возможно было имѣть штемпелей, которые серебро дѣлаютъ деньгами. Дѣланіе монетъ присвоено верьховной власти, или стало правомъ того, кому оно отъ верьховной власти ввѣрено; ибо штемпель служитъ доказательствомъ, что кусокъ серебра, на которомъ онъ поставленъ, имѣетъ надлежащую цѣну. Также изъ происхожденія сего установленія видимъ, по чему *поддѣлываніе монеты* почитается *преступленіемъ противъ правительства*. Присвоивающій себѣ власть ставить штемпель на кусокъ металла, и чрезъ то сообщать оному извѣстную цѣну, явно присвоиваетъ себѣ власть не принадлежащую ему по праву, и по тому дѣло его должно почитаемо быть преступленіемъ противъ правительства.

При семъ весьма естественно представляется вопросъ: для чего золото и мѣдь не принимаются за общую мѣру, такъ же какъ серебро; хотя изъ нихъ равнымъ образомъ дѣлаютъ монету, и хотя поддѣлыватели оной въ нѣкоторыхъ земляхъ подвержены такомужъ наказанію, какъ и поддѣлыватели серебряной монеты? Естьлижъ бы они принимаемы были за общую мѣру, то сообщенное выше сего опредѣленіе денегъ было бы недостаточно. На сіе должно отвѣтствовать: что хотя золотая и мѣдная монета по общему употребленію словъ и по обычаю называются деньгами; однакожъ, говоря съ точностію, общая мѣра какъ есть, такъ и должна быть одна; и сею мѣрою служитъ серебро. Штемпель на золотѣ означаетъ только цѣну, сколько серебра такой кусокъ золота стоитъ. Ибо золото само по себѣ, равно какъ и всякая другая вещь, есть товаръ,

и цѣна его въ разное время и въ разныхъ земляхъ перемѣняется, и въ одной землѣ въ разное время бываетъ неодинакова. Также можно бы спросить: какъ можетъ серебро принимаемо быть за постоянную мѣру цѣны вещей, подвержено будучи перемѣнамъ не только у разныхъ народовъ, но и у одного народа? Рѣшеніе сихъ затрудненій состоитъ въ томъ, чтобъ различить клеймо со внутреннею цѣною, или, точнѣе сказать, цѣну, сообщаемую монетѣ клеймомъ, съ вѣсомъ такой монеты. Въ семъ случаѣ намѣреніе штемпеля бываетъ двоякое. Вопервыхъ онъ служитъ увѣреніемъ въ томъ, что монета, или кусокъ серебра, имѣетъ такой-то вѣсъ и такую-то доброту, и сіе значеніе его нужно для всякаго. Сверьхъ сего онъ показываетъ еще цѣну монеты уставленную тою властію, которую сей штемпель означаетъ; и сіе касается только до подданныхъ того правительства, подъ которымъ штемпель даетъ курсъ деньгамъ. И такъ штемпель принимаемъ бываетъ всѣми по тому только, что показываетъ вѣсъ и доброту серебра; и въ семъ смыслѣ серебро только есть общая мѣра: чему самое возраженіе сіе служитъ доказательствомъ, естьли мы подробно то разсмотримъ. Ибо, положимъ, что внутренняя цѣна унціи серебра есть пять шилинговъ; положимъ, что въ кронѣ, или серебряной монетѣ находится вѣсу точно одна унція; положимъ, что правительство въ какой либо землѣ разсудило за благо приказать, чтобъ крона стоила пять шилинговъ: въ такомъ случаѣ возвысилась бы только цѣна серебряныхъ денегъ въ той землѣ, а не цѣна серебра, какъ установленной мѣры. Ибо всѣ иностранцы будутъ принимать штемпель только за означеніе вѣсу, и будутъ получать за товары свои столько же серебра, сколько получали прежде возвышенія цѣны монеты въ оной землѣ. Напр., естьли они продавали жителямъ сея земли фунтъ шелку до перемѣны за 20 шилинговъ: то будутъ тогда требовать за оный 40 шилинговъ; или, иными словами сказать, они тогда будутъ требовать за фунтъ шелку 4 унціи серебра, равно какъ и прежде возвышенія цѣны монеты.

Сіе

Сїе обстоятельство еще болѣе объяснится, естьли мы разсмотримъ обычай Китайцевъ, которые и понынѣ еще не имѣютъ денегъ, но употребляютъ въ торговыхъ дѣлахъ серебро вѣсомъ. Для удобности, всякой торгующїй носитъ въ карманѣ свертокъ серебра весьма высокой доброты, и отрѣзываетъ отъ онаго ножницами, которыя также носитъ съ собою, сколько надобно на заплату за покупаемые на вѣсъ товары. Для удобности въ платежѣ большихъ суммъ, Китайцы имѣютъ такїежъ свертки золота, которое рѣжутъ такимъ же образомъ. Навыкъ дѣлаетъ ихъ весьма искусными въ семъ, такъ что они почти всегда однимъ разомъ отрѣзываютъ столько, сколько заплатить надобно. Однако, хотя они не имѣютъ денегъ, но доброта серебра у нихъ опредѣлена. Такое серебро называется *Ханскимъ*; по тому, что оно бываетъ той доброты, какую должно имѣть серебро вносимое въ Ханскую или Императорскую казну. По самому рѣзанїю всякой можетъ узнавать сїю доброту: ибо, естьлибъ въ серебрѣ было много примѣсу, то не можно было бы рѣзать его ножницами, или оно рѣзалось бы не равно, но ломалось бы и оказывались бы въ немъ трещины: что служило бы доказательствомъ низкой доброты серебра. Китайцы имѣютъ мѣдную монету весьма низкой цѣны, со скважиною въ срединѣ, дѣлаемою для того, чтобъ можно было нанизывать ее въ большомъ количествѣ на нитку. Но цѣна сея монеты почти всякую недѣлю либо возвышается, либо упадаетъ, сообразно большей или меньшей надобности оной. Напротивъ того цѣна Ханскаго серебра бываетъ постоянна, и служитъ опредѣленною и обычною мѣрою въ Китайской торговлѣ.

Мы показали со всею возможною краткостїю и ясностїю, какїе суть три главные пункта въ торговлѣ; а именно: *необработанные товары*, *рукодѣлїя*, *деньги*. Также показали мы удобное употребленїе денегъ въ опредѣленїи цѣны товаровъ, и то, что въ такихъ земляхъ, гдѣ торговля имѣетъ свободное теченїе, деньги служатъ вмѣсто товаровъ какъ необработанныхъ, такъ и рукодѣльныхъ. Ибо кто имѣетъ деньги, тотъ имѣетъ все,

и

и можетъ на всякомъ торгу купить всякихъ товаровъ, какихъ ему надобно, по тому, что получающій отъ него деньги можетъ употреблять ихъ такимъ же образомъ, и доставать себѣ за нихъ что ему потребно. По сему кажется, что установленіе сея общей мѣры весьма споспѣшествуетъ торговлѣ. Однако не въ семъ только состоитъ вся польза денегъ. Онѣ употребляются еще на плату за работу, на покупку домовъ и земель; короче сказать, за нихъ можно все имѣть. Изъ сего происходитъ понятіе *богатства*, состоящаго въ имѣніи денегъ, или чего либо такого, что удобно и вѣрно на деньги промѣнять можно.

Но по общему понятію, одно только золото и серебро вообще и во всѣхъ земляхъ почитаемо постояннымъ и вѣрнымъ богатствомъ. По чему жители тѣхъ земель, которыхъ Натура не надѣлила онымъ, были бы должны оставаться всегда въ скудости и нищетѣ, есть-либъ не имѣли какихъ либо способовъ къ пріобрѣтенію сихъ драгоцѣнныхъ металловъ. Сіи способы состоятъ не въ иномъ чемъ, какъ въ такой же связи между народами, какая описана выше сего подъ именемъ *торговли* между людьми живущими въ одной землѣ, но увеличенная такимъ образомъ, обыкновенно, или по крайней мѣрѣ собственно, называется *коммерціею*, или *народною торговлею.* Для сея торговли нужны не только необработанные товары, рукодѣлія и деньги, но и *кораблеплаваніе.* Народы упражнявшіеся въ кораблеплаваніи, посредствомъ сего искусства во всѣ времена обогащались и становились сильными и щастливыми. Они приходили въ такое состояніе вопреки трудностямъ, какія надлежало имъ преодолѣвать въ разсуждени климата, качества земли, или мѣстоположенія. Ибо, хотя бы они съ помощію нѣкоторыхъ выгодъ могли во всемъ или во многомъ удобнѣе и скорѣе успѣть; однакожъ рачительность и прилѣжность часто приводили ихъ въ состояніе превозмогать для достиженія поставленной себѣ цѣли такія трудности, которыя можно бы почесть непреодолимыми: какъ то читатель съ удовольствіемъ увидитъ въ слѣдующей краткой исторіи торговли.

Но

Но прежде, нежели будемъ изслѣдовать сіе при свѣтѣ сообщаемомъ опытами, весьма полезно разсмотрѣть, до чего умъ можетъ довести насъ въ объясненіи сея матеріи. Удобно усмотрѣть, что ничто не могло служить толь превосходнымъ *поощреніемъ прилѣжанію*, какъ изобрѣтеніе торговли. Многоразличныя недостатки, какимъ человѣкъ въ уединенномъ состояніи подверженъ, могутъ болѣе потушать въ немъ бодрость, а не возбуждать его къ прилѣжанію. Но естьли онъ видитъ, что надлежащая рачительность, прилѣжаніе и труды приводятъ его въ состояніе доставать себѣ не только самое необходимо нужное, но и служащее къ удобности въ жизни: отъ сего получаетъ онъ бодрость и живость, которой ничто иное сообщить ему не могло. Воображеніе его также ободряется и оживляется; онъ либо доводитъ извѣстныя уже искусства до высочайшей степени совершенства, либо изобрѣтаетъ новыя. Съ сея стороны торговля есть великой *источникъ* теоретическихъ и практическихъ *наукъ*. Теоретическія науки уважаемы только по тому, что ведутъ къ практическимъ; а сіи были бы весьма маловажны, естьлибъ не было торговли, доставляющей то ободреніе, на которомъ основываются всѣ искусства, даже и самыя тѣ, которыя, кажется, менѣе всѣхъ имѣютъ связи съ нею.

Нужды человѣческія подали поводъ къ промыслу купли и продажи; а сей промыслъ послужилъ вскорѣ ко введенію между людьми сперва *учтивости*, а по томъ *общежитія*. Въ первыя времена всякой былъ *господинъ* и *владѣтель* въ собственномъ своемъ семействѣ; воля его была закономъ для окружавшихъ его; и вѣроятно, что онъ не могъ бы говорить иначе, какъ языкомъ повелительнымъ, естьлибъ *мѣна* не заставляла его имѣть обращенія съ *равными ему*, которые не могли бы разумѣть такого языка. Усмотрѣніе сего произвело надлежащее учрежденіе торговли и истинный духъ купечества. А какъ посредствомъ оныхъ люди пришли въ лучшія обстоятельства, и не только имѣли у себя вещи дорогой цѣны, но и должны были стараться о сохраненіи сихъ вещей: тогда естественно надлежало имъ думать

о *политическихъ установленіяхъ.* Деспотическія правленія могли быть слѣдствіями щастія, случая, или нещастія; но справедливыя, ограниченныя и законныя правленія не могли произойти ни отъ чего инаго, какъ только отъ того, что люди, имѣя *собственность*, старались сохранить собственность сію и наслаждаться ею.

Повиноваться законамъ для проистекающихъ изъ того выгодъ, и стыдиться всякой иной покорности, не происходящей изъ благопристойнаго и умнаго выбора: сіе правило по истинѣ и въ точномъ и собственномъ смыслѣ надлежитъ назвать *свободою*. Такая свобода не только можетъ совершенно соглашена быть съ торговлею, но нѣкоторымъ образомъ и существенно потребна для оной. Можно принудить людей работать, хотя бы они хотѣли того или не хотѣли; можно приневолить ихъ окованныхъ ко греблѣ на галерѣ: но никакимъ насиліемъ не можно принудить къ работѣ и предпріятіямъ, потребнымъ для процвѣтанія торговли. По сей причинѣ увидимъ мы въ слѣдующей главѣ, что въ тѣхъ земляхъ, которыя болѣе всѣхъ прославились торговлею, правленіе было республиканское; или — какъ-то все равно — Государи, для введенія торговли въ своихъ государствахъ и для сохраненія оной, должны были смягчать естественную строгость своего правленія, чтобы ободрить подданныхъ и внушить имъ охоту къ коммерціи.

Хотя сіи выгоды велики, однако находятся еще иныя, которыя по мнѣнію политиковъ превосходятъ всѣ прочія, и сами по себѣ могутъ заставить предпочитать коммерцію всякимъ другимъ выгодамъ, какія получать можно. Превосходная польза сія состоитъ во *власти*, и во власти предпочтительной всякой иной, то есть, во власти, или въ *силѣ независимости*. Кто пользуется *преимуществомъ на морѣ*, тотъ наконецъ получитъ преимущество и *на землѣ*: сіе есть старое, но истинное правило. Нѣтъ ни одного, или по крайней мѣрѣ болѣе одного примѣра тому, чтобъ морская держава совершенно разрушена была войною на сушѣ, не претерпѣвъ сперва урона силы своея на морѣ, или, иными словами

сказать, не лишившись прежде власти своея на морѣ. Изъ сего явно, что естьли свобода, владѣніе, собственности, справедливое правленіе, цвѣтущее состояніе учености, совершенство художествъ и наукъ, публичное великолѣпіе, и изобиліе подданныхъ, купно съ такимъ устройствомъ, которое охраняетъ и защищаетъ ихъ отъ всякихъ нападеній, суть вѣрныя и не подверженныя сомнѣнію блага: то коммерція — и можетъ быть она только одна — доставляетъ сіи блага.

Распространеніе художествъ и *наукъ*, и даже самая *религія*, многимъ обязаны цвѣтущему состоянію купечества. Самыя лучшія изобрѣтенія и дѣла разума и остроумія человѣческаго изъ большихъ торговыхъ городовъ, Тира, Карѳагены, Аѳинъ, Коринѳа, Сиракузъ, Александріи, и многихъ другихъ, весьма скоро перешли къ другимъ народамъ. Христіанство не только въ первыя времена скорѣе распространялось помощію такихъ знатныхъ торговыхъ городовъ и посредствомъ стеченія разныхъ иностранцевъ въ оныхъ; но и въ послѣднихъ столѣтіяхъ торговля не рѣдко доставляла ему входъ въ самыя отдаленныя страны.

Можно сдѣлать возраженіе противъ торговли, которое и дѣлаемо было весьма часто; а именно то: что пространная и цвѣтущая коммерція, при сихъ великихъ выгодахъ и благахъ, сопряжена бываетъ и со многими неудобствами и вредными обстоятельствами, какъ то: съ роскошью, презрѣніемъ добродѣтели, а наконецъ и съ совершеннымъ развращеніемъ нравовъ. Не оспоримо, что самыя лучшія вещи могутъ быть испорчены, а испорчены будучи, становятся самыми худшими. Однако сіе не служитъ доказательствомъ, что самыя лучшія вещи не достойны желанія. *Праздность* и *роскошь* въ самомъ дѣлѣ суть дѣти *изобилія*; а изобиліе раждается отъ торговли. Но весьма бы несправедливо было приписывать *прилѣжанію* и *торговлѣ*, какъ праводѣтельнымъ и невиннымъ *родителямъ*, проступки сея прекрасной ихъ *дочери*. И такъ не торговля можетъ когда либо опасна и вредна быть гражданскому обществу, но пороки въ правленіи портятъ и заражаютъ проистекающія изъ нея вы-

выгоды. По чему должно винить въ томъ людей бывающихъ причиною сихъ пороковъ, а не коммерцію, которая никогда причиною оныхъ быть не можетъ. Самымъ яснѣйшимъ доказательствомъ сему послужитъ то, естьли мы разсудимъ, что коммерція должна бываетъ скоро прійти тамъ въ упадокъ, гдѣ праздность и роскошь усиливаются. Слѣдовательно по мнѣніи ложно и несправедливо, что коммерція находится въ связи съ тѣмъ, съ чѣмъ ей вмѣстѣ быть не возможно.

Равнымъ образомъ не можно сказать о торговлѣ, что она препятствуетъ успѣху земледѣлія. Въ прежнія времена бывали и нынѣ еще находятся такія земли, въ которыхъ отвлекаемы были отъ земледѣлія люди нужные для приведенія его въ совершенство, и по слѣпой жадности къ богатству, занимаемы купечествомъ. Но сіе всегда служитъ доказательствомъ ошибокъ правительства, которому надлежало бы устроивать прилѣжаніе подданныхъ своихъ полезнымъ образомъ. Земледѣліе есть основаніе всея торговли; оно нужнѣе ея; и самое цвѣтущее состояніе торговли никогда не можетъ достаточно замѣнить упадокъ земледѣлія.

ГЛАВА II.

Сокращенная исторія торговли съ самыхъ древнѣйшихъ до нынѣшнихъ временъ.

Самый кратчайшій, удобнѣйшій и пріятнѣйшій путь къ познанію истиннаго существа и истинной важности торговли есть тотъ, чтобъ обозрѣть сокращенную ея исторію. Изъ оной можно усмотрѣть, что у всѣхъ народовъ, упражнявшихся съ ревностію въ торговлѣ и доводившихъ ее до высокой степени совершенства, она всегда сопровождаема была тѣми дѣйствіями, какія приписываемы ей въ предыдущей Главѣ. Сію *исторію торговли* можно раздѣлить на *три періода*, содержащіе въ себѣ *древнія*, *среднія* и *новѣйшія времена*. Въ каждомъ изъ сихъ періодовъ состояніе торговли было совсѣмъ инаково, нежели въ прочихъ: у иныхъ народовъ и въ

иныхъ земляхъ она процвѣтала; иными путями была ведома; иными изобрѣтеніями искусства и трудолюбнаго прилѣжанія, отчастижъ и иными натуральными произведеніями и товарами, оживляема.

Первой періодъ, содержащій въ себѣ исторію древней торговли, простирается съ 1800 или 1900 года по сотвореніи міра не только до Рождества Христова, но и далѣе на 600 или 700 лѣтъ. Въ сіи времена отличались торговлею по большей части Азіатскіе и Африканскіе народы, а именно Финикіане, Арабы, Индійцы, Египтяне и Карѳагенцы; пока наконецъ Греки и Римляне заступили ихъ мѣсто, и нѣсколько столѣтій сряду сохраняли свое преимущество.

Во *второмъ* періодѣ, простирающемся съ половины седьмаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ до конца пятагонадесять столѣтія, Арабы овладѣли не только большою частію Азіи, Египта, и другими Африканскими и Европейскими землями или островами, но купно и самою важнѣйшею торговлею, то есть Индійскою. Когдажъ ихъ владычество начало упадать, Турки и Могольцы присвоили себѣ купно со владѣніями Арабскими и торговыя ихъ выгоды. Въ Южной Европѣ Венеціане и Генуезцы морскою торговлею пріобрѣли много богатства и земель. Но паче всего отличается въ семъ среднемъ періодѣ Германская *Ганза*, торговый союзъ многихъ городовъ какъ въ самой Германіи, такъ и внѣ оной, который около 300 лѣтъ владѣлъ торговлею и морскою силою восточной, сѣверной, отчастижъ и западной Европы, и которому подобнаго въ Исторіи не находится. Изобрѣтеніе *векселей* и морскаго *компаса* также служитъ къ прославленію сего періода.

Новѣйшая исторія, или *третій* періодъ, съ начала шестагонадесять столѣтія даже до нашихъ временъ, равнымъ образомъ представляетъ великія перемѣны. Открытіе Америки и новаго пути въ Ост-Индію около самаго крайняго южнаго мыса Африки, доставило Испанцамъ и Португальцамъ самую богатѣйшую торговлю. Но мало по малу они уступили большую часть выгодъ оной Голландцамъ, Англичанамъ и Французамъ. Сіи три наро-

рода вообще, распространивъ съ весьма щастливымъ успѣхомъ морской торгъ свой по всѣмъ частямъ міра, остались и понынѣ знатнѣйшими въ торговлѣ. Германцы также пріобрѣли въ оной немалую славу, хотя сильный ихъ торговый союзъ разрушился. Вообще Европейцы въ семъ періодѣ вели торговлю какъ съ великою ревностію, такъ и съ умѣніемъ, сообщили ей связь съ установленіемъ ихъ правленій, и старались споспѣшествовать ей посредствомъ банковъ, торговыхъ обществъ, союзовъ и войны.

Періодъ I.

Исторія торговли древнихъ временъ съ 1800 *или* 1900 *года по С. М. до* 640 *года по Р. Х.*

Тщетно изслѣдовано было: „какой народъ *изобрѣлъ* и первой началъ употреблять торговлю?" Ибо не только мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о семъ; но и кажется, что торговля была уже тогда, когда еще не было народовъ, то есть въ первыя шестьнатцать столѣтій по сотвореніи міра. Извѣстно, что тогда еще изобрѣтены были разныя *искусства*, купно съ самыми простыми упражненіями и образами жизни, то есть земледѣліемъ и скотоводствомъ. Умѣли уже тогда *обработывать металлы, прясть, ткать*, и знали другія искусства потребныя къ удовлетворенію житейскимъ нуждамъ, не упоминая объ искусствахъ служащихъ только къ удовольствію. Не всякой упражнялся во всѣхъ искусствахъ, но всѣ имѣли нужду въ произведеніяхъ оныхъ; по чему всякой долженъ былъ вымѣнивать сіи произведенія либо на лишніе съѣстные припасы, либо на произведенія своея работы. Также вѣроятно, что въ сіи первыя времена строено уже было довольно малыхъ *судовъ*, на которыхъ переправлялись чрезъ рѣки и доставляли другъ другу всякія надобныя вещи какъ по рѣкамъ, такъ и по морю, плавая подлѣ береговъ. Однако намъ не нужно долго останавливаться при догадкахъ касательно сихъ временъ, о которыхъ вѣрныхъ извѣстій мы не имѣемъ.

 По-

Послѣ потопа вновь размножившійся родъ человѣческой раздѣлился на народы. Тогда уже люди узнали землю лучше и въ большемъ пространствѣ. Нѣкоторые народы приходили въ весьма плодоносныя страны, гдѣ земля доставляла имъ гораздо болѣе, нежели сколько имъ было нужно. Другимъ напротивъ того попадались безплодныя земли, гдѣ едва можно было получать скудное пропитаніе. У нѣкоторыхъ народовъ первыя изобрѣтенія долго оставались потерянными, по причинѣ удаленности ихъ отъ другихъ народовъ. Напротивъ того другіе умножали сіи изобрѣтенія новыми открытіями, къ какимъ покой и изобиліе, либо бѣдность, отъ которой они избавиться хотѣли, случай и иныя обстоятельства подавали поводъ. Сверьхъ сего, число людей отъ времени до времени увеличивалось, и взаимныя связи ихъ болѣе укрѣплялись: отъ чего торговля получала болѣе и болѣе источниковъ и путей.

Она, равно какъ и всѣ иныя искусства и употребленія жизни въ пользу, безъ сомнѣнія началась въ Азіи, гдѣ произошелъ родъ человѣческой вообще и начались гражданскія общества и народы. По сему Финикіане суть самый древнѣйшій народъ, прославившійся въ Исторіи пространною торговлею и кораблеплаваніемъ. Они происхожденіемъ были Хананиты; а сей многочисленный народъ имѣлъ толикую склонность къ торговлѣ, что у сосѣдственныхъ съ ними Азіатцевъ слово *Хананитъ* означало *купца*. Финикіане обитали въ небольшой, не весьма плодородной и пріятной землѣ; но изобрѣтательностію и прилѣжаніемъ своимъ содѣлались однимъ изъ самыхъ богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ народовъ. Финикія граничила къ сѣверу и востоку съ Сиріею, къ югу съ самымъ Ханааномъ или Палестиною, а къ западу со Средиземнымъ моремъ. Близость моря и удобность гаваней онаго призывали жителей сея земли къ кораблеплаванію; а лѣсъ сосѣдственнаго съ ними Ливана какъ бы самъ предлагалъ имъ себя на строеніе судовъ. Они построили много городовъ, изъ которыхъ Сидонъ и особенно Тиръ были главныя приморскія и торговыя мѣста.

Хо-

Хотя Финикіане не могли вывозить никакихъ произрастеній своея земли, и должны еще были получать пшеницу, деревянное масло, и иныя надобныя вещи, отъ другихъ народовъ; однако они вывозили весьма драгоцѣнные искусственные товары. Особливо выгодно для нихъ было изобрѣтеніе пурпуровой краски. Повѣствуютъ, что поводъ къ оному подала пастушья собака, которая съ голоду разгрызла раковину на морскомъ берегу, и рыло ея выкрасилось вытекшею изъ оной кровью пурпуроваго цвѣта. Вскорѣ по томъ дѣланы были опыты въ крашеніи всякихъ матерій или платья сокомъ сихъ раковинъ, или находящихся въ нихъ рыбъ или улитокъ. Пріуготовленіе сея краски было различное. Нѣкоторые убивали животное, у котораго сей красный сокъ находился въ бѣлой жилѣ, и по томъ выдавливали изъ него оный. Другіе не убивая животнаго, только жали его дотолѣ, пока оно само выпускало изъ себя сокъ. Иные толкли сіе животное вмѣстѣ съ раковиною, варили съ солью, и собирали красильныя части. Отъ сего происходили и различные сорты пурпуровой краски. Былъ сортъ подходившій къ віолетовому цвѣту; другой похожій на нашъ кармазинъ; но уважаемый Древними болѣе прочихъ былъ темнокраснаго цвѣту, какъ запекшаяся или бычачья кровь. Тиряне были искуснѣе всѣхъ въ пріуготовленіи сего послѣдняго. Пурпуровая краска въ древнія времена была столь дорога, что ее цѣнили наравнѣ съ золотомъ; ибо въ улиткахъ находилось только по нѣскольку капель краснаго соку, и надлежало собрать ихъ великое множество, чтобъ выкрасить нѣсколько лотовъ хлопчатой бумаги. По чему только Государи и знатные люди, имѣвшіе высокіе чины, носили пурпуровыя матеріи. Тиряне весьма обогатились отъ сего товара. Въ новѣйшія времена у Англійскихъ и Французскихъ береговъ находили родъ пурпуровыхъ улитокъ. Хотя способъ пріуготовленія сея краски, бывшій въ употребленіи у Тирянъ, утраченъ; однако она замѣняема гораздо лучшею и дешевѣйшею красною краскою, которую дѣлаютъ изъ *кошенили*. Кромѣ сего,

матеріи крашенныя пурпуромъ имѣли сильный и непріятный запахъ.

Другое важное изобрѣтеніе Финикіанъ, приносившее имъ также весьма много прибыли, было *стекло*. Они дѣлали оное изъ мѣлкаго и чистаго песку, заносимаго моремъ въ одну рѣку близь Сидона. Къ изобрѣтенію его подавъ имъ былъ поводъ слѣдующимъ случаемъ: Нѣкоторые купцы пристали въ помянутой рѣкѣ съ судномъ, нагруженнымъ селитрою. Они расположились на берегу ѣсть, и не нашедши каменья, чтобъ подложить подъ котлы, употребили на подставку куски селитры: Селитра загорѣлась, и стопившись съ пескомъ, составила прозрачную жидкость, изъ которой произошло стекло. Въ послѣдствіи примѣшивали къ составу стекла магнитъ, и употребляли въ него пережженые блестящіе камешки, раковины, и другія симъ подобныя вещи; пока наконецъ научились совершенно обработывать стекло, то есть дуть, шлифовать и рѣзать.

Изобрѣтательность Финикіанъ простиралась еще далѣе. Въ Сидонѣ дѣланы были первыя зеркала: не изъ стекла, но изъ разныхъ металловъ, какъ-то и нынѣ еще въ обыкновеніи по большей части въ Азіатскихъ земляхъ. Тонкое Сидонское полотно было въ отличной славѣ. Сверьхъ сего Сидоняне столь искусно дѣлали всякіе деревянные сосуды и игрушки, что въ древнія времена обыкновенно называли такія вещи *Сидонскими*, естьли онѣ хорошо были сдѣланы. Даже изобрѣтеніе *письма* приписываютъ Финикіанамъ; и хотя оно не необходимо нужно для торговли между такими народами, которые сами привозили другъ ко другу свои товары, и по тому могли совсѣмъ раздѣлываться между собою посредствомъ мѣны или денегъ; однакожъ весьма вѣроятно, что тотъ народъ, который прежде и далѣе всѣхъ распространилъ торговлю въ мірѣ, также первой изобрѣлъ и искусство, доставляющее оной толь великое облегченіе. По сей же причинѣ почитали его, можетъ быть и не несправедливо, изобрѣтателемъ *счисленія*, *мѣры*, *вѣса* и *монеты*. Но въ разсужденіи сего надлежитъ сослаться только на древнюю молву; ибо въ самой

мой древней исторіи всѣхъ жившихъ въ одно время съ Финикіанами народовъ, кромѣ Израильтянъ, весьма много неясности.

Снабдѣны будучи толь многими выгодами и искусствами, Финикіане могли и по сухому пути вести весьма пространную торговлю. Но какъ они еще гораздо болѣе распространили оную по морю: то весьма вѣроятно, что и въ кораблеплаваніи имѣли они важный успѣхъ прежде всѣхъ другихъ народовъ. Можно думать, что они первые начали плавать по открытому морю и посредствомъ вѣтра. Корабли, строенные ими, вообще превосходили величиною, удобностію и прочностію всякіе иные. Также, кажется, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что они первые пользовались въ кораблеплаваніи Астрономіею, безъ которой дальнія ихъ морскія путешествія были бы весьма опасны, или и совсѣмъ не возможны. На путешествіяхъ по сухому пути уже испытали они, что знаніе теченія звѣздъ весьма способно къ доставленію вѣрнаго свѣдѣнія о положеніи мѣстъ. Также и на морѣ они располагали ходъ свой по разстоянію каждой земли отъ солнца. Они примѣтили, что нѣкоторыя звѣзды при ясной погодѣ всегда видны были въ той сторонѣ, въ которую солнце никогда не склоняло своего теченія, то есть влѣвѣ, когда они смотрѣли къ востоку. И такъ они пользовались сими звѣздами, показывавшими имъ нѣкоторое положеніе земли, и помощію оныхъ справляли ходъ кораблей своихъ, когда буря сбивала ихъ съ надлежащаго пути. Примѣтнѣе всѣхъ было имъ созвѣздіе, состоящее изъ многихъ звѣздъ, между которыми находится 7 весьма свѣтло блестящихъ и занимающихъ большое пространство. Сіе созвѣздіе являлось всегда въ одинакомъ склоненіи и движеніи: по чему Финикійскіе кормчіе назвали его *наставленіемъ*, или *указаніемъ*. Въ послѣдствіи оно названо по нѣкоторому сходству *медвѣдемъ*. Но какъ сіе созвѣздіе перемѣннымъ распространеніемъ своимъ занимаетъ иногда цѣлую четверть горизонта, и легко можетъ сводить корабельщиковъ съ надлежащаго пути: то они замѣтили другое созвѣздіе, которое хотя не столь свѣ-

 тло

тло сіяетъ, но имѣетъ такой же видъ, какъ первое; а при томъ занимаетъ меньшее пространство и въ положеніи своемъ не столь перемѣнчиво. Для различенія сего созвѣздія съ первымъ, оно названо *малымъ*, а то *большимъ медвѣдемъ*. Три звѣзды, составляющія хвостъ малаго медвѣдя, находятся въ искривленномъ положеніи, и похожи болѣе на собачій, нежели на медвѣжій хвостъ: по чему сія часть малаго медвѣдя названа *песьимъ хвостомъ*. Но паче всего корабельщики устремляли вниманіе свое на послѣднюю звѣзду сего хвоста, которая находясь въ весьма маломъ разстояніи отъ того мѣста, около котораго повидимому все небо обращается, или отъ полюса, имѣетъ почти непримѣтное обращеніе, и по тому видна бываетъ всегда въ одномъ мѣстѣ неба; а по сей причинѣ дано ей названіе *полярной звѣзды*. Послѣ сихъ замѣчаній и открытій кораблеплаваніе стало гораздо удобнѣе, и потребное для онаго знаніе земли основательнѣе.

Финикіане, приведены будучи астрономическими познаніями въ состояніе плавать безопаснѣе по пространному морю, посѣщали отъ времени до времени многіе морскіе берега, и не только торговали на оныхъ, но и заводили *поселенія*, или *колоніи*. Пріобрѣтши сперва мѣста для такихъ поселеній на островахъ Родосѣ и Кипрѣ, они прибыли въ Грецію, гдѣ основали Ѳивы; по томъ въ Африку, гдѣ Карѳагена была самое славнѣйшее и важнѣйшее изъ ихъ поселеній. Также были въ Сициліи и Сардиніи. Они обошли однажды около всея Африки Изъ Средиземнаго моря корабли ихъ проходили въ Океанъ по проливу между Африкою и Испаніею. При выходѣ изъ сего пролива, близъ Испанскаго берега нашли они островъ, весьма удобный для складки ихъ товаровъ. Они построили на ономъ городъ, который назвали *Гадиръ*, т. е. *запертый* или *окруженный дворъ*. Изъ сего города произошелъ Испанской и понынѣ еще толь важный, приморской и торговый городъ *Кадисъ*. Весьма вѣроятно, что Финикіане проходили около Португалліи даже и въ ту часть моря, которая, подъ именемъ Канала, отдѣляетъ Англію отъ Франціи.

Пред-

Предпринимая отъ времени до времени сіи дальнія морскія путешествія, Финикіане содѣлались не только факторами большей части народовъ, извѣстныхъ другъ другу въ самыя древнія времена, но и совершенными властелинами всея важнѣйшей торговли. Они развозили по приморскимъ землямъ великое множество товаровъ, служащихъ къ удовлетворенію необходимымъ нуждамъ, къ удобности и къ великолѣпію или роскоши; а тамъ брали иные товары за весьма дешевую цѣну. Также привозимо было на торги ихъ много другихъ товаровъ, которымъ могли они опредѣлять цѣну, равнымъ образомъ съ великою для себя выгодою; ибо имѣли для промѣна на оные въ изобиліи самыя драгоцѣннѣйшія произведенія самыхъ отдаленнѣйшихъ земель. Они, особливожъ жители Сидона и Тира, имѣли царское богатство; а при томъ посредствомъ многочисленныхъ флотовъ своихъ владѣли всѣми извѣстными морями. Между землями, которыя были главными источниками ихъ обогащенія, Испанія занимаетъ почти первое мѣсто. Они нашли въ ней множество золота и серебра, и доставляя жителямъ тамошнимъ деревянное масло и разныя маловажныя вещи, въ которыхъ сіи имѣли недостатокъ, получали отъ нихъ за оныя толикое множество серебра, что снимали съ якорей своихъ придѣланный къ нимъ для большей тягости свинецъ, и вмѣсто онаго придѣлывали серебро, для котораго не было уже на корабляхъ инаго мѣста. Сверьхъ сего получали они изъ сея земли желѣзо, свинецъ, мѣдь, воскъ, медъ, и другіе товары. Вѣроятно, что Касситеридскіе, или *оловянные* острова, съ которыхъ они вывозили весьма много олова, были острова находящіеся недалеко отъ Англіи, называемые нынѣ Сорлингскими, либо часть самой Англіи. Изъ другихъ странъ, какъ-то Греціи, Африки и многихъ Азіатскихъ земель, Финикіане получали также великое множество различныхъ товаровъ. Въ пророчествахъ Іудейскаго Пророка Іезекіиля (гл. 27) находится исчисленіе сихъ товаровъ, особливожъ тѣхъ, какими Тиряне торговали. Изъ онаго можно усмотрѣть великость ихъ торговли. Въ числѣ оныхъ упоминаемы: Арменскія лошашаа-

шади и лошаки, невольники и мѣдные сосуды съ береговъ Чернаго и Каспійскаго морей; шитыя матеріи, бумажная ткань, безоаръ, драгоцѣнные камни, получаемые отъ Эдомитянъ по Арабскому заливу; пшеница, изюмный медъ, деревянное масло и бальсамъ изъ Израильтянской земли; вино и шерсть изъ Сиріи; шпажныя клинки, кассія, корица и другіе ароматы, также драгоцѣнные камни, золото, велблюды и бараны изъ Арабіи. По семужъ пророчеству можно догадываться, что Тиряне вели Ост-Индійскую торговлю двоякимъ путемъ; а именно, они получали товары изъ Ост-Индіи, какъ-то ароматы, слоновую кость, и пр. отъ жившихъ тамъ народовъ отчасти по Персидскому заливу, отчасти по Арабскому, отчастижъ чрезъ Щастливую Арабію; а потомъ развозили оные въ западныя страны. Короче сказать, Феникіане были искуснѣе и щастливѣе всякаго инаго древняго народа во всѣхъ трехъ главныхъ частяхъ торговли, то есть, въ вывозѣ, привозѣ и переправленіи товаровъ.

Они сохраняли сіи выгоды нѣсколько столѣтій, и посредствомъ многочисленныхъ военныхъ флотовъ своихъ неоднократно бывали страшны. Но наконецъ должны были уступить превосходной силѣ другихъ народовъ: особливо по той причинѣ, что они, какъ кажется, никогда не имѣли всѣ одного Государя, но каждый знатный Феникійской городъ управляемъ былъ особенно своимъ Царемъ. Сидонъ первой подвергся нещастливой участи. Сей богатый торговый городъ въ 3377 году завоеванъ и разоренъ Вавилонскимъ Царемъ Навуходоносоромъ; а въ 3633 году, осажденъ будучи Персидскимъ Царемъ Даріемъ Охомъ, сожженъ собственными своими жителями, которые хотѣли лучше погибнуть со всѣми своими сокровищами, нежели покориться Персамъ. Тиръ хотя также былъ взятъ и разоренъ помянутымъ Царемъ Навуходоносоромъ въ 3406 году по тринатцатилѣтней осадѣ; но жители въ продолженіе осады по большей части выбрались съ богатствомъ своимъ на одинъ сосѣдственный островъ, и оставили Навуходоносору разорить почти пустой только городъ. На семъ островѣ

про-

произошелъ Новый Тиръ, вскоръ сравнявшійся могуществомъ и богатствомъ со старымъ городомъ. Но и сей въ 3652 году завоеванъ и совершенно разоренъ Македонскимъ Царемъ Александромъ. Хотя въ послѣдствіи какъ сей городъ, такъ и Сидонъ, населены были вновь; но никогда не могли уже оправиться. И такъ владычество Финикіанъ въ торговлѣ и на морѣ окончалось за 330 лѣтъ до Рождества Христова; и съ того времени сіе преимущество досталось Грекамъ. При семъ весьма достойно вниманія то, что послѣдняя нещастная участь Сидона и Тира не только задолго была предсказана и обстоятельно назначена Исаіею и другими Божественными Пророками Израильтянскими, но и поставляема наказаніемъ за гордость и высокомѣріе, за роскошь и неумѣренность Финикіанъ, а особливо Тирянъ. Земля, называвшаяся въ древности Финикіею, нынѣ принадлежитъ къ Турецкимъ областямъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ древній Тиръ, находится только нѣсколько развалинъ, между которыми живутъ рыбаки; а на мѣстѣ древняго Сидона небольшой городъ Саидъ, или Сеиде, не имѣющій даже и надежной гавани.

Хананиты, которыхъ земля была смежна съ Финикіею, происходили отъ одного поколѣнія съ Финикійцами. Хотя земля ихъ была гораздо болѣе и плодоноснѣе Финикійской; также хотя и въ торговлѣ они довольно прославились; однако ихъ торговля не могла сравниться съ Финикійскою ни великостію и пространствомъ, ни продолженіемъ. Ханаанъ, названный въ послѣдствіи Палестиною, по имени Филистимлянъ, народа жившаго при Средиземномъ морѣ, простирался вдоль по берегу Средиземнаго моря отъ Сидона до Газы, а къ востоку и югу граничилъ съ Сиріею и Арабіею. Тамъ было множество горъ, которыя стараніемъ жителей покрыты были землею и обработаны такъ хорошо, что могли снабдѣвать и другія земли своими произведеніями. Сіи произведенія состояли особенно въ великомъ множествѣ пшеницы, въ ячменѣ, винѣ, медѣ, деревянномъ маслѣ, разныхъ плодахъ, также въ бальсамѣ, мѣди и желѣзѣ. Сія земля не имѣла недостатка въ морскихъ

гава-

гаваняхъ, изъ которыхъ особенно славны: Акко, названная послѣ Птолемаидою; Іоппе, или Іаффа; Газа, или Майума, какъ самая гавань сего города собственно называлась; и Аскалонъ, изъ котораго въ первой разъ вывезенъ родъ луковицъ, называемыхъ у Римлянъ Afcalonia, а на Французскомъ и на многихъ другихъ Европейскихъ языкахъ *эшалотами*. Хананиты, собственно такъ называвшіеся, вели знатную торговлю; но Филистимляне были народъ болѣе склонный къ войнѣ, хотя къ нимъ же принадлежали, и хотя обитали въ приморской странѣ, весьма удобной для торговли по своему положенію.

Около 2500 году Израильтяне овладѣли обѣтованною имъ Ханаанскою землею: послѣ чего состояніе торговли тамъ весьма перемѣнилось. Со временъ Авраамовыхъ они занимались всегда только скотоводствомъ и землелѣліемъ. Установленіе, введенное Моисеемъ, заставляло ихъ оставаться всегда при семъ образѣ жизни и въ нѣкоторомъ отчужденіи отъ сосѣдственныхъ съ ними языческихъ народовъ. Хотя не было имъ запрещено совершенно всякое сношеніе съ оными, и хотя могли они торговать; но съ такимъ ограниченіемъ, чтобъ не вступали ни въ какой тѣснѣйшій союзъ съ преданными идолопоклонству сосѣдами, также чтобъ не предпринимали дальныхъ путешествій, и чрезъ то не подвергались бы опасности принять иностранные обычаи, либо и касающіяся до религіи мнѣнія. Они могли промѣнивать на другія надобныя вещи или продавать лишніе полевые и садовые плоды, вино и масло, также и лишній скотъ, котораго было у нихъ весьма много. Но въ механическихъ искусствахъ и рукодѣліяхъ они имѣли недостатокъ, такъ что и по сей одной причинѣ торговля ихъ велика быть не могла. Сей недостатокъ простирался иногда весьма далеко. Во время чрезвычайныхъ правителей Израильтянскихъ, называемыхъ обыкновенно *судіями*, нѣкогда изъ сорока тысячь сего народа никто не имѣлъ ни щита ни копья; ибо сами они не дѣлали оружія. Въ царствованіе Саула не было еще во всей ихъ землѣ ни одного кузнеца, и Израильтяне должны были отдавать плу-

плуги, топоры и косы свои точить Филистимлянамъ. Хотя сіе надлежитъ отчасти приписать утѣсненіямъ, какія Израильтяне претерпѣвали иногда въ Ханаанѣ отъ народовъ имѣвшихъ вражду противъ нихъ, которые старались лишить ихъ всѣхъ способовъ къ снабдѣнію себя оружіемъ; однакожъ вообще явно, что Израильтяне долго скудны были рукодѣліями и искусствами.

Но со временъ Давида, около 2929 года, сіе состояніе ихъ весьма перемѣнилось. Основаніе тому положено было знатными побѣдами сего царя надъ Филистимлянами, Эдомитами и Сиріанами, и завоеваніями, простиравшимися даже за Дамаскъ. Въ войскѣ Израильтянъ введено было порядочное установленіе, и они стали знакомѣе съ другими народами. Сверьхъ сего, они жили между торгующими народами, какъ-то Финикіанами, Мидіанитами, и многими другими: по чему только строгость законовъ ихъ и основанное на оныхъ установленіе могли препятствовать имъ ранѣе приняться за торговлю. Наконецъ произошло сіе при правленіи Соломоновомъ, и они начали торговать съ великою ревностію. Давидъ владѣлъ уже двумя приморскими городами, Элотомъ и Гесіон-Гаверомъ, при Арабскомъ заливѣ. Также принадлежали ему и другія гавани на Средиземномъ морѣ. Онъ былъ въ союзѣ съ Тирскимъ Царемъ Хирамомъ, который присылалъ ему кедровой и иной лѣсъ съ Ливана на строеніе, также плотниковъ и каменосѣчцевъ. По симъ обстоятельствамъ, по великому богатству, оставшемуся послѣ Давида, и по слѣдамъ искусствъ, начинавшихъ разцвѣтать въ его царствѣ, вѣроятно, что въ его время подданные его вели знатную торговлю, и можетъ быть на его щетъ. При сынѣ Давидовѣ Соломонѣ, составлено было Финикіанами и Израильтянами торговое общество. Финикіане, весьма превосходившіе Израильтянъ искусствомъ въ кораблеплаваніи, отправлялись съ ними изъ помянутыхъ гаваней въ Офиръ, который вѣроятно былъ часть Африканскаго или Арабскаго морскаго берега. Оттуда чрезъ каждые три года царской корабль возвращался съ драгоцѣннымъ грузомъ, состоявшимъ въ золотѣ, серебрѣ,

драго-

драгоцѣнныхъ камняхъ, слоновой кости, ароматахъ, гебеновомъ деревѣ, въ павлинахъ и другихъ животныхъ. Въ Египтѣ Соломонъ приказывалъ закупать, кромѣ иныхъ товаровъ, множество колесницъ и лошадей, и по томъ продавать оныя съ знатною прибылью сосѣдственнымъ Царямъ. По сему удобно понять причину великаго богатства и великолѣпія, которыми сей Государь толико славенъ.

Но по смерти Соломона сія прибыточная морская торговля вскорѣ пришла въ упадокъ. Царство его было раздѣлено, приведено въ слабость внутренними безпокойствами и войнами, подвержено частымъ нападеніямъ отъ сильныхъ своихъ сосѣдовъ, а наконецъ и совсѣмъ ими покорено. Кажется, что Израильтяне, называемые по небольшой части ихъ Іудеями, вообще не имѣли отличной способности къ кораблеплаванію, и недолговременнымъ успѣхомъ своимъ въ ономъ обязаны помощи Финикіанъ. Въ послѣдующихъ столѣтіяхъ сей народъ снова оправился. Бывши долго подъ чужимъ владѣніемъ, содѣлался онъ паки независимымъ лѣтъ за 150 до Рождества Христова. Около сего времени Хасмонейское поколѣніе, называемое обыкновенно Маккавейскимъ, возстановило древнее учрежденіе Израильтянъ и возобновило ихъ царство. Но хотя они пришли въ цвѣтущее состояніе, вступили въ союзъ съ Римлянами, и завели гавань въ Іоппе; однакожъ не видно, чтобъ торговля ихъ весьма распространилась. Лѣтъ за шестьдесятъ до Рождества Христова они покорены были Римлянами; а чрезъ семьдесятъ лѣтъ по началѣ Христіанства Римляне не только совершенно разрушили Іудейское государство, но и разсѣяли народъ сей по разнымъ частямъ міра.

Гораздо ранѣе Израильтянъ стали извѣстны по торговлѣ народы жившіе въ Арабіи. Положеніе сего Азіатскаго полуострова столь удобно для торговли, что мало земель въ мірѣ подобныхъ ему въ разсужденіи сего. Персидской и Арабской заливы, Черное и Индійское моря окружаютъ его съ трехъ сторонъ. Онъ какъ бы совокупляетъ Азію съ Африкою, и доставляетъ самымъ

отда-

отдаленнѣйшимъ южнымъ Азіатскимъ землямъ удобнѣйшій провозъ товаровъ ихъ въ Европу. Правда, большая часть сего полуострова не весьма плодоносна, особливожъ Пустая и Каменистая Арабія; хотя и въ сей части находятся изрядныя мѣста для пасствы и довольно награждающія работу земледѣльца. Напротивъ того Щастливая Арабія, и въ ней особенно провинція Іеменъ, издревле славилась прекрасными своими плодами и всякими иными произведеніями, хорошимъ климатомъ, и другими преимуществами. Арабія есть отечество кофейнаго дерева. Но сіе дерево стало весьма прибыточнымъ товаромъ уже въ новѣйшіе вѣки. Тамъ росло великое множество хлѣба. Также земля доставляла въ большомъ количествѣ всякіе ароматы и пряныя зелія, а особливо ладанъ, мирры, сабуръ, корицу, кардамонъ, перецъ, многіе благовонные кустарники, бальсамъ, и пр. Въ золотѣ было тамъ великое изобиліе, и находили оное отчасти въ землѣ, отчастижъ въ рѣкахъ. Также много было драгоцѣнныхъ камней: алмазовъ, изумрудовъ, топазовъ, и пр. Весьма прекрасный жемчугъ, кораллы, воскъ и медъ равнымъ образомъ принадлежали къ дарамъ, которыми Натура снабдила Арабію весьма изобильно. Нѣкоторые новѣйшіе писатели думали, что Арабы получали ароматы, доставляемые ими толь многимъ народамъ, не изъ своего отечества, но изъ нынѣшней Ост-Индіи: ибо сія земля съ островами своими и понынѣ еще весьма плодоносна оными; напротивъ того Арабія въ наши времена, и давно уже, мало доставляетъ сихъ товаровъ. Но хотя Арабы имѣли сообщеніе съ Ост-Индіею по морю; однакожъ по самымъ древнѣйшимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что у нихъ были собственные ароматы и пряныя зелія: равно какъ и нынѣ они не имѣютъ недостатка въ оныхъ, хотя Ост-Индійскіе товары сего рода по многоразличности и добротѣ и по другимъ причинамъ предпочитаемы Арабскимъ. Моисей повѣствуетъ, что Исмаильтяне, Арабской народъ, которымъ Іосифъ былъ проданъ, путешествовали въ Египетъ съ верблюдами навьюченными пряными зеліями, бальсамомъ

и миррами, составляя караваны, или купеческія общества, какъ то и нынѣ въ обыкновеніи у Азіатскихъ купцовъ, для безопасности отъ разбойниковъ. По томъ Моисей называетъ Исмаильтянъ Мидіанитами; ибо и они, равно какъ сіи, произошли отъ Авраама. Кромѣ сихъ, были еще въ Арабіи Едомляне, произшедшіе отъ Исава, которые также издревле вели торгъ. Между прочими тамошними торгующими народами въ позднѣйшія времена особенно прославились Сабейцы, жившіе въ Щастливой Арабіи, у которыхъ было много золота и ладану. Арабы не только торговали по сухому пути со многими Азіатскими народами, и часто имѣли у себя торги, на которые сосѣди ихъ привозили товары для промѣна, но они распространили торговлю свою и по морю въ Египетъ, Эѳіопію, Персію, и даже въ Индію. Также имѣли они немало хорошихъ гаваней. Аденъ, при Чермномъ морѣ, современемъ содѣлался самою славнѣйшею изъ оныхъ. Нѣсколько времени служилъ онъ Египтянамъ и Индѣйцамъ общимъ мѣстомъ для складки ихъ товаровъ. Хотя Римляне при Августѣ разорили сей городъ; но вскорѣ построили его снова, и назвавъ *Римскою гаванію* (Portus Romanus), часто посѣщали. Въ первыя столѣтія по Рождествѣ Христовѣ, городъ Мекка содѣлался общимъ торговымъ мѣстомъ для Арабовъ; и вся ихъ торговля въ Щастливую Арабію, въ Индію, и на западъ въ Сирію, ведена была чрезъ него. Хотя жители Мекскіе занимались при томъ только пересылкою, однакожъ получали великой прибытокъ. Въ такомъ состояніи находилась торговля у Арабовъ до начала седьмаго столѣтія. Никогда не бывали они совершенно покорены никакимъ завоевателемъ, и никогда не были обладаемы однимъ Государемъ; но по большей части находились подъ управленіемъ многихъ собственныхъ ихъ Царей и начальниковъ поколѣній. Кажется, что древняя ихъ склонность къ грабительству всегда была великимъ препятствіемъ торговлѣ. Въ послѣднія столѣтія предъ Рождествомъ Христовымъ они наносили разбоями своими опасность даже и кораблеплавателямъ на Чермномъ морѣ. Однако сія склонность свойствен-

ственна была не всему народу, но только нѣкоторой части, а именно поколѣніямъ скитающимся и не имѣющимъ никакого особеннаго образа жизни. Напротивъ того купцы Арабскіе, жившіе въ городахъ, вели дѣла свои съ честностію и вѣрностію.

Индійцы съ весьма древнихъ временъ находились въ торговыхъ связяхъ съ Арабами посредствомъ Индійскаго и Чермнаго морей. Хотя Древніе, особливожъ Греки и Римляне принимали названіе *Индія* въ весьма пространномъ значеніи, и разумѣли иногда подъ нимъ даже Африканскія земли; однакожъ обыкновенно означало оное ту великую землю, которую мы нынѣ *Ост-Индісю* называемъ. Да и сія земля никогда не была имъ вся извѣстна; но они узнали ее нѣсколько уже за три съ половиною столѣтія до Рождества Христова, когда Александръ Великой распространилъ завоеванія свои въ сіи страны. Съ того времени Древніе раздѣляли ее по двумъ большимъ тамошнимъ рѣкамъ, Инду и Гангесу, на Индію по сю сторону и по ту сторону Гангеса. Рѣка Индъ, отъ которой сія земля названіе получила, составляла западную ея границу, отдѣляя ее отъ Персидскаго государства. Сѣверныя горы Имаусъ отдѣляли ее отъ Скиѳіи и Серики. Къ востоку она смежна была, какъ думаютъ, съ Хиною, (а можетъ быть только съ Сіамомъ и съ какимъ либо инымъ сосѣдственнымъ государствомъ). Съ южной стороны оканчивалась Океаномъ. Также извѣстны были Древнимъ нѣкоторые острова Индійскаго моря, близь матерой земли лежащіе. Между оными Тапробане, кажется, былъ тотъ самый, который нынѣ называется Цейлономъ. Древніе писатели упоминаютъ о многихъ народахъ жившихъ въ Индіи. Серы, которые изобрѣли искусство дѣлать шелкъ и шелковыя матеріи изъ пряжи шелковыхъ червей, и по имени которыхъ шелкъ у Древнихъ называемъ былъ Sericum, Индійской ли были народъ, какъ нѣкоторые новѣйшіе писатели думаютъ, или надлежитъ причислять ихъ къ Китайцамъ: сіе еще не рѣшено. Однакожъ весьма вѣроятно, что въ Индіи разводили

 шел-

шелковыхъ червей и собирали шелкъ еще съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.

Индійскіе товары издревле составляли самый важнѣйшій предметъ торговли, и какъ бы главный стволъ оной. Желаніе участвовать въ сокровищахъ Индіи, или Ост-Индіи (какъ мы нынѣ называемъ ее для различія съ Вест-Индіею, или Америкою,) всегда привлекало отвсюду разные народы, и понынѣ еще привлекаетъ въ сію землю. Напротивъ того Индійцы, снабдѣны будучи всѣмъ толь изобильно, рѣдко посѣщали другія земли, и брали у пріѣзжавшихъ къ нимъ иностранцевъ почти однѣ только деньги. Хотя климатъ въ ихъ отечествѣ весьма жаркой, но чистый и бальсамный воздухъ, смѣсь горъ и равнинъ, рѣкъ и морей, и величайшая многоразличность прекрасныхъ растеній дѣлаютъ оное весьма пріятнымъ. Жатва бываетъ тамъ два раза въ году: лѣтомъ и въ началѣ зимы. Почти всѣ плоды ростутъ въ великомъ изобиліи; и между оными находится немало такихъ, которые особенно свойственны тамошнему только климату. Особливо достойно примѣчанія кокосное дерево, ростущее въ сей землѣ въ великомъ множествѣ. Оно доставляетъ Индійцамъ одежду, пищу, жилище, домашніе приборы и всякія орудія. Изъ ядра и воды кокоснаго орѣха дѣлаютъ пищу и питье, особливожъ крѣпкой напитокъ, который дестиллированный называется самымъ лучшимъ *арракомъ*. Листья употребляются на кровли, парусы, корзины и мешлы. Также пишутъ на нихъ иглами изъ бамбу. Внѣшняя шелуха употребляется на одежду, на кисти, и пр. Внутреннюю шелуху жуютъ; также вывариваютъ изъ нея молоко, и выжимаютъ масло. Изъ пня дѣлаются разныя вещи и орудія. Сверьхъ сего, Индія всегда была самымъ плодовитѣйшимъ отечествомъ всѣхъ ароматовъ и пряныхъ зелій, какъ-то корицы, перцу, и толь многихъ другихъ. Золото, серебро, жемчугъ, алмазы и другіе драгоцѣнные камни, слоновая кость, хлопчатая бумага, и великое множество отмѣнныхъ животныхъ, также даютъ сей землѣ преимущество предъ

предъ другими. Тамъ находится много гаваней и бухтъ, доставляющихъ кораблеплаванію всякое пособіе.

Кромѣ сихъ даровъ Натуры, прилѣжаніе жителей издревле снабдѣвало Индію искусственными произведеніями. Къ онымъ особенно принадлежали шелковыя и тканныя съ золотомъ и серебромъ матеріи. Несгарающее полотно тамошнее также было въ великомъ уваженіи. Греки и другіе древніе народы думали, что оно дѣлано было изъ нѣкотораго рода льну. Но въ нынѣшнія времена доказано, что дѣлали его изъ камня выдерживающаго огонь, состоящаго изъ равныхъ волоконъ, который и понынѣ еще называется древнимъ Греческимъ именемъ *асбестъ* или *несгарающій*. Другой камень, называемый Аміантомъ, имѣетъ много сходства съ онымъ, но не такъ твердъ. Изъ сего камня дѣлаемо было то дорогое полотно, которое Древніе предпочитали всякому. Изъ него дѣланы были скатерти, которыя снявъ со стола бросали въ огонь, отъ чего онѣ становились гораздо чище и бѣлѣе, нежели какъ бы вымыты будучи водою. Также обвивали симъ полотномъ тѣла умершихъ царей на сожженіе, чтобъ послѣ можно было удобно различить ихъ пепелъ отъ прочаго. Иностранцы брали у Индійцевъ весьма много всѣхъ сихъ товаровъ. Но сами они не такъ много оныхъ развозили въ чужія земли, и только въ нѣкоторыя сосѣдственныя съ ними страны, иногдажъ по Арабскому и Персидскому заливамъ. По обоимъ симъ морямъ вели они знатную торговлю съ Египтянами, Арабами, Финикіанами и Персами. Особливожъ Финикіане, которые имѣли колоніи и при Персидскомъ заливѣ, вели торговлю свою съ Индійцами, какъ кажется не однимъ морскимъ путемъ. Торговля между Индіею и Персіею ведена была по большей части чрезъ Кандагаръ, который долго служилъ мѣстомъ для складки Индійскихъ товаровъ. Въ другомъ Персидскомъ пограничномъ городѣ, Кабулѣ, торговля Индійскими ароматами и пряными зеліями также находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Со временъ Александра Великаго Индійцы познакомились съ Греками. Однако изъ того не произошло большаго торговаго сообщенія между сими

 дву-

двумя народами. По долговременномъ забвеніи, паки начали посѣщать Индію только изъ Египта, во время правленія Греческихъ Царей Птолемеевъ. Но Римляне, прошедши до Евфрата, и овладѣвъ Египтомъ, вели изъ сея земли и съ Чермнаго моря весьма выгодную торговлю съ Индіею. Они отправляли для оной великіе флоты. При Императорѣ Августѣ, когда сія торговля достигла совершенства, гавань Міосгормосъ при западномъ берегѣ Арабскаго залива служила главнымъ мѣстомъ для складки Индійскихъ, Арабскихъ и Эѳіопскихъ товаровъ, привозимыхъ по сему заливу. Также сіи товары складываемы были въ городѣ Береницѣ, въ той же странѣ Египта. Напротивъ того Коптосъ, при рѣкѣ Нилѣ, былъ главнымъ мѣстомъ для складки всѣхъ сихъ товаровъ, отправляемыхъ оттуда по каналамъ рѣки Нила въ Александрію, а изъ сего города развозимыхъ въ западныя земли. Желѣзо было самый пріятнѣйшій товаръ, какой Римляне могли доставлять Индійцамъ, и за которое получали отъ нихъ золото, драгоцѣнные камни, перецъ, корицу, и другія пряныя зелія. Но въ послѣдствіи вывозъ онаго запрещенъ былъ Римскими Императорами. Симъ путемъ Индійскіе товары доставляемы были въ Европу даже до четвертаго и пятаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ. Около сегожъ времени, въ Батнѣ, городѣ лежавшемъ недалеко отъ Евфрата, бывалъ большой торгъ, на которомъ можно было покупать Индійскіе товары въ изобиліи.

Другіе Азіатскіе народы древняго міра также прославились нѣсколько торговлею. Персы, сосѣды Индійцевъ и Арабовъ, имѣли довольно натуральныхъ произведеній, за которыя могли получать иностранные товары во множествѣ. Но они жили многія столѣтія и даже до временъ Великаго Кира, то есть почти до половины шестаго столѣтія предъ Рождествомъ Христовымъ, въ добровольной бѣдности, или довольствовались тѣмъ, что земля ихъ доставляла имъ безъ дальней помощи прилѣжанія и искусства. Но завоевавъ богатую Лидію, и покоривъ себѣ другіе народы, занимавшіеся торговлею, Персы сами начали заниматься оною. При

Кам-

Камбизѣ, сынѣ Кировомъ, они дѣлали первые опыты въ кораблеплаваніи; но никогда не имѣли въ немъ большаго успѣха, кромѣ нѣкотораго времени весьма мало продолжавшагося: хотя Каспійское и Индійское моря и Персидской заливъ представляли самые выгоднѣйшіе способы къ тому. Не можно за вѣрное сказать, что Персы и тогда уже торговали всѣми произведеніями ихъ земли, какія нынѣ она доставляетъ; однакожъ извѣстно сіе въ разсужденіи большей части сихъ произведеній. Въ числѣ многихъ прекрасныхъ плодовъ ростутъ въ Персіи финики, почитаемые самыми лучшими въ мірѣ; также гранатныя яблоки, померанцы, виноградъ и дыни превосходной доброты. Кромѣ сего, находятся тамъ хлопчатая бумага, гумми, мастика, ладанъ, безоары, многіе драгоцѣнные камни и минералы, и такое множество лѣкарственныхъ товаровъ, какого нѣтъ ни въ какой иной Азіатской землѣ, особливожъ манны, кассіи, Александрійскаго листу, ревеню, и пр. Персидскія лошади почитаемы самыми лучшими во всей Азіи послѣ Арабскихъ. Верблюдовъ находится тамъ великое множество, и шерсть ихъ, или такъ называемые *верблюжьи волосы*, составляли всегда важный предметъ Персидской торговли. Персы начали торговать со временъ Дарія, сына Гистаспесова, или лѣтъ за пятьсотъ до Рождества Христова. Они назвали сего Царя *купцомъ*, по тому, что онъ самъ дѣлалъ великое пособіе торговлѣ. Думаютъ съ нѣкоторою вѣроятностію, что въ послѣдствіи Персидскіе Цари сами участвовали въ торговлѣ: ибо они получали годовую подать съ покоренныхъ ими, или нѣкоторымъ образомъ отъ нихъ зависѣвшихъ народовъ не золотомъ и серебромъ, но пряными зеліями, слоновыми зубами, гебеновымъ деревомъ, и другими товарами; однакожъ собрали безчисленныя сокровища, состоявшія въ золотѣ и серебрѣ. Рукодѣлія Персидскія состояли по большей части въ вещахъ дѣлаемыхъ изъ золота и другихъ металловъ, также въ золотыхъ тканяхъ, въ коврахъ, и подобныхъ симъ товарахъ. Впрочемъ Персы были первой народъ, у котораго учреждены были почты и нарочные гонцы. Посред-

средствомъ оныхъ Цари весьма скоро получали извѣстія изъ всѣхъ провинцій пространнаго ихъ государства. Въ пользу торговли, и вообще въ пользу подданныхъ, сіе учрежденіе не было употребляемо. Но удивительно, что другіе просвѣщенные и умные народы въ древности не заводили у себя онаго съ такимъ намѣреніемъ. По разрушеніи Персидской монархіи Александромъ Великимъ, торговля Персовъ прекратилась, и досталась въ сихъ странахъ Грекамъ.

Вавилоняне начали торговать гораздо прежде Персовъ. Отечество ихъ, при рѣкѣ Евфратѣ, было одна изъ самыхъ пріятнѣйшихъ и плодоноснѣйшихъ земель въ Азіи. Сія великая рѣка, которая соединившись съ Тигромъ, впадаетъ въ Персидской заливъ, доставляла имъ важное пособіе въ судоходствѣ и морской торговлѣ. Они увеличивали еще сію выгоду посредствомъ каналовъ и отводовъ, сдѣланныхъ искусствомъ, для избѣжанія вреда, какой наводненія помянутыхъ рѣкъ могли бы причинять. Вавилоняне принадлежатъ къ самымъ первымъ народамъ, отличившимся механическими художествами и искусною работою. Хотя великолѣпіе главнаго ихъ города Вавилона, и толь многія славныя произведенія искусства, приписываемыя Вавилонянамъ, собственно принадлежатъ ко временамъ втораго ихъ государства, основаннаго за двѣсти лѣтъ до Великаго Кира; однакожъ по крайней мѣрѣ вскорѣ по началѣ перваго ихъ государства они упражнялись во многихъ художествахъ съ хорошимъ успѣхомъ. Кажется, что они весьма давно знали искусство прясть золото и ткать съ нимъ матеріи, также бить оное, и золотить тонкими листочками дерево и другія матеріи; растоплять какъ золото, такъ и другіе металлы, дѣлать изъ нихъ разныя фигуры и изображенія съ Натуры, разныя вещи служащія къ украшенію и сосуды; равнымъ образомъ умѣли дѣлать живопись и рѣзьбу на деревѣ, камняхъ и марморѣ; и наконецъ, красить тканыя матеріи самыми лучщими цвѣтами. Богатое ихъ шитье, съ которымъ никакое иное не могло сравняться, дорогія одежды, великолѣпные ковры и тонкое полотно почти вездѣ были въ

уваженіи и славѣ. Сами они любили пышность болѣе всѣхъ прочихъ Азіатцевъ; по чему и тѣ народы, которые также хотѣли показывать свое богатство и вкусъ свой, старались доставать сіи Вавилонскія рукодѣлія съ великимъ иждивеніемъ. Въ Римѣ платили за Вавилонской коверъ для столовой залы по 800 тысячь сестерціевъ, то есть болѣе 26 тысячь талеровъ. Вавилоняне получали еще и изъ другихъ земель многіе драгоцѣнные товары, и кораблеплаваніе ихъ было толь велико, что они посредствомъ онаго находились въ купеческихъ связяхъ съ большею частію Азіатскихъ народовъ. Киръ нанесъ первой ударъ ихъ торговлѣ завоеваніемъ главнаго ихъ города, находившагося почти въ самомъ средоточіи Азіи. Но какъ сей городъ, такъ и торговля ихъ, сохранили еще нѣсколько величества своего даже до Александра. Но со времянъ сего завоевателя непрестанно приходили они въ большій упадокъ; и наконецъ великой, богатый и пышный Вавилонъ совершенно изчезъ, такъ что не примѣтно и слѣдовъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ.

Въ сіи древнія времена были еще и другіе Азіатскіе народы занимавшіеся торговлею съ великимъ успѣхомъ. Къ такимъ народамъ принадлежатъ жители Малой Азіи; а между сими особенно Фригіане, о Царѣ которыхъ Мидасѣ повѣствуютъ, что все, къ чему онъ ни прикасался, превращалось въ золото, можетъ быть по тому только, что онъ скопилъ великія сокровища посредствомъ рудокопныхъ заводовъ и торговли. Также надлежитъ причислить къ симъ народамъ Троянъ, жившихъ въ Малой Фригіи, которымъ выгодное положеніе земли ихъ при морѣ и изобиліе натуральныхъ произведеній весьма способствовали въ торговлѣ, бывшей источникомъ ихъ богатства и пышности. Наконецъ, извѣстны по торговлѣ Лидяне, которымъ по крайней мѣрѣ Греки приписываютъ искусство тисненія золотой и серебряной монеты, и которые посредствомъ онаго содѣлались однимъ изъ самыхъ богатѣйшихъ народовъ. Но въ послѣдовавшія столѣтія торговля Малой Азіи стала

еще важнѣе, когда заведены были тамъ Греческія поселенія, о которыхъ мы скоро сообщимъ свѣдѣніе.

Африка была первая по Азіи часть міра, въ которой произошли народы и государства. Но кажется, что торговля распространилась въ ней не такъ скоро и далеко, какъ въ Азіи. Однакожъ современемъ и тамъ пришла она въ такоежъ цвѣтущее состояніе. Египтяне, самый древнѣйшій изъ извѣстныхъ тамошнихъ народовъ, обитали въ такой землѣ, которой положеніе было весьма выгодно для торговли. Ибо Египетъ граничилъ съ Азіею; съ восточной стороны имѣлъ Арабской заливъ, а съ сѣверной Средиземное море, доставлявшее удобное сообщеніе съ Европою. Нилъ, протекающій вдоль сея земли, соединялъ при помощи искусства Средиземное море съ Чермнымъ. Также сія рѣка дѣлала Египетъ самою плодоноснѣйшею землею въ мірѣ. Наводнившись отъ многихъ дождей, продолжающихся въ Эѳіопіи по нѣскольку мѣсяцевъ, она всякой годъ затопляла Египетъ съ послѣднихъ дней Іюня до конца Сентября, такъ что поля, покрыты будучи водою, казались небольшимъ моремъ; а въ послѣдующіе мѣсяцы вода мало по малу обратно вступала въ берега. Симъ не только замѣняемъ былъ недостатокъ дождя, котораго въ Египтѣ совсѣмъ не бываетъ; но и сверьхъ того, по стеченіи воды оставался на поляхъ наносный илъ, служившій вмѣсто самаго лучшаго навоза. Тогда надлежало только взрыть землю и смѣшать съ небольшимъ количествомъ песку: послѣ чего можно было засѣвать ее безъ дальнѣйшаго труда, и чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ ожидать самой изобильной жатвы. Многія поля приносили въ одинъ годъ по три и по четыре раза хлѣбъ и садовыя растенія разнаго рода. Но какъ плодоносіе Египта зависѣло отъ разлитія Нила: по сей причинѣ жители тамошніе замѣчали надлежащую степень онаго и всѣ обстоятельства прибыванія и убыванія сея рѣки. Также сдѣлали они великое множество каналовъ, посредствомъ которыхъ проводили воду всюду въ равной мѣрѣ. Искусствомъ сдѣланное озеро, имѣвшее съ Ниломъ сообщеніе посредствомъ канала, равнымъ образомъ служило къ умень-

уменьшенію или къ увеличенію наводненія. Египтяне старались даже соединить каналомъ Средиземное море съ Чермнымъ; но не могли совершить сего предпріятія.

Въ товарахъ Египтяне не имѣли недостатка, равно какъ и въ удобныхъ путяхъ для перевоза оныхъ. Кромѣ неописаннаго изобилія въ хлѣбѣ, которымъ могли они снабдѣвать многія сосѣдственныя земли, были у нихъ многіе иные плоды, ленъ, шерсть, селитра, и особенно самыя полезнѣйшія рукодѣлія. Изъ папирнаго кустарника, или растенія, которое росло въ великомъ множествѣ по берегамъ Нила, дѣлали они первую бумагу. Сія бумага употребляема была для письма дотолѣ, пока пергаментъ и другіе служащіе къ тому матеріалы не вошли въ употребленіе, или не были изобрѣтены. Изъ сегожъ кустарника Египтяне дѣлали парусы, канаты, покрывала, ящички, лодки, и пр. Ковчежецъ, въ которомъ Моисея въ младенчествѣ его положили въ рѣку Нилъ, былъ также папирный. Изъ прекраснаго льну своего Египтяне ткали самое тонкое полотно. Они привели въ большее совершенство искусство дѣлать стекло, изобрѣтенное Сидонянами. Вообще они были столь изобрѣтательны въ искусствахъ и наукахъ, что многія изъ оныхъ отъ нихъ начало получили.

Однако въ самыя древнѣйшія времена Египтяне не весьма ревностно старались пользоваться толь многими выгодами, а особливо многоразличными поводами къ кораблеплаванію. У нихъ было довольно судовъ на рѣкѣ Нилѣ для способствованія торговлѣ въ собственной ихъ землѣ; также нѣсколько на Чермномъ морѣ, для перевоза Арабскихъ и Индійскихъ товаровъ; но на Средиземномъ морѣ весьма мало. Долго не уважали они собственно такъ называемой морской торговли, и могли довольствоваться произведеніями и рукодѣліями своего отечества. Ибо хотя они имѣли недостатокъ въ деревѣ, желѣзѣ и другихъ металлахъ, однакожъ и безъ оныхъ могли построить удивительныя пирамиды свои и другія великія зданія, съ помощію ихъ машинъ, гранита, и пр. Отъ моря долго имѣли они отвращеніе: либо по тому, что жрецы, бывшіе купно ихъ учителями,

уче-

учеными и политиками, почитали за полезное удерживать ихъ отъ мореплаванія посредствомъ религіи, для того, чтобъ введенныя у нихъ правила и обычаи не могли скоро перемѣниться; либо по тому, что они претерпѣли на морѣ грабежъ или другія нещастія, и опасались еще злѣйшихъ приключеній. По сей причинѣ запрещено было всѣмъ иностранцамъ приставать особливо къ берегу Средиземнаго моря. Но во время Псаммитиха, почти за 700 лѣтъ до Рождества Христова, въ первой разъ открыта была торговля по Средиземному морю съ Греками, которые помогли сему Царю овладѣть всѣмъ государствомъ. Сынъ его, Нехо, построилъ знатный флотъ, и по его повелѣнію Финикійские кораблеплаватели обходили съ Чермнаго моря около всея Африки. Кораблеплаваніе Египетское и морская торговля съ Греками, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, современемъ распространялись болѣе и болѣе; но прекратились лѣтъ за пятьсотъ до Рождества Христова, когда Персы овладѣли Египтомъ.

Повѣствуютъ, что еще гораздо прежде помянутаго времени Египетской Царь Сезострисъ имѣлъ флоты на Чермномъ и Средиземномъ моряхъ, состоявшие изъ нѣсколька сотъ кораблей, завоевалъ посредствомъ оныхъ многія мѣста въ самыхъ отдаленнѣйшихъ странахъ Азіи, и присвоилъ себѣ владычество на морѣ. Но въ семъ повѣствованіи, по всѣмъ признакамъ, находится много лишняго; и естьли оно въ разсужденіи главнаго содержанія своего истинно: то сіе предпріятіе надлежитъ причислить къ чрезвычайнымъ дѣламъ Сезострисовымъ, въ которыхъ преемники его не скоро начали ему подражать.

Напротивъ того Карѳагеняне, другой Африканской народъ, происшедшій отъ Азіатцевъ, не только весьма рано начали торговать, и продолжали торговлю нѣсколько столѣтій сряду, но и достигли посредствомъ оной толикой степени богатства и могущества, что долго могли какъ бы спорить съ Римлянами о владѣніи міра. Лѣтъ за девятьсотъ до Рождества Христова нѣсколько Финикіанъ, ушедшихъ изъ Тира, построили Карѳагену почти въ самой срединѣ Африканскаго берега Средиземнаго

го моря, на полуостровѣ далеко вдавшемся въ одинъ заливъ, близь того мѣста, гдѣ нынѣ Тунисъ. Сіе положеніе было весьма способно къ тому, чтобъ сей городъ содѣлался однимъ изъ самыхъ знатнѣйшихъ приморскихъ и торговыхъ городовъ. Безопасная и пространная гавань, плодоносныя, и какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны, далеко простирающіеся берега Африки, близость Италіи, особливожъ Сициліи, и не дальнее разстояніе Азіатскихъ береговъ, доставляли ему множество выгодъ въ торговлѣ. Сверьхъ того основатели Карѳагены и туда переселили духъ торговли, какъ бы наслѣдственный у Финикіанъ. Съ сею склонностію къ купечеству вскорѣ соединился и духъ воинскій. Ибо Карѳагеняне, сперва подвержены будучи нападеніямъ отъ сосѣдственныхъ Африканцевъ, должны были обороняться; а современемъ начали дѣлать завоеванія; и самое желаніе распространить торговлю свою купно съ областію часто заставляло ихъ приниматься за оружіе. Завладѣвъ великою полосою земли въ Африкѣ, вдоль по берегу Средиземнаго моря, и покоривъ себѣ многіе тамошніе народы, они овладѣли островами Сардиніею и Корсикою, большею частію Сициліи; также Балеарскими островами, Майоркою и Миноркою, и немалою частію самой Испаніи. Они покорили себѣ всю западную Испанію, отъ нынѣшняго Кадиса, или древняго Финикійскаго поселенія, называемаго Гадиръ, даже до Пиренейскихъ горъ. Торговля съ сею землею была для нихъ весьма прибыточна; и сверьхъ того получали они безчисленныя сокровища изъ тамошнихъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Купеческіе и военные флоты ихъ были толь многочисленны, что въ древнемъ мірѣ никогда не бывало равныхъ онымъ между Африкою и Европою. Сухопутная сила ихъ могла умножена быть даже до трехъ сотъ тысячь человѣкъ, хотя состояла по большей части изъ наемныхъ солдатъ. Главный ихъ городъ, одинъ изъ самыхъ великолѣпнѣйшихъ и крѣпчайшихъ городовъ, въ послѣднія времена свои имѣлъ около седьми сотъ тысячь жителей. Нѣсколько столѣтій сряду они обладали Средиземнымъ моремъ, и были почти всеобщими факторами,

или

или посредниками въ торговлѣ. Хотя наконецъ, по неоднократной долговременной и упорной войнѣ съ Римлянами, были они преодолѣны; но прежде того приводили самыхъ сихъ побѣдителей на край погибели. Симъ пышнымъ величествомъ Кареагеняне обязаны были купно и торговлѣ своей и храбрости; хотя купеческая склонность къ прибытку, или корыстолюбіе иногда заводило ихъ въ обманчивыя и вредныя предпріятія.

По повелѣнію и предписанію Сената своего, они предпринимали довольно дальнія морскія путешествія, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ распространять какъ торговлю и кораблеплаваніе, такъ и владѣніе свое. Они отправляли мореходцевъ для полученія обстоятельнѣйшаго свѣдѣнія о западныхъ Европейскихъ берегахъ и гаваняхъ, а другихъ для обхода около Африки и для узнанія береговъ Арабскихъ. Сіи мореходцы дѣлали важныя открытія; но извѣстія объ оныхъ по большей части утрачены. За вѣрное, кажется, можно принять то, что Кареагеняне не только доходили до острововъ, называемыхъ нынѣ Канарскими, а у Древнихъ называвшихся *Щастливыми*, но по случаю нашли еще весьма большой необитаемый островъ на Атлантическомъ океанѣ, на многіе дни пути разстояніемъ отъ Гадеса или Кадиса къ западу, куда нѣкоторые корабли ихъ занесены были бурею. Кареагенской Сенатъ хотѣлъ утаить сіе открытіе, и старался, чтобъ сей островъ, который можетъ статься былъ одинъ изъ причисляемыхъ нынѣ къ Американскимъ островамъ, не былъ населенъ, опасаясь, чтобы то не причинило вреда Кареагенѣ. Кареагеняне заводили также поселенія и на отдаленныхъ морскихъ берегахъ. Испанской городъ Картагена былъ одно изъ самыхъ славнѣйшихъ между сими поселеніями. — Вообще изъ всѣхъ учрежденій Кареагенской республики видно, что торговля была душа ея, имѣвшая вліяніе во всѣ важныя предпріятія и въ образъ мыслей тамошнихъ гражданъ. Люди самаго знатнѣйшаго и самаго нижшаго состоянія занимались оною съ одинакою ревностію. Положеніе сего города было гораздо выгоднѣе для торговли, нежели положеніе Тира; а

сверьхъ

сверьхъ того Кареагеняне имѣли гораздо большее свѣдѣніе о разныхъ земляхъ, совершеннѣйшее знаніе мореплаванія, и болѣе военной силы. По чему не удивительно, что они превзошли Финикіанъ въ торговлѣ.

Превосходство ихъ утверждалось на основаніи положенномъ сими ихъ предшественниками. Искусства и рукодѣлія Тирянъ свойственны были и Кареагенянамъ. Особливо умѣли они весьма хорошо выдѣлывать кожи. Имъ приписываютъ изобрѣтеніе искусства дѣлать кордуаны отмѣнной доброты, вывозимые еще и понынѣ изъ Африканской Варваріи. Они весьма искусно дѣлали разныя деревянныя вещи, которыя въ Римѣ покупаемы были дорогою цѣною. Также почитаютъ ихъ изобрѣтателями судовъ съ четырью рядами веслъ; и они первые начали дѣлать канаты для большихъ судовъ изъ нѣкоторой травы. Они приготовляли безчисленное множество всякихъ корабельныхъ снастей. Удобно понять, что они съ великою для себя выгодою вывозили хлѣбъ и многіе изрядные плоды, родившіеся у нихъ въ изобиліи. Кромѣ того, доставляли другимъ народамъ много воску, меду, деревяннаго масла, звѣриныхъ кожъ, и безчисленное множество чужестранныхъ товаровъ. Они привозили съ западныхъ морскихъ береговъ желѣзо, олово, свинецъ и мѣдь, и съ превеликимъ прибыткомъ мѣняли оныя на самые драгоцѣннѣйшіе Азіатскіе товары. Изъ Египта получали они тонкое полотно, бумагу, хлѣбъ, парусину и канаты; съ береговъ Чермнаго моря: ароматы и пряныя зелія, ладанъ, золото, жемчугъ и драгоцѣнные камни; изъ Финикіи: пурпуръ, кармазинъ, богатыя матеріи, великолѣпныя мебели, ковры, и всякія искусственныя произведенія. Карбункулы, или самые прекраснѣйшіе и лучшіе рубины, привозимы къ нимъ были отъ Эеіоплянъ и другихъ народовъ въ такомъ множествѣ, что сіи драгоцѣнные камни названы *Кареагенскими*, или (какъ Греки писали) *Кархедонскими.* Странную торговлю вели они съ однимъ Африканскимъ народомъ, жившимъ въ той землѣ, которая нынѣ извѣстна подъ именемъ Мароккской Имперіи. Кареагеняне выкладывали товары свои на берегъ въ сей

зе-

землѣ, и давши о томъ знать жителямъ посредствомъ курева, уходили. Жители тамошніе, пришедши къ товарамъ, оцѣнивали ихъ, и по сей оцѣнкѣ клали тутъ же другихъ товаровъ, сколько за оные дать хотѣли; а по томъ также уходили. Тогда Карѳагеняне возвращались, и брали сіи товары, либо уносили обратно свои собственные, естьли не довольны были мѣною. Остатокъ самой древнѣйшей простоты въ мѣновомъ торгѣ между народами, не разумѣвшими языка другъ друга!

Но при всемъ великомъ искусствѣ въ торговлѣ и храбрости въ войнѣ, щастливо соединяемыхъ Карѳагенянами, они послужили примѣромъ такого купеческаго народа, который по жадности къ деньгамъ и по властолюбію торяетъ умѣренность въ завоеваніяхъ. Сіе заводило ихъ въ ссоры и войны съ Римлянами, такимъ народомъ, который почти ничѣмъ инымъ, кромѣ войны не занимался, и наконецъ причинило совершенную ихъ погибель. Нещастливымъ окончаніемъ еще второй ихъ войны съ Римлянами, за двѣсти лѣтъ до Рождества Христова, они лишились Испаніи и всѣхъ владѣній своихъ внѣ Африки. Хотя въ послѣдовавшія по томъ пятьдесятъ лѣтъ оправились они посредствомъ дѣятельности своей въ торговлѣ и плодоносія Африканскихъ ихъ земель, но въ третію войну, лѣтъ за полвтораста до Рождества Христова, Карѳагена была совершенно разорена Римлянами. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того сами сіи побѣдители построили недалеко оттуда другой городъ, который также пришелъ въ цвѣтущее состояніе. Но въ седьмомъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, Арабы разорили оный до основанія, такъ что нынѣ едва можно найти нѣкоторые слѣды того мѣста, гдѣ стояла древняя Карѳагена.

Между тѣмъ Греки и Римляне современемъ присвоили себѣ самую важнѣйшую торговлю, вмѣсто Финикіанъ и Карѳагенянъ. Греки суть одинъ изъ тѣхъ древнихъ народовъ, которые болѣе всѣхъ распространились въ мірѣ. Собственное ихъ отечество было въ Малой Азіи, откуда переселились они на нѣкоторые близьлежа-

жащіе острова, а по томъ и на матерую Европейскую землю, которая послѣ названа Греціею, по имени бывшаго у нихъ владѣтеля Грайкоса. Оттуда современемъ не только разсѣлялись по смежнымъ землямъ, но и отправляли отъ себя въ великомъ числѣ поселенцевъ въ Малую Азію, Африку, Нижнюю Италію, Сицилію, и даже въ Галлію, которые основали въ сихъ земляхъ весьма знатные города. Поселившіеся въ Македоніи разрушили наконецъ великую Персидскую Монархію, овладѣли чрезъ то большою частію Азіи, и основали тамъ Греческую Монархію. Равнымъ образомъ и въ Египтѣ, принадлежавшемъ къ ихъ завоеваніямъ, учредили они особенное государство. Народъ, распространившійся толь далеко по всѣмъ извѣстнымъ тогда частямъ міра, симъ самымъ пріобрѣлъ уже великія выгоды въ торговлѣ и кораблеплаваніи. При томъ же Греки были изобрѣтательны, остроумны и любили искусства: по чему надлежало имъ имѣть великой успѣхъ въ купечествѣ.

Греція съ трехъ сторонъ окружена была моремъ, а именно Егейскимъ, Критскимъ, Іоническимъ и Адріатскимъ; естьлижъ причислить къ ней Македонію и Эпиръ, то къ сѣверу граничила съ Иллиріею и Ѳракіею. Она была не въ дальнемъ разстояніи какъ отъ Азіи, такъ и отъ Африки. Хотя земля въ ней была не одинакова, и находилось много дикихъ и гористыхъ мѣстъ; но также были многія весьма плодоносныя мѣста, изрядныя пасствы, марморныя каменоломни, серебряные рудники, и другіе дары Натуры. Она имѣла множество пространныхъ и безопасныхъ гаваней. Самые древніе предки Грековъ въ сей землѣ, по причинѣ удаленія отъ другихъ народовъ, были толь дики и грубы, что жили порознь въ пещерахъ и ущелинахъ, питались дикими плодами, травами и кореньями, а по томъ дубовыми желудями, не зная хлѣба, и не имѣли понятія о пріятностяхъ общежитія. Но когда нравы ихъ умягчились, когда они посредствомъ разныхъ познаній и навыковъ получили нѣкоторое просвѣщеніе и возбуждены были къ дѣятельности, особливожъ, когда научились всякимъ искусствамъ и наукамъ отъ разныхъ иностранцевъ,

 прі-

пріѣзжавшихъ къ нимъ въ небольшомъ числѣ изъ Египта, Финикіи и другихъ земель, и приняли полезные законы и учрежденія: тогда способности духа ихъ скоро развились. Современемъ прославились они остроуміемъ, ученостію и искусствомъ въ обращеніи паче всякаго другаго народа въ древнемъ мірѣ. Сей успѣхъ ихъ примѣтно начался лѣтъ за тысячу до Рождества Христова; а въ послѣдовавшія пять или шесть столѣтій они достигли во всемъ самой вышшей степени. Торговля и кораблеплаваніе принадлежали къ числу многихъ способовъ, которыми они съ толикою удачею старались прославиться. Долго не отваживались они на дальнія морскія путешествія. Первое такое путешествіе было славный походъ Аргонавтовъ изъ Греціи по Черному морю въ Колхиду для пріобрѣтенія золотаго руна (или можетъ быть для овладѣнія какимъ либо извѣстнымъ сокровищемъ), слишкомъ за тысячу двѣсти лѣтъ до Рождества Христова. Сему походу удивлялись тогда, какъ самому опаснѣйшему предпріятію; ибо путешественники отправлялись къ неизвѣстнымъ берегамъ, подвергали себя неизвѣстнымъ подводнымъ камнямъ, климату, морскимъ болѣзнямъ, и прочимъ опасностямъ. Но чрезъ шестьдесятъ лѣтъ по томъ, со времени Троянской войны, Греки болѣе и болѣе привыкали путешествовать по морямъ къ Азіатскимъ и инымъ берегамъ. Продолженіе сообщенія съ иностранцами, вступленіе въ тѣснѣйшія связи съ жителями острововъ Егейскаго моря, разныя перемѣны происшедшія въ ихъ обычаяхъ, и нѣкоторыя изобрѣтенія, споспѣшествовали ихъ кораблеплаванію и морской торговлѣ.

Много было Греческихъ народовъ, небольшихъ государствъ и республикъ, какъ въ самой Греціи, такъ и въ примыкающемся къ ней полуостровѣ, или Пелопоннесѣ. Земли большей части сихъ народовъ имѣли положеніе способное къ кораблеплаванію; но не всѣ они пользовались онымъ для морской торговли. Лакедемоняне, или Спартанцы, прославившіеся отлично предъ другими Греками, а особливо храбростію, обитали въ Пелопоннесѣ въ такой странѣ, которая къ востоку ограни-

чива-

чиваема была Аргольскимъ заливомъ, а къ югу Средиземнымъ моремъ, и имѣла довольно приморскихъ городовъ, гаваней и пристаней. Особливожъ къ тамошнимъ гаванямъ принадлежалъ Эпидавръ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Малвазіи, отъ которой славное Малвазійское вино получило названіе. Спартанцы сооружали большіе военные флоты, и отличались въ морскихъ сраженіяхъ какъ щастіемъ, такъ и храбростію. Но законодатель ихъ Ликургъ запретилъ имъ всякую торговлю; ибо онъ хотѣлъ сдѣлать ихъ только военнымъ народомъ, и опасался, чтобъ пріобрѣтаемое торговлею богатство не послужило къ поврежденію строгихъ нравовъ. По сей причинѣ установилъ онъ, чтобъ ни одинъ изъ Спартанскихъ гражданъ не имѣлъ ничего лишняго предъ другимъ; запретилъ имъ употребленіе золота, серебра и всякихъ художествъ; упражненіе въ земледѣліи и ремеслахъ назначилъ невольникамъ, и не позволилъ имѣть сообщенія съ иностранцами. Намѣреніе его было благородно; ибо онъ хотѣлъ сдѣлать Спартанцевъ непобѣдимыми и добродѣтельными посредствомъ скудости и суроваго образа жизни. Но при томъ онъ положилъ препятствіе многимъ ихъ способностямъ, весьма заслуживавшимъ уваженіе, и охраняя ихъ отъ вредныхъ слѣдствій корыстолюбія, не могъ истребить иныхъ источниковъ развращенія.

Напротивъ того два другіе Греческіе народа, Аѳиняне и Коринѳяне, прославились и обогатились торговлею. Аѳины, находившіяся въ самой Греціи, имѣли три гавани, между которыми Пирей была самая большая, лучшая и болѣе укрѣпленная. Кромѣ сихъ, находились еще иныя гавани въ Аѳинской области. Аѳиняне первые изъ Грековъ начали заниматься торговлею и кораблеплаваніемъ, либо ободрены будучи къ тому выгоднымъ положеніемъ ихъ земли, либо по тому, что Египетскіе поселенцы, приведенные въ Аттику Цекропсомъ, подали имъ поводъ къ сообщенію и торгу съ иностранцами. Въ послѣдствіи, овладѣвъ нѣкоторыми сосѣдственными островами, они получили еще болѣе случаевъ къ тому. Ихъ во всякомъ смыслѣ можно назвать

самымъ знатнѣйшимъ и достойнѣйшимъ примѣчанія между Греческими народами; ибо они отличились не только владычествовавшею у нихъ и весьма удачною склонностію къ торговлѣ и кораблеплаванію, но также остротою, ученостію, всякими искусствами, и благопристойностію въ обращеніи, Земля ихъ сама собою была не весьма плодоносна; но прилѣжаніемъ ихъ сдѣлана плодоносною. Марморныя каменоломни и серебряные рудники, бывшіе у нихъ, не столько заслуживали уваженія, какъ ихъ фабрики, на которыхъ ткали полотно, шерстяныя и шелковыя матеріи. Торговля была у нихъ въ такомъ почтеніи и такъ любима, что почти всякаго состоянія Аѳинянинъ торговалъ. Хотя рѣдкіе изъ свободныхъ гражданъ принимались за ручную работу, оставляя оную невольникамъ; однакожъ сіи невольники содержаны были такъ хорошо, что едва можно было различить ихъ съ гражданами. Господа давали имъ взаемъ деньги на заведеніе торговли, либо позволяли имъ упражняться въ какомъ либо ремеслѣ, и брали только нѣкоторую долю изъ пріобрѣтаемаго ими прибытка. Торговля и кораблеплаваніе Аѳинянъ распространялись по всѣмъ тремъ частямъ міра. Они развозили и чужестранные товары въ другія земли. Судоходство находилось у нихъ въ весьма хорошемъ состояніи. Всякой Аѳинянинъ умѣлъ управлять галерою, или гребнымъ судномъ. Они неоднократно присвоивали себѣ власть на Греческомъ морѣ, и кораблеплаваніе паче всего способствовало имъ къ пріобрѣтенію великихъ богатствъ. Хотя современемъ роскошью и лѣностію они подвергли себя нещастію въ войнѣ и лишенію свободы; ибо сперва покорены были Македонянами, а по томъ Римлянами; также и цвѣтущая торговля ихъ претерпѣла немалый уронъ: однакожъ и послѣ того долго еще сохраняли они знатный остатокъ сея торговли.

Коринѳъ какъ бы раздѣлялъ съ Аѳинами славу и выгоды торговли, и по великолѣпію своему занималъ второе мѣсто между Греческими городами. Онъ находился на Греческомъ истмѣ, между Іоническимъ и Егейскимъ морями; имѣлъ двѣ гавани; и по своему положенію

нію способенъ былъ не только къ торговлѣ, но и ко пріобрѣтенію власти надъ нѣкоторою частію Грековъ. Однакожъ Коринѳяне никогда не имѣли намѣренія пользоваться сею послѣднею выгодою. Они не старались о воинскихъ дѣлахъ и наукахъ; но тѣмъ съ большею ревностію занимались торговлею и кораблеплаваніемъ. Городъ ихъ содѣлался почти всеобщимъ торговымъ мѣстомъ Греціи, и даже всея Европы и Азіи. Всѣ извѣстныя въ Греціи искусства и рукодѣлія процвѣтали въ немъ такъ, что названіе *Коринѳской работы* вообще означало нѣчто отмѣнно хорошее. Особливожъ мѣдныя вещи, дѣланныя тамъ, были превосходной доброты. Коринѳскіе рѣщики, живописцы, и прочіе художники, доставляли торговлѣ пищу и живость своими произведеніями. Въ корабельномъ строеніи Коринѳяне достигли большаго совершенства предъ другими. Имъ приписываютъ изобрѣтеніе судовъ съ тремя рядами веслъ. Сіи преимущества ихъ, бывшія на самой вышшей степени во времена по смерти Александра Великаго, совершенно прекратились лѣтъ за полвтораста до Рождества Христова, когда Римляне разграбили и разорили Коринѳъ. Однакожъ и послѣ того *Коринѳская мѣдь* находилась въ великомъ уваженіи; хотя и не основательно древнее повѣствованіе, что она состояла изъ смѣси золота съ серебромъ и произошла при сожженіи сего города.

На многихъ островахъ, Греками населенныхъ, также ведена была великая торговля. Сіи острова находились отчасти на Егейскомъ, отчастижъ на другихъ ближнихъ моряхъ. Жители тамошніе съ великою пользою занимались доставленіемъ другимъ народамъ множества прекрасныхъ натуральныхъ произведеній. Въ числѣ сихъ произведеній были весьма хорошія вина на островахъ Хіо, Лесбосѣ, и нѣкоторыхъ другихъ; множество хлѣба, меду, смоквъ и иныхъ плодовъ, на островахъ Наксосѣ, Эвбеѣ, Сиросѣ, и многихъ другихъ; желѣзо и магнитъ, на Мелосѣ и Серифосѣ; мѣдь на островахъ Делосѣ (гдѣ былъ самый богатѣйшій торговый городъ на Егейскомъ морѣ, или Архипелагѣ,) и Эгинѣ; самый лучшій марморъ

на островѣ Паросѣ, и печатная или Лемносская земля на Лемносѣ.

Между большими островами, которые населены были Греками и приносили имъ пользу въ торговлѣ, особенно предъ прочими отличалась Сицилія, отдѣляемая отъ Италіи только небольшимъ проливомъ. Она славилась чрезвычайнымъ изобиліемъ хлѣба. Но также было тамъ весьма много и другихъ съѣстныхъ припасовъ, изъ которыхъ особливо вино, медъ и соленая рыба развозимы были во многія мѣста. Главный тамошній городъ, Сиракузы, современемъ содѣлался почти вторыми Аѳинами. Хорошая гавань, пространная торговля и кораблеплаваніе, цвѣтущее состояніе всѣхъ Греческихъ искусствъ и наукъ въ высокой степени, и при томъ любовь къ свободѣ, храбрость и дѣятельность гражданъ, составляли преимущества сего города. Онъ одинъ имѣлъ столько морской силы, что могъ противиться Кароагенскимъ флотамъ. — Другой знатный Греческій островъ былъ Критъ, называемый нынѣ Кандіею, на Средиземномъ морѣ, между Іоническимъ и Егейскимъ морями. Онъ также принадлежалъ къ числу земель самыхъ плодоноснѣйшихъ хлѣбомъ, виномъ, и другими произведеніями, способствовавшими его торговлѣ. Славный Царь и законодатель сего острова, Миносъ, первой изъ Грековъ соорудилъ флотъ, и посредствомъ онаго владѣлъ ближними морями. Ближе къ Азіатскимъ берегамъ находились два важные и многоразличными дарами Натуры изобильные острова, Родосъ и Кипръ. Первой былъ не изъ самыхъ большихъ острововъ; но жители его вели морскую торговлю съ такимъ умѣніемъ, что участвовали въ обладаніи моря: по чему у многихъ народовъ происходившіе въ мореплаваніи споры рѣшены были по Родосскимъ законамъ. Жители Кипрскіе вели прибыточную торговлю особенно мѣдью, виномъ, деревяннымъ масломъ и шерстью. Думаютъ, что первая мѣдь найдена была въ Кипрѣ.

Колоніи, или поселенія, заведенныя Греками во многихъ странахъ матерой земли, также пришли по большей части въ цвѣтущее состояніе посредствомъ вы-

выгодной

годной торговли. Въ Малой Азіи особенно отличились между оными Смирна и Ефезъ, которыхъ удобныя гавани и морская торговля толь славны. Сіи Греки, поселившіеся въ Малой Азіи, заводили даже отъ себя новыя поселенія въ другихъ частяхъ міра. Жители Фокеи, богатаго приморскаго и торговаго города въ Малой Азіи, основали въ Италіи Велію, въ Корсикѣ Алерію, и въ Галліи Массилію, или находящійся и нынѣ еще въ толь цвѣтущемъ состояніи приморской и торговый Французской городъ Марсель, гдѣ купечество и ученость съ самыхъ первыхъ его временъ совокупно процвѣтали.

Греческая торговля весьма уже распространилась и была въ хорошемъ состояніи, какъ великія завоеванія Македонскаго Царя Александра въ Азіи и Африкѣ доставили ей новые успѣхи и совершенное превосходство надъ Финикійскою. Македонія граничила съ Өессаліею и Эпиромъ, а по тому и съ Греціею, въ пространнѣйшемъ значеніи сего названія; съ восточной же и западной стороны оканчивалась Егейскимъ и Адріатскимъ морями. Хотя находились въ ней хорощія гавани, удобныя для морской торговли съ Европейскими и Азіатскими землями; однакожъ ни торговля, ни кораблеплаваніе вообще, никогда не имѣли тамъ большаго успѣха. Богатые золотые рудники и другія прибыточныя горныя произведенія, купно съ завоеваніями, служили Македонскимъ Царямъ, особливожъ Филиппу, отцу Александрову весьма важнымъ споспѣшествованіемъ къ увеличенію ихъ власти; по чему они мало старались о торговлѣ и кораблеплаваніи. Однакожъ и Аѳиняне препятствовали иногда въ оныхъ Македонянамъ. Между тѣмъ Филиппъ покорилъ себѣ Грецію; а сынъ его Александръ, разрушеніемъ сильной Персидской Монархіи, произвелъ самую важнѣйшую перемѣну въ состояніи торговли древняго міра.

Въ то время, когда Александръ сдѣлалъ нападеніе на сію Монархію, то есть лѣтъ за 330 до Рождества Христова, Тиръ въ Финикіи былъ еще столицею торговли и морской силы, а Карѳагенъ покрывалъ купеческими и военными своими флотами южныя моря. Александръ завоевалъ и разорилъ Тиръ; жителей тамошнихъ

 каз-

казнилъ, либо распродалъ въ неволю; и хотя вмѣсто ихъ поселилъ тамъ другихъ, преданныхъ ему, однакожъ сіе величайшее въ древнемъ мірѣ торговое мѣсто и великость Финикіанъ въ торговлѣ навсегда пали. Одни только Карѳагеняне оставались еще Грекамъ соперниками въ торговлѣ и кораблеплаваніи. Но и они претерпѣли отъ Александра весьма чувствительный ударъ. Сей Государь, имѣвшій великіе замыслы, и толь удачно производившій оные въ дѣйство, завоевавъ Египетъ, старался завести въ сей толико удобной для торговли и кораблеплаванія землѣ приморской городъ, который бы могъ быть новою столицею торговли и богатства. Онъ самъ выбралъ для сего мѣсто на берегу Средиземнаго моря, противъ острова Фароса. На семъ мѣстѣ приказалъ онъ построить городъ, назначивъ окружность его, и все, что въ немъ построить надлежало; назвалъ его по своему имени Александріею; сдѣлалъ оный главнымъ городомъ въ Египтѣ, и выгодными обѣщаніями привлекъ туда жителей отвсюду, особливожъ множество Іудеевъ. Сей городъ лежалъ при Средиземномъ морѣ, имѣлъ безопасную гавань, и находился въ близкомъ разстояніи отъ рѣки Нила и отъ Чермнаго моря; по чему вскорѣ вся торговля отъ востока и запада туда обратилась; и Карѳагенянамъ оставалась только нѣкоторая часть оной въ западныхъ земляхъ.

Со времени покоренія Персидской Монархіи и великой части Индіи, Александръ вообще получилъ сильную склонность къ кораблеплаванію. Онъ самъ путешествовалъ по рѣкамъ Гидаспесу и Инду на океанъ, и проводилъ флотъ свой съ океана въ Персидской заливъ, а изъ онаго по рѣкѣ Евфрату даже до Вавилона. Предпріятія его были весьма велики. Онъ приказалъ построить тысячу гребныхъ судовъ, которымъ надлежало стоять въ Вавилонѣ. Онъ хотѣлъ обойти около всея Африки, покорить себѣ Карѳагенянъ и другіе западные народы, а чрезъ то соединить въ государствѣ своемъ торговлю и сокровища главныхъ земель всѣхъ трехъ частей міра. Также хотѣлъ онъ завести широкія и прямыя дороги вдоль по всему сѣверному берегу Африки, или изъ Египта

та даже до нынѣшней Цеуты и Тангера; основать въ государствѣ своемъ множество гаваней, крѣпостей и оружейныхъ хранилищъ; построить нѣсколько новыхъ городовъ въ Европѣ и Азіи, и сдѣлать многія иныя учрежденія, которыя доставили бы Монархіи его какъ твердость, такъ и безпримѣрное величество, естьлибъ жизнь его продолжилась столько, чтобъ онъ могъ совершить оныя.

Хотя Александръ умеръ весьма рано для своея Монархіи, едва только установившейся; однакожъ онъ положилъ такое основаніе совершенству Греческой торговли и кораблеплаванія, на которомъ можно было строить оное нѣсколько столѣтій. Построенный имъ городъ Александрія былъ около семьнатцати столѣтій всеобщимъ торговымъ мѣстомъ, содержавшимъ въ связи восточныя и западныя земли. Птоломеи, или Египетскіе Цари происхожденіемъ изъ Грековъ, весьма много тому способствовали. Александрова Монархія вскорѣ по смерти его разрушилась и раздѣлена была на нѣсколько царствъ. Между прочими, Намѣстникъ Египетской, Птоломей, по прозванію Сотеръ, или *избавитель*, содѣлался Царемъ сея земли. Онъ основалъ столицу свою въ Александріи, и совершилъ въ семъ городѣ начатое Александромъ. Греки, Египтяне и Іудеи пріѣзжали туда по его приглашенію въ великомъ множествѣ. Онъ самъ вывелъ нѣсколько тысячь Іудеевъ изъ Палестины въ Александрію, сперва плѣнниками; а по томъ далъ имъ знатныя привилегіи. На островѣ Фаросѣ, соединенномъ плотиною съ матерою землею, приказалъ онъ построить *подзорную башню*, которая тогда причисляема была къ седьми чудесамъ міра. Сія башня была большое четыреугольное зданіе изъ бѣлаго мармора, въ которомъ на верьху непрестанно содержанъ былъ огонь для безопасности приходящимъ кораблямъ. Сей Государь и сынъ его Птоломей Филаделфъ украсили Александрію великолѣпными зданіями; завели тамъ толико прославившуюся библіотеку, и музеумъ, въ которомъ сія библіотека была поставлена и жили многіе ученые на царскомъ содержаніи. Весьма скоро Александрія содѣлалась столицею торговли и самымъ цвѣ-

цвѣтущимъ обиталищемъ художествъ и наукъ. Кромѣ Египта, Птоломеи покорили себѣ Либію, Кипръ и другіе острова, купно съ нѣкоторыми Азіатскими землями. Птоломей Филаделфъ содержалъ два большіе флота: одинъ на Средиземномъ, а другой на Чермномъ морѣ. Первой изъ сихъ флотовъ былъ многочисленнѣе другаго, и имѣлъ два судна съ тритцатью веслами по обѣимъ сторонамъ, одно съ двацатью веслами, четыре съ четырнатцатью, два съ двѣнатцатью, и такъ далѣе, а при томъ великое множество судовъ съ тремя или четырьмя веслами по обѣимъ сторонамъ. Сіи флоты служили къ защищенію торговли и къ удержанію въ покорности Азіатскихъ приморскихъ провинцій и острововъ. Также для споспѣшествованія торговлѣ Птоломей Филаделфъ строилъ новые города, завелъ новыя гавани, дѣлалъ каналы, и пр. Кажется, что никакой Государь въ древности не старался столько о торговлѣ, какъ онъ. По сей причинѣ онъ и превосходилъ богатствомъ и пышностію всѣхъ Государей своего времени. Пошлины съ вывозимыхъ изъ Александріи и привозимыхъ туда товаровъ приносили ему всякой годъ по нѣскольку миліоновъ; хотя извѣстно, что какъ онъ, такъ и отецъ его, были весьма умѣренны въ налогахъ. Сынъ его Птоломей Эвергетъ, т. е. *благодѣтель*, шелъ еще по его слѣдамъ съ такимъ же щастіемъ. Но его преемники многими неразумными поступками и пороками разстроили благосостояніе государства своего. Оно лишалось не только провинцій своихъ, но и спокойствія и безопасности; иностранцы врывались въ него; и наконецъ за тритцать лѣтъ до Рождества Христова Римляне овладѣли Египтомъ. Однако и при семъ продолжительномъ неустройствѣ Александрія удерживала торговлю свою въ прежнемъ ея величествѣ, съ небольшимъ только ограниченіемъ, и сохраняла оное еще нѣсколько столѣтій. Во время внутреннихъ безпокойствъ и войны въ Египтѣ сей городъ былъ нѣсколько разъ разграбленъ и приводимъ въ запустѣніе; но по причинѣ выгоднаго для торговли положенія, вскорѣ снова оправлялся.

И такъ со временъ Птоломея Филадельфа Греки пользовались Египтомъ въ торговлѣ неизвѣстнымъ дотолѣ образомъ. Между товарами, вывозимыми въ то время оттуда съ великою выгодою, Египетская бумага составляла весьма знатный предметъ. Выше сего было уже сказано, что тростникъ, или то растеніе, изъ котораго ее дѣлали, росло въ великомъ множествѣ по берегамъ Нила. Оно состояло изъ многихъ листьевъ, лежащихъ одинъ на другомъ, которые разнимаемы были иглами. Разнятые листы стлали на мокрую доску такой ширины, какой надлежало быть листу бумаги. Сей первой слой листьевъ намазывали жидкимъ клеемъ, или иловатою Нильскою водою, которую сперва нагрѣвали. По томъ клали на сей клей другой слой папирныхъ листьевъ, и сушили ихъ на солнцѣ. Такимъ образомъ дѣлана была бумага разныхъ сортовъ, хорошая и худая. Всѣ книги въ Александрійской библіотекѣ писаны были на сей папирной бумагѣ. Но какъ сей Египетской товаръ стоилъ дорого иностранцамъ, и какъ можно было надѣяться болѣе прочности отъ выдѣланной кожи какихъ либо животныхъ: то со временемъ начали употреблять оную, особливожъ по заведеніи царской библіотеки въ Пергамѣ, по которой и названа такая кожа *пергаментомъ*, или *Пергамскими письменными матеріалами*. Однакожъ Египетская бумага оставалась еще въ употребленіи, даже нѣсколько столѣтій и послѣ Рождества Христова, пока мало по малу заступили ея мѣсто пергаментъ и бумага дѣланная сперва изъ бумажнаго растенія, а наконецъ изъ полотняныхъ или холстинныхъ лоскутьевъ.

Но самая важнѣйшая торговля сихъ временъ въ Египтѣ, особливожъ въ Александріи, была Индійская. До Александра Великаго обладали сею Финикіане. Посредствомъ двухъ приморскихъ городовъ, Элота, лежавшаго на восточномъ берегу Чермнаго моря, и Ринокуруры, при Средиземномъ морѣ, они сводили вообще Азіатскую торговлю въ Тиръ, и чрезъ то открывали себѣ самые изобильнѣйшіе источники богатства. Александръ не только разорилъ Тиръ, но и завелъ въ Индіи Греческія

посе-

поселенія и города. Птоломей Филадельфъ старался узнать лучше сію землю, открылъ снова торговое сообщеніе между Египтомъ и ею, и для сего возобновилъ каналы отъ рѣки Нила до Чермнаго моря. Также для способствованія сей торговлѣ, онъ построилъ городъ на западномъ берегѣ сего моря, а другой на южномъ, названный Беренице. Наконецъ Міосгормосъ содѣлался общимъ мѣстомъ для складки товаровъ, привозимыхъ изъ восточныхъ земель. Выше сего въ исторіи Индійской торговли описано уже, какимъ путемъ товары отправляемы были оттуда въ Александрію. Понеже отъ Чермнаго моря надлежало провозить оные по степи, гдѣ не было ни воды, ни городовъ, и никакихъ пристанищъ; то помянутый Царь приказалъ сдѣлать каналъ вдоль по большой дорогѣ, провести туда воду изъ рѣки Нила, и по обѣимъ сторонамъ онаго построить домы для путешественниковъ.

Въ другихъ, особливожъ Азіатскихъ государствахъ, происшедшихъ отъ раздѣленія Александровой Монархіи, торговля Грековъ равнымъ образомъ имѣла успѣхъ. Особенно можно сказать сіе о государствѣ Селевкидовъ въ Сиріи и многихъ иныхъ сосѣдственныхъ земляхъ. Селевкъ Никаторъ, или *побѣдитель*, другой изъ полководцевъ служившихъ Александру, основалъ оное; и городъ Антіохія, построенный имъ при рѣкѣ Оронтесѣ, недалеко отъ ея впаденія въ Средиземное море, содѣлался главнымъ городомъ не только сего государства, но и восточныхъ земель вообще. Кромѣ многихъ другихъ городовъ, онъ построилъ еще Селевкію, на западномъ берегѣ рѣки Тигриса, недалеко отъ Вавилона, почти на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ былъ Багдадъ. Въ сей городъ перешла купно съ торговлею и большая часть жителей изъ Вавилона, который отъ того сталъ почти пустъ. Антіохія и Селевкія содѣлались двумя главными торговыми мѣстами, и купно самыми величайщими и богатѣйшими городами въ семъ государствѣ. Селевкъ не упускалъ ничего могущаго споспѣшествовать торговлѣ. Хотя можно было отправлять товары сухимъ путемъ прямо въ Индію, которой часть принадлежала ко владѣніямъ

сего

сего Государя; однакожъ онъ старался способствовать и морской торговлѣ какъ въ сію, такъ и въ другія земли. Въ Понтійскомъ царствѣ, при Эвксинскомъ или Черномъ морѣ, имѣющемъ толь много удобныхъ гаваней, также была ведена знатная торговля. Особливожъ прославился въ ономъ между торговыми городами Трапезунтъ. Вообще Черное море служило къ соединенію Европейской и Азіатской торговли и посредствомъ того, что впадали въ него большія судоходныя рѣки Дунай и Донъ, или, какъ Древніе ихъ называли, Истеръ и Танаисъ. Равнымъ образомъ находится много слѣдовъ прилѣжанія къ торговлѣ у жителей Виѳиніи и другихъ Греческихъ государствъ, бывшихъ въ сей странѣ Азіи.

Но всѣ сіи Греческіе народы, государства и земли, купно съ великими выгодами ихъ торговли, еще прежде Рождества Христова достались мало по малу во владѣніе Римлянамъ. Сей народъ, происшедшій за семь съ половиною столѣтій до помянутой эпохи, долго занимался только войною, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но какъ область его современемъ распространилась, и заключала въ себѣ сперва Италію съ близьлежащими островами, а наконецъ и толь многія иныя земли во всѣхъ трехъ частяхъ міра: тогда и торговля его также распространилась; повсюду распространилось кораблеплаваніе, и заведена была великая морская сила. Положеніе Рима выгодно было для торговли и кораблеплаванія. Рѣка Тибръ недалеко отъ него впадала въ Средиземное море: посредствомъ чего сей городъ имѣлъ удобнѣйшее сообщеніе со многими островами, съ западными и южными провинціями. Италія вообще, собственная столица Римскихъ владѣній, находилась, по крайней мѣрѣ нѣсколько времени, почти въ самой срединѣ оныхъ; и какъ она съ трехъ сторонъ окружена морями, то изъ нея открытъ былъ морской путь почти ко всѣмъ новымъ завоеваніямъ.

Торговля и кораблеплаваніе начались у Римлянъ еще при Царяхъ, подъ управленіемъ которыхъ находились они около двухъ съ половиною столѣтій. Они путешествовали

тогда

тогда по морю вдоль подлѣ Италіанскихъ береговъ, къ островамъ лежащимъ на Средиземномъ морѣ, и даже въ Африку. Четвертый Царь ихъ, Анкъ Марцій, построилъ уже городъ Остію съ гаванію, при устьѣ Тибра, и послалъ туда Римскую колонію. Обыкновеніе посылать такія колоніи заведено было Ромуломъ, основателемъ Рима. Онъ переводилъ немалое число побѣжденныхъ непріятелей въ Римъ, а въ ихъ города отправлялъ Римлянъ, которые называемы были Coloni, населеннаяжъ ими земля Colonia. Симъ способомъ число жителей въ Римѣ скоро весьма увеличилось. Также посредствомъ онаго сей городъ освобождаемъ былъ отъ многихъ бѣдныхъ, праздныхъ, или безпокойныхъ гражданъ, которые снабдѣны будучи потребными имъ выгодами, служили къ удержанію завоеванныхъ земель въ подданствѣ, также споспѣшествовали населенію оныхъ и торговлѣ съ ихъ отечествомъ. Какъ скоро Римляне избавились отъ царской власти, и установили у себя республиканское правленіе, въ которомъ всякой гражданинъ имѣлъ нѣкоторое участіе, они заключили мореходный и торговый договоръ съ Карѳагенянами. Въ семъ договорѣ положено было Римлянамъ не проходить безъ самой крайней нужды далѣе мыса, находящагося при Карѳагенѣ; а Карѳагенянамъ не брать съ Римскихъ купцовъ никакихъ пошлинъ, кромѣ обыкновенной платы провозвѣстнику и писцу. Кромѣ сего заключаемы были между сими двумя народами и другіе подобные договоры. Однакожъ кораблеплаваніе у Римлянъ пришло въ упадокъ, и не прежде было возстановлено, какъ уже со времени войны, которую вели они съ Карѳагенянами за Сицилію, лѣтъ за 250 до Рождества Христова. Тогда не было у нихъ ни большихъ кораблей, ни корабельныхъ мастеровъ. Но по щастію овладѣли они Карѳагенскимъ судномъ съ пятью рядами веселъ. Они построили по сему образцу другія суда, съ такою удачею, что вскорѣ по томъ разбили Карѳагенской флотъ, хотя на ономъ находились самые искусные мореходцы. Съ того времени морская сила Римлянъ непрестанно возрастала. Они истребили мало по малу Карѳагенскую морскую силу и военные флоты

дру-

другихъ націй, и одерживали побѣды какъ на Средиземномъ морѣ, такъ и на океанѣ. Флоты ихъ служили отчасти для завоеваній, отчастижъ для защищенія торговли, которая неоднократно подавала имъ причину къ войнѣ.

Но самаго вышшаго совершенства достигла Римская морская сила за тритцать лѣтъ до начала Христіанскаго лѣтосчисленія, когда Октавій, названный послѣ Августомъ, овладѣлъ Римскою республикою. Съ того времени всегда находились на морѣ четыре Римскіе флота. Два многочисленнѣйшіе, изъ которыхъ каждый имѣлъ по 250 судовъ, какъ бы охраняли Италію съ обѣихъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ стоялъ въ Мизенскомъ заливѣ, недалеко отъ Капуи и Неаполя, а другой въ Равеннѣ. Три флота плавали по рѣкамъ Рейну, Дунаю и Евфрату. Кромѣ сихъ содержаны были еще небольшіе флоты. Мореходцы у Римлянъ имѣли многія привилегіи и выгоды. Между прочимъ они освобождены были отъ всякой подати, которую всѣмъ купцамъ безъ исключенія платить надлежало, какъ то можно видѣть изъ Императорскихъ законовъ, изданныхъ уже въ концѣ четвертаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ. Однакожъ находились и такіе мореходцы, которые за полученныя ими земли обязаны были служить только государству и не наниматься къ купцамъ. Морской торговый уставъ занятъ былъ Римлянами у Родосцевъ, о которыхъ упомянуто уже выше сего. Императоры подтвердили оный законами, оставшимися еще и понынѣ. Въ исторіи второй Пунической войны упоминается объ учрежденіи подобномъ нынѣшней ассекураціи, или застрахованію кораблей, въ пользу морской торговли. Въ позднѣйшія времена Императоръ Клавдій принялъ оное на себя, или обѣщалъ платить за убытки, претерпѣваемые купеческими кораблями отъ бурь.

Однако не можно сказать, чтобъ торговля когда либо находилась у Римлянъ въ такомъ всеобщемъ и великомъ уваженіи, какъ у Карѳагенянъ. Они вели толь многія войны, не для распространенія торговли, какъ сей народъ, но паче для увеличенія своего владѣнія и

дохо-

доходовЪ. Также извѣстно, что только негоціанты, или купцы торговавшіе оптомЪ и большимЪ количествомЪ товаровЪ, находились у РимлянЪ вЪ нѣкоторомЪ почтеніи. НапротивЪ того мѣлкіе торговщики, которые, покупая у сихЪ купцовЪ по нѣскольку товаровЪ, продавали оные порознь, были вЪ презрѣніи, по тому, что имЪ, какЪ говоритЪ ЦицеронЪ, надлежало много лгать для полученія прибытка. Сей же великой РимлянинЪ говоритЪ при томЪ: „Не возможно ни сЪ ка„кой стороны порочить большой торговли, собирающей „многіе товары изЪ разныхЪ странЪ, и раздѣляющей „оные честнымЪ образомЪ во многія руки. Но такой „купецЪ по справедливости заслуживаетЪ еще похвалу, „естьли онЪ, довольствуясь нѣкоторымЪ прибыткомЪ, „удаляется изЪ гавани вЪ купленное имЪ село, чтобЪ „жить спокойно: подобно какЪ прежде часто вводилЪ „онЪ корабль свой сЪ моря вЪ гавань.“

По мнѣнію РимлянЪ, Сенатору не прилично было торговать. Также и Рыцарю поставляли то вЪ укоризну, естьли онЪ для торговли долго не былЪ вЪ Римѣ. Находятся Императорскіе законы, запрещающіе ПроконсуламЪ провинцій, СенаторамЪ и РыцарямЪ торговать и употреблять собственные корабли. Однако сіе запрещеніе сдѣлано было для предупрежденія худыхЪ слѣдствій, какія могло бы имѣть необузданное корыстолюбіе такихЪ людей, которые и безЪ того уже были знатны и сильны. ВообщежЪ извѣстно, что у РимлянЪ никакого состоянія люди не пренебрегали совсѣмЪ торговыхЪ промысловЪ, но только упражнялись вЪ оныхЪ весьма различнымЪ образомЪ. Старшій КатонЪ, сей строгой блюститель нравовЪ и почтенный членЪ правительства, покупалЪ невольниковЪ, и обучивЪ ихЪ всякимЪ искусствамЪ, продавалЪ по томЪ сЪ немалымЪ прибыткомЪ. КрассЪ самый богатѣйшій изЪ РимлянЪ, пріобрѣлЪ великое богатство свое по большей части продажею домовЪ, строенныхЪ его Архитекторами, которыхЪ было у него весьма много между невольниками, или тѣмЪ, что позволялЪ симЪ АрхитекторамЪ наниматься кЪ строенію у другихЪ гражданЪ. Многіе Римляне

ляне вели торговлю, отчасти сами, отчастиж давали деньги корабельщикам. Заводимы были многочисленныя *купеческія общества*, содержавшія по нѣскольку кораблей на морѣ для общаго прибышка. Послѣ того, как Римляне завоевали Египет, важность торговли их весьма увеличилась. Сія земля содѣлалась запасным хлѣбным магазином для Рима. Также доставляемы были оттуда в сей город товары восточных земель. Кромѣ Александріи, Римляне особливо часто пріѣзжали в Пелузію, Египетскую гавань на восточной сторонѣ, куда приходили корабли из Сиріи и других Азіатских провинцій. Александрія была тогда самым величайшим торговым мѣстом в мірѣ. Увѣряют, что она уступала в величинѣ одному только Риму, и приносила Римлянам болѣе доходов, нежели весь Египет. Но они умножали еще сіи доходы, получаемые ими от торговли сего города, тѣм, что сами отправлялись на кораблях в Индію. В Августовы времена бывало в гавани Міосгормосѣ на Чермном морѣ вдруг по сту двацати Римских кораблей, готовых к отправленію в Индію. Римляне получали прибышка от сея торговли около ста на сто. Императоры по большей части послѣдовали примѣру Августа, который весьма покровительствовал торговлю и старался ей способствовать. Император Клавдій исправил и распространил гавань Остію, так, что его можно почитать основателем оной. То же сдѣлал Траіян в Анконской гавани, и Антоній Благочестивый во многих иных Италіанских гаванях. Кромѣ сего Императоры сдѣлали много полезных для торговли законов и учрежденій. В четвертом столѣтіи Христіанскаго лѣтосчисленія произошла перемѣна в торговлѣ Римлян от того, что Константин перенес столицу государства в Византію, названную по его имени Константинополем. Ибо послѣ сего Египетская торговля обратилась в сей город.

И так торговля Римлян была в цвѣтущем состояніи и весма прибыточна даже до сих времен. Хотя они никогда не имѣли в ней столько искусства, из-

изобрѣтательности и остроумчаго прилѣжанія, какъ Феникіане, Карѳагеняне и Греки; но какъ въ ихъ рукахъ соединялись товары, искусства и богатство самой лучшей части извѣстнаго тогда міра: то государству и многимъ тысячамъ гражданъ его надлежало имѣть отъ сего весьма великую пользу. Чѣмъ болѣе Римляне обогащались, тѣмъ роскошнѣе и расточительнѣе они становились. Они дошли въ семъ до такой степени, какой примѣра не находится почти нигдѣ въ исторіи другихъ націй. Желаніе отличаться пышнымъ образомъ жизни, произведеніями самыхъ отдаленнѣйшихъ земель, начавшее владычествовать у нихъ еще при республиканскомъ правленіи, безъ сомнѣнія столько же оживляло торговлю, какъ и развращало нравы. Но самымъ симъ развращеніемъ Римлянъ и многихъ изъ Императоровъ ихъ ускорено было и совершенное разрушеніе торговли ихъ, кораблеплаванія, и самаго государства ихъ въ западныхъ земляхъ.

Сія великая перемѣна произведена была Германцами чрезъ четыреста лѣтъ по Рождествѣ Христовѣ. Общимъ именемъ *Германцевъ* называемы были не только жители нынѣшней Германіи, но и многіе народы, обитавшіе около начала Христіанскаго лѣтосчисленія, и нѣсколько столѣтій послѣ того времени, въ разныхъ сѣверныхъ странахъ Европы, въ Нидерландахъ, Швейцаріи, въ нѣкоторой части Польши, и въ другихъ смежныхъ съ сими землягъ, даже до Чернаго моря. Война и звѣриная ловля, небольшое земледѣліе и скотоводство составляли общія ихъ упражненія. Питались они по большей части молокомъ, сыромъ и мясомъ; также варили пиво изъ ячменю и другаго хлѣба. Жили въ шалашахъ, или въ такихъ домахъ, которые были не много лучше шалашей, и не имѣли городовъ, которые можно бы собственно такъ назвать. Звѣриные мѣхи и кожи составляли ихъ одежду. Женщины носили также платье изъ полотна, которое ткать научились отъ Галловъ. Нынѣшняя Германія въ то время была дикая, холодная и худо населенная земля, наполненная превеликими лѣсами и болотами. Отъ природы не была она безплод-

на;

на; но Германцы, имѣли мало потребностей и вели суровый образъ жизни, а по тому не старались лучше пользоваться своею землею. Самое любимѣйшее богатство ихъ состояло только во многочисленныхъ стадахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находились у нихъ соленые источники; но они не уважали слѣдовъ золота и серебра, открываемыхъ оными, и горное дѣло, кромѣ желѣзныхъ рудокопенъ, было имъ мало извѣстно.

Хотя сіи народы мало могли продавать, и самимъ имъ не многое было надобно; однако они вели уже небольшую торговлю съ Римлянами сто лѣтъ спустя по Рождествѣ Христовѣ, и еще гораздо прежде. Римляне, тщетно старавшись завоевать Германію, поселились по берегамъ рѣкъ Рейна и Дуная. Въ сихъ мѣстахъ современемъ произошли изъ небольшихъ ихъ крѣпостей, полевыхъ квартиръ и селеній первые Германскіе города, какъ-то: Colonia Agrippina, Magontiacum, Augusta Trevirorum, Augusta Vindelicorum, Regia Castra, или по нынѣшнему названію оныхъ: Кельнъ, Маинцъ, Триръ, Аугсбургъ, Регенсбургъ, и прочіе. Сіе сосѣдство Римлянъ подало Германцамъ случай узнать драгоцѣнныя ихъ вещи, вино и деньги. Они отдавали Римлянамъ въ промѣнъ или продавали добычу свою, получаемую на войнѣ, или невольниковъ; также весьма любимый Римлянами янтарь, котораго весьма много находилось на морскихъ берегахъ въ нынѣшней Пруссіи, и который Германцы называли стекломъ. Во время Неронова правленія одинъ Римской Рыцарь отправленъ былъ въ сію страну за янтаремъ, и привезъ онаго оттуда тринатцать тысячь фунтовъ. Изъ всѣхъ Германскихъ народовъ одни Гермундуры, обитавшіе въ нынѣшнемъ Мейссенскомъ округѣ даже до Богеміи, торговали не только на берегу Дуная, но и проѣзжали довольно далеко въ Римскую область. Они бывали въ большомъ Римскомъ городѣ, называемомъ Augusta Vindelicorum, гдѣ имъ позволено было ходить даже по домамъ безъ стражи. Искусство письма извѣстно было въ сіе время у Германцевъ, по крайней мѣрѣ знатнымъ людямъ; хотя не было у нихъ наукъ и никакихъ другихъ сочиненій, кромѣ пѣсенъ, въ ко-

которыхъ они прославляли храбрые подвиги своихъ предковъ.

Сіе малое начало торговли и культуры какъ въ знаніяхъ, такъ и во нравахъ, у Германцевъ, съ половины втораго столѣтія прерываемо и останавливаемо было частыми войнами ихъ съ Римлянами, которыхъ властолюбіе подавало имъ причину всего опасаться отъ онаго. Они врывались неоднократно въ Римскія области: что доставляло имъ случай узнавать болѣе искусства, товары, увеселенія и сокровища Римлянъ. Симъ были они побуждаемы болѣе къ новымъ нападеніямъ на Римское государство, котораго слабость тогда была уже очевидна, нежели къ мирной торговлѣ съ онымъ. Съ начала третіяго столѣтія, Алеманны, народъ состоявшій изъ разныхъ урожденцевъ и жившій при верхнемъ Рейнѣ, Франки, при Нижнемъ Рейнѣ, Саксоны, жившіе за сими народами и подлѣ нихъ далѣе къ Сѣверному морю, Готы, обитавшіе при истеченіи рѣки Дуная, и другіе Германскіе народы почти непрестанно обезпокоивали сіе государство набѣгами и грабежами. Саксоны, какъ морскіе разбойники, опустошали даже морскіе берега въ Британніи и Галліи, принадлежавшіе Римлянамъ. Такоежъ опустошеніе производили Готы съ Чернаго моря въ Римской Азіи. Еще во второмъ столѣтіи многіе Германцы приняли Христіанскую религію. Въ третіемъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ они еще въ большемъ числѣ вступали въ Римскую службу, получали знатные чины, и вообще селились въ Римскомъ государствѣ. Однакожъ Германскіе народы вообще всегда оставались самыми опаснѣйшими врагами Римлянамъ. А какъ сіи въ концѣ четвертаго столѣтія пришли въ худое состояніе: то въ началѣ пятаго столѣтія многіе Германскіе народы ворвались въ Западное Римское государство, опустошали его во всемъ его пространствѣ, и наконецъ совсѣмъ разрушивъ оное, основали въ земляхъ его Германскія государства. Сіе происходило мало по малу въ пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ. Нѣкоторыя изъ сихъ государствъ паки разрушились; но государство Франковъ въ нынѣшней Франціи, въ Нидерландахъ, и въ смежной съ ними

ча-

части Германіи, Англосаксоновъ въ Британніи, отчасти жъ и Западныхъ Готовъ въ Испаніи и Португалліи, остались даже понынѣ. Хотя основатели всѣхъ сихъ государствъ, овладѣвъ Римскими землями, установили у себя мирное правленіе и отчасти сами занимались земледѣліемъ; однако торговля претерпѣла отъ сихъ насильственныхъ перемѣнъ великой вредъ и весьма долго не могла оправиться. Склонность къ войнѣ всегда оставалась владычествующею въ Германцахъ, и они часто ей послѣдовали: отъ чего успѣхи ихъ въ торговлѣ были еще медленнѣе.

Періодъ II.

Исторія торговли среднихъ временъ, съ 640 года по Р. Х. до 1500 года.

И такъ въ началѣ седьмаго столѣтія всеобщая торговля находилась въ весьма различномъ отъ прежняго состояніи. Хотя Александрія была еще главнымъ торговымъ мѣстомъ; но великое сообщеніе ея съ Римомъ прекратилось; особливожъ большой торгъ хлѣбомъ, веденный прежде съ сею столицею, перешелъ въ Константинополь. Константинополь сталъ вторымъ по Александріи важнымъ торговымъ городомъ. Хотя съ нѣкотораго времени паки Римскіе Императоры правительствовали въ Римѣ; однакожъ онъ былъ въ толь худомъ состояніи, что торговля его стоила мало уваженія. Верхняя часть Италіи принадлежала Лонгобардамъ; а прочія западныя земли всѣ покорены были Германскими народами.

Вдругъ возстали новые завоеватели въ Азіи, Арабы, послѣ того, какъ единоземецъ ихъ и основатель новой религіи, Магометъ, овладѣлъ ими. Около половины седьмаго столѣтія они отняли у Греческой Имперіи Сирію и Палестину, а въ Африкѣ Египетъ и другія смежныя съ нимъ земли; также разрушили Персидское государство, и завоевали Родосъ и другіе острова. Сначала они вели только войну распалены будучи суевѣрствомъ и ложною ревностію къ религіи; опустошали завоеван-

ныя мѣста; ненавидѣли ученость, и по сей ненависти между прочимъ употребили самую величайшую и лучшую въ древности библіотеку, бывшую въ Александріи, на топленіе публичныхъ бань; равнымъ образомъ и торговлѣ дѣлали великой вредъ. Хотя Магометъ самъ былъ нѣсколько времени купцомъ, и хотя торговля въ городѣ Меккѣ, гдѣ онъ родился, какъ прежде была въ весьма цвѣтущемъ состояніи, такъ и въ то время не совсѣмъ пала; однакожъ при первыхъ Халифахъ (такъ назывались преемники Магометовы въ правленіи) Арабы славились болѣе войною и отважностію въ походахъ. Кораблеплаваніе ихъ также состояло нѣсколько времени по большей части въ морскомъ разбойничествѣ, которымъ они, особливожъ выѣзжая изъ Африки, распространяли опасность по Средиземному морю.

Но чрезъ восемьдесятъ или сто лѣтъ по основаніи сильнаго ихъ государства, или Халифата, то есть въ первой половинѣ осьмаго столѣтія, когда они распространили весьма далеко завоеванія свои во всѣхъ трехъ частяхъ міра, и наконецъ покорили себѣ Испанію и нынѣшнюю Португаллію, склонность ихъ обратилась къ культурѣ нравовъ, къ художествамъ и наукамъ, особливожъ къ торговлѣ: чему сами Халифы способствовали. Александрія находилась въ ихъ власти; отъ чего Константинополь лишился главнаго источника своего торгу и получаемаго прежде оттуда богатства. Напротивъ того Арабы пользовались симъ городомъ. Овладѣвъ Персіею и частію Индіи, простирающеюся до рѣки Гангеса, они распространяли далѣе завоеванія свои въ сей послѣдней землѣ и на сосѣдственныхъ съ нею островахъ; также и на восточномъ берегѣ Африки прошли даже за Софалу; а по тому прекращавшаяся на нѣсколько времени Египетская и Арабская торговля могла получить прежнее свое теченіе. Въ послѣдующія времена они поселились на Малабарскомъ берегѣ, и по согласію съ тамошними владѣльцами, построили городъ Калекутъ. Послѣ того Арабы, отправлявшіеся въ Индію на корабляхъ, приставали только въ сей гавани. По сей причинѣ современемъ Калекутъ содѣлался главнымъ торговымъ мѣ-

стомъ

стомъ въ Индіи. Туда свозимы были изъ Индіи ароматы, аптекарскіе товары, драгоцѣнные камни, шелкъ, золото, серебро, и другіе товары, отправляемые въ Арабію, Персію, Египетъ и многія иныя земли, равно какъ и доставляемые за оные изъ сихъ земель.

Съ другой стороны Арабы посредствомъ завоеваній вдоль по сѣверному берегу Африки весьма щастливо распространили торговлю свою и въ сей части міра. Скоро построили они въ сей странѣ Африки городъ Каиро, первое ихъ тамошнее селеніе, который сталъ весьма многолюденъ, и велъ весьма выгодный торгъ съ землями лежащими далѣе къ срединѣ сея части міра. Потомъ Арабы селились и въ восточной части Африки, начиная отъ мыса Гвардафу, находящагося близь Арабіи, по всему берегу, называемому нынѣ Зангебарскимъ. Богатый торгъ золотомъ, которымъ они тамъ овладѣли, замѣнялъ имъ непріятности сея безплодной земли. Они основали тамъ городъ Магадоксо; и поселившіеся въ ономъ Арабы открыли Софальскую, или Цофальскую, золотую мину. Современемъ заведены были по всему сему берегу многія Арабскія селенія, и нѣкоторые изъ тамошнихъ поселенцевъ переселились на большой островъ Мадагаскаръ.

Между тѣмъ столица Арабскаго государства оставалась еще въ Азіи, гдѣ находилась большая часть его областей и было нѣсколько торговыхъ городовъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Дамаскъ, самый лучшій и богатѣйшій городъ въ Сиріи, славный своими рукодѣліями, въ 634 году достался Арабамъ, а лѣтъ чрезъ 40 по томъ содѣлался главнымъ городомъ ихъ государства. Тамъ начали дѣлать шелковыя матеріи съ цвѣтками (камки), которыхъ искусному тканью весьма удивлялись, и которыя по мѣсту изобрѣтенія ихъ называются на нѣкоторыхъ языкахъ Дамастомъ. Также дѣлали тамъ шпажные и сабельные клинки, ружейные стволы, и другія желѣзныя или стальныя вещи съ золотою или серебряною насѣчкою, славныя по чрезвычайной ихъ твердости. Въ послѣдствіи всякія дѣланныя въ Дамаскѣ стальныя и мѣдныя вещи отправляемы были даже въ Кон-

стантинополь и Египетъ. При случаѣ странствованій въ Мекку, предпріемлемыхъ Магометанами издавна, какъ въ священное мѣсто, гдѣ живали многіе Патріархи, Сирскіе купцы отправлялись туда съ товарами въ провожаніи каравановъ, или великаго числа такихъ странствующихъ, для большей безопасности, и привозили изъ Мекки Арабскіе и Индійскіе товары. Вообще сіи странствованія всегда предпріемлемы были столько же для торговли, какъ и для богомольства. Всякой годъ отправлялся такой караванъ странствующихъ и купцовъ изъ Дамаска, другой изъ Каира, а въ послѣдующія времена третій изъ Константинополя. Даже и послѣ того, какъ Халифы перенесли столицу свою въ Багдадъ, рукодѣлія и торговля въ Дамаскѣ оставались еще нѣсколько столѣтій въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Багдадъ, получившій помянутое преимущество въ Арабскомъ государствѣ около половины осьмаго столѣтія, построенъ былъ въ той странѣ, гдѣ находился древній Вавилонъ. По своему положенію онъ имѣлъ великую удобность какъ для того, чтобъ быть столицею государства, такъ и для торговли и кораблеплаванія. Сей городъ построенъ былъ по обѣ стороны рѣки Тигриса, и восточная часть его соединена была съ западною мостомъ. Великолѣпіе, торговля и ученость соединялись тамъ нѣсколько столѣтій сряду, какъ бы въ средоточіи, собраны будучи изъ всѣхъ Азіатскихъ земель. Ближе къ Персидскому заливу, и за сто лѣтъ прежде Багдада, построенъ былъ городъ Басра, называемый нынѣ Бассорою, или Балсорою. Хотя сей городъ находится на полчаса ѣзды разстояніемъ отъ Евфрата; однакожъ вода проведена въ него изъ сея рѣки посредствомъ глубокаго канала. Также приливъ въ морѣ, находящемся въ осьми миляхъ разстояніемъ отъ города, бываетъ столь высокъ, что во время онаго большіе корабли могутъ проходить до самаго канала. Сіи обстоятельства дѣлаютъ положеніе Басры еще выгоднѣе Багдадскаго для морской торговли: по чему сей городъ и служилъ собственнымъ сборищемъ торговлѣ Арабскаго государства. Въ Бассорѣ складываемы были Индійскіе товары, развозимые отту-

да

да въ Сирію и другія страны. Также и Персидскіе караваны по большей части проходили въ Мекку чрезъ сей городъ, и какъ на семъ, такъ и на обратномъ пути, складывали тамъ много товаровъ. Но самая гавань, изъ которой корабли отправлялись къ близьлежащему острову Ормузу, въ Арабію и въ Индію, была Гомронъ, называемая нынѣ Бендер-Абазы, или *гаванію Великаго Шаха Абазы*. Торгъ сего приморскаго города съ Бассорою и Багдадомъ веденъ былъ посредствомъ большихъ карavановъ, какъ оный и понынѣ еще продолжается.

Съ половины седьмаго столѣтія Арабское государство процвѣтало около трехъ сотъ лѣтъ. Но потомъ властолюбивыми правителями областей и возмущеніями наемныхъ солдатъ приведено въ такую разстройку и такъ раздроблено, что Халифы лишились не только великихъ областей въ Азіи и Африкѣ, но мало по малу почти и всего владѣнія, кромѣ Багдада. Наконецъ, около половины третіягонадесять столѣтія, Могольскіе Татары завоевали и сей городъ, и такимъ образомъ положили конецъ Халифату. Такія важныя перемѣны въ государствѣ часто причиняли великія препятствія торговлѣ. Багдадъ лишился старыхъ своихъ преимуществъ. Но Турки и Могольцы не допустили торговлѣ въ отнятыхъ ими у Арабовъ Азіатскихъ земляхъ прійти въ упадокъ.

Однако въ нѣкоторой части Азіи и въ Африкѣ Арабы сохраняли долѣе власть свою и торговлю. Обстоятельства великаго торговаго города Александріи подвержены были немалой перемѣнѣ. Торгъ его съ Константинополемъ и вообще съ Греческою Имперіею прекратился; ибо Арабы не хотѣли терпѣть онаго. Новопостроенный городъ Каиро причинилъ немалый ущербъ торговлѣ и прежней славѣ Александріи. Но по выгодному для морской торговли положенію она не могла прійти въ совершенный упадокъ; и новыя происшествія способствовали къ возстановленію ея славы. Вскорѣ Египетъ получилъ собственныхъ своихъ Халифовъ, которые хотя зависѣли отъ Великаго Халифа Багдадскаго, однакожъ правительствовали самовластно. Одинъ изъ нихъ, около половины десятаго столѣтія, основалъ не-

далеко отъ рѣки Нила новый городъ, названный Кагира, а по Европейскому выговору Каиро, или Великой Каиръ. Сей городъ вскорѣ содѣлался главнымъ городомъ въ Египтѣ (чѣмъ онъ и понынѣ остался), мѣстомъ пребыванія правителей, и сборищемъ торговли восточныхъ и западныхъ земель. Особливожъ Индійскіе ароматы и пряныя зелія отправляемы были съ Чермнаго моря по рѣкѣ Нилу въ Каиро, а оттуда въ Александрію и другія мѣста находящіяся при Средиземномъ морѣ. Также въ Каирѣ собирался большой караванъ, отправляющійся всякой годъ изъ Африки въ Мекку, и состоящій обыкновенно изъ сорока тысячь человѣкъ и шестидесяти тысячь верблюдовъ: что еще болѣе способствовало къ приведенію сего города въ цвѣтущее состояніе. Собственная гавань его была въ Суецѣ, городѣ находящемся около 23 Нѣмецкихъ миль разстояніемъ отъ Каира. Тамошняя страна моря называется также Суецскимъ заливомъ, и отдѣляется отъ Средиземнаго моря только узкимъ перешейкомъ, простирающимся на 25 миль. Естьлибъ сей перешеекъ былъ прорытъ, и чрезъ то Средиземное море было соединено съ Чермнымъ: сіе доставило бы Египетской торговлѣ неописанную и непрестанную пользу. Ибо въ такомъ случаѣ Индійская торговля оставалась бы навсегда въ рукахъ Египтянъ. По сей причинѣ нѣкоторые Цари Египетскіе еще въ древнѣйшія времена замышляли сіе предпріятіе. Однако трудности, съ какими оно сопряжено, заставили ихъ отложить оное; и для того старались замѣнить сей недостатокъ отчасти посредствомъ каналовъ, проведенныхъ изъ рѣки Нила въ Чермное море, отчастижъ посредствомъ каравановъ, перевозящихъ товары отъ Каира до Суеца.

Наконецъ, съ послѣднихъ лѣтъ вторагонадесять вѣка Египетъ находился подъ управленіемъ совершенно независимыхъ Султановъ. А въ половинѣ третіянадесять столѣтія сіе правленіе разрушено было многочисленною Султанскою гвардіею, состоявшею изъ купленныхъ невольниковъ, называемыхъ по-Арабски Мамликами. Сія гвардія владѣла Египтомъ до начала шестагона-

надесять столѣтія: что Европейцы, выговаривая неправильно помянутое Арабское слово, обыкновенно называютъ правленіемъ Маммелуковъ. Во время онаго произошла новая перемѣна въ Египетской торговлѣ. Прежде, когда Арабы владѣли сею землею, Христіанамъ запрещено было торговать тамъ; но тогда сіе запрещеніе отчасти было отмѣнено. Венеціане и Генуезцы доставляли корабли и всякой запасъ войскамъ Европейскихъ Христіанъ, отправлявшихся въ крестовые походы въ Азію и Африку. Сіе подало имъ случай вести торговлю съ Индіею, сперва чрезъ матерую землю Азіи, а по томъ еще съ большею выгодою чрезъ Египетъ. Египетскіе Султаны, для умноженія тѣмъ своихъ доходовъ, позволили имъ завести главную складку товаровъ ихъ въ Александріи. Такимъ образомъ древняя слава сего города отчасти была возстановлена. Венеціане весьма обогащались симъ торгомъ, пока Португальцы не лишили большей части онаго какъ ихъ, такъ и Александрію, въ концѣ пятагонадесять столѣтія.

Египетскіе Султаны владѣли еще Сиріею; и въ ихъ время тамошняя торговля Азіатцами и Европейцами приведена была также въ цвѣтущее состояніе. Городъ Алеппо, или Галебъ, былъ тамъ главнымъ торговымъ мѣстомъ; а корабли по большей части приставали въ гаваняхъ Триполисѣ и Александреттѣ, или Скандеронѣ. Алеппо, лежащій при судоходной рѣкѣ Сингѣ, или Коваикѣ, впадающей въ Евфратъ, получалъ по сей рѣкѣ всѣ товары, вывозимые изъ Багдада, а Европейскіе изъ помянутыхъ гаваней. Европейцы въ Алеппѣ (который и понынѣ еще остался важнымъ торговымъ городомъ) употребляли *летучую* или *голубиную почту*. Для сего выбирали голубя, который въ Алеппѣ понялся съ голубкою и имѣлъ птенцовъ, и отвозили его въ Александретту. Когда надобно было отправить изъ Александретты въ Алеппо какое либо нужное извѣстіе, напримѣръ о прибытіи корабля: тогда привязывали сему голубю подъ крылья шелковою ниткою свернутое письмо; ноги его обмакивали въ уксусъ, чтобъ онъ не имѣлъ нужды останавливаться на пути для купанья или для питья;

и

и прежде отправленія кормили его досыта. Голубь перелеталъ въ шесть или семь часовъ разстояніе между оными двумя городами, составляющее три дни ѣзды.

Кромѣ натуральныхъ произведеній, собираемыхъ Арабами въ толь многихъ изобильныхъ земляхъ ихъ государства, и получаемыхъ посредствомъ связей ихъ съ сосѣдственными землями, торговля ихъ оживляема была и многими произведеніями искусства отличной доброты, какъ то: золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, шелковыми тканями, тканьемъ ковровъ, стальною и кожаною работою. Также съ осьмаго и девятаго столѣтія начинали они посвящать себя нѣкоторымъ наукамъ съ явнымъ успѣхомъ, особливожъ Ариѳметикѣ и Астрономіи, которыя имѣли немалое вліяніе въ ихъ торговлю и кораблеплаваніе. Нѣкоторые почитали Арабовъ изобрѣтателями компаса, или того употребленія магнита въ кораблеплаваніи, посредствомъ котораго на открытомъ морѣ всегда можно узнать, подъ которою страною неба корабль находится. Хотяжъ въ самомъ дѣлѣ вѣроятнѣе, что сіе изобрѣтеніе сдѣлано въ Италіи, однако извѣстно, что въ четвертомъ столѣтіи у Арабовъ было уже оно весьма употребительно. Кораблеплаваніе ихъ въ первыя времена было маловажно. Суда ихъ строены были худо, и состояли изъ досокъ сплоченныхъ канатами безъ желѣза. Но вскорѣ они завели у себя знатную морскую силу, приступали съ флотами своими къ Константинополю, и подкрѣпляли оными какъ завоеванія свои, такъ и торговлю.

Послѣ того, какъ Арабы мало по малу лишились всѣхъ владѣній своихъ въ Азіи, кромѣ собственнаго ихъ полуострова, а въ половинѣ третіягонадесять столѣтія и Багадъ былъ у нихъ отнятъ, побѣдители ихъ Могольцы и Турки заступили ихъ мѣсто. Оба сіи народа вышли изъ сѣверной Азіи, называемой общимъ неопредѣленнымъ именемъ Великой Татаріи. Могольцы, происхожденіемъ изъ той земли, которая нынѣ называется Мунгаліею, стали извѣстны въ началѣ третіягонадесять столѣтія. Они завоевали подъ предводительствомъ Князя

зя своего Чингис-Хана великую часть Китая, Индіи, Персіи, и другихъ Азіатскихъ земель, а при преемникахъ его и большую часть Азіи. Вскорѣ по томъ великое государство ихъ раздробилось на разные удѣлы и совсѣмъ лишилось своего могущества. Но около половины четвертагонадесять столѣтія, другой ихъ Князь, Тимуръ, называемый обыкновенно Тамерланомъ, возстановилъ оное. Сей Государь снова покорилъ множество Азіатскихъ земель, даже до малой Азіи, и принудилъ какъ Греческаго Императора, такъ и Султановъ Турецкаго и Египетскаго, платить ему дань. Но по смерти его Могольцы лишились сихъ завоеванныхъ земель; и только въ Индіи одинъ изъ потомковъ Тимуровыхъ основалъ государство, извѣстное подъ названіемъ владѣнія Великаго Могола. Хотя Могольцы по большей части прославились не мирными искусствами, но свирѣпыми опустошеніями и разореніями; однакожъ въ спокойныя времена они не пренебрегали торговли. Въ отечествѣ ихъ, и въ сосѣдственныхъ съ нимъ земляхъ, сперва ими покоренныхъ, находилось, кромѣ великаго множества скота, весьма много звѣрей, которыхъ мѣхи дорого были цѣнимы, какъ то: черныхъ лисицъ, горностаевъ, куницъ, соболей, и пр. Ревень, корень Гинсенгъ, весьма уважаемый въ восточныхъ земляхъ, которому приписываютъ чрезвычайную укрѣпляющую силу, мускъ или бизамъ, жидкость, имѣющая весьма крѣпкой запахъ и находящаяся у нѣкотораго звѣрка, также шелкъ и шерсть, равнымъ образомъ принадлежали къ самымъ важнѣйшимъ товарамъ сихъ земель. Къ знатнѣйшимъ областямъ, составлявшимъ столицу Могольскаго государства, кромѣ Мунгаліи, надлежитъ причислить большую и малую Бухарію. Въ Великой Бухаріи городъ Самаркандъ былъ столицею Чингис-Хана и нѣкоторыхъ изъ его преемниковъ. Торговля, художества, и даже ученость, находились тамъ въ цвѣтущемъ состояніи. Ибо Могольскіе владѣльцы хотя имѣли жадность къ завоеваніямъ и часто поступали безчеловѣчно, однако старались завести у своего народа искусство письма, купечество, великолѣпіе и художества. По чему Самаркандъ былъ сборищемъ Индійскихъ, Персидскихъ, Татарскихъ

и

и Китайскихъ купцовъ, привозившихъ туда на продажу самые драгоцѣнные товары. Сей городъ сохранилъ еще и въ новѣйшія времена нѣсколько прежняго своего великолѣпія. Достойный похвалы чиновникъ Чингис-Хана и сына его Октая, Илиджузай, урожденецъ Китайской, особенно способствовалъ ко внушенію симъ Государямъ склонности къ торговлѣ и художествамъ, и самъ писалъ книги, касающіяся до сихъ предметовъ. Бухара, Балкъ, и другіе Бухарскіе города, также прославились торговлею. Еще достойно замѣчанія то, что завоеванія и опустошенія Могольцевъ, простиравшіяся еще въ третіемънадесять столѣтіи даже до Шлезіи и Венгріи, послужили самимъ Европейцамъ къ распространенію какъ знанія земнаго шара, такъ и торговли. А именно, при семъ случаѣ они не только получили свѣдѣніе о землѣ, называемой Великою Татаріею; но также открылся имъ путь въ Индію и Китай, куда Арабы не допускали ихъ проходить по морю, а путь около Африки былъ еще не извѣстенъ. Въ слѣдствіе того многіе Европейцы какъ еще въ третіемънадесять, такъ и въ двухъ послѣдующихъ столѣтіяхъ, ѣздили по сухому пути въ помянутыя Азіатскія страны, отчасти для обращенія тамошнихъ невѣрныхъ народовъ, отчастижъ для узнанія земель и распространенія торговли. Нѣкоторые изъ нихъ издали описанія своихъ путешествій.

Между тѣмъ Греческая Имперія сохраняла еще свою торговлю, хотя въ седьмомъ столѣтіи лишилась знатнѣйшихъ Азіатскихъ и Африканскихъ областей. Константинополь, главный городъ сего государства, куда Константинъ Великой около половины четвертаго столѣтія перенесъ столицу свою, имѣлъ такія удобства для торговли и кораблеплаванія, какихъ не было ни въ какомъ иномъ городѣ въ мірѣ. Онъ лежалъ при самомъ входѣ во всѣ извѣстныя тогда три части міра, на матерой Европейской землѣ, у пролива, чрезъ который въ полчаса можно переѣхать въ Азію. Съ правой стороны имѣлъ онъ Бѣлое море, по которому корабли проходили въ Азію, въ Египетъ и въ прочія Африканскія земли; а съ лѣвой Черное море и Меотійское озеро, по

ко-

которымъ, купно со впадающими въ нихъ многими рѣками, доставляемы были сему городу товары изъ сѣверныхъ странъ. Устроенная самою Натурою гавань онаго, между Чернымъ и Бѣлымъ моремъ, имѣетъ четыре часа ѣзды въ окружности и повсюду безопасное дно для самыхъ большихъ кораблей. Два канала, Дарданельской (или древній Геллеспонтъ) и каналъ Чернаго моря, служатъ какъ бы воротами сему городу: по тому, что сѣверные и южные вѣтры, вѣющіе тамъ попеременно, запираютъ входъ и выходъ оттуда иногда съ южной, иногдажъ съ сѣверной стороны. Константинъ населилъ и украсилъ Константинополь такъ, что сей городъ содѣлался вторымъ Римомъ, а въ разсужденіи морской торговли еще и превзошелъ оный. Послѣдовавшіе Императоры укрѣпили его, особливожъ двойными стѣнами. Справедливо замѣчаютъ, что они посредствомъ сего города могли бы овладѣть всею торговлею восточныхъ земель, естьлибъ умѣли пользоваться всѣми выгодами онаго.

Торговля Греческой, или Восточной Римской Имперіи, отъ которой Западная въ концѣ четвертаго столѣтія была отдѣлена, продолжалась нѣсколько времени съ хорошимъ успѣхомъ. Греція, острова, Египетъ, и многія Азіатскія земли, доставляли морской торговлѣ сего государства почти всѣ возможные товары. Въ половинѣ шестаго столѣтія Императоръ Юстиніанъ присовокупилъ къ прежней торговлѣ государства своего еще весьма прибыточный торгъ шелкомъ. Римляне и прежде получали сей товаръ чрезъ Египетъ изъ Индіи; но въ послѣдствіи принуждены были брать оный у Персовъ. Юстиніанъ началъ войну съ Персами, и вообще не терпя того, что его подданные платили всякой годъ симъ непріятелямъ за шелкъ великія суммы денегъ, вознамѣрился сдѣлать опытъ, получать сей товаръ изъ Индіи чрезъ Эѳіоплянъ. Между тѣмъ, какъ онъ старался объ исполненіи сего намѣренія, два монаха, бывшіе въ Индіи, открыли ему гораздо кратчайшій путь къ полученію множества шелку. А именно, они привезли въ Константинополь сѣмена шелковыхъ червей, положили оныя въ

на-

навозъ, кормили выродившихся червей шелковичными листьями, и показали все потребное въ хожденіи за ними. Императоръ завелъ первыя шелковыя фабрики въ Константинополѣ, Аѳинахъ, Ѳивахъ и Коринѳѣ.

Но сто лѣтъ спустя по смерти Юстиніана, государство его и купно торговля онаго начали примѣтно приходить въ упадокъ. Потеряніемъ Сиріи, Палестины Родоса, Кипра, Египта и другихъ Африканскихъ земель, Греки (имѣвшіе въ Константинополѣ болѣе власти, нежели потомки Римлянъ) лишены были самаго лучшаго и знатнѣйшаго торгу. У нихъ оставались еще Малая Азія, Греція и другія Европейскія области. Торговля Константинопольская хотя была весьма ограничена, однакожъ находилась еще въ хорошемъ состояніи. Константинополь еще во второмъ надесять столѣтіи почитаемъ былъ самымъ великолѣпнѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Не было художниковъ лучше Греческихъ; и многочисленныя ихъ шелковыя фабрики были однѣ только во всей Европѣ, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ, заведенныхъ въ Сициліи и Нижней Италіи переселившимися туда Греческими мастерами уже около половины втораго надесять столѣтія. Но между тѣмъ Императоры и подданные Греческой Имперіи какъ бы старались совокупными силами привести ее къ разрушенію. Церьковные и политическіе раздоры, бунты, войны и перемѣны въ правительствѣ, послѣдовавшія непрестанно однѣ за другими, и при томъ разслабленіе нравовъ, простиравшееся даже до неспособности къ защищенію самого себя, доставили Туркамъ удобность завоевать сперва остатокъ Азіатскихъ земель, а потомъ мало по малу и Европейскія области сего государства. Наконецъ, около половины пятагонадесять столѣтія, они овладѣли самымъ Константинополемъ; и Греческая торговля, задолго еще предъ тѣмъ весьма ослабѣвшая, тогда совсѣмъ лишилась свободы.

Такимъ образомъ въ восточныхъ земляхъ разные народы воинскими предпріятіями и опустошеніями причиняли препятствія торговлѣ, либо и совсѣмъ ее прекращали. Напротивъ того въ западныхъ Европейскихъ зем-

земляхъ она имѣла у нѣкоторыхъ народовъ лучшіе успѣхи, особливожъ съ седьмаго до шестагонадесять столѣтія у Германцевъ и Италіанцевъ. Въ началѣ сего времени Германская торговля была еще весьма невелика. Сильное государство Франковъ, заключавшее въ себѣ нынѣшнюю Францію, Нидерланды, Швейцарію, и часть нынѣшней Германіи, простирающуюся отъ Рейна до Дуная, Майна, Заалы и Везера, хотя имѣло нѣкоторую торговлю, но внутренними мятежами, разбоями и войнами приводимо было въ великое неустройство. Часть подданныхъ его, Восточные Франки, или Германцы обитавшіе въ восточной сторонѣ отъ рѣки Рейна, были еще дики во нравахъ и по большей части язычники, не знали искусствъ, и почти не имѣли городовъ, кромѣ построенныхъ Римлянами при рѣкахъ Рейнѣ и Дунаѣ, и нѣкоторыхъ основанныхъ Франками, какъ то Франкфуртъ при Майнѣ (т. е. переходъ Франковъ чрезъ Майнъ). Въ началѣ осьмаго столѣтія и сіи обстоятельства начали примѣтно перемѣняться. Правленіе Государей Каролингскаго поколѣнія доставило болѣе внутренняго покоя, порядка и силы государству Франковъ. Бонифацій обратилъ въ Христіанство весьма многихъ Тирингенцовъ и иныхъ Германцевъ; чрезъ то самое исправилъ ихъ нравы; ввелъ между ими въ большее употребленіе искусство письма; а построеніемъ церквей и монастырей и установленіемъ Епископствъ положилъ основаніе происхожденію многихъ городовъ.

Но въ послѣднія тритцать лѣтъ осьмаго столѣтія, когда Карлъ Великой управлялъ государствомъ Франковъ, торговля получила въ ономъ еще гораздо болѣе подкрѣпленія. Сей Государь привелъ себѣ въ подданство Саксоновъ, то есть народъ обитавшій тогда въ земляхъ находящихся между рѣками Рейномъ, Везеромъ и Эльбою; началъ покорять Славовъ, или Вендскіе народы жившіе въ нынѣшнихъ Мекленбургской, Ангальтской и Мейсенской областяхъ; овладѣлъ большею частію Италіи и Римомъ; возстановилъ нѣкоторымъ образомъ Римскую Имперію въ западныхъ земляхъ, и сдѣлалъ еще иныя завоеванія. И такъ, хотя онъ непрестанно занятъ

былЪ войною; но великой, все объемлющій духЪ его умѣлЪ сЪ равною легкостію способствовать и приведенію вЪ зрѣлость плодовЪ мира и искусствЪ во владѣніяхЪ своихЪ. Между прочимЪ онЪ споспѣшествовалЪ купечеству изданіемЪ законовЪ, служащихЪ кЪ утвержденію общественной безопасности, поправленіемЪ дорогЪ, изобрѣтенными имЪ мостами на судахЪ, заведеніемЪ новыхЪ городовЪ и укрѣпленіемЪ старыхЪ. ПостроеніемЪ крѣпости Гохбухи, или ГоэнбихенЪ, вЪ сѣверной Саксоніи при рѣкѣ Элбѣ, онЪ способствовалЪ происхожденію Гамбурга, котораго нѣкоторое основаніе положено было еще прежде его. ОнЪ основалЪ городЪ при рѣкѣ Заалѣ, изЪ котораго послѣ произошелЪ городЪ Галле; также другой при рѣкѣ Элбѣ, недалеко отЪ Магдебурга, который тогда назывался МагадаборхомЪ, и имѣлЪ замокЪ сЪ гарнизономЪ, при которомЪ вЪ послѣдствіи поселились многіе жители. Когда торговля подданныхЪ Карла Великаго сЪ сосѣдственными Славонскими народами получила нѣкоторый успѣхЪ, онЪ назначилЪ дорогу и города для складки товаровЪ купцамЪ, хотѣвшимЪ торговать изЪ Саксоніи, Тирингена и другихЪ областей сЪ помянутыми народами. КЪ симЪ городамЪ, которыхЪ начальники должны были покровительствовать проѣзжающихЪ купцовЪ, принадлежали: БардевикЪ, находившійся недалеко отЪ нынѣшняго Люнебурга; МагдебургЪ, ЕрписфуртЪ, или ЕрфуртЪ, ФорахеймЪ, или ФорхеймЪ, вЪ нынѣшнемЪ БамбергскомЪ Епископствѣ; РагенисбургЪ, или РегенсбургЪ, и ЛорхЪ вЪ нынѣшнемЪ АвстрійскомЪ округѣ. Сей же великой Государь хотѣлЪ вЪ пользу торговли и судоходства вЪ своемЪ государствѣ соединить рѣки Дунай и РейнЪ, посредствомЪ рѣкЪ Алтмиля и Редница, изЪ которыхЪ первая впадаетЪ вЪ Дунай, а вторая вЪ МайнЪ и сЪ онымЪ вЪ РейнЪ. Но разныя препятствія принудили его оставить сіе предпріятіе, хотя оно и было уже начато.

Таково было состояніе торговли во Французско-Германскихъ земляхЪ при жизни Карла Великаго, или до 814 года. Но потомки и преемники его вЪ правленіи, вмѣсто того, чтобЪ продолжать толь хорошо начатое

дѣло,

дѣло, разстроили оное своимъ несогласiемъ, лѣностiю и другими погрѣшностями. Войны между ими, вражда владычествовавшая между ихъ подданными, особливожъ страшныя и опустошительныя нападенiя Норманновъ изъ сѣверной Европы, Славовъ съ восточной и Венгерцевъ съ южной стороны, наносили непреодолимыя препятствiя торговлѣ и вообще всякому гражданскому благосостоянiю. Такiя нещастливыя обстоятельства продолжались сто лѣтъ; и въ сiе время государство Восточныхъ Франковъ, или нынѣшнее Германское, отдѣлилось отъ государства Западныхъ Франковъ, или Францiи; однакожъ тогдашнiя границы оныхъ со всѣхъ сторонъ были совсѣмъ иныя, нежели нынѣ. Наконецъ Германской Король Гейнрихъ Первой, около половины десятаго столѣтiя, избавилъ Германiю и привелъ снова въ хорошее состоянiе. Онъ прекратилъ частныя войны учрежденiемъ законнаго порядка. Тогда было еще мало городовъ, а особливо въ Саксонiи и Тирингенѣ; и для того онъ приказалъ строить новые города, и старые обводить стѣнами. По его повелѣнiю, изъ сельскихъ жителей девятый человѣкъ долженъ былъ переселиться въ городъ, для охраненiя плодовъ, выработываемыхъ и собираемыхъ осмью остающимися въ деревняхъ. Также учредилъ онъ, чтобъ всякiе съѣзды и празднества были въ городахъ. Короче сказать, онъ завелъ у Германцевъ городскую жизнь: отъ чего процвѣли у нихъ и всякiя художества, промыслы и торговля.

Въ первомъ- и второмънадесять столѣтiяхъ особенно, Германскiе города и жители оныхъ, называемые мѣщанами (Bürger), которые были одного происхожденiя съ сельскимъ дворянствомъ, или свободными владѣльцами деревень, пришли въ большее уваженiе. Причиною сему было не только то, что сiи города стали многолюдны, и по обстоятельствахъ того времени были крѣпки и безопасны, но также изобилiе и богатство, прiобрѣтенное торговлею. Торговля ведена была съ великою выгодою особенно жителями городовъ находившихся при рѣкѣ Рейнѣ, также Бремена, Гамбурга, Бардевика, Магдебурга, и иныхъ при большихъ судоходныхъ рѣкахъ

 лежав-

лежавшихъ или приморскихъ городовъ. Германцы продавали по большей части натуральныя произведенія, кромѣ нѣкоторыхъ шерстяныхъ матерій и платья. Самыя лучшія шерстяныя матеріи дѣланы были въ Нидерландахъ. Сіи матеріи между прочими товарами промѣниваемы были Пруссамъ на куньи мѣхи; ибо платье подложенное такимъ мѣхомъ почитаемо было тогда у Германцевъ великолѣпнымъ нарядомъ. Крестовые походы въ Азію, которые въ сіе время предпріемлемы были и Германцами купно съ прочими народами, равнымъ образомъ послужили къ распространенію ихъ торговли. Посредствомъ сихъ походовъ они узнали новые и важные товары оной части міра, какъ-то сахаръ, пряныя зелія, хлопчатую бумагу, и пр.; получали ихъ чрезъ Италію, и за оные отправляли туда свои товары.

Однако Германская торговля подвержена еще была страшному препятствію, которое Государи нѣсколько столѣтій тщетно истребить старались. Сіе препятствіе составляли частныя войны и злоупотребленія правъ, по которымъ всякой Чинъ Имперіи и дворянинъ почиталъ за позволенное, рѣшить споры свои съ другими грабежемъ, огнемъ и мечемъ, или захватить соперника своего въ плѣнъ, безъ посредства правительства и законовъ: отъ чего не только проѣзжавшіе по дорогамъ, но и собственность гражданъ въ самыхъ городахъ, всегда подвержены бывали опасности. Примѣтное распространеніе Германской торговли со вторагонадесять столѣтія заставляло еще болѣе желать, чтобъ изобрѣтенъ былъ дѣйствительный способъ къ отвращенію сего неустройства. Славонскіе или Вендскіе народы, поселившіеся съ пятаго столѣтія въ восточной части Германіи отъ Нѣмецкаго моря, тогда были наконецъ совершенно покорены Германцами. Задолго еще до того Венды торговали какъ съ сосѣдами своими Саксонами, такъ и съ сѣверными народами; отъ чего произошли славные ихъ торговые города въ нынѣшней Помераніи и Мекленбургіи: Штетинъ, Штральзундъ, Грипсвальдъ, Ростокъ, Висмаръ, и прочіе; также Винетта

и Юлинъ, которые прежде были еще славнѣе, болѣе и въ лучшемъ состоянiи, нежели оные, но около сего времени уже разрушились. (Первой изъ сихъ двухъ городовъ находился на островѣ Узедомѣ при впаденiи рѣки Пеены въ Балтiйское море, а другой при впаденiи рѣки Одера въ сiе море.) Главнымъ мѣстомъ для складки товаровъ всѣхъ сѣверныхъ и Вендскихъ народовъ въ половинѣ вторагонадесять столѣтiя былъ городъ Висби, на островѣ Готландѣ, содѣлавшiйся по разрушенiи Юлина самымъ величайшимъ торговымъ городомъ сего времени. Тамъ складываемы были какъ сѣверные товары, такъ и Азiатскiе, отправляемые чрезъ Каспiйское море и чрезъ Россiйскiе города Пермь и Ладогу на Балтiйское море. Сказываютъ, что въ семъ городѣ находилось двѣнатцать тысячь купцовъ. Но происшедшiя между ими около помянутаго времени многiя ссоры и кровопролитiе принудили ихъ просить у сильнаго Саксонскаго и Баварскаго Герцога, Гейнриха Льва, законовъ, для отвращенiя сего неустройства. Герцогъ далъ имъ законы, и подтвердилъ толико прославившееся Висбiйское право. Сiе право, называемое также на Нижне-Саксонскомъ языкѣ Ватер-рехтъ, или водное право, есть морской уставъ для кораблеплаванiя и морской торговли, переведенный на многiе языки и взятый за основанiе въ другихъ морскихъ законахъ. Городъ Висби находился въ весьма хорошемъ состоянiи до половины четвертагонадесять столѣтiя; но тогда лишился онаго, будучи завоеванъ и ограбленъ Датчанами.

И такъ по покоренiи Вендовъ торговыя ихъ мѣста и цвѣтущая торговля достались Германцамъ. Сiя торговля по томъ соединена была съ тогдашнею Саксонскою, или по нынѣшнему Нижне-Саксонскою торговлею. То же произошло около половины третiягонадесять столѣтiя съ Прусскою торговлею, состоявшею по большей части въ дорогихъ мѣхахъ. Германцы, подъ предводительствомъ Нѣмецкаго Рыцарскаго Ордена, завоевали Пруссiю, распространили въ ней свои селенiя, и построили города. Вообще торговля въ сѣверной Германiи тогда увеличилась. Бардевикъ былъ самый знатнѣй-

шій торговый городъ въ Саксонской землѣ; а по разореніи онаго Гейнрихомъ Львомъ, заступилъ его мѣсто сосѣдственный съ нимъ Любекъ. Изъ сего послѣдняго города, также изъ Бремена, многіе купцы еще во втоламнадесять столѣтіи переѣхали въ Лифляндію. Бременскіе купцы ввели тамъ Христіанство, и построили городъ Ригу, находящійся и нынѣ въ цвѣтущемъ состояніи. Сей городъ, также Любекъ и Кенигсбергъ, распространили торговлю свою по Балтійскому, а Гамбургъ по Сѣверному морю. Товары, вывозимые въ сѣверныя и восточныя Европейскія земли, состояли въ шерстяныхъ и льняныхъ матеріяхъ, въ тонкомъ полотнѣ, въ желѣзныхъ и мѣдныхъ вещахъ, которыхъ Германцы дѣлали весьма много; также въ большомъ количествѣ хлѣба, въ соли, лѣсѣ, оловѣ, свинцѣ и ртути.

Но препятствія, причиняемыя сей торговлѣ публичными и частными войнами и всякими насильствами, съ половины третіягонадесять столѣтія паче и паче умножились. Многіе Германскіе торговые города, имѣя столько отважности и богатства, что въ состояніи были защищаться отъ оныхъ, заключили около помянутаго времени союзъ между собою въ семъ намѣреніи. Любекъ и Гамбургъ первые вступили въ сей союзъ въ 1241 году. Любекъ еще Императоромъ Фридрихомъ I признанъ былъ главнымъ изъ всѣхъ приморскихъ городовъ, и тамъ складываемы были всѣ Германскіе и Италіанскіе товары, отправляемые въ сѣверныя страны; а Гамбургъ доставлялъ товары въ западныя земли. Оба сіи города собрали войска, которыми разорены были нѣкоторые изъ самыхъ опаснѣйшихъ разбойническихъ гнѣздъ (такъ называемы были замки безпокойнаго дворянства). Также вооружили они флотъ, истреблявшій на морѣ и на рѣкахъ разбойничьи суда. При томъ еще они защищали свободу свою противъ Датчанъ съ великимъ щастіемъ. Примѣръ сихъ двухъ городовъ возбудилъ въ другихъ желаніе вступить въ ихъ союзъ. Многіе пристали къ оному одни послѣ другихъ; и такимъ образомъ произошла Германская *Ганза*, или славное и достопамятное торговое союзничество, которому подобна-

добнаго не находится въ исторiи никакой иной нацiи. Названiе онаго взято отъ слова Hanse, (или, по Нижне-Саксонскому выговору, Hense,) означавшаго *общество*, или *совокупленiе*.

Современемъ вступили въ союзъ, составленный для защищенiя Германской торговли на сухомъ пути и на морѣ, восемьдесятъ пять городовъ, какъ въ самой Германiи, такъ и внѣ оной. Кромѣ Гамбурга и Любека, положившихъ основанiе сему союзничеству, принадлежали къ нему между прочими, въ нынѣшней Нижней и и Верхней Саксонiи: Брауншвейгъ, Бременъ, Магдебургъ, Люнебургъ, Киль, Госларъ, Ганноверъ, Гелмштедтъ, Гилдесгеймъ, Геттингенъ, Галберштадтъ, Галле, Кведлинбургъ, Штендаль, Берлинъ, Франкфуртъ при рѣкѣ Одерѣ; въ нынѣшней Вестфалiи и при рѣкѣ Рейнѣ: Кельнъ, Оснабрикъ, Лемго, Минхенъ, Падерборнъ, Дюисбургъ и Везель; въ Нидерландахъ: Гренингенъ, Нимвегенъ, Утрехтъ, Дордрехтъ, и Амстердамъ; въ Пруссiи и Лифляндiи: Данцигъ, Торнъ, Элбингъ, Кенигсбергъ, Рига и Дерптъ; вдоль по берегу Балтiйскаго моря въ Германiи: Висмаръ, Ростокъ, Штральзундъ, Грейфсвальдъ, Колбергъ, Штеттинъ, и многiе другiе. Любекъ былъ главный надъ всѣми Ганзеатскими городами. Они раздѣлены были на четыре класса, изъ которыхъ каждый особенно имѣлъ свой главный, или такъ называемый четвертный городъ. Любекъ былъ четвертнымъ городомъ въ первомъ классѣ, содержавшемъ въ себѣ Вендскiе, За-Вендскiе и Померанскiе города; Кельнъ во второмъ, состоявшемъ изъ Клевскихъ, Маркскихъ, Вестфальскихъ, Гелдрскихъ и Обер-Иссельскихъ городовъ; въ третiемъ классѣ, между Саксонскими городами, Брауншвейгъ; а въ четвертомъ, между Прусскими и Лифляндскими, Данцигъ. Всѣ города посылали отъ себя депутатовъ въ Любекъ; и въ тамошней ратушѣ были общiя ихъ собранiя, въ которыхъ совѣтовались о общихъ дѣлахъ, соглашались на принятiе новыхъ городовъ въ союзничество, и установляли выгодные для онаго законы.

Между сими законами находились слѣдующiе: Естьли граждане какого либо Ганзеатскаго города оказывали непосу-

послушаніе своему начальству и нарушали должное уваженіе къ оному, то депутаты ихъ не были уже призываемы въ собранія Ганзы; и естьли союзничество не могло обратить ихъ къ повиновенію увѣщательнымъ письмомъ, то совсѣмъ исключали ихъ изъ Ганзы. При семъ надлежитъ вообще замѣтить, что многіе изъ ганзеатскихъ городовъ имѣли Имперскую свободу, или не подчинены были никому, кромѣ Императора и Имперіи; однакожъ находилось между ими не мало и такихъ, которые были подвластны нѣкоторымъ Государямъ, и оставались въ ихъ подданствѣ, хотя и вступили въ сей союзъ для того, что Государи не могли защищать ихъ торговли. Но во всемъ касающемся до торговли всѣ сіи города не зависѣли ни отъ какого Государя. Въ нихъ не можно было заключать никакихъ купеческихъ контрактовъ, естьли хотя одинъ изъ договаривающихся не былъ Ганзеатской гражданинъ. Гражданамъ запрещено было подъ смертною казнію посылать въ чужія земли золото и серебро въ дѣло; также запрещено было скупать сельдей прежде ловли, хлѣбъ прежде жатвы, и не готовыя еще рукодѣлія, подъ опасеніемъ лишенія всего купленнаго. Никакому постороннему купцу не позволено было торговать и жить въ Ганзеатскомъ городѣ долѣе трехъ мѣсяцевъ. Умышленнаго банкрута, бѣжавшаго изъ города, объявляли безчестнымъ, и въ знакъ того звонили въ колоколъ; естьлижъ такой бѣглецъ бывалъ пойманъ, то приковывали его днемъ на нѣсколько часовъ къ позорному камню желѣзными цѣпями. Городъ, нарушившій умышленно Ганзеатской порядокъ и законы, вступившій въ союзъ съ непріятелемъ, или сдѣлавшій что либо противное Германской честности, былъ совсѣмъ исключаемъ изъ союзничества.

Изъ законовъ и учрежденій Ганзы вообще видно, что хотя она основана была на честности и дѣятельномъ прилѣжаніи, но также весьма старалась и о собственныхъ выгодахъ и прибыткѣ. Она состояла изъ толикаго множества многолюдныхъ, богатыхъ и знатныхъ городовъ въ разныхъ земляхъ, которые совокупно употребляли всѣ силы и искусства свои къ морской и сухо-

сухопутной торговлѣ: по чему она скоро почти совсѣмъ присвоила себѣ всю Россійскую, Польскую, Шведскую, Датскую, Норвежскую, Англійскую, отчастижъ и Французскую торговлю. Жители сихъ земель въ то время не умѣли еще не только хорошо обработывать натуральныя произведенія, которыя отечество ихъ доставлять могло, но и разводить оныя надлежащимъ образомъ. И такъ они охотно получали отъ Ганзеатскихъ купцовъ многія необходимо нужныя и къ удобности служащія вещи, и платили имъ дорого льномъ и шерстью за полотно и сукна. Отправляемы были цѣлые корабли, нагруженные платьемъ и съѣстными припасами, въ земли лежащія при Балтійскомъ и Сѣверномъ морякъ. Оттудажъ Ганзеатскіе купцы брали желѣзо, мѣдь, мѣхи, шерсть, льняное сѣмя, рожь, воскъ, и многіе иные товары. Они сами установляли цѣну симъ товарамъ, и получали отъ того безчисленный прибытокъ.

Для подкрѣпленія сея важной торговли, Ганза еще въ третіемънадесять столѣтіи учредила четыре главныя мѣста для складки товаровъ, или конторы, въ четырехъ городахъ, которые весьма удобны были къ тому, сообразно ея намѣренію овладѣть всею восточною, сѣверною и западною Европейскою торговлею. Сіи города были: Лондонъ въ Англіи, Бригге въ Нидерландахъ, Бергенъ въ Норвегіи, и Новгородъ въ Россіи. Ганзеатскіе купцы какъ бы предписывали законы въ торговлѣ тамошнимъ урожденцамъ; имѣли тамъ изобильные магазины; привозили туда, и оттуда вывозили все, что хотѣли, не платя почти никакихъ пошлинъ. Владѣльцы сихъ земель давали имъ многія права и привилегіи; ибо сначала какъ имъ, такъ и подданнымъ ихъ, было то весьма пріятно и полезно, что сіи чужестранные купцы во всякое время снабдѣвали ихъ множествомъ всякихъ товаровъ, также и произведеніямъ ихъ земли расходъ доставляли. Ганзеатцы въ самомъ дѣлѣ распространили въ помянутыхъ земляхъ, особливожъ въ сѣверныхъ, многія полезныя знанія, искусства и товары; а чрезъ то современемъ способствовали и тамошнимъ жителямъ къ промышленности и прилѣжному употреб-

ленію собственныхъ силъ. Хотя во многихъ земляхъ вскорѣ начали ограничивать привилегіи Ганзеатскихъ купцовъ, препятствовавшія собственной торговлѣ урожденцевъ; отъ чего происходило много ссоръ, и даже непріятельскихъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, а особливо на морѣ: однако они сохранили по большей части свои преимущества даже до половины шестагонадесять столѣтія.

И такъ сіе союзничество Германскихъ городовъ владѣло триста лѣтъ торговлею почти въ половинѣ Европы. Въ сіи времена было видно, коль выгодно для торговли положеніе Германіи, и что Германскому прилѣжанію и отважности возможно. Подъ покровительствомъ Императоровъ и нѣкоторыхъ Германскихъ Князей, но въ самомъ дѣлѣ болѣе собственными своими силами и храбростію, Ганза преодолѣвала сильное противоборствіе, какое отчасти находила она въ самой Германіи, отчастижъ дѣлали ей иностранные Государи и народы. Пріобрѣтенное ею богатство приводило ее въ состояніе содержать знатную военную силу, какъ сухопутную, такъ и морскую. Первою предводительствовали иногда Князья и Графы; а флоты обыкновенно управляемы были Бургомистрами, особливожъ Любекскими. Въ Любекѣ находился изобильный цейггаузъ. Еще въ 1246 году одни только Любекскіе корабли истребили Датской флотъ при Ростокѣ, въ отмщеніе Датчанамъ за то, что они осаждали городъ Любекъ и захватили въ плѣнъ тамошнихъ мореходцевъ; а въ слѣдующемъ году войско сихъ городовъ разграбило Копенгагенъ и тамошній Королевской замокъ, и опустошило всѣ окрестныя мѣста. Чрезъ два года по томъ оно разграбило и разорило городъ Штральзундъ, приведенный однимъ Датскимъ Королемъ въ цвѣтущее состояніе. Соединенною силою своею Ганза неоднократно одерживала превосходство надъ тремя Королевствами, Швеціею Даніею и Норвегіею, и принуждала ихъ давать ей болѣе выгодъ въ торговлѣ, нежели собственнымъ своимъ подданнымъ. Она завоевала нѣкоторую часть Даніи, вела выгодную войну съ Англичанами и Голландцами, вступала въ посредничество при рѣшеніи споровъ между сильными Государями, и содержала такую морскую си-

лу, какой Германцы въ послѣдствіи никогда уже завести не могли. Въ 1427 году Императоръ увѣщевалъ Ганзеатскіе города окончать войну съ Даніею и довольствоваться правами, предлагаемыми имъ отъ Датскаго Короля, угрожая наказаніемъ по Императорскому праву. Однако они толь мало уважали сію угрозу, что въ слѣдующемъ году осадили Копенгагенъ, а Императорскаго посланника заключили въ темницу. Но какъ они при своемъ могуществѣ и великихъ благоразумно располагаемыхъ предпріятіяхъ оказывали великую жадность къ корысти, властолюбіе, инсгдажъ и надмѣнность: то сіе самое заставило многихъ желать разрушенія сего страшнаго торговаго союза, и стараться объ ономъ самымъ дѣломъ.

Между тѣмъ, какъ Ганза славилась въ сѣверной Германіи, составились въ южной части оной два другія союзничества городовъ, которыхъ цвѣтущему состоянію основаніе положено было также торговлею. Вообще южные города Германіи не только произошли по большей части прежде сѣверныхъ, но и ранѣе достигли цвѣтущаго состоянія. Германскіе Короли и Императоры часто живали въ нихъ, и давали имъ многія права и привилегіи; а большія судоходныя рѣки, при которыхъ многіе изъ нихъ были построены, способствовали успѣхамъ ихъ торговли. Такимъ образомъ достигли благосостоянія Акенъ, Кельнъ, Майнцъ, Триръ, Франкфуртъ при Майнѣ, Вормсъ, Шпейеръ, Штразбургъ, Аугсбургъ, Регенсбургъ, и другіе города. Рейнскіе города особенно пріобрѣли многія преимущества посредствомъ многолюдства и прибыточныхъ промысловъ. Кельнъ, Майнцъ и Шпейеръ имѣли право, по которому надлежало складывать въ нихъ всѣ товары, провозимые по рѣкѣ Рейну. Сіи южные города находились въ срединѣ между Италіею и Нидерландами, и торговля съ сими землями паче всего служила къ ихъ обогащенію. Однако и они много претерпѣвали отъ грабительствъ дворянства, въ которыхъ даже и Князья Германскіе иногда принимали участіе. По сей причинѣ, около половины третіягонадесять столѣтія, знатнѣйшіе Рейнскіе города, Майнцъ,

Вормсъ,

Вормсѣ, Шпейерѣ, Франкфуртѣ, Штразбургѣ, Базель, Колмарѣ, Гагенау, Везель, Боннѣ, Ахенѣ, и многіе другіе, вообще числомѣ шестьдесятѣ городовѣ, заключили между собою союзѣ, и приняли на жалованье предводителей и войска, которыя дѣлали поиски надѣ разбойниками, разоряли разбойничьи замки, принуждали владѣльцевѣ помѣстій отмѣнять новыя и неумѣренныя пошлины, и соблюдали безопасность на дорогахѣ. Вѣ позднѣйшія времена четвертагонадесять столѣтія знатнѣйшіе города во Франконіи, Швабіи и при рѣкѣ Рейнѣ заключили между собою другой союзѣ сѣ такимѣ же намѣреніемѣ, то есть, чтобѣ защищать безопасность свою вѣ случаѣ нужды оружіемѣ. Но чрезѣ нѣсколько времени сей союзѣ разрушился; ибо тогдашній Императорѣ Венцеславѣ, который сначала споспѣшествовалѣ оному, оставилѣ сіи города безѣ всякаго вспоможенія при неудачной войнѣ ихѣ сѣ Имперскими Князьями.

Нидерланды, принадлежавшія толь долго кѣ Германской Имперіи и обитаемыя Германцами, находились также и вѣ самыхѣ тѣсныхѣ торговыхѣ связяхѣ сѣ Германіею. Какѣ самое положеніе ихѣ при морѣ, такѣ и искусство тамошнихѣ жителей, дѣлали ихѣ весьма удобными для торговли. Особливожѣ Фландрійцы, или Фламанцы, были изѣ первыхѣ Германскихѣ народовѣ, начавшихѣ ткать всякія сукна и полотно. Собственная ихѣ земля доставляла имѣ самой лучшій ленѣ, а отѣ Англичанѣ получали они нѣсколько времени самую лучшую шерсть. Еще около половины десятаго столѣтія они почти только одни имѣли суконныя и полотняныя фабрики, которыя современемѣ приходили всегда вѣ лучшее состояніе, пока Фландрскіе ткачи, по разнымѣ неудовольствіямѣ, вѣ началѣ четвертагонадесять столѣтія не переселились вѣ Брабантѣ. Выше сего упомянуто уже о большомѣ учрежденіи Ганзеатскихѣ купцовѣ вѣ городѣ Бригге. Кромѣ оныхѣ, торговали сѣ симѣ городомѣ еще многіе другіе народы изѣ западной и южной Европы, и онѣ посредствомѣ того содѣлался однимѣ изѣ самыхѣ богатѣйшихѣ городовѣ. Но богатство дѣлало жителей Фландрскихѣ упорными и склонными кѣ

бун-

бунтамъ; а по тому сами они подали причину паденію ихъ торговли, разрушенной въ концѣ пятагонадесять столѣтія войною съ Государемъ ихъ, Эрцгерцогомъ Максиміліаномъ. Тогда торговля ихъ по большей части перешла въ Брабантской городъ Антверпенъ, который по своему положенію при впаденіи рѣки Шельды былъ весьма удобенъ для оной. Ганзеатцы перевели туда складку своихъ товаровъ. Италіанцы, особливожъ Венеціане, которые имѣли тогда въ рукахъ Остъ-Индійскую торговлю и доставляли тамошніе товары свои и шелковыя матеріи въ Европу, привозили оные особенно въ большомъ количествѣ въ Антверпенъ. Германскіе города, находившіеся между Венеціею и Антверпеномъ, какъ-то Аугсбургъ, Нирнбергъ, Франкфуртъ при Майнѣ, и другіе, имѣли большое и выгодное участіе въ семъ торгѣ. Германскіе купцы содержали для онаго собственный домъ въ Венеціи, который получилъ отъ сея республики особенныя привилегіи, и понынѣ еще остался подъ названіемъ Нѣмецкаго дому, или общаго магазина всѣхъ изъ Германіи привозимыхъ и туда отправляемыхъ товаровъ. Ганзеатскіе купцы, называемые въ Антверпенѣ *Естерлингами*, т. е. пріѣзжающими съ востока, развозили изъ сего города Италіанскіе товары въ сѣверныя страны, а туда доставляли товары сихъ земель. Такимъ образомъ въ концѣ пятагонадесять столѣтія Антверпенъ содѣлался великимъ торжищемъ и самымъ богатѣйшимъ торговымъ городомъ въ Европѣ.

Кромѣ Германцевъ, пріобрѣли еще въ сіи средніе времена посредствомъ щастливой торговли отмѣнную славу, богатство и могущество двѣ Италіанскія республики, Венеція и Генуа. Выгодное положеніе оныхъ и великія происшествія въ Европѣ и Азіи подали обѣимъ имъ поводы употребить сей способъ къ увеличенію своея силы. Венеція произошла около половины пятаго столѣтія. Въ то время Италія подвержена была опустошительнымъ набѣгамъ многихъ иностранныхъ народовъ, и множество жителей изъ Венеціи, земли находившейся въ Верхней Италіи при впаденіи рѣкъ По и

Этча

Этча (или Адидже), уходило на сосѣдственные острова Адріатическаго моря. Сіи острова, числомъ отъ шестидесяти до семидесяти, давно уже обитаемы были рыбаками, жившими въ шалашахъ. Но когда поселились тамъ жители ушедшіе изъ Падуи и другихъ знатныхъ Венеціанскихъ городовъ, построены были вмѣсто шалашей домы, также заведена была и торговля. Многіе изъ сихъ островов совокупились подъ одно правленіе, и въ концѣ седьмаго столѣтія выбрали себѣ общаго правителя, названнаго *Дожемъ*, или *Герцогомъ*. Наконецъ сіи островитяне построили на самомъ большемъ изъ своихъ острововъ, называемомъ Ріалто, (а прежде Rivum altum), новый городъ, и соединили оный мостами съ окололежащими меньшими островами. Такимъ образомъ въ началѣ девятаго столѣтія произошла какъ бы изъ моря Венеція, городъ, не имѣющій ни воротъ, ни стѣнъ, и никакихъ укрѣпленій, которому только вода служитъ защитою. Меньшіе острова составляютъ какъ бы предмѣстія, валы и гавани главнаго города; а каналы между сими островами служатъ вмѣсто улицъ, по которымъ плаваютъ на судахъ, или гондолахъ. Мѣлкое и болотистое море отдѣляетъ Венецію отъ матерой земли; а съ морской стороны она защищаема пучинами, и еще болѣе военными своими кораблями. Съ того же самаго времени Венеціане установили у себя республиканское правленіе, отказавшись отъ слабаго покровительства Греческихъ Императоровъ, и начали дѣлать завоеванія въ сосѣдственной съ ними Италіи, также въ Истріи и Далмаціи.

Такимъ образомъ удалось Венеціанамъ завести свободное и дальнее кораблеплаваніе, морскую торговлю и военную силу. Еще въ девятомъ столѣтіи они славились отмѣннымъ искусствомъ своимъ въ кораблестроеніи; морская торговля ихъ простиралась уже до самой Азіи; и нѣсколько времени они только одни умѣли лить большіе колокола. Въ первомъ-и втором надесять столѣтіяхъ они еще болѣе обогатились торговлею, распространивъ оную еще гораздо далѣе при случаѣ крестовыхъ походовъ въ восточныя земли. Они не только помо-

помогали крестовымъ Рыцарямъ въ завоеваніи самыхъ важнѣйшихъ Азіатскихъ приморскихъ городовъ, какъ то Смирны, Алеппо, Іоппе или Яффы, Птолемаиды и Тира, также Даміетты въ Египтѣ; но и получили совершенную свободу торговать въ основанномъ тогда Христіанскомъ Іерусалимскомъ Королевствѣ. Отдача кораблей ихъ въ наемъ крестовымъ Рыцарямъ также принесла имъ немало прибытка. Такимъ образомъ перевели они весьма прибыточную торговлю съ Греціею, Сиріею, Египтомъ, а современемъ и Ост-Индійскую, въ Италію и въ прочія южныя и западныя Европейскія земли. Морская ихъ военная сила такъ увеличилась, что они присвоили себѣ власть на Адріатическомъ морѣ: отъ чего происходитъ торжественный обрядъ, отправляемый Венеціанами еще и понынѣ всякой годъ въ праздникъ Вознесенія Христова. А именно, въ прознаменованіе оной власти, хотя давно уже прекратившейся, Дожъ ихъ выѣзжаетъ на море въ великолѣпномъ суднѣ, провожаемъ будучи великимъ многолюдствомъ, и бросаетъ въ море золотой перстень, говоря при томъ, что онъ сочетавается съ моремъ, какъ его повелитель.

Но въ началѣ третіягонадесять столѣтія торговля и морская сила Венеціанъ достигли самой вышшей степени своея великости. Въ сіе время они вкупѣ съ Французскимъ войскомъ завоевали Константинополь, и при раздѣлѣ Европейскихъ земель Греческой Имперіи получили на свою долю нѣкоторые приморскіе города въ Романіи, или древней Ѳракіи, съ принадлежащею къ онымъ немалою полосою земли, часть острова Негропонта, или прежней Эвбеи, многіе острова въ Архипелагѣ, Лакедемонъ на Греческомъ полуостровѣ, немалую часть самой Греціи и Эпиръ, также нѣсколько островов при берегахъ сихъ земель. Хотя чрезъ нѣсколько времени по томъ они лишились нѣкоторыхъ изъ сихъ завоеваній; но какъ самыя важнѣйшія владѣнія у нихъ остались, то сіе способствовало имъ присвоить себѣ торгъ между Азіею и Европою. Корабли ихъ ходили по Черному морю, а наконецъ даже и по Каспійскому. Ост-Индійскіе товары получали они по обѣимъ извѣстнымъ тогда въ

Азіи

Азіи путямъ: а именно, сіи товары провозимы были изъ Индійскихъ гаваней по Персидскому заливу въ устье рѣки Эвфрата и въ Бассору, оттудажъ чрезъ Арменію въ гавани Чернаго моря; или изъ Сѣверной Индіи чрезъ Бухарію и Капчакъ, отчасти сухимъ путемъ, отчастижъ по нѣкоторымъ рѣкамъ, на Каспійское море, въ Самаркандъ и Астрахань. Въ Астраханѣ и Кафѣ Венеціане имѣли Консуловъ, или купеческихъ начальниковъ; а въ Танаисѣ, названномъ послѣ Азовомъ, находился самый знатнѣйшій ихъ запасный магазинъ.

Хотя въ четвертомънадесять столѣтіи Могольцы не впускали Венеціанъ въ помянутыя Азіатскія земли; но они открыли себѣ другое сообщеніе съ Ост-Индіею, посредствомъ Сирскихъ и Египетскихъ гаваней, какъ то: Смирны, Алеппо, Барута, называемой прежде Беритомъ, и Акры, или прежней Птолемаиды, также Даміетты и Александріи. Съ того времени начали они торговать, кромѣ Ост-Индійскихъ, и Арабскими, Египетскими и Эѳіопскими товарами. Особливожъ доставляли они въ Италію, и оттуда по большей части чрезъ Германію во многія иныя Европейскія земли, гвоздику, мушкатные орѣхи, перецъ, инбирь, бальсамъ, ладанъ, терпентинъ, сахаръ, гебеновое дерево, шелкъ, жемчугъ, алмазы, и иные товары. Изъ Европыжъ въ оныя земли отвозили: золото, серебро, олово, мѣдь, желѣзо, свинецъ, ртуть, кораллы, янтарь; деревянное масло, медъ, миндаль, шафранъ, шелковыя матеріи, полотно, лѣсъ, и пр. Генуезцы имѣли также весьма выгодное участіе въ Азіатской торговлѣ: что подало поводъ къ продолжительной войнѣ между ими и Венеціанами, въ которой сіи послѣдніе въ концѣ четвертагонадесять столѣтія одержали верьхъ столь совершенно, что съ того времени помянутая торговля оставалась уже въ ихъ рукахъ.

Хотя въ пятомънадесять столѣтіи Турки поколебали владычество Венеціанъ на морѣ и отняли у нихъ Негропонтъ; однакожъ Венеціане всегда одерживали надъ ними верьхъ въ морской войнѣ. Также около сего времени получили они во владѣніе большой и изобильный островъ Кипръ, который купно съ островомъ Критомъ,

или Кандіею, и другими островами, давно уже имъ принадлежавшими, служилъ подкрѣпленіемъ пространному ихъ кораблеплаванію. Около сегожъ времени они имѣли въ подданствѣ немалую часть Верхней Италіи, а именно города Падуу, Верону и Виченцу, съ окрестною областію; также овладѣли провинціею Романою въ Средней Италіи и нѣкоторыми приморскими городами въ Королевствѣ Неапольскомъ. Можно было думать, что сіи островитяне современемъ покорятъ себѣ всю Италію. Съ могуществомъ и богатствомъ, пріобрѣтеннымъ посредствомъ торговли, совокупляли они толикую храбрость, такое искусство въ политикѣ, и толь хитрую дѣятельность, что почти всѣ ихъ намѣренія исполнялись. Торговля ихъ не была никогда въ лучшемъ состояніи, какъ въ концѣ пятагонадесять столѣтія. Ост-Индійская торговля находилась въ ихъ рукахъ. Многія шелковыя матеріи и тонкія сукна, дѣланныя у нихъ купно съ иными искусственными вещами, стекляныя и зеркальныя ихъ мануфактуры, снабдѣвавшія почти всю Европу, были какъ доказательствами ихъ изобрѣтательнаго духа, такъ и источниками великихъ доходовъ.

Генуезцы, бывшіе долго соперниками Венеціанъ въ кораблеплаваніи, военной силѣ и морской торговлѣ, около помянутаго времени имѣли еще нѣкоторый остатокъ прежней своея великости. Главный городъ ихъ, Генуа, находящійся въ Верхней Италіи при заливѣ Средиземнаго моря, и построенный по горѣ, основанъ былъ менѣе двухъ сотъ лѣтъ спустя послѣ Рождества Христова. Онъ былъ въ подданствѣ у Римлянъ, и всегда велъ торговлю по морю съ весьма многими и отдаленными мѣстами, изъ большой, хотя и не безопасной его гавани. По разрушеніи Римской Имперіи въ Италіи, Генуа въ разныя времена доставалась во владѣніе многимъ Германскимъ народамъ, и наконецъ покорена была Франками. До конца первагонадесять столѣтія она принадлежала Германскимъ Императорамъ. Но Генуезцы задолго еще до того обогатились посредствомъ своея торговли и усилились на морѣ. Въ первыя времена девятаго сто-

 лѣтія

лѣтія они отняли у Арабовъ Корсику, и тѣмъ доставили болѣе безопасности кораблеплаванію своему въ сей странѣ Средиземнаго моря. Наконецъ, около начала вторагонадесять столѣтія, удалось имъ сдѣлаться совершенно независимыми.

Генуезцы, равно какъ и Венеціане, весьма щастливо пользовались крестовыми походами въ распространеніи своея торговли. Они вспомоществовали кораблями своими крестовымъ рыцарямъ при завоеваніи Палестины, и за то получили тамъ многія торговыя привилегіи, часть пошлинъ, собираемыхъ съ товаровъ привозимыхъ въ Алеппо, Кесарію и Акру, также городъ Библъ въ Сиріи. Въ началѣ третіягонадесять столѣтія, когда Венеціане и Французы, какъ то выше сего упомянуто, завоевали Константинополь и многія принадлежащія къ оному земли, Генуезцы также получили еще новые приморскіе города въ Азіи, завели во Ѳракіи и Греціи свои селенія, и даже овладѣли кораблеплаваніемъ и торговлею на Черномъ морѣ. Они завладѣли городами Кафою и Азовомъ, изъ которыхъ первой находился на полуостровѣ Крымѣ, а другой при впаденіи рѣки Дона. Кафа современемъ содѣлалась главнымъ мѣстомъ для складки ихъ товаровъ, и многолюднѣе самаго Константинополя. Оттуда долго доставляли они хлѣбъ и солёную рыбу въ сію столицу и въ немалую часть Греціи. Также раздѣляли они съ Венеціанами и Ост-Индійскую торговлю, заведши поселенія какъ при Черномъ, такъ и при Каспійскомъ морѣ, въ Арменіи, и даже до Кавказа. Сверьхъ того они владѣли предмѣстіемъ Константинопольскимъ, называемымъ Перою, нѣкоторыми островами въ Архипелагѣ, какъ то Хіо и Тенедосомъ, и частію острова Кипра.

Такимъ образомъ Генуезцы со вторагонадесять столѣтія, особенно посредствомъ торговли и кораблеплаванія, обогатились столько же, какъ Венеціане. Они вели войну съ Арабами въ Африкѣ, не безъ выгодъ для себя, и посылали сильные флоты къ Христіанскимъ Государямъ на помощь противъ сего народа. Непрестанное стараніе объ увеличеніи своея власти часто заводило

дило ихъ въ войну съ Италіанскими государствами. Они покорили себѣ половину Сардиніи, Сиракузы въ Сициліи, Мальту, Балеарскіе и другіе острова, и владѣли оными нѣсколько времени. Въ сосѣдствѣ своемъ завладѣли Савоною и другими городами. Сіи успѣхи ихъ были поводомъ къ ссорамъ и войнѣ съ Пизанцами, которые жили въ нынѣшней Флорентинской области, также вели прибыточный торгъ по морю, и старались о завоеваніяхъ; однако Генуезцы одержали верьхъ надъ ними. Нещастливѣе окончались въ исходѣ четвертагонадесять столѣтія войны ихъ съ Венеціанами, происшедшія также отъ ревности въ торговлѣ на Азіатскихъ морскихъ берегахъ. Съ сего времени Генуезцы лишились прежней своея власти на морѣ, а въ послѣдствіи и участія въ Остъ-Индійской торговлѣ. Однако мѣста при Черномъ морѣ и въ другихъ Азіатскихъ странахъ оставались еще около ста лѣтъ послѣ того въ ихъ владѣніи, пока не отняты у нихъ были Турками. Свобода ихъ до конца пятагонадесять столѣтія равнымъ образомъ подвержена была разстройкамъ; ибо они принуждены бывали покоряться иногда Французскимъ Королямъ, иногдажъ другимъ Государямъ.

Кромѣ сихъ Италіанскихъ Республикъ и Германскихъ соединенныхъ торговыхъ городовъ не было въ сіи среднія времена иныхъ Европейскихъ націй, отличившихся цвѣтущею торговлею съ иностранными. Но еще достойно примѣчанія то, что Азіатской народъ, разсѣянный съ седмидесятаго году по Рождествѣ Христовѣ почти по всему міру, а именно Израильтяне, неправильно называемые Жидами, велъ въ сіи столѣтія торговлю съ хорошимъ успѣхомъ почти вездѣ, гдѣ онъ селился. Но при томъ богатство, которое Жиды пріобрѣтали отдачею денегъ въ ростъ, было причиною, что во многихъ Европейскихъ государствахъ дѣлали имъ притѣсненія, грабили ихъ, и выгоняли изъ многихъ земель; хотя все сіе дѣлано было подъ предлогомъ религіи. Многіе почитаютъ Жидовъ изобрѣтателями *векселей*. Ибо они, какъ думаютъ, выгнаны будучи въ седьмомъ столѣтіи изъ Франціи и принуждены оставить свои

помѣстія, продали оныя и перевели вырученныя деньги посредствомъ векселей въ Верхнюю Италію, гдѣ они по большей части поселились. За вѣрное извѣстно то, что въ сей части Италіи, которая по имени тогдашнихъ ея обладателей, Лонгобардовъ, и нынѣ еще называется сокращеннымъ словомъ *Ломбардія*, денежный и вексельный торгъ, также и купечество вообще, въ среднія времена давно уже находились въ цвѣтущемъ состояніи. Отъ сего произошло, что въ послѣдствіи названіе *Ломбарда* означало купца, или имѣющаго вексельныя дѣла, либо ростовщика. Еще и въ нынѣшнія времена ссудные домы, въ которыхъ можно получать взаемъ деньги подъ закладъ, называются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Ломбардами*. Ломбарды современемъ поселились во многихъ большихъ Европейскихъ городахъ, и имѣя между собою сообщеніе, вели съ великою выгодою свой промыслъ, состоявшій въ раздачѣ денегъ взаемъ и переводѣ оныхъ. Для большаго споспѣшествованія сему промыслу, они составили общество, и собрали превеликіе капиталы, названные *банками*. Въ Лондонѣ та улица, гдѣ они жили, и гдѣ еще и нынѣ живутъ Англійскіе банкиры, называется *Ломбардскою* улицею.

Періодъ III.

Исторія торговли новѣйшихъ временъ съ 1500 года по Р. Х. до 1782 года.

При такомъ состояніи торговли въ концѣ пятагонадесять столѣтія два важныя происшествія произвели въ оной великую перемѣну. Въ 1492 году Генуезецъ Христофоръ Коломбо, съ помощію Испанцевъ, нашелъ въ западной сторонѣ новую часть міра, названную послѣ *Америкою*: отъ чего Европейская торговля получила отчасти новый оборотъ, отчастижъ весьма многоразличное и важное увеличеніе. Чрезъ шесть лѣтъ по томъ Португалецъ Васко де-Гама открылъ новый морской путь въ Ост-Индію около Африки. Сіе открытіе лишило Венеціанъ Ост-Индійской торговли, которою они дол-

долго владѣли; и она перешла къ Португальцамъ, а со временемъ и къ другимъ Европейскимъ народамъ.

Королевство Португальское произошло около половины вторагонадесять столѣтія. Составляющія оное земли отняты были одна послѣ другой у Арабовъ, владѣвшихъ ими съ осьмаго столѣтія. Въ третьемънадесять столѣтіи оно имѣло тѣ же самыя границы, которыя нынѣ имѣетъ. Сія земля, лежащая далѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ земель къ западу, окружена съ восточной и сѣверной стороны Испаніею, а съ южной и западной океаномъ; простирается миль на восемьдесятъ Нѣмецкихъ въ длину, и не вездѣ на тритцать въ ширину, и принадлежитъ къ самымъ жарчайшимъ и плодоноснѣйшимъ странамъ. Будучи довольно прилѣжно обработываема, она приносила бы хлѣба гораздо болѣе, нежели сколько жителямъ ея потребно. Она изобильна изряднымъ виномъ, самыми пріятнѣйшими древесными плодами, какъ-то цитронами, померанцами, апельсинами, смоквами, и пр.; также морскою солью, тонкою шерстью, дорогими металлами, и другими драгоцѣнными произведеніями. Сверьхъ того положеніемъ своимъ она какъ бы манитъ къ кораблеплаванію и морской торговлѣ: по чему Португальцы еще въ третіемъ-и четвертомънадесять столѣтіяхъ упражнялись въ оныхъ съ хорошимъ успѣхомъ. Въ первые годы пятагонадесять столѣтія они весьма щастливо ободряемы были прозорливымъ и предпріимчивымъ Принцемъ своимъ Генрикомъ къ новымъ открытіямъ на морѣ. Между прочимъ отправленные имъ мореплаватели нашли въ западной сторонѣ отъ Португалліи необитаемый островъ, который они назвали Мадерою. Принцъ вскорѣ населилъ сей островъ Португальцами, и доставилъ имъ на разведеніе винограду съ острова Кипра, ибо преизрядное Кипрское вино было тогда въ славѣ, и сахарнаго тростнику изъ Сициліи. Оба сіи растенія разведены были въ Мадерѣ съ такимъ успѣхомъ, что тамошнее вино и сахаръ вскорѣ доставляли Португальцамъ великую прибыль въ торговлѣ. Недолго спустя послѣ того, они открыли Азорскіе или Ястребиные острова, также ос-

 тро-

трова Зеленаго мыса. Въ послѣдствіи узнали они берегъ Гвинейской, особливожъ такъ называемый Золотой берегъ. Тогда золото, гумми, слоновые зубы, или слоновая кость, и другіе драгоцѣнные товары, достались въ ихъ руки. Современемъ обошли они весь западный берегъ Африки, и овладѣли большею частію онаго, даже до южнаго края, или того мыса, который они назвали мысомъ *Доброй Надежды.* Причиною сего названія было то, что они отъ времени до времени съ большею вѣроятностію надѣялись найти путь въ Ост-Индію, обходя около Африки къ востоку, и присвоить себѣ торговлю, которую дотолѣ Венеціане вели съ оною землею чрезъ Египетъ. Хотя Португальской Дворъ не принялъ предложенія Генуезца Коломбо, который былъ долго въ морской службѣ сего Двора, и обѣщалъ показать путь въ Ост-Индію, идучи прямо къ западу; но вскорѣ по томъ Васко де-Гама, Португальской дворянинъ, нашелъ давно исканный восточный путь около помянутаго мыса, составляющаго южный край Африки. Въ 1498 году присталъ онъ къ Малабарскому берегу въ Калекутѣ. Онъ нашелъ тамъ весьма цвѣтущій торгъ ароматами, драгоцѣнными камнями, шелкомъ, бумажными матеріями, и другими товарами. Португальцы употребили все возможное стараніе къ овладѣнію симъ торгомъ; въ чемъ имѣли благополучный успѣхъ. По открытіи сего безопаснѣйшаго, а нѣкоторымъ образомъ и кратчайшаго пути въ Ост-Индію, Венеціане не могли уже продавать Ост-Индійскихъ товаровъ за такую дешевую цѣну, какъ Португальцы, и по тому вскорѣ принуждены были уступить имъ сей торгъ. Сіи послѣдніе старались силою утвердиться въ Ост-Индіи и пріобрѣсти тамъ себѣ владѣніе. Они построили Гоу, содѣлавшуюся послѣ главнымъ ихъ городомъ въ тѣхъ странахъ, и другіе города съ укрѣпленіями; завели селенія на Молукскихъ или Ароматныхъ островахъ, изобилующихъ гвоздикою и мушкатными орѣхами, также и на островѣ Цейлонѣ, гдѣ родится самая лучшая корица; и современемъ распространили торгъ свой даже до Китая. Чтобъ совершенно присвоить себѣ Азіатскую и Африканскую

мор-

морскую торговлю, они овладѣли на Персидскомъ заливѣ островомъ Ормузомъ, который доставлялъ имъ великую пользу и служилъ сборищемъ для Азіатской торговли. Также овладѣли они нѣкоторыми мѣстами на восточномъ берегѣ Африки, какъ то Мозамбикомъ и другими, гдѣ вымѣнивали золотой песокъ, слоновую кость, невольниковъ, и другіе Африканскіе товары, съ великою выгодою. Хотя они почти вездѣ находили сопротивленіе отъ урожденцевъ, такъ и отъ иныхъ народовъ, которыхъ отчасти лишали прибыточнаго торгу; но богатство, получаемое Португальцами отъ сего торгу, приводило ихъ въ состояніе защищать новыя свои пріобрѣтенія большими флотами и многочисленными войсками.

Въ то же время, когда торговля ихъ, кораблеплаваніе и власть толико увеличились на востокѣ, а именно около начала шестагонадесять столѣтія, одинъ изъ начальниковъ морской ихъ силы, именемъ Кабралъ, нашелъ въ Южной Америкѣ пространную, весьма пріятную и плодоносную землю, названную послѣ Бразиліею. Португальцы развели тамъ множество сахару и преизряднаго табаку. Также получали они оттуда много темнокраснаго, отчастижъ желтокофейнаго, тяжелаго и жесткаго дерева, называемаго *Бразильскимъ*. Самое лучшее дерево сего рода ростетъ въ Бразильской провинціи Фернамбуко, или собственно Парнамбуко. Оно употребляется въ Европѣ на крашеніе, ибо доставляетъ хорошую красную краску; также въ токарную работу, и инымъ образомъ. Въ сей же землѣ Португальцы нашли множество ароматовъ и аптекарскихъ товаровъ, золота и алмазовъ. Бразилія вскорѣ стала самою важнѣйшею ихъ областію внѣ Европы; также служила весьма удобнымъ пристанищемъ для мореходцевъ ихъ на пути въ Ост.-Индію.

Находя новыя земли, будучи купно мореходцами, купцами и завоевателями, Португальцы соблюдали сіе цвѣтущее состояніе торговли своея и морской силы до послѣднихъ годовъ шестагонадесять столѣтія. Казалось, что они пребудутъ знатнѣйшимъ послѣ Испанцевъ народомъ въ Европѣ въ разсужденіи торговли и корабле-

плаванія. Но около помянутаго времени они покорены были Испанцами, и послѣ того лишились преимуществъ своихъ одного за другимъ. Находясь шестьдесятъ лѣтъ въ семъ подданствѣ, Португальцы подвержены были притѣсненіямъ, какъ народъ завоеванный и презираемый. Испанцы, при веденныхъ ими тогда многихъ и продолжительныхъ войнахъ, пользовались доходами, кораблями и другими силами Португалліи; а какъ они въ войнахъ своихъ были нещастливы, то Португальцы еще болѣе ихъ претерпѣвали убытка въ торговлѣ. Соединенные Нидерландцы и Англичане не могли уже получать Ост-Индійскихъ товаровъ отъ Португальцевъ, и для того сами вывозили оные изъ Ост-Индіи. Сверьхъ того Нидерландцы отняли у нихъ Молукскіе или Ароматные острова, которые были для нихъ толь важны, и на Индійскомъ полуостровѣ городъ Малакку, гдѣ они складывали свои товары. Также лишились они торгу съ Японіею, острова Ормуза, главной крѣпости своей на Золотомъ берегѣ, и иныхъ владѣній. Короче сказать, Португальская торговая и морская сила претерпѣла въ то время ненаградимый уронъ.

Хотя они оправились нѣсколько, освободившись въ 1640 году изъ Испанскаго подданства, и снова завоевали Бразилію, отнятую у нихъ Голландцами; но никогда уже не могли возстановить прежней своея важности между торгующими народами. Они должны были уступить островъ Цейлонъ Голландцамъ; и вообще изъ прежняго ихъ владѣнія въ Ост-Индіи, которое было толь велико, осталась у нихъ небольшая полоса земли, гдѣ Гоа былъ главный городъ. Внѣ Европы во всѣхъ трехъ прочихъ частяхъ міра оставались еще у нихъ толь знатныя области, что съ надлежащимъ вниманіемъ и дѣятельностію они могли бы возвратить себѣ по крайней мѣрѣ большую часть прежнихъ своихъ выгодъ въ торговлѣ. Но въ прошедшемъ столѣтіи Португальцы медленно оправлялись послѣ притѣсненій, претерпѣнныхъ отъ Испанцевъ, и послѣ продолжительной войны съ ними, за которою послѣдовали еще междуусобныя безпокойства; а въ нынѣшнемъ столѣтіи Португальское правитель-

ство

ство поздно уже начало стараться о ободреніи подданныхъ своихъ въ торговлѣ.

Португальцы предпринимали уже нѣсколько разъ получать болѣе пользы отъ произведеній своея земли посредствомъ фабрикъ и мануфактуръ. Въ прошедшемъ столѣтіи были у нихъ заведены суконныя и другія шерстяныя мануфактуры, имѣвшія столько успѣха, что привозъ въ Португаллію всякихъ иностранныхъ разноцвѣтныхъ суконъ и дѣлаемыхъ изъ овечьей шерсти шляпъ былъ запрещенъ, а на всякіе другіе шерстяные товары наложена была высокая пошлина. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія заключенъ торговый трактатъ съ Англіею, по которому позволено ввозить Англійскія сукна и всякія Англійскія шерстяныя матеріи, съ платежемъ прежнихъ пошлинъ. Съ того времени собственныя Португальскія суконныя фабрики по большей части рушились. Въ 1755 году, при землетрясеніи разорившемъ Лиссабонъ, или Лисбоу, главный городъ Португальскаго Королевства, всѣ иностранные товары либо сгорѣли, либо повреждены были водою разливавшейся тогда рѣки Тайо; послѣ чего Португальцы должны были покупать некрашенныя толстыя сукна съ собственныхъ фабрикъ. Самъ Король, для примѣра подданнымъ, носилъ такое толстое дешевое сукно, въ чемъ знатные люди ему подражали; и Португальскіе купцы въ короткое время получили отъ того миліонъ крузадовъ прибытка. Однако сіе не послужило къ увеличенію народнаго прилѣжанія. По старанію славнаго Министра того времени, называвшагося послѣ Маркизомъ Помбалемъ, хотя заведены были въ Лиссабонѣ Французами, Италіанцами и самими Партугальцами новыя фабрики, въ числѣ которыхъ находились шелковыя, также и стеклянные заводы; но онѣ не долго велись, либо были недостаточны. Сей дѣятельный и прозорливый Министръ старался вообще доставить болѣе живости Португальской торговлѣ; показать Португальцамъ великія выгоды, какія могли бы они получать отъ оной; ограничить чрезмѣрную корысть, получаемую Англичанами отъ Португальской торговли, которая почти вся имъ при-

 над-

надлежала (хотя Португальцы обязаны были сему народу весьма многимъ); увеличить Королевскіе доходы посредствомъ лучшаго состоянія купечества; возстановить земледѣліе, бывшее въ пренебреженіи; и имѣлъ другія подобныя симъ полезныя предпріятія. Но всѣ сіи старанія мало имѣли успѣха; и даже обвиняли еще Маркиза Помбаля въ томъ, что онъ многими своими учрежденіями, напр. заведеніемъ нѣкоторыхъ торговыхъ обществъ, сдѣлалъ торговлѣ болѣе вреда, нежели пользы. Между прочимъ въ 1759 году дано было торговому обществу въ Марагнонѣ и Гран-Парѣ, въ Бразиліи, исключительное право торговать Неграми, или невольниками. Португальцы первые изъ всѣхъ Европейцевъ, поселившихся въ Америкѣ, начали сей торгъ; то есть покупали въ Африкѣ невольниковъ и перевозили ихъ въ сію часть міра, для того, что Африканцы по своему сложенію способнѣе Американскихъ урожденцевъ къ трудной работѣ при разведеніи сахару, индиго, и иныхъ продуктовъ. Отличныя права предъ прочими Португальскими купцами, данныя помянутому обществу, подали въ самомъ дѣлѣ поводъ къ нѣкоторому неудовольствію. Но также извѣстно, что въ новѣйшія времена, когда сей Министръ былъ сверженъ и сильные непріятели его одержали верьхъ, почти всѣ его дѣла, даже и тѣ, которыхъ польза была очевидна, представляемы были въ худомъ видѣ.

И такъ торговля Португальцевъ и въ новѣйшія времена не въ такомъ еще состояніи, въ какомъ бы могла быть къ пользѣ сего народа. Португальцы не сами отвозятъ свои товары въ другія Европейскія земли и получаютъ изъ оныхъ нужное имъ, но по большей части чрезъ другихъ, особливожъ чрезъ Англичанъ, Голландцевъ, Французовъ, Германцевъ, Датчанъ, Шведовъ и Италіанцевъ. Главныя ихъ гавани суть: Лиссабонъ, Порто и Сетубалъ. Хлѣбъ получаютъ они изъ Англіи, Франціи, Африканской Варваріи, и изъ Сициліи; также не мало онаго привозятъ къ нимъ изъ Сѣверной Америки. Помбаль, видя, что Португаллія наполнена виноградными садами, а въ хлѣбѣ претерпѣваетъ недостатокъ,

токъ, приказалъ во многихъ мѣстахъ истребить оные и превратить въ хлѣбныя поля. Но еще не примѣтно, чтобъ сіе приказаніе, пороченное по причинѣ великихъ выгодъ получаемыхъ Португалліею отъ виноградныхъ садовъ, было весьма дѣйствительно. Датчане, Шведы, Голландцы, Гамбургцы, отчастижъ и Сѣверные Американцы, привозятъ къ Португальцамъ пеньку, деготь, смолу, парусину, корабельный строевой лѣсъ, мачты, канаты, желѣзо, и пр. Рукодѣльные товары почти всякаго рода привозимы въ Португаллію иностранцами. Прежде Англичане почти одни снабдѣвали все сіе государство шерстяными товарами, по тому, что находились во многоразличныхъ связяхъ въ Португалліею, имѣли нужду во многихъ Португальскихъ товарахъ, и по тому, что ихъ шерстяные товары были отличной доброты. Но въ новѣйшія времена Португальской Дворъ весьма уменьшилъ сіе ихъ преимущество; и нынѣ Германцы и Французы имѣютъ въ семъ торгѣ знатное участіе. Шелковые товары привозимы къ Португальцамъ изъ Англіи, Франціи и Италіи; полотно изъ Франціи и Германіи; вещи дѣлаемыя изъ металловъ изъ Англіи и Германіи; стекло изъ Франціи и Богеміи. Кромѣ сего Англичане, Голландцы, Французы и Италіанцы доставляютъ Португальцамъ товары изъ Леванта, или Азіатской Турціи. Также Португальцы получаютъ отъ Англичанъ, Голландцевъ, Французовъ и Датчанъ много соленой, сушеной и копченой рыбы.

За сіи товары иностранцы получаютъ нѣкоторыя Португальскія произведенія. Шведы и Датчане особливо вывозятъ изъ Португалліи великое множество соли. Также получаютъ оную Англичане, Голландцы и Гамбургцы. Тамошняя соль острѣе Французской; и для того мѣшаютъ ее съ Французскою солью, чтобъ сдѣлать годною для соленія. Англичане вывозятъ весьма много Португальскаго вина, а особливо изъ Порто. Прежде брали они всякой годъ болѣе девяноста тысячь оксгофтовъ онаго; но при ограниченіи торга ихъ въ новѣйшія времена сей расходъ уменьшился. Въ Голландію и Гамбургъ, и вообще на Сѣверъ, также вывозится не-

ма-

мало Португальскихъ винъ. Туда же вывозится изъ Португалліи много помянутыхъ выше сего древесныхъ плодовъ, отчасти свѣжихъ, отчастижъ сушеныхъ или обсахаренныхъ. Равнымъ образомъ Португальцы продаютъ многимъ народамъ шелкъ и шерсть.

Но всѣ сіи Португальскія произведенія недостаточны для заплаты иностранцамъ за множество товаровъ, привозимыхъ ими въ Португаллію: по чему Португальцы должны еще платить имъ товарами вывозимыми изъ своихъ селеній въ другихъ частяхъ міра, особливожъ Бразильскимъ сахаромъ и табакомъ, а сверьхъ того еще и большею частію золота, получаемаго изъ Бразиліи. Повѣствуютъ, что по сей причинѣ въ 1754 году во всемъ Португальскомъ Королевствѣ находилось въ обращеніи только пятьнатцать милліоновъ ливровъ монеты, которой иностранцы для низкой ея доброты брать не хотѣли; хотя со времени открытія золотыхъ рудниковъ въ Бразиліи до половины нынѣшняго столѣтія перевезено оттуда въ Португаллію золота болѣе, нежели на двѣ тысячи миліоновъ ливровъ. Присовокупляютъ къ сему, что въ Португалліи находятся цѣлыя провинціи, которыхъ жители никогда еще не видали портрета Короля своего ни на какой золотой медали. За вѣрное извѣстно, что Португальцы терпятъ убытокъ въ торговлѣ почти со всѣми Европейскими народами, кромѣ Испанцевъ. Для вѣрнѣйшей и выгоднѣйшей покупки Португальскихъ и Бразильскихъ товаровъ много Англійскихъ купцовъ поселилось въ Лиссабонѣ и Порто. Съ нѣкотораго времени Гамбургцы также начали тамъ селиться; отъ чего Португальцы лишаются даже и выгодъ получаемыхъ отъ коммиссій.

Торговля Португальцевъ съ ихъ селеніями имѣетъ болѣе дѣятельности; ибо они сами посылаютъ туда нѣкоторые товары, и корабли для перевоза тамошнихъ произведеній. На Азорскіе острова, изъ которыхъ главный есть Терцера, отвозятъ они много соли и деревяннаго масла, также чужестранные рукодѣльные товары; а оттуда привозятъ вайду и кедровое дерево. Съ островами Файаломъ и Сан-Мигуеломъ, изъ которыхъ

на послѣднемъ находятся нѣкоторыя фабрики, торгуютъ по большей части Голландцы и Англичане. То же надлежитъ сказать и объ островѣ Мадерѣ, съ котораго вывозятъ преизрядное тамошнее вино; а туда Англичане привозятъ шляпы, рубашки, чулки, шерстяныя матеріи, сукна, соленое мясо, олово, и многіе мѣлочные товары. Европейцы всякихъ націй, путешествующіе въ Ост-Индію, часто пристаютъ къ островамъ Зеленаго мыса, чтобъ вымѣнивать тамъ съѣстные припасы и другія надобныя вещи на Европейскіе товары съ великою выгодою; но Португальцы почти совсѣмъ не пользуются сими островами. Съ острова С. Томаса привозятъ они въ отечество свое нѣсколько сахару. Изъ Гвинеи, гдѣ они имѣютъ нѣсколько торговыхъ поселеній, получаютъ всякой годъ воскъ, слоновую кость, и около тысячи невольниковъ. Но главныя земли ихъ въ Африкѣ суть Конго, Ангола и Лоанго, откуда они получаютъ всякой годъ около пятидесяти тысячь невольниковъ, также воскъ, медъ и слоновую кость. Въ торгѣ невольниками Португальцы имѣютъ то преимущество предъ другими Европейцами, что они откармливаютъ невольниковъ получаемыхъ изъ помянутыхъ земель прежде, нежели перевозятъ ихъ въ Бразилію, и сей перевозъ продолжается не много болѣе мѣсяца: по чему они теряютъ гораздо менѣе оныхъ, нежели другіе народы.

Въ Ост-Индіи торговля Португальцевъ, которая прежде была толь важна, хотя давно уже уменьшена превосходствомъ другихъ народовъ; но они мало умѣютъ пользоваться и остаткомъ оной и весьма выгодными селеніями ихъ, находящимися въ восточной Африкѣ при пути въ Ост-Индію. Они отправляютъ туда всякой годъ не болѣе двухъ кораблей, изъ которыхъ каждый имѣетъ грузу по осьмисотъ бочекъ. Но какъ [illegible], по причинѣ малаго жалованья, имѣютъ право брать [illegible] многіе товары, то изъ сего грузу на кораблѣ едва [illegible] бочекъ принадлежатъ купцамъ. Товары отправ[illegible]емые въ Ост-Индію суть: кораллы, кармазинное сукно, бумага, и нѣкоторые другіе не дорогой цѣны; так-

также нѣсколько серебра. Съ сими товарами корабль доходитъ до Мозамбика, гдѣ выгружаетъ нѣсколько рукодѣльныхъ товаровъ, и беретъ за оные слоновой кости, золотаго песку и невольниковъ; а по томъ идетъ въ Гоу. Тамъ находитъ онъ отчасти Ост-Индійскіе товары, какъ то: перецъ, кардамонъ, шафранъ, инбирь, хлопчатую бумагу и бумажныя ткани, отчастижъ Китайскіе, какъ то: чай, фарфоръ и шелковыя матеріи. Нагрузившись сими товарами, отправляется въ обратный путь, промѣниваетъ нѣкоторую часть оныхъ въ Мозамбикѣ на золото и слоновую кость, другую часть оставляетъ въ Бразиліи, а остальные привозитъ въ Португаллію, возвращаясь вмѣстѣ съ Бразильскимъ флотомъ. Все путешествіе его продолжается около осьмнатцати мѣсяцевъ. Португальцы имѣютъ городъ Макао на небольшомъ островѣ при Китайскомъ берегѣ; однако тамошняя торговля ихъ весьма неважна: ибо хотя имъ позволено закупать два раза въ году товары въ Кантонѣ, но они зависятъ тамъ совершенно отъ воли Китайцевъ.

Бразилія, самое важнѣйшее владѣніе Португальцевъ внѣ Европы, хотя оживляетъ нѣкоторымъ образомъ ихъ торговлю, но и сіе можно назвать только началомъ. Въ новѣйшія времена, распространяя тамъ свои селенія, они приближились къ Испанскимъ землямъ въ Южной Америкѣ; послѣ чего между ими и Испанцами часто происходили ссоры за потаенный торгъ, веденный Португальцами изъ одного ихъ селенія съ жителями близълежащаго Испанскаго города Буенос-Айреса. Весьма еще недавно произошла между сими двумя народами война за сей торгъ, окончавшаяся нещастливо для Португальцевъ. Бразилія доставляетъ особенно много золота, которое вымыто будучи рѣками изъ горъ, находимо бываетъ въ пескѣ. Цѣна достаемаго такимъ образомъ ежегодно золота простирается отъ десяти до двѣнатцати миліоновъ рейхсталеровъ: изъ чего Король получаетъ пятую часть. Богатыя алмазныя мины, открытыя въ сей же землѣ, отданы исключительно нѣкоторому обществу, для того, чтобъ алмазы не были вы-

во-

возимы въ излишнемъ множествѣ, и чтобъ цѣна ихъ не унизилась. Всѣ тамошніе алмазы имѣющіе вѣсу сверьхъ нѣкотораго опредѣленнаго числа каратовъ, принадлежатъ Королю. Болѣе всякихъ товаровъ вывозятъ изъ Бразиліи сахаръ и табакъ, какао, хлопчатую бумагу, Бразильское и разное иное красильное дерево, корень ипекакуангу, употребляемый во рвотное лѣкарство, и буйволовьи кожи. Кромѣ помянутаго торговаго общества въ Парѣ и Марагнонѣ, почти всякой Португалецъ можетъ торговать по рѣкѣ Іанейро и въ прочихъ Бразильскихъ гаваняхъ. Но отвозимые туда товары суть по большей части Англійскіе, также и посылаемы по большей части Англійскими купцами подъ именемъ Португальскихъ.

Бразильскія сокровища дѣлаютъ то не весьма еще чувствительнымъ для Португальцевъ, сколь убыточенъ образъ ихъ торговли. Во время послѣдней войны между Англіею, Франціею и Испаніею, не приставъ ни къ которой сторонѣ, они получили отъ того немалую выгоду. Они начали перевозить на своихъ корабляхъ разные Англійскіе товары въ Италію; и даже въ самую Англію позволено имъ ввозить нѣкоторые товары на собственныхъ ихъ корабляхъ. Однако не только еще не пользуются они всѣми возможными выгодами въ своей торговлѣ, но и не знаютъ оныхъ.

Испанская торговля находится почти въ такомъ же состояніи. Испанцы имѣютъ великія богатства, и пространныя, для торговли весьма важныя земли; но пользуются оными по большей части другіе дѣятельнѣйшіе народы. При всемъ безчисленномъ множествѣ Перуанскаго, Хилійскаго и Мексиканскаго золота и серебра, Испанія въ самомъ дѣлѣ есть бѣдное государство. Она служитъ примѣромъ того, что не изобиліе помянутыхъ драгоцѣнныхъ металловъ и не плодовитость земли въ другихъ произведеніяхъ дѣлаютъ государство богатымъ, но искусное употребленіе оныхъ посредствомъ прилѣжности, искусства и расторопности жителей.

Самая Испанія имѣетъ столько натуральныхъ сокровищъ, что при выгодномъ употребленіи оныхъ не

имѣла

имѣла бы нужды въ большей части иностранныхъ товаровъ. Она издревле славна была своимъ плодоносіемъ. Хлѣбъ, всякіе хорошіе древесные плоды, изрядное вино, деревянное масло, шафранъ, пенька и ленъ, родятся тамъ изобильно. Испанскія лошади всегда причисляемы были къ самымъ лучшимъ породамъ. Шерсть тамошняя есть самая лучшая въ Европѣ. Шелковые черви разводимы съ весьма хорошимъ успѣхомъ. Золото, серебро, желѣзо, свинецъ, и другіе металлы, прежде находимы были въ великомъ множествѣ; и нынѣ еще можно было бы доставать ихъ съ такоюжъ удобностію, естьлибъ по пріобрѣтеніи новыхъ земель, толь изобильныхъ оными, Испанцы не почитали за выгоду не искать у себя рудниковъ. Пиренейскія горы, отдѣляющія Испанію отъ Франціи, доставляютъ нужный лѣсъ на строеніе кораблей. Также сія земля, не съ одной стороны смежная съ моремъ, не имѣетъ недостатка въ удобныхъ гаваняхъ.

До конца пятагонадесять столѣтія торговля и кораблеплаваніе Испанцевъ были не весьма пространны. Сей народъ дотолѣ занятъ былъ по большей части войною съ Арабами, которые въ началѣ осьмаго столѣтія завоевали Испанію, но въ послѣдствіи лишались въ ней одной области за другою. Въ 1492 году Король Фердинандъ и супруга его Изабелла совершенно положили конецъ владѣнію Арабовъ въ Испаніи. Въ томъ же самомъ году Генуезецъ Христофоръ Коломбо, получивъ небольшое вспоможеніе отъ сихъ Государей, открылъ для нихъ новый міръ, названный Америкою, по имени путешествовавшаго туда послѣ его Флорентинца Америка Веспуція. Морскія путешествія и открытія Португальцевъ, у которыхъ Коломбо нѣсколько времени жилъ, способствовали ему сперва получить понятіе о неизвѣстныхъ еще земляхъ, находящихся въ западной сторонѣ. Собственныя его знанія и морскія путешествія утверждали его въ семъ мнѣніи. Но при томъ главное его намѣреніе было найти съ сея стороны путь въ Азіатскія земли, которыя подъ именемъ *Индіи* всегда были славны по вывозимымъ оттуда драгоцѣннымъ товарамъ,

рамъ, какъ то золоту, ароматамъ, и пр. И такъ, нашедши нѣсколько острововъ и часть матерой земли Америки, онъ купно съ прочими Испанцами думалъ, что сіи земли суть часть Индіи: по чему и жители тамошніе названы Индійцами. Даже и по усмотрѣніи сея ошибки, новая часть міра называема была *Вест-Индією*, или *западною Индією*, для различія съ самою Индіею, которую нынѣ называютъ *Ост-Индією*; пока современемъ не привыкли называть Вест-Индіею только множество острововъ, находящихся между Сѣверною и Южною Америкою. . .

Сіе открытіе было весьма важно для Испанцевъ; ибо обѣщало имъ не только безчисленныя богатства, но и первенство въ Европейской торговлѣ вкупѣ съ Португальцами. Они не довольствовались тѣмъ, чтобъ пользоваться новоузнанными землями для торговли и заводить тамъ селенія, но покорили себѣ оныя силою. До половины шестагонадесять столѣтія овладѣли они не только многими большими и малыми островами, но и большею частію матерой земли, особливожъ двумя знатными государствами, Мексикою и Перу. Всѣ сіи земли вкупѣ пространствомъ болѣе всея Европы. Испанцы нашли тамъ великое изобиліе золота и серебра, жемчугу, хлопчатой бумаги, и многіе прежде не извѣстные, какъ пріятные, такъ и полезные товары, какъ то: кошениль, или червячковъ, изъ которыхъ дѣлается преизрядная пурпуровая и кармазинная краска; растеніе доставляющее хорошую синюю краску индиго; шоколатное дерево, изъ орѣховъ котораго съ другими примѣсами дѣлается шоколатъ; кору хину; новое растеніе, называемое пименто, и многіе иные. Также во многихъ изъ сихъ земель нашли они чрезвычайное изобиліе во многоразличныхъ растеніяхъ и животныхъ. Но вмѣсто того, чтобъ съ прилѣжностію разводить сіи сокровища и со всею возможною дѣятельностію пользоваться оными, Испанцы старались сколько возможно скорѣе обогащаться золотомъ; грабили и убивали жителей Американскихъ, для полученія отъ нихъ золота и для утвержденія своея власти; также истребили множество

 оныхъ,

оныхъ, принуждая ихъ къ тяжкимъ работамъ; а сами оставались между тѣмъ въ праздности. И такъ въ первыя времена они сдѣлали въ Америкѣ много такого, что совсѣмъ противно намѣреніямъ разумно поступающаго народа. Особливожъ они опустошили сію часть міра, погубивъ многіе миліоны жителей, и оставляли въ пренебреженіи плоды земледѣлія, которые хотя казались мало стоившими въ сравненіи съ золотомъ и серебромъ, но въ самомъ дѣлѣ еще важнѣе обладанія сихъ металловъ.

Въ послѣдствіи они разводили многіе тамошніе земные плоды, также и нѣкоторые иностранные, которые привезены будучи въ Америку, родились тамъ весьма хорошо; напримѣръ, сахарный тростникъ, вывезенный съ Канарскихъ острововъ, и кофейное дерево изъ Арабіи. Но отчасти не старались они о томъ со всею рачительностію, потребною для толь многоразличныхъ произведеній и искусственныхъ работъ, какія нужны при оныхъ; отчастижъ вредъ, причиненный первыми ихъ погрѣшностями, былъ уже незамѣнимъ. Они поспѣшили овладѣть весьма пространными землями; но при томъ истребивъ почти цѣлые народы, лишили себя многихъ сотъ тысячь рукъ, которыя были имъ нужны для обработыванія сихъ земель. Отъ такихъ работъ, къ какимъ Американцы принуждаемы были въ рудокопныхъ заводахъ, на сахарныхъ, красильныхъ и другихъ плантаціяхъ, они умирали въ такомъ множествѣ, что надлежало опасаться, что старые жители сея части міра скоро всѣ вымрутъ и оставятъ нѣсколько тысячь Испанцевъ владѣтелями пустыхъ степей, въ какія они Америку превратили.

И такъ Испанцы уже съ 1517 года начали покупать Американскихъ Негровъ, или черныхъ, и отвозить въ Американскія свои области. Съ того времени сей торгъ людьми, поносное дѣйствіе корыстолюбія Европейцевъ, всегда продолжаемъ былъ на западныхъ морскихъ берегахъ Африки, и другими народами еще болѣе, нежели Испанцами. Говорятъ, что онъ есть необходимое зло, ибо Американскіе урожденцы,

по

по слабости ихъ сложенія, не могутъ употребляемы быть къ тяжкимъ работамъ въ Европейскихъ плантаціяхъ. Но точнѣйшее изслѣдованіе можетъ показать, что уменьшеніе числа Американцевъ, жадность Европейцевъ къ скорому обогащенію посредствомъ чрезмѣрной работы ихъ невольниковъ, и собственная ихъ лѣность, особливожъ въ толь жаркихъ странахъ, имѣютъ въономъ столько же участія, какъ и помянутая причина. И такъ Европейцы, имѣющіе владѣнія въ Америкѣ, привозятъ туда ежегодно по крайней мѣрѣ шестьдесятъ, а иногда и около ста тысячь Африканцевъ, особливожъ съ Гвинейскаго берега, за которыхъ платятъ тамошнимъ владѣльцамъ, продающимъ своихъ подданныхъ, шерстяными или бумажными матеріями, водкою, желѣзными вещами, порохомъ, и другими товарами, цѣною отъ осмидесяти до девяноста талеровъ за человѣка. Сіи нещастные перевозимы бываютъ на корабляхъ по большей части скованные въ новый міръ, гдѣ въ короткое время большая часть ихъ умираетъ; ибо съ ними поступаютъ тамъ какъ со вьючными скотами. Симъ Неграмъ обязаны Европейцы сахаромъ, кофе, и другими Американскими продуктами, которыхъ разведеніе и пріуготовленіе стоитъ имъ свободы, здравія, а часто и самой жизни.

Съ другой стороны Испанцы въ самомъ отечествѣ своемъ дѣлали многія погрѣшности, препятствовавшія имъ получать всю возможную пользу отъ великаго и прибыточнаго поля торговли, открытаго для нихъ Америкою. Побуждаемы будучи жадностію къ золоту, они великими толпами оставляли Испанію, чтобъ скорѣе обогатиться въ новомъ мірѣ. Но чрезъ то полагали они основаніе увеличивающемуся отъ времени до времени опустошенію своего отечества, котораго жители и безъ того были не весьма склонны къ дѣятельности въ торговлѣ и кораблеплаваніи. Къ сему присовокуплялись еще многія, долговременныя, и по большей части нещастливыя войны, которыя съ половины шестагонадесять столѣтія ведены были Испанцами почти восемьдесятъ лѣтъ. Король ихъ Филиппъ II, обогатившись Амери-

канскимъ золотомъ и серебромъ, хотѣлъ содѣлаться чрезъ то страшнымъ въ Европѣ. Онъ собралъ великую воинскую силу, какъ сухопутную, такъ и морскую, и покушался отчасти завоевать цѣлыя государства, отчастижъ присвоить себѣ неограниченную власть въ такихъ земляхъ, которыя хотя принадлежали къ его владѣнію, но имѣли много свободы и привилегій. Однако весьма не многіе замыслы его были удачны; а преемники его еще менѣе имѣли успѣха. Вмѣсто пользы, кораблеплаваніе и торговля Испанцевъ приведены были сими войнами въ великую слабость. Иногда цѣлые Испанскіе *серебряные флоты* доставались непріятелямъ. Хотя Филиппъ II овладѣлъ Португальскимъ Королевствомъ; посредствомъ чего вся Ост-Индійская и прочая важная морская торговля Португальцевъ какъ бы подвластна стала Испанцамъ: но слѣдствіе сего великаго пріобрѣтенія было то, что Португальцы лишились знатной части помянутой торговли, и другіе народы начали сами ѣздить въ Ост-Индію за тамошними товарами. Сверьхъ того, что войны лишили Испанію великаго множества жителей, Король Филиппъ III въ началѣ седьмагонадесять столѣтія, по излишней ревности къ религіи, выгналъ изъ государства своего около миліона Мавровъ, или Морсковъ, происходившихъ отъ Арабовъ, которые прежде владѣли Испаніею. Чрезъ то лишилъ онъ земледѣліе, мануфактуры и торговлю сея земли почти самыхъ прилѣжнѣйшихъ работниковъ. Наконецъ, нерачительное правленіе Испанскихъ Королей въ седьмомънадесять столѣтіи также причиняло вредъ Испанской торговлѣ.

Хотя Испанцы весьма старались не допустить никакого другаго Европейскаго народа участвовать въ торговлѣ и сокровищахъ Американскихъ; однакожъ скоро удалось получить участіе въ оныхъ Португальцамъ, а въ концѣ шестагонадесять столѣтія и другимъ народамъ. Около половины прошедшаго столѣтія Испанцы должны были уступить Англичанамъ Ямайку, одинъ изъ самыхъ лучшихъ острововъ ихъ въ Америкѣ. Но еще болѣе прибытка получали Англичане, Французы, Голландцы,

цы, Италіанцы, а въ новѣйшія времена отчасти и Германцы, отъ торговли самихъ Испанцевъ въ сей части міра. Ибо, какъ Испанцы не заводили въ своемъ отечествѣ почти никакихъ мануфактуръ и фабрикъ, также и земледѣліемъ не занимались съ надлежащею рачительностію: то должны были не только сами употреблять иностранные товары, но и отправлять великое множество оныхъ въ Американскія свои земли. За сіи товары они должны были платить другимъ народамъ самыми драгоцѣнными товарами сея части міра, и сверьхъ того еще большею частію золота и серебра, получаемаго ими оттуда. Сіе продолжается еще и понынѣ съ весьма небольшими только перемѣнами въ пользу Испанцевъ.

Но открытіе Америки и вообще имѣло весьма важное вліяніе въ состояніе промысловъ и торговли всея Европы. Превеликое множество золота и серебра, перешедшее изъ новаго міра сюда, возвысило уже въ шестомъ надесять столѣтіи, а въ новѣйшія времена еще болѣе, цѣны товаровъ, работы, и самыхъ съѣстныхъ припасовъ. Европейцы стали съ того времени гораздо богатѣе; но также нужно имъ и гораздо болѣе денегъ, нежели ихъ предкамъ; а пріобрѣтеніе денегъ не для всякаго удобно: по чему сія перемѣна не весьма для нихъ щастлива. Равнымъ образомъ съ того времени они присвоили себѣ главную торговлю всего міра, и Американскими сокровищами приведены въ состояніе покупать съ большею удобностію Ост-Индійскіе товары.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Испанской престолъ достался Принцамъ Бурбонскаго Дома; послѣ чего сдѣланы были многія новыя и отчасти выгодныя учрежденія въ торговлѣ Испанцевъ. Съ того времени заведено въ Испаніи болѣе суконныхъ, шелковыхъ, шляпныхъ и иныхъ фабрикъ. Въ 1728 году учреждено въ Сан-Себастіанѣ торговое общество, которое имѣетъ исключительное право торговать на берегу Карракасѣ въ Южной Америкѣ, или отъ рѣки Св. Магдалены до рѣки Ореноко. Сіе общество находится еще и нынѣ въ цвѣтущемъ состояніи. Оно получаетъ оттуда золото, серебро, лѣкарственный корень сассапариллу, кожи, и особливо

 мно-

множество какао. Въ новѣйшія времена учреждено другое общество въ Барцеллонѣ, торгующее на островѣ Сан-Доминго (который Испанцы называютъ Испаніолою, или Эспаньолою,) и на другихъ островахъ, также и по Гондурасскому заливу. Прежде Севилла была одинъ только городъ въ Испаніи, изъ котораго ведена была Американская торговля. Въ 1720 году Кадисъ получилъ сіе право. Но въ 1765 году Король Карлъ III далъ почти всѣмъ своимъ подданнымъ свободу торговать съ Кубою и нѣкоторыми другими Американскими островами; а вскорѣ по томъ нѣкоторыя провинціи въ Америкѣ получили такоежъ позволеніе. Сейже Государь уменьшилъ пошлины съ вывозимыхъ товаровъ, хотѣ оныя и понынѣ еще отяготительны для Испанской торговли. Онъ учредилъ также общества для споспѣшествованія земледѣлію, сдѣлалъ хлѣбный торгъ вольнымъ, и какъ для умноженія народа въ своемъ государствѣ, такъ и для споспѣшествованія рукодѣліямъ, вызвалъ Германскихъ поселенцевъ. Но все сіе не имѣло важныхъ слѣдствій. Напротивъ того Французы отъ вступленія Бурбонскаго Дома на Испанской престолъ, а еще болѣе посредствомъ Фамильнаго трактата, заключеннаго между Франціею и Испаніею въ 1761 году, получили весьма выгодное для нихъ участіе въ Испанской торговлѣ; ибо помянутымъ трактатомъ даны имъ всѣ права Испанскихъ урожденцевъ. Прежде того по большей части Голландцы и Англичане владѣли Испанскою торговлею.

Испанцы и понынѣ почти совсѣмъ еще не имѣютъ собственной торговли въ Европѣ. Иногда корабли ихъ приходятъ въ иностранныя гавани, какъ то въ Италіанскія и Французскія, и даже бываютъ на Балтійскомъ морѣ и въ Санкт-Петербургѣ. Но сіе случается рѣдко; изъ чего можно заключить, что торговля ихъ въ сихъ странахъ не постоянна и не важна. По большей части Французы, Голландцы, Англичане, Датчане, Шведы и Италіанцы привозятъ къ Испанцамъ свои товары. Но и Гамбургцы присвоили себѣ немалую часть посредническаго торга, веденнаго прежде Голландцами между Испаніею и сѣверными землями. Хлѣбъ привозятъ

въ

въ Испанію Французы, Италіанцы, Англичане, и особенно Сѣверные Американцы. Коровье масло и сыръ привозятъ туда Голландцы и Англичане, а послѣдніе также много соленаго мяса. Испанцы покупаютъ у сихъ двухъ народовъ, также у Французовъ и Датчанъ, рыбы всякой годъ на три миліона піастровъ. Голландцы и Гамбургцы посылаютъ въ Испанію много воску и пряныхъ зелій. Кромѣ сихъ народовъ, еще Англичане привозятъ туда перецъ, чай, кофе и сахаръ. Сѣверные, особливожъ Россійскіе товары, какъ то: ленъ, пеньку, канаты, парусину, деготь, смолу, кожу, юфти, лѣсъ на корабельное строеніе, мачтовыя дерева, желѣзо, мѣдь, и пр., получаетъ Испанія отъ Голландцевъ, Датчанъ, Шведовъ и Гамбургцевъ, также отъ Сѣверныхъ Американцевъ; шелковыя матеріи отъ Французовъ и Италіанцевъ, особливожъ изъ Ліона, Мейланда и Генуи; шерстяные товары отъ Англичанъ, но суконъ также много отъ Французовъ и Голландцевъ; полотно изъ Франціи, Голландіи и Германіи. Одни Гамбургцы отправляютъ туда всякой годъ на нѣсколько миліоновъ рейхсталеровъ Вестфальскаго, а особливо Шлезійскаго полотна. Бумажные товары доставляемы въ Испанію изъ Франціи, Англіи и Голландіи. Сверьхъ того Англичане, а отчасти также Французы и Германцы, привозятъ туда множество обработаннаго желѣза, стали, мѣди, олова и свинцу, также всякіе мѣлочные и галантерейные товары, какъ то: ножи, ножницы, шпаги, иглы, табатерки, очки, зеркала, опахалы, фарфоръ, ювелирную работу, и пр.

Испанцы платятъ за сіи многоразличные товары отчасти произведеніями своего отечества и Американскихъ своихъ селеній, отчастижъ большимъ количествомъ золота и серебра, получаемаго ими изъ Америки. Изъ самой Испаніи вывозится: весьма много деревяннаго масла, вина, а особливо Малагскаго, которое отмѣнно славно; множество свѣжихъ, сушеныхъ и обсахаренныхъ плодовъ, миндалю, каштановъ, анису, шафрану, каперсовъ, и пр.; соль, зода, мыло, кордуаны, лошади, огнестрѣльное оружіе, и другіе товары. Изъ Аме-

рики получаютъ иностранцы отъ Испанцевъ какао, индиго, табакъ, кожи, и другіе товары, отчасти уже упомянутые.

Что касается до владѣній Испанцевъ внѣ Европы, то изъ Канарскихъ острововъ одна Тенериффа доставляетъ всякой годъ около трехъ тысячь бочекъ вина, котораго сами Испанцы берутъ много, также не мало вывозятъ Англичане и Голландцы. Сверьхъ того особливо Испанцы получаютъ съ сихъ острововъ сахаръ, медъ, воскъ, и разные плоды. Равнымъ образомъ канарейки составляютъ предметъ торговли оныхъ. На сіи острова отчасти Испанцы, отчастижъ Англичане, Голландцы и Сѣверные Американцы, привозятъ многіе рукодѣльные товары, сыръ, коровье масло, и всякую рыбу. Также жителямъ сихъ острововъ позволенъ ограниченный торгъ съ нѣкоторыми Испанскими городами въ Америкѣ. Съ матерой Африканской земли Испанцы хотя и сами вывозятъ невольниковъ, но сверьхъ того получаютъ еще немало оныхъ отъ другихъ народовъ. — Девять Филиппинскихъ острововъ, принадлежащіе Испанцамъ, между которыми Люсонъ съ главнымъ его городомъ Маниллою есть знатнѣйшій, могли бы приносить имъ весьма важныя выгоды въ торговлѣ; ибо сіи острова доставляютъ индиго, какао, хлопчатую бумагу, табакъ, воскъ, гебеновое дерево, деготь, пеньку, строевой лѣсъ, жемчугъ, сахаръ, квасцы, и даже нѣсколько золота; а кромѣ того положеніе ихъ весьма удобно для торговли съ Китаемъ и нѣкоторою частію Индіи. Однако Испанцы никогда еще не торговали туда прямо изъ своего отечества; но довольствовались тѣмъ, что всякой годъ отправляли изъ Маниллы корабль въ Акапулко, приморской Мексиканской городъ въ Сѣверной Америкѣ. — Наконецъ, что касается до Испанскихъ земель и острововъ въ Америкѣ: то хотя торговля ихъ весьма важна, однакожъ другіе народы, какъ уже выше сего упомянуто, получаютъ отъ оной болѣе прибытка, нежели сами Испанцы. Сіе происходитъ не только отъ того, что сами они не могутъ снабдѣвать толь пространныхъ земель Европейски-

ми

ми произведеніями и рукодѣльными товарами, и должны брать оныя по большей части изъ другихъ Европейскихъ земель. Но сверьхъ того они еще мало пользовались выгодными землями своими въ новомъ мірѣ. Напримѣръ, половина острова Сан-Доминго, имъ принадлежащая, обработываема худо. На большомъ островѣ ихъ Кубѣ, или Гаванѣ, хлопчатая бумага родится весьма хорошо; но рѣдко привозятъ ее оттуда въ Европу. Сей же островъ толь способенъ къ разведенію на немъ сахарнаго тростнику, что Испанцы могли бы получать съ него довольно сахару не только для собственнаго употребленія, но и для вывоза въ другія земли; но вмѣсто того они покупаютъ еще сахаръ у другихъ народовъ. Напротивъ того сіи не упускаютъ пользоваться нерачительностію Испанцевъ, и снабдѣваютъ ихъ селенія своими товарами въ великомъ множествѣ, особливожъ посредствомъ потайнаго торгу, который ведутъ они въ Америкѣ съ великимъ стараніемъ, Англичане съ острова Ямайки, Французы съ Мартиники, а Голландцы съ островов Курассао и Св. Евстаѳія.

Прежде торговля между Испаніею и Америкою ведена была посредствомъ галліоновъ, флота, и кораблей называемыхъ Ассогуесъ. Галліоны суть трехпалубные корабли. Грузъ ихъ составляли всѣ товары, отправляемые въ Перу и въ прочія страны Южной Америки. Они продавали сіи товары въ Картагенѣ и Портобелло; брали тамъ грузъ, съ которымъ надлежало имъ возвращаться, и соединившись въ Гаванѣ со флотомъ изъ Новой Мексики отправлялись обратно въ Европу. Флотъ состоялъ кораблей изъ шестьнатцати отъ пятисотъ до тысячи бочекъ, и изъ трехъ военныхъ кораблей. Сіи корабли складывали грузъ свой въ Вера-Круцѣ, брали тамъ Мексиканскіе товары, и возвращались вмѣстѣ съ галліонами. Ассогуесъ суть два корабля, привозившіе въ Вера-Круцъ ртуть на Королевской щетъ; оттудажъ оная отправляема была далѣе на Мексиканскіе рудокопные заводы. Сіе учрежденіе продолжалось до 1735 и 1737 годовъ. Но галліоны и флотъ не могли всегда отправляться изъ Кадиса въ опредѣленное

время: отъ чего у жителей Американскихъ происходилъ часто великой недостатокъ въ Европейскихъ товарахъ; и другіе народы пользовались такими случаями къ убытку Испанцевъ. По сей причинѣ съ помянутаго времени Американская торговля ведена была посредствомъ *записныхъ* кораблей. Испанскіе купцы получаютъ отъ Коммерц-Коллегіи позволеніе посылать нѣсколько кораблей въ Америку съ нужными тамъ товарами, и сіе позволеніе *записываемо* бываетъ въ книгахъ помянутой Коллегіи, или вносимо въ реэстръ. Но какъ посылаемо было въ Америку весьма много Европейскихъ товаровъ, отъ чего цѣна ихъ становилась тамъ слишкомъ низка: то съ 1754 года торгъ посредствомъ галліоновъ и флота возобновленъ; однакожъ употребляемы приономъ и записные корабли, а особливо для тѣхъ мѣстъ, куда галліоны и флотъ не ходятъ.

При такомъ расположеніи Испанской торговли, флотъ, приходящій изъ Гаваны въ Кадисъ, привозитъ столько золота, серебра, и другихъ драгоцѣнныхъ Американскихъ товаровъ, что торговля большой части Европы тѣмъ оживляется; ибо Испанскія сокровища расходятся по многимъ народамъ за ихъ товары. Неоспоримо, что Испанія претерпѣваетъ отъ того великой убытокъ; однакожъ не такой, какой претерпѣваютъ другіе народы, которые получаютъ потребное имъ по большей части изъ другихъ земель, и должны платить за то золотомъ и серебромъ, а не собственными своими товарами. По добротѣ земли и по своей умѣренности Испанцы весьма удобно могутъ доставать себѣ самое нужное пропитаніе. И такъ они не находятъ причинъ, принуждающихъ къ трудолюбію другіе народы, которые сверьхъ того еще побуждаемы и ободряемы къ оному многоразличнымъ образомъ. Они получаютъ всякой годъ съ малымъ трудомъ и съ небольшимъ иждивеніемъ великія суммы золота и серебра изъ Америки. И такъ, доставая за сіи драгоцѣнныя металлы плоды прилѣжанія другихъ скудныхъ, или по крайней мѣрѣ не весьма изобильно снабдѣнныхъ оными народовъ, они вымѣниваютъ нѣкоторымъ образомъ толь-

ко

ко одинъ товаръ на другой. Естьлибъ они сами обработывали всѣ свои натуральныя произведенія, не давали бы вывозить отъ нихъ, напримѣръ, шерсти и шелку, и не покупали бы дѣлаемыхъ изъ оныхъ товаровъ у иностранцевъ: то множество золота и серебра вскорѣ содѣлалось бы имъ безполезно, и торговля ихъ почти совсѣмъ бы прекратилась. Золото и серебро суть для Испаніи собственныя произведенія; она не можетъ обогатиться посредствомъ фабрикъ, какъ другіе народы, которые не имѣютъ столько сокровищъ на покупку рукодѣльныхъ товаровъ, и которымъ еще нужно золото и серебро, платимое за ихъ рукодѣльные товары Испанцами, а отчасти и Португальцами. Однакожъ, хотя сіе замѣчаніе въ разсужденіи торговли двухъ помянутыхъ народовъ, сдѣланное въ новѣйшія времена, вообще справедливо; но оно не можетъ служить къ совершенному оправданію владычествующей у нихъ лѣности въ земледѣліи и мануфактурахъ. По сей лѣности многія натуральныя сокровища у сихъ народовъ, особливожъ у Испанцевъ, остаются либо совсѣмъ не обработанныя, либо въ весьма невыгодномъ состояніи. Сами они вообще впадаютъ притомъ въ медленность и недѣятельность, причиняющую имъ по отношеніямъ ихъ къ другимъ народамъ много вреда. Кромѣ того, они имѣютъ необходимую нужду во многихъ важныхъ и дорогихъ товарахъ сѣверныхъ земель, и не стараются о разведеніи самыхъ нужныхъ для жизни потребностей въ своемъ отечествѣ, чтобъ имѣть по крайней мѣрѣ достаточное количество оныхъ. Изъ сего удобно усмотрѣть, что множество золота и серебра не доставляетъ имъ права пренебрегать земледѣліе и мануфактуры, какъ то они дѣлаютъ.

Сосѣды Испанцевъ, Французы, въ новѣйшіе вѣки ввели въ торговлю совсѣмъ инакую живость. Натуральное качество Франціи служитъ уже для жителей ея самымъ сильнѣйшимъ ободреніемъ къ прилѣжному упражненію въ торговлѣ какъ по сухому пути, такъ и по морю. Она лежитъ подъ весьма умѣреннымъ климатомъ, и граничитъ къ сѣверу съ Каналомъ, или тою частію моря, которая отдѣляетъ ее отъ Англіи, къ востоку

съ Германіею, Швейцаріею и Италіею, къ югу со Средиземнымъ моремъ и Испаніею, а къ западу съ океаномъ. Въ ней протекаютъ многія судоходныя рѣки, какъ то: Лоаръ, Сена, Ронъ и Гаронна. Также имѣетъ она довольно пространныхъ и безопасныхъ гаваней, какъ то: Марсель и Тулонъ на Средиземномъ морѣ, Кале на Каналѣ, Брестъ и другія на океанѣ. Золота и серебра Франція не производитъ; но за то находится въ ней великое множество иныхъ различныхъ произведеній; а въ изобрѣтательномъ прилѣжаніи жителей своихъ имѣетъ она сокровища еще гораздо вышшей цѣны. Она плодоносна хлѣбомъ, различными овощными деревами, деревяннымъ масломъ, и преизряднымъ виномъ различныхъ родовъ; также довольно изобильна скотомъ, мѣдью, желѣзомъ и марморомъ. Соль отчасти дѣлаютъ тамъ изъ морской воды, отчастижъ вывариваютъ изъ соляныхъ источниковъ, въ великомъ множествѣ. Шелковые черви доставляютъ всякой годъ больщое количество шелку и рыбная ловля производима также съ хорошимъ успѣхомъ. Островъ Корсика на Средиземномъ морѣ, завоеванный Французами въ новѣйшія времена, доставляетъ весьма много деревяннаго масла, льну, и нѣсколько вина. Въ Азіи они имѣютъ на Коромандельскомъ берегу городъ Пондишери, котораго положеніе для Индійской торговли весьма удобно; въ Африкѣ, кромѣ острова Гореи, нѣкоторыя владѣнія на матерой землѣ и острова Бурбонъ и де-Франсъ; а наконецъ въ Америкѣ особливо важные по доставляемому ими сахару и кофе острова Мартиникъ и Гвадалупъ, также половину острова Доминго.

Въ древнѣйшія времена даже до седьмагонадесять столѣтія Французская торговля была не весьма важна. Французы торговали только въ собственномъ своемъ государствѣ. Около половины пятагонадесять столѣтія жилъ во Франціи купецъ, именемъ Іаковъ Куэръ, который своими знаніями и стараніемъ въ торговлѣ былъ одинъ богатѣе всѣхъ прочихъ тамошнихъ купцовъ. Онъ имѣлъ многихъ факторовъ и коммиссіонеровъ, которые продавали товары его во Франціи и во многихъ иныхъ

Хри-

Христіанскихъ земляхъ. Онъ получалъ сіи товары на большихъ корабляхъ изъ Леванта, Египта и Варваріи, съ позволенія Египетскихъ Султановъ. Они состояли въ золотыхъ и серебряныхъ штофахъ, въ шелковыхъ матеріяхъ всякихъ сортовъ и цвѣтовъ, въ куньихъ и хорьковыхъ мѣхахъ, и въ иныхъ дорогихъ вещахъ. Онъ содержалъ по крайней мѣрѣ отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ на жалованьѣ. Напослѣдокъ былъ онъ Главнымъ Смотрителемъ государственныхъ доходовъ, и давши Королю Карлу VII великую сумму денегъ изъ своего имѣнія, помогъ ему тѣмъ въ завоеваніи Нормандіи. Однако сіе было нѣчто чрезвычайное. Обыкновеннож въ сихъ столѣтіяхъ Италіанскіе и Германскіе корабли и Ганзеатскіе купцы снабдѣвали Французовъ иностранными товарами. Даже и въ шестомънадесять столѣтіи, когда Франція толь продолжительными войнами приводима была въ неустройство, торговля не имѣла еще тамъ успѣха. Тогда весьма еще мало было мануфактуръ во Франціи. Всѣ шелковые товары привозимы были туда изъ Италіи, а полотно и сукна изъ Нидерландъ и Германіи. Генрикъ II, правительствовавшій въ половинѣ помянутаго столѣтія, носилъ при нѣкоторомъ торжествѣ шелковые чулки: что почитаемо было за отмѣнную пышность. Великой Король Генрикъ IV, вступившій на престолъ въ концѣ сего столѣтія, первой старался о разведеніи въ государствѣ своемъ шелковыхъ червей и приказалъ насадить шелковичныхъ деревъ. Также завелъ онъ тамъ тканье обоевъ и полотняныя мануфактуры. Достойный впрочемъ похвалы министръ его Дюкъ де-Сюлли не одобрялъ сихъ заведеній; ибо они, равно какъ и товары ими доставляемые, казались ему слишкомъ дорогими. Однакожъ Король въ семъ случаѣ былъ прозорливѣе его; и важная польза, доставленная Франціи сими заведеніями въ послѣдствіи, оправдала его предпріятіе.

Но и послѣ того торговля во Франціи не скоро еще пришла въ цвѣтущее состояніе. Генрикъ лишился жизни весьма рано для своего государства. При сынѣ его Лудовикѣ XIII, правительствовавшемъ до 1643 года,

да, оно подвержено было многимъ безпокойствамъ. Кардиналъ Ришелье, который тогда въ самомъ дѣлѣ управлялъ государствомъ, болѣе всего занимался внутренними и внѣшними войнами. Но Лудовикъ XIV, принявъ самъ правленіе въ 1661 году, приложилъ отличное вниманіе къ торговлѣ, кораблеплаванію и состоянію морской силы государства своего. Однакожъ вѣроятно, что предпріятія его не были бы произведены въ дѣйство съ толикимъ искусствомъ и толикою точностію и скоростію, естьлибъ Колбертъ не былъ Генерал-Контролеромъ, или Главнымъ Смотрителемъ государственныхъ доходовъ. Сей весьма дѣятельный и прозорливый Министръ первой привелъ Королевскіе доходы и управленіе оныхъ въ порядокъ, въ какомъ они давно уже не бывали. Особливожъ онъ извлекъ рукодѣлія и торговлю изъ закоснѣнія, которое прежде было столь вредно для народа. Англичане, а еще болѣе Голландцы, развозили дотолѣ Французскія произведенія по Европѣ. Но съ того времени Французы сами получили многія удобности къ вывозу товаровъ своихъ на корабляхъ. Также учрежденъ былъ тогда Коммерческой Совѣтъ, въ которомъ Король самъ часто присутствовалъ. Дюнкирхенская и Марсельская гавани объявлены были свободными: чрезъ что привлечена была въ первую изъ сихъ гаваней торговля изъ сѣверныхъ земель; а въ другую изъ Азіатской Турціи, или такъ называемаго Леванта (отъ Французскаго слова Levant, *востокъ*). Съ 1664 до 1669 года учреждены были Вест-Индійское, Ост-Индійское и Сѣверное торговыя общества. Вмѣсто того, чтобъ выписывать, какъ прежде, тонкія сукна изъ Англіи и Голландіи, заведена была суконная фабрика въ Абвилѣ; и Король вспомоществовалъ заводчикамъ оной деньгами, кромѣ иныхъ ободреній. Въ 1669 году находилось уже во Франціи сорокъ четыре тысячи двѣсти craновъ для тканья суконъ и шерстяныхъ матерій. Шелковыя мануфактуры приведены были въ такое состояніе, что торгъ товарами оныхъ содѣлался самымъ величайшимъ въ Европѣ. Зеркальныя стекла, дѣлаемыя во Франціи, не только не уступали Венеціанскимъ, но еще и превосходили оныя ве-

величиною. На Парижской фабрикѣ, Hotel de la Savonnerie, ткаными были весьма прекрасные ковры изъ шерсти и шелку, отчастижъ съ золотыми и серебряными нитками, которые мало уступали Турецкимъ и Персидскимъ коврамъ. Въ томъ же городѣ, въ другомъ домѣ, Hotel des Gobelins, дѣланы были преизрядные обои. Для кружевной работы вызвано было множество мастерицъ изъ Италіи и Нидерландъ. Тканье чулокъ, дѣланіе жести и стали, шляпныя и другія фабрики, имѣли великой успѣхъ. Все сіе весьма уже оживляло Французскую торговлю. Но сверьхъ того пышность и роскошь, владычествовавшія при Дворѣ Лудовика XIV, дѣйствовали надъ нравами и изобрѣтательностію всего народа, и Французы побуждаемы были стараться всегда о новыхъ удобностяхъ въ образѣ жизни, объ украшеніяхъ и пріятныхъ перемѣнахъ, короче сказать о произведеніи того, что обыкновенно разумѣется подъ общимъ названіемъ *модъ*. Всякой день появлялись у нихъ новые товары, которые отчасти были безполезны; однакожъ новость, пріятный видъ, доставляемое ими удобство, примѣръ возбуждавшаго удивленіе Французскаго Двора, дѣйствительная или только мнимая благопристойность, заставляли иностранцевъ покупать оные въ великомъ множествѣ. Парики, безчисленное множество женскихъ уборовъ, парасоли, кошельки на волосы, пряжки, благовонныя воды, табатерки, и многіе другіе симъ подобные товары хотя не всѣ изобрѣтены были Французами, однакожъ Французская работа въ оныхъ нравилась иностранцамъ, и весьма много денегъ за нихъ переходило во Францію. Всѣ изящныя искусства были тамъ ободряемы, и увеличивали многоразличность приманчивыхъ Французскихъ товаровъ. Колбертъ, споспѣшествовавшій толико мануфактурамъ, не пренебрегалъ и земледѣлія, еще гораздо нужнѣйшаго; однако не сдѣлалъ для онаго столько, сколько сдѣлалъ для мануфактуръ. Вывозъ хлѣба вообще почитаемъ былъ вреднымъ, и земледѣліе во Франціи не было никогда доведено до великаго совершенства. Напротивъ того Французская морская сила весьма многимъ обязана какъ сему Министру, такъ

и собственнымъ предпріятіямъ Лудовика XIV. Построенъ былъ городъ Рошфоръ, съ гаванью, содѣлавшійся въ послѣдствіи толь знатенъ строеніемъ кораблей. Мореходцы, цейггаузы для флота, и военные корабли умножались. Сія морская сила употребляема была на защищеніе торговли. Морская торговля распространялась отъ времени до времени, и Французскія поселенія въ Америкѣ, особливожъ на островахъ Мартиникѣ и Доминго, пришли въ весьма выгодное для оной состояніе. Отдѣланный въ 1681 году Лангедокской каналъ, соединяющій Средиземное море съ океаномъ, немало способствовалъ торговлѣ и кораблеплаванію въ самой Франціи.

Сіе цвѣтущее состояніе торговли и кораблеплаванія во Франціи немало разстроено было двумя предпріятіями Лудовика XIV еще въ прошедшемъ столѣтіи. Съ 1680 года началъ онъ гнать подданныхъ своихъ Реформатскаго исповѣданія, которыхъ числомъ было около миліона, и тѣмъ принудилъ почти половину оныхъ оставить свое отечество. Сіи ушельцы поселились въ Швейцаріи, Германіи, Соединенныхъ Нидерландахъ, и въ другихъ земляхъ. Между ими находилось великое множество самыхъ искусныхъ художниковъ и мануфактуристовъ, которые перенесли свое прилѣжаніе и изобрѣтательность къ иностранцамъ; послѣ чего дѣлали уже и во многихъ другихъ земляхъ то, что прежде вывозимо было только изъ Франціи. Убытокъ, претерпѣнный отъ того Франціею, хотя замѣненъ былъ нѣсколько иными источниками умноженія народа, торговли, и новоизобрѣтенными товарами, однако былъ весьма великъ, и нѣкоторыя слѣдствія онаго и понынѣ еще явны. Съ другой стороны многія войны, веденныя Лудовикомъ, также наносили великой вредъ торговлѣ его подданныхъ. Хотя всѣ сіи войны, кромѣ послѣдней, начавшейся въ нынѣшнемъ столѣтіи, имѣли щастливое для него окончаніе; однакожъ они весьма примѣтно уменьшали число народа въ государствѣ его, истощали насильственно силы онаго только для его славы, и во многихъ странахъ нарушали торговлю. Но еще болѣе она разстроена было послѣднею его и весьма нещастливою войною. Тогда Французская

мор-

морская сила была истреблена, и морская торговля разрушена; начали во Франціи претерпѣвать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; не доставало ни людей, ни денегъ, на продолженіе войны; Дворъ вошелъ въ чрезмѣрные долги.

Въ 1713 году удалось *Лудовику* XIV выйти изъ сихъ смутныхъ обстоятельствъ посредствомъ сноснаго міра. Во время малолѣтства *Лудовика* XV Герцогъ Филиппъ Орлеанской, Регентъ Франціи, старался уменьшить великіе государственные долги. При томъ, казалось, хотѣлъ онъ снова оживить торговлю; хотя въ самомъ дѣлѣ главное намѣреніе его было уменьшеніе долговъ. Шотландецъ *Ла* дѣлалъ планы сему предпріятію, которые Регентъ охотно принималъ. Въ 1717 году учреждено было общество для торговли по рѣкѣ Миссисиппи, находящейся въ Сѣверной Америкѣ, отъ котораго надѣялись весьма важныхъ выгодъ. Сіе общество, съ которымъ соединены были и другія торговыя общества, вооружало корабли, и получало вспоможеніе отъ новоучрежденнаго Королевскаго банка. Оно раздавало акціи, или банковые билеты, служившіе вмѣсто наличныхъ денегъ. По повелѣнію Регента Французы должны были мѣнять наличныя деньги свои на такія акціи: чрезъ что деньги переходили въ его руки. Но какъ онъ и изобрѣтатель плановъ его предались сей жадности къ деньгамъ неосторожно, слишкомъ много надѣялись на мнимый прибытокъ Миссисипской торговли и на малый кредитъ Французскаго Двора, и какъ торгъ акціями преступалъ всякую мѣру: то сей торгъ лишился всякаго уваженія, и оказался только хитрымъ способомъ къ переведенію денегъ подданныхъ въ Королевскую казну. Въ 1719 году воображаемая цѣна акцій превзошла въ восемьдесятъ разъ сумму всѣхъ наличныхъ денегъ въ государствѣ. Такимъ образомъ Дворъ заплатилъ долги свои бумагами, которыя современемъ ничего уже не стоили. Также нѣсколько частныхъ людей въ скорости обогатились отъ сего торгу, называемаго *системою.* Но безчисленное множество другихъ лишились чрезъ то своего имѣнія, превратившагося въ бумажные билеты. Миссиссипское об-

общество, банкЪ, и все принадлежавшее кЪ нимЪ, были уничтожены.

При послѣдовавшемЪ за симЪ правленіи Лудовика XV Французская торговля мало по малу пришла паки вЪ весьма хорошее состояніе. КардиналЪ Флери, долго управлявшій государствомЪ, хотя не рачилЪ о возстановленіи морской военной силы; но миролюбіе его способствовало возобновленію кораблеплаванія и морской торговли. Прежнія Французскія фабрики были возстановлены; произошли новыя; и Французы даже нынѣ всегда неистощимы были вЪ товарахЪ вообще называемыхЪ галантерейными и кЪ украшенію служащими. ВЪ позднѣйшія лѣта Лудовика XV нещастливая война его сЪ Англичанами причинила немалый вредЪ и торговлѣ его подданныхЪ. При заключеніи мира онЪ долженЪ былЪ еще уступить АнгличанамЪ Канаду, великую провинцію вЪ Сѣверной Америкѣ: отЪ чего Французы между прочимЪ лишились важнаго торгу мѣхами и бобрами. Кромѣ сего, вЪ 1769 году совершенно разрушилось ихЪ Ост-Индійское торговое общество, которое какЪ тогда претерпѣло великой убытокЪ, такЪ и прежде почти никогда не получало отЪ своего торгу основательныхЪ выгодЪ. Но какЪ сЪ того времени всѣмЪ ФранцузамЪ дана была свобода торговать вЪ Ост-Индію, и какЪ Франція имѣетЪ при АфриканскомЪ берегѣ острова БурбонЪ и де-ФрансЪ, весьма удобные по своему положенію для сея торговли, а вЪ самой Ост-Индіи Пондишери и нѣкоторыя другія мѣста: то Французская торговля сЪ Ост-Индіею продолжалась непрестанно. СЪ другой стороны, нынѣшній Король ЛудовикЪ XVI открылЪ своему народу весьма прибыточный путь торговли, подавЪ помощь АнглійскимЪ селеніямЪ вЪ Сѣверной Америкѣ, отложившимся отЪ своего отечества: чрезЪ что Французы вступили вЪ непосредственныя торговыя связи сЪ оными. При семЪ же случаѣ привелЪ онЪ военную морскую силу свою вЪ такое состояніе, вЪ какомЪ она вЪ нынѣшнемЪ столѣтіи еще не бывала.

И такЪ нынѣшнее состояніе Французской торговли весьма еще достойно уваженія, и служитЪ сему народу глав-

главнымъ источникомъ богатства. Французы отвозятъ къ иностранцамъ немалое количество натуральныхъ произведеній, но еще гораздо болѣе искусственныхъ товаровъ. Въ новѣйшія времена Французское правительство старалось споспѣшествовать вывозу хлѣба и вообще увеличенію хлѣбопашества, которое во Франціи понынѣ было недостаточно; однако оно не приняло еще въ семъ твердыхъ правилъ. Напротивъ того вывозится изъ Франціи къ иностранцамъ весьма много овощей и особливо вина. Считаютъ, что изъ одного города Бурдо всякой годъ отправляютъ четыреста тысячь оксгофтовъ Гіеннскаго вина. Голландцы берутъ около половины изъ сего количества; а прочее получаютъ Англичане, Сѣверные народы, и Французскія селенія въ Америкѣ. Бургонское и Шампанское вина, мускательныя вина изъ Лангедока, и другія, также составляютъ толь важныя вѣтви торговли, что цѣна вывозимыхъ всякой годъ изъ Франціи винъ полагается до пятьнатцати миліоновъ ливровъ, а цѣна вывозимой водки, дѣлаемой изъ худаго вина, до пяти миліоновъ ливровъ.

Между Французскими рукодѣльными товарами самые знатнѣйшіе суть шелковые. Шелковыя фабрики по большей части находятся въ Ліонѣ и Турѣ. Въ первомъ изъ сихъ городовъ ведется великой торгъ шелкомъ; и нынѣ еще всякой годъ привозится туда 7 тысячь кипъ шелку (отъ ста шестидесяти до двухъ сотъ фунтовъ въ кипѣ): въ числѣ которыхъ бываетъ полвторы тысячи кипъ собственнаго Французскаго. Прежде находилось тамъ тритцать тысячь craновъ, для которыхъ потребно было десять тысячь кипъ шелку. Въ Ліонѣ ткутъ отчасти гладкія матеріи, какъ то тафты, атласы, моры, и проч.; отчасти разныя матеріи со цвѣтками, какъ то золотые и серебряные штофы, всякіе атласы, и бархаты со цвѣтками, и пр.; отчастижъ Индійскія матеріи, напр. батавію, и пр. Хотя и въ другихъ земляхъ умѣютъ дѣлать довольно хорошо такіяжъ матеріи, какъ Ліонскія; однакожъ сіи, а особливо тамошніе богатые штофы и парчи, по большей части удерживаютъ преимущество прекрасными узорами и преизрядными

 об-

образцами, которые безпрестанно перемѣняются. Въ Турѣ, гдѣ сперва дѣланы были волнистыя матеріи и такъ называемые гродетуры, шелковыя фабрики пришли въ упадокъ; однакожъ сей городъ отправляетъ еще нѣсколько своихъ товаровъ въ Испанію и Португаллію. Французы дѣлаютъ также сукна и всякія шерстяныя матеріи. Кромѣ шерсти, собираемой въ самой Франціи, они получаютъ много оной изъ Испаніи, изъ Швейцаріи и Варваріи, и даже много Англійской и Ирландской посредствомъ потайнаго торгу. Во всякой провинціи находятся шерстяныя мануфактуры, изъ которыхъ главныя суть суконныя. Въ продажѣ сихъ товаровъ Французы лишили преимущества Англичанъ и Голландцевъ въ Левантѣ, и даже въ нѣкоторыхъ Европейскихъ земляхъ; ибо хотя ихъ шерстяныя матеріи не такъ прочны, какъ Англійскія и Голландскія, но дешевлѣ и имѣютъ хорошій видъ. Полусукна ихъ продаются нынѣ почти только въ Турціи. Также дѣлаютъ они весьма много бумажныхъ товаровъ, какъ то бумазеи, выбоекъ, ситцовъ, кисеи. Особливожъ славна кисея дѣлаемая въ Нормандіи, гдѣ обработывается вообще половина всея хлопчатой бумаги, привозимой во Францію изъ Леванта и изъ Америки. Въ Руанѣ дѣлается бумажный бархатъ. Полотняныя фабрики весьма важны. Изъ Сень-Кантена, что въ Пикардіи, вывозится всякой годъ сорокъ тысячь кусковъ полотна, покрывалъ и батисту. Изъ Бретани всякой годъ вывозится покрывалъ, полотна и батисту цѣною на двѣнатцать миліоновъ, и на миліонъ бѣленой и крашеной пряжи. Изъ Нормандіи ежегодно отправляется въ Испанію болѣе пятидесяти тысячь кусковъ полотна. Также много обработывается верблюжьей шерсти. Золотые и серебряные галоны приносятъ Французамъ великой прибытокъ. Самые лучшіе золотые галоны дѣлаются въ Парижѣ, а самые лучшіе серебряные въ Ліонѣ. Въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ девять тысячь человѣкъ ежегодно обработываютъ золота и серебра цѣною на 7 миліоновъ ливровъ. Также поддѣлываютъ тамъ подъ золото и серебро мѣдную проволоку, которая называется Ліонскимъ золотомъ или серебромъ. Не нужно

но исчислять здѣсь еще многихъ иныхъ фабрикъ, доставляющихъ множество товаровъ, какъ то шляпныхъ, бумажныхъ, и пр.

Снабдены будучи столь многимъ богатствомъ Натуры и прилѣжанія, Французы ведутъ весьма пространную и прибыточную торговлю. Въ сѣверныя Европейскія земли сами они мало отвозятъ своихъ товаровъ: отчасти по причинѣ великой отдаленности, отчастижъ по причинѣ опасности въ случаѣ войны. И такъ Шведы и Датчане, Голландцы и Гамбургцы привозятъ туда Французскіе товары; особливожъ два послѣдніе изъ помянутыхъ народовъ доставляютъ оныя въ Польшу, Россію, и отчасти въ Пруссію. Однако сія торговля для Французовъ выгодна; ибо они отправляютъ туда своихъ товаровъ гораздо болѣе, нежели тамошнихъ оттуда получаютъ. Они посылаютъ въ помянутыя земли: соль, кофе, сахаръ, деревянное масло, плоды, индиго и другіе красильные товары, великое множество вина и водки, также много шелковыхъ товаровъ и женскихъ уборовъ. Оттудажъ получаютъ: поташъ, бочки, оксгофтные и бочечные обручи, дубовыя и сосновыя доски и бревна, пеньку, ленъ, сало, воскъ, желѣзо, мѣдь, также рожь и пшеницу.

Въ торговлѣ съ Германіею Французы получаютъ также весьма много прибытка. Изъ Ліона ежегодно посылается туда великое множество рукодѣльныхъ товаровъ, которыхъ цѣна прежде полагаема была до двѣнатцати миліоновъ ливровъ. Весьма много вина и безчисленное множество модныхъ товаровъ отправляется всякой годъ изъ Франціи въ Германію, а изъ сея земли отчасти въ Венгрію, въ Польшу, и даже въ Россію. Особливо два Ганзеатскіе города Гамбургъ и Бременъ получаютъ весьма много Французскихъ товаровъ, какъ то вина, водки, сухихъ и обсахаренныхъ плодовъ, деревяннаго масла, шафрану, сахару, кофе, всякихъ красильныхъ матерій, ароматовъ, также суконъ и шелковыхъ матерій, и снабдѣваютъ сими товарами немалую часть Германіи. Изъ Германіи Французы получаютъ: строевой и корабельный лѣсъ, доски, весьма много бочечнаго

дерева, желѣзо, сталь, ртуть, черную и бѣлую жесть, нѣсколько Рейнскаго и Мозельскаго вина, лошадей, и нѣкоторые мѣлочные товары.

Напротивъ того думаютъ, что въ торговлѣ со Швейцаріею и Италіею Французы терпятъ убытокъ. Въ первую изъ сихъ земель посылаютъ они соль, шафранъ, вино, деревянное масло, хлопчатую бумагу, толстыя сукна, шляпы, и всякіе шелковые товары. Изъ Швейцаріи они получаютъ сырой шелкъ, полотно и сыръ. Швейцарскія фабрики отъ времени до времени размножаются и приходятъ въ лучшее состояніе, отъ чего расходъ Французскихъ товаровъ въ Швейцаріи уменьшается. Еще болѣе, кажется, Франція теряетъ въ торговлѣ своей съ Италіею. Ибо хотя Французы отправляютъ туда много суконъ, полотно, золотые и серебряные штофы, разные плоды изъ Прованса, Левантскіе товары, сахаръ, кофе, и пр.; однако они должны брать изъ Италіи весьма много шелку для своихъ фабрикъ. Также получаютъ они оттуда гладкія шелковыя матеріи и бархаты, цитроны и другіе плоды, сарацинское пшено, квасцы, и пр.

Съ Голландіею, или Соединенными Нидерландами, Французы ведутъ великой торгъ. Голландцы вывозятъ на своихъ корабляхъ превеликое множество Французскихъ товаровъ, отчасти для себя, отчастижъ и еще болѣе для другихъ народовъ, живущихъ при Балтійскомъ морѣ. Сіи товары суть: бархаты, атласы, золотые и серебряные штофы, всякія шелковыя матеріи и ленты, кружева, шляпы, бумага, вина, деревянное масло, плоды, часы, зеркальныя стекла, соль, медъ, и всякіе уборы. Особливожъ Голландцы вывозятъ большую часть товаровъ получаемыхъ изъ Американскихъ селеній. Во Францію привозятъ они строевой лѣсъ, мачты, доски, канаты, и вообще всякіе Сѣверные товары, необходимо нужные для кораблеплаванія; также пряныя зелія, сушеную и соленую рыбу, табакъ, желѣзо, сталь, мѣдь, олово, свинецъ, и многіе иные товары. Французы получаютъ при томъ весьма много прибытка; но и Голландцы не менѣе, посредствомъ перепродажи ихъ товаровъ.

ровъ. По сему не удивительно, что сіи два народа, имѣя совокупныя выгоды въ торговлѣ, охотно вступаютъ и въ иные союзы между собою. Въ послѣднюю войну, Франція отнятіемъ у Голландцевъ нѣкоторыхъ такихъ выгодъ скоро принудила ихъ принять полезнѣйшія для нея мѣры.

Англичане стараются сколько возможно избѣгать торгу съ Французами. Но какъ многіе изъ нихъ любятъ Французскіе товары: то кромѣ вина, водки, зеркалъ, кружевъ и многихъ женскихъ уборовъ, переходитъ еще изъ Франціи въ Англію посредствомъ потайнаго торгу много и сихъ и еще иныхъ вещей, какъ то шелковыхъ товаровъ, галоновъ, дорогихъ штофовъ, полотна, и пр. Французы хотя берутъ у Англичанъ олово, свинецъ, табакъ, каменное уголье, кожу, а иногда и хлѣбъ; однако имѣютъ отъ сего торгу знатный прибытокъ, который еще увеличивается тѣмъ, что они получаютъ посредствомъ потайнаго торгу изъ Англіи много ремесленническихъ инструментовъ, необходимо нужныхъ для ихъ фабрикъ, также пряжи, и особливо необработанной шерсти.

Весьма выгодный торгъ ведутъ Французы съ Испанцами. Изъ гаваней находящихся на Океанѣ и изъ Марсели они отправляютъ въ Испанію много рукодѣльныхъ товаровъ, также часто хлѣбъ, вывозимый изъ Италіи и Варваріи, Левантскіе товары, цѣлые корабли нагруженные лаберданомъ и трескою, которую ловятъ при Терреневѣ. За то получаютъ они изъ Испаніи шелкъ, шерсть, красильныя матеріи, какао, аптекарскіе товары и ароматы, табакъ, кошениль, и особенно много золота и серебра, отчасти въ прутьяхъ, отчастижъ въ монетахъ. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ заключенный между Франціею и Испаніею *Фамильный союзъ* доставлялъ Французамъ еще болѣе участія въ Испанской торговлѣ и прибыткѣ отъ оной. Въ Португаллію посылаютъ они шерстяные и шелковые рукодѣльные товары, полотно, бумагу, желѣзо, водку, треску, Левантскія золотыя и серебряныя бахрамы, разные мѣлочные и модные товары, иногдажъ и хлѣбъ. Изъ Португалліи получаютъ: табакъ, кошениль, Бразильское дерево, кожу, деревянное масло, цитроны, смоквы, и

другіе плоды. Въ новѣйшія времена сей торгъ ихъ нѣсколько увеличился.

Но гораздо важнѣе торговля Французовъ въ Левантѣ, гдѣ нынѣ имѣютъ они преимущество предъ Англичанами и Голландцами. Они посылаютъ туда троякіе товары: отчасти дѣланные въ самой Франціи, какъ то сукна, саржи, шелковыя матеріи, бумагу, благовонныя масла и воды, оправленные драгоцѣнные камни, часы, свинецъ, жестяные товары; отчасти произведенія селеній своихъ, какъ то индиго, сахаръ, инбирь, и даже кофе, которое мѣшаютъ съ дорогимъ Леванштскимъ кофе; наконецъ, товары другихъ земель, какъ то пряныя зелія, красильное дерево, ртуть, свинецъ и олово. Также и изъ Турціи Французы вывозятъ троякіе товары: вопервыхъ тамошнія произведенія, употребляемыя въ Европѣ безъ обработыванія, какъ то сарацинское пшено, хлѣбъ, изюмъ, сыръ, Кипрское вино, воскъ, ревень и иные аптекарскіе товары; вовторыхъ матеріалы обработываемые во Франціи, какъ то шелкъ, шерсть, хлопчатую бумагу, бумажную пряжу, верблюжью шерсть, буйволовьи кожи, чернильные орѣшки, квасцы, купоросъ, и пр.; втретіихъ рукодѣльные Левантскіе товары, какъ то всякія толстыя шерстяныя и бумажныя матеріи, сафьянъ, шагринъ, кисею, шелковые и бумажные платки, Турецкіе и Персидскіе ковры, и многіе иные. Цѣна сихъ вывозимыхъ оттуда товаровъ полагается до двашцати двухъ или двашцати трехъ миліоновъ ливровъ, но обработываніемъ матеріаловъ во Франціи еще возвышается. Вся сія торговля въ Константинополь, Смирну, Алеппо, и другія Турецкія гавани, ведется нынѣ изъ Марсели.

Ост-Индійская торговля Французовъ, какъ выше сего показано, въ новѣйшія времена много претерпѣла. По разрушеніи ихъ Ост-Индійскаго общества, нѣкоторые Французскіе купцы порознь отправляли корабли въ Ост-Индію, и тамошняя торговля ихъ получила вновь нѣкоторую живость. Но въ послѣднюю войну Французы лишились владѣній своихъ въ Ост-Индіи. Однако они имѣютъ еще немалую надежду, что тамошнія обстоятель-

ятельства ихъ поправятся. Сію надежду подаютъ имъ связи ихъ съ Голландцами, которые въ Ост-Индіи толь сильны, и обладаніе островов де-Франсъ и Бурбонъ, которые хотя лежатъ при Африканскомъ берегѣ, за мысомъ Доброй Надежды, но служатъ для нихъ какъ бы входомъ въ Ост-Индію. Французы, такъ же какъ и другіе Европейцы, вывозятъ изъ Ост-Индіи пряныя зелія, тонкое полотно, и иные дорогіе товары, а сверьхъ того еще чай, фарфоръ, и другіе Китайскіе товары. На островѣ Бурбонѣ развели они кофейное дерево съ такимъ хорошимъ успѣхомъ, что вывозятъ оттуда всякой годъ два миліона и болѣе пяти сотъ тысячь фунтовъ кофе; хотя сей островъ не имѣетъ гавани. Иль-де-Франсъ имѣетъ хорошую гавань; но разведеніе кофе, сахару, хлопчатой бумаги, индиго, и многихъ иныхъ продуктовъ, понынѣ не было еще тамъ удачно.

Въ Африкѣ Французы ведутъ торгъ невольниками, потребными для Вест-Индійскихъ селеній, такъ же какъ и другіе Европейскіе народы, на Гвинейскомъ берегѣ. По Парижскому мирному трактату въ 1763 году оставленъ имъ былъ только островъ Гореа при рѣкѣ Сенегалѣ. Тамъ покупаютъ они также невольниковъ, невыдѣланныя кожи, слоновую кость, разные аптекарскіе товары, и золотой песокъ; а туда доставляютъ сабли, ружья, порохъ, желѣзо, водку, стекляные кораллы, сукно и другія шерстяныя матеріи, Ост-Индійскія бумажныя ткани, и мѣлкія бѣлыя раковинки, находимыя при Малдивскихъ островахъ. Изъ Варваріи Французы вывозятъ струсовы перья, воскъ, кожу, мѣль, шерсть, шерстяныя покрывала, шитые платки, хлѣбъ, сарацинское пшено, гумми, и другіе товары; тудажъ отвозятъ сукна, полотно, сахаръ, кофе, вино, водку, бумагу, желѣзо, сталь, и пр.

Но самый важнѣйшій торгъ Французовъ внѣ Европы есть Вест-Индійской. Они получаютъ изъ тамошнихъ селеній своихъ, а именно съ островов Мартиника, Гвадалупы, половины острова Сан-Доминго, и съ нѣкоторыхъ мѣлкихъ островов, сахаръ, кофе, индиго, какао, хлопчатую бумагу, инбирь, табакъ, разные ап-

аптекарскіе товары, и пр. Напротивъ того сами снабдѣваютъ сіи селенія всѣми нужными тамъ вещами; хотя во время войны должны бываютъ отправлять оныя на нейтральныхъ корабляхъ. Изъ Рошеля и Бурдо особенно посылаются туда съѣстные припасы, также полотно, желѣзо, и всякіе мѣлочные товары; изъ Руана и Нанта платье и домашніе приборы; изъ Марсели вина, уксусъ, водка, оливковое масло, сушеные плоды, и другіе товары. Между сими селеніями отмѣнное уваженіе заслуживаетъ часть острова Санъ-Доминго, принадлежащая Французамъ. Въ 1767 году вывезено изъ одного сего селенія, по исчисленію нѣкотораго славнаго Французскаго писателя, семьдесятъ два миліона и болѣе седьмисотъ тысячь фунтовъ сыраго сахару, болѣе пятидесяти одного миліона пріуготовленнаго сахару, около двухъ миліоновъ индиго, сто пятьдесятъ тысячь фунтовъ какао, болѣе двѣнатцати миліоновъ фунтовъ кофе, около трехъ миліоновъ фунтовъ хлопчатой бумаги; болѣе осьми тысячь невыдѣланныхъ кожь, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ двухъ бычьихъ, или четырехъ коровьихъ, либо трехъ тѣлячьихъ кожь; болѣе десяти тысячь выдѣланныхъ кожь; болѣе четырехъ тысячь оксгофтовъ руму, или сахарной водки, и болѣе дватцати одной тысячи оксгофтовъ сирупу, дѣлаемаго также изъ сахарнаго тростнику. Сверьхъ того ведется съ сего острова великой и прибыточный потайной торгъ съ Испанскими владѣніями въ Америкѣ. — Послѣ Доминго знатнѣйшій изъ Французскихъ острововъ есть Мартиникъ. Тамъ въ 1718 году въ первой разъ насаждено было кофейное дерево; и сей островъ доставляетъ вообще самое лучшее Вест-Индійское кофе. Въ 1767 году вывезено съ онаго дватцать четыре миліона фунтовъ однажды очищеннаго сахару, тритцать тысячь центнеровъ кофе, шесть тысячь центнеровъ хлопчатой бумаги, и четыреста центнеровъ какао, не считая иныхъ товаровъ. Посредствомъ потайнаго торгу двѣнатцатая часть сихъ произведеній переходитъ къ иностранцамъ. — Въ Гвадалупѣ разведено особенно весьма много сахару. Въ 1767 году вывезено съ сего острова и съ нѣкоторыхъ принадлежа-

щихъ

щихъ къ нему мѣлкихъ острововъ тритцать милiоновъ фунтовъ сыраго сахару, шестьдесятъ милiоновъ фунтовъ однажды очищеннаго сахару, дватцать одна тысяча центнеровъ кофе, три тысячи двѣсти центнеровъ хлопчатой бумаги, и восемьдесятъ центнеровъ какао. — Выше сего упомянуто уже, что Французы ведутъ торгъ съ Сѣверо-Американскими Англичанами какъ съ Вест-Индiйскихъ своихъ острововъ, такъ и изъ Европы. — При Терреневскомъ берегѣ имѣютъ они участiе въ ловлѣ трески, которая соленая называется лаберданомъ, а сушеная штокфишъ. Но какъ съ 1763 года они владѣютъ тамъ только нѣкоторыми малыми островами, и не имѣютъ селенiя, то ловля сея рыбы и торгъ оною были для нихъ не весьма прибыточны.

Изъ сего описанiя видно, что торговля Французовъ весьма пространна и находится въ цвѣтущемъ состоянiи. Но хотя они остроумнымъ своимъ прилѣжанiемъ и изобрѣтательностiю сообщаютъ ей толикую живость; однако не имѣетъ она такого совершенства во всѣхъ частяхъ, къ какому при толь выгодныхъ обстоятельствахъ способна; и даже понынѣ Французы дѣлаютъ въ ней такiя ошибки, какихъ бы отъ толико просвѣщеннаго народа ожидать не можно. Они могли бы отъ себя вывозить весьма много хлѣба; но вмѣсто того иногда сами претерпѣваютъ недостатокъ въ ономъ. Они ведутъ съ иностранцами великой торгъ солью, которой у нихъ весьма много; но въ собственномъ ихъ отечествѣ она продается помѣстамъ такъ дорого, что многiе деревенскiе жители едва въ состоянiи покупать ее. Также владычествуетъ у нихъ предразсужденiе, что дворянству всякая торговля, даже и самая большая и важная, не пристойна; хотя многiе дворяне принуждены бываютъ торговать для поправленiя своихъ обстоятельствъ.

Перешедши отъ Францiи къ Германiи, находимъ тамъ весьма много заслуживающаго примѣчанiе въ перемѣнахъ торговли и въ новѣйшемъ состоянiи оной; но также много и такого, что требуетъ еще поправленiя, или приведенiя въ большее совершенство, и при чемъ всякой любящiй отечество свое Германецъ долженъ жа-

лѣть,

лѣть, что единоземцы его, не имѣющіе недостатка ни въ выгодахъ, потребныхъ для торговли, не сравнялись еще въ ней съ нѣкоторыми другими народами, особливожъ, что они какъ бы платятъ дань другимъ народамъ за множество такихъ товаровъ, безъ которыхъ бы обойтись могли.

Въ началѣ шестагонадесять столѣтія находилось еще великое и славное торговое союзничество, называемое Ганзою, котораго происхожденіе и исторія описаны выше сего. Но по томъ оно претерпѣвало потрясеніе за потрясеніемъ, и наконецъ совсѣмъ разрушилось. Около помянутаго времени Ганза владѣла торговлею самой большей части Европы, выключая Италію, Испанію и Португаллію. Корабли ея покрывали еще Балтійское и Сѣверное моря; и она не только защищала оружіемъ торгъ свой, но и вела войны съ Сѣверными Королевствами. Особливожъ Любекъ, Гамбургъ, Висмаръ, Ростокъ, Штеттинъ, Данцигъ, и другіе при Балтійскомъ морѣ лежащіе города, были еще весьма богаты и сильны. Повѣствуютъ, что Любекцы одни продавали Англійскому Королю Генрику VIII Датское Королевство, и получили уже за оное двадцать тысячь кронъ; но остальную часть договорной цѣны отложилъ онъ заплатить до того времени, какъ они морскою свою силою дѣйствительно доставятъ ему во владѣніе сіе Королевство. Извѣстно, что Густавъ Ваза, славный Шведской Король, въ 1519 году ушелъ въ Любекъ; что сей городъ вспомоществовалъ ему взойти на Шведской престолъ; и что въ 1523 году Любекское войско принудило Датчанъ отступить отъ главнаго Шведскаго города Штокгольма, который они держали въ осадѣ. Кромѣ того извѣстно, что помянутый Король и Фридрихъ I, Король Датской, въ спорахъ своихъ объ островѣ Готландѣ и другихъ областяхъ положились на рѣшеніе шести Ганзеатскихъ городовъ, а именно Любека, Гамбурга, Данцига, Ростока, Висмара и Люнебурга, и заключили съ ними союзъ противъ изгнаннаго Сѣвернаго Короля Христіана II. Также Ганза имѣла еще великіе магазины свои для складки товаровъ въ Лондонѣ, Антверпенѣ, Бергенѣ

вѣ и Новѣгородѣ. Союзные города получали вѣ шестомѣнадесять столѣтіи подтвержденія старыхѣ своихѣ правѣ и привилегій вѣ Англіи, Нидерландахѣ, вѣ Сѣверныхѣ земляхѣ и вѣ Россіи. Особливожѣ Антверпенѣ до конца шестагонадесять столѣтія былѣ самымѣ цвѣтущимѣ и богатѣйшимѣ изѣ всѣхѣ торговыхѣ городовѣ вѣ Европѣ.

Но вѣ семѣ же столѣтіи Ганзеатской союзѣ мало по малу лишился большей части силы своея. Вѣ разныхѣ земляхѣ, гдѣ прежде принадлежащіе кѣ оному города вели весьма прибыточный или исключительный торгѣ, убытокѣ, претерпѣваемый отѣ того жителями и купцами сихѣ земель, становился примѣтнѣе, ободряемо было прилѣжаніе сихѣ послѣднихѣ, и излишнія выгоды Ганзеатскихѣ купцовѣ были ограничиваемы. Между прочими Датчане давно уже жаловались на то, что имѣ не позволено было класть надлежащей цѣны на свои товары, привозимые на продажу вѣ Ганзеатскіе города; но тамошніе начальники, которые по большей части были сами купцы, опредѣляли сію цѣну по своему произволенію, и получали отѣ того весьма великой прибытокѣ. Напротивѣ того Датчане часто принуждены бывали продавать товары свои сѣ убыткомѣ; ибо выгрузивши оные, не могли уже вывозить обратно, но должны были либо продавать за первую цѣну, какая бывала опредѣлена, или какую имѣ давали, либо оставлять на нѣсколько времени вѣ магазинахѣ Ганзеатскихѣ гражданѣ. Кромѣ того, хлѣбѣ, коровье масло, рыба, и другіе съѣстные припасы, вѣ Даніи отѣ ежегоднаго большаго вывоза оныхѣ весьма вздорожали: по чему около 1515 году Христіанѣ II, бывшій тогда Королемѣ Сѣвернымѣ, приказалѣ продавать какѣ сіи, такѣ и иные Датскіе товары, только вѣ Копенгагенѣ, и перевелѣ туда самыхѣ богатѣйшихѣ купцовѣ изѣ другихѣ странѣ своего владѣнія. Сіе было тяжкимѣ ударомѣ для торговли Ганзеатскихѣ городовѣ, особливожѣ Вендскихѣ при Балтійскомѣ морѣ. Но вѣ послѣдствіи то же произошло и вѣ иныхѣ земляхѣ. Прежде Ганзеатскіе купцы привозили вѣ сіи земли множество самыхѣ простыхѣ ремесленничьихѣ рукодѣлій и еще болѣе искусственнѣйшихѣ рукодѣльныхѣ

ныхъ товаровъ, за которые брали натуральныя произведенія сихъ земель, и обрабѣтывая оныя продавали отчасти тамошнимъ же жителямъ. Но тогда жители сихъ земель начали сами заводить у себя мануфактуры и вести дѣятельный торгъ. Въ Англіи еще съ 1521 году запрещено было Ганзеатцамъ вывозить оттуда нестриженныя сукна. Вскорѣ по томъ мало по малу отняты были у нихъ важныя ихъ преимущества касающіяся до пошлинъ, какихъ прежде и сами Англичане не имѣли; а въ 1570 году они лишились и всѣхъ тамошнихъ своихъ привилегій. Въ Нидерландахъ Карлъ V покровительствовалъ торговлю Фландрскихъ и Брабантскихъ купцовъ, но притѣснялъ Ганзеатцевъ. Послѣдовавшая по томъ Нидерландская война разрушила торговлю ихъ въ Антверпенѣ, и оная вообще перешла изъ сего города въ Амстердамъ. Другая причина упадка Ганзы была увеличеніе могущества Германскихъ Князей, которые покорили себѣ многіе изъ принадлежавшихъ къ сему союзничеству городовъ; а нѣкоторые города сами оставили оное, послѣ того, какъ собственная частная управа и происходившія отъ нея опасности, которыя заставили ихъ вступить въ Ганзу, были прекращены общимъ миромъ. Также многіе города оставили сіе союзничество для того, что они должны были нести всѣ тягости онаго купно съ другими, не участвуя въ великихъ выгодахъ приморскихъ городовъ.

Такимъ образомъ Ганза современемъ паче и паче уменьшалась и ослабѣвала. Она лишилась большей части своихъ союзниковъ, великихъ своихъ магазиновъ, и самаго своего пространнаго торгу. Тщетно старались оставшіеся въ ней города возобновить сей союзъ и возстановить прежнюю его силу. Наконецъ съ 1630 года остались въ немъ только три города: *Любекъ*, Гамбургъ и Бременъ. Сіи города и понынѣ еще называются Ганзеатскими, имѣютъ связь между собою, заключаютъ общіе торговые договоры съ иностранными, особливожъ съ приморскими Державами, имѣютъ еще подъ именемъ Ганзеатскихъ городовъ нѣкоторыя привилегіи въ земляхъ сихъ Державъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ содержатъ сво-

своихъ Резидентовъ. Однако морская торговля ихъ, которая прежде была толь велика, нынѣ весьма уменьшилась. Германія вообще со времени разрушенія Ганзеатскаго союзничества лишилась страшной морской силы своея купно съ большею частію морской торговли: чему много способствовали и другія происшествія, какъ то открытіе и завоеваніе Америки западными Европейскими народами и увеличеніе торговли ихъ и воинской силы на морѣ.

Въ прочей части Германіи около начала шестагонадесять столѣтія торговля ведена была съ немалымъ успѣхомъ. Изстари ведущіяся и важныя ярманки во Франкфуртѣ при Майнѣ и въ Лейпцигѣ соединяли товары и прилѣжаніе Германцевъ съ произведеніями чужихъ земель. Хотя распространившееся изъ новонайденной Америки множество золота и серебра вдругъ возвысило цѣны товаровъ и въ Германіи; но также и весьма много собственнаго серебра переходило изъ Германіи къ иностранцамъ; а особливо чрезъ Франкфуртъ Германцы получали такое множество пряныхъ зелій, шелковыхъ матерій, и вообще иностранныхъ товаровъ, что не могли расплачиваться за оные натуральными и рукодѣльными своими произведеніями. Въ южной Германіи города Аугсбургъ и Нирнбергъ отмѣнно обогатились Италіанскимъ торгомъ и разною искусственною работою. Въ первомъ изъ сихъ городовъ Фуггеры, купцы торговавшіе болѣе двухъ сотъ лѣтъ, пріобрѣли торговлею и отчасти съ рудокопныхъ своихъ заводовъ чрезвычайно великое богатство, такъ что въ состояніи были покупать себѣ помѣстія и Графства. Императоръ Максиміліанъ I далъ имъ дворянство; а Карлъ V, которому они весьма великодушно вспомоществовали деньгами, жаловалъ ихъ Баронскимъ и Графскимъ достоинствомъ. Находящіеся нынѣ въ Швабіи Рейхсграфы Фуггеры суть ихъ потомки. Въ шестомънадесять столѣтіи сія славная фамилія употребляла богатство свое на споспѣшествованіе наукамъ. Впрочемъ общій міръ въ шестомънадесять столѣтіи не утвердилъ еще совершенно публичной безопасности для торговли въ Германіи; но по-

вре-

временамъ оная нарушаема была, кромѣ публичной войны, разбоями и другими насильствами склонныхъ къ мятежамъ дворянъ и воинскихъ начальниковъ.

Но сіи нарушенія безопасности были весьма маловажны въ сравненіи съ разорявшею всю Германію тритцатилѣтнею войною, которая продолжалась до половины седьмагонадесять столѣтія, и опустошивъ многія страны, разрушила по большей части и торговлю. Хотя приморскіе города при Балтійскомъ и Германскомъ моряхъ менѣе безпокоены были сею войною, нежели внутри Германіи находящіеся; однакожъ и Померанскіе и Мекленбурскіе торговые города, какъ то Штралзундъ, Штеттинъ, Ростокъ, и другіе, немало отъ оной претерпѣли. Также Императоръ Фердинандъ II, овладѣвши Помераніею и Мекленбургіею, старался произвести въ дѣйство въ сихъ двухъ земляхъ великое предпріятіе, которое могло бы дать весьма вредный оборотъ Германской и Сѣверной торговлѣ на Балтійскомъ и Германскомъ моряхъ. Онъ приказалъ съ 1628 года въ Мекленбургскихъ приморскихъ городахъ вооружать флотъ, которому подъ управленіемъ полководца его Валленштейна надлежало овладѣть Балтійскимъ моремъ, соединиться съ Испанскимъ флотомъ, который пришелъ бы съ Германскаго моря, занять Зундъ, и препятствовать кораблеплаванію какъ Датчанъ, Шведовъ и Ганзеатцевъ, такъ и Голландцевъ, которые вели тогда войну съ Испаніею. Но сіе предпріятіе не имѣло успѣха: чему главною причиною были скорое прибытіе Короля Шведскаго Густава Адолфа съ войскомъ въ Померанію, и побѣдоносные его походы.

По окончаніи тритцатилѣтней войны Вестфальскимъ миромъ въ 1648 году, Германія начала мало по малу оправляться; также началось и стараніе о возобновленіи ея торговли. Заведены были новыя мануфактуры; употребленіе почтъ распространилось; и Германцы предпринимали даже завести селенія въ Америкѣ для своея торговли. Около 1680 года введены въ Германіи въ употребленіе чай, кофе и табакъ: чему особенно способствовалъ Голландской Докторъ Корнелій Фан Бонтекое въ Гамбургѣ, гдѣ онъ завелъ первой кофейный домъ,

а по томъ въ Берлинѣ. Сіе открыло новый источникъ переходу денегъ изъ Германіи къ иностранцамъ; хотя въ прошедшемъ столѣтіи сіи товары не были еще тамъ въ общемъ употребленіи. Другая перемѣна въ состояніи ихъ торговли произошла вскорѣ по томъ, послѣ 1680 года, когда многія тысячи Французскихъ выходцевъ, изгнанныхъ изъ своего отечества Лудовикомъ XIV за Реформатскую религію, поселились въ Германіи, особливожъ въ областяхъ Курфирста Бранденбургскаго. Между ими было много искусныхъ художниковъ и мануфактуристовъ, которые начали дѣлать въ Германіи многія искусственныя вещи, прежде только изъ Франціи вывозимыя; и Германцы перенимали у нихъ сіи искусства. Нѣкоторые Французскіе писатели чрезмѣрно увеличиваютъ сіи новыя выгоды въ торговлѣ, полученныя Германцами. Волтеръ, остроумнѣйшій изъ оныхъ, прямо утверждалъ, что до прибытія помянутыхъ выходцевъ не было въ Германіи ни торговли, ни денегъ; что до того времени потребныя для удобства вещи даже у самыхъ знатнѣйшихъ людей въ Германіи были весьма рѣдки; и что вся сѣверная часть Германіи, страна дикая и лишенная трудолюбія, совершенно преображена сими иностранцами. Исторія торговли среднихъ временъ показываетъ уже, сколь ложно сіе описаніе. Пространная торговля самой сея сѣверной части Германіи, какъ сухопутная, такъ и морская, въ третьемънадесять столѣтіи находилась въ такомъ состояніи, въ какое у славныхъ нынѣ торговлею народовъ пришла она уже въ последнія двѣсти лѣтъ, а во Франціи еще только за полвтораста лѣтъ предъ симъ. Шерстяныя и полотняныя мануфактуры процвѣтали во многихъ странахъ Германіи еще со втораганадесять столѣтія, и долго снабдѣвали своими товарами самихъ Французовъ. Кромѣ обогащенія посредствомъ торговли, Гарцскіе и Мейссенскіе рудники съ десятаго до пятьнатцатаго столѣтія доставили Германіи такое множество денегъ, какого во Франціи не было даже до седьмагонадесять вѣка. И такъ можно согласиться только въ томъ, что кромѣ распространенія нѣкоторыхъ роскошныхъ товаровъ, служа-

щихъ къ украшенію и удобству, напр. парасолей, кошельковъ на волосы, пудры, благовонныхъ водъ, табатерокъ, и пр., Французскіе выходцы либо перенесли въ первой разъ въ Германію, или только въ нѣкоторые города и области, либо довели тамъ до большаго совершенства нѣсколько полезнѣйшихъ мануфактуръ и искусствъ, какъ то тканье чулокъ, дѣланіе бобровыхъ шляпъ, шелковыхъ матерій, часовъ, и пр.; и что они примѣромъ своимъ способствовали къ ободренію расторопности и прилѣжанія между многими Германцами. Германцы должны съ благодарностію въ томъ признаться; ибо сіе вообще для нихъ и для торговли ихъ было весьма выгодно. Но сіи же самые иностранцы, купно съ обычаями своими и товарами, ввели въ Германіи вкусъ ко множеству дорогихъ излишнихъ вещей и къ частымъ перемѣнамъ въ уборахъ и въ образѣ жизни, называемымъ вообще *модами*: чѣмъ не заслужили они благодарности въ разсужденіи какъ характера, такъ и торговли Германцевъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія примѣръ другихъ щастливо торгующихъ народовъ и вредъ причиняемый ошибками въ торговлѣ возбудили въ Германцахъ большее вниманіе къ онымъ. Они находили новые пути для торговли; увеличивали число и доброту своихъ мануфактуръ; научились коммерческой политикѣ, сей важной части общей политики, состоящей въ искусствѣ употреблять всякое прилѣжаніе подданныхъ способомъ и къ умноженію общественнаго изобилія и благосостоянія, и къ полезнымъ связямъ съ иными народами. Хотя успѣхи ихъ въ семъ уже велики, однако еще остается имъ много сдѣлать для приведенія торговли своея въ такое совершенство, какого она и сама по себѣ и по ихъ способностямъ достичь можетъ. Трудно истребить нѣкоторыя препятствія, донынѣ противившіяся тому. Къ такимъ препятствіямъ принадлежитъ вопервыхъ общее устроеніе Германіи. Она раздѣлена на многія не зависящія одна отъ другой области, которыя рѣдко имѣютъ общія выгоды въ торговлѣ. Часто сіи области дѣлаютъ одна другой затрудненіе въ вывозѣ и продажѣ ихъ произве-

изведенiй и товаровъ; а по тому самыя главныя вѣтви торговли не рѣдко бываютъ въ нихъ слабѣе всѣхъ прочихъ. Кромѣ сего, многiе города, внутри Германiи лежащiе, зависятъ отъ приморскихъ въ разсужденiи установленiя цѣнъ и другихъ обстоятельствъ. Во времена Ганзы приморскiе города служили только сборищами товаровъ и мануфактуръ внутреннихъ городовъ; а нынѣ они часто обработываютъ матерiалы получаемые изъ сихъ послѣднихъ, и отправляютъ въ нихъ множество рукодѣльныхъ товаровъ. Но паче всего вредна для торговли Германцевъ склонность ихъ ко всему иностранному. Весьма многiе предпочитаютъ все Французское или Англiйское товарамъ равной или еще вышшей доброты, дѣланнымъ въ собственномъ ихъ отечествѣ, препятствуютъ чрезъ то распространенiю своихъ товаровъ, и пересылаютъ деньги свои къ иностранцамъ. Сiе простирается толь далеко, что множество бездѣлицъ и самые съѣстные припасы привозимы бываютъ въ Германiю изъ другихъ земель, и даже становятся тамъ дешевле, нежели собственныя произведенiя сея земли, не уступающiя онымъ добротою. Извѣстно, коль многiя, отчасти глупыя, болѣе безобразящiя, нежели къ украшенiю служащiя, моды переходятъ изъ Францiи въ Германiю, и Германцы удивляются онымъ и перенимаютъ ихъ для того только, что онѣ вывезены изъ Парижа. Извѣстно даже, что самые странные и нелѣпые уборы, не понравившiеся въ Парижѣ, отсылаемы бываютъ оттуда на Сѣверъ (подъ которымъ названiемъ Французы разумѣютъ и немалую часть Германiи) съ необманчивымъ увѣренiемъ, что тамъ будутъ раскуплены. Не нужно показывать особливо, коль многiе милiоны талеровъ выходятъ всякой годъ изъ Германiи за сахаръ, чай, кофе, и другiе такiе товары, содѣлавшiеся мало по малу нужными даже для нищихъ. За сiе безчисленное множество иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ въ Германiю, она отдаетъ сосѣдамъ своимъ полотно, лѣсъ, нѣкоторое количество простыхъ рукодѣльныхъ товаровъ, также нѣсколько вина и скота; но сверьхъ того должна платить особливо Французамъ всякой годъ весьма знат-

ныя суммы денегъ. Что Германія въ торговлѣ своей съ знатнѣйшими торгующими народами вообще теряетъ: сіе между прочимъ, кажется, происходитъ и отъ того, что морская торговля ея, къ которой она имѣетъ довольно удобности по своему положенію при Германскомъ и Балтійскомъ моряхъ, также и при Адріатическомъ морѣ, весьма еще ограничена, и остается въ рукахъ нѣкоторыхъ немногихъ городовъ, какъ бы предписывающихъ законы большей части прочей Германіи.

Между сими приморскими городами и понынѣ еще отличаются три Имперскіе и Ганзеатскіе города Любекъ, Гамбургъ и Бременъ. Любекъ ведетъ великой торгъ съ землями лежащими при Балтійскомъ морѣ (въ чемъ находящаяся на семъ морѣ гавань Травеминдъ доставляетъ ему всякое пособіе) съ частію Германіи, и даже на морскихъ берегахъ нѣкоторыхъ земель лежащихъ далѣе къ сѣверу и западу. Также сей городъ имѣетъ нѣкоторыя мануфактуры. Бременъ, лежащій при рѣкѣ Везерѣ, также ведетъ еще весьма знатный торгъ по морю съ Голландіею, Англіею, и другими землями, и сухимъ путемъ съ нѣкоторыми сосѣдственными мѣстами Германіи. Въ немъ равнымъ образомъ есть довольно мануфактуръ. Но самый важнѣйшій изъ сихъ трехъ торговыхъ городовъ есть Гамбургъ, превосходящій важностію и великостію торговли своея всѣ прочіе Германскіе города. Положеніе его при устьѣ рѣки Эльбы доставляетъ ему, съ принадлежащею къ нему областію, удобность къ пространному кораблеплаванію, простирающемуся въ Голландію, Англію, Францію, Испанію, и другія земли. Въ исторіи торговли нѣкоторыхъ изъ сихъ земель упомянуто уже, что Гамбургъ снабдѣваетъ большую часть Германіи товарами оныхъ; но также и туда отправляется изъ него не менѣе Германскихъ товаровъ. Онъ имѣетъ знатныя фабрики, на которыхъ дѣлаются выбойки, чулки, бархаты, золотая проволока, ленты, и многіе иные товары. Но особенно тамошнія сахарныя варницы, доставляющія сахаръ многимъ странамъ Германіи находятся въ цвѣтущемъ состояніи и приносятъ великой прибытокъ. Кромѣ того сей городъ торгуетъ особливо пряными зе-

ліями, кофе, виномъ, сушеною и соленою рыбою, плодами, всякими металлами, хлѣбомъ, лѣсомъ, полотномъ, сукномъ, шелковыми товарами, и пр. Въ основаніи какъ Гамбургъ, такъ и Любекъ, пріобрѣтаютъ толь великое богатство посредствомъ переправленія безчисленнаго множества товаровъ изъ западныхъ земель въ сѣверныя и восточныя, и изъ восточныхъ и сѣверныхъ въ западныя.

Къ выгодамъ Гамбургской торговли принадлежитъ особенно учрежденный въ 1619 году банкъ, или общая казна. Въ помянутомъ году, при случаѣ великой разстройки денежныхъ обстоятельствъ въ Германіи, знатнѣйшіе Гамбургскіе купцы совокупно учредили такую казну, въ которую каждый изъ нихъ могъ положить столько денегъ, сколько ему для торговли его было потребно; но симъ деньгамъ надлежало быть опредѣленой доброты и цѣны, по которой бы всякой могъ вести счетъ при продажѣ и покупкѣ своихъ товаровъ и заключать договоры съ иностранцами. Для сего выбрали они бывшіе тогда въ обращеніи по Имперскому установленію талеры въ 2 лота вѣсомъ, и въ 14 лотовъ 4 грана добротою, и считали ихъ въ торговлѣ за 3 марка, или 48 шиллинговъ. Симъ учрежденіемъ освободились они отъ необходимости всякой разъ считать, взвѣшивать и пересматривать талеры; также деньги ихъ были въ безопасности, и имѣли опредѣленную и постоянную цѣну въ торговлѣ съ прочими Европейцами. Вмѣсто того, чтобъ платить другъ другу наличными деньгами, они дѣлали то письменно чрезъ бухгалтера банка. Всякой могъ взять обратно положенныя имъ въ банкъ деньги, когда хотѣлъ; и все записанное въ книгахъ онаго всегда было наличною монетою. Съ симъ *складочнымъ* банкомъ, какъ онъ обыкновенно называется, Гамбургцы совокупили въ послѣдствіи *ссудный* банкъ, изъ котораго остававшееся количество денегъ раздаваемо было въ заемъ подъ закладъ за умѣренные проценты. Но самаго большаго совершенства достигло учрежденіе сего банка, когда счетъ его основанъ былъ только на вѣсѣ и добротѣ серебра безъ отношенія къ монетѣ или къ

штемпелю. Онъ принимаетъ въ счетъ 16 лотовъ или марковъ чистаго серебра за 27 марковъ 12 шилинговъ, съ тѣмъ, чтобъ доброта монеты была не ниже 15 лотовъ 12 грановъ. Такимъ образомъ принимая чистое и хорошее серебро по опредѣленному вѣсу можетъ онъ соблюдать въ счетахъ своихъ самую большую исправность и вѣрность. Посредствомъ сего содѣлался онъ самымъ основательнѣйшимъ и надежнѣйшимъ банкомъ въ Европѣ, по признанію самихъ иностранцевъ, хотя и не столь богатъ, какъ Лондонской и Амстердамской банки.

Внутри Германіи находятся еще и понынѣ знатные торговые города, какъ то Брауншвейгъ, Франкфуртъ при Майнѣ, Майнцъ, Лейпцигъ, Наумбургъ, Франкфуртъ при Одерѣ, Нирнбергъ и Аугсбургъ, ведущіе щастливый торгъ какъ въ самой Германіи, такъ и съ сосѣдственными народами, отчастижъ и съ отдаленными. Первые шесть изъ упомянутыхъ теперь городовъ имѣютъ ежегодные ярманки, или славные и большіе торги, на которыхъ вдругъ производимо бываетъ великое множество коммерческихъ дѣлъ.

По трехъ упомянутыхъ выше сего Ганзеатскихъ городахъ, Брауншвейгъ есть самый знатнѣйшій торговый городъ въ Нижней Саксоніи. Всякой годъ бываютъ тамъ двѣ большія ярманки, на которыя съѣзжается множество купцовъ. Кромѣ весьма многихъ иностранныхъ товаровъ, жители тамошніе торгуютъ также и многими собственными рукодѣльными товарами. А именно въ Брауншвейгскомъ округѣ дѣлаются многіе шерстяные и шелковые товары, преизрядныя стекла и зеркала, сафьянъ, желѣзныя и стальныя вещи, и пр.; также разводятъ тамъ много табаку, и варятъ славныя пива, Брауншвейгскую мумме и духштейнъ, которыя отправляемы бываютъ въ дальнія мѣста. — Въ сосѣдственныхъ съ симъ округомъ Курфиршескихъ Брауншвейскихъ, или Ганноверскихъ земляхъ торговля не менѣе процвѣтаетъ. Оттуда вывозятся не только разные металлы, минералы и строевой лѣсъ, но и многіе рукодѣльные товары, какъ то: льняная пряжа, полотно,

но, печатныя и расписанныя вощанки и обои, хорошія сукна и чулки, камлоты, берканы, каламенки и множество иныхъ матерій, бахрамы, галоны, каменная посуда, и пр. Рѣка Везеръ весьма способствуетъ пересылкѣ всѣхъ сихъ товаровъ.

Вестфальская торговля хотя не изъ самыхъ большихъ, однакожъ поддерживается нѣкоторыми немаловажными мануфактурами. Главные тамошніе товары суть пряжа и холстъ. Въ Епископствѣ Оснабрикскомъ ткутъ много толстаго холста, который Голландцы, Англичане и Испанцы отвозятъ даже въ Гвинею и Америку. То же надлежитъ сказать о Княжествѣ Минденскомъ. Въ Графствѣ Равенсбергскомъ тканье холста находится отмѣнно въ хорошемъ состояніи. Особливожъ въ Билефельдѣ и Герфорденѣ ткутъ или только бѣлятъ тонкой и толстый холстъ, служащій весьма выгоднымъ предметомъ торговли съ самыми отдаленными странами. Въ другихъ Вестфальскихъ земляхъ, какъ то въ Герцогствѣ Бергськомъ и Графствѣ Маркскомъ, многія желѣзныя и стальныя фабрики доставляютъ знатное количество товаровъ для вывоза. Въ Княжествѣ Остфрисландскомъ, пользующемся удобнымъ для морской торговли положеніемъ своимъ съ хорошимъ успѣхомъ, ведется между прочимъ прибыточный торгъ лошадьми и холстомъ. Впрочемъ Голландцы получаютъ изъ Вестфаліи много пряжи, и ткутъ изъ оной тонкое полотно, которое продаютъ самимъ Германцамъ. Также они берутъ много суроваго Вестфальскаго холста, и только бѣлятъ оный у себя.

Въ земляхъ лежащихъ ближе къ Рейну, или чрезъ которыя сія рѣка протекаетъ, ведется посредствомъ ея и многоразличныхъ произведеній сихъ земель весьма важный торгъ, приводящій Германію особенно съ сея стороны въ тѣсную коммерческую связь съ Соединенными Нидерландами. Сіи земли суть: Архіепископства и Епископства Кельнское, Трирское, Майнцское, Вормсское, Шпейерское, часть Гессена, Пфальцъ при Рейнѣ, и еще нѣкоторыя другія. Главную вѣтвь торговли ихъ составляетъ преизрядное Рейнское вино, котораго много

го родовъ. Весьма много сего вина отвозится въ сѣверныя страны Германіи; также немало отправляется по Рейну въ Голландію; однакожъ оно не остается въ сей землѣ, но посылаемо бываетъ оттуда къ Англичанамъ и другимъ народамъ. Но по всему Рейну наложена на сіе вино самая большая пошлина. Рейнскихъ пошлинъ вообще весьма много; и при томъ пошлины съ собственныхъ Германскихъ товаровъ слишкомъ высоки, а напротивъ того съ иностранныхъ, отправляемыхъ Голландцами по рѣкѣ Рейну въ Германію, по большей части низки: отъ чего Рейнская торговля теряетъ много силы и выгодности своея для тѣхъ Германскихъ земель, которыя имѣютъ самую большую удобность пользоваться оною.

Второй важный предметъ торговли по рѣкѣ Рейну есть лѣсъ. Хотя большая часть земель лежащихъ при сей рѣкѣ не могутъ отпускать своего лѣсу къ иностранцамъ; но Франконія, Черной лѣсъ, Нассаускія земли, и земли лежащія при рѣкахъ Мозелѣ и Саарѣ, суть какъ бы лѣсные магазины Голландцевъ, откуда сей товаръ отправляемъ бываетъ къ нимъ по Рейну большими плотами. Такой плотъ состоитъ отчасти изъ еловаго, отчастижъ изъ дубоваго лѣсу, и имѣетъ видъ плывущаго деревяннаго острова, на которомъ могла бы умѣститься цѣлая деревня, и на которомъ живутъ отъ двухъ до трехъ, а иногда и до четырехъ сотъ гребцовъ и работниковъ въ шалашахъ сдѣланныхъ изъ досокъ. Сіи большіе плоты обыкновенно составляются у Майнца изъ меньшихъ плотовъ, отправляемыхъ туда по Верхнему Рейну и по Майну. Вычислено, что въ 1780 году отправлено изъ Германскихъ земель при Реинѣ въ Голландію лѣсу на строеніе кораблей и домовъ, также и для ремесленниковъ, цѣною на шесть съ половиною миліоновъ гулденовъ, не включая въ сіе число отправленнаго изъ земель лежащихъ при рѣкѣ Мозелѣ.

Въ Пфальцѣ разводятъ много табаку, который Голландцы вывозятъ оттуда цѣлыми грузами, смѣшиваютъ съ Виргинскими листьями, и по томъ посылаютъ подъ разными чужестранными названіями къ Герман-

манцамъ же по рѣкамъ Везеру и Элбѣ. Кромѣ того отправляются еще оттуда къ Голландцамъ и въ Нижній Рейнской округъ множество поташу, также много желѣзныхъ товаровъ, мѣдь, разная глина и красильная земля, и другіе минералы. Напротивъ того Голландцы снабдѣваютъ Рейнскія земли Ост-Индійскими и Американскими произведеніями, сельдями, треской и иною морскою рыбою, Англійскимъ оловомъ и свинцомъ, деревяннымъ масломъ, хлопчатою бумагою, и другими товарами. Изъ Пфальца отправляется всякой годъ множество хлѣба во Францію и въ Швейцарію. При сей пространной Рейнской торговлѣ великой прибытокъ получаютъ особенно города Майнцъ и Кельнъ, имѣющіе такое право, по которому проходящія мимо ихъ суда должны останавливаться на нѣсколько времени и выгружать товары свои для продажи. Шпейеръ также имѣетъ сіе право, но почти никогда уже имъ не пользуется. Напротивъ того помянутые два города, а особливо Кельнъ, имѣютъ чрезъ оное въ своихъ рукахъ всѣ Голландскіе и Германскіе товары, провозимые по Рейну. Число судовъ, проходящихъ всякой годъ вверьхъ и внизъ по сей рѣкѣ между Майнцемъ и Кельномъ, полагается до трехъ сотъ. Въ Рейнскихъ земляхъ находятся и собственныя фабрики; но между оными мало заслуживающихъ уваженіе.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ Рейнъ соединяется съ Майномъ, лежитъ при послѣдней изъ сихъ рѣкъ, свободный Имперской городъ Франкфуртъ, одинъ изъ самыхъ величайшихъ торговыхъ городовъ въ Германіи. Сіи двѣ рѣки и плодоносная страна окружающая его, особенно способствуютъ его торговлѣ, поддерживаемой двумя славными тамошними ярманками, ведущимися уже нѣсколько столѣтій. Франкфуртъ ведетъ весьма пространный торгъ не только всякими Германскими товарами, къ которымъ принадлежитъ немало товаровъ собственныхъ его фабрикъ, но и многими иностранными, между которыми самые многочисленнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе бываютъ Французскіе. Въ прежнія времена книжный торгъ процвѣталъ тамъ болѣе, нежели во вся-

комѣ иномѣ Германскомѣ городѣ; и хотя сей торгѣ и нынѣ тамѣ еще весьма великѣ, однакожѣ уступаетѣ Лейпцигскому.

Два другіе свободные Имперскіе города, Нирнбергѣ во Франконіи и Аугсбургѣ вѣ Швабіи, также должны причислены быть кѣ знатнѣйшимѣ торговымѣ городамѣ вѣ Германіи. Франконской округѣ, чрезѣ который отчасти протекаетѣ выходящая вѣ немѣ рѣка Майнѣ, изобиленѣ многими натуральными произведеніями; и какѣ онѣ находится почти вѣ самой срединѣ Германіи, то сіе положеніе его способствуетѣ торговлѣ. Изрядное вино, родящееся вѣ Вирцбургской области, и Вертгеймское, которое не уступаетѣ Рейнскому, развозимо бываетѣ вѣ другія страны Германіи вѣ немаломѣ количествѣ. Жители Епископства Бамбергскаго ведутѣ большой торгѣ молодыми плодовитыми деревами и сушеными сливами. Преизрядная мука и крупа изѣ Байрейтскихѣ, Анштахскихѣ и Виндсгеймскихѣ областей отправляется даже вѣ Гамбургѣ. Особливожѣ жители Гоэнлогскихѣ, Анштахскихѣ и Байрейтскихѣ областей ведутѣ весьма выгодный торгѣ быками, которыхѣ гоняютѣ вѣ Стразбургѣ, а оттуда вѣ Парижѣ и вѣ другіе Французскіе города. Тамошніе продавцы скота получаютѣ изѣ Стразбурга и изѣ всего Элзаса всякую недѣлю, полагая вокругѣ, около десяти тысячь рейхсталеровѣ. Также Франконской округѣ не имѣетѣ недостатка вѣ фабрикахѣ и мануфактурахѣ, доставляющихѣ тамошней торговлѣ немалыя выгоды. Вѣ Байрейтскихѣ областяхѣ находится множество желѣзныхѣ, мѣдныхѣ и стальныхѣ заводовѣ и проволочныхѣ фабрикѣ; также дѣлаютѣ тамѣ бѣлую жесть, варятѣ купоросѣ и квасцы, и пр. Ерлангскія шляпы, бѣлыя кожаныя перчатки и тканые чулки отвозимы бываютѣ на Франкфуртскія, Лейпцигскія и Брауншвейгскія ярманки. Также вѣ Ерлангѣ печатаютѣ полотно разными красками наподобіе ситцевѣ, дѣлаютѣ обои, зеркала, золотые и серебряные галоны. Вѣ Гофѣ дѣлаются бумажные платки, отправляемые вѣ Швейцарію, и кромѣ того еще иные товары.

Что

Что касается до Нирнберга, то хотя торговля сего стараго, большаго и славнаго города въ новѣйшія времена пришла въ упадокъ, по причинѣ распространенія торговли иныхъ Германскихъ земель, однакожъ и нынѣ можно еще назвать ее довольно знатною. Нирнбергъ издавна славился многими искусными художниками, а особливо живописцами и граверами, которые своею работою немало способствовали увеличенію его торговли. Въ нынѣшнемъ столѣтіи число прибыточныхъ товаровъ сего города умножено произведеніями Гоманской ландкартной фабрики, хотя она не дошла до желаемаго совершенства. Нирнбергскіе товары дѣлаемые изъ металловъ, слоновой кости и дерева, къ которымъ принадлежатъ отчасти многіе инструменты и къ удобству служащія вещи, отчастижъ разныя игрушки, расходятся въ большомъ количествѣ какъ въ Германіи, такъ и въ иныхъ земляхъ. Оные по большой части привозимы бываютъ изъ Баварскаго и Швабскаго округа, и только продаются Нирнбергскими купцами. Однако и въ самомъ Нирнбергѣ находится много ремесленниковъ, дѣлающихъ листовое золото и серебро, мѣдную проволоку, мѣдную посуду, пилы, разныя золотыя и серебряныя вещи, восковыя свѣчи, краски, пряники, и пр. Также искусные часовщики и другіе художники посылаютъ туда на продажу многіе товары изъ города Фирта, находящагося въ Аншпахской области. Всякой годъ отправляется изъ Нирнберга великое множество такихъ товаровъ даже въ Мадритъ, Севиллу, Картагену, Барцеллону, Билбао, и другіе Испанскіе города. Въ числѣ оныхъ, кромѣ великаго множества иныхъ мѣлочей, бываютъ желѣзныя булавки, мѣдныя иготи, очки разныхъ цвѣтовъ, бумажные колпаки, всякія пуговицы, мѣдныя жаровни, подсвѣшники, мишурные снурки на шляпы, вѣски, гвозди, ложки, наперстки, щипцы для свѣчь, шприцы, отпустныя медали, и многія иныя мѣдныя вещи, разныя небольшія зеркала, стальныя и оловянныя пряжки, поддѣльные гранаты, ланцеты, шпиковальныя иглы, облаты для печатанія писемъ, круглыя и четыреугольныя кофейныя мѣльницы, вѣски для золота, писчія перья,

дѣти-

дѣтскія оловянныя часы, песочныя часы, костяныя и деревянныя четки, бумажныя табатерки, дѣтскіе барабаны, башмачныя деревяшки, расписанныя деревянныя коробочки, и пр.

Торговля Швабскаго округа и понынѣ еще довольно велика. Плодоносіе тамошней земли, положеніе его между рѣками Рейномъ и Лехомъ, сосѣдство Швейцаріи, особливожъ свойственное Швабамъ трудолюбіе, весьма споспѣшествуютъ оной. Торгъ Имперскаго города Аугсбурга съ Италіею, въ самой Германіи, и съ иными землями, который прежде былъ толь важенъ, въ новѣйшія времена хотя примѣтно уменьшился, однако и понынѣ еще великъ и выгоденъ. Сей городъ, также какъ Нирнбергъ, изстари славился многими остроумными художниками, и промыслы его съ выгодою умножаемы были ихъ работою. Даже до нынѣшнихъ временъ нерѣдко бывали въ немъ славные живописцы, скульпторы и граверы. Особливожъ работа послѣднихъ заслуживала во всей Германіи великую похвалу и расходилась въ большомъ количествѣ. Кромѣ того расходится много серебряныхъ и оловянныхъ вещей, дѣлаемыхъ въ Аугсбургѣ весьма хорошо. Свободный Имперской городъ Улмъ, лежащій при Дунаѣ, пересылаетъ по сей рѣкѣ много вина, привозимаго туда изъ разныхъ странъ Германіи; также ведетъ знатный торгъ полотномъ и иными товарами. Герцогство Виртембергское, составляющее самую большую и плодоноснѣйшую часть сего округа, имѣетъ также отмѣнно цвѣтущій торгъ. Главные товары онаго суть вкусныя Некарскія вина, которыхъ находится много родовъ. Также шелковыя и полотняныя мануфактуры тамошнія доставляютъ немало товаровъ для вывоза. Въ Маркграфствѣ Баденскомъ, а особливо въ Пфорцгеймѣ, находятся хорошія шерстяныя, чулочныя и суконныя мануфактуры, и большія кузницы. Также надлежитъ упомянуть о важномъ торгѣ лѣсомъ, отправляемымъ изъ сея земли.

Со Швабіею находится въ разныхъ торговыхъ связяхъ сосѣдственный съ нею Баварской округъ. Хотя торговая онаго не весьма пространна и мало подкрѣпляе-

ляема искуственными произведеніями, однакожъ довольно велика и для земель сего округа полезна. Герцогство Баварское изобильно по большей части хлѣбомъ, плодами и лѣсомъ; также имѣетъ большое скотоводство; и отпускается оттуда въ другія земли хлѣбъ, лѣсъ, соль, желѣзо и скотъ. Мануфактуры тамошнія состоятъ въ толстыхъ сукнахъ, шерстяныхъ матеріяхъ, чулкахъ, шелковыхъ матеріяхъ и бархатѣ, коврахъ, выбойкахъ, часахъ, и нѣкоторыхъ иныхъ товарахъ. Бывшія прежде въ славѣ суконныя фабрики въ Баваріи рушились. Архіепископство Залцбургское особенно богато солью, достаемою изъ соляныхъ жилъ горы Дирреберга. По старому договору, Герцогство получаетъ оттуда всякой годъ двѣсти шестьдесятъ четыре тысячи центнеровъ сея соли по опредѣленной цѣнѣ, и отпускаетъ за то въ Залцбургъ нѣкоторое количество хлѣба. Свободный Имперской городъ Регенсбургъ, лежащій при Дунаѣ, ведетъ по сей рѣкѣ немалый торгъ; а особливо отправляетъ въ Вѣну множество съѣстныхъ припасовъ, хлѣба и лѣсу. Также свозится туда много соли.

Въ Австрійскихъ земляхъ въ новѣйшія времена торговля весьма увеличилась. Къ онымъ принадлежатъ не только земли Австрійскаго округа, недавно уступленная Австріи часть Баваріи, Богемія, Моравія, часть Верхней Шлезіи, и Австрійскія области въ Швабіи; но и Австрійскія Нидерланды, Герцогство Мантуанское, большая часть Герцогства Майландскаго, Венгрія, Трансилванія, часть Далмаціи, Кроаціи и Славоніи, и наконецъ Галлиція и Лодомирія. Сіи толь пространныя и подъ толь разными климатами лежащія земли имѣютъ также и весьма различныя произведенія. Но по сей же самой причинѣ онѣ снабдены большею частію потребныхъ имъ произрастеній и товаровъ; и хотя лежатъ не всѣ вмѣстѣ, но за то пользуются иными важными выгодами въ торговлѣ. Въ новѣйшія времена сдѣланы нѣкоторыя учрежденія, служащія къ отвращенію и того неудобства, какое происходитъ отъ несовокупнаго ихъ положенія. Напримѣръ, старались завести купеческое сообщеніе между Тріестомъ, лежащимъ при

Адріатическомъ морѣ, и Нидерландскими приморскими городами.

Самое Ерцгерцогство Австрійское изобильно виномъ, котораго великое множество вывозится оттуда всякой годъ въ Богемію, Моравію, и прочія Германскія земли. Тамъ разводятъ весьма много хорошаго шафрану, отпускаемаго въ большомъ количествѣ къ иностранцамъ. Также вывозится оттуда всякой годъ по нѣскольку тысячь центнеровъ печеныхъ сливъ и множество луженой жести. Фабрики, на которыхъ обработывается шерсть, шелкъ, ленъ, велблюжья шерсть и хлопчатая бумага, были тамъ давно уже въ такомъ хорошемъ состояніи, что привозъ всякихъ товаровъ иностранныхъ фабрикъ въ Австрію былъ запрещенъ. Но какъ въ послѣдствіи усмотрѣно было, что собственныхъ фабрикъ еще не довольно, то съ 1774 года привозъ иностранныхъ товаровъ позволенъ съ нѣкоторыми только ограниченіями. Вѣна, какъ средоточіе Австрійской торговли, ведетъ оную съ Венгріею, Турціею, Италіею, Нидерландами, Имперіею, Гамбургомъ, Богеміею и Моравіею. Особливо заслуживаетъ уваженіе Австрійской торгъ съ Турціею, или Левантомъ. Онъ ведется отчасти по сухому пути чрезъ Венгрію, отчастижъ по морю чрезъ Тріестъ. Въ новѣйшія времена и на первомъ пути начали употреблять съ выгодою судоходство по рѣкѣ Дунаю. Туда отправляются стеклянные товары, толстыя сукна и шерстяныя матеріи, деревянныя вещи, Нирнбергскіе товары и игрушки, часы, огнестрѣльное оружіе, желѣзо въ полосахъ, желѣзныя и стальныя вещи, ножи, косы, и множество талеровъ дѣлаемыхъ въ Вѣнѣ нарочно для Турціи. Цѣна сихъ товаровъ, отправляемыхъ ежегодно, полагается до 6 миліоновъ гулденовъ. Напротивъ того Австрія всякой годъ получаетъ изъ Турціи на 9 миліоновъ гулденовъ хлопчатой бумаги, велблюжьей шерсти, кофе, ароматовъ, аптекарскихъ товаровъ, и пр. Цѣна одной Турецкой хлопчатой бумаги, привозимой туда, простирается до 5 миліоновъ гулденовъ; и сія бумага бываетъ отчасти обработываема въ Австрійскихъ областяхъ, отчастижъ пересылаема въ другія земли.

Прочія земли Австрійскаго округа также доставляютъ много разныхъ товаровъ. Штейермаркъ особенно славится множествомъ находимаго и обработываемаго тамъ желѣза и стали. Штейермаркская сталь, называемая Пресціанскою, почитаема самою лучшею въ Европѣ, и по большей части отвозится въ Аугсбургъ, Нирнбергъ, Голландію и Англію, гдѣ доброта ея еще возвышается. Въ Штейермаркѣ дѣлается много ножей, шпагъ и сабельныхъ клинковъ, множество косъ, и т. п. Изъ Кернтена гоняютъ всякой годъ по нѣскольку тысячь быковъ въ Венецію. Изъ Крайна отпускаютъ въ сосѣдственныя земли хлѣбъ, овощи, оливковое масло, вино, цитроны, миндаль и померанцы. Лаубахъ въ Крайнѣ особливо торгуетъ съ Кроаціею и Италіею, отправляя туда много шерстяныхъ и другихъ рукодѣльныхъ товаровъ, кромѣ своихъ произрастеній, къ которымъ между прочимъ принадлежитъ еще табакъ. Фріауль имѣетъ весьма прибыточный ртутный заводъ въ Идріи. Часть доставляемой онымъ ртути отправляется въ Кремницъ, гдѣ употребляема бываетъ на очищеніе золота; но большая часть посылается къ Голландцамъ, которые либо продаютъ ее, либо дѣлаютъ изъ нея киноварь, сулему, и пр.

Въ Австрійской области лежащей при Адріатическомъ морѣ, и по тому называемой Литорале, сдѣланы въ новѣйшія времена важныя учрежденія для приведенія торговли въ лучшее состояніе. Еще до 1740 года старались пользоваться двумя удобными гаванями сея страны такъ, чтобъ первая служила главнымъ мѣстомъ торговли между Германіею и Италіею, а другая между Кроаціею, Германіею и Италіею; чтобъ завести кораблеплаваніе по Средиземному морю, и чтобъ можно было вести изъ Тріеста выгодный торгъ съ Греціею и Турціею. Но производить въ дѣйство сіи предпріятія начали уже съ 1750 года. Изъ рейды Тріестской сдѣлана пространная и безопасная гавань, и объявлена вольною. Съ того времени и посредствомъ еще иныхъ учрежденій городъ Тріестъ пришелъ въ цвѣтущее состояніе, и кораблеплаваніе его имѣло какъ скорый, такъ и великой

ус-

успѣхъ. Тамъ заведены были фабрики, на которыхъ дѣлаютъ бархатъ, парусину, корабельные канаты, якори, мыло, и иные товары. Изъ Италіи, Леванта, Венгріи, и другихъ какъ Австрійскихъ, такъ и чужихъ земель, привозится туда безчисленное множество товаровъ. Всякой годъ приходитъ туда болѣе пяти тысячь разныхъ судовъ, и оттуда выходитъ почти столько же. Въ 1780 году вывезено оттуда или переслано привезенныхъ по сухому пути товаровъ почти на 7 миліоновъ гулденовъ. Между сими товарами главные были горныя произведенія, табакъ, стеклянные товары, полотно, какъ собственное, такъ и Шлезійское и Саксонское. Цѣна товаровъ, привезенныхъ туда по морю, а оттуда отправленныхъ по большей части сухимъ путемъ, простиралась до шести миліоновъ гулденовъ. Къ онымъ принадлежали особенно деревянное масло, хлопчатая бумага, сахаръ, чай, и плоды. Наконецъ товары и привезенные и вывезенные по морю, какъ то пшеница, сарацинское пшено, хлопчатая бумага, сахаръ, деревянное масло, кофе, и другіе, стоили около трехъ миліоновъ гулденовъ. Въ новѣйшія времена заведено въ Тріестѣ торговое общество, предпринимающее вести непосредственный торгъ съ Ост-Индіею и Китаемъ, и уже начавшее оный съ благополучнымъ успѣхомъ. Въ другихъ гаваняхъ сея страны, Фіуме и Порто - Ре, кораблеплаваніе и морская торговля также весьма увеличились. Отъ сего распространенія Австрійской морской торговли Венеціане, Голландцы и Гамбургцы, также Англичане и Французы, немало потеряли.

Изъ Тироля вывозятся многія вина, цитроны, померанцы, оливки, и перчатки. Жители сея земли ведутъ большой посреднической торгъ между Италіею и Германіею. Въ тамошнемъ городѣ Боценѣ ежегодно бываютъ четыре ярманки, на которыя съѣзжается много купцовъ изъ обѣихъ помянутыхъ земель.

Великое изобиліе преизрядныхъ произведеній въ Королевствѣ Венгерскомъ доставляетъ ему самый выгодный случай къ торговлѣ. Однако Венгерцы понынѣ еще не могли совершенно пользоваться онымъ. Изъ Венгріи от-

отправляется весьма много хлѣба, сушеныя овощи, скотъ, поташъ, который Англичане получаютъ чрезъ Тріестъ для своихъ стеклянныхъ заводовъ. Самое важнѣйшее Венгерское произведеніе есть преизрядное тамошнее вино, котораго, кромѣ Токайскаго и другихъ дорогихъ родовъ, находятся еще многіе роды нижшей доброты, почитаемые лучшими легкихъ Французскихъ винъ. Но что оныхъ не столько расходится въ Европѣ, какъ Французскихъ: сіе происходитъ отъ того, что Венгрія не имѣетъ судоходной рѣки, по которой бы можно было провозить тамошнія вина въ Тріестъ или Фіуме, и провозъ ихъ стоитъ дорого; также и отъ того, что пошлины съ Венгерскаго вина при вывозѣ онаго весьма велики, даже и съ отправляемаго въ Австрію. Также отправляются изъ Венгріи лошади, всякіе металлы, минералы, кожи, шерсть, табакъ, воскъ, медъ, и другіе товары. Фабрикъ тамъ еще мало; однакожъ ткутъ много толстаго сукна и полотна, весьма хорошо выдѣлываютъ кожи, также дѣлаютъ выбойки и фаянсовую посуду.

Трансилванія имѣетъ почти одинакія съ Венгріею произведенія, особливожъ довольно хлѣба, вина, лѣсу и горной соли, также разные минералы и металлы. Но торговля и фабрики сего Великаго Княжества не важны. Соль и металлы вывозятся оттуда въ Венгрію. Искусственныя произведенія, потребныя Трансилванцамъ, получаемы ими изъ Турціи и Германіи. Славонія, Кроація и Австрійская Далмація также имѣютъ не большую торговлю; хотя отъ учрежденій, сдѣланныхъ Маріею Терезіею въ пользу торговли, можно ожидать распространенія оной въ двухъ первыхъ изъ помянутыхъ земель. Напротивъ того торговля въ Австрійской части Польши, или въ Галлиціи и Лодомиріи, заслуживаетъ уваженіе. Тамъ находятся изобильные соляные источники при Лембергѣ и Галичѣ; также важные горные соляные заводы при Бохніи и Величкѣ, изъ которыхъ послѣдній толь изобиленъ, что могъ бы снабдѣвать солью всю Венгрію и другія сосѣдственныя земли. Кромѣ того, изъ сея части Австрійскаго владѣнія отправляются въ дру-

гія мѣста хлѣбъ, лошади и быки. Также многіе рудокопные заводы, множество шерсти, воску и меду доставляютъ ей способы къ торговлѣ съ иностранцами.

Еще болѣе процвѣтаетъ торговля въ Королевствѣ Богемскомъ. Хотя въ новѣйшія времена оно неоднократно весьма много претерпѣвало отъ разорительной войны, и хотя число народа, земледѣліе и фабрики въ немъ могутъ еще быть умножаемы; но плодоносіе земли приводитъ его въ состояніе снабдѣвать и другія страны разными товарами. Оттуда отправляется много хлѣба въ Верхній Лаузицъ и въ Саксонскія Рудныя горы. Богемской хмѣль, почитаемый самымъ лучшимъ въ Германіи, и Прагское пиво вывозимы бываютъ въ большомъ количествѣ. Разведеніе льну въ Богеміи доставляетъ великое множество пряжи и полотна. Много овощей вывозится изъ сея земли въ Шлезію, Саксонію, и даже въ Гамбургъ. Каплуны, Индѣйскія куры и фазаны, также разные минералы, многіе драгоцѣнные камни, называемые *Богемскими камнями*, особливожъ алмазы, уступающіе Восточнымъ только твердостію, и прекрасные гранаты: все сіе составляетъ довольно изобильные предметы Богемской торговли. Фабрики сея земли въ новѣйшія времена весьма умножены и приведены въ лучшее состояніе. Особливожъ въ округахъ смежныхъ съ Саксоніею и Шлезіею ткутъ всякой годъ столько полотна, что цѣна онаго купно съ другими льняными матеріями, простирается до трехъ миліоновъ гулденовъ. Нѣкоторое количество сего полотна бѣлится въ самой Богеміи, и отправляется готовое отчасти въ Тріестъ, отчастижъ въ Гамбургъ и въ Голландію, а оттуда уже пересылаемо бываетъ въ Италію, Испанію, Португаллію и Америку. Но также немалое количество суроваго полотна отвозится изъ Богеміи въ Шлезію, гдѣ его сперва бѣлятъ, а по томъ уже отправляютъ въ Голландію, Гамбургъ, и другія страны; ибо Шлезійское бѣленье почитается лучшимъ. Кромѣ того отправляется изъ Богеміи въ другія земли много шляпъ и поташу. Во всей Европѣ славно Богемское стекло, котораго великое множество вывозится въ разныхъ видахъ.

Бо-

Богемцы умѣютъ весьма хорошо шлифовать стекло, золотить по краямъ, и вырѣзывать на немъ всякія фигуры, буквы и девизы. Также они дѣлаютъ изъ стекла разные искусственные камни, какъ то поддѣльные кристаллы, рубины и изумруды, употребляемые на печати, набалдашники, и пр. Богемская бумага для печатанія книгъ и писчая также составляетъ знатный предметъ торговли. Множество выдѣланныхъ бычьихъ кожъ отправляется на Лейпцигскія ярманки. Въ Богеміи дѣлаются разныя вещи изъ желѣза, стали и мѣди. Карлсбадскія булавки, преизрядные тамошніе ножи, ножницы, и множество другихъ вещей хорошей работы, развозимы къ иностранцамъ въ большомъ количествѣ. Прилѣжаніе Богемцевъ простирается даже на самыя мѣлочныя вещи; многіе изъ нихъ дѣлаютъ деревянныя коробочки, тарелки, половники, хлѣбныя мѣры, и пр., и посылаютъ оныя въ чужія земли съ дѣтьми своими. Однако торговля Богемская не столь еще пространна и выгодна для сея земли, какъ бы могла быть. Богемцы либо дожидаются къ себѣ иностранцевъ, которые пріѣзжаютъ къ нимъ покупать ихъ произведенія и товары; либо отвозятъ оные только къ ближнимъ сосѣдамъ своимъ, Шлезійцамъ, Саксонцамъ и Австрійцамъ, которые пересылаютъ Богемскіе товары далѣе, а иногда и отдѣлываютъ еще ихъ у себя. Въ новѣйшія времена учрежденное въ Богеміи торговое общество предпринимало завести непосредственную большую торговлю съ отдаленными землями; но сіе предпріятіе не имѣло успѣха. Также при всемъ трудолюбіи Богемцевъ и при всемъ изобиліи полезныхъ товаровъ, люди низкаго состоянія тамъ и понынѣ еще гораздо бѣднѣе, нежели во многихъ другихъ земляхъ. Причиною сему были по большей части многоразличныя притѣсненія, какимъ они подвержены. Но съ недавнаго времени многія такія притѣсненія прекращены, и торговля получила чрезъ то сильнѣйшее ободреніе.

Изъ Моравіи ведется съ сосѣдственными землями немалый торгъ хлѣбомъ и пенькою, которая въ отмѣнной славѣ, древесными плодами, особливожъ орѣхами и

каштанами; также свиньями, лошадьми, сукнами, кожею, сыромъ, селитрою, желѣзомъ и желѣзными вещами. На тамошнихъ весьма славныхъ суконныхъ и иныхъ фабрикахъ, кромѣ шерсти собираемой въ самой Моравіи, обработывается еще шерсть получаемая изъ Польши, Шлезіи и Венгріи. Стеклянные заводы, кожевенныя фабрики, бумажныя и пороховыя мѣльницы находятся также въ хорошемъ состояніи. Иностранныхъ товаровъ мало привозится въ Моравію; ибо жители тамошніе довольствуются по большей части своими собственными. — Въ Австрійской части Верхней Шлезіи разводятъ много льну и ткутъ много полотна. Изрядное мыло, варимое въ Троппау, вывозится въ другія земли. Въ новѣйшія времена, послѣ того, какъ нѣкоторая часть Польши досталась во владѣніе Австріи, заведена въ Тешенѣ ярманка, съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ посредствомъ оной сдѣлать сей городъ сборищемъ выгодной торговли между Польшею, Моравіею, Богеміею, Австріею и Саксоніею; но сколько понынѣ извѣстно, сіе предпріятіе не имѣло желаемаго успѣха.

Въ Австрійскихъ Нидерландахъ находятся весьма важныя фабрики. Хотя Антверпенъ лишился прежней своея великой торговли, однако имѣетъ еще изрядныя полотняныя бѣлильни, и фабрики, на которыхъ дѣлаются ковры и выбойки. Прядильни доведены тамъ до отмѣннаго совершенства; также плетеныя кружева тамошнія и понынѣ еще весьма славны. Въ Брисселѣ дѣлаются самые лучшіе камлоты, и самыя лучшія кружева, называемыя обыкновенно по имени всея провинціи *Брабантскими*. Тамъ же ткутъ преизрядные бѣлые шелковые чулки. Также находится тамъ фабрика, на которой дѣлаются всякія сукна и байки по Англійскимъ образцамъ. Брисселькая золотая и серебряная проволока весьма уважаема; а тамошніе золотые и серебряные галоны не уступаютъ Французскимъ. Бриссель не уступаетъ самому Парижу въ модныхъ и галантерейныхъ товарахъ, которые дѣлаются тамъ по Парижскимъ образцамъ ничѣмъ не хуже оныхъ. Во Фландріи ткутъ преизрядное полотно. Большая часть онаго продается

подъ

подъ именемъ Голландскаго полотна; но главныя полотняныя фабрики находятся въ Гентѣ, Куртре, и другихъ Фландрскихъ городахъ. Въ городахъ Б игге, Дорникѣ, и другихъ мѣстахъ, находятся преизрядныя фабрики, на которыхъ дѣлаются разныя матеріи, шерстяныя, льняныя, бумажныя, шелковыя, и изъ верблюжьей шерсти. Также находятся въ сей части Нидерландъ хорошія бумажныя мѣльницы, и другія фабрики, на которыхъ обработываютъ красную и зеленую мѣдь и жесть. Впрочемъ торговля Австрійскихъ Нидерландъ не только способна гораздо къ большему совершенству, котораго достичь препятствовали ей сосѣдственныя Соединенныя Нидерланды, хотя Австрійскія имѣютъ многія преимущества предъ ними въ плодоносіи земли, гаваняхъ и фабрикахъ, но въ новѣйшія времена она и въ самомъ дѣлѣ весьма увеличилась. Англичане, Голландцы, и другіе народы, прежде усильно старались препятствовать учрежденному въ 1722 году Императоромъ въ Остендѣ Ост- и Вест - Индійскому торговому обществу, отъ чего оно должно было разрушиться; но послѣдняя война между Англіею, Голландіею и Испаніею весьма способствовала новому увеличенію Ост - Индійской торговли. Сія война прекратила сообщеніе Англичанъ съ Голландцами, и для того Англійская торговля обратилась въ Остенду. Сей случай, безопасность доставляемая Императорскому флагу наблюденіемъ нейтралитета, объявленіе Остенды вольною гаванію въ 1781 году, и позволеніе свободнаго привоза и вывоза почти всѣхъ товаровъ, послужили къ доставленію сему городу толь пространной и важной торговли, что онъ едва могъ вмѣщать въ себѣ всѣ привозимые туда товары, и по тому нужно было распространить его.

Немалую выгоду торговлѣ Австрійскихъ Нидерландъ въ нынѣшнія времена доставило и то, что заведено сообщеніе между Нидерландскими морскими гаванями и принадлежащими Австрійскому Дому на Адріатическомъ и Средиземномъ моряхъ: о чемъ выше сего упомянуто. Мы говорили уже у Тріестѣ и Фіуме; но Ливорно еще гораздо прежде оныхъ была важнымъ при-

морскимъ и торговымъ мѣстомъ. Сей городъ лежитъ при Средиземномъ морѣ, въ Великомъ Герцогствѣ Тосканскомъ, которымъ владѣетъ Ерцгерцогъ Австрійской Петръ Леопольдъ, приведшій оное стараніемъ своимъ еще въ лучшее состояніе. Земля въ семъ Великомъ Герцогствѣ весьма плодоносна хлѣбомъ, виномъ, деревяннымъ масломъ, цитронами, померанцами, каштанами, шафраномъ, и иными растеніями. Разведеніе шелку тамъ толь велико, что всякой годъ собирается онаго около двухъ сотъ тысячь фунтовъ. Также находятся тамъ изрядныя фабрики, на которыхъ обработываютъ шерсть, шелкъ и кожу, и дѣлаютъ посуду наподобіе фарфоровой. Ежегодно вывозится оттуда около миліона двухъ сотъ тысячь фунтовъ шелковыхъ товаровъ. Хотя главный городъ сего Великаго Герцогства, Флоренція, также имѣетъ торгъ; но въ разсужденіи онаго не можетъ равняться съ Ливорною. Ливорно есть вольная гавань, въ которой съ привозимыхъ товаровъ платится весьма низкая пошлина, а съ вывозимыхъ не платится ничего, кромѣ небольшой подати, которую долженъ заплатить послѣдній покупщикъ. Туда съѣзжаются купцы почти изъ всѣхъ народовъ; а особливо находится тамъ много Армянъ и Жидовъ, которые также бываютъ маклерами. Изъ Ливорны вывозятся шелковые и шерстяные товары, дѣлаемые во Флоренціи, Пизѣ, и другихъ городахъ сея земли, Турецкая и Варварійская овечья шерсть, Италіанской и Левантской шелкъ, каштаны, цитроны, оливки и оливковое масло, также и иные плоды, Флорентинскія вина, сардели, хлопчатая бумага и бумажная пряжа, Левантское кофе, квасцы, анисъ, марморъ, мыло, и пр. Англичане и Голландцы почитаютъ Ливорну магазиномъ, въ который они свозятъ товары отправляемые въ Левантъ и получаемые оттуда. Прежде всѣ товары привозимы были въ Ливорну и оттуда вывозимы посредствомъ иностранныхъ народовъ, а именно, кромѣ упомянутыхъ, еще посредствомъ Датчанъ и Шведовъ. Но въ новѣйшія времена жители Тосканскіе, ободрены будучи своимъ правительствомъ, сами принялись за кораблеплаваніе. Также съ 1776 года начали они

вести изъ сея гавани непосредственный торгъ съ Остъ-Индіею, и отправляли туда собственные корабли: въ чемъ понынѣ имѣли благополучный успѣхъ. Главные товары привозимые въ Тоскану суть пряныя зелія и ароматы, сукна и полотно.

Еще принадлежатъ ко владѣніямъ Австрійскаго Дому Герцогства Майландское и Мантуанское, изъ которыхъ особливо первое имѣетъ знатную торговлю. Обѣ сіи земли изобильны хлѣбомъ, сарацинскимъ пшеномъ, виномъ, древесными плодами, и особенно шелкомъ. Въ Майландскомъ Герцогствѣ находится много изрядныхъ фабрикъ, на которыхъ дѣлаются золотые и серебряные галоны, шитье золотомъ и серебромъ, простыя и разныя дорогія шелковыя матеріи и штофы, бархаты гладкіе и съ цвѣтами, и пр. Главные товары вывозимые изъ Майланда суть шелкъ и сарацинское пшено. Шелкъ вывозится въ Ліонъ и въ Германію, отчасти чрезъ Генуу и Англію. Сарацинское пшено отправляется по большей части въ Генуу и Венецію, а оттуда развозимо бываетъ далѣе.

Въ Верхнемъ Саксонскомъ округѣ, особливожъ въ Курфиршескихъ Саксонскихъ земляхъ, торговля издавна находилась уже въ такомъ совершенствѣ, до какого въ Австрійскихъ земляхъ начала доходить еще въ новѣйшія времена. Сему немало способствовали изобиліе всякихъ натуральныхъ произведеній, въ которомъ Саксонія вообще не уступаетъ никакой иной Германской землѣ, прилѣжаніе и искусство жителей, ободреніе какое они всегда получали отъ своихъ Государей, и нѣкоторыя иныя выгодныя обстоятельства и происшествія.

Плодоносіе сихъ земель весьма велико. Много между ими отмѣнно изобильныхъ хлѣбомъ, который часто вывозится въ другія земли. Кромѣ того въ Саксоніи разводятъ много хмѣлю, льну, табаку, вайды, дикаго шафрану, и другихъ растеній, и мало остается тамъ земли, которая не была бы употреблена въ пользу. Между множествомъ растущихъ тамъ древесныхъ плодовъ особенно славны вкусныя Борсдорфскія яблоки, называемыя такъ по имени деревни Борсдорфъ, находя-

щейся въ Мейссенскомъ округѣ близь Тарантскаго лѣсу, и отвозимыя во многія чужія земли. Артернскіе, Кезенскіе и Дирренбергскіе соляные заводы снабдѣваютъ солью большую часть Курфиршескихъ Саксонскихъ земель. Разведеніе вина въ сихъ земляхъ имѣло столько успѣха, что Мейссенское и Наумбургское вино различныхъ родовъ замѣняетъ уже нѣкоторые низкіе сорты иностранныхъ винъ. Великія лѣса и рощи доставляютъ способъ къ немалому торгу лѣсомъ, который отчасти находится въ самой Саксоніи, отчастижъ отправляется иногда по рѣкѣ Эльбѣ даже до Гамбурга. Но важнѣе всего для торговли въ сихъ земляхъ прибыточные рудники и минералы.

Кромѣ разныхъ металловъ, достаемыхъ особенно въ Рудныхъ горахъ, находится тамъ еще множество дорогихъ камней. Саксонской топазъ весьма уважаемъ иностранцами. Находятъ его въ Вогтландѣ, недалеко отъ Аурбаха, въ каменной горѣ, называемой Шнеккенштейнъ. Онъ почти равняется съ самыми лучшими Восточными топазами; хотя нѣкоторые Саксонскіе топазы цвѣтомъ блѣднѣе, также въ прозрачности и твердости уступаютъ Восточнымъ. Шлифуютъ ихъ твердымъ камнемъ, въ которомъ они находимы бываютъ. Также ювелиры дѣлаютъ топазы бѣлыми посредствомъ раскаливанія, и употребляютъ вмѣсто алмазовъ, отъ которыхъ трудно бываетъ ихъ различить.

Змѣевикъ, или Цеблицской марморъ, понынѣ не находится нигдѣ въ Германіи, кромѣ Цеблица, въ Саксонскихъ Рудныхъ горахъ. Сей камень бываетъ зеленоватый, иногдажъ зеленовато-черный съ пятнами наподобіе мармора, а по большей части темнозеленый съ кофейными и черными пятнами. Самые лучшіе роды его суть зеленый съ красными пятнами, и бѣлый съ оранжевыми точками и пятнами. Его удобно точить и можно хорошо полировать; по чему издавна уже дѣлаютъ изъ него многія изрядныя вещи, какъ-то чайные и кофейные приборы, чаши, стаканы, иготи, чернилицы съ приборомъ, ящички, подсвѣшники, кружки, табатерки, курительныя трубки, щипцы для свѣчь, и пр. Всѣ сіи вещи составляютъ предметъ немалаго торгу.

Много-

Многоцвѣтный марморъ, ломаемый при Максенѣ, въ Плауенѣ близь Дрездена, и въ Рудныхъ горахъ, также изрядныя плиты и разныя вещи дѣлаемыя изъ песочнаго камня на каменоломняхъ при Пирнѣ, развозимы бываютъ въ дальнія мѣста. Амстердамская ратуша построена по большей части изъ Саксонскаго мармора.

Къ натуральнымъ произведеніямъ Саксоніи, составляющимъ весьма важный предметъ торговли, принадлежитъ еще кобалтъ. За полвтораста лѣтъ предъ симъ бросаемъ былъ сей минералъ, какъ ядовитый и вредный; но въ послѣдствіи узнали его лучше и научились употреблять въ пользу. Въ Рудныхъ горахъ находятъ много онаго, и дѣлаютъ изъ него на четырехъ фабрикахъ великое множество синей краски, называемой шмалтомъ, которая послѣ Богемской, дѣлаемой такимъ же образомъ, почитается самою лучшею, и по тому иностранцы выписываютъ ее въ большомъ количествѣ. Сначала Голландцы покупали кобалтъ въ Шнеебергѣ, и дѣлали изъ него краску въ своей землѣ; но Курфирстъ Іоганнъ Георгъ I привелъ красильныя фабрики въ Саксоніи въ такое состояніе, что Саксонцы сами пользовались уже сею важною выгодою. Богемская синяя краска также переходитъ по большей части къ Саксонскимъ купцамъ.

Мѣдные, оловянные, свинцовые и желѣзные рудокопные заводы равнымъ образомъ употребляемы въ пользу торговли. Особливожъ изъ желѣза дѣлается весьма много черной и бѣлой жести; а изъ черной жести дѣлаются трубы для печей и разныя къ поварнѣ принадлежащія вещи. Сіи товары отвозимы бываютъ даже во Францію. Прежде Саксонцы вели большой торгъ бѣлою и нелуженою жестью, отправляя оную чрезъ Гамбургъ въ другія приморскія земли, откуда она развозима была даже въ Ост-Индію и на Американскіе острова. Но во время седмилѣтней войны нѣсколько Саксонскихъ мастеровъ переселилось въ Англію и въ другія земли: послѣ чего сей товаръ дѣлается уже и въ сихъ земляхъ. Однако и понынѣ еще жесть отправляется изъ Саксоніи въ Швейцарію, Италію, и другія страны. Въ Саксоніи находится около сорока заводовъ, на которыхъ метал-

лы, а особливо желѣзо и мѣдь, пріуготовляемы бываютъ для обработыванія на фабрикахъ. Также дѣлается тамъ довольно стали, зеленой мѣди и томбаку для продажи иностранцамъ.

Въ семъ же округѣ Рудныхъ горъ, который толь изобиленъ минералами, обработываемыми съ такимъ прилѣжаніемъ, а особливо въ Аннабергѣ и Маріенбергѣ, дѣлаютъ еще весьма много кружевъ разныхъ сортовъ. Тамъ дѣлаются бѣлыя кружева нитяныя и шелковыя, также черныя кружева, и золотыя и серебряныя бахрамы. Купцы часто даютъ работникамъ отъ себя не только образцы, но и нитки, шелкъ, и иные матеріалы, потребные для сея работы. Занимаются оною по большей части женщины и дѣти, которыя не могутъ помогать мущинамъ при обработываніи металловъ. Нѣкоторое количество сихъ кружевъ расходится въ самой Саксоніи; но еще болѣе отправляемо бываетъ въ Польшу, Россію, Швейцарію и въ Италію; и незнатоки часто принимаютъ ихъ за Брабантскія.

Но еще важнѣйшую выгоду долго доставляло Саксонской торговлѣ изобрѣтеніе Мейссенскаго фарфору, а отчасти и нынѣ еще доставляетъ. До начала нынѣшняго столѣтія не знали въ Европѣ никакого инаго фарфору, кромѣ Китайскаго и Японскаго. Но въ 1706 году Дрезденской Химикъ, именемъ Беттихеръ, занимавшійся тщетнымъ исканіемъ искусства превращать низкіе металлы въ золото, нашелъ сіе гораздо вѣрнѣйшее искусство дѣлать фарфоръ изъ нѣкотораго рода земли или глины кофейнаго цвѣта. Сперва онъ дѣлалъ фарфоръ только кофейнаго цвѣта; но въ 1709 году началъ дѣлать и бѣлый; а по смерти его сіе искусство доведено было до большаго еще совершенства. Онъ умеръ въ 1719 году. Незадолго предъ тѣмъ Король Польской Августъ II, будучи Правителемъ Имперіи до избранія Императора, сдѣлалъ его Имперскимъ Барономъ. До 1730 года не дѣлали инаго фарфору, кромѣ краснаго и кофейнаго цвѣта; но по томъ совсѣмъ перестали дѣлать оный, и дѣлали только бѣлый. Фарфоръ есть средняя матерія между стекломъ и глиною, или превращен-

щенная въ стекло только до нѣкоторой степени, и имѣющая нѣкоторую прозрачность и бѣловатый цвѣтъ. Доброта его зависитъ по большей части отъ доброты бѣлой или свѣтлосѣрой глины, называемой фарфоровою землею, изъ которой онъ дѣлается. Вскорѣ по изобрѣтеніи, фарфоровая фабрика переведена была въ Мейссенской замокъ: по чему фарфоръ и названъ Мейссенскимъ. Даже до нынѣшнихъ временъ онъ приводимъ былъ всегда въ большее совершенство. Отличная доброта его состоитъ въ бѣлизнѣ, чистой, равной и блестящей поверхности, въ живыхъ, свѣжихъ и хорошо слитыхъ краскахъ, прекрасной живописи, въ хорошемъ размѣрѣ и красивости фигуръ, въ хорошей позолотѣ, и иныхъ украшеніяхъ. Его употребляютъ не только на столовые сервизы и чайные приборы, но и на великолѣпныя украшенія домовъ и комнатъ, дѣлая изъ него многоразличныя и весьма прекрасныя изображенія разныхъ натуральныхъ и искусственныхъ предметовъ. Крѣпость его толь велика, что онъ выдерживаетъ самый сильнѣйшій печной жаръ, не пропускаетъ растопленнаго свинцоваго стекла, и можетъ стоять въ плавильномъ горшкѣ на стеклянныхъ заводахъ цѣлую недѣлю не превращаясь въ стекло; также не трескается, когда перенесутъ его со стужи въ жаръ и изъ жару на стужу, или когда нальютъ въ него кипящей воды.

Расходъ Мейссенскаго фарфору во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія весьма уменьшился, по тому, что въ другихъ мѣстахъ Германіи и въ иныхъ земляхъ начали дѣлать фарфоръ различной доброты и красоты, и въ большомъ количествѣ. Однакожъ Саксонской фарфоръ удерживаетъ еще преимущество предъ всякимъ инымъ отмѣнною своею крѣпостію и хорошею отдѣлкою, въ чемъ можетъ равняться съ нимъ только старой Японской и Китайской. Другая причина уменьшенія расходу Мейссенскаго фарфору въ новѣйшія времена была изобрѣтеніе поддѣльнаго фарфору, или фаянсу (называемаго такъ по имени Италіанскаго города Фаенцы, гдѣ дѣлаютъ его отмѣнно хорошо), хотя сія глиняная посуда уподобляется фарфоровой только бѣлымъ, кофейнаго цвѣта и зеленоватымъ

гла-

глазуромъ и живописью, весьма непрочна, и выгодность ея состоитъ только въ дешевой цѣнѣ. Но еще большій подрывъ Саксонскому фарфору сдѣланъ изобрѣтеніемъ Англійской каменной посуды. Однако съ нѣкотораго времени научились дѣлать сію посуду и въ Саксонскихъ земляхъ, а фарфоръ не лишился чрезъ то своихъ преимуществъ; по чему онъ находитъ и понынѣ еще весьма много покупщиковъ, и отправляется къ иностранцамъ.

Всѣ помянутые товары составляютъ еще только часть произведеній многихъ и важныхъ фабрикъ, находящихся въ Курфиршескихъ Саксонскихъ земляхъ. Къ симъ фабрикамъ принадлежитъ изрядная Фридрихстальская зеркальная фабрика, на которой льютъ стекла отъ девяноста до ста дюймовъ величиною, и отвозятъ оныя для шлифованія и полированія въ Дрезденъ. Также дѣлаются въ Фридрихсталѣ изъ полированнаго стекла столики подъ зеркала наподобіе марморныхъ, агатныхъ и ящмовыхъ. Дѣлается много изряднаго стекла разныхъ сортовъ. Суконныхъ, чулочныхъ, шляпныхъ и перчаточныхъ мануфактуръ находится немало, а особливо въ Гроссенгайнѣ, Ошацѣ, Дебелнѣ, Лейснигѣ, и пр. Полушелковыя и шерстяныя матеріи дѣлаются особенно въ Лангензалцѣ. Но также въ Борнѣ, Вейдѣ, и другихъ мѣстахъ, ткутъ много каламенковъ, камлотовъ, и пр. Полотняныя и канефасныя фабрики въ Хемницѣ находятся въ хорошемъ состояніи. Гримма имѣетъ немалый торгъ нитками и фланельную фабрику. Также не мало находится фабрикъ, на которыхъ дѣлаются выбойки, изрядныя шелковыя плотныя ткани, Ліонскіе галоны, и иные щелковые, шерстяные и бумажные товары. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ весьма хорошую бумагу разныхъ сортовъ, вывозимую въ большомъ количествѣ въ чужія земли. Города Мерзебургъ, Вурценъ и Ейленбургъ ведутъ прибыточный торгъ своими пивами; а Тирингенъ хлѣбомъ, вайдою, анисомъ, шерстью, и другими произведеніями. Въ городахъ Дрезденѣ и Лейпцигѣ особенно находится много знатныхъ мануфактуръ. Въ первомъ изъ сихъ городовъ дѣлаются многія льняныя и полушелковыя матеріи, саржи, сукна, обои, всякое шитье,

шитье, кордуанъ, граненая стеклянная посуда, золотыя и серебряныя вещи. Въ Лейпцигѣ красятъ шелкъ, дѣлаютъ обои и выбойки, и ткутъ много золотыхъ и серебряныхъ штофовъ, бархату, чулокъ, суконъ, разныхъ матерій и полотна. Также выдѣлываютъ тамъ кожи, дѣлаютъ клеенку и Берлинскую синюю краску. Около сего города, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ Саксоніи, разводятъ шелковыхъ червей съ хорошимъ успѣхомъ. Въ новѣйшія времена заведена еще въ Лейпцигѣ карточная фабрика.

Маркграфства Верхній и Нижній Лаузицъ, принадлежащія по большей части также къ Саксонскому Курфиршеству, имѣютъ важное участіе въ торговлѣ его, а особливо Верхній Лаузицъ. Тамъ находится много славныхъ шерстяныхъ и полотняныхъ мануфактуръ, изъ которыхъ первыя заведены еще въ третіемънадесять столѣтіи. Особливожъ сукна, дѣлаемыя въ Герлицѣ, отчасти мало уступаютъ Голландскимъ. Въ городахъ Берштедтѣ, Зейденбергѣ и Марклиссѣ также дѣлается множество суконъ, которыя хотя добротою ниже Герлицскихъ, но расходятся въ большомъ количествѣ. Кромѣ шерсти собираемой въ самой сей землѣ, употребляется на сихъ фабрикахъ еще много вывозимой изъ Польши и другихъ земель. Остающееся отъ суконъ количество шерсти употребляется на дѣланіе шляпъ, разныхъ шерстяныхъ матерій и чулокъ. Городъ Будиссинъ, или Бауценъ, имѣетъ кромѣ торгу сими товарами, еще сафьянныя, бумазейныя, и другія мануфактуры. Но главный и самый выгоднѣйшій промыслъ жителей Верхняго Лаузица составляютъ полотняныя фабрики. Оныя сперва заведены тамъ Императорскими подданными Протестантскаго исповѣданія, которые вскорѣ по началѣ тритцатилѣтней войны выгнаны были Императорами изъ Богеміи и Шлезіи. Однакожъ и другія находящіяся въ Лаузицѣ фабрики, какъ то шляпныя, бумажныя, пороховыя, желѣзныя и стеклянныя, также разныя художническія и ремесленничьи рукодѣлія доставляютъ болѣе товаровъ для вывоза, нежели чего стоятъ привозимыя туда изъ другихъ земель шерсть, пряжа,

шелкъ,

шелкѣ, иностранные шелковые и шерстяные рукодѣльные товары, золотыя и серебряныя бахрамы и галоны, вина, пряныя зелія, хлѣбъ, свѣжія и сушеныя овощи, и хмѣль.

Главнымъ подкрѣпленіемъ торговлѣ всѣхъ Курфиршескихъ Саксонскихъ земель служатъ Лейпцигскія ярманки, бывающія ежегодно о Пасхѣ, въ Михайловъ день и въ Новый годъ. Первыя двѣ изъ нихъ ведутся еще съ третіягонадесять, а третія съ пятагонадесять столѣтія. Онѣ и понынѣ еще находятся въ цвѣтущемъ состояніи; а особливо первыя двѣ, бывающія весною и осенью. На нихъ съѣзжаются купцы изъ большей части Европейскихъ земель, либо для покупки Саксонскихъ товаровъ, либо привозя иностранные товары, или для переправленія сихъ товаровъ въ иныя дальнія земли. Стеченіе толикаго множества иностранцевъ приноситъ Лейпцигу немалыя выгоды; также и пошлины, собираемыя съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, хотя умѣренныя, весьма прибыточны. Король Августъ II еще въ 1698 году хотѣлъ завести въ Лейпцигѣ складочный банкъ; и хотя сіе предпріятіе не совершилось, однакожъ ведется тамъ важный вексельный торгъ какъ на ярманкахъ, такъ и въ другое время. Но главное преимущество сего города предъ всѣми иными торговыми городами состоитъ въ великомъ торгѣ книгами. Немалое число книгопродавцевъ находящихся въ Лейпцигѣ, великое множество пріѣзжающихъ на тамошнія ярманки изъ Германіи, Швейцаріи, Соединенныхъ Нидерландъ, Сѣверныхъ земель, и другихъ мѣстъ, скорое доставленіе всякихъ книгъ, печатаемыхъ въ большей части Европы, — всѣ сіи обстоятельства способствуютъ тому, что сей товаръ бываетъ тамъ въ такомъ изобиліи и въ такой многоразличности, какихъ нигдѣ въ иномъ мѣстѣ найти не можно. Также ни въ какомъ иномъ Германскомъ городѣ не сочиняется и не печатается столько книгъ; хотя съ того времени, какъ книги стали товаромъ, и торгующіе ими стараются только объ умноженіи ихъ, онѣ писаны бываютъ по большей части

на скорую руку, а не сочиняемы съ знаніемъ и разсужденіемъ.

Въ новѣйшія времена торговля Курфиршескихъ Саксонскихъ земель получала отъ мудраго попеченія правителей ихъ новое ободреніе и увеличеніе. Земская Экономическая, Мануфактур- и Коммерц-Депутація, также и экономическія общества, учрежденныя съ 1765 года, немало тому способствуютъ. Изобразительныя искусства приведены Курфиршескою Академіею Художествъ въ такое состояніе, что нынѣ дѣлаются уже въ самой Саксоніи превосходныя произведенія оныхъ, которыя прежде надлежало получать отъ иностранцевъ, и есть надежда, что сіи произведенія современемъ составятъ немаловажную вѣтвь торговли. Однакожъ знающіе и прозорливые люди замѣчаютъ, что Саксонская торговля могла бы достичь еще гораздо большаго совершенства; что внутренній торгъ сихъ земель между жителями оныхъ еще недостаточенъ; а ведомый съ иностранцами простирается далѣе, нежели сколько общая польза Саксоніи то позволяетъ, хотя частные купцы или города обогащаются отъ онаго; что пространный посреднической торгъ Саксонскихъ купцовъ и излишній привозъ чужихъ товаровъ не только причиняютъ примѣтный ущербъ собственнымъ промысламъ, но и препятствуютъ заведенію нужныхъ еще фабрикъ, которыхъ бы товары удобно можно было вывозить; что нѣкоторыя собственныя произведенія и товары становятся слишкомъ дороги; и что нѣкоторые города, способные по своему положенію къ мануфактурамъ и торговлѣ, имѣютъ оныхъ мало, либо и совсѣмъ не имѣютъ, хотя Саксонія толь плодоносна, толь изобильна дорогими и простыми металлами, и населена толь многочисленнымъ и трудолюбивымъ народомъ, а потому имѣетъ всѣ выгоды въ торговлѣ, какія неприморская земля имѣть можетъ.

Въ смежныхъ съ Курфиршескими Княжескихъ Саксонскихъ земляхъ, принадлежащихъ Герцогамъ Веймарскому, Готскому, Кобургскому, Мейнунгенскому, и Гилдбургсгаузенскому, торговля хотя не столь велика, какъ

въ оныхъ, однакожъ немаловажна и подкрѣпляема разными мануфактурами. Въ Ейзенахѣ дѣлаютъ много шерстяныхъ матерій; а въ Аполдѣ находится славная чулочная фабрика, которой товары бываютъ далеко развозимы. Въ Готской области, къ которой принадлежитъ часть Тирингенскаго лѣсу, ведется немалый торгъ лѣсомъ, дегтемъ, смолою, поташемъ, и пр. Въ самой Готѣ, и въ другихъ городахъ какъ сего, такъ и принадлежащаго къ нему Алтенбургскаго Княжества, находятся изрядныя шерстяныя и другія мануфактуры. Въ Кобургѣ находится золотая и серебряная фабрика, и дѣлаются разныя дорогія вещи изъ окаменелаго дерева. Заалфельдъ имѣетъ суконную мануфактуру, также золотую и серебряную фабрику. Въ Мейнунгенѣ дѣлаютъ много бумазеи. — Въ области Графовъ Рейссенъ суконныя и другія шерстяныя мануфактуры находились въ весьма цвѣтущемъ состояніи въ городѣ Герѣ; и хотя сей городъ недавно весь выгорѣлъ, однако начинаетъ уже оправляться, и есть надежда, что прежній большой торгъ его возобновится. — Княжество Ангалтское имѣетъ нѣсколько шерстяныхъ, чулочныхъ и шляпныхъ мануфактуръ. Въ Кейпенѣ и Цербстѣ находятся золотыя и серебряныя фабрики; а въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ дѣлаютъ полуфарфоръ.

Исторія торговли Королевскихъ Прусскихъ и Курфиршескихъ Бранденбургскихъ земель заслуживаетъ примѣчаніе только уже съ половины прошедшаго столѣтія. Около того времени Курфирстъ Фридрихъ Вилгельмъ, называемый Великимъ Курфирстомъ, приложилъ вниманіе и попеченіе свое къ сей части общественнаго благосостоянія съ весьма хорошимъ успѣхомъ. Онъ возстановилъ земледѣліе и многолюдство въ земляхъ своихъ, разоренныхъ тритцатилѣтнею войною; ревностно ободрялъ торговлю; учредилъ почты для споспѣшествованія оной; съ такимъ же намѣреніемъ приказалъ провести каналъ изъ рѣки Шпреи въ Одеръ; старался распространить морскую торговлю своихъ подданныхъ даже до Гвинейскаго берега въ Африкѣ; и принявши въ земли свои нѣсколько тысячь Французскихъ выходцевъ Рефор-

формашскаго исповѣданія, чрезъ то доставилъ имъ множество искусныхъ художниковъ и фабрикантовъ, распространившихъ тамъ разныя мануфактуры, которыхъ произведенія прежде вывозимы были изъ Франціи, или изъ другихъ земель, и стоили весьма дорого. Слѣдствія всѣхъ сихъ учрежденій оказывались и по смерти его, послѣдовавшей въ 1688 году. Преемники его еще съ большимъ успѣхомъ продолжали начатое имъ, а особливо внукъ его, Король Фридрихъ Вилгельмъ. Сей Государь положилъ въ областяхъ своихъ основаніе шерстянымъ и шелковымъ мануфактурамъ. Но еще въ лучшее состояніе приведена торговля сихъ земель мудрымъ и дѣятельнымъ стараніемъ Короля Фридриха II, также и великимъ распространеніемъ владѣнія его, къ которому присовокупилъ онъ почти всю Шлезію, половину Пруссіи и Ост-Фрисландію. Для споспѣшествованія торговлѣ, онъ принялъ въ свое владѣніе множество новыхъ поселенцевъ, и тѣмъ, которые хотѣли завести въ ономъ мануфактуры, давалъ свободное жилище, увольненіе отъ податей, и другія выгоды; вообще весьма умножилъ фабрики и мануфактуры въ своихъ земляхъ, и между прочимъ старался съ хорошимъ успѣхомъ о разведеніи шелку; посредствомъ многихъ награжденій ободрялъ подданныхъ своихъ отличаться разными искусствами, изобрѣтеніями, и пр.; и особенно достигъ того важнаго намѣренія, чтобъ подданные его не имѣли нужды брать многіе дорогіе товары у иностранцевъ, сами дѣлая оные. Въ Эмденѣ, что въ Ост-Фрисландіи, завелъ онъ Азіатское торговое общество; также и иными способами увеличилъ морскую торговлю государства своего съ явнымъ успѣхомъ. Ободреніемъ остроумія и споспѣшествованіемъ всякимъ изобразительнымъ искусствамъ, доставилъ онъ торговлѣ безчисленное множество товаровъ, отличающихся красотою и хорошимъ вкусомъ. Онъ приказалъ сдѣлать новые каналы, которыми рѣки Одеръ и Гавель соединены и почти вполовину сокращенъ путь изъ Берлина въ Магдебургъ. Ко многимъ важнымъ учрежденіямъ его особенно принадлежатъ основанные имъ въ 1766 году въ Берлинѣ и Бреславѣ банки, которые вско-

рѣ по томъ распространены такъ, что могутъ приносить всѣмъ Королевскимъ Прусскимъ областямъ великую пользу.

Въ Маркграфствѣ Бранденбургскомъ, гдѣ лежитъ Берлинъ, главный городъ всѣхъ сихъ областей, земля прежде была по большей части безплодна и мало обработываема; но въ послѣдствіи поправлена такъ, что нынѣ вывозятся оттуда многія произведенія, особливожъ табакъ и мѣлкая рѣпа изъ Телтовскаго округа; также много корабельнаго и строеваго лѣсу, бочечнаго дерева и дровъ. Разведеніе шелку такъ увеличилось, что въ 1774 году собрано онаго въ сей и въ другихъ къ Старой Пруссіи принадлежащихъ земляхъ 6 тысячь 849 фунтовъ. Сверьхъ того Король Фридрихъ II завелъ шелковый магазинъ, въ которомъ запасается иностранный шелкъ всякихъ сортовъ для удобнаго снабдѣнія мануфактуристовъ, также и собираемый въ собственныхъ земляхъ скупается по справедливой цѣнѣ у тѣхъ заводчиковъ, которые не хотятъ или не могутъ сами заниматься пріуготовленіемъ онаго. Мануфактуристы могутъ получать шелкъ изъ сего магазина на кредитъ. Также изъ особливой Королевской Конторы платится мануфактуристамъ шелковыхъ товаровъ по 8 или по 6 процентовъ съ цѣны обработаннаго ими шелку. Для бѣдныхъ мануфактуристовъ шерстяныхъ и бумажныхъ товаровъ равнымъ образомъ заведенъ магазинъ, изъ котораго могутъ они брать шерсти или хлопчатой бумаги сколько имъ надобно.

Посредствомъ толь многихъ ободреній мануфактуры въ Берлинѣ приведены въ весьма хорошее состояніе. Къ онымъ особенно принадлежатъ шерстяныя мануфактуры, находящіяся по большей части въ Королевскомъ Лагергаузѣ. Тамъ дѣлаются сукна и всякія иныя шерстяныя матеріи. Сія фабрика имѣетъ исключительное право снабдѣвать все государство тонкими сукнами; почему привозъ всякихъ иностранныхъ тонкихъ суконъ и вообще шерстяныхъ товаровъ запрещенъ. Въ 1777 году находилось тамъ 107 становъ для суконъ и 124 для разныхъ матерій, 231 работниковъ, и сдѣлано 7950 ку-

кусковъ суконъ и другихъ матерій, которыхъ цѣна простиралась до 45000 рейхсталеровъ и болѣе половины продано иностранцамъ. Деревенскія, или простыя сукна дѣлаются по большей части по деревнямъ для сея фабрики. Но и кромѣ оной находится еще въ Берлинѣ много шерстяныхъ и полушерстяныхъ мануфактуръ. Въ 1774 году было въ семъ городѣ болѣе двухъ тысячь становъ для суконъ и разныхъ матерій, и болѣе двухъ сотъ для шерстяныхъ чулокъ, а число работниковъ при оныхъ можно полагать до десяти тысячь, не считая деревенскихъ жителей, которые прядутъ шерсть. Въ Потсдамѣ и другихъ городахъ Маркграфства Бранденбургскаго также находится множество шерстяныхъ мануфактуръ. Шелковыя мануфактуры въ Берлинѣ не менѣе важны. Король Фридрихъ II вызвалъ изъ Ліона, Турина, изъ Швейцаріи и другихъ земель, всякихъ нужныхъ для оныхъ мастеровъ, и содержалъ ихъ по большей части на своемъ иждивеніи. Они брали къ себѣ учениковъ; и съ того времени дѣлаемы были въ Берлинѣ шелковыя матеріи всякихъ обрасцовъ и цвѣтовъ. Въ концѣ 1777 года ткали тамъ бархатъ и шелковыя матеріи на 865 станахъ, шелковые чулки на 117, и ленты на 202 станахъ. Бумажныя мануфактуры сего города доставляютъ множество ситцовъ и выбоекъ, манчестеру, и иныхъ бумажныхъ и полубумажныхъ матерій. Также дѣлаются тамъ матеріи изъ велблюжьей шерсти и льняныя, обои, и т. п. Въ 1777 году находилось тамъ 1073 стана для бумажныхъ матерій и 368 становъ для полубумажныхъ. Также немало находится мануфактуръ и фабрикъ, на которыхъ обработываются всякіе металлы. Золотая и серебряная фабрика, на которой дѣлаются золотая и серебряная проволока, бить, фольга, галоны, бахрамы, шарфы, и пр., въ 1777 году имѣла 866 работниковъ. Кромѣ сихъ, и всякія иныя мануфактуры въ Берлинѣ находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Фарфоровая фабрика, заведенная въ 1791 году, взята въ 1763 году на Королевское содержаніе, и съ того времени приведена въ весьма хорошее состояніе. На ней работаютъ около шести сотъ

 чело-

человѣкъ; и во всѣхъ большихъ городахъ Прусскихъ земель заведены магазины для дѣлаемаго на сей фабрикѣ фарфору. Также дѣлается весьма много полуфарфору. Еще надлежитъ упомянуть о тамошнихъ кожевенныхъ и табачныхъ фабрикахъ, изъ которыхъ послѣднія суть самыя большія во всей Германіи, о шляпныхъ мануфактурахъ, сахарныхъ варницахъ, и Нейштатской зеркальной фабрикѣ недалеко отъ Берлина. Прекрасныя кареты и коляски, дѣлаемыя въ Берлинѣ, часто выписываемы бываютъ иностранцами. Наконецъ, свободныя и механическія искусства, достигшія въ семъ городѣ высокой степени совершенства, не только сами по себѣ доставляютъ многія преизрядныя произведенія, отправляемыя даже въ чужія земли, но и способствуютъ къ украшенію иныхъ рукодѣлій. Тамъ находятся весьма искусные живописцы и граверы. Также дѣлаютъ тамъ много разныхъ хирургическихъ, математическихъ и музыкальныхъ инструментовъ отмѣнной доброты. Равнымъ образомъ славны Берлинскіе рѣщики и часовщики.

Многіе иные города Маркграфства Бранденбургскаго имѣютъ также знатныя и хорошо учрежденныя мануфактуры и фабрики. Особливожъ въ Потсдамѣ, кромѣ многихъ другихъ, находятся шелковыя и шерстяныя, кожевенныя и льняныя мануфактуры, и оружейная фабрика, на которой дѣлается оружіе потребное для всего Королевскаго войска. Нейштадтъ - Еберсвалде есть главное мѣсто фабрикъ, на которыхъ обработываются металлы. Тамъ дѣлаютъ желѣзную и мѣдную проволоку, жесть, ножи, ножницы, и другіе такіе товары, которыхъ множество расходится въ чужихъ земляхъ. Франкфуртъ при рѣкѣ Одерѣ славенъ тремя ежегодными своими ярманками, и ведетъ великой торгъ съ Польшею и Шлезіею. Въ Ландсбергѣ при Вартѣ соединяется торговля округовъ лежащихъ при рѣкахъ Вартѣ и Нецѣ. Какъ сіи два города, такъ и нѣкоторые другіе, имѣютъ также мануфактуры и фабрики; и вообще Маркграфство Бранденбургское оными богатѣе многихъ иныхъ Европейскихъ земель. Великое множество товаровъ, доставляемыхъ сими фабриками, расходится по большей

части

части въ Прусскихъ земляхъ; но нѣкоторое количество отправляется въ южную Германію, Польшу и Россію. Также вывозится оттуда много лѣсу въ Гамбургъ и Голландію, а изъ Неймарка въ Щтеттинъ. Напротивъ того туда привозятъ хлѣбъ изъ Магдебурга и Шлезіи, соль изъ Магдебургскаго округа, полотно изъ Шлезіи, и другія нужныя вещи, какъ то пряныя зелія, вина, и пр., изъ иныхъ земель.

Герцогство Магдебургское столь изобильно пшеницею, ячменемъ, и другимъ хлѣбомъ, табакомъ, льномъ, пенькою, и пр., что можетъ снабдѣвать оными другія земли, и получать за сіи товары лѣсъ. Въ немъ находятся каменное уголье и мѣдь. Но особливо заслуживаютъ уваженіе соляные источники. Въ Галлѣ и еще болѣе въ Шенебекѣ, всякой годъ вывариваетсся столько соли, что сверьхъ количества потребнаго для прочихъ Прусскихъ областей, еще вывозятъ оную въ нѣкоторыя иныя Германскія провинціи. Также находятся въ семъ Герцогствѣ знатныя фабрики, а особливо въ Магдебургѣ и Галлѣ. Тамъ дѣлается много шерстяныхъ, шелковыхъ и полушелковыхъ товаровъ, также изъ велблюжьей шерсти; а особливо заслуживаютъ уваженіе шерстяныя чулочныя фабрики. Изъ бобровой шерсти дѣлаются сукна, перчатки, чулки, и пр. Кожевенныя фабрики въ хорошемъ состояніи. Перчаточная фабрика, находящаяся въ Галлѣ, славна даже въ другихъ земляхъ; также ведется большой торгъ тамошнимъ крухмаломъ и пудрою. Тамъ же находятся изрядныя красильни, полотняная и фланельная фабрики, и Королевская табачная фабрика. Выгодное положеніе Магдебурга споспѣшествуетъ нѣкоторымъ образомъ торговлѣ сего Герцогства.

Изъ Герцогства Померанскаго, принадлежащаго по большей части Королю Прусскому, вывозится много дровъ, строеваго и корабельнаго лѣсу, великое множество калбасъ, ветчины, копченыхъ гусей, и гусинаго перья. Въ семъ Герцогствѣ также есть нѣсколько шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ. Положеніе его при Балтійскомъ морѣ доставляетъ ему всю удобность къ

 мор-

морской торговлѣ; и по тому Штеттинъ, лежащій при впаденіи рѣки Одера въ помянутое море, содѣлался главнымъ торговымъ городомъ въ Помераніи. Ибо сей городъ можетъ отправлять товары свои въ Берлинъ, Франкфуртъ при Одерѣ и Бреслау, и оттуда получать тамошніе по водѣ; а чрезъ то онъ въ состояніи вести выгодный торгъ съ чужими, отчасти весьма отдаленными землями, какъ-то съ Португалліею, Испаніею, Франціею, Англіею, Голландіею, съ Сѣверными землями, и съ немалою частію Германіи. Въ новѣйшія времена торговля его весьма увеличилась, особливожъ при случаѣ послѣдней войны между Англичанами, Французами и Голландцами, когда Прусскіе корабли подъ нейтральнымъ флагомъ пользовались отличнымъ уваженіемъ.

Торговля Шлезіи, принадлежащей также по большей части Королю Прусскому, весьма важна. Между натуральными произведеніями сего Герцогства такъ много хлѣба, садовыхъ растеній и марены, что можно вывозить ихъ въ большомъ количествѣ. Разведеніе льну столь велико, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ десятая, а въ иныхъ и шестая часть всѣхъ полей засѣвается льняными сѣменами. Прежде отпускаемо было изъ Шлезіи къ Гамбургцамъ и Голландцамъ много корабельнаго и плотоваго лѣсу. Но какъ помѣстамъ лѣсъ началъ становиться рѣже, то сей торгъ ограниченъ. Также прежде вывозимо было изъ Шлезіи много шерсти въ верхній Лаузицъ для тамошнихъ суконныхъ фабрикъ; но нынѣ Шлезійцы сами обработываютъ оную, и по тому вывозъ ея запрещенъ. Въ Шлезійскихъ горахъ жители содержатъ много козъ, и дѣлаютъ много сыру, который продаютъ иностранцамъ. Между минеральными произведеніями Шлезіи особенно много мышьяку и желѣза. Желѣзные заводы доставляютъ столько желѣза, что привозъ сего металла изъ Швеціи въ Прусскія земли могъ быть запрещенъ. Въ Бунцлау находится глина, изъ которой дѣлается Бунцлавская посуда, развозимая весьма далеко. Также вывозится изъ Шлезіи много глины, изъ которой дѣлаютъ въ Берлинѣ фарфоръ и полуфарфоръ. Еще принадлежатъ къ симъ произведеніямъ мар-

моръ

моръ и камни употребляемые рѣщиками, и хорошіе жернова, которыхъ немало отправляется въ Польшу и Бранденбургское Маркграфство.

Шлезійцы имѣютъ нѣкоторую природную склонность къ прилѣжанію и умѣренности: по чему фабрики въ ихъ землѣ были давно уже въ цвѣтущемъ состояніи; но еще большаго совершенства достигли онѣ съ того времени, какъ Шлезія стала Прусскою областію, послѣ чего жители ея получали великое ободреніе къ торговлѣ. Главныя фабрики въ Шлезіи суть полотняныя. Горныя деревни населены почти одними только ткачами. Ленъ разводится по большей части въ равнинахъ, откуда излишній хлѣбъ, зелень, овощи, ленъ и пряжа посылаются въ горы. Горные жители платятъ за оныя деньгами, получаемыми изъ другихъ земель за полотно. Съ полотняными фабриками совокуплены изрядныя бѣлильни. Горныя фабрики доставляютъ особенно тонкое полотно для продажи иностранцамъ. Онѣ раздѣлены слѣдующимъ образомъ: при Саксонской границѣ ткутъ особенно тонкое полотно, которое часто продаютъ за Голландское; при Гиршбергѣ дѣлаются по большей части покрывала, а при Шмидебергѣ разныя ткани съ цвѣтками. Въ Швейдницскомъ округѣ, въ Графствѣ Глацскомъ и въ Княжествѣ Нейсскомъ ткутъ по большей части толстое полотно, отправляемое въ Португаллію и Испанію. Думаютъ, что на сихъ горныхъ фабрикахъ работаютъ болѣе двухъ сотъ тысячь человѣкъ. Въ Глогавскомъ, Сaганскомъ, и другихъ округахъ, также находятся немалыя полотняныя фабрики; но товары оныхъ по большей части остаются въ Прусскихъ земляхъ, или отправляются только въ Польшу. Вѣроятно, что въ Шлезіи дѣлаютъ гораздо болѣе полотна, нежели въ Голландіи; хотя Шлезійское полотно добротою уступаетъ нѣсколько Голландскому. Весьма много Шлезійской лощенки, какъ бѣлой, такъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ, и различной доброты, расходится во многихъ земляхъ, и даже во Франціи, гдѣ поддѣлываютъ оную, но не совершенно.

Суконныя и шерстяныя фабрики въ Шлезіи, пришедшія въ упадокъ отъ того, что вывозъ товаровъ ихъ въ Австрійскія земли прекратился, въ послѣднія двагцать лѣтъ стараніемъ Правительства приведены въ лучшее состояніе. Кромѣ того находятся тамъ хорошія кожевенныя фабрики; также дѣлаются бумазея и разныя матеріи изъ хлопчатой бумаги, которыя вывозимы бываютъ въ Польшу. Туда же отправляется много пороху. Шелковыя фабрики, бумажныя мѣльницы и стеклянные заводы еще недостаточны.

Шлевійской торгъ льняными товарами, ведомый особливо чрезъ Штетинъ, Гамбургъ и Голландію, съ Англіею, Португалліею, Испаніею, а оттуда даже съ Америкою, весьма важенъ. Купцы въ Шлезійскихъ горахъ часто скупаютъ полотно на щетъ иностранныхъ купцовъ, которые даютъ имъ деньги на оное; однакожъ нерѣдко и сами Шлезійцы отправляютъ товары на собственный свой щетъ въ Гамбургъ и Амстердамъ, а иногда въ Лиссабонъ и въ Кадисъ. Также много полотна отправляется въ Польшу, Италію, Австрійскія земли и Маркграфство Бранденбургское. Горные купцы посылаютъ всякой годъ въ чужія земли по шести сотъ тысячь кусковъ полотна, цѣною около пяти миліоновъ талеровъ, полагая каждый кусокъ вокругъ по осьми талеровъ. Половина сего количества вывозится изъ Гиршберга, а четвертая часть изъ Ландсгута. Хотя въ семъ числѣ бываетъ немало Богемскаго полотна, только выбѣленнаго и пріуготовленнаго въ Шлезіи; однако собственнаго Шлезійскаго еще болѣе. Шлезійскія сукна отправляются въ Польшу, Россію, въ Имперію и въ Вестфальской округъ; и по большей части раскупаемы бываютъ на ярманкахъ во Франкфуртѣ при Одерѣ, въ Лейпцигѣ и Браунштейгѣ. Также нѣсколько лучшихъ тамошнихъ суконъ отвозится чрезъ Польшу въ Турцію. Поляки, привозя въ Шлезію натуральныя произведенія своея земли, берутъ за оныя потребные имъ товары. Однако въ новѣйшія времена сей торгъ нѣсколько уменьшился; по тому, что въ Шлезіи почти всѣ иностранные рукодѣльные товары, также иностранный сахаръ и та-

табакъ, запрещены; и по тому, что на всѣ иностранные товары, провозимые чрезъ сію землю въ другія мѣста, наложены высокія пошлины. Въ числѣ товаровъ, получаемыхъ Шлезійцами изъ другихъ земель, отчасти для собственнаго употребленія, отчастижъ для перепродажи, бываетъ всякой годъ множество тысячь бочекъ льнянаго сѣмени, вывозимаго изъ Лифляндіи, Курляндіи и Пруссіи; ибо найдено, что отъ иностранныхъ сѣменъ ленъ родится лучше. Однако они не могутъ получать льнянаго сѣмени непосредственно изъ Сѣверныхъ земель; но должны брать оное изъ Франкфурта при Одерѣ, гдѣ находится магазинъ для сего товара. Бреслау ведетъ посредническои торгъ сушеною рыбою между Польшею и Богеміею. Изъ Польши Шлезійцы получаютъ лошадей, быковъ, барановъ, свиней, весьма много невыдѣланныхъ кожъ, сало, медъ, воскъ, поташъ, и пр.; изъ Россіи кожи, мыло, сало, поташъ, и разные аптекарскіе товары. Остающееся отъ собственнаго употребленія количество сихъ товаровъ продаютъ они въ Саксонію и въ Австрійскія области. Хотя въ Шлезію привозится много иностранныхъ товаровъ, однакожъ вообще получаетъ она всякой годъ болѣе миліона рейхсталеровъ прибытка посредствомъ торгу своими рукодѣльными товарами.

Восточная часть Королевства Прусскаго, или Восточная Пруссія, изобильна хлѣбомъ, льномъ, пенькою и хмѣлемъ; и оттуда вывозится великое множество сихъ произведеній. Большіе дубовые, буковые и сосновые лѣса доставляютъ столько дерева, дегтю и поташу, что немалое количество оныхъ отпускается въ другія земли. Также продается оттуда много лошадей, кожъ, сала и мяса. Медъ и воскъ равнымъ образомъ служатъ предметомъ торгу съ иностранцами. Изъ мануфактуръ и фабрикъ находятся тамъ стеклянные, желѣзные и мѣдные заводы, шерстяныя, кожевенныя и канатныя фабрики, и еще нѣкоторыя иныя; но товары оныхъ служатъ по большей части только для собственнаго употребленія. Кромѣ продажи собственныхъ своихъ произведеній, сія земля имѣетъ еще ту выгоду,

что Литовцы чрезъ нея продаютъ свои товары и получаютъ иностранные. Сія общая торговля соединяется въ Кенигсбергѣ, главномъ торговомъ и приморскомъ городѣ Восточной Пруссіи, куда всякой годъ приходитъ около шести сотъ кораблей, и почти столько же выходитъ оттуда. Мемель имѣетъ также знатный морской торгъ, который въ новѣйшія времена такъ распространился, что почти равняется съ Кенигсбергскимъ. Прусскіе корабли не только плаваютъ по Балтійскому морю, но въ новѣйшія времени начали проходить чрезъ Зундъ, и даже во Францію. Англичане, Голландцы, Датчане, Шведы, также Любекцы, Гамбургцы и Данцигцы, посѣщаютъ Прусскія гавани. Всякой годъ вывозится оттуда отъ 9 до 10 тысячь ластовъ хлѣба, болѣе двадцати тысячь бочекъ льнянаго сѣмени, десять тысячь пудъ пеньки, около 100 тысячь пудъ льну, около тритцати тысячь кожъ, и множество другихъ выше сего помянутыхъ товаровъ.

Западная Пруссія, которая нынѣ вся, кромѣ вольныхъ городовъ Торна и Данцига съ ихъ областями, принадлежитъ также Королю Прусскому, столь изобильна лѣсомъ разныхъ родовъ, что можетъ отправлять множество онаго къ иностранцамъ. Сія земля особенно важна для торговли по тому, что рѣка Висла протекаетъ чрезъ нее въ Балтійское море; и только симъ путемъ отправляются изъ Великой, отчастижъ и изъ Малой Польши, тамошнія произведенія, а особливо хлѣбъ, къ Англичанамъ, Голландцамъ и другимъ народамъ; равнымъ образомъ и въ Польшу большая часть иностранныхъ товаровъ провозится симъ же путемъ. Прежде, когда еще Западная Пруссія была въ Польскомъ владѣніи, сія весьма прибыточная торговля принадлежала по большей части Данцигскимъ жителямъ. Но съ того времени, какъ она досталась Королю Прусскому, сей Государь старался сколько возможно споспѣшествовать торговлѣ своихъ Западныхъ Прусскихъ городовъ. Между оными особенно Элбингъ имѣетъ выгодное для морской торговли положеніе; ибо онъ находится при судоходной рѣкѣ Элбингѣ, которая соединена каналомъ

съ

съ рѣкою Ногатомъ, или правымъ рукавомъ Висьі. Эльбингцы давно уже, ободряемы будучи Англичанами, продавали немало хлѣба, льну, древесныхъ плодовъ, пуху, сыру, коровья масла, пряжи, полотна, и другихъ товаровъ. Но въ новѣйшія времена торгъ ихъ сталъ еще гораздо важнѣе.

Между Вестфальскими землями, принадлежащими Королю Прусскому, Княжество Ост-Фрисландское имѣетъ торговлю по Германскому морю. Земля въономъ на морскихъ берегахъ весьма тучна и доставляетъ хорошую пасству: по чему жители тамошніе ведутъ немалый торгъ лошадьми, быками, коровами, коровьимъ масломъ и сыромъ. Въ семъ Княжествѣ находятся изрядныя суконныя и полотняныя фабрики. Главный торговый городъ онаго есть Эмденъ, имѣющій изрядную гавань при впаденіи рѣки Эмсы въ море. Кромѣ помянутыхъ уже товаровъ, онъ снабдѣваетъ лежащую при Эмсѣ часть Германіи пряными зеліями, ароматами, винами, морскою рыбою, и другими иностранными товарами. Учрежденное въ Эмденѣ въ 1750 году Азіатское торговое общество, которое отправляло свои корабли въ Бенгалы и Китай, послѣдовавшею чрезъ шесть лѣтъ по томъ войною разрушено. Но вмѣсто онаго заведено тамъ общество торгующее сельдями, которое снабдѣваетъ сею рыбою всѣ Прусскія области, даже и Шлезію. Вообще Эмденъ имѣетъ многія отличныя привилегіи въ торговлѣ предъ прочими Прусскими областями.

Торговля Княжества Минденскаго, котораго главный городъ лежитъ при рѣкѣ Везерѣ, немаловажна. Сія земля изобильна хлѣбомъ, и имѣетъ большую соляную варницу. Также дѣлаютъ тамъ много полотна и другихъ льняныхъ тканей, и нѣкоторыя матеріи полульняныя и полушерстяныя. Кромѣ сихъ товаровъ, отправляются оттуда хлѣбъ, лошади и рогатый скотъ, соль, каменное уголье, поташъ, и пр. — Въ Графствахъ Равенсбергскомъ, Лингенскомъ и Текленбургскомъ разведеніе льну и полотняныя фабрики находятся въ цвѣтущемъ состояніи: что доставляетъ способъ къ большому торгу полотномъ. Главныя полотняныя фабрики и хо-

хорошія бѣлильни находятся въ Билефельдѣ и Герфорденѣ. Пріуготовленное тамъ полотно отправляется по большей части изъ Флото по рѣкѣ Везеру, и отвозится въ Голландію, Англію и Испанію. Но полотно изъ Текленбургскаго округа отправляется по Эмсѣ въ Эмденъ. Для споспѣшествованія Шлезійскимъ полотнянымъ фабрикамъ запрещено привозить сей товаръ изъ Вестфальскихъ земель въ Прусскія области. Многіе предпочитаютъ Билефельдское полотно Шлезійскому по добротѣ употребляемой на оное пряжи. — Графство Маркское имѣетъ суконныя и шерстяныя фабрики, изрядныя полотняныя мануфактуры, и фабрики, на которыхъ обработывается желѣзо, сталь и мѣдь. Особливожъ славенъ послѣдними городъ Изерлонъ; и тамошніе купцы отвозятъ на Лейпцигскія ярманки, или посылаютъ въ Голландію, множество разныхъ товаровъ сихъ фабрикъ. Также дѣлаются тамъ бархатъ и шелковыя ленты, шерстяныя матеріи, и пр. Голландцы получаютъ изъ сея земли особенно много полотна, и продаютъ оное подъ именемъ Голландскаго. Славные Вестфальскіе окароки вывозятся по большей части изъ сего Графства. — Въ Герцогствѣ Клевскомъ родится много хлѣба и полевыхъ плодовъ; также имѣетъ оно нѣсколько хорошихъ шерстяныхъ, шелковыхъ и полотняныхъ мануфактуръ; а сверьхъ того можетъ еще пользоваться рѣкою Рейномъ, доставляющею толикія выгоды торговлѣ между Голландіею и большею частію Германіи. Однако торгъ сея земли не весьма важенъ.

Изъ всего сказаннаго выше сего можно видѣть, что торговля вообще въ Прусскихъ земляхъ, а особливо въ нѣкоторыхъ изъ оныхъ, какъ выгодна, такъ и велика. Однако многіе купцы сихъ земель жалуются на то, что промыслы ихъ ограничены и подвержены затрудненіямъ. Причины сихъ жалобъ очевидны. Въ Прусскихъ земляхъ позволенъ привозъ только тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые необходимо нужны, и которыхъ съ собственныхъ фабрикъ получать не можно. На иностранные товары, служащіе только къ пышности и роскошному удобству, наложены высокія пошлины. Такіяжъ

по-

пошлины наложены и на всѣ иностранные рукодѣльные товары, провозимые только чрезъ Прусскія области, чтобъ тѣмъ заставить иностранцевъ покупать товары, дѣлаемые въ сихъ земляхъ. Сіи учрежденія для государства весьма полезны; ободряютъ прилѣжаніе жителей, доставляютъ вѣрный расходъ дѣлаемымъ ими товарамъ, и не допускаютъ вывозить много денегъ изъ такихъ земель, которыя сами по себѣ драгоцѣнными металлами не богаты. Но они препятствуютъ частнымъ купцамъ получать большой прибытокъ отъ торговли иностранными товарами и посредствомъ коммиссій. Сверьхъ того, торгъ нѣкоторыми товарами, а особливо солью и табакомъ, предоставленъ исключительно Королю; также находятся купеческія общества, торгующія исключительно нѣкоторыми произведеніями и товарами: что для прочихъ купцовъ необходимо должно быть не выгодно. Однакожъ Правительство можетъ лучше иностранцевъ знать причину такихъ учрежденій.

Таково состояніе торговли въ тѣхъ Германскихъ земляхъ, въ которыхъ она понынѣ преимущественно предъ прочими процвѣтаетъ. Швейцарія, смежная съ Германіею, обитаемая по большей части Германцами, и принадлежавшая прежде Германской Имперіи, также заслуживаетъ примѣчаніе своею торговлею. По натуральному качеству сея земли, кажется она едва способною къ нѣкоторому торгу между собственными ся жителями, а еще менѣе съ иностранцами; однакожъ имѣетъ немалый торгъ, какъ внутренній, такъ и иностранный. Большая часть Швейцаріи состоитъ изъ весьма высокихъ, одна надъ другою стоящихъ горъ, изъ которыхъ многія суть острые, почти невосходимые камни, либо совсѣмъ голые, либо всегда покрытые снѣгомъ и льдомъ; а между оными находятся цѣлыя ледяныя горы и ледяныя долины. Въ такихъ странахъ мало земледѣлія быть можетъ; также и города рѣдки. Но при подошвахъ сихъ горъ находятся густые лѣса и луга съ тучною травою; а средняя часть ихъ покрыта множествомъ благовонныхъ травъ, рощами и кустарниками: по чему онѣ доставляютъ изрядную паству. Меньшая часть Швейцаріи,

со-

содержащая въ себѣ область Тургау и часть Цирихской, Шафгаузенской, Бернской, Золотурнской и Фрейбургской областей, также гориста; но при подошвахъ тамошнихъ горъ находятся многіе виноградные сады, пашни, луга и лѣса. Тамъ болѣе равной земли; лѣтомъ не бываетъ ни снѣгу, ни льду; и на лугахъ ростетъ много преизрядныхъ плодовитыхъ деревъ.

Такое натуральное положеніе, нужда, трудолюбіе и умѣренность Швейцаровъ, и свобода ихъ, были причиною, что они получали или получаютъ еще отъ своея земли многія важныя выгоды, которыхъ Натура имъ не дала, или которыми она скупо ихъ надѣлила. Хотя не родится у нихъ столько хлѣба, сколько для нихъ потребно; но скотоводство весьма велико, и служитъ главнымъ способомъ къ пропитанію, также и къ торговлѣ. Особливожъ сыръ Швейцарской расходится во многихъ Европейскихъ земляхъ. Самый лучшій сыръ вывозится изъ Гріера, небольшаго городка въ Фрейбургскомъ Кантонѣ, и изъ Берна. Французы покупаютъ много Швейцарскихъ лошадей для конницы. Кромѣ того, Швейцары отправляютъ къ иностранцамъ коровье масло, овецъ, крупный скотъ, нѣсколько вина, и немалое количество своихъ рукодѣльныхъ товаровъ. Сами они получаютъ хлѣбъ изъ Швабіи, Тироля и Элзаса (хотя всегда имѣютъ полные магазины въ запасѣ на случай недостатка въ хлѣбѣ, могущаго произойти въ сихъ земляхъ), пеньку, ленъ, вино, шерсть, соль, разные рукодѣльные товары, также Азіатскія и Американскія произведенія. Швейцарія лежитъ между Германіею, Франціею и Италіею; имѣетъ судоходныя озера и рѣки, особливожъ въ числѣ послѣднихъ Рейнъ и Ронъ, доставляющія ей сообщеніе съ Германскимъ и Средиземнымъ морями; и въ послѣднія сорокъ лѣтъ дороги въ равныхъ мѣстахъ сея земли весьма поправлены. Всѣ сіи обстоятельства доставляютъ торговлѣ ея немалыя выгоды.

Фабрики въ Швейцаріи приведены въ цвѣтущее состояніе. Сему способствовало особенно то преимущество ея предъ многими иными землями, что она имѣетъ

много

много работниковъ, не нужныхъ для земледѣлія. Земледѣльцы вообще имѣютъ мало пашни и много дѣтей, которые всѣ не могутъ заниматься полевою работою; а по тому можно заводить тамъ много фабрикъ, не отвлекая работниковъ отъ земледѣлія. Напримѣръ, во всѣхъ деревняхъ Базельскаго Кантона ткутъ шелковыя ленты. По сей же причинѣ рукодѣльные товары не могутъ стоить такъ дешево въ другихъ земляхъ, гдѣ они дѣлаются въ городахъ и работники получаютъ немалую плату.

Главныя рукодѣлія Швейцаровъ суть слѣдующія. Они пріуготовляютъ множество пеньковой и льняной пряжи, и ткутъ изъ нея разныя полотна. Первыя полотняныя фабрики заведены въ городѣ Сент-Галленѣ; по чему Швейцарское полотно вообще называется у иностранцевъ Сент-Галленскимъ. Большое количество онаго дѣлается въ Эмментalѣ и въ Золотурнской области, и хотя по большей части изъ Элзасской пеньки и привознаго льну, однакожъ продается съ выгодою. Тамъ дѣлается лощеное полотно, тонкое, среднее и толстое. Плетутъ нитяныя кружева различной доброты, и ткутъ тясьмы и нитяные чулки. Изъ бумажныхъ Швейцарскихъ тканей особливо извѣстны кисея и выбойки. Также дѣлаютъ бумажные платки по Азіатскимъ образцамъ, бумажные чулки и перчатки. Прядутъ и пріуготовляютъ сырой и сученый шелкъ; ткутъ шелковыя и полушелковыя матеріи, и послѣднія отчасти съ золотомъ и серебромъ, также бархаты, и пр. Изъ шерстяной пряжи ткутъ дрогеты, одѣяла, каламенки, камлоты, и разныя иныя матеріи. Особливо въ городѣ Цирихѣ много шерстяныхъ и шелковыхъ мануфактуръ. Также дѣлаются въ Швейцаріи шляпы различной доброты, и весьма хорошая бумага разныхъ сортовъ. Кожи выдѣлываются тамъ различнымъ образомъ; особливожъ славны Нейенбургская (или Нефшательская) замша и Швейцарская телячья кожа. Въ Нефшателѣ находятся также искусные перчаточники. Изъ рогу дѣлаютъ гребни, пуговицы, и иныя вещи. Золотыя и серебряныя фабрики доставляютъ весьма изрядные товары. Въ Базелѣ

хоро-

хорошо дѣлают листовое золото. Кромѣ разных галантерейных товаров, особливо дѣлается великое множество карманных и всяких иных часов. Прежде Женевцы имѣли преимущество в часовом искусствѣ пред всѣми прочими Швейцарами по добротѣ и по великому расходу их часов. Но нещастливыя внутреннія безпокойства, от которых Женева недавно толь много претерпѣла, должны имѣть весьма вредныя слѣдствія для многолюдства, мануфактур и торговли сего города, бывшаго прежде в цвѣтущем состояніи.

Из всѣх Кантонов Цирих имѣет самую большую торговлю. Он изобилен многоразличными и весьма изрядными натуральными произведеніями, и в нем находятся знатнѣйшія мануфактуры. Другіе Кантоны Реформатскаго исповѣданія, Берн, Базель и Шафгаузен, а из Кантонов Католическаго исповѣданія Золотурн и Фрейбург, отчасти имѣют также весьма немалый торг. В прочих Кантонах торговля гораздо менѣе; хотя великое прилѣжаніе жителей и провоз товаров в Италію и из сея земли, доставляют и из них нѣкоторым участіе в оной. Между ярманками, споспѣшествующими торговлѣ, особенно заслуживают примѣчаніе бывающія в Лангенталѣ, торговом мѣстечкѣ, принадлежащем к Бернскому Кантону; ибо на них производится важный торг полотном, рукодѣльными товарами, рогатым скотом, хлѣбом, и пр. Положеніе сего мѣста вообще весьма удобно для торговли между Швейцаріею, Германіею и Франціею. В том же Кантонѣ городок Вевей служит для складки весьма многих товаров, отправляемых из Швейцаріи в Женеву, а оттуда во Францію. В Веве нагружаются суда сими товарами. Всякой год отправляют оттуда во Францію одного сыру, вывозимаго из Фрейбургскаго Кантона, цѣною на два миліона ливров.

Несравненно важнѣе торговля другаго народа, принадлежавшаго прежде также к Германской Имперіи, а именно Соединенных Нидерландцев, или Голландцев, как они по имени главной их области называются.

Со-

Со временъ Финикіанъ въ древнихъ вѣкахъ, и Венеціанъ и Генуезцевъ въ среднихъ, никакой народъ не достигалъ такой великости въ торговлѣ, морской силѣ и богатствѣ, какъ сей, отъ толь малаго начала и обитая въ странѣ толь мало плодоносной. По справедливости почитаютъ сіе самымъ скорѣйшимъ и величайшимъ дѣйствіемъ торговли, какое только когда либо бывало въ мірѣ; ибо сей народъ, ведя войну съ окружавшимъ его гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ, продолжавшуюся болѣе сорока лѣтъ, тяготимъ будучи налогами, бѣдностію и другими нещастіями, съ оружіемъ въ рукахъ, распространилъ весьма прибыточный и безопасный торгъ не только въ своемъ отечествѣ, но и въ земляхъ другихъ частей міра.

Семь Соединенныхъ Провинцій издавна еще имѣли рыбную ловлю и небольшую морскую торговлю; но въ сравненіи съ торговлею прочихъ Нидерландъ, приносившею толикое богатство, оная была весьма маловажна. Сія земля мало имѣетъ натуральныхъ произведеній, которыя состоятъ почти только въ нѣкоторомъ количествѣ хлѣба, садовыхъ растеніяхъ, льнѣ и пенькѣ, и во множествѣ торфу. Напротивъ того она почти совсѣмъ не имѣетъ лѣсу, и по тому съ сея стороны никакого ободренія къ кораблеплаванію. Для скотоводства находятся тамъ изрядныя пасствы. Немного спустя за половину шестагонадесять столѣтія, жители сихъ провинцій, претерпѣвъ отъ Испанскаго Короля Филиппа II толь многія притѣсненія, равно какъ и всѣ Нидерландцы, принялись купно съ прочими за оружіе для защищенія своея религіи и свободы. Вскорѣ усмотрѣли они, что на морѣ могутъ превзойти силою Испанцевъ, и дѣлать нападенія на нихъ самихъ съ великою выгодою; побѣждали ихъ флоты, и овладѣли многими важными приморскими городами, между тѣмъ, какъ щастіе сухопутныхъ войскъ ихъ было непостоянно. Съ 1579 года сіи семь провинцій начали соединяться для утвержденія своея независимости, и съ того времени морская сила ихъ ежегодно увеличивалась. Они давали Французамъ военные корабли для защищенія ихъ береговъ. Увеличивающаяся

современемъ морская торговля ихъ доставляла имъ столько богатства, что они въ состоянiи были продолжать войну. Въ концѣ шестагонадесять столѣтiя они высылали уже на море ежегодно не менѣе 70000 морскихъ служителей, и всякой годъ строили по двѣ тысячи судовъ. Кровопролитная война, продолжавшаяся еще, умножала купно и отважность ихъ и сокровища. Король Испанской, по причинѣ недостатка товаровъ въ государствѣ его, долженъ былъ допускать ихъ вести весьма прибыточный торгъ съ Испанскими и Португальскими его подданными; хотя корабли ихъ въ гаваняхъ сего государства часто задерживаемы были подъ разными предлогами. Около сего времени они присвоили уже себѣ большую часть торгу хлѣбомъ, ведомаго изъ Польши чрезъ Зундъ, и снабдѣвали онымъ самую Италiю: отъ чего получали превеликой прибытокъ. Кораблеплаванiе ихъ простиралось даже до Гвинейскаго и Абиссинскаго береговъ. Португальцы, присвоившiе себѣ власть въ тѣхъ странахъ, сперва казнили Голландцевъ попадавшихся имъ въ оныхъ; но вскорѣ Голландцы прiобрѣли у тамошнихъ народовъ болѣе уваженiя, нежели Испанцы и Португальцы. Они проходили даже до самаго сѣвернаго края Европы, особливожъ мимо Новой Земли по Вайгатскому или Нассавскому проливу, и сдѣлали тамъ многiя открытiя. Также Голландскiе купцы посылали корабли въ Калифорнiю чрезъ Магелланской проливъ, надѣясь найти путь въ Японiю и Китай. Кромѣ того корабли ихъ отправлялись еще въ Бразилiю и Сан-Доминго. Сперва вели они сей дальнiй морской торгъ только подъ именемъ Испанскихъ и Португальскихъ купцовъ; но въ концѣ шестагонадесять столѣтiя начали торговать подъ своимъ собственнымъ именемъ, и всегда находили въ тѣхъ странахъ начальниковъ, которыхъ подкупать могли. Въ 1598 году Португальскiе берега заперты были Англiйскими кораблями, и Испанцы, боясь Англичанъ, оставили въ Америкѣ обыкновенно получаемые оттуда товары. Въ сiе время во всей Европѣ у однихъ только Голландцевъ можно было найти пряныя зелiя и другiе такiе товары. Также нѣкоторые Гол-

Голландскіе города и купеческія общества вкупѣ отправляли уже тогда много кораблей въ Ост- и Вест-Индію для торговли. Въ Левантѣ Французы доставили имъ великія выгоды. Равнымъ образомъ обогащались они рыбною ловлею на Британскихъ моряхъ.

Но важная Ост-Индійская торговля Голландцевъ во всей великости ея началась уже съ седьмагонадесять столѣтія. Въ 1584 году Испанцы запретили имъ вести торгъ съ Лиссабономъ, откуда прежде Индійскіе товары доставляемы были во всю Европу; и хотя они допускаемы были продолжать сей торгъ и по запрещеніи; но какъ сіе стало опасно, то старались они сами вывозить товары изъ Ост-Индіи. Сначала многіе думали, что можно найти кратчайшій путь въ Ост-Индію по сѣверному океану чрезъ Вайгатской проливъ. Однакожъ всѣ старанія о томъ съ 1594 до 1597 года не имѣли никакого успѣха; хотя правительство Соединенныхъ Нидерландъ обѣщало 25000 гулденовъ награжденія тому, кто первой пройдетъ въ Китай сѣвернымъ путемъ. Выше Новой Земли найдена была необитаемая земля, названная Шпицбергеномъ; но за льдомъ и стужею далѣе пройти совсѣмъ было не возможно. Напротивъ того на южномъ пути въ Ост-Индію съ 1595 года Голландцы имѣли болѣе успѣха. Въ 1599 году вывезли они между прочимъ изъ Бантама 400 ластовъ перцу и 100 ластовъ гвоздики. Тщетно Испанцы противились имъ тамъ военною своею силою. Голландцы отбили ихъ въ 1602 году съ урономъ, и утвердили торговлю свою въ тѣхъ странахъ союзами съ Царемъ острова Тернаты и Молукскихъ острововъ, съ жителями острова Банды, гдѣ ростутъ самые лучшіе мускатные орѣхи, съ Кандійскимъ Царемъ на островѣ Цейлонѣ, гдѣ родится самая лучшая корица, и съ другими владѣльцами, которымъ вообще обѣщали они защиту отъ Португальцевъ.

Но съ нѣкотораго времени оказались уже разныя неудобства въ томъ, что Ост-Индійская торговля ведена была особенными купеческими обществами въ Голландіи и Зееландіи. Также усмотрѣно было, что для утвержденія и защищенія Ост-Индійской торговли по-

требна большая сила, какой частные купцы имѣть не могли. По симъ причинамъ всѣ особенныя Ост-Индійскія общества совокупились и составили одно, которому дано было на дватцать одинъ годъ исключительное право торговать къ востоку отъ мыса Доброй Надежды и чрезъ Магелланской проливъ. Привилегія сего общества дана ему была въ 1602 году, и управленіе дѣлъ его поручено оною шести Камерамъ, учрежденнымъ въ Амстердамѣ, Миддельбургѣ, Делфтѣ, Роттердамѣ, Гоорнѣ и Енкгюзенѣ. Сіе Ост-Индійское торговое общество, въ которое могли въ продолженіе нѣкотораго времени вступать жители всѣхъ Соединенныхъ Нидерландъ, получило право заключать союзы съ Индійскими владѣльцами именемъ всѣхъ Чиновъ Соединенныхъ Нидерландъ, строить крѣпости, принимать въ службу полководцевъ и войска съ тѣмъ, чтобъ они присягали какъ обществу, такъ и всѣмъ Чинамъ. Капиталъ его состоялъ почти изъ шести съ половиною миліоновъ Голландскихъ банковыхъ гулденовъ. Оно немедленно соорудило военные и купеческіе флоты, завело поселенія въ Ост-Индіи, начало дѣлать тамъ завоеванія у Португальцевъ, и вскорѣ положило основаніе великому владѣнію. Вообще сіе общество доставило Соединеннымъ Областямъ важныя выгоды. Оно разрушило силу Испанцевъ новою войною въ Ост-Индіи: что Республикѣ не только ничего не стоило, но она пользовалась еще при томъ частію получаемой добычи. Также сдѣлалось оно главнымъ источникомъ богатства сихъ земель. Со времени учрежденія его до 1739 году вывезено имъ изъ Ост-Индіи товаровъ, по весьма умѣренному исчисленію, цѣною въ покупкѣ на триста шестьдесятъ миліоновъ, а въ продажѣ на тысячу шестьсотъ дватцать миліоновъ. Сіе общество возобновляемо было пять разъ, и въ послѣдній разъ возобновлено въ 1748 году.

Недолго спустя по учрежденіи Ост-Индійскаго торговаго общества, а именно въ 1609 году, учрежденъ славный Амстердамской банкъ. Первое намѣреніе правительства при учрежденіи онаго было то, чтобъ собрать въ Амстер-

Амстердамѣ большой капиталъ монеты, который оставался бы тамъ всегда подъ безопаснымъ охраненіемъ. По сей причинѣ установлено, чтобы по всѣмъ векселямъ свыше 300 гулденовъ вносимы были въ банкъ наличныя деньги; а тотъ, кому такіе векселя принадлежали, могъ бы переводить сумму оныхъ въ банковыхъ книгахъ кому хотѣлъ, но никогда не требовалъ бы платежа наличными деньгами. Такимъ образомъ количество вносимой въ банкъ монеты современемъ умножалось, и кредитъ банка совершенно замѣнялъ наличныя деньги. Первая выгода, полученная Амстердамомъ отъ сего учрежденія, состояла въ томъ, что торговля была въ немъ утверждена; ибо имѣющіе деньги въ банкѣ должны были жить въ семъ городѣ. Также посредствомъ банковаго кредита узнаваемы были богатые люди. Кромѣ того, надлежало сему банку служить къ предупрежденію безпорядковъ, происходившихъ отъ худыхъ денегъ, какія часто привозимы были въ Амстердамъ изъ разныхъ земель. На сей конецъ принята была за основаніе серебряная монета называемая дукатономъ, и цѣна ей положена три банковые гулдена. Опредѣлено было, чтобъ двѣсти дукатоновъ содержали въ себѣ двадцать шесть марковъ, пять унцій и десять энгелей Троаскаго вѣсу. Дукатонъ стоитъ три гулдена и три штивера ходячими деньгами; но въ банкѣ принимается только за три гулдена: слѣдовательно банковыя деньги пятью процентами выше ходячихъ. Дѣла сего банка касаются только до обращенія денегъ между купцами въ Амстердамѣ. Онъ есть такъ называемый *Жиро-Банкъ.* Купцы вносятъ въ оный нѣкоторую сумму денегъ, и за то каждый изъ нихъ получаетъ *фолію*, или листъ въ банковыхъ книгахъ, на которомъ записана бываетъ внесенная имъ въ банкъ сумма. Естьли два купца, изъ которыхъ каждый имѣетъ фолію въ банковыхъ книгахъ, должны заплатить другъ другу нѣкоторую сумму денегъ: то надлежитъ только переписать сію сумму съ фоліи платящаго на фолію получающаго. Хотя казна сего банка, которой можетъ быть не много менѣе шести миліоновъ гулденовъ, понынѣ сохраняема была съ похвальною строго-

стію даже въ случаяхъ крайней нужды; однако нѣкоторые порочатъ въ немъ то, что внесенныя въ него наличныя деньги никогда не бываютъ возвращаемы.

Въ томъ же 1609 году, въ которомъ учрежденъ былъ сей банкъ, заключенное на 12 лѣтъ перемиріе доставило новой Республикѣ Соединенныхъ Нидерландъ покой и свободу еще съ большимъ раченіемъ заниматься торговлею, которая и прежде была главною ея подпорою. Въ самомъ договорѣ о семъ перемиріи позволенъ былъ Голландцамъ свободный торгъ съ Испанскими землями въ Европѣ. Хотя по прошествіи перемирнаго срока въ 1621 году, война съ Испанцами снова началась; но Голландцы вели оную толь щастливо, что наконецъ въ 1648 году Король Испанской долженъ былъ признать ихъ независимыми, и при заключеніи мира какъ свобода ихъ въ торговлѣ, такъ и владѣнія, увеличились.

Между тѣмъ торговля ихъ въ другихъ частяхъ міра весьма уже распространилась. Хотя въ 1624 году лишились они складки товаровъ, заведенной на островѣ Формозѣ недалеко отъ Китайскаго берега, гдѣ веденъ былъ великой торгъ между Китаемъ, Японіею, Сіамомъ, Явою, Филиппинскими островами, и другими тамошними землями; однако они удержали торгъ съ Китаемъ въ Кантонѣ, и въ послѣдствіи перевели оный отчасти въ Батавію. Въ 1638 году достался имъ торгъ съ Японіею, съ исключеніемъ всѣхъ прочихъ Европейскихъ народовъ; и они пріобрѣтали посредствомъ онаго великія суммы денегъ. Чтобъ присвоить себѣ исключительный торгъ пряными зеліями, они истребили всѣ мускатныя и гвоздичныя растенія на островахъ Тернатѣ и Тидорѣ; и развели гвоздику только на островѣ Амбоинѣ, а мускатные орѣхи только на островахъ Банды. Также Голландцы прогнали Португальцевъ съ острова Цейлона: чрезъ что присвоили себѣ торгъ корицею. Въ 1619 году они построили на островѣ Явѣ городъ Батавію, и защищались въ немъ отъ Португальцевъ, Англичанъ и урожденцевъ сего острова съ благополучнымъ успѣхомъ. Ост-Индійское общество давно уже домогалось имѣть городъ и крѣпость въ тамошнихъ странахъ для безопа-

сна-

снаго сбереженія Индійскихъ и Нидерландскихъ товаровъ. И такъ тогда оно получило что ему было толь нужно; а современемъ сей городъ содѣлался столицею великаго владѣнія въ Азіи. Въ 1658 году Голландцы прогнали Португальцевъ съ Короманделькаго берега, поселились въ Негапатнамѣ, и въ послѣдствіи построили тамъ еще городъ. Въ 1662 году принудили они Португальцевъ оставить и Малабарской берегъ; но не могли присвоить себѣ тамъ исключительной торговли. Между тѣмъ они заводили факторства во всѣхъ Ост-Индійскихъ городахъ. Еще недоставало мореходцамъ ихъ мѣста для отдохновенія на продолжительномъ пути изъ Европы въ Ост-Индію; и для того отнявши въ 1653 году у Португальцевъ мысъ Доброй Надежды, съ великимъ иждивеніемъ завели они на ономъ селеніе, которое содѣлалось для нихъ весьма важнымъ.

Въ Вест-Индіи Голландцы также основали торговлю свою съ толь благополучнымъ успѣхомъ, что съ 1597 году могли и тамъ дѣлать завоеванія для утвержденія оной. Въ 1621 году учреждено было Вест-Индійское торговое общество, которое присвоило себѣ большую часть торгу по берегамъ Африканскимъ, даже до мыса Доброй Надежды, и въ Америкѣ, овладѣло нѣкоторыми Американскими островами, и отняло у Португальцевъ Бразилію. Но какъ оно не пользовалось надлежащимъ образомъ Африканскими невольниками при обработываніи земли въ Бразиліи и на Американскихъ островахъ, и по причинѣ худыхъ распоряженій своихъ въ Бразиліи лишилось сея области: то пришло въ такой упадокъ, что Генеральные Штаты въ 1674 году уничтожили оное, и учредили новое общество, состоявшее изъ членовъ прежняго и ихъ займодавцевъ. Но какъ и сіе не могло достичь цвѣтущаго состоянія, то въ 1730 и 1734 годахъ правительство дало всѣмъ подданнымъ Седми Соединенныхъ Провинцій свободу торговать во всѣхъ странахъ, на которыя привилегія сего общества простиралась, платя только оному за то нѣкоторую подать. Съ того времени Вест-Индійское общество не содержитъ ни одного корабля, и занимается только сбо-

ромъ опредѣленныхъ ему податей, и дѣлами, касающимися до воинскаго и гражданскаго управленія селеній своихъ въ Африкѣ и Америкѣ. Въ Африкѣ принадлежатъ ему небольшія крѣпости и селенія на Золотомъ берегѣ; а въ Америкѣ острова Курассао, Св. Евстаѳія, и часть острова Св. Мартина, также на южной матерой землѣ селенія Суринамъ, Бербисъ, Демерари и Ессеквебо.

Въ самой Европѣ пріобрѣли Голландцы еще въ продолженіе войны съ Испаніею важныя торговыя выгоды, и вопервыхъ посредствомъ рыбной ловли. Въ началѣ седьмагонадесять столѣтія они получили весьма выгодное участіе въ ловлѣ китовъ, которою прежде пользовались только нѣкоторые корабельщики изъ Бискаіи и Гвипускои. Въ 1614 году Генеральные Штаты учредили общество для споспѣшествованія оной, подъ названіемъ Сѣвернаго общества, которому дали исключительное право на ловлю китовъ при берегахъ Новой Земли до Дависова пролива, и при берегахъ Шпицбергенскихъ и Гренландскихъ. Въ 1622 году учреждено другое такое общество въ Зеландіи. Но какъ оба сіи общества не имѣли большаго успѣха; то въ 1643 году ловля китовъ позволена была всякому, съ тѣмъ только различіемъ, что промышленники отправляемые отъ общества могли выжигать жиръ изъ пойманныхъ китовъ на мѣстѣ, а прочіе должны были дѣлать то въ Голландіи. Однако и другіе народы имѣли участіе въ сей ловлѣ; а Голландскіе корабли, возвращающіеся съ оной, должны были, не продавая своего грузу, входить въ какую либо Голландскую гавань и платить при томъ пошлину, равно какъ иностранные: по чему сей торгъ почти совсѣмъ пришелъ въ упадокъ, пока въ 1674 году собственные корабли не были освобождены отъ платежа пошлины при входѣ въ гавани. Съ того времени ловля китовъ была возобновлена. Но въ новѣйшія времена Голландцы должны были раздѣлять ее съ другими народами: отъ чего прибытокъ, доставляемый оною, весьма уменшился. — Другой промыслъ, называемый у Голландцевъ *большою рыбною ловлею*, есть ловля сельдей при Англій-

скихъ

скихъ и Шотландскихъ берегахъ. Она долго составляла самую знатную и прибыточную вѣтвь Голландской торговли, а по тому называема была золотымъ рудникомъ Республики, и заслуживала вниманіе правительства. Время отправленія судовъ на ловлю сельдей опредѣлено дни за два до двадцать-четвертаго Іюня, и узаконеніемъ, изданнымъ въ 1603 году, запрещено закидывать сѣти въ море прежде сего дня: что съ того времени и наблюдаемо было со всею строгостію. Также узаконено не продавать сельдей прежде, какъ спустя десять дней послѣ соленія; и кромѣ того сдѣланы еще иныя полезныя учрежденія, касающіяся до сего промысла. Въ 1601 году отправлено было въ три дни на ловлю сельдей 1500 судовъ; а въ 1609 году число оныхъ простиралось даже до трехъ тысячь. Но въ новѣйшія времена, когда промышленники изъ Франціи, Англіи, Даніи и Пруссіи начали выходить на сію ловлю, Голландцы отправляютъ уже на оную не болѣе тысячи судовъ. Также ловятъ сельдей въ Зюдерзеѣ, которыхъ коптятъ въ Гардервикѣ, и которые вкусомъ равняются съ Шотландскими, но не столь прочны, и по тому употребляемы только въ Голландіи. — Ловля трески, называемая у Голландцевъ *малою рыбною ловлею*, бываетъ около мѣли Доггерсбанкъ. Сія рыба служитъ Голландцамъ вмѣсто Терреневскаго лабердану. Они пріуготовляютъ и солятъ ее на морѣ. Расходится она отчасти въ самой Голландіи, отчастижъ отправляется въ Литтихскую область и въ Австрійскія Нидерланды. Напротивъ того сельди разсылаемы бываютъ гораздо далѣе.

Въ томъ же седьмомъ на десять столѣтіи въ которомъ торговля Соединенныхъ Нидерландцевъ отъ времени до времени получала новые способы, распространилась она по всѣмъ Европейскимъ землямъ, даже до Европейской Турціи. Они имѣли щастливый успѣхъ во всякомъ торгѣ и промыслѣ, какъ то въ торгѣ собственными натуральными и рукодѣльными товарами, въ перепродажѣ чужихъ товаровъ какъ на свой собственный щетъ, такъ и на щетъ другихъ народовъ, особливожъ въ переправленіи товаровъ сѣверныхъ земель въ

южныя земли, въ отдачѣ кораблей своихъ въ наемъ, и въ денежномъ торгѣ, или вексельныхъ дѣлахъ. И такъ около начала нынѣшняго столѣтія торговля и кораблеплаваніе Голландцевъ, и воинская морская сила ихъ находились въ самомъ лучшемъ состояніи. Но въ последнія пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ все сіе весьма уменьшилось. Рукодѣлія, которыя прежде преимущественно свойственны были Голландцамъ, нынѣ заведены и распространены съ хорошимъ успѣхомъ во многихъ иныхъ земляхъ. Отъ увеличенія податей въ Соединенныхъ Нидерландахъ работа, а по тому и товары, вздорожали. Напротивъ того прежде заработная плата у сего народа по умѣренности его и бережливости была дешева: отъ чего происходила и дешевая цѣна товаровъ. Сверьхъ того жители сея земли привыкли современемъ къ Французскимъ и Англійскимъ шелковымъ и шерстянымъ матеріямъ. Нынѣ Голландія не служитъ уже всеобщимъ магазиномъ почти всей Европѣ, какъ въ прошедшемъ столѣтіи. Многіе народы и приморскіе города торгуютъ нынѣ посредствомъ собственныхъ своихъ кораблей. Военная морская сила Голландцевъ съ окончанія Испанской наслѣдственной войны, или съ 1713 года, также приходила мало по малу въ упадокъ. Съ сего времени Республика пребывала почти въ непрерывномъ мирѣ; несогласіе провинцій ея въ разсужденіи умноженія морской силы, къ которому неприморскія провинціи менѣе склонны, непрестанно продолжалось; также употребляемы были некстати нѣкоторыя правила бережливости и миролюбія, и самое уменьшеніе торговли было причиною ущерба морской силы: по чему не удивительно, что въ новѣйшія времена, когда Голландія принуждена была къ войнѣ съ Англіею, морская сила ея оказалась въ худомъ состояніи. Сія Республика, бывшая прежде толь сильною на морѣ, не могла защищать селеній своихъ въ другихъ частяхъ міра безъ помощи Французскихъ кораблей и войскъ, и должна была вести морскую торговлю свою въ Европѣ по большей части подъ нейтральнымъ флагомъ. Однако Голландская торговля понынѣ еще весьма велика, и превосходитъ

дитЪ торговлю всякой иной земли, кромѣ Англіи. Особливожъ Голландцы болѣе всѣхъ въ Европѣ имѣютъ наличныхъ денегъ; и чрезъ то содѣлались они законодателями въ денежномъ торгѣ. Амстердамъ, предписывая другимъ народамъ вексельный курсъ, какъ бы служитъ имъ общею казнохранительницею. Между прочимъ иностранные купцы имѣютъ ту удобность, что могутъ получать отъ Голландскихъ купцовъ деньги впередъ за отправляемые туда товары, и употреблять оныя на покупку чужихъ товаровъ: чѣмъ удерживаются въ Голландіи многія вѣтви торговли, которыхъ бы безъ того она не имѣла.

Но сіе состояніе Голландской торговли должно еще описано быть нѣсколько обстоятельнѣе. Весьма хорошее скотоводство въ сей землѣ доставляетъ великое множество коровья масла и сыру, котораго много вывозится къ иностранцамъ. Также Голландцы продаютъ много скота на раззаводъ и на убой, получая его изъ Германіи и Даніи, и откармливая въ нѣсколько мѣсяцевъ на хорошихъ своихъ пасствахъ. О рыбной ловлѣ, приносящей Голландцамъ великой прибытокъ, упомянуто уже выше сего. Въ отечествѣ ихъ заведено много фабрикъ; хотя нынѣ съ сея стороны они мало уже дѣлаютъ подрыва другимъ торгующимъ народамъ. Въ Амстердамѣ дѣлаются золотые и серебряные штофы, брокаты, тафты, бархатъ, и пр., а въ Гарлемѣ и Утрехтѣ изрядныя шерстяныя матеріи; однакожъ оныя не могутъ равняться съ иностранными. Суконныя фабрики въ Лейденѣ и Утрехтѣ по большей части соблюдаютъ еще прежнюю свою славу; а особливо славны самыя тонкія и черныя Утрехтскія сукна. Лейденской камлотъ не уступаетъ Бриссельскому. Также весьма славны полотняныя фабрики въ Гренингенѣ, Фрисландіи и Обер-Исселѣ. Однакожъ по большей части полотно, продаемое подъ именемъ Голландскаго и почитаемое самымъ лучшимъ въ Европѣ, покупается суровое въ Вестфаліи, Шлезіи, Фландріи, Брабантѣ, и другихъ мѣстахъ, а въ Голландіи, особливожъ въ Гарлемѣ, только бѣлится и пріуготовляется. Въ Гарлемѣ находится самая славнѣй-

нѣйшая въ Европѣ бѣлильня, на которой умѣютъ давать полотну отмѣнную бѣлизну и лоскъ, также стараются не слишкомъ вытягивать оное. Бумажныя фабрики, бывшія прежде въ весьма цвѣтущемъ состояніи, пришли въ примѣтный упадокъ, по тому, что въ другихъ земляхъ заведены такіяжъ фабрики, и вывозъ тряпья изъ сихъ земель запрещенъ. То же послѣдовало и съ фаянсовою фабрикою въ Делфтѣ, которая прежде была въ славѣ. Фабрики, на которыхъ пріуготовляется камфара, кармазинная и лазуревая краска, сѣра и бораксъ, также смоляныя, соляныя и сахарныя варницы, и пр., доставляютъ много товаровъ отправляемыхъ къ иностранцамъ; а особливо соляныя варницы снабдѣваютъ солью Австрійскія Нидерланды, Литтихъ и нѣкоторыя Германскія области. Съ восковыхъ бѣлиленъ и крухмальныхъ фабрикъ отправляется много товаровъ въ Испанію и въ иныя земли. Хотя въ Голландіи нѣтъ лѣсовъ, однакожъ вывозится оттуда много пиленаго дерева; особливожъ Французы получаютъ много дубовыхъ досокъ подъ именемъ Голландскихъ, которыя пилены бываютъ въ Голландіи изъ лѣсу, доставляемаго туда по рѣкѣ Рейну изъ Пфальца. Строеніе кораблей есть самый важнѣйшій промыслъ въ Голландіи. Главное мѣсто онаго въ деревнѣ Сардамѣ; и на тамошнихъ верфяхъ строятъ всякой годъ по триста судовъ. Хотя Голландцы почти всѣ матеріалы для корабельнаго строенія покупаютъ у иностранцевъ; однакожъ торговля и плата за перевозъ товаровъ возвращаютъ имъ употребляемыя на оное деньги съ прибыткомъ. Фабрики, на которыхъ дѣлаются выбойки, нынѣ мало уже доставляютъ товаровъ для вывоза. Торгъ книгами хотя уменьшился, однако довольно еще знатенъ. Въ одномъ Амстердамѣ хранится искусство рѣзать или шлифовать, колоть и полировать алмазы. Изъ Ост-Индіи и Бразиліи привозятся туда необдѣланные алмазы; и въ Амстердамѣ только умѣютъ раскалывать большіе камни, имѣющіе черныя пятна и по тому теряющіе свою цѣну, и дѣлать изъ нихъ мѣлкіе, вѣсомъ по два, по три, и даже до осмидесяти въ каратѣ. И такъ въ Амстердамѣ

со-

соединяется почти весь торгъ алмазами, и только Антверпенъ имѣетъ еще нѣкоторое участіе въ ономъ. Но гораздо болѣе всѣхъ сихъ рукодѣлій торговля Голландцевъ оживляема бываетъ безчисленнымъ множествомъ товаровъ, вывозимыхъ ими отчасти изъ собственныхъ ихъ областей въ другихъ частяхъ міра, отчастижъ изъ другихъ Европейскихъ земель, для того, чтобъ съ прибыткомъ перепродавать.

Сѣверная Европейская торговля прежде вся принадлежала Голландцамъ. Но въ прошедшемъ столѣтіи Англичане, а въ нынѣшнемъ Гамбургцы, получили въ ней немалое участіе; сверьхъ же того сѣверные народы и сами начали торговать съ дѣятельностію. Въ Петербургѣ, куда Россійская торговля въ нынѣшнемъ столѣтіи перешла изъ Архангельска, Голландцы привозятъ золото и серебро въ червонцахъ и талерахъ, всякіе шелковые товары, тонкія сукна, пряныя зелія, сахаръ, индиго, разное красильное дерево, олово, свинецъ, женскіе уборы, плоды, деревянное масло, вино, водку, и пр. Напротивъ того отъ Россіянъ получаютъ они поташъ, кожи, воскъ, пеньку, сало, ленъ, рыбій жиръ, собольи и другіе мѣхи, смолу, желѣзо, и пр. Изъ Лифляндіи особенно вывозятъ они всякой лѣсъ, пеньку, ленъ, поташъ, смолу, воскъ, мѣхи, хлѣбъ, льняное сѣмя, и пр.; а туда доставляютъ талеры, соль, сахаръ, пряныя зелія, табакъ, бумагу, и разные рукодѣльные товары. — Изъ Норвегіи получаютъ много лѣсу на корабельное строеніе, бревна, доски, мачты, деготь, поташъ, мѣдь, сушеную рыбу; тудажъ привозятъ пряныя зелія, соль, Испанскія вина, уксусъ, сыръ, табакъ, и нѣсколько суконъ; но они теряютъ въ семъ торгѣ. — У Датчанъ берутъ они быковъ, которыхъ откармливаютъ, и множество рѣпнаго сѣмени, изъ котораго дѣлаютъ масло; но сему народу доставляютъ только пряныя зелія и талеры. Однако они получаютъ прибытокъ отъ Даніи посредствомъ большихъ процентовъ съ государственнаго долгу, пересылаемыхъ къ нимъ оттуда ежегодно. — Въ Швецію Голландцы отвозятъ пряныя зелія и лекарственные товары, полотно,

вина,

вина, водку, соль, сахарѣ, и талеры; а изѣ сея земли получаютѣ мѣдь, желѣзную проволоку, желѣзную посуду и жесть, мѣдныя и чугунныя пушки, пушечныя ядра, сталь, смолу, деготь, мачты, бревна и корабельный строевой лѣсѣ. — Сѣ Королевствомѣ Прусскимѣ, и купно сѣ Литвою, ведутѣ они великой торгѣ чрезѣ Кенигсбергѣ. Они отвозятѣ туда Французскія вина, водку, уксусѣ, сушеные плоды, коровье масло, сырѣ, желѣзо, свинецѣ, олово, талеры, и пр.; а оттуда берутѣ лѣсѣ, пеньку, ленѣ, поташѣ, воскѣ, медѣ, мѣхи, кожи, и пр. — Чрезѣ Данцигѣ вели они прежде немалый торгѣ сѣ Польшею, и отвозили туда сахарѣ, табакѣ, пряныя зелія, красильныя матеріи, кофе, чай, сукна, вина, рыбій жирѣ, рыбью кость, сельдей, лаберданѣ, бумагу, разные шерстяные, шелковые и бумажные товары, глиняную посуду, и пр.; оттудажѣ получали весьма много хлѣба, поташѣ, пеньку, ленѣ, воскѣ, всякой лѣсѣ, разные мѣхи, шелячьи кожи, янтарь, и пр. Но сѣ того времени, какѣ Западная Пруссія досталась во владѣніе Королю Прусскому, сей торгѣ, вообще убыточный для Голландцевѣ, весьма уменьшился. — Вѣ Померанію Голландцы отвозятѣ вино, сырѣ, пряныя зелія, сельдей, желѣзо, свинецѣ, олово, и талеры; а оттуда получаютѣ по большей части лѣсѣ и хлѣбѣ, также нѣсколько Шлезійскаго полотна. — Наконецѣ изѣ Любека получаютѣ они ленѣ, пеньку, шерсть, Рускія кожи, желѣзо, якори, лѣсѣ и хлѣбѣ; а вѣ сей городѣ доставляютѣ тѣ же товары, какіе отвозятѣ вѣ прочія при Балтійскомѣ морѣ лежащія мѣста.

Великой торгѣ сѣ Германіею ведутѣ Голландцы по рѣкамѣ Элбѣ, Везеру, Эмсѣ, Рейну и Маасу. Хотя при впаденіи рѣки Элбы Гамбургцы мало оставили имѣ торговли, и не берутѣ у нихѣ почти ничего, кромѣ пряныхѣ зелій и нѣсколька Ост-Индійскихѣ и Левантскихѣ товаровѣ; но Голландцы напротивѣ того получаютѣ отѣ Гамбургцевѣ полотно и покрывала изѣ Шлезіи и Саксоніи, пряжу изѣ Нижней Саксоніи, многіе желѣзные и жестяные товары, лѣсѣ, а иногда и хлѣбѣ. Но

так-

також Голландцы покупаютъ иногда сами много лѣсу въ Магдебургѣ, Бранденбургѣ и Шлезіи. — Въ Бременъ, лежащій при рѣкѣ Везерѣ, отвозятъ они сукна, шерстяные и шелковые товары, вина, пряныя зелія, чай, кофе, сахаръ, деревянное масло, и пр.; а оттуда получаютъ желѣзныя печи для варницъ и для жилыхъ комнатъ, листовое желѣзо, строевой лѣсъ, поташъ, медъ, воскъ, шерсть, Вестфальское полотно, нитки, и полевые плоды. — Въ Эмденъ они отправляютъ такіежъ товары, какъ въ Бременъ, и получаютъ за оные быковъ, лѣсъ и полотно. — Рейнская торговля весьма выгодна для Голландцевъ, и почти вся находится въ ихъ рукахъ. Они доставляютъ въ земли лежащія при рѣкахъ Рейнѣ, Майнѣ и Некарѣ, почти всѣ потребные тамъ товары, какъ то пряныя зелія, деревянное масло, сарацинское пшено, мыло, рыбью кость, олово, мѣдь, проволоку, сахаръ, чай, кофе, Испанскія и Французскія вина, сушеные плоды и рыбу, и пр.; а оттуда получаютъ большую часть тѣхъ произведеній, которыми сіи земли изобильны, особливожъ великое множество лѣсу: о чемъ въ исторіи Германской торговли было уже упомянуто. Франкфуртъ при Майнѣ называемъ былъ большимъ магазиномъ принадлежащимъ Голландцамъ; и въ самомъ дѣлѣ тамошняя торговля во многомъ отъ нихъ зависитъ. — По рѣкѣ Маасу Голландцы доставляютъ въ Литтихскую область обыкновенные свои товары, и получаютъ оттуда разное огнестрѣльное оружіе, кожи, каменное уголье, и желѣзную посуду. По сухому пути изъ Нимвегена снабдѣваютъ они Литтихскія, Ахенскія и Юлихскія шерстяныя фабрики шерстью, деревяннымъ масломъ и мыломъ. — Голландская торговля съ Австріею, и отчасти съ Венгріею, чрезъ Тріестъ, приведена въ упадокъ упомянутыми выше сего учрежденіями Австрійскаго правительства. Такой же участи подвергается и торговля ихъ съ Австрійскими Нидерландами, которая прежде была для нихъ весьма выгодна.

Съ Французами ведутъ Голландцы торгъ для обоихъ сихъ народовъ весьма важный и прибыточный. Около

ло половины прошедшаго столѣтія брали они изъ Франціи всякой годъ товаровъ цѣною болѣе, нежели на тритцать миліоновъ гулденовъ; а нынѣ хотя сіе количество уменьшилось, однако они вывозятъ еще великое множество оныхъ, отчасти для собственнаго употребленія, и еще болѣе для продажи иностранцамъ. Къ симъ товарамъ принадлежатъ всякія шелковыя матеріи, золотые и серебряные штофы, шляпы, бумага, полотно, перчатки, опахала, головные уборы, вина, водки, уксусъ, шафранъ, мыло, деревянное масло, оливки, каперсы, миндаль, смоквы и другіе плоды, стѣнныя и карманныя часы, зеркальныя стекла, медъ, соль, иногдажъ хлѣбъ. Во Францію Голландцы отвозятъ строевой лѣсъ, мачты, доски, канаты, и всякіе Сѣверные товары, потребные для корабельнаго строенія и кораблеплаванія, также льняное сѣмя, ленъ, пеньку, хлѣбъ, пряныя зелія, сушеную и соленую рыбу, смолу, деготь, желѣзо, сталь, мѣдь, олово, свинецъ, табакъ, поташъ, юфти, и пр. Американскіе товары, остающіеся у Французовъ отъ собственнаго употребленія, или отъ продажи въ южныя Европейскія земли, отправляемы бываютъ также въ Голландію, и оттуда посылаются въ иныя земли. Морской торгъ съ Франціею ведется почти весь посредствомъ Голландскихъ кораблей. При томъ Голландцы пользуются въ семъ Королевствѣ знатными привилегіями и сбавкою пошлинъ. По причинѣ сихъ важныхъ торговыхъ выгодъ они предпочитаютъ дружбу Французовъ старымъ связямъ своимъ съ Англичанами, почти натуральными ихъ союзниками, особливожъ принимая еще ихъ за соперниковъ своихъ въ торговлѣ.

Прежде имѣли они великой торгъ съ Великобританіею и Ирландіею; но по большей части лишены онаго Англійскимъ узаконеніемъ о кораблеплаваніи. Нынѣ они посылаютъ въ Англію почти только пряныя зелія, множество крапу, также рыбью кость, рыбій жиръ, табачныя трубки, парусину, канаты, и т. п. Изъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи получаютъ они табакъ, олово, шерстяные товары, драгоцѣнные камни, хлѣбъ,

свинецЪ, солонину, сало, кожи, каменное уголье, и пр. Хотя Голландцы теряютЪ при семЪ торгѢ, но напротивЪ того получаютЪ прибытокЪ отЪ потайнаго торгу сЪ Агличанами и посредствомЪ вексельныхЪ дѢлЪ.

ВЪ Испанию Голландцы отправляютЪ по большей части полотно, Ост-Индійскія бумажныя ткани, шерстяныя и шелковыя матеріи, галоны, ленты, нитки, пряныя зелія, хлѢбЪ, корабельный строевой лѢсЪ и все потребное для кораблеплаванія, разные воинскіе снаряды, бумагу, юфти, рыбу, воскЪ, и пр. ИзЪ Испаніи получаютЪ они шерсть, желѢзо, шафранЪ, каштаны, цитроны и другіе плоды, кордуанЪ, деревянное масло, вина, соль, мыло, и водку. ИзЪ АмериканскихЪ товаровЪ берутЪ они у ИспанцевЪ піастры, употребляемые ими вЪ Ост-Индійской и Левантской торговлѢ, индиго, Кампешское дерево, какао, хину и другіе лѢкарственные товары, также вигоньевую шерсть. Прежде СѢверные народы получали Испанскіе товары почти всѢ отЪ ГолландцевЪ; но нынѢ сами вывозятЪ для себя оные.

ИзЪ Португалліи Голландцы получаютЪ золото, необдѢланные алмазы, сахарЪ, табакЪ, Кампешское и Фернамбукское дерево, какао, индиго, хлопчатую бумагу, анисЪ, оливки, деревянное масло, плоды, вино, соль, и пр. НапротивЪ того туда отвозятЪ они полотно, хлѢбЪ, шляпы, перчатки, шелковые чулки, пеньку, юфти, порохЪ, пушечныя ядра, ружья, бумагу, и пр. Однако сей торгЪ, кажется, для нихЪ не прибыточенЪ.

Гораздо важнѢе торгЪ ихЪ сЪ Италіею, особливожЪ сЪ пятью городами, куда они привозятЪ свои товары и откуда берутЪ Италіанскіе, а именно: сЪ Генуею, Венеціею, Ливорною, НеаполемЪ и Мессиною. Они продаютЪ вЪ сей землѢ Ост-Индійскіе и Американскіе товары, великое множество рыбы, желѢзо, мѢдь, олово, свинецЪ, все потребное для корабельнаго строенія, шерстяные товары, полотна и бумажныя ткани. Италіанскіе товары, получаемые ими, и доставляющіе имЪ великую пользу вЪ торговлѢ сЪ Германіею и СѢверными землями, суть: шелкЪ и разныя шелковыя матеріи,

Майландскія золотыя и серебряныя нитки, деревянное масло, сыръ пармезанъ, сардели, калбасы, изюмъ, смоквы, миндаль, цитроны, разные обсахаренные плоды, сарацинское пшено, анисъ, квасцы, сѣра, мыло, марморъ, и пр.

Торговля съ Левантомъ, или съ Европейскою и Азіатскою Турціею и съ Египтомъ, прежде ведена была Голландцами подъ Французскимъ флагомъ; но съ 1612 году они отправляютъ туда корабли свои уже подъ собственнымъ флагомъ по заключенному съ Турецкимъ Султаномъ договору. Сей торгъ находится подъ надзираніемъ особеннаго правительства; но впрочемъ всякому подданному Соединенныхъ Нидерландъ позволенъ. Главный тамошній торговый городъ, посѣщаемый Голландцами, есть Смирна. Но также пріѣзжаютъ они въ Константинополь, Алеппо, Александрію и Каиро. Они вывозятъ оттуда шелкъ, бумажныя ткани, велблюжью шерсть, ревень, гумми, разные лекарственные товары, Турецкой сафьянъ, хлопчатую бумагу, коринку, опіумъ, Александрійской листъ, кофе, воскъ, тонкую шерсть, буйволовьи кожи, шафранъ, чернильные орѣшки, поташъ, ковры, и пр. Туда доставляютъ они сукна, пряныя зелія, кошениль, индиго, ртуть, проволоку, сталь, олово, свинецъ, сахаръ, киноварь, юфти, и пр. Также они отвозятъ туда много піастровъ и левенталеровъ, или талеровъ съ гербомъ Голландской Республики. Главный прибытокъ получаютъ купцы отъ продажи вывозимыхъ изъ Леванта товаровъ; но и тамъ продаютъ съ выгодою Французскія сукна, которыя дешевле Голландскихъ.

Но главнымъ основаніемъ великости Голландской торговли служитъ торгъ пряными зеліями, составляющій самую важнѣйшую часть Ост-Индійской торговли. Пряными зеліями называются перецъ, инбирь, корица, мускатные орѣхи, мускатный цвѣтъ, и гвоздика. Кромѣ перцу и инбирю, прочими пряными зеліями торгуютъ исключительно одни Голландцы; также и перцу, по исчисленію нѣкоторыхъ, продаютъ они въ Европѣ пять милионовъ фунтовъ, и три съ половиною милиона въ Ин-

Индіи. Еще вывозятъ они изъ Ост-Индіи сахаръ, индиго, селитру, гуммилакку, амбру, мускъ, чай, кофе, ревень, безоары, опіумъ, камфару, и пр. Ост-Индійской шелкъ получаютъ они изъ Персіи, Китая, Кохинхины, Бенгалъ, и иныхъ земель; но Индійскихъ и Китайскихъ шелковыхъ матерій и штофовъ нынѣ не много расходится въ Европѣ, по тому, что въ сей части міра заведено уже много шелковыхъ мануфактуръ. Хлопчатую бумагу Голландцы получаютъ по большей части изъ Короманделя, Бенгалъ и Китая. Между тамошними бумажными матеріями самыя дорогія суть кисеи. Самыя лучшія кистью расписанныя бумажныя ткани вывозятся изъ Голконды. Тамошнія печатныя и расписанныя бумажныя ткани, называемыя ситцами, понынѣ еще превосходятъ добротою Европейскіе ситцы; но для споспѣшествованія расходу сихъ послѣднихъ, привозъ оныхъ во многихъ Европейскихъ земляхъ запрещенъ. Сверьхъ того, Голландцы вывозятъ еще Японскую мѣдь, которая почитаема самою лучшею; олово и свинецъ изъ Сіама и Малакки; желѣзо, особливожъ обработанное, изъ Китая; алмазы изъ Голконды, Бенгалъ и Борнео; другіе драгоцѣнные камни изъ Пегу и Цейлона; преизрядный жемчугъ съ Китайскихъ и сосѣдственныхъ съ ними береговъ; также Японской и Китайской фарфоръ, котораго однако нынѣ мало уже расходится въ Европѣ. — Сія Ост-Индійская торговля Голландцевъ давно уже не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ была прежде; по тому, что нынѣ они должны раздѣлять ее съ иными народами, претерпѣли въ разсужденіи ея многія нещастливыя приключенія, и по тому, что въ самомъ устроеніи Ост-Индійскаго ихъ общества находятся многія ошибки и злоупотребленія. Однако она и понынѣ еще есть главная подпора торговли сего народа вообще, и неизсякающій источникъ богатства его. Въ Батавіи имѣетъ резиденцію Индійской Совѣтъ, котораго начальникъ есть Генерал-Штатгалтеръ. Изъ сего города, какъ изъ средоточія Голландской торговли въ Ост-Индіи, отправляемы бываютъ всѣ корабли въ разныя тамошнія гавани и въ Европу, кромѣ приходящихъ изъ Цейлона и Бен-

галъ.

галЪ. Помянутый СовѣтЪ опредѣляетЪ всѣхЪ воинскихЪ и гражданскихЪ служителей вЪ Индіи; но самЪ зависитЪ отЪ Правленія Ост-Индійскаго общества, состоящаго изЪ шести КамерЪ, находящихся вЪ Амстердамѣ, Миддельбургѣ, Делфтѣ, Роттердамѣ, Гоорнѣ и Енкгюзенѣ. КапиталЪ онаго вЪ Индіи простирался вЪ 1751 году до тритцати пяти сЪ половиною миліоновЪ гулденовЪ. ОнЪ раздѣленЪ на 2130 частей, по числу акцій общества. Сіи акціи вЪ новѣйшія времена упали до 11 или до 12 тысячь гулденовЪ; а прежде стоили вдвое, и еще слишкомЪ. Участники общества при ежегодномЪ раздѣленіи прибытка получаютЪ около двалцати на сто.

Американская торговля ГолландцевЪ довольно велика. Она ведома многими частными купцами, но подЪ защищеніемЪ нѣкоторыхЪ обществЪ. Американскіе острова Курассао, Св. Эвстаѳія, и прочіе, принадлежащіе ГолландцамЪ, мало произведеній доставляютЪ. Но островЪ Курассао важенЪ по потайному торгу сЪ Испанскими владѣніями на матерой землѣ вЪ Америкѣ. ВЪ случаѣ войны между Франціею и Англіею онЪ служитЪ для складки товаровЪ, вывозимыхЪ сЪ ФранцузскихЪ островЪ. Голландскія селенія СуринамЪ, БербисЪ, и другія, имѣютЪ болѣе произведеній, состоящихЪ вЪ хлопчатой бумагѣ, какао, сахарѣ и кофе. ИзЪ Суринама вЪ 1768 году вывезено сто тысячь фунтовЪ хлопчатой бумаги, двѣсти тысячь фунтовЪ какао, четырнатцать миліоновЪ фунтовЪ кофе, и двалцать восемь миліоновЪ шестьсотЪ тысячь фунтовЪ сыраго сахару. СЪ нѣкотораго времени Сѣверные Американцы начали снабдѣвать сіи Голландскія селенія всѣми потребными для нихЪ вещами: отЪ чего Голландцы терпятЪ убытокЪ. Недавно заключили они сЪ сими Сѣверными Американцами, или Соединенными Американскими областями, дружественный и коммерческой договорЪ.

Хотя пространная торговля ГолландцевЪ весьма уменьшилась; однако они и понынѣ еще получаютЪ великой прибытокЪ посредствомЪ перевоза товаровЪ, посредническаго торгу, коммиссій, кредита, вексельныхЪ дѣлЪ и ассекураціи. Стараніе ихЪ не приставать ни

кЪ

къ которой сторонѣ въ случаѣ войны между другими народами; проценты получаемые ими съ капиталовъ данныхъ въ заемъ многимъ Европейскимъ Государямъ, простирающіеся числомъ до двацати четырехъ Голландскихъ гулденовъ; великое множество наличныхъ денегъ, совокупляемая съ онымъ по большей части бережливость, и иные способы, доставляютъ торговлѣ ихъ всегда нѣкоторую внутреннюю твердость. Въ Голландіи не запрещенъ ни привозъ, ни вывозъ никакого товару (кромѣ вывоза сѣтей и другихъ орудій потребныхъ для сельдяной и китовой ловли), и не можетъ быть запрещенъ, по тому, что иностранные товары Голландцамъ толь нужны. Свобода религіи въ Соединенныхъ Нидерландахъ также весьма способствовала умноженію народа и увеличенію торговли. Но пошлины, наложенныя по нуждѣ на привозимые и вывозимые товары, были причиною того, что торговля отчасти перешла оттуда въ Гамбургъ и Бременъ, гдѣ пошлины гораздо менѣе Голландскихъ.

Весьма опасные и щастливые соперники Голландцамъ въ торговлѣ суть Англичане. Англія, или Великобританія, заключающая въ себѣ Англію и Шотландію, и принадлежащій къ ней островъ Ирландія, имѣютъ весьма выгодное для торговли положеніе, многія удобныя и безопасныя гавани, по большей части умѣренный климатъ, и весьма плодоносную землю, особливожъ Англія. Всѣ сіи выгоды и обладаніе толь многихъ острововъ и земель въ другихъ частяхъ міра, привели бы кораблеплаваніе и морскую торговлю Англичанъ въ весьма цвѣтущее состояніе, естьлибъ и не присовокуплялись еще къ тому отмѣнная склонность и способность сего народа къ торговлѣ, и самыя рачительныя ободренія отъ Государей его.

Въ Англіи находится всякая земля; и въ новѣйшія времена разведены тамъ многіе плоды, множество лекарственныхъ растеній, и нѣкоторые изъ самыхъ доротихъ товаровъ, свойственныхъ другимъ странамъ. Растущій въ Англіи шафранъ не уступаетъ никакому иному въ Европѣ. Всякой хлѣбъ отмѣнной доброты родится тамъ

вЪ великомЪ множествѣ. Также находятся тамЪ многіе садовые и полевые плоды, пенька, ленЪ (по большей части вЪ Шотландіи и Ирландіи), вайда, красильный корень; олово отличной доброты, свинецЪ, мѣдь, и иные металлы и минералы. Множество каменнаго уголья вЪ Англіи и Шотландіи достаточно замѣняетЪ дрова, которыхЪ вЪ послѣдней изЪ сихЪ земель мало. Глина разныхЪ родовЪ употребляется на дѣланіе глиняной посуды и на чищеніе суконЪ. Скотоводство во всѣхЪ трехЪ БританскихЪ КоролевствахЪ, а особливо вЪ Ирландіи, толь велико, что доставляетЪ предметЪ торгу сЪ иностранцами. Англійская шерсть уступаетЪ добротою только Испанской. Также славны Англійскія лошади. Рыбою сіи государства весьма изобильны; особливожЪ при АнглійскихЪ и ШотландскихЪ берегахЪ ловятЪ великое множество сельдей.

При всемЪ такомЪ изобиліи вЪ дарахЪ Натуры, Англичане до шестагонадесять столѣтія не имѣли большаго корабленлаванія и пространной и выгодной морской торговли. Хотя вЪ среднія времена вывозимо было изЪ Англіи довольно необработанныхЪ товаровЪ, и сЪ немалою выгодою, также и туда привозимо много иностранныхЪ товаровЪ; но при томЪ наблюдаемы были весьма вредныя правила. Около половины четвертагонадесять столѣтія шерсть составляла самый важнѣйшій товарЪ, вывозимый отЪ АнгличанЪ. Цѣна оной всякой годЪ простиралась до 450000 фунтовЪ стерлинговЪ по нынѣшнимЪ деньгамЪ. ЭдуардЪ III, правительствовавшій вЪ то время вЪ Англіи, старался о заведеніи шерстяныхЪ мануфактурЪ, и споспѣшествовалЪ онымЪ, покровительствуя и ободряя вызванныхЪ имЪ иностранныхЪ ткачей, и издавЪ законЪ, которымЪ запрещено было носить вЪ Англіи сукно дѣланное не на АнглійскихЪ фабрикахЪ. Однако его стараніе мало имѣло успѣха, и Нидерландцы долго еще послѣ того продавали АнгличанамЪ сукна, тканныя ими изЪ Англійской шерсти. ВывозЪ необработанной шерсти былЪ еще позволенЪ; а вывозЪ шерстяныхЪ товаровЪ ПарламентомЪ запрещенЪ, вмѣсто того, чтобЪ позволеніемЪ онаго споспѣшествовать мануфактурамЪ. Вообще

ще Англійская торговля нѣсколько столѣтій сряду по большей части ведена была посредствомъ иностранцевъ. Ганзеатцы привозили въ Англію безчисленное множество товаровъ, и Лондонъ былъ одно изъ главныхъ мѣстъ служившихъ имъ для складки оныхъ. Италіанскіе и Остъ-Индійскіе товары привозимы были туда Венеціанами. Въ одномъ большомъ Нидерландскомъ городѣ, а напослѣдокъ во Французскомъ городѣ Кале, принадлежавшемъ тогда Англичанамъ, продаваема была Англійская шерсть. Вексельный торгъ находился въ рукахъ Ломбардовъ. Сія зависимость Англійской торговли отъ иностранцевъ продолжалась до половины шестагонадесять столѣтія. До сего столѣтія Англичане не имѣли даже собственнаго постояннаго военнаго флота. Они должны были нанимать множество кораблей, не только у сосѣдовъ своихъ Нидерландцевъ и у Германскихъ Ганзеатскихъ городовъ, но также у Венеціанъ, Генуезцевъ, и въ другихъ мѣстахъ.

Около начала помянутаго столѣтія Генрикъ VII первой изъ Англійскихъ Королей ободрялъ дѣйствительнѣе торговлю своего народа. Онъ заключилъ довольно выгодные коммерческіе договоры съ Флоренціею, Франціею, Ерцгерцогомъ Австрійскимъ, владѣтелемъ Нидерландъ, и съ иными Державами. При немъ построенъ первой большой корабль Англійскаго флота. Также при немъ Венеціанецъ Себастіанъ Каботъ, жившій въ Англіи, открылъ матерую землю Сѣверной Америки, но не завелъ тамъ селеній. Однако и при сынѣ его, Генрикѣ VIII, Англійская торговля оставалась еще отчасти въ рукахъ у Нидерландцевъ, которые скупая Англійскіе товары, разсылали оные далѣе.

Но при Королевѣ Елизабетѣ, принявшей правленіе въ 1558 году, положено было твердое основаніе Англійской торговлѣ, содѣлавшейся послѣ толь важною, и вообще величеству Англіи. Сія перемѣна заслуживаетъ удивленіе; ибо Англія въ то время имѣла опасную войну и подвержена была внутреннимъ мятежамъ и раздорамъ. Морская война съ Испанцами побудила Англичанъ стараться о кораблеплаваніи, которое доголѣ было у нихъ

въ пренебреженіи. Королева Елизабета заводила собственные корабли, и ободряла купцовъ строить большіе корабли, которые при случаяхъ употребляемы были вмѣсто военныхъ. Въ 1603 году Англійской флотъ состоялъ изъ 42 корабдей; но изъ всѣхъ сихъ кораблей только на четырехъ было по 40 пушекъ, а болѣе сего числа ни на одномъ не было. Сія Королева совершенно прекратила въ своемъ государствѣ торгъ Ганзеатскихъ городовъ; а вмѣсто того привела въ ономъ мануфактуры въ лучшее состояніе. Выходцы изъ Франціи и Нидерландъ, удалившіеся оттуда, чтобъ избавиться гоненій за религію, и поселившіеся въ Англіи, способствовали тамъ распространенію и мануфактуръ и торговли. Въ 1563 году начали въ Англіи дѣлать ножи. Карманныя часы вывезены туда изъ Германіи въ 1577 году; а около 1580 году кареты введены тамъ въ употребленіе. Въ 1569 году торговля Англичанъ съ Россіею начала распространяться. Они получили отъ Россійскаго Царя исключительную привилегію на оную, и торговали уже въ Астрахань, а оттуда въ Персію. Торговля съ Турціею началась около 1583 года, и поручена была особливому обществу. Въ 1600 году Ост-Индійское общество получило первую свою привилегію; и капиталъ его сначала состоялъ изъ 72000 фунтовъ стерлинговъ. Королева не имѣла уже тогда нужды занимать деньги у Антверпенскихъ гражданъ, какъ ея предшественники. Общество Англійскихъ купцовъ вспомоществовало ей деньгами; и она, заплативъ исправно сей долгъ, утвердила чрезъ то кредитъ свой въ государствѣ. Въ морской службѣ ея были великіе герои. Одинъ изъ нихъ, Валтеръ Ралей, положилъ основаніе селенію въ пространной части Сѣверной Америки, названной Виргиніею (т. е. дѣвичьею землею) въ честь Королевѣ, которая никогда не вступала въ супружество. Также Англичане поселились тогда на островѣ Нюфаундлендъ, называемомъ иначе Терръневъ. Однакожъ оба сіи селенія не пришли еще тогда въ цвѣтущее состояніе. Королева Елизабета съ помощію своихъ совѣтниковъ возбудила въ народѣ своемъ трудолюбіе и прилѣжаніе къ торговлѣ, на-

наполнила гавани свои морскими служителями, и привела Ирландію въ такое состояніе, чтобъ Англія могла получать отъ нея пользу.

Правленіе миролюбиваго, хотя и презираемаго, преемника ея, Іакова I, было весьма выгодно для торговли Англичанъ. Особливо отличились они тогда предъ другими народами строеніемъ кораблей и литьемъ мѣдныхъ пушекъ. Девять десятыхъ частей товаровъ ихъ состояли изъ шерстяныхъ товаровъ; однакожъ до девятнадцатаго года правленія Короля Іакова позволено еще было вывозить изъ Англіи необработанную шерсть. Сукно по большей части вывозимо было отшуда еще неотдѣланное, и Голландцы уже красили и пріуготовляли оное. Для споспѣшествованія шелковымъ мануфактурамъ, Король Іаковъ далъ повелѣніе насадить шелковичныхъ деревъ и содержать шелковыхъ червей. Ост-Индійская торговля при немъ весьма увеличилась; хотя Голландцы прогнали Англичанъ съ острова Амбоины. При немъ же заведены Англійскія селенія въ Сѣверной Америкѣ. Виргинія получила отъ Королевы Елизаветы только имя, подъ которымъ разумѣли тогда не только называемую нынѣ онымъ землю, но и часть нынѣшней Новой Англіи. Но при семъ правленіи сія земля населена съ благополучнымъ успѣхомъ; хотя многіе Англичане противились тому, почитая такія селенія опасными, и самъ Король негодовалъ на то, что въ Виргиніи начали разводить табакъ. Въ 1606 году дана была двумъ обществамъ Англійскихъ купцовъ привилегія, которою позволено имъ торговать по всему Американскому берегу отъ 34 до 45 градуса сѣверной широты. Сіи общества, хотя претерпѣвали разныя противныя приключенія, однакожъ имѣли хорошій успѣхъ въ нынѣшней Виргиніи и Новой Англіи. Напротивъ того предпріятіе завести селеніе на полуостровѣ Новой Шотландіи въ 1632 году, было неудачно.

По томъ послѣдовали внутреннія безпокойства въ Англіи во время правленія Карла I, вступившаго на престолъ въ 1625 году; междуусобная война, стоившая наконецъ жизни сему Королю; отмѣненіе Королевскаго

правленія въ Англіи; правленіе Кромвелево, и другія перемѣны, происходившія до возстановленія Королевскаго Дома въ 1660 году. Сіи по большей части мятежныя времена были важны для Англійской торговли, кораблеплаванія и морской силы, также и для начавшихся поселеній Англичанъ въ Америкѣ. Хотя Карлъ I въ 1626 году уничтожилъ Виргинское общество, и принялъ на себя управленіе Виргиніи; однако сіе послужило въ пользу ея; ибо чрезъ то прекращены были многія дотолѣ происходившія тамъ неустройства и насилія. Безпокойства, происшедшія по томъ въ Англіи весьма способствовали увеличенію Англійскихъ селеній въ Сѣверной Америкѣ. Еще при Королѣ Іаковѣ I, многіе Пуритане, или Англійскіе Реформаты, хвалившіеся отличною чистотою въ богослуженіи и церковныхъ уставахъ, по тому, что они отвергали почти всѣ Римско-Католическіе богослужительные и церковные обряды, по большей части удержанные Англійскою Епископскою церквію, переселились въ Америку, чтобъ избавиться притѣсненій, претерпѣваемыхъ ими отъ сего Короля, особливожъ за то, что они имѣли правила свободы, весьма противныя Королевской власти. При Карлѣ I они подвержены были еще большему гоненію, и кромѣ того произошли у него несогласія съ Парламентомъ, ибо народъ по большей части недоволенъ былъ самовластнымъ его правленіемъ: что заставляло еще болѣе Пуританъ и Патріотовъ переселяться въ Сѣверную Америку. Селеніе въ Новой Англіи непрестанно распространялось; и въ 1630 году, по прибытіи туда вдругъ 1500 Англичанъ, основанъ былъ Бостонъ, главный тамошній городъ. Сіе селеніе, состоявшее изъ четырехъ селеній, Массакузетсбея, Плимута, Коннектикута и Нюгавена, съ 1638 года начало торговать съ Вест-Индіею и Англіею. Въ 1642 году сіи четыре селенія вступили въ союзъ между собою подъ общимъ именемъ Новой Англіи.

Кромвель, присвоившій себѣ въ 1653 году Королевскую власть подъ именемъ Протектора Англійской Республики, отнялъ чрезъ два года по томъ у Испанцевъ большой и важный островъ Ямайку, который и поны-

нѣ

нѣ еще приноситъ Англичанамъ прибытка болѣе всякаго другаго изъ принадлежащихъ имъ Американскихъ острововъ, и котораго положеніе для Испанцевъ весьма невыгодно какъ въ разсужденіи торговли, такъ и въ случаѣ войны. Но еще болѣе уваженія заслуживаетъ въ исторіи Англійской торговли славное узаконеніе о кораблеплаваніи, изданное Парламентомъ въ 1651 году. Онымъ установлено, чтобъ всѣ товары отправляемы были во всѣ принадлежащія Англіи Азіатскія, Африканскія и Американскія земли и оттуда въ Англію привозимы только на Англійскихъ корабляхъ, то есть на такихъ, которые либо построены въ Англіи, либо принадлежатъ урожденнымъ Англичанамъ, или получившимъ право Англійскихъ урожденцевъ, и на которыхъ Капитанъ и три четверти корабельныхъ служителей Англичане. Также узаконено, чтобъ для рыбной ловли и для внутренней торговли между Англійскими и Ирландскими гаванями употребляемы были только Англійскіе корабли; чтобъ всѣ товары, которыхъ привозъ въ Англію позволенъ, привозимы были туда либо на Англійскихъ корабляхъ, либо на принадлежащихъ жителямъ тѣхъ земель, гдѣ сіи товары производимы или дѣланы бываютъ; чтобъ Англичане получали всѣ нужные имъ иностранные товары изъ первыхъ рукъ; и чтобъ всѣ товары и произведенія ихъ селеній сперва привозимы были въ Англію, а имъ бы все нужное доставляемо было только изъ Англійскихъ гаваней и на Англійскихъ корабляхъ. Прежде торговля Англіи и селеній ея почти вся была въ рукахъ у Голландцевъ; но Кромвель симъ узаконеніемъ лишилъ ихъ сего преимущества. При Карлѣ I Англичане едва имѣли три корабля съ тремя стами бочекъ грузу, кромѣ мѣлкихъ купеческихъ судовъ; но при Карлѣ II имѣли они уже болѣе четырехъ сотъ кораблей съ тремя стами бочекъ. Въ 1720 году считали въ Англіи около шести тысячь купеческихъ кораблей, а въ новѣйшія времена уже болѣе осьми тысячь. Толь выгодно было для Англійской торговли сіе узаконеніе. Но съ другой стороны плата за перевозъ отъ онаго вздорожала, и расходъ нѣкоторыхъ Англійскихъ товаровъ, а особливо съѣстныхъ припасовъ,

весь-

весьма уменьшился, по тому, что Англійскія гавани заперты были для иностранныхъ кораблей. Также по причинѣ многихъ неудобствъ, Парламентъ долженъ былъ въ послѣдствіи ограничить сіе узаконеніе многими исключеніями; напримѣръ въ разсужденіи селеній, и относительно къ Испанскимъ и Португальскимъ владѣніямъ въ Америкѣ, куда чужіе корабли приходить не могутъ, и по тому Англичане должны получать тамошніе товары изъ Испаніи и Португалліи. Въ новѣйшія времена при случаѣ послѣдней войны необходимо нужно было сдѣлать еще исключенія относительно къ нѣкоторымъ народамъ и товарамъ.

Послѣ того, какъ Королевское правленіе въ Англіи было отмѣнено, правила утверждавшія величество народа, еще болѣе распространились. Между всѣми состояніями установилось нѣкоторое равенство. Дворяне принуждены были отдавать дѣтей своихъ учиться купечеству. Съ того времени коммерція пришла въ Англіи въ такое уваженіе, какого нигдѣ въ другихъ Европейскихъ земляхъ она не имѣетъ. Хотя въ Соединенныхъ Нидерландахъ вообще находится она также въ почтеніи; однако въ Англіи только бываютъ примѣры, что самые знатнѣйшіе люди въ государствѣ занимаются торговлею, и часто младшій братъ какого либо Герцога или Графа, по смерти старшаго брата своего, переходитъ изъ купеческой конторы засѣдать въ Верхнемъ Парламентѣ, или избираемы бываютъ изъ купцовъ Послы перваго ранга. Равнымъ образомъ и по возстановленіи въ Англіи Королевскаго правленія, при Короляхъ Карлѣ II и Іаковѣ II, до 1688 года торговля и кораблеплаваніе непрестанно увеличивались; также были заводимы новыя селенія въ Америкѣ, или старыя укрѣпляемы. Въ 1663 году Карлъ II отдалъ нѣкоторымъ Англійскимъ дворянамъ большую и плодоносную землю въ Сѣверной Америкѣ, названную по имени его Каролиною. Въ слѣдующемъ году отнята была у Голландцевъ земля Нова-Белгія, или Новыя Нидерланды, которою Англичане еще прежде нѣкогда владѣли, и названа Новымъ Іоркомъ по имени Королевскаго брата, Герцога Іоркскаго. Но самое достой-

стойнѣйшее примѣчанія селеніе заведено было въ Пенсилваніи, составляющей часть прежнихъ Новыхъ Нидерландъ, при рѣкѣ Делаварѣ, гдѣ не было ничего, кромѣ лѣсу и желѣзной руды. Карлъ II подарилъ сію землю въ 1681 году Квакеру Вилліаму Пену, сыну одного изъ своихъ Адмираловъ, которому онъ долженъ былъ немалою суммою денегъ. Пенъ переселился туда съ двумя тысячами своихъ единовѣрцевъ, искавшихъ убѣжища отъ гоненій, какимъ они подвержены были въ старой и Новой Англіи. Онъ установилъ въ сей области своей совершенную терпимость религіи, издалъ мудрые законы, и поступалъ съ такою справедливостію и съ такимъ великодушіемъ, какимъ мало находится примѣровъ между учредителями новыхъ селеній. По истребленіи лишнихъ лѣсовъ въ сей землѣ, названной по его имени Пенсилваніею (или какъ бы *Пеновымъ лѣсомъ*), разведено тамъ множество скота, разныхъ плодовъ, льну, пеньки, всякаго хлѣба, а особливо ржи и Турецкой пшеницы; короче сказать, въ восемьдесятъ лѣтъ она приведена въ толь хорошее состояніе, что содѣлалась одною изъ самыхъ многолюднѣйшихъ и плодоноснѣйшихъ Провинцій въ Сѣверной Америкѣ.

Происшедшая въ 1688 году великая перемѣна въ правленіи привела Англію въ лучшее состояніе, и утвердила оное навсегда; а вскорѣ по томъ введена тамъ и общая терпимость религіи: послѣ чего морская сила и торговля сего государства еще скорѣе достигали совершенства. Хотя частыя войны при Королѣ Вилгельмѣ III и Королевѣ Аннѣ дѣлали препятствія торговлѣ; но въ продолженіе оныхъ Англійскіе флоты становились отъ времени до времени страшнѣе, защищали купечество во всѣхъ частяхъ міра, и завоеваніями своими доставляли ему новыя пособія. При щастливомъ окончаніи Испанской наслѣдственной войны въ 1713 году Англія получила Гибралтаръ и Минорку въ Европѣ, и утвердилась въ безпрепятственномъ владѣніи Акадіи, или Новой Шотландіи, въ Сѣверной Америкѣ. Также въ продолженіе сея войны Королевство Шотландія, имѣвшее уже болѣе ста лѣтъ одного Государя съ Англіею, совокуплено еще тѣснѣе съ симъ государствомъ. Соединеніе сихъ двухъ Коро-

ролевствъ, по которому они вкупѣ называются Великобританіею, доставило и торговлѣ Англичанъ немалыя выгоды; хотя прилѣжаніе и промыслы Шотландцевъ также получили отъ онаго великое ободреніе.

Лондонской банкъ, учрежденный въ 1694 году, также заслуживаетъ примѣчаніе въ исторіи торговли сихъ временъ. Онъ есть такъ называемый *оборотный* банкъ. Общество капиталистовъ отдало въ заемъ правительству милюнъ двѣсти тысячь фунтовъ стерлинговъ за 8 процентовъ въ годъ, и получило за сіе на 13 лѣтъ исключительную привилегію содержать банкъ; при чемъ правительство опредѣлило ему на издержки въ годъ по четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ. Сіе общество распустило въ публику банковыхъ билетовъ на миліонъ двѣсти тысячь фунтовъ стерлинговъ, посредствомъ покупокъ, раздачи въ заемъ, и пр., и обязалось при томъ платить немедленно по требованію наличными деньгами за всѣ приносимые къ нему билеты. Въ 1709 году оно должно было дать правительству въ заемъ еще 400 тысячь фунтовъ стерлинговъ безъ процентовъ, чтобъ получить возобновленіе правъ своихъ; а въ 1742 году сей старый долгъ былъ удвоенъ. Кромѣ того правительство заняло у банка еще 7 съ половиною миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. И такъ весь долгъ его состоитъ изъ 10 миліоновъ 700 тысячь фунтовъ, съ которыхъ платитъ оно съ 1757 года только по три процента. Сей капиталъ раздѣленъ на *акціи*, принадлежащія содержателямъ банка, составляющимъ общество. Управленіе дѣлъ онаго поручено Губернатору, помощнику его и 24 Директорамъ; но при важныхъ случаяхъ бываетъ общее собраніе всѣхъ членовъ, въ которомъ всякой имѣющій въ капиталѣ банка 500 фунтовъ стерлинговъ имѣетъ голосъ.

Дѣла сего банка могутъ раздѣлены быть на четыре класса. Предметъ перваго класса составляетъ обращеніе денегъ въ городѣ Лондонѣ. Лондонскіе купцы отдаютъ деньги въ банкъ, и берутъ банковые билеты, которыми могутъ въ скорости платить самыя большія суммы, либо внесенныя ими деньги записываемы бываютъ

ютъ въ банковыхъ книгахъ, и кредиторы ихъ получаютъ платежъ изъ банка. Банкъ хотя не беретъ процентовъ со вносимыхъ въ него денегъ, но зная по долговременному навыку, сколько сихъ денегъ потребно на ежедневную выдачу, употребляетъ прочія на покупку векселей, которыхъ срокъ еще не вышелъ, и получаетъ отъ того прибытокъ. Второй классъ дѣлъ его касается до государственной казны, для которой сей банкъ есть то же, что банкиръ для приватнаго человѣка. Онъ получаетъ деньги изъ казны, и платитъ оными по частнымъ требованіямъ. Также въ случаѣ надобности казна занимаетъ у него такую сумму, какую получаетъ она въ годъ разными сборами, и платитъ съ оной только по три процента на годъ. На такомъ же основаніи банкъ даетъ деньги Ост-Индійскому и Южно-морскому обществамъ, изъ которыхъ послѣднее учреждено въ 1710 году для того, чтобъ вести исключительную торговлю по Южному, или Тихому морю, но нынѣ почти всѣ дѣла его состоятъ только въ управленіи ввѣреннаго имъ правительству капитала, который болѣе дватцати седми міліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Втретіихъ, банкъ платитъ проценты со всѣхъ капиталовъ, доставленныхъ правительству посредствомъ его кредита, и ведетъ счетъ со всѣми имѣющими участіе въ оныхъ. Всѣ сіи капиталы составляютъ около 40 міліоновъ фунтовъ. Наконецъ, банкъ покупаетъ золото и серебро, которое иногда бываетъ потребно на вымѣнъ его билетовъ.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи торговля, кораблеплаваніе и морская сила Англичанъ, до заключенія Парижскаго мира въ 1763 году, вообще увеличивались. Хотя нѣкоторыя части ихъ торговли пришли въ упадокъ, какъ напримѣръ расходъ нѣкоторыхъ рукодѣлій уменьшился; но вообще замѣнено то съ избыткомъ; старыя селенія въ Америкѣ достигли самаго цвѣтущаго состоянія, и заведены еще новыя. При заключеніи помянутаго мира досталась Англичанамъ вся Канада, весьма пространная и къ самымъ полезнѣйшимъ заведеніямъ способная земля въ сѣверномъ краѣ Америки; также Флорида, немалая земля въ южной сторонѣ Сѣверной Америки; и

сверьхъ

сверьхъ того островъ Кап-Бретонъ, и другіе острова въ Вест-Индіи. Ост-Индійское общество ихъ такъ усилилось, что имѣетъ знатное владѣніе въ Бенгалахъ и на Короманделькомъ берегѣ. Англійская морская сила никогда не бывала толь страшна и побѣдоносна, какъ въ продолженіе войны, оконченной помянутымъ миромъ. Хотя Англичане должны были раздѣлять съ Голландцами отличную славу свою въ знаніяхъ, касающихся до торговли, и въ остроумныхъ предпріятіяхъ, служащихъ къ пользѣ оной; однако они превзошли Голландцевъ тѣмъ, что поступали не по однимъ только частнымъ купеческимъ правиламъ, но соображая ихъ съ политическими правилами своего отечества, одного изъ самыхъ знатнѣйшихъ Европейскихъ государствъ; всегда подкрѣпляли торговлю свою благоустроенною морскою силою, и употребляли оную къ произведенію въ дѣйство важныхъ плановъ въ пользу торговли.

Но послѣ Парижскаго мира торговля Англичанъ претерпѣла весьма жестокой ударъ. Сѣверо-Американскія селенія были дотолѣ главными источниками ихъ богатства въ разсужденіи торговли. Они доставляли имъ всякой годъ слишкомъ миліонъ фунтовъ стерлинговъ, (а по счисленію другихъ еще гораздо болѣе). Но Англичане должны были употреблять на охраненіе ихъ и на приведеніе въ лучшее состояніе весьма много денегъ, и вести за нихъ войны, стоившія весьма дорого; а по тому думали имѣть право ограничить торгъ сихъ селеній такъ, чтобъ вся выгода онаго доставалась Англіи, отъ которой они и безъ того зависѣли. И такъ селенія обязаны были отправлять отъ себя лишнія произведенія свои только на Англійскихъ корабляхъ, и продавать оныя другимъ народамъ изъ Англіи, такъже и все потребное для нихъ получать только изъ сего государства. По сей причинѣ они, при всей прилѣжности въ обработываніи земли, не могли никогда имѣть пространной и прибыточной торговли; а нѣкоторыя изъ нихъ, не въ состояніи будучи платить за получаемыя изъ Англіи вещи своими произведеніями равной цѣны, никогда не выходили изъ долгу у сего государства. Также

же мало могло быть въ селеніяхъ наличныхъ денегъ. Сверьхъ того Англія для поддержанія своихъ мануфактуръ запретила имъ заводить оныя у себя, и они должны были получать всѣ рукодѣльные товары оттуда. Въ новѣйшія времена Великобританской Парламентъ облегчилъ сію строгость. Онъ позволилъ селеніямъ заводить фабрики потребныя для одежды; но тѣмъ строже запретилъ торговать шерстью и шерстяными матеріями, ибо сей торгъ былъ бы вреденъ Англійскимъ мануфактурамъ. Онъ позволилъ имъ вывозить непосредственно на собственныхъ корабляхъ вино съ острова Мадеры и съ Азорскихъ острововъ, и потребную для рыбной ловли соль; также отправлять отъ себя хлѣбъ, муку, сарацинское пшено, овощи, соленую рыбу, доски и строевой лѣсъ непосредственно во всѣ Европейскія земли, лежащія къ югу отъ мыса Финистерре. Сѣвернымъ селеніямъ позволено отправлять лишніе товары свои на Антильскіе острова принадлежащіе Французамъ; а Пенсилваніи дано право торговать непосредственно съ симижъ островами, съ Африкою, Португаллію, Испаніею и Италіею. Однако при всемъ томъ ограниченіе торговли Сѣверо-Американскихъ селеній было еще велико и для нихъ отяготительно.

Наконецъ селенія рѣшились свергнуть съ себя сіе иго, еще болѣе побуждены будучи тѣмъ, что въ продолженіе войны, веденной съ 1755 года, они дѣлали отечеству своему весьма важныя услуги при завоеваніяхъ въ Америкѣ, и почувствовали свою силу; напротивъ того Англія, по окончаніи сея войны, пользовалась безспорнымъ своимъ правомъ налагать на нихъ новыя подати, которыхъ состояніе государственной казны необходимо требовало, однакожъ не хотѣла дать селеніямъ большей свободы въ торговлѣ для облегченія имъ платежа сихъ податей, и даже запретила еще имъ прибыточный потайной торгъ съ Испанскими, Французскими, и другими Европейскими селеніями въ Америкѣ. И такъ Сѣверо-Американскіе Англичане совершенно отвергли право Великобританскаго Парламента налагать на нихъ подати; а какъ Парламентъ хотѣлъ удержать сіе право

силою, то они принялись за оружіе, и совсѣмъ отложились отъ своего отечества. Война, происшедшая отъ того въ 1775 году, имѣла для нихъ толь благополучный успѣхъ, что они ободрены будучи онымъ, объявили себя въ 1776 году независимыми. Сначала получали они отъ Франціи тайное, а по томъ и явное вспоможеніе. Съ другой стороны великія и частыя ошибки Англичанъ въ сей войнѣ способствовали пользѣ новоучрежденной Республики такъ, что наконецъ Англія принуждена была признать независимость тринатцати старыхъ селеній своихъ въ Сѣверной Америкѣ при торжественномъ заключеніи мира.

Послѣ сея краткой исторіи перемѣнъ, происходившихъ въ Англійской торговлѣ вообще, можно по справедливости ожидать и сокращеннаго описанія оной въ нынѣшнемъ ея состояніи. Выше сего показано, какими способами и ободреніями доведена она до толикой степени великости. Но въ числѣ оныхъ не было еще упомянуто о многихъ и важныхъ фабрикахъ, также о преміяхъ, или награжденіяхъ, опредѣленныхъ за вывозъ нѣкоторыхъ произведеній и товаровъ изъ Англіи. Въ концѣ прошедшаго столѣтія Парламентъ опредѣлилъ первое награжденіе за вывозъ хлѣба. Сіе послужило толикимъ ободреніемъ земледѣлію, что около половины нынѣшняго столѣтія часто отправляемо было изъ Англіи въ другія земли хлѣба цѣною на полвтора миліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Напротивъ того вывозъ шерсти, составляющей одно изъ самыхъ важнѣйшихъ произведеній сея земли, запрещенъ весьма строго; однакожъ немало оной вывозятъ тайно во Францію. Прежде не позволено было привозить въ Англію Ирландской шерсти, которая отчасти не хуже Англійской; а по томъ хотя привозъ ея въ нѣкоторыя Англійскія гавани позволенъ, однако она отправляема была въ иныя земли также тайно. Но въ 1779 году дана Ирландцамъ свобода торговать шерстью; а наконецъ въ 1782 году и всѣ прежнія ограниченія Ирландской торговли уничтожены. Изъ сеяжъ земли вывозится весьма много коровья масла и солонины, а особливо во Францію, Голландію и на Антильскіе

остро-

острова. Извѣстно, сколь великъ торгъ Англійскимъ сыромъ. Также продается изъ Англіи въ другія земли много лошадей; и двѣ трети преизрядныхъ мѣховъ, привозимыхъ всякой годъ въ Англію изъ Канады, отправляются къ иностранцамъ. Лососина и сельди составляютъ предметъ большаго торгу. Въ Шотландіи солятъ всякой годъ для вывоза болѣе шестидесяти тысячь бочекъ сельдей, и сорокъ тысячь бочекъ оныхъ отправляемы бываютъ ежегодно изъ Ярмута въ Португаллію, Испанію и Италію. Еще важнѣе торгъ трескою, которую ловятъ въ Сѣверномъ морѣ, у Шотландскихъ береговъ, и на Терневскихъ мѣляхъ въ Америкѣ, въ такомъ множествѣ, что ежегодный прибытокъ отъ сея рыбной ловли простирается до 400,000 фунтовъ стерлинговъ. Также отправляется къ иностранцамъ много Англійскаго пива и сидру, или вина дѣлаемаго изъ плодовъ.

Изъ фабрикъ процвѣтающихъ въ Великобританіи и Ирландіи главныя суть шерстяныя мануфактуры. Кромѣ употребляемой на оныхъ Англійской и Ирландской, также и Шотландской грубой шерсти, привозится еще для нихъ много Африканской, Испанской, Португальской, Американской, Польской и Голландской шерсти. Онѣ доставляютъ всякіе товары отмѣнной доброты. Напр. въ Галифаксѣ дѣлаются сукна; въ Норвичѣ шерстяныя матеріи и черный флёръ; въ Нотингамѣ чулки, вязаныя матеріи и ковры, въ Соммерсетѣ тонкія сукна, дрогеты, и пр.; въ Нортамтонѣ и Ебердинѣ въ Шотландіи самые лучшіе вязаные чулки; въ Ковентри, и особливо въ Шотландіи, тонкія полосатыя матеріи; въ Ворстерѣ и въ Ирландіи фризы, и пр. Шотландія и Ирландія также не имѣютъ недостатка въ хорошихъ шерстяныхъ мануфактурахъ. Цѣна всѣхъ дѣлаемыхъ ежегодно въ Англіи шерстяныхъ товаровъ простирается до шести миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Главный изъ сихъ товаровъ составляетъ сукно; но въ новѣйшія времена расходъ онаго весьма уменьшился, по тому что Французское сукно дешевле Англійскаго, шерстяныя фабрики заведены во многихъ земляхъ, и Сѣверные Аме-

рикансы, которые прежде покупали его болѣе всѣхъ; нынѣ совсѣмъ уже его не берутъ.

Полотняныя фабрики въ Ирландіи и Шотландіи доведены въ нынѣшнемъ столѣтіи до великаго совершенства. Въ 1762 году вывезено изъ Ирландіи полотна цѣною на двѣсти тысячь фунтовъ стерлинговъ. Цѣна полотна, дѣлаемаго ежегодно въ обѣихъ сихъ земляхъ простирается до двухъ миліоновъ фунтовъ. — Шелковыхъ мануфактуръ въ Англіи довольно; однако сырой шелкъ Англичане должны покупать у иностранцевъ. Тканье шелковыхъ чулокъ, изобрѣтенное въ Англіи, доставляло прежде способъ къ весьма знатному торгу. Также дѣлаютъ еще въ Англіи много шелковыхъ матерій и лентъ. Но тайный привозъ Французскихъ товаровъ и приманчивая красивость оныхъ, хотя внутреннею добротою они по большей части уступаютъ Англійскимъ, были причиною, что расходъ сихъ послѣднихъ весьма уменьшился, а особливо въ чужихъ земляхъ. — Хлопчатую бумагу, обработываемую на фабрикахъ, которыя весьма заслуживаютъ уваженіе, Англичане получаютъ по большей части изъ Американскихъ своихъ областей. Плисъ, дѣлаемый въ Манчестерѣ, весьма славенъ, и иностранцы покупали онаго весьма много, пока въ Германіи и во Франціи не начали дѣлать его столь же хорошо. Другія фабрики, на которыхъ дѣлаются разныя матеріи изъ шерсти, шелку, бумажной и льняной пряжи и верблюжьей шерсти, также доставляютъ много изрядныхъ товаровъ. — Шляпныя фабрики находятся еще въ цвѣтущемъ состояніи, хотя заведеніе такихъ же фабрикъ въ другихъ земляхъ причинило имъ нѣкоторый ущербъ. Самыя лучшія шляпы дѣлаются изъ боброваго пуху, получаемаго изъ Канады, котораго вывозъ запрещенъ весьма строго, но тщетно. Для шляпъ средняго сорта употребляется кроликова шерсть; и по тому въ Англіи содержатъ весьма много кроликовъ. — Англійская кожа славна и вывозима въ великомъ множествѣ. Для пріуготовленія оной Англичане покупаютъ много невыдѣланныхъ кожъ въ Америкѣ. Отмѣнная доброта ея происходитъ между прочимъ отъ того, что

въ

въ Англіи держатъ сырыя кожи въ ямахъ по крайней мѣрѣ годъ, и не употребляютъ на дубленіе ничего, кромѣ дубовой коры. Въ новѣйшія времена найдено тамъ искусство дѣлать сапожную кожу упругою, чтобъ она обтягивалась около ноги какъ чулокъ, и симъ товаромъ ведется весьма прибыточный торгъ.

Между прочими Англійскими искусственными произведеніями отмѣнно славны часы; хотя Парижскія и Женевскія часы уменьшили расходъ оныхъ. Прежде всѣ стекла для карманныхъ часовъ выписываемы были изъ Англіи; и понынѣ еще иностранные часовщики получаютъ инструменты свои и часовыя пружины только оттуда. Много людей въ Англіи занимается шлифованіемъ и оправленіемъ алмазовъ; и сіи искусства доставляютъ товары, служащіе предметомъ немалаго торгу. Фарфоровыя фабрики хотя не могутъ равняться съ нѣкоторыми иностранными, однакожъ товары ихъ раскупаемы бываютъ по крайней мѣрѣ Ост-Индійскимъ обществомъ. Изобрѣтенная въ Англіи каменная посуда вывозится въ другія земли еще въ большомъ количествѣ, хотя въ нѣкоторыхъ земляхъ также умѣютъ дѣлать оную. Тамъ вывариваютъ весьма много квасцовъ и купоросу, потребныхъ для толь многихъ мануфактуръ. Англійскія квасцы почитаемы самыми лучшими послѣ Римскихъ; а купоросъ тамошній не уступаетъ Кипрскому. Стеклянные заводы доведены до такого состоянія, что можно было запретить привозъ всякаго иностраннаго стекла. Однако Англичане должны еще получать отъ иностранцевъ зеркала.

По шерстяныхъ мануфактурахъ самыя важнѣйшія фабрики суть стальныя, желѣзныя, оловянныя, мѣдныя и томбаковыя. Изъ Англіи вывозимы самые лучшіе стальные товары. Необработанной стали отправляется оттуда весьма не много. Англійскія пилы, дѣлаемыя изъ самой лучшей стали посредствомъ нѣкоторыхъ машинъ, предпочитаемы всякимъ инымъ. Бирмингамъ есть главное мѣсто стальныхъ, мѣдныхъ и томбаковыхъ фабрикъ. Дѣлаемыя тамъ ружья отправляемы бываютъ даже въ Турцію, Гвинею, Ост-Индію и Америку. Пилы,

ножи, вилки, ножницы, шпажные клинки, и пр. дѣлаются по большей части въ Шеффилдѣ. Сія фабрика ежегодно доставляетъ работу четыремъ стамъ тысячь человѣкъ, и съ нея продается иностранцамъ товаровъ цѣною около 600,000 фунтовъ стерлинговъ. Преизрядные математическіе инструменты, дѣлаемые Англичанами, также составляютъ выгодный предметъ ихъ торговли.

Кромѣ сихъ и нѣкоторыхъ иныхъ натуральныхъ и искусственныхъ произведеній трехъ Великобританскихъ государствъ, Англичане получаютъ еще весьма многіе товары изъ владѣній своихъ въ прочихъ частяхъ міра, и между оными немало драгоцѣнностей, служащихъ къ увеличенію ихъ торговли. Изъ Сѣверо - Американскихъ селеній получали они прежде хлѣбъ, сарацинское пшено, табакъ, шелкъ, лѣсъ, желѣзо, индиго, и пр. Канада и понынѣ еще доставляетъ имъ хорошіе мѣхи; а при Терневскомъ берегѣ имѣютъ они важную рыбную ловлю, о которой было уже упомянуто. Съ Вест - Индійскихъ острововъ своихъ, изъ которыхъ главные суть Ямайка, Барбадосъ и Антигуа, вывозятъ они сахаръ, кофе, хлопчатую бумагу, какао, индиго, инбирь, и пр. Изъ Африки получаютъ золотой песокъ, слоновую кость, гумми, Негровъ, или невольниковъ, и пр.; а изъ Ост-Индіи почти всякіе Ост-Индійскіе товары.

Снабдены будучи толь многими товарами, Англичане ведутъ торговлю съ великою дѣятельностію. Они стараются не только вообще продавать свои товары другимъ народамъ, но и сколько возможно не отпускать къ нимъ необработанныхъ матеріаловъ. Привозъ иностранныхъ товаровъ въ Англію, не нужныхъ тамъ, запрещенъ, или по крайней мѣрѣ наложены на оные высокія пошлины, и иностранцамъ позволены только такія выгоды въ торговлѣ, которыхъ лишить ихъ было совсѣмъ не можно. Однако для споспѣшествованія посредническому торгу позволено Англійскимъ купцамъ привозить всякіе иностранные товары, съ тѣмъ, чтобъ они обязывались не продавать оныхъ въ Англіи, но разсылать въ другія земли. При такомъ распоряженіи торговли, и по тому, что Англичане сами вывозятъ изъ дру-

другихъ земель нужные имъ товары, равно какъ и въ области свои въ другихъ частяхъ міра все потребное тамъ сами же доставляютъ, не удивительно, что они имѣютъ толь пространную торговлю и толь пространное кораблеплаваніе. Также стараются они отъ времени до времени находить новые пути торговлѣ, и для того отправляютъ искусныхъ и предпріимчивыхъ мореходцевъ искать новыхъ открытій. Такимъ образомъ давно уже стараются они найти въ Сѣверной части Америки, проходъ чрезъ Гудсоновъ заливъ, въ Южное море, и чрезъ то ближайшій путь въ Ост-Индію. Парламентъ опредѣлилъ за сіе открытіе награжденія 20000 фунтовъ стерлинговъ. Между тѣмъ въ странѣ при семъ заливѣ, гдѣ бываетъ самая жестокая стужа, завели они торговое общество, которое съ великимъ прибыткомъ вымѣниваетъ у дикихъ тамошнихъ жителей бобровые, выдряные и куньи мѣхи на ружья, порохъ, ножи, стеклянные кораллы, табакъ, простое мужское и женское платье, зеркала, и пр. Но въ 1782 году Французы почти совсѣмъ разорили тамошнія ихъ селенія.

Теперь надлежитъ описать еще нѣсколько обстоятельнѣе торговлю Англичанъ съ разными другими народами особенно. — Въ Данію и Норвегію отвозятъ они каменное уголье, табакъ, кожу, мыло, и разные стальные, желѣзные и мѣдные товары; а изъ сихъ земель, особливожъ изъ Норвегіи, получаютъ много корабельнаго и строеваго лѣсу, мачты, и необработанное желѣзо. Англичане теряютъ при семъ торгѣ; но въ новѣйшія времена они берутъ уже менѣе Норвежскаго строеваго лѣсу, по тому, что лѣсъ сталъ рѣдокъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда можно отправлять его плотами до самаго моря.

Въ Швецію отвозятъ они такіежъ товары; а изъ сего государства получаютъ весьма много желѣза, мѣди, строеваго лѣсу, и пр. И тамъ должны они платить всякой годъ немалыя суммы денегъ. Они могли бы получать вывозимые оттуда товары также изъ Сѣверной Америки: чего многіе Англичане желаютъ, особливо по тому, что Шведы издавна были въ тѣсномъ союзѣ съ Французами.

Торгъ Англичанъ съ Россіею въ новѣйшія времена весьма увеличился. Городъ Архангельской, куда по случаю присталъ одинъ Англичанинъ, искавшій сѣверо-восточнаго пути въ Индію, еще съ первыхъ временъ прошедшаго столѣтія содѣлался главнымъ мѣстомъ сего торгу. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія Императоръ Петръ I далъ имъ весьма знатныя торговыя выгоды; послѣ чего они начинали вести торгъ чрезъ Россію съ Персіею и Китаемъ. Отъ Императрицы Елисаветъ Петровны получили они право на свободный торгъ съ Персіею чрезъ Россію; однакожъ не долго пользовались онымъ. Въ новѣйшія времена они заключили весьма выгодный коммерческой договоръ съ Россіею, и нынѣ торгуютъ съ нею болѣе всякаго инаго народа. Они отвозятъ туда олово, свинецъ, и другіе товары, также много табаку, сукна, полушерстяныя матеріи, и пр.; а изъ Россіи получаютъ льняное сѣмя, пеньку, парусину, канаты, смолу, деготь, поташъ, воскъ, сало, аптекарскіе товары, невыдѣланныя кожи и невыдѣланные мѣхи, корабельный строевой лѣсъ, Персидской шелкъ, Сибирское желѣзо, и пр. Еще въ 1754 году Англія теряла при семъ торгѣ 1,200,000 рублей; а при знатномъ увеличеніи онаго съ того времени теряетъ еще болѣе. Въ Англіи находится особенное торговое общество, называемое Россійскимъ, въ которое можетъ принятъ быть всякой купецъ за небольшой вкладъ. Также знатные Англійскіе купеческіе домы поселились въ Санктпетербургѣ.

Въ Лифляндію и Курландію Англичане отвозятъ многіе шерстяные товары, кожу, сталь, и желѣзные товары; а оттуда берутъ льняное сѣмя, пеньку, поташъ, и пр. Такіежъ товары получаютъ они изъ Пруссіи, и за оные отвозятъ туда свинецъ, олово, сарацинское пшено, квасцы, анисъ, и разные рукодѣльные товары, которые хотя въ самомъ семъ государствѣ по большей части запрещены, но оттуда доставляемы бываютъ въ Польшу.

Съ Польшею ведутъ Англичане великой торгъ чрезъ Кенигсбергъ и Данцигъ посредствомъ своихъ мануфактуръ. Особливожъ чрезъ Данцигъ отправляютъ они въ

сію землю сахаръ, сарацинское пшено, табакъ, перецъ и инбирь, красильныя матеріи, олово, свинецъ, купоросъ, бѣлила, кожу, кофе, соль, каменное уголье, многіе шерстяные, желѣзные и глиняные товары, пиво, стекло, и пр. Кромѣ того отправляется еще множество Англійскихъ товаровъ въ Польшу чрезъ Лейпцигъ, Франкфуртъ при Одерѣ, и чрезъ Бреслау. За сіи товары Англичане получаютъ пряжу, поташъ, желѣзо, воскъ, пеньку, ленъ, канаты, антимонію, янтарь, медъ, строевой лѣсъ, бочки, полотно, и пр. Сей торгъ, кажется, для нихъ выгоденъ.

Въ Германію привозится нынѣ уже не столь много Англійскихъ товаровъ, какъ прежде; ибо многіе изъ оныхъ, а особливо шерстяные товары, въ нѣкоторыхъ Германскихъ земляхъ, какъ то въ Австрійскихъ и Прусскихъ, запрещены, и замѣняемы бываютъ собственными такимижъ товарами. Однако въ другія Германскія земли доставляемы еще во множествѣ и сіи и всякіе иные Англійскіе рукодѣльные товары, также олово, свинецъ, квасцы, Американскіе мѣхи, рыба, лошади, Ирландское коровье масло, сыръ, румъ, пиво, сидръ, табакъ, индиго, инбирь, часы, карандаши, разныя лакированныя вещи, всякія мебели изъ краснаго дерева, и многіе иные Ост-Индійскіе и Вест-Индійскіе товары. Главное мѣсто для складки привозимыхъ изъ Англіи въ Германію товаровъ есть Гамбургъ: по чему въ Англіи учреждено особенное торговое общество, называемое Гамбургскимъ, въ которомъ всякой Англичанинъ, заплативъ нѣкоторую сумму денегъ, можетъ имѣть участіе. Англичане получаютъ изъ Германіи чрезъ Гамбургъ, Бременъ, Эмденъ, Амстердамъ, Тріестъ, Фіуме и Венецію, строевой лѣсъ, бочечное дерево, необработанное желѣзо, необработанную сталь, ртуть, поташъ, антимонію, купоросъ, и иные минералы, можжевеловыя ягоды, чернильные орѣшки, шерсть, ленъ, пеньку, пряжу, воскъ, сало, парусину, полотно, хрусталь, Богемскіе алмазы, листовое желѣзо, Нирнбергскія игрушки, минеральныя воды, вино, а особливо Рейнское, за которое должны они платить Голландцамъ весьма дорого, плавильные горшки, невыдѣланныя оленьи

кожи, козьи кожи, красильную землю, и пр. Небольшой торгъ между Англiею и Венгрiею ведется также чрезъ Германiю. Англiйскiе товары отправляемы бываютъ въ Венгрiю чрезъ Гамбургъ и Лейпцигъ, а Венгерскiе, состоящiе въ поташѣ, винѣ, и пр., въ Англiю чрезъ Трiестъ и Фiуме. Еще не рѣшено, теряетъ ли Англiя при торгѣ своемъ съ Германiею, или получаетъ прибытокъ. Первое почитается основательнѣйшимъ, даже и между самими Англичанами; однако потребно еще гораздо болѣе изслѣдованiй и сравненiй, нежели сколько мы понынѣ имѣемъ, чтобъ опредѣлить сiе съ точностiю.

Напротивъ того въ торговлѣ съ Голландцами, Англичане, какъ кажется, гораздо вѣрнѣе получаютъ прибытокъ. Ибо кромѣ пряныхъ зелiй, тонкаго полотна, нитокъ, и нѣкоторыхъ иныхъ товаровъ, Голландцы не имѣютъ никакихъ произведенiй, которыя могли бы они доставлять Англичанамъ; но сiи отправляютъ въ Голландiю множество разныхъ товаровъ. Однако прибытокъ ихъ уменьшается тѣмъ, что Голландцы достаютъ съ выгодою многiе Англiйскiе товары посредствомъ потайнаго торгу. Съ другой стороны Англичане теряютъ въ торгѣ своемъ съ Австрiйскими и Французскими Нидерландами. Они посылаютъ туда нѣсколько шерстяныхъ товаровъ низкой доброты (ибо привозъ Англiйскихъ суконъ въ Нидерландахъ запрещенъ), сахаръ, табакъ, олово и свинецъ; а тамъ покупаютъ кружева, батистъ, покрывала, полотно и разныхъ сортовъ ленты.

Еще гораздо болѣе, и какъ думаютъ, всякой годъ полмилiона фунтовъ стерлинговъ теряютъ Англичане въ торговлѣ съ Французами, не считая знатныхъ суммъ переходящихъ во Францiю посредствомъ потайнаго торгу. По одинакимъ правиламъ въ торговлѣ, и по природному почти отвращенiю и ревности другъ ко другу, сiи два народа стараются дѣлать всякой возможный подрывъ одинъ другому; одинъ запрещаетъ привозъ товаровъ другаго въ свои земли, либо накладываетъ на оные обременительныя пошлины. Сiе неоднократно бывало причиною войны между ими за торговлю; особливожъ съ 1755 и съ 1778 годовъ были ведены ими двѣ важныя вой-

войны, и въ продолженіе послѣдней изъ оныхъ Франція съ крайнимъ усиліемъ старалась лишить Англичанъ важной ихъ торговли съ Сѣверо-Американскими селеніями. Въ 1749 году учреждено въ Англіи Антигалликанское общество, котораго главное намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ препятствовать сколько возможно въ своемъ отечествѣ расходу Французскихъ товаровъ. Въ новѣйшія времена Англичане отправляли во Францію свинецъ, олово, табакъ, каменное уголье, кожу, также и хлѣбъ при случаѣ дороговизны онаго. Изъ Франціи вывозили они зеркала, вина, водку, благовонныя воды, мяхкую рухлядь, кружева, и разные женскіе уборы. Но они теряли бы при томъ не весьма много, естьлибъ не привозимо было въ Англію посредствомъ потайнаго торгу множество какъ сихъ, такъ и запрещенныхъ Французскихъ товаровъ, за наличныя деньги, и естьлибъ не было отправляемо оттуда такимъ же образомъ Англійской шерсти и другихъ вещей, потребныхъ для Фрацузскихъ мануфактуръ.

Самый выгодный торгъ въ Европѣ понынѣ вели Англичане съ Португальцами, заключивъ съ ними въ 1703 году торговый договоръ, по которому ихъ товары въ Португалліи освобождены отъ высокихъ пошлинъ. Хотя Португальцамъ дано такоежъ право въ Англіи; но Англичане съ того времени одни снабдѣвали Португаллію товарами своихъ фабрикъ, и продавали оныхъ тамъ всякой годъ на 1,300,000 фунтовъ стерлинговъ. Вся Португальская торговля досталась въ ихъ руки. Они вывозили изъ Португалліи вино, винной камень, цитроны, померанцы, гранатныя яблока, и другіе плоды; также золото и серебро въ слиткахъ, необдѣланные алмазы, шерсть, невыдѣланныя кожи, деревянное масло, соль, сахаръ изъ Бразиліи, и пр. Хотя съ 1762 года Англійская торговля въ сей землѣ нѣсколько уменьшилась, и Португальцы начали покупать Французскіе и Германскіе товары; однакожъ прибытокъ, получаемый ежегодно Англичанами еще и понынѣ отъ Португалліи, простирается по крайней мѣрѣ до полумиліона фунтовъ стерлинговъ.

Торгъ съ Испанцами также прибыточенъ для Англичанъ. Они отвозятъ въ Испанію всякіе свои товары, особливожъ рукодѣльные; и множество оныхъ, а особливо каламенку, камлоту, суконъ, стальныхъ товаровъ и пуговицъ, отправляемо бываетъ изъ Кадиса въ Испанскую Америку. Изъ Испаніи берутъ они золото, серебро, множество шерсти, кожи, деревянное масло, вина, померанцы, хину, аптекарскіе товары получаемые изъ Испанской Америки, многія красильныя матеріи, и великое множество щелочной соли. Но въ новѣйшія времена Англійской торгъ съ Испаніею примѣтно уменьшился: чему причиною были отчасти заведеніе фабрикъ въ сей землѣ, отчастижъ преимущество полученное тамъ Французами, и увеличившійся расходъ ихъ товаровъ. Прежде Англичане посылали въ Испанскія гавани по нѣскольку сотъ кораблей съ трескою; но предъ начатіемъ послѣдней войны не отправляли уже туда и двухъ сотъ кораблей. Испанцы думаютъ, что они всякой годъ теряютъ въ торговлѣ съ Англичанами по 5 милiоновъ піастровъ.

Напротивъ того Англичане теряютъ въ торговлѣ своей съ Италіею; ибо они вывозятъ оттуда великое множество сыраго и пріуготовленнаго шелку; особливожъ изъ Сардинскихъ областей получаютъ шелкъ сученный машиною, какая у нихъ находится только одна въ городѣ Дерби. Кромѣ того, они получаютъ еще изъ Италіи много вина, мыло, оливки, деревянное масло, красильную землю, квасцы, бархатъ, и пр. (Нѣкоторые Англичане взяли у Папы на откупъ квасцовыя варницы). Въ Италію они привозятъ сукна, шерстяныя матеріи, плисъ, разные стальные товары, кожу, табакъ, сахаръ, рыбу, хлѣбъ, олово, свинецъ, перецъ и иные Ост-Индійскіе товары.

Англійская торговля въ Левантѣ и вообще въ Турецкихъ областяхъ прежде ведена была купцами составлявшими Левантское, или Турецкое общество. Члены сего общества отправляли въ Турецкія области свинецъ, олово, сукна, полусукна, стальные товары, часы, огнестрѣльное оружіе, разныя столярныя вещи, табакъ, сахаръ и румъ. Но современемъ Англичане по большей ча-

части лишились тамъ весьма прибыточнаго торгу сукномъ; ибо Французы дѣлали сукна свои сообразнѣе вкусу Турковъ и продавали оныя дешевле. Хотя въ 1754 году отъ Парламента позволено всякому торговать въ Левантѣ за небольшую плату помянутому обществу; однакожъ прежній торгъ не былъ возстановленъ. Во время послѣдней войны Англичане должны были совсѣмъ прекратить отправленіе собственныхъ кораблей въ Турцію, и по тому предпринимали вести сію торговлю сухимъ путемъ. Оттуда вывозятъ они по большей части сырой шелкъ, хлопчатую бумагу, ковры, миндаль, изюмъ, смоквы, финики, кофе, верблюжью шерсть, Турецкую пряжу, кожу, аптекарскіе товары, мыло, деревянное масло, и пр.

Въ Африкѣ Англичане ведутъ торговлю отчасти съ Варваріею, куда они посылаютъ пушки, ружья и иное оружіе, ножи и ножницы, стальные товары, цѣпи для невольниковъ, порохъ, свинецъ, табакъ, и пр.; а оттуда на Англійскихъ корабляхъ вывозятся шерсть, воскъ, деревянное масло, львиныя и тигровы кожи, аптекарскіе товары, финики, смоквы, и пр. Но гораздо важнѣе торгъ Англичанъ на западныхъ берегахъ Африки, а особливо на Гвинейскомъ Золотомъ берегѣ. Прежде онъ веденъ былъ особеннымъ Африканскимъ обществомъ. Но въ 1754 году сіе общество уничтожено; правительство взяло въ свое управленіе принадлежавшія оному земли и крѣпости въ Африкѣ, заплативъ ему за то болѣе миліона фунтовъ стерлинговъ. Англичане отвозятъ въ тѣ страны толстое полотно, шерстяныя матеріи, деревянные товары, желѣзо въ полосахъ, разные стальные товары низкой цѣны, пилы, буравы, молотки, табакъ, сало, порохъ, шляпы, зеркала, и пр. За сіи товары получаютъ они слоновую кость, мѣдь, аптекарскіе товары, золото въ слиткахъ, золотой песокъ, и особливо Негровъ, или черныхъ невольниковъ. Сихъ невольниковъ употребляютъ они на Американскихъ своихъ плантаціяхъ, особливожъ на островахъ, и вывозятъ оныхъ всякой годъ около пятидесяти тысячь, изъ которыхъ пять тысячь отправляемы бываютъ въ Ост-

Ин-

Индію. Также Англичане продаютъ нѣкоторую часть ихъ тайно Португальцамъ и Испанцамъ въ Америкѣ. Каждый невольникъ стоитъ на мѣстѣ около девяноста талеровъ. Съ 1713 года Англичане обязались на тритцать лѣтъ доставлять ежегодно по 4800 невольниковъ Испанцамъ въ Американскія ихъ владѣнія. Южно-морское общество приняло на себя сію поставку по договору, называемому Ассіенто, съ весьма выгодными условіями. Однако сей договоръ сперва нарушенъ былъ войною, а въ 1750 году совсѣмъ уничтоженъ, за что обществу было заплачено. Съ берега рѣки Сенегала Англичане получаютъ много гумми, употребляемой на ихъ фабрикахъ.

Ост-Индійская торговля Англичанъ еще несравненно важнѣе Африканской. Съ начала прошедшаго столѣтія она ведома особеннымъ обществомъ: о чемъ упомянуто уже выше сего. Сіе общество вскорѣ по учрежденіи его пріобрѣло нѣкоторыя владѣнія какъ на сосѣдственныхъ съ Ост-Индіею островахъ, такъ и на матерой землѣ; но послѣ оныя отняты у него Голландцами. Оно принимало еще участіе въ Персидской и Арабской торговлѣ. Но въ самой Англіи пришло оно въ толь худое состояніе, что въ 1697 году учреждено тамъ было другое Ост-Индійское общество. Въ 1702 году изъ обоихъ сихъ обществъ составлено одно, которое въ послѣдствіи отъ времени до времени усиливалось, и имѣетъ нынѣ большое владѣніе на Коромандельскомъ берегѣ и въ Бенгалахъ. Съ 1685 года оно имѣетъ въ общемъ капиталѣ около осьми сотъ тысячь фунтовъ стерлинговъ; и акціи онаго стоятъ по сту, или въ самомъ дѣлѣ по десяти сотъ, или тысячѣ фунтовъ стерлинговъ. Самый большой прибытокъ, раздѣляемый участниками общества, въ новѣйшія времена состоялъ изъ двѣнатцати съ половиною процентовъ; но Парламентъ по разнымъ причинамъ уменьшилъ сію раздачу. Сіе общество дало въ заемъ правительству четыре миліона фунтовъ, съ которыхъ ежегодно получаетъ по три процента. Съ 1766 года платитъ оно въ казну ежегодно по 400,000 ф. ст. Оно обязано всякой годъ вывозить на такуюжъ сумму товаровъ Англійскихъ фабрикъ, и брать съ фарфоро-

выхъ фабрикъ всѣ остающіеся отъ продажи ихъ товары; всѣ возвращающіеся изъ Остъ-Индіи корабли его должны приставать въ какой либо Англійской гавани; и оно должно доставлять въ Лондонъ всѣ запрещенные въ Англіи товары. Съ сихъ запрещенныхъ товаровъ платитъ оно пошлины по $7\frac{1}{2}$, а съ позволенныхъ по 15 процентовъ. Въ 1767 году весь капиталъ его, состоящій въ товарахъ, долгахъ и доходахъ съ областей, за вычетомъ долговъ на немъ самомъ, простирался до 15 или 16 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Въ 1773 году приведено оно въ худыя обстоятельства ошибками Директоровъ своихъ, претерпѣннымъ урономъ, и принужденнымъ заключеніемъ невыгоднаго договора съ правительствомъ; однако оно освободилось отъ сихъ обстоятельствъ довольно щастливо, и вообще находится нынѣ еще въ цвѣтущемъ состояніи. Между тѣмъ правительство всегда старается привести его въ большую зависимость, подозрѣвая его во многихъ злоупотребленіяхъ власти его въ Индіи и торговыхъ привилегій. Самое основательнѣйшее обвиненіе сего общества состоитъ въ томъ, что совѣтники и служители его въ Остъ-Индіи по чрезмѣрному корыстолюбію дѣлали многія несправедливости и заводили вредныя для тамошнихъ подданныхъ монополіи; особливожъ въ томъ, что они, заводя ненужныя войны съ Индійскими владѣльцами, принуждали Англію брать въ оныхъ участіе, и чрезъ то подвергали ее опасности совсѣмъ лишиться Остъ-Индійскихъ своихъ владѣній; ибо Французы, вступая въ союзы съ сими владѣльцами, непрестанно стараются лишить Англичанъ преимущества ихъ въ Остъ-Индіи.

Торгъ въ Индіи между разными гаванями и торговыми мѣстами ведется не самимъ Остъ-Индійскимъ обществомъ, но частными Англійскими купцами, которые получаютъ отъ общества ободреніе и вспоможеніе. Они платятъ ему по пяти процентовъ въ тамошнихъ его владѣніяхъ, и по девяти съ половиною процентовъ со всѣхъ пересылаемыхъ въ Англію суммъ. Также оно не имѣетъ уже собственныхъ кораблей; но нанимаетъ корабли отъ 6 до 8,00 бочекъ. При отправленіи въ Индію

не

не все мѣсто на сихъ корабляхъ занято бываетъ грузомъ посылаемымъ туда отъ общества, состоящимъ въ желѣзѣ, свинцѣ, мѣди, шерстяныхъ матеріяхъ и Мадерскихъ винахъ; но остается еще нѣсколько мѣста, которое тотъ, кому корабль принадлежитъ, можетъ нагружать чѣмъ хочетъ. При возвращеніи изъ Индіи онъ также имѣетъ право брать съ собою тритцать бочекъ съ такими товарами, какіе общество оттуда получаетъ, заплативъ оному за то нѣкоторую подать. Прежде сіе общество, равно какъ и всѣ Ост-Индійскія общества, посылало въ Ост-Индію весьма много серебра и золота; но нынѣ тамошнія области доставляютъ ему самому немалыя суммы денегъ, и по тому отправляется уже туда гораздо менѣе сихъ дорогихъ металловъ. Общество приняло еще намѣреніе, заплативъ долги свои въ Ост-Индіи, пересылать наличныя деньги изъ Бенгалъ въ Европу.

Товары, получаемые симъ обществомъ изъ Ост-Индіи, состоятъ въ великомъ множествѣ селитры, въ аптекарскихъ товарахъ, драгоцѣнныхъ камняхъ, жемчугѣ, хлопчатой бумагѣ, благовонномъ деревѣ, слоновой кости, во множествѣ чаю, въ перцѣ, фарфорѣ, кисеѣ, разныхъ бѣлыхъ, крашеныхъ, печатныхъ и расписанныхъ бумажныхъ тканяхъ, также въ сыромъ шелкѣ, разныхъ шелковыхъ матеріяхъ, кофе, эбеновомъ деревѣ, и пр. Товары отправляемые имъ туда означены уже выше сего.

Сія торговля не ограничивается Ост-Индіею, но простирается даже до Китая, Персіи и Арабскаго морскаго берега. Изъ города Моки, лежащаго при Арабскомъ заливѣ вывозится самое лучшее кофе. Изъ Бассоры, гдѣ складываются многіе Европейскіе и Ост-Индійскіе товары, отправляемо бываетъ много иныхъ товаровъ въ Персію, Алеппо и Арабію; и оттуда получаютъ ладанъ, мирры, Арабскую гумми и финики. Съ Малабарскаго берега Ост-Индійское общество получаетъ всякой годъ болѣе трехъ миліоновъ фунтовъ перцу. Кромѣ того вывозятъ еще съ сего берега Индійской шафранъ, кардамонъ, корицу и инбирь. Островъ Бомбе, принадлежа-

жащій обществу, и Суратъ, гдѣ оно имѣетъ право содержать гарнизонъ, служатъ средоточіемъ торговли его съ помянутымъ берегомъ и по Персидскому и Арабскому заливамъ. На Коромандельскомъ берегѣ общество имѣетъ еще гораздо болѣе силы. Между прочимъ оно владѣетъ главнымъ тамошнимъ городомъ Мадрасомъ, который купно съ областію своею, доставляетъ ему знатные доходы; также Карнатскою областію, съ которой доходы принадлежатъ ему на время. На семъ берегѣ общество покупаетъ всякой годъ около трехъ тысячь кипъ славныхъ тамошнихъ бумажныхъ матерій. Оно владѣетъ цѣлыми землями Бенгальскою и Багарскою, доставляющими ему ежегодно около 1,300,000 фунтовъ стерлинговъ. Оттуда получаетъ оно для торговли своея селитру, опіумъ, сахаръ, сарацинское пшено, хлѣбъ, соль, шелкъ, и особенно бумажныя матеріи. Королевство Пегу доставляетъ ему топазы, сафиры, и другіе драгоцѣнные камни. Изъ Китая получаетъ оно великое множество чаю (ежегодно около шести миліоновъ фунтовъ), фарфоръ, и нѣсколько шелковыхъ матерій. Корабли его на пути пристаютъ къ острову Св. Елены, который ему принадлежитъ и находится почти въ самой срединѣ между Африкою и Америкою. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ достались еще сему обществу большой островъ Бунвутъ при устьѣ рѣки Магиндано, и сѣверный берегъ самаго величайшаго въ мірѣ острова Борнео: что способствовало знатному распространенію его торговли.

Въ Американской торговлѣ Англичанъ произошла въ новѣйшія времена весьма великая перемѣна отъ того, что большая часть Сѣверо-Американскихъ селеній отложилась отъ Англіи, и наконецъ признана независимою Республикою. Но какъ сія Республика основана Англичанами, и какъ вѣроятно, что она вскорѣ будетъ имѣть торгъ пространнѣе и прибыточнѣе того, какой прежде вели Англичане посредствомъ принадлежащихъ нынѣ къ ней земель, хотя сіи земли по ихъ пространству населены еще недостаточно: то здѣсь самое удобнѣйшее мѣсто къ сообщенію краткаго свѣдѣнія о тамошнихъ произведеніяхъ и товарахъ.

Новая Англія, самая большая изъ сихъ земель, состоящая изъ четырехъ провинцій, Массакузета, Коннектикута, Родейланда и Нюгамшира, имѣетъ нѣкоторыя фабрики, особливожъ хорошую шляпную фабрику, которой товары отправляемы бываютъ и въ сосѣдственныя земли, фабрику, на которой дѣлается толстая и крѣпкая шерстяная матерія служащая вмѣсто сукна, и еще нѣкоторыя иныя. Рыбная ловля при Терриевѣ и Кап-Бретонѣ доставляла прежде жителямъ сея земли великое множество трески. Они отправляли лошадей, быковъ, свиней, солонину, коровье масло, сало, сыръ, муку, сухари, Турецкую пшеницу, горохъ, разные плоды, сидръ, льняное сѣмя, пеньку, и разный лѣсъ, по большей части на Антильскіе острова и въ Южную Америку, а въ Англію мачты и шесты для парусовъ, доски, поташъ, смолу, терпентинъ, иногдажъ и хлѣбъ. Въ Португаллію, Испанію и Италію посылали они строевой лѣсъ, треску, рыбій жиръ, и пр.; а оттуда получали соль, оливковое масло, вино, и пр. Также получали они вино и водку съ острова Мадеры и съ Азорскихъ островов, куда отъ себя посылали хлѣбъ и треску. Однако сія провинція всегда оставалась должна Англіи за привозимое оттуда большее количество тамошнихъ товаровъ.

Жители Новаго-Іорка въ новѣйшія времена вели весьма знатный торгъ бобровыми и иными мѣхами. Отмѣнное плодородіе тамошней земли для хлѣба, большое скотоводство и конскіе заводы, Лонгейландской табакъ, Гудсонова рѣка, и весьма удобное для морской торговли положеніе главнаго города, Новаго-Іорка, весьма много способствовали торговлѣ сея провинціи. Жители оной наблюдали всегда умѣренность въ образѣ жизни, и по тому никогда не оставались должны Англіи. Жители Новаго-Джерсея, принадлежавшаго прежде къ Новому-Іорку, начали уже съ 1751 года вести выгодный торгъ съ Европою и Вест-Индійскими островами. Они отправляли туда хлѣбъ, муку, говядину и свинину, коровье масло, окароки, пиво, льняное сѣмя, желѣзо въ полосахъ, строевой лѣсъ и дерево потребное для столярной работы. Но фабрикъ въ обѣихъ сихъ земляхъ еще не было.

Напротивъ того Пенсилванія давно уже имѣетъ фабрики. Изъ разводимаго тамъ льну и пеньки, и получаемой съ Антильскихъ острововъ хлопчатой бумаги, дѣлаются разныя матеріи. Также ткутъ тамъ изъ Европейской шерсти толстыя сукна. Пенсилванцы отправляли изъ Филаделфіи, главнаго города сея земли, на Антильскіе острова сухари, муку, коровье масло, сыръ, сало, полевые плоды, овощи, солонину, сидръ, пиво и строевой лѣсъ; а оттуда получали сахаръ, кофе, водку, хлопчатую бумагу и деньги. На Азорскіе и Канарскіе острова, въ Мадеру, Испанію и Португаллію отпускали они лѣсъ и муку за деньги и вино. Въ Англію посылали желѣзо, пеньку, кожу, мѣхи, льняное масло, шесты для парусовъ и мачты; а оттуда получали пряжу, шерсть, тонкія сукна, чай, полотно, бумажныя ткани, и другіе товары: за что оставались всегда должны Англіи.

Въ Виргиніи и Мариландѣ, двухъ смежныхъ между собою провинціяхъ, главный и самый прибыточный товаръ есть табакъ. Также вывозится оттуда нѣсколько муки, скота и досокъ на Антильскіе острова, и нѣсколько льну, пеньки, кожи, мѣховъ, сахару и потребнаго для столярной работы дерева въ Европу. Но какъ въ обѣихъ сихъ земляхъ не было художниковъ и фабрикантовъ, то привозимыя туда всякія нужныя вещи стоили бы имъ весьма дорого, естьлибъ онѣ не имѣли столько табаку. Виргинской табакъ, который лучше Мариландскаго, прежде обыкновенно оставался въ Англіи; а сей отправляемъ былъ въ Германію и въ сѣверныя Европейскія земли. Англичане вывозили весь сей табакъ на собственныхъ своихъ корабляхъ, числомъ всякой годъ около осмидесяти миліоновъ фунтовъ. Сверьхъ того пошлины, собираемыя ими съ онаго, составляли великую сумму.

Еще между землями новой Республики Каролина заслуживаетъ примѣчаніе въ разсужденіи торговли. Сперва вывозили изъ сея провинціи только хлѣбъ и скотъ. Потомъ начали разводить тамъ сарацинское пшено: что современемъ стало для нея весьма выгодно. Сіе произведеніе отправляемо было не только въ Англію, но и въ Испа-

 нію,

нію, Португаллію, и иныя южныя земли. Собирается оно по большей части въ Южной Каролинѣ, гдѣ Чарлестонъ есть главный городъ. Въ 1754 году вывезено было изъ Южной Каролины болѣе ста четырехъ тысячь бочекъ сарацинскаго пшена; и кромѣ того много терпентину, дегтю, смолы, соленой говядины и свинины, Турецкой пшеницы, гороху, кожъ, досокъ, строеваго лѣсу, брусьевъ, дичины, и индиго. Почти такіежъ товары отправляемы были изъ Сѣверной Каролины, только въ меньшемъ количествѣ, и вмѣсто сарацинскаго пшена и индиго сто тысячь бочекъ табаку. Но съ того времени вывозъ товаровъ изъ сихъ земель весьма увеличился; также и въ прочихъ областяхъ Сѣверо-Американской Республики торговля въ новѣйшія времена весьма распространилась.

Изъ Сѣверо-Американскихъ земель, оставшихся во владѣніи у Англіи, самая большая и важнѣйшая есть Канада. Она особенно изобильна преизрядными мѣхами; ибо тамъ находится великое множество выдръ и дикихъ кошекъ, мусковыхъ звѣрковъ, горностаевъ, куницъ и соболей, рысей, лисицъ, оленей, лосей, медвѣдей, и другихъ звѣрей. Бобровые мѣхи составляютъ особенное богатство сея земли. Цвѣтомъ бываютъ они желтые, свѣтло-каштановые, или темно-каштановые, либо черные, и послѣдніе почитаемы самыми лучшими. Также бываютъ бобры совсѣмъ бѣлые, сѣрые съ крапинами, и съ красноватыми пятнами. Кромѣ сихъ товаровъ, вывозили еще изъ Канады рыбій жиръ, муку и лѣсъ, когда она была во владѣніи у Французовъ. Однако торговля ея никогда не приходила въ цвѣтущее состояніе, по тому, что въ ней наблюдаемы были ложныя правила. Вѣроятно, что Англичане, владѣющіе нынѣ сею землею, способною ко многимъ поправкамъ и заведеніямъ, умѣютъ лучше ею пользоваться. — Полуостровъ Акадія, или Новая Шотландія, смежный съ Канадою, и имѣющій изрядную гавань въ Галлифаксѣ, изобиленъ хлѣбомъ и полевыми плодами; также имѣетъ столько скота, что можетъ снабдѣвать онымъ другія земли. Кромѣ того, вывозятся оттуда въ Европу изрядныя мачты и весьма хорошій дубовый лѣсъ, мѣхи, бобровый пухъ,

ло-

лосинная кожа, треска, и пр. — Находящійся недалеко отъ сего полуострова островъ Кап-Бретонъ доставляетъ изрядное каменное уголье, много лѣсу, и также нѣсколько мѣховъ. Торгъ его не великъ; но положеніе его между Акадіею и Терреневомъ, или Нюфаундлендомъ, дѣлаетъ его важнымъ. Ибо при семъ послѣднемъ островѣ бываетъ прибыточная рыбная ловля, о которой было уже упомянуто выше сего. Со времени заключенія Парижскаго мира въ 1763 году, жители Англійскаго селенія на семъ островѣ, которыхъ числомъ около осьми тысячь, присвоили себѣ по большей части ловлю трески, и продаютъ оной втрое болѣе, нежели Французы. — Еще остается упомянуть о Флоридѣ, находящейся въ южномъ краѣ Сѣверной Америки. Сія земля досталась Англичанамъ въ помянутомъ году отъ Испанцевъ почти пустая; но они завели тамъ селеніе, начинающее приходить въ хорошее состояніе посредствомъ скотоводства и разведенія сарацинскаго пшена, хлопчатой бумаги и индиго. Сассафрасовое дерево, котораго корень употребителенъ въ Медицинѣ, не ростетъ нигдѣ лучше, какъ въ сей землѣ. Англичане, получивъ ее, пріобрѣли еще ту выгоду, что завели при Мексиканскомъ заливѣ селеніе, откуда могутъ удобно вести потайной торгъ съ Испанскими областями.

Вест-Индійскіе острова для Англійской торговли важнѣе большей части прочихъ принадлежащихъ Англичанамъ Американскихъ земель. Жители Ямайки, главнаго изъ сихъ островōвъ, почти всегда вели весьма прибыточный потайной торгъ съ сосѣдственными Испанскими землями и островами, съ того времени, какъ онъ достался Англичанамъ. Хлопчатая бумага родится тамъ весьма хорошо. Также вывозятъ оттуда всякой годъ около 700,000 фунтовъ инбирю. Кромѣ того, ростетъ еще тамъ родъ перцу, называемый пименто, который составляетъ предметъ торговли. Количество кофе вывозимаго оттуда всякой годъ простирается до трехъ миліоновъ фунтовъ, а сахару до двадцати пяти тысячь бочекъ. Какао, невыдѣланныя и выдѣланныя кожи, и разное красильное дерево, также суть товары сего острова. — На Бермуд-

скихъ островахъ разводятъ табакъ, дѣлаютъ много парусины, и строятъ корабли изъ кедроваго лѣсу. — Острова Табаго, Св. Винцентія, Гренада и Доминика, уступленные Англіи Французами въ 1763 году, доставляютъ много сахару, кофе, и нѣсколько какао и хлопчатой бумаги. Послѣдній изъ сихъ острововъ, находящійся между Мартиникомъ и Гвадалупомъ, Англичане старались получить еще для того, чтобъ перевести туда торгъ Французскихъ острововъ. По сей причинѣ сей островъ, равно какъ и Ямайка для Испанской торговли, объявленъ въ 1766 году вольною гаванію. — Барбадосъ хотя не великъ, но весьма многолюденъ, и приноситъ великой доходъ. Съ сего острова, наполненнаго померанцовыми, лимонными, липовыми и цитронными рощами и аллеями, вывозится всякой годъ пятнатцать тысячь бочекъ сыраго сахару, стоящихъ около 300,000 фунтовъ стерлинговъ. Тамъ родится много цитроновъ и померанцевъ, которые прежде въ большомъ количествѣ отправляемы были оттуда въ Сѣверную Америку, отчасти свѣжіе, а отчасти сушеные и обсахаренные. Изъ корки сихъ плодовъ жители тамошніе гонятъ славную Барбадосскую водку, которой много отправляютъ въ Европу, и получаютъ за оную около 40000 фунт. ст. Почти всѣ корабли, отправляемые съ невольниками изъ Африки на Антильскіе острова, пристаютъ въ Барбадосѣ, и продаютъ тамъ грузъ свой оптомъ. Барбадосскіе купцы продаютъ по томъ невольниковъ порознь заводчикамъ какъ на семъ островѣ, такъ и на другихъ Англійскихъ островахъ; а остальныхъ доставляютъ посредствомъ потайнаго торгу на Французскія и Испанскія плантаціи. — Съ острова Антигуи вывозятъ сахару, руму и хлопчатой бумаги цѣною всякой годъ на 400,000 ф. ст. Сей островъ имѣетъ не только изрядную гавань, но и большой магазинъ съ вещами потребными для починки кораблей. — Островъ Св. Христофора доставляетъ ежегодно въ Европу отъ двѣнатцати до тринатцати тысячь бочекъ сахару и нѣсколько хлопчатой бумаги. О другихъ меньшихъ островахъ, принадлежащихъ Англичанамъ, говорить не нужно. Англійской торгъ саха-

харомъ въ нынѣшнемъ столѣтіи по причинѣ распространенія Французскаго торгу весьма уменьшился. Принадлежащіе Англичанамъ Антильскіе острова прежде получали лѣсъ, скотъ и рыбу отъ Сѣверныхъ Американцевъ; а сіи брали съ нихъ за то румъ (крѣпкой напитокъ, называемый у Французовъ *таффіею*, и дѣлаемый изъ сахарнаго сирупу), инбирь, и нѣкоторый сокъ вытекающій изъ сахарныхъ бочекъ; но сахару брать не могли. Платье, домашніе приборы, ремесленническія орудія и невольниковъ доставляли туда сами Англичане, и получали за то тамошнихъ товаровъ цѣною на два миліона и болѣе, нежели на 700,000 ф. ст. Для сего торгу употребляемо было около 600 кораблей; и съ товаровъ, привозимыхъ въ Англію съ Американскихъ острововъ, собираемо бывало пошлинъ болѣе 500,000 ф. ст.

Въ торговлѣ сѣверныхъ Европейскихъ земель произошли въ новѣйшія времена весьма выгодныя для нихъ перемѣны. — Соединенныя Королевства Данія и Норвегія имѣютъ весьма удобное для морской торговли положеніе, ибо находятся между Балтійскимъ и Сѣвернымъ морями. Герцогство Голштинское въ Германіи, нѣкоторые Европейскіе острова, и нѣкоторыя владѣнія въ прочихъ частяхъ міра, служатъ къ распространенію Датской торговли. Сіе Датско-Норвежское государство шестьдесятъ уже лѣтъ не имѣло войны. Государи его, Министры и народъ вообще пользовались симъ щастливымъ состояніемъ, и старались о распространеніи художествъ и мануфактуръ, кораблеплаванія и торговли, съ хорошимъ успѣхомъ. Еще въ прошедшемъ столѣтіи Датчане начали торговать съ другими частями міра. Въ 1618 году Король Христіанъ IV посылалъ въ Цейлонъ нѣсколько военныхъ кораблей и нѣсколько купеческихъ, принадлежавшихъ учрежденному тогда же Ост-Индійскому торговому обществу, чтобъ завести торгъ съ симъ островомъ. Хотя сіе предпріятіе не удалось; но вмѣсто того куплена была въ Королевствѣ Танжурскомъ небольшая область, въ которой послѣ построены городъ Транкебаръ и крѣпость Дансбургъ. Однако и тамъ торговля нѣсколько времени не имѣла успѣха, по причинѣ препятствій,

ствій, дѣланныхъ Голландцами, и маломощности Датчанъ. Ост-Индійское общество разрушилось и уступило владѣнія свои Королю. Въ 1670 году учреждено было новое общество, которое хотя имѣло знатный капиталъ, однако никогда не могло прійти въ цвѣтущее состояніе, и въ 1730 году разрушилось. Наконецъ, щастливѣе было Королевское Азіатское торговое общество, учрежденное Христіаномъ VI въ 1732 году. Оно получило отъ сего Короля исключительное право торговать отъ мыса Доброй Надежды даже до Китая, купно со многими выгодными привилегіями. Съ 1739 года капиталъ его умножился вдвое; а въ 1772 году привилегіи его были возобновлены, но при томъ позволено и частнымъ купцамъ отправлять корабли въ Ост-Индію подъ защищеніемъ общества, заплативъ оному за то нѣкоторую подать. Въ 1777 году Король принялъ самъ въ управленіе Датскія области въ Ост-Индіи: чѣмъ общество хотя лишено было владѣтельскаго преимущества, однакожъ освободилось и отъ совокупленныхъ съ онымъ издержекъ.

Съ другой стороны торговля Датчанъ съ Америкою началась также еще въ прошедшемъ столѣтіи. Въ 1671 году они овладѣли тамъ островомъ Св. Ѳомы, а въ 1719 году островомъ Св. Іоанна. Въ 1733 году Франція продала имъ островъ Сент-Кроа. Въ слѣдующемъ году учреждено было Вест-Индійское и Гвинейское общество, которому отданы Датскія области на Гвинейскомъ берегѣ и въ Ост-Индіи, и дано исключительное право торговать съ сими областями и селеніями. Но какъ сіе общество худо управляло своими дѣлами, то Король Фридрихъ V въ 1764 году уничтожилъ оное, и позволилъ всякому изъ своихъ подданныхъ торговать съ Вест-Индійскими островами. Онъ установилъ, чтобъ всѣ отправляемыя въ Вест-Индію Датскія произведенія и рукодѣльные товары вывозимы были изъ Даніи безпошлинно, а со всѣхъ иныхъ товаровъ было бы платимо пошлинъ отъ четырехъ до осьми процентовъ. Съ того времени Американскія селенія пришли въ лучшее состояніе, и торговля ихъ такъ увеличилась, что вмѣсто двухъ или трехъ ко-

кораблей, употребляемыхъ прежде для оной, потребно было уже болѣе сорока. Однакожъ правительство учредило въ 1778 году другое Вест-Индійское общество, и дало оному важныя привилегіи. Нынѣ употребляется для Вест-Индійской торговли отъ шестидесяти до семидесяти Датскихъ кораблей.

Въ новѣйшія времена учреждены были еще многія общества и сдѣланы разныя заведенія въ пользу Датской торговли, какъ то между прочими торговое общество предпринимавшее вести въ Копенгагенѣ выгодный посреднической торгъ, доставляя Англичанамъ и Голландцамъ товары съ Балтійскаго моря, а товары западныхъ и южныхъ народовъ въ земли лежащія при Балтійскомъ морѣ. Хотя сіе общество разрушилось; но другія учрежденія остались, и понынѣ еще приносятъ великую пользу. Недавно учреждено общество торгующее по Балтійскому морю. Оно употребляетъ для торговли своея болѣе шестидесяти кораблей. Дѣлаемый нынѣ при границахъ Шлезвигскаго Герцогства Голштинской каналъ, для соединенія Балтійскаго моря съ Сѣвернымъ, обѣщаетъ Датской торговлѣ и кораблеплаванію важныя выгоды.

Въ 1736 году учрежденъ въ Коппенгагенѣ ассигнаціонный, вексельный и ссудный банкъ. Нѣкоторые приватные люди собрали для онаго капиталъ, состоящій изъ 500,000 рейхсталеровъ и раздѣленный на тысячу акцій. Дѣла сего банка суть слѣдующія. Онъ ведетъ щетъ съ купцами ввѣряющими ему нѣкоторыя суммы денегъ; и хотя не платитъ имъ процентовъ съ сихъ денегъ и самъ не требуетъ оныхъ, но платитъ сіи суммы сполна по даннымъ отъ нихъ ассигнаціямъ, какъ скоро потребовано бываетъ. Онъ раздаетъ деньги въ заемъ, принимая въ закладъ всякіе прочные товары и драгоцѣнныя вещи, также и всякія надежныя письменныя обязательства, и беретъ по 4 процента на годъ. Наконецъ покупаетъ онъ вѣрные векселя за четыре процента въ годъ. Сей банкъ имѣлъ столь хорошій успѣхъ, что могъ раздавать участникамъ своимъ ежегодно по 12 процентовъ прибытка. Но послѣ разныхъ происходившихъ въ немъ перемѣнъ, въ 1773 году Король принялъ

Ы 5 банкъ

банкъ въ собственное управленіе, и далъ участникамъ онаго за каждую акцію, которыхъ число умножилось уже до шести тысячь, обязательство на 350 рейхсталеровъ, съ которыхъ получаютъ они ежегодно по 5 процентовъ.

Вспоможеніе отъ Датскаго правительства подданнымъ его въ торговлѣ, купно съ прилѣжаніемъ ихъ и при многоразличныхъ натуральныхъ произведеніяхъ ихъ земель, было весьма дѣйствительно. Хотя въ Даніи нѣтъ соли и металловъ, но находится много разныхъ родовъ земли, употребляемой въ краски, на дѣланіе посуды и для чищенія суконъ; также изобиліе торфу замѣняетъ дрова, въ которыхъ тамъ недостатокъ. Пшеница, рожь, ячмень, овесъ, горохъ отмѣнной доброты, грѣчиха, просо, чечевица, горчица, тимонъ, и пр., родятся тамъ въ такомъ множествѣ, что отъ собственнаго употребленія остается много для вывоза въ другія земли. Табакъ разводятъ по мѣстамъ съ хорошимъ успѣхомъ; но продажа онаго въ Датскихъ земляхъ предоставлена Коронѣ. Скотоводство находится въ Даніи особенно въ цвѣтущемъ состояніи. Датскія лошади, а особливо Зеландскія, служащія самыми лучшими для верьховой ѣзды, составляютъ предметъ знатнаго торгу. Ютландскія лошади крѣпче оныхъ и купно съ Голштинскими покупаемы бываютъ въ большомъ количествѣ для Австрійской, Прусской и Французской конницы. Сей торгъ вмѣстѣ съ продажею рогатаго скота доставляетъ Датчанамъ ежегодно слишкомъ миліонъ рейхсталеровъ, и еще болѣе, естьли причислить къ тому продажу солонины, ветчины, и пр. Изъ Ютландіи вывозятъ много коровья масла и сыру, и продаютъ всякой годъ около осмидесяти тысячь тощихъ быковъ въ другія земли; также ведется оттуда прибыточный торгъ солониною, отправляемою во Францію, Голландію, въ Гамбургъ, и даже на Антильскіе острова. Шерсти собирается въ Даніи немало; но она приноситъ еще не много пользы. Славный гагачій пухъ составляетъ также предметъ хорошаго торгу. Доставляющая оный морская птица, изъ роду малыхъ гусей, находится по большей части въ Исландіи, Гренландіи и на Ферейскихъ островахъ. Морская рыба слу-

служитъ какъ для собственнаго употребленія, такъ и для вывоза, особливожъ лососи, сельди, устрицы, и пр.

Напротивъ того фабриками Данія не богата. Причиною сему отчасти то, что она соразмѣрно пространству своему не вездѣ еще достаточно населена, и жители ея по большей части должны упражняться въ земледѣліи, рыбной ловлѣ и скотоводствѣ, чѣмъ они достаютъ себѣ пропитаніе весьма удобно; отчастижъ дешевая плата за перевозъ иностранныхъ рукодѣльныхъ товаровъ, получаемыхъ Датчанами за меньшую цѣну, нежели чего бы стоили имъ сначала ихъ собственные, и скорѣе доставляющихъ прибытокъ купцамъ, которые употребляютъ на оные свои деньги. Однако находятся въ Даніи нѣкоторыя фабрики и мануфактуры въ цвѣтущемъ состояніи, заведенныя особливо со временъ Короля Христіана VI. Для оныхъ съ великимъ иждивеніемъ вызваны были иностранные художники и фабриканты, и сдѣланы многія учрежденія, служащія къ распространенію ихъ и приведенію въ лучшее состояніе. Къ такимъ учрежденіямъ между прочими принадлежатъ Королевская Экономическая и Коммерц-Коллегія, и заведенный въ Коппенгагенѣ на Королевскомъ иждивеніи общій магазинъ для рукодѣльныхъ товаровъ. Важнѣйшія изъ сихъ фабрикъ понынѣ суть суконная фабрика въ Коппенгагенѣ въ такъ называемомъ Золотомъ домѣ, снабдѣвающая всякими сукнами все войско и большую часть жителей Даніи, также и другія суконныя, шапочныя, шляпныя и чулочныя фабрики въ Зеландіи и Ютландіи; кожевенныя фабрики въ Одензее и Рандерсѣ; изрядная оружейная фабрика, принадлежащая Графу Шиммельманѣ; маслобойна и мыловарни въ Ютландіи, особливожъ на западномъ берегѣ; сахарныя варницы въ Коппенгагенѣ, на которыхъ обработываютъ привозимый съ Вест-Индійскихъ острововъ сырой сахаръ, числомъ ежегодно болѣе тритцати миліоновъ фунтовъ. Кромѣ того въ помянутомъ главномъ городѣ Даніи ткутъ еще разныя матеріи, шелковыя, бумажныя, и изъ верблюжьей шерсти. Также находятся тамъ фабрики, на которыхъ обработываются металлы, и весьма хорошо учрежденная корабельная верфть.

ВЪ Норвегіи много минераловЪ; особливожЪ находятся тамЪ два серебряные рудника и много мѣдныхЪ рудниковЪ. Мѣди вывозится ежегодно изЪ Норвегіи цѣною отЪ двухЪ до трехЪ сотЪ тысячь рейхсталеровЪ. Желѣза находится вЪ сей землѣ также довольно; однако жители не весьма стараются о желѣзныхЪ заводахЪ, отчасти по недостатку потребнаго для оныхЪ лѣсу, отчастижЪ по тому, что могутЪ продавать лѣсЪ иностранцамЪ сЪ большею выгодою. КромѢ того, есть вЪ Норвегіи преизрядный марморЪ, много асбесту, и всякой годЪ достаютЪ тамЪ около 10000 бочекЪ морской соли, хотя жители предпочитаютЪ оной Испанскую и Французскую соль. Но лѣсЪ и рыба составляютЪ главные предметы Норвежской торговли. ЛѣсЪ продается иностранцамЪ отчасти цѣлыми бревнами, отчастижЪ пиленой, вЪ брусьяхЪ и доскахЪ. Цѣна одного еловаго лѣсу, ежегодно вывозимаго, составляетЪ болѣе миліона рейхсталеровЪ. Но дубовый лѣсЪ вывозить запрещено; ибо онЪ употребляется на строеніе Королевскаго флота и собственныхЪ купеческихЪ кораблей. Голландцы покупаютЪ лѣсЪ по большей части бревнами, и пилятЪ его уже на своихЪ мѣльницахЪ; но Англичане покупаютЪ болѣе готовыхЪ брусьевЪ и досокЪ. Норвежцы наблюдали мало бережливости вЪ семЪ товарѣ: отЪ чего лѣсЪ сталЪ у нихЪ нѣсколько рѣже и дороже. Морская рыбная ловля также доставляетЪ имЪ ежегодно по крайней мѣрѣ миліонЪ рейхсталеровЪ, а особливо послѣ того, какЪ они начали пріуготовлять треску ловимую при ихЪ берегахЪ такЪ же, какЪ пріуготовляется Терневская треска. СЪ того времени вЪ Испаніи и Италіи предпочитаютЪ Норвежскую треску Терневской. Норвежскіе сельди не уступаютЪ ГолландскимЪ. КладутЪ ихЪ вЪ сосновыя бочки, отЪ которыхЪ получаютЪ они вкусЪ для многихЪ противный; однако Поляки любятЪ сей вкусЪ; и для того употребленіе сихЪ бочекЪ не оставлено, хотя за нѣсколько лѣтЪ предЪ симЪ хотѣли употреблять вмѣсто ихЪ дубовыя. Почти всѣ жители сѣверной Норвегіи занимаются ловлею, соленіемЪ и сушеніемЪ морской рыбы. Множество дикихЪ звѣрей, находя-

дящихся въ Норвегіи, доставляетъ немало мѣховъ для продажи иностранцамъ. Фабрики сея земли маловажны; однако она имѣетъ корабельныя верфи, заводы, на которыхъ льютъ пушки, и сахарныя варницы.

Великой островъ Исландія, принадлежащій Даніи, получаетъ нѣкоторыя торговыя выгоды отъ кожъ, сала и соленаго мяса тамошняго скота. Овчарни, великое множество сѣры, а отчасти и рыбная ловля, также доставляютъ выгоды жителямъ сего острова. Они продаютъ много вязаныхъ шерстяныхъ колпаковъ, перчатокъ, и другихъ товаровъ. При берегахъ новонайденной Тренландіи, различной отъ той земли, которая прежде извѣстна была подъ симъ именемъ, Датчане уже въ новѣйшія времена принялись сами за ловлю китовъ, а прежде оставляли оную Англичанамъ, Голландцамъ, и другимъ народамъ.

Герцогство Голштинское, принадлежащее нынѣ все Датской Коронѣ, доставляетъ многія и дорогія произведенія для торговли; хотя фабрики, заведенныя въ Алтонѣ, Килѣ, и другихъ городахъ онаго, не имѣли еще большаго успѣха. Изъ тамошней глины разныхъ родовъ дѣлаются кирпичи и разная посуда, отправляемыя и въ другія земли. Известь и торфъ также продаются иностранцамъ. Хлѣбъ, рѣпное сѣмя, лошади, быки, коровье масло и сыръ, и пр., отправляемы бываютъ въ большомъ количествѣ въ Голландію и въ сѣверную Германію, а особливо въ Гамбургъ.

Ко всѣмъ симъ Датскимъ товарамъ надлежитъ еще причислить привозимые изъ Датскихъ областей въ другихъ частяхъ міра, какъ то: селитру, перецъ, бумажныя ткани и кисеи, изъ Индіи; невольниковъ, слоновую кость и гумми, изъ Африки; сахаръ, кофе, хлопчатую бумагу, съ Вест-Индійскихъ острововъ. Посредствомъ толь многихъ источниковъ, вспомогательныхъ способовъ и ободреній Датчане имѣли толикой успѣхъ въ торговлѣ, что нынѣ можно причислить ихъ ко главнымъ торгующимъ Европейскимъ народамъ. Также немало способствовали тому наблюдаемыя ими одинакія съ Англичанами и Французами правила въ коммерціи, свойственная

имѣ дѣятельность, и отмѣнная склонность къ кораблеплаванію и морскимъ путешествіямъ.

Въ гавани Балтійскаго моря, а особливо въ Россійскія, Лифляндскія, Курляндскія и Прусскія, (ибо съ Шведами Датчане имѣютъ мало торговаго сообщенія,) отвозятъ они, а отчасти также и Норвежцы, сельдей, сушеную рыбу, сахаръ, румъ, Французскую, Испанскую и Португальскую соль, чай, перецъ, селитру, Остъ-Индійскіе и Китайскіе товары, устрицъ, козлиныя и козьи кожи, нѣсколько мѣховъ и своихъ рукодѣльныхъ товаровъ. Изъ сихъ гаваней вывозятъ они поташъ, бочечное дерево, дубовыя и сосновыя брусья и доски, дрова, шерсть, ленъ, пеньку, пряжу, юфти, канаты, янтарь, желѣзо, мѣдь, также хлѣбъ для Норвегіи и Исландіи, и пр. Должны будучи раздѣлять сей торгъ по Балтійскому морю со Шведами, Англичанами и Голландцами, и всегда покупать въ тамошнихъ мѣстахъ много хлѣба, Датчане теряютъ при ономъ.

Датской торгъ съ Германіею весьма знатенъ. Кромѣ лошадей, отправляемыхъ туда въ большомъ количествѣ, какъ уже упомянуто, отправляется еще множество быковъ, которыхъ пригоняютъ тощихъ изъ сѣверной Ютландіи и откармливаютъ на Шлезвигскихъ и Голштинскихъ пасствахъ. Оттудажъ привозится въ Германію много копченой говядины, которую называютъ Гамбургскою, хотя она въ самомъ дѣлѣ Ютландская. Также привозятъ въ Германію сельдей, сушеную рыбу, рыбій жиръ, рыбью кость, спермацетъ, тюленьи кожи, Остъ-Индійскіе и Китайскіе товары, отправляемые отчасти чрезъ Германію въ Швейцарію, шерсть, а особливо Зеландскую ягнячью, нѣкоторые рукодѣльные товары, и множество коровья масла и сыру. Изъ Германіи Датчане получаютъ Люнебургскую соль, пряжу, ленъ, полотно, а особливо Вестфальское и Нижне-Саксонское, шерсть изъ Мекленбурга и Шведской Помераніи, лѣсъ изъ Бранденбургской Помераніи, красильный корень изъ Шлезіи, хлѣбную водку изъ Магдебургской и Галберштадтской областей, кобальтъ изъ Саксоніи, многіе мѣдные товары изъ Саксоніи, Австріи и Богеміи, Нирнберг-

бергскіе товары, бумагу, книги, Рейнское и Мозельское вино, также разныя мѣлочныя и галантерейныя вещи. Для Датчанъ ли или для Германцевъ сей торгъ выгоденъ, еще не извѣстно. Городъ Алтона, находящійся близь Гамбурга, получилъ отъ Датскихъ Королей весьма важныя привилегіи, для того, чтобъ перевести туда часть Гамбургской торговли; однако понынѣ она не претерпѣла еще большаго ущерба отъ того, хотя сей городъ ведетъ немалый торгъ.

Торгъ между Голландіею, Даніею и Норвегіею состоитъ въ привозѣ съ одной стороны почти только пряныхъ зелій и аптекарскихъ товаровъ, а съ другой великаго множества лѣсу, тощихъ быковъ, хлѣба и рѣпнаго сѣмени. Англичане торгуютъ только съ Норвегіею, гдѣ они покупаютъ великое множество лѣсу и сушеной рыбы. Кромѣ того, еще доставляемы бываютъ въ Англію чай и другіе товары посредствомъ потайнаго торгу.

Изъ Франціи Датскіе и Норвежскіе корабли вывозятъ болѣе товаровъ, и съ убыткомъ; а именно: соль, вино, водку, овощи, красильныя матеріи, разные галантерейные и модные товары; также посредствомъ потайнаго торгу много шерстяныхъ и шелковыхъ товаровъ. Напротивъ того Французамъ доставляютъ они коровье масло, сыръ, солонину, сушеную рыбу, рыбій жиръ, канаты, и всякіе Сѣверные товары изъ гаваней находящихся при Балтійскомъ морѣ. Такіежъ товары отправляютъ они въ Португаллію и Испанію; а оттуда получаютъ за оные соль, шерсть, вино, изюмъ, разные плоды, и нѣкоторые Американскіе товары.

Въ гавани Средиземнаго моря Датчане отвозятъ по большей части только сушеную рыбу; а тамъ покупаютъ шелкъ и другіе Италіанскіе товары. Но кромѣ того, во всѣхъ Италіанскихъ гаваняхъ Датскіе корабли бываютъ нанимаемы тамошними купцами для перевоза товаровъ отъ одной гавани до другой. Также отвозятъ они въ Левантъ иностранные, а особливо Италіанскимъ купцамъ принадлежащіе товары, и оттуда привозятъ Левантскіе. Въ случаѣ морской войны, естьли Данія не пристаетъ ни къ которой сторонѣ, подданные ея получа-

чаютЪ великую выгоду. Во время послѣдней войны между Англіею и Франціею торгЪ по Средиземному морю и вЪ ЛевантЪ, который прежде Англичане вели сами непосредственно, по большей части веденЪ былЪ вмѣсто ихЪ Датчанами.

Что касается до торгу ДатчанЪ сЪ Норвегіею, Исландіею и прочими Датскими островами вЪ Европѣ: то Данія ведетЪ оный какЪ торгЪ сЪ своими селеніями. Хотя жителямЪ южной части Норвегіи позволено вывозить самимЪ свои произведенія, и доставать за оныя отЪ другихЪ народовЪ потребныя имЪ вещи; также и иностранцамЪ позволено посѣщать южныя гавани сего Королевства; однако всѣ шелковые, шерстяные, бумажные и верблюжьей шерсти товары должно НорвежцамЪ брать изЪ Даніи и сЪ ДатскихЪ фабрикЪ. Норвегія получаетЪ прибытокЪ отЪ торговли сЪ иностранцами; но Данія такимЪ образомЪ старается присвоивать сей прибытокЪ себѣ. ТоргЪ сЪ ФиннмаркомЪ, Лапландіею, Исландіею, Гренландіею, и Ферейскими островами, хотя не принадлежитЪ уже нынѣ упомянутому выше сего Коппенгагенскому обществу, которое разрушилось; однакожЪ ведется только Датскими купцами и отчасти на Королевской щетЪ.

ВЪ Азіатской торговлѣ ДатчанЪ, ведомой особливымЪ обществомЪ, какЪ то выше сего уже сказано, торгЪ сЪ КитаемЪ былЪ всегда главнымЪ предметомЪ. Датчане отвозятЪ вЪ Китай желѣзо, свинецЪ, оружіе, нѣсколько шерстяныхЪ рукодѣльныхЪ товаровЪ, и особенно серебро; а оттуда получаютЪ чай, сало, корень хину, ревень, разные шелковые товары, и фарфорЪ. Датской торгЪ сЪ ТранкебаромЪ, на КоромандельскомЪ берегѣ, не столь важенЪ, какЪ бы можно было заключить по цвѣтущему состоянію сего Датскаго города, вЪ которомЪ дѣлаются преизрядныя бумажныя матеріи. КакЪ туда, такЪ и вЪ Датскія селенія находящіяся вЪ БенгалахЪ, отправляемы бываютЪ по большей части желѣзо, оружіе, корабельный строевой лѣсЪ, разные шерстяные товары, и серебро. Оттуда вывозятся Датскими кораблями селитра, перецЪ, олово и раковины сЪ Маль-

див-

дивскихъ острововъ, бумажныя ткани, ситцы, кисеи, платки, и пр. Въ новѣйшія времена также вывозимо было Датскими кораблями кофе изъ Мокки. Сей Азіатской торгъ, для котораго въ 1780 году употребляемо было десять кораблей, весьма выгоденъ Датчанамъ; ибо они продаютъ получаемые изъ Азіи товары по большей части иностранцамъ. Недавно цѣна привезенныхъ въ одинъ годъ на Ост-Индійскихъ корабляхъ товаровъ простиралась до 1 миліона 500 тысячь талеровъ. Однако немалая часть акцій Азіатскаго общества принадлежитъ Голландцамъ и другимъ чужестранцамъ: по чему они получаютъ всякой годъ знатную часть прибытка отъ сея торговли.

Въ Африкѣ Датчане имѣютъ важную торговлю только на Гвинейскомъ берегѣ. Ибо торгъ веденный ими съ Мароккомъ не достигъ нарочитой степени. Но на помянутомъ берегѣ Данія имѣетъ немалую область съ двумя приморскими крѣпостями, Христіансбургомъ и Фриденсбургомъ. Всѣмъ Датскимъ подданнымъ позволено торговать туда. Но какъ они прилагали къ тому не довольно раченія, то ведется еще особливый торгъ на Королевской щетъ. Три корабля, отправляемые ежегодно, вывозятъ оттуда на Датскіе Вест-Индійскіе острова около 1600 Негровъ, которыхъ Датчане отчасти продаютъ въ другія Европейскія селенія въ Вест-Индіи. Также вывозится на сихъ корабляхъ нѣсколько золотаго песку и на 5 или на 6 тысячь талеровъ слоновой кости по Коппенгагенской продажной цѣнѣ. Сіи товары доставляемы бываютъ въ Данію; а въ Гвинею отправляются по большей части Датскіе рукодѣльные товары. Въ новѣйшія времена общество торгующее по Балтійскому морю начало также посылать туда по нѣскольку кораблей.

Вест-Индійской торгъ Датчанъ заслуживаетъ болѣе уваженія. Тамошніе острова, имъ принадлежащіе, наименованы уже выше сего. Они получаютъ съ оныхъ около тритцати миліоновъ фунтовъ кофе, отъ дватцати до тритцати миліоновъ фунтовъ сыраго сахару, и нѣсколько инбирю. При случаѣ Сѣверо-Американской войны торговля сихъ острововъ содѣлалась особенно важною.

Изъ всѣхъ торгующихъ въ Вест-Индію народовъ современемъ одни только Датчане остались не принявшіе участія въ сей войнѣ, и пользовались всѣми выгодами того. Многіе Англичане поселились на ихъ островахъ. Торгъ между ими и Сѣверною Америкою веденъ былъ тогда съ великою живостію, хотя и прежде уже сіи острова получали нужныя имъ вещи по большей части изъ Сѣверной Америки. Островъ Св. Ѳомы особливо получилъ великія выгоды. Въ 1782 году 150 кораблей не довольно было для его торговли. Однако и при семъ надлежитъ замѣтить, что многія плантаціи на Датскихъ островахъ въ Вест-Индіи принадлежатъ Англичанамъ и Голландцамъ, живущимъ въ своемъ отечествѣ.

Въ 1781 году Датская морская торговля вообще ведена была посредствомъ 1523 кораблей, отчасти приходящихъ, отчасти выходящихъ, изъ которыхъ 391 надлежитъ считать на Амстердамъ, и 154 на Ригу. Иностранные корабли, приходящіе чрезъ три Датскіе пролива, особливожъ чрезъ Ерезундъ при Гелзинѣрѣ, съ Германскаго моря въ Балтійское и съ Балтійскаго въ Германское, платятъ пошлины, которыя составляютъ ежегодно весьма знатныя суммы; ибо число сихъ кораблей въ новѣйшія времена всякой годъ простиралось отъ 5 до 6 тысячь, и еще гораздо болѣе. Кромѣ того, владѣніе Зунда доставляетъ Датской торговлѣ еще разныя выгоды.

Торговля Шведовъ хотя не столь пространна, какъ Датская; однако заслуживаетъ уваженіе. Въ началѣ шестагонадесять столѣтія Шведы не имѣли еще собственной торговли. Ганзеатскіе города брали у нихъ, равно какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ, натуральныя произведенія, какъ то желѣзо и мѣдь, и продавали имъ же дѣлаемыя изъ оныхъ вещи.

При Королѣ Густавѣ Вазѣ, правительствовавшемъ до 1560 году, Шведы начали сами обработывать натуральныя произведенія своея земли, состоящія въ металлахъ и лѣсѣ. Но въ первыя времена седьмагонадесять столѣтія Англичане и Голландцы присвоили себѣ торговлю съ Швеціею, лишивъ оной Ганзеатскіе города и напо-

послѣдокъ Любекъ, отнятіемъ у нихъ великихъ привилегій, которыми они прежде пользовались. Около половины помянутаго столѣтія учреждены въ Швеціи первыя торговыя общества, какъ-то Южное общество, Коммерческая Коллегія, Африканское общество, которое по договору съ Португалліею построило на Гвинейскомъ берегѣ замокъ Корсо, и общество торгующее дегтемъ изъ сѣверныхъ Шведскихъ провинцій. Но всѣ сіи общества не долго устояли. Въ то же время заведены были въ Швеціи разныя фабрики и мануфактуры, но по большей части иностранцами, а особливо Германцами и Нидерландцами. Съ 1641 года находились тамъ стеклянный заводъ, крахмальная, мѣдная и игольная фабрики, шелковая фабрика, кожевенный заводъ и мыловарня, пильныя мѣльницы, желѣзныя, стальныя и шерстяныя фабрики.

Продолжительныя и напослѣдокъ толь нещастливыя войны Короля Карла XII въ первыя осьмнатцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія, истощили Швецію вообще, особливожъ пагубны были для большей части тамошнихъ фабрикъ и для государственнаго кредита. Но при спокойнѣйшемъ правленіи Короля Фридриха I, продолжавшемся до 1751 года, и при его преемникахъ, мануфактуры, ремесла и торговля пришли въ цвѣтущее состояніе. Шведы пользовались произведеніями своея земли болѣе и обработывали оныя лучше, нежели когда либо прежде; и кораблеплаваніе ихъ весьма распространилось. Въ сіе время сдѣланы были въ Швеціи учрежденія, приносящія великую пользу. Въ 1731 году учреждено Ост-Индійское торговое общество, имѣвшее весьма хорошій успѣхъ. Мануфактур-Контора Государственныхъ Чиновъ, учрежденная въ 1739 году, и въ томъ же году основанная Королевская Академія наукъ, которой члены толь много и съ толь щастливымъ успѣхомъ старались объ изысканіи и увеличеніи натуральнаго богатства отечества своего, также споспѣшествовали пользѣ Шведской торговли. Но паче всего способствовали оной въ послѣднія сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ нѣкоторыя важныя установленія. Прежде всякой народъ безъ различія доставлялъ въ Швецію нужные тамъ товары; но наконецъ, по примѣру

Англичанъ, установлено, чтобъ въ Швецію на иностранныхъ корабляхъ привозимы были только собственные товары тѣхъ земель, изъ которыхъ корабли приходятъ. Посредствомъ сего Голландцамъ почти совсѣмъ запрещено было приходить въ Шведскія гавани, и Шведы принуждены были сами вывозить нужные имъ товары изъ Португаллiи, Испанiи, Италiи и Леванта на собственныхъ своихъ корабляхъ. При томъ они весьма увеличили морскую рыбную ловлю свою: отъ чего кораблеплаванiе ихъ въ короткое время весьма распространилось. Также и отдачею кораблей своихъ въ наемъ прiобрѣтали они немалый прибытокъ. Не столь удачно было другое установленiе. А именно: Шведскимъ заводчикамъ запрещено было получать отъ иностранныхъ купцовъ деньги впередъ за желѣзо; а вмѣсто того позволено банку давать имъ потребныя суммы подъ закладъ желѣза. Но банковые билеты не доставляли имъ денегъ, которыми бы можно было платить иностранцамъ, по крайней мѣрѣ дотолѣ, пока желѣзо не было продано. И такъ иностранные вексели стали рѣдки и дороги въ Швецiи; Шведы должны были весьма дорого платить за кредитъ; и цѣна банковыхъ билетовъ ихъ весьма унизилась. Отъ сего произошли въ государствѣ разныя неустройства; и какъ еще присовокупились къ тому нѣкоторыя иныя нещастливыя приключенiя, то необходимо должно было торговлѣ и кредиту его прiйти въ упадокъ.

Многочисленныя мануфактуры и фабрики, заведенныя въ новѣйшiя времена, для споспѣшествованiя которымъ опредѣлены толь многiя награжденiя и привозъ большей части иностранныхъ рукодѣльныхъ товаровъ запрещенъ, принесли нѣкоторую пользу. Но вообще, какъ сами Шведы признаются, сiя польза гораздо менѣе, нежели какой при заведенiи ихъ надѣялись; ибо рукодѣльные товары ихъ по большей части хуже и становятся дороже иностранныхъ; самыя нужнѣйшiя фабрики, на которыхъ обработываются металлы и шерсть, находятся въ пренебреженiи, а къ лишнимъ и Швецiи менѣе свойственнымъ, на которыхъ обработывается шелкъ и хлопчатая бумага, прилагаютъ болѣе старанiя; также

жe

же многія перемѣны и раздоры въ правленіи не допускали принять постоянныхъ правилъ въ распоряженіи и подкрѣпленіи фабрикъ. Шведы имѣютъ шерстяныя, бумажныя, полотняныя, парусинныя, сафьянныя, ситцовыя фабрики, квасцовыя, сахарныя и соляныя варницы, мыловарни, стеклянные, фарфоровые и сѣрные заводы, бумажныя, пороховыя и иныя мѣльницы, мѣдныя, стальныя и желѣзныя фабрики, короче сказать, всякихъ фабрикъ по крайней мѣрѣ по немногу. Самыя важнѣйшія изъ оныхъ суть желѣзныя, мѣдныя и стальныя фабрики. Однако тамъ можно бы обработывать металлы въ большемъ количествѣ и лучше. Строеніе кораблей умножилось особливо въ новѣйшія времена. Шерстяныя мануфактуры доставаяютъ потребныя сукна и иныя матеріи по крайней мѣрѣ для простаго народа. Окончанная въ 1762 году нещастливая война причинила явный ущербъ Шведскимъ фабрикамъ и кредиту государства. Но перемѣна образа правленія въ 1772 году снова оживила торговлю, мануфактуры, публичный кредитъ, и все, что съ оными въ связи находится; однако много еще времени потребно имъ на то, чтобъ достичь цвѣтущаго состоянія.

Особенно можно сказать сіе о государственномъ вексельномъ банкѣ, учрежденномъ еще въ 1668 году. Онъ учрежденъ какъ вексельнымъ, такъ и ссуднымъ банкомъ. По всѣмъ векселямъ свыше 100 рейхсталеровъ должно было платить посредствомъ банка: что и понынѣ еще осталось. Какъ ссудный банкъ, онъ раздавалъ деньги въ заемъ за 6 процентовъ въ годъ, подъ закладъ движимаго и недвижимаго имѣнія; но самъ платилъ со вносимыхъ въ него капиталовъ только по 4 процента. Кромѣ обязательствъ своихъ, банкъ вскорѣ началъ выдавать еще билеты, которыхъ цѣна означаема была мѣдною монетою, и которые сперва принимаемы были наравнѣ съ наличными деньгами. Но неустройство, происшедшее въ Шведской монетѣ, вскорѣ произвело вредное дѣйствіе и въ разсужденіи цѣны банковыхъ билетовъ. Цѣна выпечатанной монеты и клейменой мѣди отъ времени до времени возвышалась. Въ первыя пятьнатцать лѣтъ

нынѣшняго столѣтія война лишила Швецію серебряныхъ денегъ, которыя всѣ вывезены были изъ государства; а отъ убыточнаго для нея перевѣса въ торговлѣ лишилась она также и мѣдной монеты. Тщетно запрещенъ былъ въ 1745 году вывозъ клейменой мѣди. Между тѣмъ банку дано было право отдавать деньги въ заемъ подъ всякіе надежные заклады. Онъ раздавалъ великое множество оныхъ, но только банковыми билетами, за которые наконецъ былъ не въ состояніи платить золотомъ и серебромъ. Происшедшее отъ того неустройство заставляло предпринимать разные способы къ отвращенію онаго; но какъ всѣ сіи способы вскорѣ оказались недостаточны, то въ 1776 году сдѣлано было совсѣмъ новое учрежденіе банка. Всѣ находившіеся прежде въ обращеніи банковые билеты должны были возвращены быть въ банкъ, и вымѣняны на иные билеты, которыхъ цѣна означена рейхсталерами; цѣна рейхсталера опредѣлена въ шесть талеровъ серебряной монеты, или въ осьмнатцать талеровъ мѣдной монеты; и банкъ обязанъ платить по требованію наличными рейхсталерами за всѣ вносимые билеты. Король занялъ для сего денегъ въ Голландіи, и приказалъ передѣлать оныя въ Шведскіе рейхсталеры. Но при всѣхъ сихъ установленіяхъ знающіе люди думаютъ, и кажется основательно, что сей банкъ, а съ нимъ и публичный кредитъ, не оправятся совершенно, пока Швеція не получитъ такого перевѣса въ торговлѣ, чтобъ она могла прибыткомъ отъ оной, или чрезъ иные способы отъ иностранцевъ пріобрѣтаемыми суммами, платить за всѣ получаемые иностранные товары, проценты съ занятыхъ въ Голландіи капиталовъ, и вообще всѣ расходы въ другихъ земляхъ.

Въ новѣйшія времена прилагаемо было стараніе къ установленію выгоднѣйшаго равновѣсія въ торговлѣ. Швеція хотя по пространству своему населена недостаточно (ибо имѣетъ только 2,570,000 жителей), однако претерпѣваетъ недостатокъ въ хлѣбѣ, и должна ежегодно получать около 400,000 бочекъ онаго изъ другихъ земель. Нынѣшній Король въ 1772 году старался уменьшить сей убыточный привозъ иностраннаго хлѣба двумя

мя учрежденіями. А именно: онъ отчасти совсѣмъ отмѣнилъ, отчастижъ переложилъ на воскресные дни 22 праздника въ году, чтобъ земледѣльцы могли употреблять сіи дни для работы, и совсѣмъ запретилъ гнать хлѣбную водку. Слѣдствіе сего было то, что въ 1773 и 1774 годахъ привозимо было въ Швецію хлѣба 159 тысячами бочекъ менѣе, нежели въ предыдущихъ пяти годахъ; и хотя по причинѣ запрещенія хлѣбной водки привозимо было ежегодно большее количество Французской, но все оное стоило не болѣе 43,508 бочекъ хлѣба. Нѣкоторыя обстоятельства вскорѣ заставили отмѣнить помянутое запрещеніе; и какъ общество, предпринимавшее въ 1775 году взять на откупъ поставку хлѣбной водки, разрушилось: то продажа оной предоставлена была Коронѣ. Въ самомъ дѣлѣ недостатокъ хлѣба въ Швеціи происходитъ не столько отъ качества тамошней земли, какъ отъ нераченія жителей о земледѣліи; ибо нѣкоторыя провинціи сего государства столь способны къ произведенію хлѣба, что могли бы доставлять онаго довольно и для большаго числа народа.

Въ Швеціи разводятъ также пеньку, ленъ и табакъ, но не въ такомъ еще количествѣ, какое для жителей потребно. Лѣсъ, которымъ сія земля весьма изобильна, хотя прежде употребляемъ былъ небережливо, и хотя много онаго потребно для собственныхъ горныхъ заводовъ; однако и понынѣ еще вывозятъ оттуда множество досокъ, бревенъ, смолы, дегтю и поташу. Въ 1770 году вывезено было 77460 бочекъ дегтю, 13924 бочки смолы, 136872 дюжины досокъ, 26481 бревенъ и брусьевъ, и пр. Напротивъ того скотоводство не столь еще велико, чтобъ можно было обойтись безъ привоза ветчины, солонины, сала, коровья масла и сыру изъ другихъ земель. Равнымъ образомъ нуженъ еще привозъ иностранной шерсти, хотя овчарные заводы приведены въ лучшее состояніе и умножены привозомъ Англійскихъ, Испанскихъ, и иныхъ овецъ. Разведеніе шелку только начато. Въ рыбной ловлѣ Шведы имѣли хорошій успѣхъ, особливожъ въ ловлѣ сельдей, которая съ нѣкоторыми условіями позволена всякому Шведскому

 под-

подданному. Въ 1774 году сія ловля была толь удачна, что кромѣ достаточнаго количества сельдей для всея Швеціи, отправлено еще 151483 бочки оныхъ въ другія земли.

Главное натуральное богатство Швеціи состоитъ въ минералахъ, которыхъ изобиліе и доброта, при благоустроенномъ употребленіи, могли бы удобно доставлять сему государству и другія потребныя вещи, которыми оно не столь изобильно. Золотые и серебряные рудники не весьма важны; но мѣдью и желѣзомъ сія земля весьма богата. При городѣ Фалунѣ находится самый большой рудокопный заводъ, доставляющій ежегодно около пяти тысячь корабельныхъ фунтовъ мѣди. (Корабельный фунтъ содержитъ въ себѣ 400 фунтовъ того вѣсу, по какому продаются съѣстные припасы.) Въ 1769 и 1770 годахъ привезено 10648 корабельныхъ фунтовъ необработанной мѣди въ Афвештадтъ, гдѣ ее чистятъ. Изъ сего количества 600 корабельныхъ фунтовъ передѣлано въ монету, 2221 въ котлы, сковороды, и пр.; а остальное переплавлено въ другой разъ, и около 2000 корабельныхъ фунтовъ сея переплавленной мѣди вывезено. Остающаяся за вывозомъ мѣдь передѣлывается въ зеленую мѣдь, или расходится на иное употребленіе въ самой Швеціи. Въ 1774 году вывезено оттуда 3394 кораб. фунт. зеленой мѣди.

Но еще богатѣе Швеція хорошимъ желѣзомъ, Тамошніе заводы доставляютъ ежегодно около 400,000 корабельныхъ фунтовъ желѣза; и всякой годъ вывозится оттуда около 300,000 кораб. фунтовъ литаго, кованнаго, также въ сталь и жесть передѣланнаго желѣза. Въ новѣйшія времена Россійской торгъ желѣзомъ причинилъ Шведамъ немалый убытокъ; ибо они должны были продавать свое желѣзо гораздо дешевлѣ. Но великіе займы изъ банка подъ закладъ желѣза, начавшіеся въ 1734 году, и которыхъ сумма въ 1762 и 1765 годахъ превосходила 22 миліона талеровъ серебряной монеты, также причинили Шведскому торгу симъ товаромъ много вреда и разстройку; и употребленными въ новѣйшія времена способами къ поправленію онаго не произведено еще все-

всего того, чего отъ нихъ надѣялись. Впрочемъ вывозятъ еще изъ Швецiи купоросъ и квасцы, также нѣсколько камня, козлиной кожи, извести, мыла, и пр. Ост-Индiйскихъ и Китайскихъ товаровъ вывезено оттуда въ 1774 году цѣною на 3 милiона 587,237 талеровъ серебряной монеты.

Напротивъ того въ Швецiю въ томъ же году привезено было 165 корабельныхъ фунтовъ олова, 902 корабельные фунта свинцу, на 14874 рейхсталера галмею, 29,830 бочекъ каменнаго уголья, 90,000 фунтовъ воску, девять тысячь и нѣсколько сотъ бочекъ Французскаго, Рейнскаго и Португальскаго вина, отъ 160 до 70,000 цитроновъ и померанцевъ, 366 бочекъ льнянаго сѣмени, также конопляннаго сѣмени и другихъ сѣменъ, около 5000 корабельныхъ фунтовъ соленой, сушеной и копченой рыбы, 78,891 фунтъ бѣлилъ, 85,437 фунтовъ Бразильскаго дерева, также много индиго, кошенили, и пр., около 120,000 фунт. хлопчатой бумаги и бумажной пряжи, 9499 корабельныхъ фунтовъ льну, множество шерсти, кожи, разныхъ сортовъ деревяннаго масла, 205,104 бочки соли изъ Калiари, и кромѣ того еще много Испанской, Португальской и Французской соли, 1,730,132 фунта листоваго табаку, полвтора милiона фунтовъ сыраго сахару, милiонъ фунтовъ готоваго сахару, 752,422 фунт. кофе, нѣкоторое количество смоквъ и другихъ плодовъ, 134,000 фунт. сарацинскаго пшена, 46,000 фунт. Венецiанскаго мыла, нѣсколько пряныхъ зелiй, болѣе 200,000 бочекъ разнаго хлѣба и множество пшеничной муки.

Хотя Шведы посѣщаютъ всѣ Европейскiе морскiе берега; однако по большей части торгуютъ съ Англичанами и съ южными землями. Англичанамъ продаютъ они много желѣза, дегтю и лѣсу; а отъ нихъ получаютъ за то свинецъ, олово, нѣкоторые иные товары, также и много денегъ. Но Англичане сами какъ привозятъ свои товары въ Швецiю, такъ и оттуда вывозятъ потребныя имъ вещи. Напротивъ того въ Португаллiю, Испанiю и на Средиземное море Шведы отвозятъ сами лѣсъ, желѣзо и доски, и берутъ за то плоды и иные товары, а особливо много соли. Также Шведскiе корабли

перевозятъ въ Италіи много товаровъ изъ одной гавани въ другую, и нанимаются перевозить Италіанскіе товары въ Левантъ. Менѣе всѣхъ Шведы имѣютъ торговыхъ дѣлъ съ Россіянами; ибо товары ихъ по большей части одинаковы. Они покупаютъ только хлѣбъ и льняное сѣмя въ Лифляндіи, по договорамъ заключеннымъ между Швеціею и Россіею; а въ Россію не отвозятъ почти ничего кромѣ сельдей.

Шведская торговля съ Левантомъ выгодна болѣе для Шведскихъ корабельщиковъ, нежели для купцовъ. Ибо Шведы не имѣютъ тѣхъ товаровъ, которые по большей части расходятся въ Турціи, и изъ которыхъ главный составляетъ тонкое сукно. Но корабельщики ихъ пріобрѣтаютъ въ Италіи и въ Левантѣ много денегъ. Однако въ Швеціи давно уже учреждено было Левантское общество; а по уничтоженіи онаго основано въ 1771 году новое. Хотя сіе общество не имѣетъ исключительнаго права на сію торговлю; но въ продолженіе 20 лѣтъ, на которые оно установлено, прочіе купцы не могутъ составлять между собою подобныхъ оному обществъ, и ему позволено ежегодно вывозить изъ Швеціи безпошлинно двѣ тысячи корабельныхъ фунтовъ желѣза, также безпошлинно привозить туда 80,000 фунтовъ плодовъ изъ Леванта.

Ост-Индійское общество въ Швеціи, основанное въ 1731 году, имѣло исключительную привилегію на пятьнатцать лѣтъ торговать по ту сторону мыса Доброй Надежды. Оно пріобрѣтало знатный прибытокъ; и по тому возобновляемо было два раза съ выгоднѣйшими для государства обязательствами. Въ послѣдній разъ возобновлено оно въ 1766 году. Кромѣ податей платимыхъ имъ, оно должно было въ помянутомъ году обѣщать дать правительству въ заемъ три миліона талеровъ, и въ числѣ оныхъ одинъ миліонъ безъ процентовъ. Сіе общество весьма выгодно для государства; ибо оно отправляетъ по крайней мѣрѣ 11 двѣнатцатыхъ частей, получаемыхъ изъ Китая товаровъ въ другія земли, а за остающуюся въ Швеціи двѣнатцатую часть платитъ собственными Шведскими произведеніями;

ми; не упоминая еще объ иныхъ выгодахъ. Однако надлежитъ еще присовокупить къ сему то важное обстоятельство, что Шведскіе урожденцы имѣютъ можетъ быть менѣе участія въ капиталѣ сего общества, нежели иностранцы. Въ 1776 году цѣна привезенныхъ въ Швецію Китайскихъ товаровъ простиралась до 5 миліоновъ 115,173 талеровъ серебряной монеты. Мѣсто пребыванія Остъ-Индійскаго общества есть Готенбургъ, откуда отправляемы бываютъ всѣ корабли въ Китай; также и всѣ привозимые изъ Китая товары бываютъ тамъ выгружаемы и продаются съ аукціона. Сверьхъ того коммиссіи отъ иностранцевъ въ покупкѣ и пересылкѣ Остъ-Индійскихъ товаровъ доставляютъ сему городу немало прибытка.

Въ новѣйшія времена кораблеплаваніе и торговля Шведовъ примѣтно увеличились. Сіе надлежитъ приписать отчасти новымъ полезнымъ учрежденіямъ и щастливымъ предпріятіямъ, а отчасти выгодамъ, полученнымъ торгующими по морю народами вообще отъ нейтралитета при послѣдней войнѣ между Англичанами, Французами, и пр. Въ 1781 году прошло чрезъ Зундъ Шведскихъ кораблей 2223, и слѣдовательно 345 судами болѣе, нежели въ 1780 году. Сіе число Шведскихъ кораблей составляло почти четвертую часть всѣхъ кораблей проходившихъ чрезъ Зундъ. Изъ Стокгольма отправлено въ 1781 году во всѣ Европейскія страны около 750 кораблей, на которыхъ находилось грузу слишкомъ тритцать тысячь ластовъ. Изъ Готенбурга въ томъ же году отправлено 699 кораблей въ иностранныя и 838 въ Шведскія гавани. Сей городъ имѣетъ нынѣ собственныхъ судовъ большихъ и малыхъ 153, которыя вообще поднимаютъ грузу 8934 ласта. Въ помянутомъ году число сихъ судовъ умножилось 45ю. Въ Гамбургъ и Грейфсвалдъ отправлено изъ сея гавани Остъ Индійскихъ товаровъ почти на 200,000 талеровъ, для дальнѣйшей пересылки внутрь Германіи. Въ Остенду и вообще чрезъ сей городъ въ Австрійскія Нидерланды переслано Остъ-Индійскихъ товаровъ цѣною почти на 400 тысячь тале-

леровъ; и сія вѣтвь торговли въ сихъ странахъ можетъ названа быть почти совсѣмъ новою.

Изъ Шведской Помераніи и съ принадлежащаго къ ней острова Рюгена вывозится особенно много хлѣба. Штральзундъ есть главный тамошній торговый городъ. Купцы онаго имѣютъ отъ 60 до 70 кораблей, изъ которыхъ на каждый грузится отъ 100 до 130 ластовъ хлѣба, и которые отправляемы бываютъ по всѣмъ морямъ, и даже въ Левантъ. Особливо дѣлаютъ въ сей землѣ много солоду. Недавно позволено вывозить оттуда ячмень; однако жители еще мало пользовались симъ позволеніемъ. Въ 1780 году вывезено изъ Штральзунда 4905 ластовъ солоду, 491 ластъ пшеницы, 727 ластовъ ржи, 90 ластовъ ячменю, и пр.; изъ Грейфсвальда 385 ластовъ солоду, 489 ластовъ ячменю, 326 ластовъ пшеницы, и пр.; изъ Волгаста 322 ласта солоду, 625 ржи, и пр. Большіе овчарные заводы въ сей землѣ доставляютъ также много шерсти, которая отчасти необработанная отправляема бываетъ въ Голландію, Данію и Швецію, отчасти посылаема въ Данію и Швецію пряденая, а отчасти употребляется на фабрикахъ. Однако фабрикъ тамъ вообще не много. Тамошніе копченые окороки и гусиные полотки, также гусиныя перья, отправляемы бываютъ и въ другія земли. Изъ Швеціи привозятъ туда желѣзо, смолу, деготь, квасцы, купоросъ, киноварь, разное каменье, сельдей, и Китайскіе товары. Прочія потребныя вещи доставляемы туда бываютъ изъ разныхъ земель и нѣкоторыхъ ближнихъ Германскихъ городовъ.

Россійская торговля имѣетъ нѣчто общее со Шведскою, но также много особеннаго и заслуживающаго примѣчаніе. Изъ Европейскихъ народовъ Россіяне послѣ всѣхъ начали стараться о распространеніи своихъ промысловъ; однако имѣли въ семъ толикой успѣхъ, что въ восемьдесятъ лѣтъ торговля ихъ содѣлалась весьма важною. По пространству земель и удобному положенію оныхъ, по многоразличности натуральныхъ произведеній и трудолюбію жителей, Россія давно уже имѣла всѣ поводы и ободреніе къ тому. Она смежна со многими

тими Европейскими и Азіатскими землями, и простирается отъ Балтійскаго моря до самаго восточнаго конца Азіи, вмѣщая въ себѣ величайшее многоразличіе климата, земли, плодородія, натуральныхъ и искусственныхъ произведеній, народовъ и обычаевъ. Однако въ древнѣйшія времена Россіяне не имѣли собственной торговли. Ганзеатцы вели Россійской торгъ чрезъ Нарву и Ревель. Но какъ въ 1553 году Англичане нашли путь въ Архангельскъ, и купно съ другими народами получили тамъ знатныя торговыя выгоды: то Россійская торговля обратилась туда. Однако дѣятельность народа не была тѣмъ возбуждена даже до времянъ Петра Великаго. Сей Монархъ около начала нынѣшняго столѣтія ободрялъ подданныхъ своихъ къ большей дѣятельности съ великимъ раченіемъ. Осмотрѣвъ самъ въ своихъ путешествіяхъ состояніе иностранной торговли, вызвалъ онъ въ свое государство многихъ иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ, приказалъ заводить фабрики и мануфактуры, старался о строеніи кораблей, завелъ гавани, и сдѣлалъ многія иныя полезныя учрежденія. Въ 1721 году перенесъ онъ главное мѣсто торговли въ построенный имъ городъ Санктпетербургъ, для того, чтобъ Россіяне могли имѣть болѣе участія въ торгѣ по Балтійскому морю; а напротивъ того ограничивалъ разными способами торгъ веденный прежде въ Архангельскѣ, отъ чего оный уменьшился. Наслѣдницы Петра Великаго старались о торговлѣ государства своего со всякимъ раченіемъ. Особливожъ отъ правительствующей нынѣ Императрицы вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, въ 1762 году, Архангельская гавань получила тѣ же права, какія имѣетъ Санктпетербургская гавань, и всѣмъ Россійскимъ подданнымъ позволены многія вѣтви торговли какъ внутри отечества, такъ и съ иностранцами; однако нѣкоторыя части оной были исключительно предоставлены Коронѣ.

Россія имѣетъ множество натуральныхъ товаровъ, также и искусственныхъ произведеній, которыя продаетъ иностранцамъ съ великою выгодою. Хотя въ самыхъ сѣверныхъ земляхъ ея хлѣбъ не родится; но Лиф-

ляндія, Ингерманландія, Московская Губернія, Украйна, и другія южныя провинціи, столь изобильны онымъ, что великое множество хлѣба можетъ быть вывозимо. Въ 1762 году позволено вывозить хлѣбъ изъ всѣхъ Россійскихъ гаваней, кромѣ Сибири, при опредѣленной цѣнѣ онаго въ самомъ государствѣ.

Ленъ и пенька, которыхъ въ Россіи ростетъ весьма много, составляютъ весьма знатный предметъ торгу съ иностранцами, и вывозимы бываютъ по большей части необработанныя. Въ 1760 году вывезено изъ Петербурга около 1,200,000 пудъ пеньки, 140,000 пудъ льну, и 160,000 пудъ конопляннаго и льнянаго сѣмени; изъ Архангельска въ 1760 и 1761 годахъ около 73,000 пудъ льну, пеньки и льнянаго масла, также множество конопляннаго и льнянаго сѣмени; изъ Риги въ 1761 году пеньки, льну и льнянаго сѣмени цѣною на 1,603,372 рубли.

Въ новѣйшія времена начали въ Украйнѣ разводить много табаку, и въ 1763 году опредѣлены за то награжденія. Тамошній табакъ добротою подходитъ близко къ Виргинскому, котораго расходу Сѣверо-Американская война причиняла препятствіе: что также способствовало увеличенію Россійскаго торгу. Для споспѣшествованія сему промыслу, два года сряду раздаваны были безденежно Американскія табачныя сѣмена съ наставленіемъ, какъ разводить табакъ.

Превеликіе лѣса въ Россіи, въ которыхъ ростутъ почти всѣ въ иныхъ земляхъ извѣстныя дерева, отчастижъ нѣкоторыя сей только землѣ свойственныя, доставляютъ весьма много мачтъ, строеваго лѣсу, досокъ, бочечнаго дерева и дровъ, также великое множество смолы, дегтю и поташу, для вывоза къ иностранцамъ. Лѣсъ вывозится особенно изъ трехъ помянутыхъ гаваней, и кромѣ того изъ Нарвы. Цѣна лѣсу, вывезеннаго въ 1761 году только изъ Риги, простиралась до 500,000 рублей. Англичане всякой годъ покупаютъ въ Россіи болѣе нежели на миліонъ рублей поташу.

Животныя, доставляющія предметы Россійской торговлѣ, суть лошади, которыхъ продается весьма много, осо-

особливо изъ Украйны въ Германію; рогатый скотъ, доставляющій для продажи солонину, кожи и сало; также свиньи, которыхъ щетина, и гуси, которыхъ перья продаются; а еще болѣе тѣ животныя, которыхъ кожи, шерсть и мѣхи употребительны. Сими послѣдними Россія, а особливо Сибирь, отмѣнно изобильна. Къ онымъ принадлежатъ бобры, которыхъ шкурами ведется большой торгъ даже изъ Камчатки въ Китай; Сибирскія бѣлки; лисицы, изъ которыхъ особенно черныя стоятъ весьма дорого, такъ что Турки платятъ за хорошую черную лисью шкуру по 400 рублей и болѣе; горностаи, Сибирскіе соболи, куницы, и многіе иные звѣри.

Рыба разныхъ родовъ, отчасти свойственныхъ одной только Россіи, доставляетъ Россіянамъ особенную выгоду. Всякой годъ вывозится оттуда около 15000 пудъ, бѣлужьей и осетровой икры. Также сіи двѣ рыбы доставляютъ рыбій клей, котораго весьма много продается иностранцамъ. Сверьхъ того вывозится много рыбьяго жиру, моржовыхъ зубовъ, которые бываютъ иногда вѣсомъ въ 4 фунта и служатъ вмѣсто слоновой кости, и множество тюленьихъ кожъ.

Наконецъ минералы также составляютъ важный предметъ для торговли Россійскаго государства. Кромѣ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, доставляющихъ отъ времени до времени болѣе сихъ дорогихъ металловъ, весьма много мѣдныхъ рудниковъ въ Сибири, а особливо большая полоса земли между рѣками Обью и Иртышемъ, наполнена оными. Въ сей же части Россіи, и въ Европейской, находится весьма много желѣза, хотя оно не вездѣ одинакой доброты. Всякой годъ вывозится изъ Россіи около полувтора миліона пудъ желѣза, и въ 1764 году вывезено онаго только изъ Петербурга болѣе миліона трехъ сотъ тысячь пудъ. Также вывозится всякой годъ болѣе дватцати тысячь пудъ селитры. Солью сіе государство хотя изобильно, а особливо весьма чистою и бѣлою каменною солью; однако въ другія земли она не вывозится. Въ самой Россіи продажа оной предоставлена исключительно Коронѣ. Лифляндцы получаютъ

еще

еще всякой годъ много иностранной соли, которою ведутъ посреднической торгъ съ Польшею.

Фабрики и мануфактуры заведены въ Россіи уже около начала нынѣшняго столѣтія; и по тому не многія изъ нихъ достигли такого совершенства, какъ въ иныхъ земляхъ; однако находятся по большей части въ цвѣтущемъ состояніи. Самое старинное искусство Россіянъ состояло въ пріуготовленіи юфтей, которыхъ и понынѣ еще не дѣлаютъ нигдѣ лучше цвѣтомъ, запахомъ и мяхкостію, какъ въ Россіи. Иностранцы покупаютъ болѣе красныхъ юфтей. Изъ Санктпетербурга ежегодно вывозится оныхъ великое множество.

На шелковыхъ мануфактурахъ дѣлаются разныя и весьма изрядныя матеріи изъ шелку привозимаго изъ Китая, Персіи и Италіи. Санктпетербургская обойная фабрика, принадлежащая Коронѣ, доставляетъ преизрядные товары. Изъ Турецкой, Украинской и Руской шерсти дѣлается много суконъ, но по большей части только толстыхъ для солдатъ и простаго народа; а тонкія сукна получаемы бываютъ отъ иностранцевъ. Полотняныя мануфактуры понынѣ суть самыя важнѣйшія въ Россіи. Онѣ доставляютъ столь много полотна, парусины, и разныхъ льняныхъ тканей, что множество сихъ товаровъ вывозимо бываетъ въ другія земли; но тонкаго полотна ткутъ мало. О многихъ иныхъ мануфактурахъ, которыя не имѣютъ большаго вліянія въ торговлю упоминать здѣсь не нужно.

Внутренній торгъ въ Россійскомъ государствѣ всѣми собственными и иностранными товарами ведутъ Россіяне сами, не допуская иностранцевъ участвовать въ сномъ. Иностранные купцы не могутъ продавать товаровъ своихъ порознь; и даже не позволено никакому иностранцу, не принятому въ Россійское подданство, вести въ Россіи какой либо торгъ съ другимъ иностранцемъ.

Иностранная торговля Россіянъ раздѣляется на сухопутную и морскую. Морская торговля, ведомая изъ Петербурга, Архангельска и Лифляндскихъ гаваней съ большею частію Европейскихъ народовъ, мало занимаетъ

дѣ-

дѣятельность Россіянъ. Хотя строеніе кораблей находится у нихъ въ хорошемъ состояніи; однако они мало строятъ купеческихъ кораблей; и товары ихъ вывозимы, также и иностранные къ нимъ привозимы бываютъ, по большей части на чужихъ корабляхъ. Но изъ Камчатки ведутъ они по морю торгъ съ Японцами, и сдѣлали нѣкоторыя открытія на лежащемъ противъ сея земли берегѣ Сѣверной Америки. Кромѣ того, въ новѣйшія времена они начали торговать по Черному морю. Изъ иностранцевъ, торгующихъ съ Россіею, перьвые суть Англичане, по тому, что имъ потребно для кораблеплаванія великое множество Рускихъ товаровъ, а Россіянамъ нужны многіе ихъ товары, также по тому, что они имѣютъ много денегъ, и знатные ихъ купеческіе домы поселились въ Петербургѣ. Германцы изъ Гамбурга, Любека, Ростока и Штеттина имѣютъ въ Россіи также большія торговыя дѣла. За сими слѣдуютъ Голландцы, которые прежде почти одни только торговали съ Россіянами; а по томъ Шведы, Датчане и Пруссы. Южные народы рѣдко посылаютъ корабли свои въ Россію; они получаютъ товары сего государства уже изъ вторыхъ или изъ третьихъ рукъ.

Кромѣ помянутыхъ уже товаровъ, какъ то желѣза, мѣди, разныхъ мѣховъ, полотна, пеньки, льну, льнянаго масла, кожи, табаку, икры, и пр., вывозятъ еще изъ Петербурга много воску, канатовъ, мыла, сала, Китайскаго чаю, и пр. Сей вывозъ такъ увеличился, что въ 1749 году цѣна отправленныхъ изъ Петербурга товаровъ простиралась до трехъ миліоновъ и около двухъ сотъ тысячь рублей, но въ 1764 году вывезено оныхъ уже на пять миліоновъ и почти на девятьсотъ тысячь рублей, и изъ того числа на счетъ Англичанъ на три миліона и слишкомъ на 700 тысячь рублей, также болѣе на 700,000 рублей на счетъ Германскихъ купцовъ. Но въ новѣйшія времена вывозимо было еще несравненно болѣе. Товары, привозимые въ Петербургъ, суть по большей части шелкъ, шелковыя матеріи, тонкія сукна, бумажныя ткани и ситцы, кружева, мѣлочные и галантерейные товары, олово, свинецъ, фарфоръ, каменная

посуда, вина, водка, пряныя зелія, иглы, медицинскіе и математическіе инструменты, сталь, сыръ, курительный и нюхательный табакъ, цитроны и другіе плоды, Англійская кожа и Англійское пиво, стекла, и пр. Цѣна ихъ вообще бываетъ всегда менѣе цѣны вывозимыхъ товаровъ.

Въ городѣ Архангельскомъ ведется торгъ почти такимижъ товарами; а особливо вывозятъ оттуда деготь, рыбій жиръ, льняное сѣмя, лѣсъ, Сибирскіе и привозимые чрезъ Сибирь изъ Китая товары. При происшедшемъ въ 1772 году недостаткѣ хлѣба въ Германіи, Голландцы, Гамбургцы, Датчане и другіе народы, покупали много хлѣба въ Архангельскѣ. Корабли могутъ приходить въ тамошнюю гавань только лѣтомъ. Болѣе всѣхъ торгуютъ тамъ Англичане, а по томъ Голландцы, Датчане, и пр.

Лифляндія имѣетъ много собственныхъ произведеній, состоящихъ въ хлѣбѣ, льняномъ и конопляномъ сѣмени, льнѣ и пенькѣ, лѣсѣ, поташѣ, скотѣ, и пр.; также получаетъ много товаровъ изъ Россіи и Польши; и по тому ведетъ весьма знатный торгъ. Рига есть главный приморской городъ сея земли. Ревель и другіе торговые города также знатны. Многіе Лифляндскіе купцы ведутъ непосредственный торгъ съ Франціею и другими южными землями, и выписываютъ товары изъ многихъ земель. Приходящіе въ Лифляндію иностранные корабли не имѣютъ позволенія складывать товары свои въ магазины, но должны немедленно продавать оные. Англичане, торгующіе и тамъ болѣе всѣхъ иныхъ народовъ, привозятъ свинецъ, олово, каменное уголье, сыръ, пиво и разные рукодѣльные товары. Голландцы доставляютъ туда сельдей, сыръ, табакъ, вина, соль, пряныя зелія, бумагу, и пр.; а Германскіе купцы изъ Гамбурга, Любека и иныхъ приморскихъ городовъ пиво, стекло, древесные плоды, Италіанскіе товары, Французскую, Испанскую и Люнебургскую соль, толстыя сукна, вино, и пр. Изъ Лифляндіи вывозится воперьвыхъ весьма много хлѣба, иногда въ годъ болѣе 10000 ластовъ; но въ томъ числѣ бываетъ немало Рускаго и Польскаго хлѣба. Иностранцы

цы охотно покупаютъ Лифляндской хлѣбъ, для того, что онъ бываетъ сушеной, и долѣе и удобнѣе держится въ магазинахъ. Конопляннаго и льнянаго сѣмени вывозится ежегодно болѣе 200,000 бочекъ. Кромѣ того, вывозятъ еще оттуда много льну, пеньки, канатовъ, великое множество дровъ, строеваго и корабельнаго лѣсу, бочечнаго дерева и мачтъ, также поташъ и нѣкоторые Рускіе товары, какъ то сало, мыло, медъ, воскъ, мѣхи, и пр. Лифляндія, а особливо Рига, получаетъ отъ сего торгу всякой годъ великія суммы.

На полуостровѣ Камчаткѣ находится много лѣсу, бобровъ, лисицъ и соболей. Туда ежегодно отправляется изъ Охотска корабль съ съѣстными припасами и другими товарами, который перезимовавъ тамъ, на другой годъ возвращается оттуда съ мѣхами, принадлежащими отчасти Коронѣ, а отчасти купцамъ. Также Россіяне ведутъ изъ сея земли торгъ съ Сѣверною Америкою, откуда привозятъ бобровые и иные мѣхи. При заключеніи послѣдняго мира съ Турками они получили право торговать по Черному морю, а чрезъ оное и по Средиземному, и начали уже вести сію торговлю, въ которой современемъ надлежитъ ожидать еще большаго успѣха.

Еще остается упомянуть о сухопутной торговлѣ Россіянъ. Съ 1693 года ведутъ они порядочный торгъ съ Китаемъ. Прежде чрезъ каждые три года отправлялось изъ Москвы въ Китай множество купцовъ съ товарами. Они получали въ Пекинѣ три мѣсяца содержаніе безъ всякой платы, и должны были въ продолженіе сего времени какъ продавать свои товары, состоящіе въ мѣхахъ, полотнѣ, сукнахъ, и пр., такъ и закупать Китайскіе, а именно шелковыя и бумажныя матеріи, чай, фарфоръ, и пр.; но въ послѣдствіи произошли въ семъ весьма выгодномъ торгѣ великія перемѣны. Въ 1762 году позволенъ оный всѣмъ Россійскимъ купцамъ. Къ упомянутымъ Китайскимъ товарамъ надлежитъ еще присовокупить ревень.

У Калмыковъ Россіяне вымѣниваютъ на свои товары нѣсколько скота. Напротивъ того изъ Бухаріи по-

лучаютъ они хлопчатую бумагу, шелкъ, разныя бумажныя и шелковыя матеріи, и ревень; а туда доставляютъ по большей части кожу и мѣхи. — Россійской торговлѣ съ Персіею начало положено еще въ шестомънадесять столѣтіи; но утвердилась она уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, послѣ того, какъ Англичанамъ на короткое время позволено было вести непосредственный торгъ съ Персіею чрезъ Россію. Нынѣ Россіяне раздѣляютъ ее съ Армянами, поселившимися при Каспійскомъ морѣ. Въ Персію отвозимы бываютъ кожа, мѣхи, и другіе Рускіе или Европейскіе товары; а оттуда вывозятся шелкъ, сафьянъ, Персидскіе бархаты, камки и штофы, Индійскіе бумажные товары, ковры, обои, и разные красильные и аптекарскіе товары. — Изъ Турціи Россіяне получаютъ лошадей, драгоцѣнные камни, обои, сафьянъ, шерстяныя, бумажныя и велблюжьей шерсти матеріи, красильные и аптекарскіе товары; а туда отвозятъ особенно много мѣховъ. — Наконецъ изъ Смоленска и Россійской Украйны ведется немалый торгъ чрезъ Польшу съ Шлезіею лошадьми и быками. Также многіе Россійскіе и Лифляндскіе купцы привозятъ иностранные товары съ ярманокъ, бывающихъ въ Лейпцигѣ и во Франкфуртѣ при Одерѣ, или доставляютъ туда на продажу свои товары.

Россіяне имѣютъ столь многіе натуральные способы къ самой пространной и многоразличной торговлѣ, что не удивительно, естьли они превзойдутъ въ оной самые славнѣйшіе торгующіе народы, а особливо при толь мудромъ правленіи, каково нынѣшнее. Учрежденный Россійскою Императрицею вооруженный нейтралитетъ былъ весьма важное благодѣяніе вообще для кораблеплаванія и торговли всѣхъ нейтральныхъ Державъ. Сколько послѣдняя война между Англичанами, Французами, и пр. споспѣшествовала увеличенію Россійской морской торговли, сіе можно усмотрѣть изъ того, что въ 1781 году пришло въ Кронштатъ 783 корабля, а оттуда вышло 803. Въ числѣ пришедшихъ было 463 Англійскихъ кораблей; а въ числѣ вышедшихъ 467 отпра-

ла-

влено въ Великобританію и Ирландію. На нихъ вывезено одного желѣза 3,560,116 пудъ.

Напротивъ того Польская торговля вообще никогда не была въ цвѣтущемъ состояніи, а въ новѣйшія времена еще болѣе пришла въ упадокъ. Положеніе и натуральныя произведенія Польши могли бы доставлять торговлѣ сея земли великія выгоды; но внутреннее устроеніе ея, образъ мыслей начальствующаго класса народа, гражданскія безпокойства, и иныя обстоятельства всегда препятствовали тому. Хотя земля въ Польшѣ не вездѣ достаточна обработываема, однако тамъ родится такое изобиліе ржи, ячменю, овса, пшена и грѣчихи, что множество оныхъ можетъ быть вывозимо, и въ самомъ дѣлѣ вывозится по большей части чрезъ Данцигъ, Элбингъ, Кенигсбергъ, Мемель, Либау и Ригу, а иногда въ Шлезію и Маркграфство Бранденбургское. Также отправляется оттуда въ другія земли много манной крупы. Кромѣ того вывозится много дровъ, строеваго и корабельнаго лѣсу, бочечнаго дерева, дегтю, смолы и поташу. Пенька, ленъ и льняное сѣмя вывозятся также въ большомъ количествѣ. Большіе конскіе заводы и скотоводство доставляютъ для продажи множество лошадей, а особливо изъ Украйны, и славныхъ быковъ, которыхъ ежегодно около 100,000 гоняютъ въ Шлезію, Богемію, Саксонію и Бранденбургъ. Также отправляются въ Шлезію и Саксонію много барановъ и свиней, и великое множество шерсти. Въ Данцигѣ и Элбингѣ ведется большой торгъ гусинымъ пухомъ и перьями, получаемыми изъ Польши. Пчеловодство въ Польщѣ весьма велико; и по тому вывозится оттуда много воску, меду, пряниковъ и варенаго меду. Мѣхи и кожи разныхъ звѣрей, находящихся въ сей землѣ въ великомъ множествѣ, какъ то лисицъ, куницъ, бобровъ, медвѣдей, волковъ, и пр., составляютъ знатный товаръ. До 1772 года Польща имѣла немалое сокровище въ соляныхъ заводахъ при Величкѣ; но послѣ того, какъ они уступлены Римскому Императору, Поляки должны покупать соль въ земляхъ Императора, или Короля Прусскаго, либо получать оную издалека чрезъ Лифляндію и Кур-

ляндію. Къ изысканію минеральнаго богатства Польши понынѣ мало еще прилагаемо было старанія.

Прочія упомянутыя выше сего натуральныя произведенія также почти совсѣмъ не бываютъ обработываемы. При Шлезійскихъ границахъ находится нѣсколько суконщиковъ; однако не давно еще Польскіе суконщики должны были привозить сукна свои въ Шлезію для отдѣлки на тамошнихъ фабрикахъ, пока нѣкоторыя установленія въ Шлезіи не заставили ихъ завести собственныхъ своихъ сукноваленъ. Полотна въ Польшѣ ткутъ мало, и ленъ по большей части продается необработанный, либо въ пряжѣ. Въ кожевенныхъ фабрикахъ также недостатокъ; только въ Литвѣ выдѣлываютъ нѣсколько юфтей, а при Турецкихъ границахъ козлиныя кожи, которыя продаются подъ именемъ Турецкихъ. Торгъ выдѣланными и подкрашенными мѣхами доставляетъ Полякамъ нѣкоторый прибытокъ.

И такъ вообще Поляки не могли имѣть успѣха въ торговлѣ по тому, что уступали много выгодъ сосѣдамъ своимъ, продавая имъ большую часть произведеній своихъ необработанныхъ. Мѣщанство въ Польшѣ не было уважаемо. Земледѣльцы подвержены были величайшимъ притѣсненіямъ. Богатые дворяне почитали за непристойное состоянію своему заниматься торговлею; а бѣдные не могли употреблять нужнаго для оной иждивенія. И такъ, кромѣ небольшаго числа Польскихъ купцовъ, торговали по большей части Жиды. Ненависть жителей Римско-Католическаго исповѣданія къ Диссидентамъ также причиняла вредъ торговлѣ. Роскошь и пышность знатныхъ людей дѣлали многіе иностранные товары необходимо нужными, хотя Польша не имѣла достаточнаго количества собственныхъ товаровъ для промѣна на оные. Сверьхъ того въ 1772 году знатная часть сея земли досталась въ подданство Императорскому Россійскому, Императорскому Римскому и Королевскому Прусскому Дворамъ: отъ чего Польская торговля претерпѣла новое ограниченіе и лишилась многихъ источниковъ и вспоможенія.

То-

Товары, вывозимые изъ Польши, по большей части означены уже выше сего, по крайней мѣрѣ самые важнѣйшіе изъ оныхъ. Напротивъ того, туда привозимы бываютъ многія Венгерскія вина, нѣсколько Италіанскихъ и Французскихъ винъ, множество пряныхъ зелій, весьма много иностранныхъ суконъ и всякихъ матерій, золотыя и серебряныя вещи, дорогіе мѣхи, соленая и сушеная рыба, оливковое масло, рыбій жиръ, олово, сталь, зеленая и красная мѣдь, и разные товары, дѣлаемые изъ сихъ металловъ. Отъ сего большаго привоза Поляки весьма много теряютъ въ своей торговлѣ. Они получаютъ сіи товары, и свои отправляютъ отчасти чрезъ Данцигъ, отчастижъ чрезъ Бранденбургское Маркграфство, а особливо чрезъ Франкфуртъ при Одерѣ; также чрезъ Шлезію, Саксонію, а особливо чрезъ Лейпцигъ; но чрезъ другія сосѣдственныя земли менѣе. По причинѣ высокихъ пошлинъ, наложенныхъ на всѣ товары, привозимые чрезъ Прусскія области, Саксонцы часто доставляютъ другъ другу товары свои чрезъ Австрійскую Верхнюю Шлезію и Богемію.

Въ новѣйшія времена открылись нѣкоторые виды къ поправленію Польской торговли. Въ пользу оной заключены договоры съ важнѣйщими сосѣдами сея земли, и посредствомъ того пріобрѣтены нѣкоторыя выгоды. Въ самой Польшѣ начали стараться о приведеніи земледѣлія въ лучшее состояніе и объ увеличеніи народнаго прилѣжанія. Вмѣсто излишняго хлѣба разводятъ нынѣ по мѣстамъ ленъ, пеньку, и пр. Табакъ, воскъ, шерсть, кожи, и другія произведенія, которыя прежде вывозимы были необработанныя, нынѣ бываютъ уже обработываемы. Также начали лучше стараться о сысканіи и употребленіи минераловъ. Суконныя мануфактуры и обработываніе льняной пряжи умножаются. Введенная по большей части терпимость религіи споспѣшествуетъ полезнымъ промысламъ. Мѣщане и ремесленники пользуются лучшею управою; а состояніе земледѣльцевъ стало гораздо сноснѣе. Можетъ быть полезныя слѣдствія сего современемъ окажутся въ Польской торговлѣ; хотя нынѣ она не можетъ уже достичь такой степени

благосостоянія, до какой могла бы дойти прежде, когда Польша не пришла еще въ такое безсиліе.

До 1772 года вся Западная Пруссія принадлежала еще къ Польшѣ, и по приморскому положенію своему была весьма важна для торговли сея земли. Но съ помянутаго года остались въ оной подъ покровительствомъ Польши только два свободные города Торнъ и Данцигъ. Первой изъ сихъ городовъ почти не имѣетъ иныхъ коммерческихъ дѣлъ, кромѣ получаемыхъ отъ Данцигскихъ, Элбингскихъ и Кенигсбергскихъ купцовъ. Однако Торнскіе пряники и рѣца развозимы бываютъ въ дальныя мѣста. Напротивъ того Данцигъ есть несравненно важнѣйшій приморской и торговый городъ. Онъ находится при впаденіи рѣки Вислы. Прежде самая большая и важнѣйшая часть Польской торговли ведена была чрезъ него. Въ области сего города, которая отъ времени до времени была уменьшаема, скотоводство находится въ цвѣтущемъ состояніи; и дѣлаемый тамъ сыръ, не уступающій Голландскому, вывозится въ большомъ количествѣ. Также Данцигъ ведетъ большой торгъ янтаремъ, получаемымъ чрезъ Фрише-Нерунгъ (длинную и узкую полосу земли, находящуюся между Балтійскимъ моремъ и Фриш-Гафомъ); хотя въ Восточной Пруссіи достаютъ онаго болѣе. Англичане, Французы и Голландцы покупаютъ большую часть сего товара, и отвозятъ его необработанный въ Гвинею, а обработанный даже въ Ост-Индію. Въ Европѣ употребляютъ янтарь для куренія, либо дѣлаютъ изъ него кораллы, набалдащники, табакерки, и пр.

Многія и весьма изрядныя фабрики, процвѣтавшія въ Данцигѣ, еще болѣе оживляли торгъ сего города. Тамъ дѣлаютъ весьма хорошо всякія шерстяныя матеріи, золотые и серебряные галоны, кружева, и пр. Также славны тамошнія мыловарни, стальныя и табачныя фабрики, многія вещи, дѣлаемыя изъ кожи, Данцигской лакъ, тамошнія водки, подкращиваніе мѣховъ, полотно, шитье и иныя рукодѣлія.

Еще въ новѣйшія времена приходило ежегодно въ Данцигскую гавань отъ 900 до 1000 кораблей, и столько

ко же выходило оттуда съ Польскими товарами. Кромѣ того всякой годъ болѣе 1000 разныхъ судовъ отправляемо было изъ Польши съ товарами въ Данцигъ, и возвращалось оттуда въ Польшу съ иными товарами. И такъ Данцигскіе купцы скупаютъ у Поляковъ ихъ товары, а имъ доставляютъ за то иностранные. Они одни только имѣютъ право въ Данцигѣ вести торговыя дѣла между Поляками и другими народами. Но также имѣютъ они знатный морской торгъ съ Лифляндіею, Россіею, Пруссіею, и по всему Балтійскому морю. Корабли ихъ отправляются даже во Францію и на Средиземное море. Однако и въ Данцигъ приходитъ много Англійскихъ, Голландскихъ, Шведскихъ, Датскихъ, Гамбургскихъ и иныхъ кораблей. Товары, вывозимые изъ Польши и доставляемые туда иностранцами, уже означены: по чему можно знать, какіе товары вывозимы бываютъ изъ Данцига и туда привозимы; ибо Польская торговля по морю ведома по большей части посредствомъ сего города. Особливожъ вывозится оттуда ежегодно около 200,000 ластовъ хлѣба, и болѣе 40,000 корабельныхъ фунтовъ поташу. Въ 1771 году вывезено изъ Данцига всѣхъ товаровъ въ Англію, Францію, Голландію, Данію и Швецію, цѣною на 12,922,376 Данцигскихъ гулденовъ, которыхъ въ Голландскомъ червонцѣ считается около двѣнатцати. Цѣна привезенныхъ въ томъ же году въ Данцигъ товаровъ простиралась до 10,110,690 гулденовъ. Слѣдовательно Данцигъ получалъ отъ сего торгу прибытокъ, хотя Польша не участвовала въономъ.

Но въ 1772 году сей цвѣтущій торгъ претерпѣлъ жестокой ударъ. Король Прусской, овладѣвъ большею частію Западной Пруссіи, овладѣлъ и частію Данцигскихъ предмѣстій; увеличилъ въ Данцигской гавани пошлины съ кораблей, которыя прежде сей городъ собиралъ для себя и для Короля Польскаго; соединилъ каналомъ рѣки Вислу и Одеръ, чтобъ перевести часть Прусской торговли въ Штеттинъ; далъ одному торговому обществу исключительную привилегію продавать соль и заку-

пать воскъ по рѣкѣ Вислѣ, и сдѣлалъ иныя учрежденія, причиняющія Данцигской торговлѣ великой уронъ.

Еще надлежитъ упомянуть здѣсь о Герцогствѣ Курляндскомъ, зависящемъ нѣкоторымъ образомъ отъ Польши. Хлѣбъ, лѣсъ, ленъ, янтарь и скотъ составляютъ богатство сего Герцогства; и потому вывозятъ оттуда какъ сіи, такъ и другіе доставляемые оными товары, на пр. ежегодно около пяти тысячь бочекъ льнянаго сѣмени, соленая говядина, коровье масло, сало, кожи, деготь, смола, воскъ, и пр. Курляндія имѣетъ двѣ гавани на Балтійскомъ морѣ, Либау и Виндау; но Курляндскіе корабли не отправляются далѣе сего моря. Напротивъ того въ Курляндію приходятъ Французскіе корабли съ винами и солью, Голландскіе съ пряными зеліями, кофе, табакомъ, бумагою и Испанскою солью, Англійскіе со свинцомъ, оловомъ и шерстяными матеріями, Датскіе съ сельдями, трескою и Ост-Индійскими товарами; также Шведскіе, Прусскіе, Любекскіе и Гамбургскіе съ разными товарами.

Наконецъ надлежитъ намъ въ сей исторіи еще обратиться къ Италіи, чтобъ сравнить нынѣшнее состояніе торговли, ведомой тамошними народами, съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилась она въ концѣ пятагонадесять столѣтія. Въ Италіанской торговлѣ произошли великія перемѣны: чему доказательствомъ особенно служитъ Венеція. Венеціане, которые въ среднихъ вѣкахъ были одинъ изъ самыхъ знатнѣйшихъ и богатыхъ торгующихъ народовъ въ Европѣ, нынѣ ведутъ только посредственную торговлю въ сравненіи съ прежнею великостію оной и съ состояніемъ торговли нынѣшнихъ знатнѣйшихъ народовъ, хотя она сама по себѣ весьма еще заслуживаетъ уваженіе и прибыточна. Выше сего упоминаемо уже было, что Португальцы нанесли первой важный ударъ Венеціанской торговлѣ открытіемъ пути въ Ост-Индію около Африки. Съ того времени большая часть Европейцевъ не приставала уже съ Ост-Индійскими товарами въ Венеціи. Также и въ Левантской торговлѣ Французы, Голландцы и Англичане содѣлались соперниками Венеціанамъ, которые по большей ча-

части должны были имъ уступать. Кромѣ того въ шестомъ надесять столѣтіи лишились они немалыхъ областей въ Италіи, также острова Кипра, а въ седьмомъ надесять столѣтіи острова Кандіи, или Крита. Хотя пріобрѣли они вмѣсто того часть Далмаціи, и хотя владѣютъ еще нѣкоторыми мѣстами въ Албаніи, островомъ Корфу и другими островами, также и старая область ихъ въ Италіи близь главнаго ихъ города находится въ хорошемъ состояніи; однако сила ихъ въ послѣднихъ столѣтіяхъ отъ времени до времени болѣе приходила въ упадокъ.

Между тѣмъ Венеція и понынѣ еще имѣетъ первенство въ Италіи въ разсужденіи морской силы; а между торгующими тамошними народами только съ Генуезцами раздѣляетъ славу и выгоды пространной торговли. Венеціане торгуютъ произведеніями своихъ земель, а еще болѣе рукодѣльными товарами; также ведутъ немалый посреднической торгъ. Сукна ихъ столько нравились Туркамъ, что Англичане и Французы брали ихъ за образецъ для своихъ суконъ. Кромѣ того, они имѣютъ еще изрядныя шелковыя фабрики, на которыхъ ткутъ весьма хорошій бархатъ, разныя камки, отправляемыя по большей части въ Турцію, и пр. Въ Бергамѣ находятся хорошія фабрики, на которыхъ дѣлаютъ шерстяные, бумажные, шелковые и льняные товары. Извѣстныя Бергамскія обои отправляемы бываютъ къ иностранцамъ. Стеклянныя и зеркальныя Венеціанскія фабрики хотя не снабдѣваютъ уже нынѣ своими товарами толь многихъ Европейскихъ земель, какъ прежде; однако оные бываютъ еще отправляемы въ нѣкоторыя чужія земли, какъ то между прочими въ Испанію, Португаллію, Неаполь и Сицилію. Пріуготовляемая Венеціанами бура почитается самою лучшею въ Европѣ. Также славно ихъ мыло.

Съ Германіею, а особливо съ Австрійскими наслѣдственными землями, также съ Ломбардіею, Венеціане имѣютъ немалый торгъ по сухому пути. Корабли ихъ отправляются въ разныя Италіанскія гавани, въ Грецію и вообще въ Турцію, въ Испанію, Францію, Пор-

тугаллію, даже въ Англію, а иногда и въ Петербургъ. Въ 1781 году находилось около 370 кораблей подъ Венеціанскимъ флагомъ. Однако надлежитъ замѣтить, что нейтралитетъ ихъ при послѣдней войнѣ между Англичанами, Французами, и пр., послужилъ къ распространенію морской ихъ торговли. Прежде Англичане привозили въ Венецію свои товары, которые во время помянутой войны вывозимы были изъ Англіи самими Венеціанами.

Кромѣ помянутыхъ уже рукодѣльныхъ товаровъ вывозятъ изъ Венеціи сарацинское пшено, коринку (или мѣлкой сушеный виноградъ, называемый такъ по имени Греческаго города Коринѳа, но Венеціанами получаемый по большей части съ острова Занте), винной камень, кораллы, табакерки, оливки, всякіе Левантскіе товары, анисъ, кишнецъ, сѣру, терпентинъ, и весьма чистую сталь. Напротивъ того въ Венецію привозятъ пряныя зелія, красильные и аптекарскіе товары, разные галантерейные товары, желѣзо, мѣдь, олово, полотно, нитки, кожу, рыбью кость, сельдей, треску, рыбій жиръ, деготь, смолу, воскъ, строевой лѣсъ, бочечное дерево, слоновую кость, фарфоръ, и пр. Сіи товары доставляемы бываютъ вообще въ Италію изъ другихъ земель, и кромѣ оныхъ еще сукна. Но въ Венеціанскихъ областяхъ привозъ иностранныхъ суконъ запрещенъ, для того, что тамъ находятся собственныя суконныя фабрики.

Что касается до Венеціанской торговли съ нѣкоторыми землями особенно, то Англичане прежде посылали въ Венецію ежегодно отъ 30 до 35 кораблей со свинцомъ, оловомъ, перцомъ, сахаромъ, инбиремъ, красильнымъ деревомъ, кожею, шерстяными матеріями, соленою и сушеною рыбою, и пр.; а оттуда брали коринку, пеньку, сѣру, стеклянные кораллы, аптекарскіе товары, также иногда деревянное масло и сарацинское пшено. Такіежъ товары вывозимы бываютъ изъ Венеціи Голландскими, Гамбургскими, Датскими и Шведскими кораблями; а туда привозимы пряныя зелія, желѣзо, мѣдь, Руские товары, особливожъ Сибирскіе мѣхи. Большую

часть

часть сахару, нѣсколько рукодѣльныхъ товаровъ и вина получаютъ нынѣ Венеціане изъ Франціи. Въ Португаллію и Испанію посылаютъ они хлѣбъ, сарацинское пшено, сталь, стекло и зеркала; а оттуда берутъ шерсть, шелкъ, индиго и кошениль. Въ Генуу и Ливорну отправляютъ много хлѣба, получаемаго изъ Архипелага; въ Неаполь сукно, сталь, желѣзо, бумагу, и пр. Большую часть табаку получаютъ они изъ Албаніи и Салоники; изъ Греціи шерсть, шелкъ, воскъ, хлопчатую бумагу, хлѣбъ, медъ, деготь и сыръ; изъ Германскихъ городовъ Минкена, Аугсбурга, Нирнберга и Лейпцига рукодѣльные товары, золотыя вещи, и Руские товары; а за оные отправляютъ туда зеркала, стеклянную посуду, люстры, цитроны, миндаль, деревянное масло, и пр. Чрезъ Тріестъ и Фіуме привозится въ Венецію много Австрійскихъ и Венгерскихъ товаровъ.

Венеціанской банкъ есть такъ называемый Жиро-Банкъ, и почитается первымъ въ Европѣ. Онъ совершенно установленъ въ 1587 году, хотя основанъ гораздо прежде. Нирнбергской, Гамбургской и Амстердамской банки учреждены по примѣру его. Венеціанскіе купцы составили общій капиталъ, и условились между собою платить впредь другъ другу посредствомъ приписыванія и вычета въ банковыхъ книгахъ, въ которыхъ записаны были принадлежащія каждому изъ нихъ доли капитала. Правительство вскорѣ приняло всю сію сумму на свой отчетъ, и только подтверждало дѣланные Банкомъ платежи: что при неограниченномъ кредитѣ Республики имѣло такоежъ дѣйствіе, какъ и наличныя деньги. Но въ послѣдствіи Правительство учредило казну, изъ которой всякой можетъ получать за банковыя деньги наличную монету. Сначала банковыя деньги и ходячая монета были въ равной цѣнѣ; но какъ цѣна послѣдней перемѣнялась: то современемъ банковыя деньги стали 56 процентами выше нынѣшнихъ ходячихъ.

Послѣ Венеціанской самая знатнѣйшая торговля въ Италіи есть Генуезская. Хотя Генуа еще въ древнія времена лишилась Азіатской торговли, но вмѣсто того въ Европѣ торгъ ея великъ. Произведенія Генуезской

обла-

области суть вино и разные плоды. Генуезцы и понынѣ еще имѣютъ великую склонность къ коммерціи и кораблеплаванію. Благородные между ими принимаютъ большое участіе въ оныхъ: чего благородные въ Венеціи не дѣлаютъ, по крайней мѣрѣ публично. Корабли Генуезскіе отправляются только къ Италіанскимъ, южнымъ Французскимъ, Испанскимъ и Португальскимъ берегамъ. Но кромѣ того Генуа служитъ главнымъ мѣстомъ торговли для нѣкоторой части Ломбардіи; также корабли Сѣверныхъ народовъ приходятъ туда во множествѣ.

Фабрики, коммиссія и вексельныя дѣла содержатъ торговлю Генуезцевъ понынѣ въ цвѣтущемъ состояніи. Дѣлаемыя у нихъ бархаты, шелковыя матеріи, и золотые и серебряные штофы славны еще и въ другихъ земляхъ; а особливо хороши ихъ гладкія и одноцвѣтныя матеріи. Много сихъ товаровъ отправляется въ прочія Италіанскія области, въ Германію, также чрезъ Голландію и Гамбургъ въ Сѣверныя земли. Прекрасные цвѣтки, дѣлаемые изъ шелку и перьевъ, разсылаемы бываютъ оттуда во многія мѣста, шелковые и нитяные чулки въ Испанію и Америку; множество бумаги отвозится въ Португаллію, Кадиксъ и Смирну. Также Генуезцы продаютъ иностранцамъ изрядное оливковое масло, мыло, сарацинское пшено, смоквы, миндаль, сарделей, цитроны, и другіе обсахаренные плоды, бѣлой марморъ, благовонныя масла, Италіанской винный камень, кораллы, аптекарскіе товары и мускатное вино. Сіи товары отчасти получаютъ они чрезъ посреднической свой торгъ.

Дѣла по коммиссіямъ и переправленію товаровъ у Генуезцевъ толь велики, что они въ разсужденіи сего, равно какъ и въ иныхъ обстоятельствахъ, имѣютъ много сходства съ Голландцами. Хотя у нихъ мало собственнаго хлѣба, однако они запасаютъ великое множество онаго для продажи. Они доставляютъ многіе Испанскіе, Португальскіе и Левантскіе товары въ Германію, а Германскіе и Сѣверные въ Италію. Изъ Гамбурга получаютъ они Саксонское полотно. Они снабдѣваютъ Маиланд-

ландскую область солью; также снабдѣвали прежде всю Испанію бумагою.

Денежныя дѣла Генуезцевъ также весьма важны. Они не только роздали въ заемъ Европейскимъ государствамъ многіе капиталы, съ которыхъ ежегодно получаютъ большіе проценты, служащіе къ подкрѣпленію ихъ торговли; но и въ большей части Европейскихъ торговыхъ городовъ векселы ихъ обращаются съ выгодою. Славный банкъ ихъ оправился уже послѣ разстройки, претерпѣнной имъ въ 1746 году, когда Австрійцы овладѣли Генуею и взяли денежный сборъ съ сего города. При семъ случаѣ кредитъ банка совсѣмъ пришелъ въ упадокъ; но Правительство современемъ возстановило оный посредствомъ такъ называемаго *сохранительнаго учрежденія.* Сей ссудный банкъ произошелъ отъ того, что Правительство должно будучи занимать деньги для общественныхъ потребностей, уступало займодавцамъ нѣкоторые изъ своихъ доходовъ. Изъ разныхъ обществъ такихъ кредиторовъ Республики было наконецъ составлено одно, названное банкомъ Св. Георга. Оно отдавало деньги въ заемъ не только Республикѣ, принимая въ залогъ ея доходы, но и частнымъ людямъ подъ закладъ помѣстій и другаго имѣнія. Купцы, вносившіе въ сей банкъ нѣкоторую сумму денегъ, получали соразмѣрный оной кредитъ въ банковыхъ книгахъ, которымъ могли управлять по своему произволенію. Еще причиною упадка его было то, что онъ роздалъ весьма много денегъ, принявши въ залогъ помѣстья на островѣ Корсикѣ, который наконецъ сталъ толь отяготителенъ для Республики, что она должна была уступить его Франціи.

Между областями Короля Сардинскаго островъ Сардинія столько изобиленъ хлѣбомъ, что много онаго можетъ вывозимо быть оттуда. Изъ морской воды вывариваетcя тамъ много соли. Скотоводство велико. Цитроны, померанцы и иные плоды ростутъ въ большомъ количествѣ. Англичане, Датчане и Шведы вывозятъ съ сего острова много соли, Генуезскіе, Ливорнскіе и Марсельскіе купцы покупаютъ тамъ множество хлѣба, муки, сыру и плодовъ, и отвозятъ оныя

въ

въ Неаполь, Испанію и Португаллію. Въ Сардинію привозимы бываютъ шелковыя матеріи, сукна и шерстяные товары, пряныя зелія и мѣлочные товары. — Гористая Савоія хотя не весьма изобильна съѣстными припасами; однако жители тамошніе, привыкшіе къ скудной жизни, доставляютъ нѣсколько оныхъ, также пряжу, толстое полотно, веревки, толстыя нитки, лѣсъ и деревянныя вещи, по большей части въ Женеву. Многіе Савоярды ходятъ и по другимъ землямъ съ разными товарами; и какъ они ведутъ весьма скудный образъ жизни, то собираютъ нѣсколько денегъ. Изъ Савоіи продается множество лошаковъ; также нанимаются перевозить на своихъ лошакахъ путешественниковъ и товары. — Піемонтъ и Монтферратъ гораздо изобильнѣе хлѣбомъ, сарацинскимъ пшеномъ, виномъ и плодами. Особливо Піемонтъ доставляетъ весьма много шелку, который по чистотѣ и легкости почитается самымъ лучшимъ въ Европѣ. Піемонтцы искуснѣе всякаго другаго народа въ разведеніи шелку. Всякой годъ собирается тамъ онаго около 560,000 фунтовъ, изъ которыхъ 250,000, цѣною по другому исчисленію на 10 миліоновъ ливровъ отправляемо бываетъ во Францію, гдѣ продается по большей части въ Ліонѣ. Англичане, Швейцары, Германцы и Голландцы также берутъ оттуда множество шелку. Хотя сей шелкъ вывозимъ бываетъ только сученый, а отчасти и обработывается въ Піемонтѣ; ибо въ Туринѣ находятся знатныя шелковыя мануфактуры, для которыхъ привозится также много шелку изъ другихъ мѣстъ Италіи; но для Піемонта было бы выгоднѣе, естьлибъ тамошніе жители по большей части сами обработывали свой шелкъ. Суконныя и шерстяныя мануфактуры сея земли доставляютъ все потребное для солдатской одежды. Дѣлаемые тамъ канаты отправляемы бываютъ по большей части чрезъ Ниццу въ Марсель, Тулонъ и Генуу. Вино отвозится въ Майландъ и Генуу; также дѣлаютъ изъ него весьма хорошую водку, называемую Туринскою Россоли. Преизрядное оливковое масло изъ Графства Ниццы вывозимо бываетъ въ большомъ количествѣ во Францію и Генуу. Вообще Король

Сар-

динскій всячески старается поднять торговлю его подданныхъ вообще; паче же привлечь часть торговли Генуеской въ городъ Ниссу.

Скажемъ нѣчто и о достальныхъ мѣлкихъ округахъ Италіи. . . . Изъ Герцогства Пармскаго отпускаютъ много шелку сырцу, шерсти, соли и славныхъ сыровъ, которые и зовутся пермазаны. Торговля здѣшняя ведется чрезъ Венецію и Генуу. Когда славный *Тилотъ* былъ въ силѣ при Пармскомъ дворѣ, болѣе тысячи художниковъ и ремесленниковъ заняты были на фабрикахъ; но нынѣ оныя всѣ почти упали. Въ *Ліонъ* изъ *Пармы* ходятъ обозы шелку и шерсти.

Герцогство *Моденское*, по новѣйшимъ извѣстіямъ, никакихъ не имѣетъ фабрикъ, а по другимъ вывозятъ оттуда нѣсколько шелку сырцу и ученаго, разные роды шелковыхъ тканей, болѣе же баржату.

Жители не большаго вольнаго города *Лукки* [illegible] мѣнно трудолюбны: число товаровъ, отъ нихъ [illegible] пускаемыхъ, далеко превосходитъ число же [illegible] ныхъ къ нимъ товаровъ чужестранныхъ. Лук[illegible] оливы, или масличные плоды, слѣдовательно [illegible] єло изъ нихъ, лучшее въ свѣтѣ: Англичане одни только, не взирая на дороговизну, покупа[illegible] то. Множество идетъ въ чужіе краи *бархатовъ, моковъ Италіанскихъ, атласовъ, тафты* и *шелку сы*[illegible]

Торги великаго Княжества Тосканскаго безконечно знамениты. Утверждаютъ однако же, что запрещеніе ввозить всякіе товары чужестранные, со внутреннихъ же большая пошлина, весьма тягостно купечеству. Содѣйствуютъ сему еще двѣ причины: первая, съѣстныя вещи безмѣрно дороги, потому что продаетъ оныя только одно дворянство. Вторая, что шелковые товары Тосканскіе хуже Генуескихъ. Но извѣстно же, что ежегодно выпускаютъ отсюда товаровъ шелковыхъ болѣе, нежели на сто тысячь червонныхъ; товаровъ, по большой части работанныхъ въ *Пизѣ*. Много такъ же шерсти, плодовъ и винъ. Главнѣйшія торговыя мѣста суть: *Флоренція* [столица Тосканіи] и *Ливорно*. Послѣднее имѣетъ вольную гавань. Безпрерывно видимъ въ Ливорнѣ торговые люди изъ всѣхъ

на свѣтѣ народовъ, паче же *Армяне* и *Жиды*. Сверьхъ помянутыхъ товаровъ Флорентинскихъ, въ Ливорнѣ продаютъ овечью шерсть изъ Турціи и Варваріи, Италіянскій и Левантскій шелкъ, сельди, сардели, бумагу хлопчатую и такія же сученыя нитки. Левантской кофе, квасцы, анисъ, Флорентинской мраморъ, бѣлое мраморовидное мыло и прочее. Англичанамъ и Голландцамъ городъ Ливорна служитъ кладовою для товаровъ ихъ, вывозимыхъ ими въ *Левантъ* и изъ *Леванта*.

Республикѣ Генуеской городъ сей есть весьма вредный соперникъ по торговлѣ. Ливорнское купечество мореплаваніе свое производитъ почти одними чужестранными судами, отъ чего много выигрываютъ Англичане, Голландцы, Датчане и Шведы. Съ нѣкотораго времени учинились и сами Тосканцы мореходцами.

Земли *Папскія*, въ сердцѣ, можно сказать, Италіи; между двумя морями: Средиземнымъ и Адріатическимъ, наиудобнѣйшія къ торговымъ промысламъ, благословенныя отъ Бога всѣми качествами плодоношенія, въ самомъ плохомъ состояніи. Отъ чего же?.. отъ лѣности жителей; отъ безчисленнаго множества духовныхъ людей, отъ развратно понимаемыхъ правилъ правительства!

Здѣшнихъ квасцовъ лучше нѣтъ въ Европѣ: отданы на откупъ нѣкоторому обществу не многихъ Англичанъ. Есть мѣста, гдѣ хозяйствуютъ шелкомъ довольно прибыточно. Изъ фаянса много по Италіи развозятъ цѣнинной посуды. Въ Болоніи нарочитыя фабрики, суконная и шелковая. Сей же самый городъ торгуетъ колбасами, круглыми мылами и такъ называемымъ *Кеиттовымъ хлѣбомъ*. Впрочемъ своихъ собственныхъ товаровъ отпускаетъ мало, иностранныхъ же получаетъ весьма много.

Чивита Веккія, преизрядная гавань; всегда довольно въ ней судовъ Англинскихъ, Голландскихъ, Неаполитанскихъ, паче же Генуескихъ.

Анкона такъ же вольная гавань, но мало прибыточная.

Завсегдашній денежный недостатокъ, въ Римѣ самомъ, ощутительно обнаруживаетъ, что всѣ Папежскія области изнурены и торговля на оныхъ почти ничего не значитъ. Нищета бы была повсемѣстная и

всеобщія, естьли бы не посѣщаемъ былъ Римъ богатыми путешественниками; естьли бы Папа не получалъ доброволныхъ доходовъ съ нѣкоторыхъ извѣстныхъ Католическихъ странъ.

Торгъ Королевства Неаполитанскаго и Сицилійскаго, подъ владѣніемъ одного и того же Государя, далеко не таковъ, какъ бы могла быть. Земли Неаполитанскія, свойственно, обилуютъ хлѣбомъ, виномъ, деревяннымъ масломъ, плодами и многими иными своими произращеніями; но земледѣльство весьма плохо. Родятся тамъ хорошія лошади; съ великимъ успѣхомъ заводятъ шелковичными деревьями и червями; да и не мало шелковыхъ фабрикъ въ главномъ городѣ Королевства Неаполитанскаго, хотя впрочемъ мало товаровъ вывозятъ съ сихъ къ чужимъ народамъ. Неаполитанцы вообще не довольно радятъ о торговлѣ своей. Хорошая гавань [illegible] и нѣкоторыя чужія посѣщаются судами Французскими, Англинскими, Голландскими, Датскими, Шведскими, Генуэзскими изъ Ливорна, Венеціи, Чивита Веккіи, и Сициліи; привозятъ же съ кофеемъ, сахаромъ, товарами щепетильными и [illegible], полотнами, сукнами, шелками, [illegible] перелицованными книгами многими. Вывозятся же [illegible] шелковыми [illegible] великимъ количествомъ шелку, сыру, и несоленаго, [illegible] масломъ, [illegible], розмариномъ, всякаго рода плодами, мыломъ, виноградными винами и тому подобнымъ.

Въ Неаполѣ банкъ даетъ деньги подъ заклады и на вексели.

На островѣ Сицилійскомъ, такъ же какъ и въ древнія времена, не бываетъ никогда неурожая на хлѣбъ, вино, [illegible] и прочіе плоды; но жителей мало. Земледѣльство, ремесла, и торговля, чѣмъ далѣе [illegible], тѣмъ хуже. Хотя обработываютъ тамъ много шелку, однако вывозятъ большею частію только сырецъ, или по крайней мѣрѣ не больше какъ [illegible]. Фабрикъ весьма мало. Въ 1772 [illegible] запрещеніе [illegible] всякіе чужестранные товары, [illegible] не [illegible] служило [illegible].

Знатнѣйшіе приморскіе торговые города суть Палермо и Мессина.

Сицилскій шелкъ болѣе всѣхъ вывозятъ Генуесцы, Ливорнцы и жители малой Луккской Республики. Покупаютъ такъ же и хлѣбъ Марсельскіе Французы для торгованія онымъ съ Ишпанцами и Португальцами. Нѣкоторое участіе имѣютъ въ торговлѣ Сицилской Англичане и Голландцы. Къ вышеназваннымъ товарамъ причислить можно: деревянное масло и льняное, вина, соль и миндаль, плоды, манну, Шпанскія мухи, прочее. Сказываютъ, что одни Генуесцы, на всякій годъ, берутъ здѣсь на тысячу пять сотъ центнеровъ тряпицъ для бумажныхъ своихъ мѣльницъ. Въ Сицилію же доставляются разныхъ народовъ мореходцами всякаго рода товары зелейные и аптекарскіе, желѣзо, свинецъ, олово, товары Левандскіе, шерстяныя ткани, всего же болѣе полотна.

Сіи-то суть всѣ въ нынѣшнія новѣйшія времена народы торговые по Европѣ, заслуживающіе примѣчанія. Есть и другіе, паче же въ Азію, съ пользою производящіе нѣкоторые торги; но упоминать объ нихъ порознь не сопринадлежитъ къ моему сочиненію. То только сказать можно съ достовѣрностію, что отъ самой древности начиная и до днесь всегда уступали въ томъ Европейцамъ жители прочихъ частей свѣта. (*)

(*) Пространнѣе желающихъ вѣдать Исторію о торговлѣ Европейской, вообще, въ новѣйшія времена: отсылаю къ достохвальному сочиненію господина тайнаго Коммерцъ-Совѣтника „Струнзея„ котораго вторыя части еще мнѣ прочитать не удалось; такожде уваженія къ трудамъ его Превосходительства, Кабинетъ-Министра „Герсдорфа„ Впрочемъ достойныя же прочтенія книги о семъ суть: „Бишингова„ „Шлецерова„ „Канцлерова„ политическія журналы и нѣкоторыя иныя. А чтобъ ничего уже не недоставало къ свѣдѣнію о торговлѣ „Германской„ собственно, то сверхъ многихъ описаній о томъ ожидаетъ самаго полнаго отъ „Иера„ господъ „Мейселя„ и Профессора „Бише„.

О ЗАКОНАХЪ и ПРАВИЛАХЪ.

,,Изслѣдываются основанія общежительствъ; раз-,,личныя мнѣнія о семъ предметѣ, о великихъ затруд-,,неніяхъ, которыя срѣтаемы бываютъ, ищущимъ осно-,,вательно узнать о томъ изъ исторіи; о столь мало ,,понимаемомъ нами, называемъ Вольностію. Истинная ,,вольность взимается отъ законовъ и образа правле-,,нія, чрезъ которые люди дѣлаются благонравнѣе и ,,просвѣщеннѣе: оттуда же проистекаетъ и обя-,,занность нравственная, что благосостояніе общества ,,предпочтительнѣе есть всему иному.,,

Многіе мудрые и ученые люди, старавшіеся от-крыть начало установленія Правительствъ, думали, что какъ всякая область перьвобытно состояла или изъ невеликаго, или большаго числа семействъ, то об-разу правленія каждыя, по тому, и надлежало быть семейственному; отецъ каждаго есть глава. Прави-тельство сицевое называемъ мы системою правитель-ства Патріархальнаго. Иные, разсуждая о естествен-номъ состояніи человѣковъ и о склонностяхъ ко удо-влетворенію пожеланій своихъ, хотя и со вредомъ подобныхъ имъ, утверждали, что естественное со-стояніе рода человѣческаго съ начала, было воинское, и что законы и правительства между ими введены во обычай чрезъ претрудныя усилія противу несмѣтныхъ препятствъ, свойственныхъ качествамъ выше упомя-нутыхъ правительствъ. Доказательства съ обѣихъ сто-ронъ увѣрительны, имѣютъ видъ основательныхъ; од-нако и возраженія противъ обѣихъ сихъ мнѣній не ме-нѣе важны: нелегко оныя опровергать. Чтобъ узнать сущую истинну, сего надежнѣе соединить противо-рѣчія таковыя. Съ одной стороны должно предпола-гать по необходимости, что какъ люди не вдругъ на-селили землю, то Патріархальное правленіе продол-жалось, доколѣ нѣкоторыя многочисленныя семейства жили во взаимномъ мирѣ. Но по размноженіи семьянъ каждаго такого правительства, настали распри, про-тивоборства; мудрѣйшіе предъ прочими стараясь успо-коить, каждый своихъ соплеменниковъ, вымыслили нѣко-торыя общія для всѣхъ безъ исключенія, правила, или то, что нынѣ слывутъ законами, ко утвержденію и

успокоенію оныхъ установили родъ порядка, въ свое потомъ время проименованный правленіемъ.

Казалось бы о первоначальныхъ сихъ законахъ и первыхъ образахъ правительства, можно справиться съ исторіею; но она мало насъ вразумляетъ о томъ. Сочиненія пророка Моисея, древнѣе всего писаннаго когда либо; изъ предварявшихъ же его времена, или погублены забвеніемъ или растеряны. Въ Бытіи сей Израильтянинъ описываетъ намъ, какъ первобытно населялась земная поверхность: но о законахъ и о правительствахъ, не говоритъ нигдѣ и ничего. Рукописи его подтверждаютъ сказанное выше о соединеніи обѣихъ противныхъ системъ, что Патріархальный образъ правленія существовалъ недолго; что произошли несогласія въ семействахъ. По соразмѣрному размноженію своему распространялись оныя по земному лицу, правились разными образами: хотя, впрочемъ, нигдѣ не находимъ слѣдовъ того, въ какомъ пребывали состояніи. Свѣтская исторія еще темнѣе, слѣдовательно еще меньше способна къ вразумленію о томъ. Единое намъ остается: обратимся ко опытамъ, станемъ разсматривать первоначальныя установленія законовъ и правительствъ, между недавно узнанными отъ насъ народами: ибо находимъ въ нихъ ту же самую разность и тѣ же перемѣны. Всякій народъ управляется образомъ особеннымъ: сіи, какъ напримѣръ въ Сѣверныхъ частяхъ Америки живущіе, въ нѣкоторомъ родѣ независимости; то полновлаственно нѣсколькимъ отличнымъ семействамъ; индѣ имѣютъ державцевъ и оныхъ верховныя судилища, коихъ въ засѣдатели избираемы бываютъ оказавшіе великія заслуги къ отечеству, паче же на войнахъ. Но со всѣмъ тѣмъ, всякіе поиски наши, прочитывая исторію и извѣстія о разныхъ народахъ, къ тому только послужатъ намъ, что увѣримъ мы самихъ насъ, сколь тщетно хотимъ свѣдать первобытную систему правительства въ родѣ человѣческомъ; что законы и образы правительствъ, подобно всѣмъ прочимъ вещамъ міра сего, испытали разныя перемѣны; что больше объ оныхъ не можемъ знать, какъ только то, что разумѣемы были не всюду равно нужными; что временами притѣснялись, другими паки приходили въ силу; что по пользамъ и выгодамъ даемымъ ими, объ нихъ судили.

Вѣроятнѣйшее есть, что между человѣки, по состоянію ихъ естественному, существуетъ равенство, слѣдовательно неосновательное и противорѣчущее есть мнѣніе, что отъ природы извлекаются права начальствованія и подчиненія. Всякъ человѣкъ родится равно съ прочими человѣки свободенъ; но слабости и нужды, которымъ онъ подверженъ, сдѣлали для него необходимымъ подчиненіе. Можно также отнесное и къ закону Божіему естественную склонность родителей къ дѣтямъ ихъ, побуждающую воспитывать и довольствовать оныхъ, такъ какъ другія страсти и пожеланія души, самъ Создатель вліялъ въ сердце каждаго. Отъ сего отеческаго попеченія, сея естественныя склонности, явственно происходитъ повиновеніе дѣтей къ ихъ родителямъ. Но кажется не слѣдуетъ, чтобы сіе дѣтское повиновеніе было одинакаго свойства съ подчиненностію политическою, коей источникъ мы теперь найти хотимъ. Причина тому есть: въ теченіи времени обязанность таковая слабѣетъ, или изчезаетъ совершенно. Чѣмъ больше возмужеваетъ сынъ, бываетъ и самъ отцемъ семейства главою дома. По сему и есть различіе между естественнымъ и гражданскимъ повиновеніемъ. Хотя въ нѣкоторомъ смыслѣ не льзя отринуть, что всѣ человѣки отъ Природы равны, но тако разумѣть должно не относительно къ гражданской власти, но къ гражданскому повиновенію.

Должно признаться, что въ страстяхъ сердца человѣческаго любовь къ вольности есть изъ сильнѣйшихъ. Она, какъ и всѣ прочія страсти, дотолѣ бываетъ невинна или и похвальна, доколѣ разумъ ею управляетъ. Страстію, или естественною наклонностію души нашей зовемъ мы хотѣніе снискать добро; но что такое есть добро, сіе объясняетъ разумъ, учитель намъ, ниспосланный отъ самаго Создателя нашего. Стихотворцы, Витіи, Политическіе писатели превозносятъ похвалами вольность; но не должно намъ принимать все такое въ буквальномъ и точномъ смыслѣ. Вольность безпредѣльная и необузданная человѣка, есть токмо мечта, вещь несобытная по собственному ея свойству. Человѣки, естьли бы всѣ были совершенно свободны, каждый бы изъ нихъ сталъ

требовать себѣ мнимое силовое естественное ему право; сталъ бы по несправедливости присвоить себѣ вольность не ему лично, а всему роду человѣческому вообще принадлежащую: слѣдовательно и пошелъ бы противу послѣдняя. Не льзя имѣть никакого понятія о подобной вольности безпредѣльной, не предположивъ, что всякъ человѣкъ имѣетъ право на все въ свѣтѣ. Естьли же всѣ бы человѣки имѣли равное на то право, то и не можно бы было кому-либо особенно имѣть никакого особеннаго или преимущественнаго ни на что... Безпредѣльная вольность замыкаетъ въ себѣ право пользоваться онымъ во всей его полности; въ предѣлахъ же заключенная, пользоваться онымъ по состоянію и силамъ человѣка. Оба сіи положенія суть не удобо-соединяемы. Естество и онаго Творецъ, не произвели ничего противоречущаго ихъ намѣренію: не долженствуемъ ли же мы быть совершенно увѣренными, что вольность безпредѣльная и необузданная не совмѣстна съ нашею природою?... Слѣдовательно, то не можетъ быть вольностію, что внѣ возможныхъ для насъ предметахъ нашихъ пожеланій.

Так е предположивъ понятіе о безпредѣльной вольности, не слѣдуетъ, будто бы врожденное намъ желаніе вольности не могло быть удовлетворяемо. Инако же бы человѣкъ отъ естества природы, или паче отъ самаго Создателя всяческихъ, былъ бы наизлощастнѣйшая тварь: противорѣчіе ощутительное. Чтобы согласить желаніе наше къ снисканію вольности со всѣми прочими свойственностьми природѣ человѣческой, надобно узнать, можетъ ли человѣкъ возъимѣть родъ вольности, состоянію его соразмѣрный. Узнаемъ ли то, вдругъ какъ бы выйдемъ изъ дикой пустыни, и обрящемъ открытый и пріятный путь, ведущій къ благу къ которому сама природа насъ порѣваетъ. Разсужденіе, не только справедливое, но и необходимое человѣку сообразно естеству живущему, занимающему собою, такъ сказать, звѣно въ цѣпи всѣхъ веществъ вселенскихъ. Чрезъ оное только можетъ быть онъ щастливъ, елико щастливымъ учиниться можетъ. Невозможно, дабы разумное существо могло быть нещастливо, доколь поступать будетъ сообразно состоянію своему. Всякое нещастіе есть казнь. Казнь навлекаетъ

на себя человѣкъ собственными его преступленiями. Поступитъ ли противу закона естественнаго, или что есть тоже, дѣлаетъ ли проступокъ или какую-либо глупость, казнится нещастiемъ. Избѣгая всякаго въ томъ заблужденiя, должно, въ разсужденiи вольности, спомоществоваться способомъ осторожности и безпристрастiя, и учинимся подлино щастливыми.

Въ первой главѣ перьвыя-надесять части бесѣдованiя моего съ вами, ученики мои! видѣли мы, что самые недостатки и слабости человѣческiя бываютъ иногда причинами спокойствiя и изобилiя; слѣдовательно, пожертвованiе безумнымъ онымъ требованiемъ безпредѣльныя вольности и есть существенный источникъ благоразумныя и дѣйствительныя вольности благоразумнаго желанiя, влiяннаго въ человѣческую природу. Естьли бы всѣ люди присвояли себѣ право всемъ обладать, очевидно то, что необладали бы ничѣмъ, дабы открыть путь къ спокойному и надежному состоянiю, старѣйшины во обществахъ вымыслили правила, которыя наблюдающiе могли жительствовать спокойно, и каждый бы во оныхъ свободно могъ пользоваться всѣми своими силами души къ продовольствованiю своего семейства. Опыты, время отъ времени болѣе доказуютъ нужду въ правилахъ таковыхъ: начали однакоже скоро проявляться неудобности въ точномъ ненарушенiи оныхъ . . . и тому нашли помощь: мѣсто законовъ прежнихъ, заступали новѣйшiе, или послѣднiе къ первымъ присовокуплялись, доколѣ система законодательства не достигла до совершенства своего. Предписанiя отъ началествъ суть то, что зовемъ мы *законами* коимъ подвергая себя всѣ члены какiя либо страны, составляютъ общее свое отечество. Слѣдовательно, вступаютъ въ *состоянiе новое,* отличное отъ перьвобытнаго ихъ *состоянiя естественнаго.* Въ естественномъ состоянiи человѣка, вообще, равны, каждый управляется или пожеланiями, или нуждами. Удовлетворяя перьвымъ и помогая послѣднимъ, присвояетъ себѣ безпредѣльное право на все; посторонняя токмо сила силѣ личной въ томъ препятствуетъ. Но право сiе, какъ упомянуто выше, совершенно становится не нужно и чезполезно человѣку вышедшему изъ естественнаго въ гражданское состоянiе, ибо возъимѣютъ пра-

права иныя, проистекающія отъ установленій общественныхъ и за то во мзду пріобрѣтетъ безопасность. Правда, права его на его собственность ограничиваются. но самое ограничиваніе сіе дѣлаетъ оную подлинною собственностію. По всему сему ясно: что *общество* есть *произведеніе разума*; что люди въ естественномъ состояніи, суть токмо родъ животныхъ; что тогда только опознаемъ въ человѣкѣ существо разумное, когда обнаруживаются въ немъ способности общежительныя, и кажутъ его оставившимъ состояніе ското-подобное.

И такъ люди ставъ членами общества, получаютъ приличествующую имъ естественную вольность, изъ мнимой же добровольно выходя, хотя и не безпредѣльную, но несравненно превосходнѣйшую пріобрѣтаютъ: ибо законы въ томъ только отъемлютъ у человѣка вольность, чемъ онъ можетъ притѣснять подобнаго себѣ. Или другими словами: вмѣсто вольности мечтательной и несбыточной, окореняется вольность его дѣйствительная, соотвѣтственная здравому разуму. Законы общества приводимы бываютъ во исполненіе властію надъ обществомъ, для пользы и подкрѣпленія онаго установленной. Отъ сего происходитъ необходимость и достодолжность имѣть начальство единое, истинное и прочное. Основаніе правительства, выгодное и предохранительное для каждаго члена общества есть, что власть, при составленіи общества повѣряемая избраннымъ дѣйствовать ею, есть право во едино-слїянное всѣхъ онаго членовъ, охраняетъ каждаго изъ нихъ, поспѣшествуетъ спокойной и безопасной ихъ жизни.

Законамъ и правленію обязаны люди тѣмъ, что въ жизни своей могутъ наслаждаться щастіемъ, свойственнымъ природѣ разумныхъ существъ. Сіе поощряетъ ихъ къ трудолюбію, исканіямъ, коихъ нѣтъ между жительствующими въ первобытной дикости; дѣлаются способными ко удобренію земли, населяемой ими ко удовлетворенію не только нуждъ своихъ личныхъ но и ко устроенію безмятежности своей; ко удаленію себя отъ всего вреднаго: помощію благоразумія и осмотрительности. По сему имѣющіе пылкой умъ, сколько когда либо ни старались въ жару вообра-

женія своего хвалить безпредѣльную вольность; однако же всякъ опознавающій разность между хижиною и домомъ покойно расположеннымъ пустынею и страною населенною, между народами, кроющимися въ пещерахъ и лѣсахъ и наслаждающихся обиліями и спокойствіемъ; всякъ, повторяю, признается, что общества и правительства суть наипревосходнѣйшія произведенія человѣческія мудрости, истинное и надежное основоніе вольности, единые соорудители прямаго благоденствія, возможнаго для человѣковъ въ мірѣ семъ.

Выводится отъ всего онаго сама собою нравственная обязанность каждаго человѣка, поспѣшествовать выгодамъ общества, въ которомъ живетъ и коего есть членъ. Се самая главная и первѣйшая его должность, доставляющая его собственнымъ его щастіемъ, собственною его безопасностію: общество чѣмъ болѣе процвѣтать будетъ, соразмѣрно тому прирастаютъ и его частныя выгоды. Напротивъ, упадаетъ ли общество, совокупно съ нимъ и оныя уменьшаются. Чистое возчувствованіе въ душѣ добродѣтельной долга слѣдовать законамъ, есть то, что по сущей справедливости зовется патріатизою или ревностію ко *отечеству*, первой и важнѣйшей въ добродѣтеляхъ нравственныхъ всему оную предпочитаетъ человѣкъ полный чести и благонравный. Но и сія глава въ добродѣтеляхъ, подобно какъ и добродѣтели прочія, оскверняются иногда гнусимымъ лицемѣріемъ, порокомъ ненавистнѣйшимъ; однако самъ онъ служитъ противу себя основаніемъ пресильнаго доказательѣтва. Ибо чѣмъ болѣе вредоносны притворные патріоты, тѣмъ изящнѣе, любезнѣе и славнѣе благонамѣренные граждане, единую имѣющіе цѣль быть полезными обществу, дѣлать по своей возможности добро каждому онаго члену.

„Показаніе особливыхъ образовъ правленія, бывшихъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ, наипаче же о тріехъ родахъ, которые зовутся на правилахъ: Монархія, Аристократія, и Демократія, или „единовластіи вельможескомъ и народномъ правленіи. „Каждаго о преимуществахъ и удобностяхъ, и о „противномъ тому; о начаткахъ и свойствахъ во едино смѣшенныхъ; о пользахъ сихъ послѣднихъ и вредностяхъ. За тѣмъ слѣдуетъ доказательство, что

„всякій образъ правленія доводитъ къ благоденствію „народа. естьли бываетъ въ рукахъ мудрыхъ и добро„дѣтельныхъ, того блюстателей и производителей.„

Въ предыдущей главѣ видѣли читатели основанія общества и правленія гражданскаго, и побудительныя причины къ той нравственной обязанности, которая каждаго человѣка обязываетъ не токмо повиноваться установленіямъ своея отчизны, но и обращать всѣ свои силы къ подкрѣпленію и сохраненію оныхъ, какого бы рода ни были. Нравственная обязанность завсегда одинакова, какъ бы ни различалися жители одной отъ жителей другія страны. Всякое имущество, собственность, или щастіе человѣка, не по иному какому-либо праву ему принадлежатъ, какъ только потому, что онъ членъ общества, котораго законы покровительствовали ему во время младенчества его. Слѣдовательно и долженствуетъ не нарушать оныхъ во всю свою жизнь; инакоже явится предателемъ отечеству.

Образы правленія во всѣ времена, въ большей части странъ, или областей, разныя: понеже происхожденія ихъ суть разныя же примышленія человѣческія, въ томъ только не непрекословныя, что составлялися оными общества; а учрежденіями и законами, чрезъ кои держатся оныя и охраняются, иначится каждый изъ нихъ.

Далѣе, различіе въ произхожденіи образовъ правленія есть еще многое и почти неизъяснимое, ибо временами и случаями производилось. Образы правленія, такъ какъ и всякія человѣческія изобрѣтенія, были и будутъ подвержены премѣнамъ; но отъ того не слѣдуетъ, чтобы такія премѣны завсегда были вредныя Естьли бы какій-либо народъ управлялся законами, никогда въ продолженіи временъ не поправляемыми безъ наималѣйшихъ во оныхъ отмѣнъ и новизнъ, не можно бы было познать, почему гдѣ-либо другій образъ правленія столь совершененъ, что никакія уже поправки и новости въ законахъ не нужны.

Далѣе, всякій образъ правленія есть произведеніе ума человѣческаго: естественно же не льзя не имѣть ему въ себѣ недостатковъ, хотя въ началѣ и не при-

мѣтныхъ, но послѣ мало по малу открывающихся. Подобные недостатки отклоняемы бываютъ или чрезъ примышленія новѣйшія, отъ коихъ и происходятъ въ законахъ перемѣны, или когда не принималося прибѣжище къ тому: образъ правленія падаетъ подъ собственною своею тягостію, то есть отъ послѣдствій вредоносностей, коихъ прежде или не примѣтили, или не отвратили при самомъ оныхъ появленіи.

Различіе образовъ правленія, временемъ и случаями произведенныхъ, почти безчисленно. Въ началахъ своихъ онѣ немного отличаются одинъ отъ другаго, и самыя ихъ перемѣны едва неединообразны. Первый образъ правленія есть ***Монархія***, слово Греческое, значитъ ***Единоначаліе***, сирѣчь установленіе такое, по которому власть верховная надъ народомъ препоручается одному лицу: но разныя суть роды Монархическаго правленія. ***Деспотизма***, ***безпредѣльное единоначаліе*** ежели власть единаго человѣка не ограничивается ни чемъ ежели во управленіи народомъ его дѣйствуетъ одна его воля. Сей образъ правленія можетъ быть наилучшій изъ всякихъ иныхъ, когда Монархъ одаренъ способностями и добродѣтелями нужными сану, на него возложенному. Въ такомъ случаѣ подданные его благоденствуютъ, елико человѣчески возможно, ибо благоденствіе ихъ есть цѣль державствующаго надъ ними. А понеже воля его безъ границъ, то и легко ему всегда производить оную въ дѣйствіе. Неудобности Монархическаго правленія суть такъ же многія. Опыты свидѣтельствуютъ, что подъ самовластителями, владычествовавшими когда-либо на свѣтѣ семъ весьма не многими благоденствовалъ народъ. Совсѣмъ тѣмъ установленіе Деспотизмы, всеконечно не есть грубая, какъ нѣкоторые думаютъ, ошибка въ политикѣ, будто бы не льзя ей быть ствовать законно. ***Диспотизма*** въ ***Китаѣ*** есть основаніе народоправительства; въ ***Турціи***, ***Персіи***, ***Варваріи***, ***Индіи***, ***Религія***. ***Коранъ*** учитъ каждаго Магометанина, чтобъ не дерзалъ ни въ чемъ охуждать верховную власть. Въ самой ***Европѣ*** Король Даніи есть ***Деспота***; подданный ему народъ добровольно отдалъ ему надъ собою владычество безпредѣльное. ***Европа*** всеконечно имѣла и имѣетъ Самодержавцевъ, къ благоденствію ихъ подданныхъ. Не прости-

раюся примѣрами о семъ, на сей разъ и одного приведеннаго вамъ, ученики мои! довольно. Совѣтую, впрочемъ, замѣтить, что по общему мнѣнію безпредѣльный самовластитель единому только Богу долженствуетъ отчетомъ въ дѣлахъ своихъ; но въ совѣсти своей тѣмъ же самымъ долженствуетъ онъ и самому послѣднему своему подданному. Дядька *Лудовика* XIV. истинну сію внушалъ ему нѣкогда такъ. Изъ придворныхъ, люди молодые, разсказывали тринадцатилѣтнему еще сему Государю, о безпредѣльной власти *Турецкаго Султана*, что онъ у каждаго подданнаго, кто бы онъ ни былъ, можетъ отъимать имѣніе и жизнь.

,,Сіе то значитъ, быть Государемъ!,, отозвался Лудовикъ..... Дядька взялъ его за руку и произнесъ:.... ,,освѣдомляли ли тебя когда нибудь эти ,,молодцы о слѣдствіяхъ такого полновластія?.... ,,Нѣтъ.....такъ я тебя о томъ увѣдомлю. Послѣ ,,подобныхъ мучительствъ, мучители становятся не ,,навистны всѣмъ и каждому; давятъ или обезславливаютъ ихъ. Походятъ ли же они на то, чтобъ ,,можно было объ нихъ сказать: то-то прямые Госу-,,дари!,...... Лудовикъ замолчалъ и задумался; дядька продолжаетъ:.... ,,Покажу тебѣ, что такое ,,быть достойнымъ Самодержцемъ.,, Потомъ обратяся къ придворнымъ, говорилъ имъ:..... ,,Государи ,,мои! неблагоразумно и не къ мѣсту вы столько пу-,,стословите здѣсь; а ты къ престолу рожденный ,,отрокъ! съ сего времени не долженъ никогда допу-,,скать таковыхъ предъ лице твое.,,.

Другій родъ *Монархіи* есть властительство въ предѣлахъ; но властительства верховныя, имѣютъ *законы*, хотя народоправительство и въ рукахъ одного человѣка. Такій Монархъ державствуетъ съ равнымъ полновластіемъ *Деспота*, доколѣ державствуетъ онъ по законамъ: превыше же его силы нарушать оные. Учинивъ послѣднее, подвергается имиже предписуемому. Естьли же въ которой либо странѣ законы молчатъ, тамъ Государи совсѣмъ иного рода: будемъ объ нихъ говорить послѣ. Единовластители въ предѣлахъ, или наслѣдственно вступающіе на престолъ по отцахъ и ближайшихъ къ

нимъ по крови; или избирательные отъ народа, какъ напримѣръ въ *Польшѣ*; или отъ имѣющихъ право избирать, какъ въ *Германіи*. *Право избранія* есть или неограниченное, какъ бывало въ *Польшѣ* же недавно, или по законамъ, или по обыкновенію имѣющему силу закона, какъ такъ же было въ *Польшѣ*, гдѣ ближняго по крови къ послѣднему Королю весьма долго выбирали. Корона хотя доставалась такимъ образомъ наслѣднику, но не наслѣдственному, а избранному. Преимущества наслѣдственной Монархіи ощутительны. Въ Государствѣ таковомъ всякому извѣстно право къ престолу. Послѣ кончины Государя, преемникъ его тотчасъ заступаетъ его мѣсто. *Государь никогда не умираетъ*, есть заключеніе, взятое изъ законовъ Англинскихъ. Неудобствія сего державствованія обнаруживаются при Государяхъ не созрѣлаго возраста: верховную власть получаютъ иногда особамъ во зло употребляющимъ оную.

Всякій образъ правленія, не безъ неудобствъ; однако же тѣ, о которыхъ уже говорили мы, хотя и могутъ быть вредоносны въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ положеніяхъ, но суть наилучшіе изъ всѣхъ иныхъ, человѣчески возможныхъ. Избирательной Монархіи погрѣшности въ наслѣдственной могутъ быть предъотвращаемы, да и тѣмъ послѣдній превосходнѣе. Выгода что по кончинѣ Государей остаются сыновья или племянники, или по крови къ нимъ близкіе; слѣдовательно, при всякомъ *междоцарствіи* можно перемѣнять и поправлять взаимоотношенія между Государемъ и и народомъ. Неудобностей правленія избирательнаго много больше нежели въ Монархіи наслѣдственной: препятствуя государямъ во зло употреблять власть, такъ оную стѣсняютъ, что отъемлютъ тѣмъ же самымъ и силу у нихъ дѣлать подданнымъ ихъ добро; отъемлютъ, связываютъ, такъ назвать, руки имъ ко всему славному и полезному для нихъ подданныхъ. Словомъ, пользы наисущественнѣйшія народа, въ наслѣдныхъ Монархіяхъ бываемыя, истощеваются, или и совершенно изчезаютъ. Сверхъ того при малолѣтствѣ государей избирательныхъ происходятъ замѣшательства; по смерти же ихъ раздоры и междоусобія. Но Государство наслѣдственное, въ такихъ случаяхъ

вспомоществуется законами, обычаями. Вотъ причины преображенія прежде сего государствъ *Польши* и *Даніи* не давно же *Швеціи*.

Третій родъ Монархіи есть поврежденіе втораго впрочемъ же почти подобенъ первому. Великое различіе между правительствомъ неправеднымъ и мучительскимъ. Первое явнымъ нарушеніемъ законовъ страны присвояетъ себѣ все напротивъ изъ правительства законнаго можетъ последнее же стать мучительскимъ: ежели Государи станутъ преступать предѣлы, положенные власти ихъ тѣми же законами, по коимъ владычествуютъ они народомъ. Въ случаѣ удаленія отъ законовъ, лишается правительство права своего на повиновеніе себѣ общенародное Никто не можетъ отрицать, что каждый въ такомъ случаѣ можетъ противиться неправедному правительству. Блаженны мы, и всѣ современные намъ Европейцы, что живемъ въ вѣкѣ, въ которомъ каждому изъ насъ и свободно, и безбѣдно, изслѣдывать подобные вопросы и оные рѣшить Не льзя, чтобы праведный Государь могъ быть мучителемъ: развѣ по какимъ-либо пристрастнымъ внушеніямъ ближайшихъ къ нему особъ, да и неизбѣгаютъ послѣдніе достойныхъ наказаній, какъ скоро пристрастія ихъ открываются предъ первымъ. Слѣдовательно, всякій свободный народъ возлагаатъ въ томъ всю вину на подобныхъ токмо вельможей, къ Государю же нетокмо по должности своей, но и для собственныхъ своихъ пользъ, свято хранитъ всесовершенную къ нему любовь, ревность и повиновеніе. Вопросъ, можетъ ли наслѣдственный преемникъ мучителя державствовать столь же безчеловѣчно, какъ державствовалъ его предшественникъ, производилъ споры въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ обладатели издавна разпоряжаютъ вольностію и собственностьми подданныхъ? Рѣшеніе вопроса, столь отважное, не принадлежитъ къ предлежности нашей; однако же запримѣтимъ, что какъ цѣль всякаго рода правленія, Монархическаго, между прочими есть благосостояніе народа, то кажется же естественно, чтобъ повиновеніе подданныхъ было искреннее предъ обладательми поступающими тому напротивъ.

Изъ первоначальныхъ образовъ слыветъ *Аристократическій* или многоначальственный. Многіе Гре-

ческіе писатели предпочитаютъ оный, утверждая, что собственность всѣхъ и каждаго, не могутъ лучше быть защищаемы и покровительствуемы, какъ верховнымъ судилищемъ, или избраннымъ числомъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ мужей, состарѣвшихся въ изученіи политики и примышленіяхъ средствъ, чрезъ которыя утверждать можно благоденствіе отечества. Опыты свидѣтельствуютъ, что въ такомъ образѣ правленія, первоверховничество надъ всѣми одному только достается, или на положенное время, или по смерть его; но правленіе по прежнему остается *Аристократіею*: ибо такой человѣкъ не есть Государь, а только представляетъ онаго лице. Напримѣръ *Дожъ* въ *Генуи*, два только года, *Дожъ* въ *Венеціи* чрезъ всю его жизнь; Законодательственною же и Исполнительною властію дѣйствуетъ вышшее судилище. Оба сіи образы правленія въ самой вещи суть *Аристократическо-Республиканскія*. *Аристократическо-Республиканского* правленія изящество есть то, что весьма есть удобенъ защищать народъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей. Ибо подъ онымъ обычайно много богатыхъ и могущественныхъ гражданъ участвующихъ въ подкрѣпленіи образа правительства. Подлинно пекутся таковые, всѣми ихъ силами, оный подкрѣплять. Вотъ истинная причина, для чего *Аристократія* есть прочнѣйшее изъ всѣхъ прочихъ правленій; а можетъ быть и тому, что многими оный всѣмъ прочимъ предпочитается: однако же не совсѣмъ безъ неудобностей. Подданные такого рода правленія всегда бываютъ управляемы съ крайнею строгостію; отличныя способности, отличныя достоинства и одареннымъ оными вредоносны, по зависти отъ составляющихъ правительство; обычай, никого не награждать соразмѣрно заслугамъ ко отечеству, естьли не отъ знатныхъ произшелъ кто-либо предковъ. Сіе подаетъ поводъ дворянству, что получившій изъ нихъ высокій чинъ, нерадитъ о благѣ общемъ. Аристократическо-Демократическое правленіе на высокія степени возводитъ изъ немногихъ, только извѣстныхъ семействъ дворянства, почему и признано оное Греками Олигархіею (вельможескимъ). Слѣдовательно и многоначальственное Правленіе имѣетъ въ себѣ тоже, что и Монархическое. Хотя наруж-

ный видъ остается установленный, но внутреннее и законное установленіе уже не существуетъ. Присовокупимъ еще, что крайне трудно, ежели и вовсе не невозможно, возстановить, то есть, привести въ надлежащее и законное положеніе народъ, неимѣющій ни малѣйшаго участія въ правленіи, который и не понимаетъ, чтобъ то было для него нужно.

Третій изъ первоначальныхъ образовъ правленія есть *Демократія*, слово Греческое же, значитъ *народоправительство*. Подъ онымъ каждый соотечественникъ имѣетъ право избраннымъ быть въ члены правительства, ежели только имѣетъ потребныя къ тому качества. Не должно же дивиться, что сей родъ правленія всегда имѣлъ многихъ хвалителей, рисователей онаго самыми яркими красками, и что многіе ставятъ *Демократію* прямымъ отечествомъ для достоинствъ заслугъ, способностей и вольности. Съ перваго взгляда и въ самой вещи показывается такимъ; но по недолгомъ разсмотрѣніи увидимъ, что есть сцѣпленіе многоразличныхъ вредностей. Доколѣ страна подъ симъ правительствомъ въ тѣсныхъ предѣлахъ, народъ малочисленъ: то вообще, всеконечно процвѣтаетъ и благоденствуетъ; но потомъ распространяется, усиливается, и скоро доходитъ до степени знаменитости, къ которой, по самому существу установленія своего, не способно есть. Словомъ, *Аристократія* подвержена раздорамъ, *Демократія* разнымъ особо-мысліямъ. Республика чемъ могущественнѣе, тѣмъ наипаче богатѣютъ ся жители; чемъ дѣятельнѣе тѣ, коимъ поручено правленіе, тѣмъ неизбѣжнѣе обуреваема бываетъ внутренними смятеніями и происками. Послѣ скорыхъ и насильственныхъ перемѣнъ въ странѣ таковой, оканчивающся оныя или совершеннымъ испровērженіемъ сего образа правленія, или едва ли исправимою когда либо онаго разстройкою. Верховная власть достается рукамъ не многихъ знатныхъ семействъ, и превращается во *Олигархію* или и совершенную *Анархію*, сирѣчь безначаліе.

Сіи то суть первоначальные роды правленія, таковы то оныхъ поврежденія. Остается намъ упомянуть, что во отвращеніе всякихъ общенародныхъ золъ, за лучшее многіе находятъ взаимо-смѣшенія

всѣхъ правленій: *Монархію* со *Аристократіею*, то есть, чтобъ управлялся народъ и Государемъ и дворянствомъ сорокупно. Кажется сіе древнимъ образомъ правленія въ *Римѣ*; да и нынѣ въ *Польшѣ*, *Республикѣ* и *Монархіи*. Польша отъ *Венеціи* отличается тѣмъ, что имѣетъ Государя со многими для особы его преимуществами, коихъ имѣетъ *Дожъ Венеціанскій* или весьма мало, или совсѣмъ никаких. Нѣкоторые соединяли *Аристократію* съ *Демократіею*, свидѣтельствую то оное примѣры въ древнѣйшей Исторіи, какъ нѣкогда въ *Аѳинахъ* и у *Карѳагенцовъ*. Голландская безъ *Статгальтера* есть такая страна, какова большая часть изъ седьми ея областей, судя о каждой въ особенности, и большая часть округъ *Швейцарскихъ* Базельская и подобныя ей округи, такъ же и за нѣсколько предъ симъ *Женева*, суть *Демократіи*. Всѣ три рода правленія вмѣстѣ сліянные были въ *Лакедемонѣ*. Тамъ первую степень народа занимали два наслѣдственные Царя, владычествовавшіе въ одно и то же время во вторыхъ верховное судилище, проявляло собою *Аристократію*; въ третьихъ *Эфоры*, или особенные судіи избранные народомъ. Республика *Римская* была точно такова же, доколѣ *Консулы* и *Диктаторы* заступали мѣсто Царей, дворянство верховное судилище, а народъ имѣлъ собственныя свои собранія, собственныхъ своихъ судей, охранителей правъ своихъ. Такой образъ правленія былъ не давно въ *Швеціи*, хотя подъ Королемъ и Сенатомъ, но вышнее и послѣднее всякихъ дѣлъ рѣшеніе производилось дворянствомъ духовенствомъ, мѣщанствомъ и крестьянами вообще коихъ всѣхъ представляли нарочные отъ всѣхъ же оныхъ.

Смѣшенные образы правленія, когда вообще объ нихъ разсуждать станемъ, явятся намъ превосходнѣйшими, нежели каковы первоначальные оныхъ роды во особенности: ибо утверждаютъ основаніе свое, разпространяютъ свои пользы. Сверхъ того, великолѣпія двора, отличія дворянства, свобода и ловкости для простаго народа, удобнѣе предохраняютъ отъ общественныхъ бѣдствій, нежели подъ всякимъ инымъ правленіемъ. Степени живущихъ подъ оными дѣлаютъ равновѣсіе одна другой; выйдетъ ли чемъ-либо одна изъ надлежащихъ своихъ предѣловъ, двѣ другія соеди-

няются противу ея. Словомъ, не только Король и дворянство пользуются всемъ тѣмъ, но и весь народъ вообще. каждый житель страны бываетъ членомъ политическаго тѣла, равно какъ и всѣ прочїе. Чрезъ то усиливается цѣлый таковый составъ, получаетъ способности сопротивленїя непрїятелямъ извнѣ, и укрощенїя внутреннихъ мятежей. Всеконечно, такъ смѣшенныя правительства суть наипрочнѣйшия: даже отъ самыхъ почти паденїй еще болѣе прежняго дѣлаются могущественны. Тако избавилась *Швецїя* отъ вреднаго для ней союза съ *Данїею*, инакоже помѣщена бы была между областьми принадлежащими *Польшѣ*; тако *Португальцы*, когда всѣ разумѣли ихъ уже порабощенными, воцарили надъ собою Герцога *Браганцскаго*, свергли Ишпанское иго, изъ развалинъ отчизны, подобно фениксу изъ пепла, возродили паки отечество. Тако *Статы* седьми соединенныхъ областей, воспрїявъ прежнїе свои законы, толико могуществовали съ 1672 года. стоя, можно сказать, на самомъ краю погибели. Подобное же зрѣлище представили они свѣту въ 1747, и съ подобнымъ же успѣхомъ.

Но не можемъ сказать, чтобъ и такїя правленїя были свободны отъ многихъ неудобствъ. Какъ прочїя произошли отъ коренныхъ началъ, имѣютъ многїя выгоды, такъ же и сїи не меньше подвержены тому; рано, или поздно, но оное испытываютъ на себѣ. Напримѣръ, *Спартанская* Исторїя почти ничего инаго не замыкаетъ кромѣ враждованїй съ непрїятелями ея и раздоровъ внутреннихъ между начальственными ея людьми: Цари проискивали ввести безпредѣльное владычествованїе; вельможи доводили иногда Царей до самыя нищеты, нѣкоторыхъ же и до насильственной смерти. *Эфоры*, подъ предлогомъ споспѣшествованїя вольности, потрясали отечествомъ, преобращали оное во *Анархїю*, послѣ чего не могло уже никогда по прежнему возстановиться. Съ Римлянами случилось то же: умножили число судей, вмѣсто двухъ возъимѣли десятерыхъ, а чрезъ оное не только не уврачевали золъ, подъ коими стенали, но навлекли на себя бѣдствїе, какое бы безъ того никогда ихъ не постигло. Несогласїя между дворянства и черни продолжалися многое время. Первое послѣднюю до отчаянїя доводило; дво-

рянство знатнѣйшее простолюдиновъ предавало позорной смерти, или лишало пропитанія. *Трибуны*, защитники народа, избираемые симъ самимъ для предотвращеній всякихъ общественныхъ неустройствъ, вмѣсто того, почти всякой разъ были оныхъ виновники. Сила дворянства силою народа ослаблялась; то и другое послужило поводомъ ко установленію *Диктаторскаго* сана: обѣ противныя стороны согласились ввѣрить надъ всѣми власть одному человѣку.

Восхотѣли же ли бы мы разсматривать смѣшенныя правленія новѣйшихъ временъ, нашли бы почти тѣ же самыя премѣны постепенныя. Государямъ, посредственныхъ дарованій и способностей къ царствованію, но коими самими владѣла страсть любочестія безмѣрнаго, всегда удавалось привлекать на свою сторону многихъ отъ дворянства; подавали ли имъ внѣшнія войны или внутреннія безпокойства удобный случай, собираютъ великое число войска: устрашенный тѣмъ народъ всему подвергался безотвѣтно. Утѣснители послѣдняго становятся чрезъ оное безопасны отъ заслуженнаго ими наказанія, что возставали противу кореннаго основанія отчизны своей. Слабый ли и малодушный на престолѣ владѣтель, составятся разномысленныя скопищи между дворянствомъ; изъ вельможей неспокойныя головы начинаютъ явныя распри съ несогласниками ихъ; удастся ли одержать имъ верхъ, снискиваютъ маловремянную власть, которая ежели не имъ самимъ, то всегда потомству ихъ гибельна бываетъ. Такія междоусобія и въ протеченіи одного только столѣтія приводятъ дворянство во изнеможеніе. Слѣдовательно похищается у престола надежнѣйшая онаго подпора. Въ вѣкѣ слѣдующемъ за тѣмъ народъ привыкшій видѣть враждованія между дворянами, мало по малу опознаетъ собственныя свои силы; избираетъ предводителей, большею частію не довольныхъ дворянствомъ; возстановляетъ прежнее свое состояніе, доколѣ, по многихъ премѣнчивостяхъ, и его властвованіе разслабляется, истощается имущество его, и Республика, подобно морю, по треволненіи стихаетъ на нѣсколько времени. Всѣ степени жителей соединенными силами трудятся тогда дать паки себѣ то, чего они сами себя по глупости своей лишили, и возблагоден-

ствуютъ, можетъ быть, паче прежняго. Но Политическія тѣлеса подобны тѣламъ естественнымъ, болѣзньми лютыми изнуряются. Для тѣхъ и другихъ сколь бы прежде сильны и здоровы ни были, нашествіе всякой болѣзни новой весьма опасно.

Сіе все заимствовалъ я изъ случившихся дѣйствительно премѣнъ въ такихъ правительствахъ. Слѣдовательно легко понять, что сила, богатство, благоденствіе народа, зависятъ не отъ *образа правленія*, какъ обыкновенно думаютъ, но отъ *распоряженій правленія*. Основательное есть заключеніе: что всякій образъ правленія, простый ли, или сложный, исключая только совершенно испорченныя, можетъ соорудить благосостояніе народа. Въ *Монархіи безпредѣльнаго единоначалія*, въ которой Самодержецъ самъ по себѣ, имѣетъ великія достоинства и дарованія, или позволяетъ подъ своимъ именемъ править Министру благоразумному, проницательнаго ума: области его наслаждаются спасительными вліяніями владычества его, хотя, въ самой вещи, одолжены тѣмъ одному только или нѣкоторымъ не многимъ мудрымъ и искуснымъ мужамъ. Тоже и въ правительствахъ ограниченныхъ. Когда Государь бываетъ доволенъ властію опредѣляемою ему законами; или когда умѣетъ скрывать намѣренія ко увеличиванію оныя; или когда онъ умѣетъ же выбирать въ служенія общественныя изъ дворянъ людей годныхъ къ тому, которые, изъ достодолжнаго уваженія къ Государю и къ Государству неутомленно и неусыпно охранять будутъ права всѣхъ и каждаго, и чрезъ то отвращать всякіе раздоры, всю машину правленія безпрестанно держать въ порядочномъ движеніи. Пользы таковыя, столь выше всякія цѣны, въ полной ясности открываются, наипаче предъ потомствомъ: оно-то совершенно узнаетъ, что должествуетъ ими благороднымъ чувствованіямъ великихъ таковыхъ мужей, жившихъ въ такія-то времена.... Тоже самое и съ *Республиками*. Почти все въ нихъ зависитъ отъ мудрости и благоразумія правящихъ ими. Силы и слабости свои вѣдаютъ они изъ опытности своей: слѣдовательно не престанутъ никогда наблюдать, дабы силы ихъ были завсегда предъ глазами народа, во всемъ возможномъ величіи; слабости

же ихъ дабы отъ него всячески были закрыты.

Подробно прояснять всѣ существенныя причины, для чего въ книгахъ Историческихъ, Политическихъ и разныхъ лучшихъ произведенїяхъ писателей о томъ, какъ образовались правительства и какой порядокъ установленъ въ каждомъ изъ оныхъ, такъ много; а объ распорядителяхъ правительствами такъ мало. Болїе о сей предлежности упоминать, зашелъ бы я съ вами, ученики мои! во излишнее многословїе, да и не нужное вамъ. Постыдно для человѣчества, что такимъ образомъ лишаемы заслуженные мзды величайшїе благотворители отчизнъ своихъ, лишаемо бываетъ потомство столь уловительныхъ примѣровъ къ подражанїю. Опыты насъ учатъ, что мудрые и добродѣтельные государи, искусные и благоразумные политики, разумѣли какъ бы нѣкоею святынею Политическую систему, по которой содержатся и управляются народы, и всячески вперяли подобное же чувствованїе въ своихъ преемниковъ. Наибольшая сила системы таковой состоитъ въ готовыхъ всегда запасахъ къ возстановленїю оныя, въ случаѣ, ежели чрезъ ошибки и погрѣшности владѣтеля, или нашествїями незапными и не преодолимыми, или чрезъ возмущенїя внутреннїя, разстроится. Доказуютъ то наипаче страны, гдѣ образъ правленїя смѣшенный есть. Глубокїй и острый умъ перваго основателя онаго, и благопоспѣшное стеченїе обстоятельствъ такъ съ самаго начала установили сицевое правленїе, что можетъ оное чрезъ всѣ времена потомъ само себя не только подкрѣплять, но и возстановлять, хотя бы казался иногда уже гибнущимъ. Въ странѣ каждой глубокоумные мужи, ревнители общаго блага много способствуютъ къ спасенїю отечества въ случаяхъ наклоненїй его къ разрушенїю.

Важнѣйшая цѣль всякаго рода правленїя есть благоденствїе живущихъ подъ нимъ. Извѣстно, что прочность онаго сооружаютъ мудрые и добродѣтельные Государи. По сему, во первыхъ воспитанїе дѣтей владѣльческихъ есть дѣло достойнѣйшее всего человѣчески возможнаго вниманїя, ибо отъ того зависитъ благоденствїе цѣлыхъ народовъ. Во вторыхъ, необходимо нужно возводить на высокїя степени людей не только способныхъ къ тому, да и добро-

дѣтельныхъ. Въ третьихъ, во всѣхъ степеняхъ во всѣхъ состоянїяхъ подданныхъ, зрилася бы любовь ко отечеству, извѣстная подъ именемъ *Трїотизмы*. Всякой образъ правленїя, простый ли или сложный, будетъ надолго надѣженъ, годъ отъ года усиливаться станетъ: напротивъ, противное же и послѣдуетъ. Наслѣдство въ какомъ бы ни состояло богатствѣ, не предохранитъ расточительнаго наслѣдника отъ нищеты. Никакїе избытки не устоятъ противу расточительности. То же и въ разсужденїи государствъ: чѣмъ болѣе добродѣтели умаляются и поврежденїе нравовъ возрастаетъ, тѣмъ наипаче сила онаго слабѣетъ и умаляется; хотя наружный видъ системы правленїя надолго казаться будетъ не премѣняющимся подобно людямъ, которые въ самыхъ скорбныхъ обстоятельствахъ умѣютъ казать веселое лице. Напослѣдъ къ дѣйствїя происшекутъ отъ своихъ причинъ порочный народъ поработится; обнищаетъ столь неизбѣжно, какъ обѣдняетъ расточитель.

„Краткое извѣстїе о знатнѣйшихъ Европейскихъ „державахъ, относительно къ образу ихъ правленїя„

Ко удовлетворенїю ожиданїя вашего отъ меня ученики мои, узнавъ далѣе о *законахъ и правительствахъ*, остается краткое и общее означенованїе главнѣйшихъ нынѣшнихъ державствъ въ Европѣ, дабы возмогли вы удобно представить оныя себѣ въ совокупности, какъ бы нѣкую политическую *картину*, весьма нужную учащимся исторїи нашихъ временъ.

Начнемъ говорить о Имперїяхъ..... Три ихъ нынѣ въ Европѣ: Римско-Германская, Всероссїйская, *Турецкая*. *Римско-Германскїй Императоръ* предъ восприятїемъ сана сего избираемъ бываетъ въ Римскїе Короли; по провозглашенїи же Императоромъ уже признаютъ его яко Короля же Италїи: ибо послѣ, какъ Франскїй Король Карлъ Великїй, въ началѣ девятаго столѣтїя, нѣсколько уже вѣковъ бывшую въ упадкѣ *Западную Римскую Имперїю* возстановилъ и покорилъ, завоевалъ царство *Лангобардское* въ верхней Италїи и большую часть послѣднїя. Все сїе наслѣдственно досталось Государямъ Франкїи, владѣвшимъ Восточными и Западными Франками, т. е. нынѣшнею Германїею, и свойственно Французскимъ народомъ.

Области ихъ, со временемъ, раздѣлились, да и на всегда. Германскій Король *Оттонъ* Великій, около десятаго столѣтія, во едино совокупилъ раздробленныя ча- многое въ Италіи отошло отъ Императовъ. Папы сти Римскія Имприіе, но въ теченіи вѣковъ за тѣмъ, хитростьми, происками и силою, отняли у нихъ городъ *Римъ* и не малую часть окрестной оному Италіи. Въ ней же многіе знатные владѣльцы и города учинились независимы. Императоры, въ прочемъ, никогда не отступали и не отступаютъ отъ правъ своихъ на Римъ и Италію.

Римско-Германское Императорство есть избирательное. Многія уже столѣтія нѣкоторые мощнѣйшіе Германскіе Князи имѣютъ исключительное право избирать *Германскаго Короля*, а потомъ и Императора. Прежде было таковыхъ седьмь, но при началѣ столѣтія настоящаго умножилось до девяти: и именуются оные въ званіи семъ *Курфирстами свѣтскими*, или *свѣтскими Князями* и *избирателями*. Въ 1777 мъ году *Курфирстъ Баварскій* умеръ бездѣтенъ, и такъ осталось ихъ восемь. Приложеніе къ слову *Фирста*, сирѣчь Князя, *Куръ*, на древнемъ, Германскомъ языкѣ значитъ избраніе. *Курфирстовъ* трое духовныхъ, пять свѣтскихъ, первые суть *Архиепископы Маинцкій Тріерскій* и *Кельнскій*; вторые: Король *Богемскій*, *Пфальцграфъ Реинскій*; *Герцогъ Саксонскій Албертинской линіи*, *Маркграфъ Бранденбургскій* и *Герцогъ Брауншвейгъ Линебургскій Гановерской линеи*. Оба послѣдніе суть Короли, одинъ *Прусскій*, другій *Великобританскій*. *Курфирсты* иногда избираютъ въ Римскіе Короли и при жизни еще царствующаго Императора, въ помощники ему и преемники. Такъ избранъ былъ Іосифъ II въ 1764 мъ, родившійся Марта 13 1741 го года. Вскорѣ по смерти отца своего *Франциска* I го учинился его преемникомъ 18 Авгус. 1765. Всякое избраніе по большинству голосовъ *Курфиртскихъ*, утвержденное безпрекословно, принимается всѣми чинами Германіи. Прочіе же оные чины суть: *Рейхс-Фирсты*, раздѣляемые на духовные (Архіепископы. *Епископы*, *Аббаты*, *Пробсты*) свѣтскіе: (*Ерцгерцогъ Австрійскій*, *Герцоги*, *Пфальцграфы*, *Ландграфы*, *Князья* и *Графы*): и еще на *Рейхс-Прелаты*, *настоятели* особенныхъ

духовныхъ обществъ, *Рейхс-Графы*, владѣльцы помѣстные, наконецъ же государственные чины. Всѣ оные раздѣляются еще на три государственныя засѣданія, или Коллегіи: *Курфиртскую*, *Рейхс-Фиртскую* и государственныхъ чиновъ.

Многіе вѣки *Германская Имперія* занимаетъ первое мѣсто между всѣми Христіанскими державами и слыветъ священною. *Римско-Германскіе Императоры*, первую же степень въ Государяхъ имѣютъ, однако доходы ихъ весьма не велики. Болѣе уже трехъ вѣковъ избираются изъ Архи-герцоговъ Австрійскихъ, что и удобно имъ посредствомъ безпрестаннаго приращенія своихъ силъ, достойно носити на себѣ санъ таковый. Образъ правленія Римско-Германскаго государства есть особенный въ своемъ родѣ. Состоитъ изъ изъ *Монархическаго* и *Аристократическаго*. *Императоръ* есть глава *Имперіи*, воздаются ему великія почести, отличается преданностію и вѣрностію государственныхъ чиновъ. *Курфирстамъ* принадлежатъ главные чины Имперіи. Три духовные суть *Архи-Канцлеры* *Королъ Богемскій* *Архи Кравчій*; *Курфирстъ Пфальцскій* *Архи-дворецкій*, *Курфирстъ Саксонскій*, *Архи Маршалъ*, *Курфирстъ Бранденбургскій*, *Архи-Спальничій* *Курфирстъ Брауншвейгъ Линебургскій*, *Архи-казнохранитель*. Хотя впрочемъ Императоръ и имѣетъ разныя, собственныя ему принадлежащія право и преимущества; но власть его удерживается *Германскими Государственными чинами*, весьма не во обширныхъ предѣлахъ. Каждый отъ послѣднихъ полновластно господствуетъ во области своей, со всѣми правами самодержавія; каждый имѣетъ великое участіе въ правленіи Имперіею. На государственныхъ собраніяхъ, близъ ста уже лѣтъ назадъ засѣдающихъ въ городѣ *Регенсбургѣ* посылаютъ въ лицѣ своемъ нарочныхъ единогласные послѣднихъ приговоры и рѣшенія подтверждаетъ *Императоръ* чрезъ нарочнаго же отъ себя, который обычайно и всегда предсѣдательствуетъ. Приговоры и рѣшенія сіи сопричисляются къ государственнымъ законамъ. *Императоръ*, равно какъ и прочіе чины Имперскіе, обязанъ повиноваться государственнымъ установленіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ преимущественно зовутся древними, или коренными законами

ибо утверждаются оными союзъ и взаимоотношенія между всѣми, Имперію сію составляющими; особливо же такъ называемая Златая *Булла*, существующая съ четвертаго-надесять столѣтія; мирное постановленіе между зависимцами отъ Императора, съ пятаго-надесять столѣтія; мирное же постановленіе *Релегическое Вестфальскій Миръ* и присяга Императорамъ предъ провозглашеніями ихъ Императорами.

Вообще примѣчается, что вольность старинныхъ Германцовъ видна и вообразѣ правленія ихъ нынѣшнемъ, и въ правительствахъ также частныхъ державцевъ. Императоры, при всемъ распространеніи могущества своего и доходовъ, предпочитаютъ имя кроткихъ, благотворительныхъ, правосудныхъ Государей всякой другой славѣ. Хотя могутъ посредствомъ войскъ, и въ мирное время у нихъ готовыхъ, безъ сопротивленія исполнять волю свою во всемъ; однако же не престаютъ никогда уважать благо и права подданныхъ своихъ; завсегда презирали царствовать надъ рабами, несмѣющими просить Государя, который долженъ быть отцемъ ихъ. Правда, бывало то, что подданные разумѣвали себя притѣсняемыми отъ налоговъ и отъ иного чего либо: но тогда только, всякой разъ сіе бывало, когда не вѣдали Императоры, что такъ утѣснялися они. Вѣрность Германцовъ къ Государямъ ихъ, любовь къ отечеству, всегда ознаменовалися природными имъ. Природна же имъ всегда была свобода въ мысляхъ, словахъ и поведеніи. Тому много способствовала и Религія такъ называемая Протестантская и Евангелическая.

Имперія Всероссійская, величайшее изъ всѣхъ Христіанскихъ Государствъ въ *Европѣ* и Азіи. Управляется Государями, которые прежде имѣли Царей, то есть Цезарей, чрезъ сокращеніе слова сего; но со временъ Петра Перваго, по справедливости *Великаго*, имѣютъ титло *Императора* всея Россіи. Владычество ихъ безпредѣльно; по единому своему благоизволенію располагаютъ и преемничествомъ престола. Нынѣ *Самодержавствующая Императрица* ЕКАТЕРИНА II я, родившаяся Маія 2 го 1729, вступившая на престолъ Іюля 28 го 1762 года: Себя собственно и благоденствующихъ Ею подданныхъ своихъ, проявила свѣту въ силѣ и славѣ, каковымъ едвали находятся примѣры во Исторіи вселенской.

Турецкимъ, или Оттоманскимъ Государствомъ правятъ Султаны съ безпредѣльною же властїю. Нынѣ державствующему имя *Селимъ III й.* Хотя Султаны сїи кажется по единой волѣ ихъ могутъ распоряжать вольностїю, имѣнїемъ и самою жизнїю подданныхъ; однако же и сами подвержены опасностямъ отъ недовольныхъ ими градоначальниковъ, полководцевъ, рядовыхъ воиновъ и всякаго инаго званїя подданныхъ своихъ. Многажды, не только бывали свергаемы съ престола, но и умерщвляемы. Въ самой вещи, страшное и никакихъ границъ не имѣющее властительство не есть благонадежнѣйшее. Такимъ бываетъ, большею частїю, основывающееся на любви и вѣрности народа, на законахъ мудрыхъ и на всецѣломъ охраненїи послѣднихъ.

Изъ Королей Сѣверныя Европы, *Датскїй* и *Норвежскїй* съ 1660 го года есть Государь самовластный, и есть съ того времени, какъ всѣ *Датчане* и *Норвежцы*, вообще, самопроизвольно подверглися самовластїю Фридерика III. Преемники сего Государя до днесь не во зло оную употребляли, а токмо къ пользамъ и славѣ обѣихъ странъ сихъ Христїанство токмо, Государи добрые и мудрые Министры, могутъ производить подобныя дѣйствїя. Нынѣшнїй тамъ *Король Христїанъ VII*; родился 29 го, Генваря 1749 го, возшелъ на престолъ 14 го Генваря 1766 года.

Правленїе *Шведскихъ* Государей было одно изъ самыхъ стѣснѣйшихъ въ Европѣ до 19 го Августа, 1772 года. Народъ зависилъ отъ Государственнаго Сената, непосредственно имѣя, впрочемъ, великую вольность; каждый распоряжалъ состоянїемъ своимъ какъ хотѣлъ. Но во времена Сеймовъ, или Государственныхъ собранїи чиновъ отъ духовенства, дворянства, мѣщанъ и крестьянъ, болѣе и болѣе ослабѣвало, сила его истощевалась, довѣрїе къ нему и доходы его уменьшалися примѣтно. Со дня же выше упомянутаго, нынѣшнїй Государь Густавъ III й, который родился 24 го Генваря, 1746 года, воцарился же 12 го Февраля 1771 года, уничтожилъ прежнїй образъ правленїя и тѣмъ положилъ конецъ всѣмъ внутреннимъ неустройствамъ коими Швецїя столь долго обуревалась; возвратилъ саму Королей приличную имъ власть; Сенатъ ограни-

чилЪ по надлежащему; Государственнымъ чинамъ предоставилъ права, полезныя народу.

Польское Королевство, есть Государство избирательное, смѣшанное съ Аристократическою республикою, въ которомъ раздѣлена власть между Королемъ и дворянствомъ. Прежде сего власть Королей была весьма ограничена; на однихъ только *Сеймахъ*, которые для блага Государства собирались, Короли могли производить что-либо. Но въ 1773 мъ они нѣсколько увеличили свою власть; хотя и учрежденъ такъ же безсмѣнный Сенатъ. Дворянство и духовенство имѣютъ великую силу. Мѣщане и крестьяне теперь не такъ уже въ великомъ притѣсненіи, въ какомъ были за десять или за пятнадцать лѣтъ предъ симъ. Нынѣшній Король именуется *Станиславъ Августъ*, урожденный Графъ изъ фамиліи *Понятовскихъ*; произшелъ на свѣтъ 17 го Генваря 1732 года; избранъ 7 го Сент. 1764.

Королевства *Венгрія* и *Богемія*, оба прежде были избирательныя; но съ шестаго столѣтія учинились наслѣдственными *Австрійскаго* Дома, вмѣстѣ съ разными областьми и княжествами, отъ нихъ зависящими. Области сіи еще и по другимъ правамъ же надлежатъ знаменитому Дому сему. *Венгрія*, особенно, пользуется нѣкоторою изключительною вольностію.

Короли *Французскіе* въ древнихъ вѣкахъ имѣли малую власть; владѣльцы богатыхъ отчинъ были сильнѣе ихъ въ Государствѣ. Французское Государственное правительство походило на настоящее въ Германіи. Въ половинѣ прошедшаго вѣка Короли возмогли сдѣлаться властителями безпредѣльными, паче же послѣ распространенія своихъ областей умноженія войскъ и доходовъ. Бываютъ и до днесь въ нѣкоторыхъ Французскихъ областяхъ собранія земскихъ чиновъ; не имѣя никакого втеченія въ дѣла Государственныя, Парижскій *Перламентъ* удержалъ, однако же, право разсматривать Королевскія опредѣленія и подавать ему на оныя возраженія свои. Право сіе удержали же и другіе *Парламенты*. Еще есть во Франціи такъ называемые *вышніе* суды, не участвующіе же ни въ чемъ Государственномъ вообще. Нынѣ царствующій Король Французскій *Лудовикъ* XVI, родился 23 Августа 1754 го, вступилъ на престолъ 10 Маія 1774 го.

Правительство *Великобританіи* имѣетъ въ себѣ много такого, чего нѣтъ ни въ какихъ другихъ Европейскихъ Государствахъ. Оба Королевства, *Англія* и *Шотландія* соединяющіяся подъ онымъ названіемъ *Великобританіи*, управляются весьма властительнымъ Государемъ. Можетъ онъ пожеланію своему избирать Министровъ, раздавать чины и достоинства, вести войну, заключать миръ, производить и всякія иныя дѣйствія высочайшей власти: однакожъ соотвѣтственно только *правамъ* и *вольности* народа. Народъ сильно участвуетъ въ правленіи: издаетъ законы законы утверждаемые Королемъ можетъ отвергать, хотя того почти никогда не случается; даетъ деньги на общественные расходы; самъ на себя налагаетъ подати; у Министровъ Королевскихъ требуетъ отчетовъ. Народъ имѣетъ власть *Законодательную*, а Король токмо *исполнительную*. Основаніе сего образа правленія есть по истиннѣ превосходное. вольность Англинскаго народа есть столь велика, что нѣтъ подобныя и въ самыхъ *Демократіяхъ*. Начиная Королемъ, до самаго послѣдняго подданнаго, всѣ обязаны повиновеніемъ безъотвѣтнымъ къ законамъ. *Великобританскій Парламентъ*, особливо, внемлетъ свободные голоса народа, пекущагося, собою самимъ, о силѣ, нуждахъ и пользахъ общественныхъ. Но и такой образъ правленія не безъ недостатковъ, не непричастенъ злоупотребленіямъ. Ревность къ сохраненію вольности и сторона королевская, особливо Министры его, составляютъ противомыслія, которыя не рѣдко самыя наилучшія намѣренія обращаютъ въ ничто, или по крайней мѣрѣ удерживаютъ долго произведенія оныхъ въ дѣйство, паче же во время войны. Государь Великобританскій владѣетъ островомъ и *Ирландіею*, подъ именемъ Королевства же. Нынѣ царствующій Георгій III. родился 4 Іюля 1738 го, коронованъ Ноября 25, 1760 го.

Еще въ началѣ настоящаго вѣка власть Испанскихъ Королей, силою государственныхъ чиновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Кортесъ* были весьма ограничены; но скоро нашли они случаи и средство собраніе сіе совершенно уничтожить. И такъ нынѣ царствуютъ они самодержавно. Собранія же государст-

венныхъ чиновъ бываютъ, но токмо при великихъ торжествахъ, и когда настоитъ нужда наслѣдственно возвести новаго Короля. Нынѣ тамъ владѣющему имя *Карлъ III.* родился 20 Генваря 1716 го. воцарился по братѣ его Фердинандѣ 10 Августа 1759 го.

Португалія, такъ какъ и первыя изключая Польшу, есть Королевство наслѣдственное. Власть престола прежде была духовенствомъ и дворянствомъ умѣряема; но Іоаннъ V, въ настоящемъ вѣкѣ, уменьшилъ силу дворянства, которое не можетъ уже съ того времени ничего дѣлать относительнаго къ государственнымъ дѣламъ. Въ Португаліи Сеймовъ не бываетъ. Но при всемъ полновластіи Королей, не отъ нихъ зависитъ преемничество къ престолу; сами они собою не могутъ налагать новыя подати. Нынѣ правитъ страною сею Королева *Марія Франциска*, родившаяся 16 го Декабря 1734 го, вступила на престолъ по смерти отца своего *Іосифа*, 7 го Апрѣля 1774 го. Супругъ ея *Петръ*, имѣетъ только одинъ титулъ Королевскій.

Сверхъ упомянутыхъ, еще два, въ началѣ настоящаго столѣтія учрежденныя Королевства. *Пруссія*, сама по себѣ есть малая область, но чрезъ присоединеніе къ ней недавно Западной Польской Пруссіи и Германскихъ округовъ, ей же принадлежащихъ распространилась. Государь ея владычествуетъ съ безпредѣльною властію.

Сардинія... Совойскій Герцогъ, Викторъ Амадій по силѣ *Утрехсткаго мира*, получивъ оную отъ Императора вмѣсто Сициліи, учинился неограниченнымъ Самодержцемъ послѣ умѣренія чрезмѣрныхъ правъ дворянства двумя послѣдними его предшественниками. Нынѣ владѣетъ тамо *Викторъ Амадій II* Родился 26 го Іюня 1726 го, принялъ правленіе 9 го Февраля 1773 го

Сицилія и *Неаполъ* совокупленны во едино Королевство въ 1736 году, подъ именемъ обоихъ Сицилій, чрезъ промѣну Герцогствъ *Пармы* и *Піаченцы*; но Королевство сіе возобновлено только симъ образомъ, ибо *Неаполъ* всегда имѣлъ своихъ Государей отъ двенадцатаго вѣка, до днесь. *Неаполитанцы* и *Сициліанцы*, съ давнихъ временъ пользуются вольностію, которую Король не можетъ умалить. Впрочемъ государство

сїе есть какъ бы зависящее отъ Римскихъ Папъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ. Нынѣ правитъ онымъ *Фердинандъ* III сынъ нынѣшняго Испанскаго Короля. Родился онъ 19 го Января 1751 го. Учинился Королемъ обѣихъ Сицилїй 6 го Октября 1759 го.

Въ прежнїя времена Римскїе *Папы* имѣли власть, паче нежели кто-либо изъ Владыкъ Свѣтскихъ. Почти начальствовали надъ Христїанскими державами. Въ новѣйшїя времена, не взирая, что безпрестанно защищали они права свои, касательно и до Свѣтскихъ дѣлъ по всей Европѣ, сила ихъ не только въ томъ; но даже и по дѣламъ духовнымъ крайне ослабла. Послѣднїе Папы примышляли самыя наилучшїя мѣры и косвенно чрезъ постороннїя внушенїя побуждали Католицкихъ Государей, употреблять ихъ въ посредники при случаяхъ начатїя, или окончанїя войны. Властвуютвуютъ они страною въ Италїи, бывшею нѣкогда прекраснѣйшею и самою плодоносною; но подъ ними давно уже оная во изнуренїи и неустройствѣ за недостаткомъ добраго правительства. Нынѣшнїй Папа именуется *Пїусъ VI*. Родился 27 го Декабря, 1717 го. Избранъ 19 го Февраля 1775 го.

Изъ Республикъ въ Европѣ старшая есть *Венецїанская*. Верховная власть и правленїе въ рукахъ дворянства, почти изъ 2020 особъ. Главою своею имѣютъ Дожжа, избираемаго въ санъ сей на всю его жизнь: избираетъ же *Дожжа* Сенатъ въ 300 хъ засѣдателяхъ занимающихся всѣми важными и тайными дѣлами Республики. Судъ десяти человѣкъ есть вышнїй уголовный для дворянства. Такъ называамая *Коллегїя* слушаетъ посланниковъ и производитъ до чужестранныхъ державъ надлежащее. Дожжу воздаютъ всѣ и каждый великїя почести; но власть его почти ничего не значитъ. Положенныхъ ему доходовъ весьма мало. Нынѣшнїй *Дожжъ*, *Павелъ Ренееръ*; избранъ 14 го Генваря 1779 го.

За симъ слѣдуетъ по старшинству своему Республика *Генуезская*. Нѣтъ края на земной поверхности, столь не великїя обширности, который бы толикимъ подверженъ былъ громкимъ премѣнамъ: то пользовался вольностїю, то былъ порабощаемъ, всякїй же разъ въ зависимости внѣшней. Правленїе сея Республики *Аристократическое*, главнѣйшая въ ней особа Дожжъ чрезъ

ва года смѣняемый. Онѣ съ двенадцатью *Губернаторами*, составляетъ такъ называемую *Синьорію*, или верховнѣйшее судилище, въ которомъ сверхъ того присудствуютъ же восемь *Прокураторовъ*. *Великій* тамо совѣтъ состоитъ изъ 400. а малый изо 100 человѣкъ.

Швейцарія составляется многими малыми Республиками, учинившимися съ четвертаго-надесять вѣка хотя не вдругъ, не зависимыми. Во всякой малой Республикѣ, или какъ тамъ зовутся, Кантонѣ, свое правленіе, почти во всемъ отъ прочихъ отличающееся. Одни суть *Аристократическія*, другія *Демократическія*, большая же часть рода правленія смѣшеннаго. *Цуригъ*, *Бернъ* *Базель* и *Шавгаузенъ* суть Кантоны, исповѣданія вѣры Протестантскаго; первыя двѣ сильнѣйшія, изъ всѣхъ тринадцати. Въ *Люцернѣ*, *Фрейбургѣ*, *Солотурнѣ*, *Цугѣ*, *Ури*, *Ултенварденѣ*, и *Швейцѣ* *Римско-Католическая* вѣра; *Гларисъ* и *Аппенцелъ* и та и другая *Граубиндеръ* съ нѣкоторыми другими малыми областьми, особливо Игуменствомъ Сентъ-Галенскимъ, Княжествомъ Ненебургскимъ (*Невшателъ*) и вольный городъ Женева, въ союзѣ съ Швейцаріею. Республика сія хотя уже не имѣетъ прежняго своего внутренняго *единодушія*; но еще могущественна довольно.

Республика соединенныхъ *Нидерландъ*, или земель понизовыхъ, по качеству установленія своего есть новѣйшая и самая знатнѣйшая въ *Европѣ*. Состоитъ такъ же во взаимной связи разныхъ областей. утвердившейся въ 1579мъ году въ городѣ *Утрехтѣ* Такія области суть: *Гелдернъ*, *Голландія*, *Зеландія* *Утрехтъ* *Фрисландія*, *Обериссель* *Гренингенъ*. Прежде прежде правленія оныхъ образъ разумѣлся всѣми *Демократическимъ*: въ новѣйшія уже времена узнали, что есть то *Олигархія* или *Вельможе-началіе*. Наконецъ нынѣ правленіе тамошнее возъимѣло совсѣмъ новый видъ. Съ 1747 го года возстановленъ паки санъ *Статгалтера* наслѣдственнаго. въ поколѣніи князей *Нассау-Оранскихъ*. Нынѣшній *Статгалтеръ* *Вильгельмъ V*. *Князь Оринскій-Нассау Дицъ*, родился 8 го Марта, 1748 го, учиненъ Статгалтеромъ 22 го Октября, 1751 го. Общественныя дѣла всѣхъ областей исправляютъ нарочно избираемые каждою областію и въ со-

вокупности составляющихъ въ Гагѣ собраніе, такъ называемыхъ *Генеральныхъ статовъ*. Разномысліе и медленность во общественныхъ дѣлахъ, съ нѣкоторыми иными причинами, много ослабили Республику сію, да и самый образъ правленія способствовалъ къ тому не меньше.

О ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ И НРАВАХЪ.

Доселѣ старался я, любезные мои воспитанники! ввести васъ въ преддверіе храма наукъ: теперь уже сами вы можете проникнуть во священилище преславнаго сего зданія. По крайней мѣрѣ теперь попеченія мои должны оставить васъ самимъ себѣ. И такъ храните тщательно тѣ сѣмена добраго, которыя насадилъ я въ душахъ вашихъ, и потщитесь, чтобъ онѣ произвели нѣкогда плоды знанія и добродѣтели. Ежели желаете снискать уваженіе отъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ людей, ежели честь ваша и благополучіе для васъ драгоцѣнны, то исполните прозьбу мою и употребите на сіе возможное раченіе.

Но пока еще вы не совсѣмъ вышли изъ подъ надзиранія моего и не вступили въ свѣтъ, гдѣ надлежитъ вамъ употребить въ пользу ученіе, мною преподанное, почитаю за нужное извѣстить васъ, что не имѣя другихъ приуготовленій, кромѣ тѣхъ, о коихъ я могу васъ вразумить, свѣтъ будетъ для васъ и лонѣ опасностей и вы не будете въ состояніи побѣждать искушенія, преодолѣвать трудности и препоны всякаго рода. Люди, посвятившіе жизнь на разсматриваніе явленій человѣческой жизни, замѣтили, что школьное ученіе, при случающихся нещастіяхъ и подъ игомъ бѣдствій, не можетъ принести великой пользы; что оно не можетъ быть твердою защитою противъ нападеній зла, ниже предохранительнымъ средствомъ отъ заразы пороковъ. Видимъ, что ученые мужи часто бываютъ рабами сильныхъ и орудіями злыхъ: почему заключить можно, что и оные достойны сожалѣнія, а притомъ дѣлающіе другихъ такими же, что они мало стараются о истинной пользѣ своей, поели-

ку трепещутъ при малѣйшей опасности. Вы удивитесь, что и самой я, который всю жизнь посвятилъ на изученіе и познаніе наукъ, признаюся въ томъ, что принуждавъ прежде васъ столь усильно упражняться въ наукахъ, описываю теперь такими красками людей занимающихся ими. Впрочемъ хотя проступки сіи и обыкновенны между учеными, одинако для сего не должно презирать ихъ просвѣщенности. Причина погрѣшностей ихъ происходитъ единственно отъ того что они преждевременно были довольны снисканными познаніями, и впали въ глупости, или пороки, не потому что обладали ученостію; но потому, что имѣли недостатокъ въ благоразуміи: ибо ученіе свое не употребляли никогда по надлежащему, и больше старались знать все другое, нежели себя самихъ, толико углубились въ размышленія, что забыли исполненіе оныхъ, примѣчали за другими, а на себя не обращали вниманія, разсылали столь много развѣдывателей отъ себя, что некому осталось защищать ученость. Страхъ и скупость овладѣли сердцами ихъ, между тѣмъ какъ разумъ ихъ занимался отдаленными дѣйствіями, или удовлетвореніемъ безполезному ихъ любопытству. Итакъ, когда вы станете дѣлать начертаніе храму благополучія, помните, что основаніемъ онаго должна быть мудрость, и что на всякомъ другомъ основаніи не иное что соорудить можно, какъ только худое и ненадежное, подъ которое пороки подкапываются, а нападенія золъ совсѣмъ оное опровергаютъ. Остановитесь же на нѣсколько времени при вступленіи вашемъ на позорище свѣта и не прежде продолжайте путь свой, доколѣ, вмѣстѣ съ прочими познаніями, не пріобрѣтете той мудрости, коея начало есть страхъ Божій и коея намѣренія и дѣйствія суть въ ней блаженство. Снискавъ оную, можете уже вступить въ жизнь со всѣми выгодами существа къ безсмертію опредѣленнаго. Тогда вы будете все итти далѣе и не спускать глазъ со стези вашей . . . Ежели богатства и чести будутъ вашею частію, примете ихъ равнодушно и станете господствовать надъ оными, почитая ихъ токмо средствами, долженствующими быть употребляемыми къ важнѣйшему предъ ними намѣренію. Никакой человѣкъ не можетъ сообщить подобно-

му себѣ сея мудрости: понеже она не есть, такъ какъ ученость, простое представленіе истинны, которую посредствомъ извѣстнаго порядка положеній, и надлежащаго употребленія словъ, можно внушить разуму. Напротивъ она состоитъ въ безпрерывномъ повтореніи наблюденій извѣстныхъ истинъ, доколѣ оныя сдѣлаются для насъ споручны, станутъ входить въ каждое наше размышленіе, управлять всякими нашими рѣшеніями, располагать нашимъ поведеніемъ безъ примѣтной помощи посторонней: и будетъ то нѣкоторое только присовокупленіе къ нравственности, когда мы добровольно понятія наши о добрѣ и злѣ учинимъ столь совершенными, что будемъ въ состояніи мгновенно находить различіе между тѣмъ и другимъ: подобно тому способу, каковымъ трогаемся мы чувствами нашими, изключая только, что прочія движенія наши показываемы бываютъ природою, а сіи отъ насъ самихъ произходятъ. Такое чувствіе должно быть дѣйствіемъ понятій, со удовольствіемъ душею принимаемыхъ и охотно ею избираемыхъ, которое есть ничто ин е, какъ дѣйствіе собственныхъ стараній каждаго человѣка и благороднѣйшее употребленіе свободной его воли, дѣйствующей подъ управленіемъ разума. Но здѣсь, такъ какъ и во всемъ другомъ, можно положить извѣстныя правила, могущія служить объясненіемъ къ достиженію оныхъ, предполагая, что уже избрали себѣ намѣреніе. Почему совѣтую вамъ распологать старанія ваши, относительно къ познанію самого себя, на три разныя части: на способности, или готовности, чувствія и страсти.

Чрезъ способности разумѣется навыкъ упражняться въ особенномъ какомъ либо дѣлѣ, которое мы предпринимаемъ безъ намѣренія и безъ мыслей, или когда оное часто бываетъ повторяемо, и дѣлается нѣкоторымъ образомъ частію нашей природы, которую безъ великой трудности не льзя преодолѣть. Къ первымъ принадлежитъ ненавистная оная и безумная привычка божиться, а къ послѣднему, на примѣръ, пьянство. Не льзя подлинно угадать побудительныя причины божбы, или точно сказать, какимъ образомъ можетъ человѣкъ толико удалиться отъ разума и добродѣтели, чтобъ всегда во устахъ своихъ имѣть священное и

страшное имя Владыки всѣхъ тварей, а чрезъ то подвергать себя опасности получить навыкъ божиться въ неправдѣ. И хотя можно съ одной стороны думать, что божба безгрѣшна; ибо никто чрезъ нее не получаетъ вреда; но съ другой, никакое добродѣтельное существо безъ ужаса не можетъ представить, что божба оскорбляетъ виновника истинны. Начало сея ненавистныя привычки есть, можетъ быть, одно только желанїе казаться смѣлымъ и доказать, что не боится укоризнъ; божба не можетъ быть приписана смѣлости, ибо не есть послѣдствїе мыслей. Человѣкъ добродѣтельный всегда будетъ бѣгать, какъ безсмысленнаго скота, человѣка, часто божащагося.

Причину пьянства легко отгадать: развеселенїе самаго себя, глумливыя бесѣды и возбужденїе позыва на пищу и питїе. Учитесь, ученики мои! учитесь заблаговременно презирать мнимую сїю забаву, которой конецъ есть печаль; учитесь убѣгать сообщества которое можетъ повредить ваши нравы; учитесь противиться тѣмъ пожеланїямъ, которыхъ никогда удовлетворить неможно и которыя тѣмъ паче возрастаютъ, чемъ болѣе стараемся утолять ихъ. По крайней мѣрѣ, прежде нежели вы рѣшитесь покоряться сей привычкѣ, разсудите тщательно о послѣдствїяхъ, отъ ней произойти долженствующихъ: неспособности и нерадѣнїе о дѣлахъ, испорченный вкусъ, поврежденные нравы, потерянїе вкуса, лишенїе разума а можетъ быть внезапная и прежде-временная смерть; остальные дни жизни проведете въ болѣзняхъ и бѣдствїяхъ разстроите тѣло, расточите имѣнїе невозвратно утратите доброе ваше имя, навлечете сами на себя безчисленныя болѣзни, впадете въ неимущество безъ всякїя впредь надежды облегчить все то. Се плоды гнусныя сея привычки. Могъ бы вамъ еще много насказать о пагубныхъ слѣдствїяхъ оныя. Но упомяну только о праздности и лѣности. Лѣность, говоритъ одинъ восточный писатель, есть дочь безумїя, сестра порока мать нещастїя. Кто непротивится сему постыдному навыку, тотъ да не льстится учености, или чего либо инаго полезнаго достигнуть; слѣдовательно долженъ увѣриться, что неспособенъ онъ ни къ чему путному въ жизни своей. Не льзя безъ великаго труда и

непрерывныхъ усилій снискать мудрость; снискивать же оную должно и рано и поздно, неотступно за нею послѣдовать. Тотъ, кто проводитъ часы свои въ роскоши и праздности, или проводитъ ихъ въ утреннемъ снѣ, столь же мало увидитъ и свѣтъ солнца надъ нимъ восходящаго. Воспитанники мои! исполните просьбу мою, особенно старайтесь бѣгать отъ всякихъ худыхъ привычекъ, подобно ядовитой кожѣ Геркулеса, сколь ни привлекательными ихъ находить будете. Объясню вамъ сколь сіе дѣло и заключу прекрасною и поучительною баснею, сообщенною мнѣ однимъ моимъ пріятелемъ.

Сновидѣніе Ѳеодора, пустынника на островѣ Тенерифѣ, найденное въ его пещерѣ.

Чадо постоянства, кто бы ты ни былъ, ты, кого любопытство сюда привело, читай сіе и буди мудръ. Бесѣдующій съ тобою есть Ѳеодоръ, пустынникъ Тенерифскій, который на пятьдесятъ седьмомъ году уединенія своего оставилъ по себѣ людямъ сіе ученіе, плодъ его размышленій съ самимъ собою.

Я былъ прежде тѣмъ, что ты теперь, одинъ изъ пресмыкающихся по землѣ и взирающихъ на твердь небесную; имѣлъ торгъ, собиралъ богатства, любилъ и былъ любимъ, былъ украшенъ знаками честей, внималъ уловительные гласы ласкателей, былъ честолюбивъ, былъ въ уваженіи у согражданъ моихъ, наконецъ ставъ нещастенъ, удалился отъ всего мірскаго. Долго искалъ того, что напослѣдокъ нашелъ здѣсь, здѣсь, гдѣ нѣтъ нужды покупать помощей вытерпливаніемъ глупостей людскихъ. Увидѣлъ плоды, растенія и воду, рѣшился ожидать смертныя косы, которая не устрашитъ уже меня своимъ прикосновеніемъ.

Сорокъ восемь лѣтъ проводилъ я здѣсь въ забвеніи о всякихъ положеніяхъ жителескихъ. Некогда попался мнѣ на глаза камень, выдавшійся изъ горы надъ моею пещерою; взлезъ на оный, съ камня же сего на другій прилегавшій къ нему, а наконецъ и на самый хребетъ горы, какъ бы наваленной изъ превеликихъ каменей, при подошвѣ которыя жилъ я. При семъ необычайнѣ я всегда былъ видѣть новые предметы; опы-

тами научася не довѣрять самому себѣ, боялся, что уединенной жизни моей не причиною ли какая нибудь страсть моя; желаніе же разсматривать красоты естества въ совершенной свободѣ, не было ли только тайнымъ побужденіемъ опять очутиться на позорищѣ свѣта. Старался обуздывать мысли мои; однако же нашелъ, что оныя со дня на день въ большее разсѣяніе приходили. Укорялъ иногда себя, для чего отчаяваюсь быть щастливъ. Взойду сказалъ я самъ себѣ, на самый верхъ горы *Тенерифской*: не опасности, а одна только лѣность отъ того удерживали меня донынѣ.

На другой день, рано по утру, пошелъ на нее, запасшися пищею. Солнце стало появляться надо мною. Крутизна часъ отъ часу становилась большею, песокъ скользилъ подъ ногами; силы мои истощились, достигнувъ мѣста равнаго, отвсюду окруженнаго торчащими камнями, съ одной только стороны восточной имѣвшаго отверстіе, сѣлъ отдохнуть, чтобъ по томъ итти далѣе, однако же колебался, не лучше ли возвратиться мнѣ назадъ. Вѣтьви древесъ распространяли тѣнь свою надъ моею головою, легкій и прохладный весенній вѣтръ развѣвалъ пріятнымъ запахомъ.

Сидѣлъ и размышлялъ, хотѣлъ уже встать, но вдругъ почувствовалъ великую усталость; легъ и заснулъ. Мечтается мнѣ будто, бы слышу шумъ, подобный паренію орла; вижу нѣкое существо, величественнѣе человѣческаго, взяло меня за руку, вопрошаетъ меня голосомъ степеннымъ, однако же привѣтственно: . . . . „Ѳеодоръ! куда идешь? . . . Хочу взойти на самый верхъ горы, удобнѣе обозрѣвать красоты природы. . . . Но прежде не откажи вниманія „всего и на окружающія тебя на мѣстѣ семъ; что „непонятно тебѣ будетъ, я обясню: есмь бо изъ „тѣхъ благотворныхъ существъ, которыя охраняютъ „жертвы смерти отъ всего вреднаго для нихъ, хотя „навлекаемаго самими же ими на себя чрезъ собственные ихъ преступки. Смотри на зримое тобою здѣсь „безъ страха; примѣчай, размышляй, требуй моихъ, „наставленій „.

Послушествовалъ я . . . . Вижу гору выше горы Тенерифской, тѣло ея не досязало зрѣніе. Уставъ гля-

дѣть въ верхъ, опустилъ я глаза на подошву ея; но какъ же удивился, что основанїе ея не касалось земли, а терялось во мракѣ. Изумленїе и ужасъ овладѣли мною. Ободритель мой произнесъ тогда ко мнѣ . . . „Ѳеодоръ! не бойся, возведи очи твои паки на высо-„ту, се гора *существованїя*, разсмотри оную и буди „мудръ.„

Сталъ я смотрѣть со всевозможнымъ вниманїемъ, примѣтилъ, что нижняя часть горы мало по малу возвышалась, всюду покрыта была цвѣтами, средняя ея часть имѣла утѣсную кручу, полна камней, разсѣкалась преглубокими оврагами, осѣняемыми густотою вѣтвей съ безчисленными плодами, по мѣстамъ разсѣянными стояли велелѣпныя зданїя и бесѣдки. Мѣста же, ближе къ вершинѣ горы, большею частїю были безплодныя, угрюмаго вида, однако между ущелинами каменныхъ скалъ росла нѣкоего рода трава, хотя не прїятная взору и обонянїю, но сколько-нибудь подавала отрады путникамъ на высоту горы.

Начавъ прилѣжнѣе разсматривать различныя мѣста горы сей примѣтилъ, въ не маломъ отъ нея разстоянїи, множество людей обоего пола, которые изъ подъ оныя выходили. Въ дали не видно было, что они шествуя дѣлали, но поминутно сближаясь со мною, узналъ, что срывали цвѣты и что предвождала ихъ жена сановитая въ бѣлой одеждѣ, не заказывая имъ разсѣваться въ стороны, ибо мѣсто сїе было повсюду прїятно, не подверженное никакимъ вреднымъ нашествїямъ воздушнымъ и заблудиться на немъ было не льзя. Нѣкоторые срывали вмѣсто цвѣтовъ тернїе, она (*непорочность*, было имя ея) смѣялся только тому. Прещастливы! сказалъ я, имѣя столь кроткую надзирательницу. Очень скоро за тѣмъ стало мнѣ видно что вела она ихъ не далеко, ибо шла только цвѣтками: отставшїе же отъ ней одинъ по другомъ, внезапу нашлися уже подъ инымъ руководствомъ, то было „*воспитанїе*.„ Имѣло оное видъ важный, властительство строгое; не спускало ниже одного съ предписываемыхъ имъ стезей, которыя казалися узки и не гладки. Услышали тогда голосъ *желанїя*, совѣтующїй оставить такую дорогу, и самое *воспитанїе* нещетно тому противилось. Многїе пошли обратно къ горѣ,

которую миновали, и казалось, будто бы опять хотѣли срывать цвѣты; но вмѣсто того увидѣли предъ собою тинистое болото, по коему хотя безпрерывно вязнувъ, но шли далѣе на гору.

Послѣдуя прежде за *воспитанїемъ*, слышали неумолкно совѣтовавшаго остерегаться отъ всякой привычки; что привычки разставливаютъ предъ ними сѣти свои; что не примѣтно опустошаются ими; что тѣ, которыхъ оныя уже преодолѣютъ, вѣчно порабощается.

Вопросилъ я бесѣдующаго со мною, что бы то значило? отвѣчалъ ....,, взгляни на сїю часть горы; (указавъ мнѣ оную). Ею шло множество карлъ весьма тихо: одинъ другому за собою сглаживая дорогу. Примѣтилъ я ошибку мою, ибо принялъ кажущимися малорослыми издали только. Находящїеся подъ руководствомъ *воспитанїя* или не примѣчали присутствїя сихъ своихъ спутниковъ, или презирали за малый ихъ ростъ, за невозможное почитая, что бы столь слабые непрїятели могли когда-нибудь надъ человѣческимъ существомъ одержать побѣду, слушали увѣщанїя, чтобъ имѣть имъ осторожность отъ нихъ, съ удивленїемъ.

Самъ я ни какъ не могъ себѣ представить, чтобъ подобныя увѣщанїя были нужны, доколѣ не разглядѣлъ, что каждый изъ мѣлкихъ сихъ тварей, укрывалъ у себя цѣпь, дабы оковать ими, кто бы имъ въ руки ни попался. Имя карламъ было *привычки*, шли предъ глазами *воспитанїя*, не безчинствуя, почти не прибавляясь въ величинѣ и силѣ своей; хотя всегдашнее ихъ было желанїе соединиться съ *желанїемъ*, однако *воспитанїе* ихъ отъ онаго отводило и повиновались ему въ точности, сглаживая и уравнивая узкїя тропинки, съ которыхъ не были спускаемы.

Особеннаго примѣчанїя достойно было то, что ростъ ихъ никогда не былъ одинаковъ, но безпрестанно или прибавлялся, или становился меньше, никогда же одной и той же мѣры. Не могъ я не оказать удивленїя, увидѣвъ, что они весьма скорѣе могли увеличиваться, нежели уменьшаться. Правда, подъ надзиранїемъ *воспитанїя* весьма медленно прибавлялися въ ростѣ: когда же *желанїе* совращало ихъ съ прямаго пути, то вдругъ становились похожими на испо-

линовъ, и сила ихъ была столь велика, что многихъ изъ путешествующихъ съ ними, влекли за собою въ оковахъ и *воспитаніе* не могло уже отъ того избавить. Предводдаемые послѣднимъ, слишкомъ на себя надѣяся, думали, что воспротивяться всякой привычкѣ, сколь-бы ни была уловительна; нѣкоторые же тайно жалѣли, что мѣшаютъ имъ пуститься за *желаніемъ*, которое шло какъ бы торжествуя.

Особливыя хитрости *привычекъ*, состояли въ томъ что съ начала не давали возчувствовать всего своего властительства. Умѣли казаться, что не руководствуютъ они, а только сотовариществуютъ идущимъ съ ними; а между тѣмъ налагали на нихъ цѣпь за цѣпью по наружности самыя легкія, которыя часъ отъ часу, а притомъ и не примѣтно, крѣпчали, наконецъ же дѣлались не разрывными.

Воспитаніе такимъ образомъ достигнувъ той части горы, гдѣ поверхность земли становилась шароховата, предводительство свое уступило двумъ властелинамъ могущественнѣе себя. Послѣдній изъ таковыхъ казался достоинъ первенствовать въ самыхъ верьховнѣйшихъ судилищахъ, и управлять цѣлымъ народомъ, съ крайнимъ тщаніемъ назиралъ даже и самыя малѣйшія поступки другаго. Сей, можно было примѣтить, что чувствовалъ въ себѣ страхъ и безпокойство, когда взоры того устремлялися не на него. Первый напротивъ, хотя со удовольствіемъ принималъ отъ того знаки подчиненности, однако же являя, что оными ему долженъ есть. Видъ его столь былъ осанистъ и важенъ, что не хотѣвшіе повиноваться ему, взглянуть на него не смѣли.

,,Ѳеодоръ! сказалъ мнѣ проводникъ мой, не бойся ,,и буди мудръ; подступи къ существу сему, влады,,чество его простирается по всей остальной части ,,горы.,, Съ трепетомъ отважился я начать рѣчь мою съ тѣмъ, который казался подчиненъ другому: взоры его были столь проницательны и грозны, что не могъ я сносить оныхъ. ,,Лучезарное божество! рекъ я, подъ ,,какимъ именемъ отважусь привѣтствовать тебя, ска,,жи мнѣ: ты, который державствуеши здѣсь, на ка,,ихъ условіяхъ удостоюся твоего покровительст,,ва!.... ,,Чрезъ единое повиновеніе, отвѣчалъ онъ,

,,можешь то снискать. Я есмь *разумъ*, благороднѣй-
,,шее и чистѣйшее изъ всѣхъ сотворенныхъ существъ.
,,Восхощешь ли исполнять законы мои, то тебя по-
,,добно же какъ и другихъ моихъ приверженцевъ, пред-
,,ставлю Религіи . . . . ,, Обязался я въ томъ и былъ
отъ него представленъ его *повелительницѣ* . . . . Воз-
зрѣла на меня благосердо и снисходительно. Покло-
нился я низко, увидѣлъ, что улыбнулась она съ прі-
ятностію.

Когда *воспитаніе* оставило тѣхъ, о благополучіи которыхъ оно столь долгое время имѣло попеченіе, то казалось какъ бы ожидало отъ нихъ нѣкоторой благодарности: по крайней же мѣрѣ нѣкотораго сожалѣнія, что лишаются столь не утомленнаго приставника; но вмѣсто того, оказывали радость; оказывали ясно, что наставленіе его давно уже было имъ и ненужно, и непріятно. Всѣ единогласно предавались веселію, что не будутъ уже болѣе сносить его своенравія, а начнутъ послушествовать одному только разуму, отнюдь не сумнѣваясь, что поступая по внушеніямъ онаго, пріобрящутъ любовь его къ себѣ. *Разумъ* при первомъ вступленіи ихъ въ его область, прежде всего совѣтовалъ имъ, чтобы прилѣпилися къ почитателямъ Религіи. Говорилъ имъ: ,,ежели положитесь только на меня одного, то буде-
,,те имѣть равную судьбу съ тѣми моими послѣдова-
,,телями, которыхъ я не могъ защитить отъ *желаній*
,,и *страстей*, и которые отъ *привычекъ*, въ странахъ
,,*веселія* уловлены и вовлечены были въ отчаянія безд-
ну.,, Суетное напоминаніе! большая часть возгласила что не желаютъ быть ни подъ чьимъ инымъ присмотромъ, что не сомнѣваются подъ однимъ его достигнуть, безъ наималѣйшія опасности, до вершины горы существованія. ,,Власть, которую я имѣю, продол-
,,жалъ *разумъ*, состоитъ токмо во увѣщеваніи, а не
,,въ принужденіи; показалъ уже я вамъ опасность ва-
,,шего избранія. Путь мечтается теперь вамъ глад-
,,кимъ и ровнымъ, но есть стремнины и скрытыя про-
,,пасти, чрезъ которыя одна только *Религія* препро-
,,вождати можетъ. Посмотрите вверхъ, увидите ту-
,,манъ объемлющій темя горы; туманъ сей есть пре-
дѣлъ моего званія: что за нимъ, то видитъ единая ток-

„то *Религія*. За туманомъ храмы блаженства, до „коихъ всѣ ею руководствуемые доходятъ по непри-„ступнымъ крутизнамъ; преодолѣваютъ трудности „странствія, наслаждаются вѣчнымъ покоемъ. Мнѣ не „извѣстенъ сей путь, слѣдовательно представляю васъ „вождю лучшему, нежели каковъ я. Гордыня иногда „ругалась надъ слабымъ моимъ зрѣніемъ, мнилъ я „далѣе его пускать, нежели дано мнѣ; но едва воз-„могло проникнуть только сквозь прегустые мраки до „сѣни спокойствія, и въ то же мгновеніе прерывало-„ся; гордыня не умолкала побуждать многихъ, чтобъ „шли туда прямо; но какъ можно исполнить оное „связаннымъ узами *привычекъ* и *отчаяніемъ*? Лютые „сіи мучители низвергли ихъ въ бездну пропастей; „по обѣ стороны упомянутыхъ мраковъ. Я не въ си-„лахъ научить васъ способамъ, какъ и вы отъ того „избѣгать можете.„

Такъ вѣщалъ *разумъ*, къ просившимъ его покровительства. Нѣкоторые приводя себѣ на память правила воспитанія, кои подтверждалъ имъ и *разумъ*, съ негодованіемъ повиноваться ему: приставшіе же къ последователямъ *Религія*, начали отличать себя равенствомъ шаговъ шествія, хотя и были между ими женскаго пола, достигали вершины горы не останавливаясь на предметахъ, которые безпрестанно развлекали на себя вниманіе ихъ.

Рѣшившійся слѣдовать одному *разуму*, а не *Религіи*, ежечасно подстрекаемы были то страстьми, то *желаніями*, уклоняться отъ пути; и тѣ и другіе имѣли причину хвалиться щастливымъ успѣхомъ. Умножилось число совращенныхъ на стези ложныя, ибо на всякой изъ таковыхъ стало болѣе народа, нежели на прямомъ пути. Нападенія *желаній* на нихъ, дѣйствовали жесточае; волненіе страстей продолжительнѣе. *Желанія* уклоняли съ прямаго пути; *страсти же* сначала шли, съ ними по одной дорогѣ, которая съ путемъ *разума* и *Религіи* почти одинакое имѣла положеніе, но послѣ, мало по малу, устранились, а наконецъ и совсѣмъ оный теряли изъ глазъ. *Желанія* захватывали къ себѣ застѣнчивыхъ, а *страсти* веселыхъ. Между *желаніями* самая сильнѣйшая была *роскошь*; между же страстьми *Суетность*. *Страсть* съ

желанїемъ соединя свои прельщенїя, большую часть людей влекла за собою.

Соблазнители сїи одерживали полную власть надъ послѣдователями *разуму*, кромѣ одного случая, когда *страсть* и *желанїе* когда либо ссорились. Правда, побѣждали нѣкогда и послѣдователей *Религїи*, когда они на нѣсколько времени сбивались съ праваго пути; однако *Религїя* паки возвращала ихъ на оный, чрезъ посланника своего, *совѣсть*, не допуская, чтобъ *привычка* успѣла наложить на нихъ оковы свои. Рѣшившїйся повиноваться *разуму*, оставивъ его единожды, почти на всегда съ нимъ разлучались: ибо онъ не имѣлъ у себя подобнаго же посланника, кромѣ *гордыни*, которая ему обычайно предательствовала, и все свое искуство употребляла къ подкрѣпленїю страстей. Естьли же разумъ когда и исполнялъ свою должность, но былъ ни къ чему неспособенъ, попустивъ содѣйствовать себѣ *привычкѣ*.

Усмотрѣлъ я, что послѣдователи *Религїи* должны были страшиться наивеличайшей опасности отъ *привычекъ*. *Привычки* легко могли противиться всякой другой власти и не находили въ томъ затрудненїя: естьли кто по нерадѣнїю отъ *Религїи* удалялся и нехотѣлъ посредствомъ совѣсти найти оную паки; особливо же когда *привычка* успѣла уже разставить предъ нимъ сѣти свои, загородила ему путь. Достойно жалѣть о тѣхъ, которые при каждомъ возванїи *совѣсти* старалися, хотя тщетно, разторгнуть цѣпи *привычки*, которыя видѣли *Религїю* предъ ними въ нѣкоторомъ разстоянїи идущую, взирали на нее съ почтенїемъ и желали съ нею соединенїя: но начавъ уже сближаться съ нею, были удерживаны *привычкою*; стенали подъ игомъ рабства, не находя силъ отъ онаго къ свободѣ, сколь ни ненавидѣли, ни презирали за то сами себя.

Можно было ясно видѣть, что *привычки* чрезъ повторяемыя съ ними сраженїя никакъ не ослабѣвали; что всякое такое сопротивленїе умножало ихъ величину и силу: одержавши же побѣду, становились вдвое сильнѣе, нежели каковы были. Тѣ, которые наскучили ихъ полновластїемъ, старалися свергать съ себя иго одной по другой, и такъ же постепенно назадъ воз-

вращаться, какъ шли въ передъ. Но *привычки* на бѣглецовъ таковыхъ налагали новыя цѣпи, выключая самыхъ только мощнѣйшихъ изъ таковыхъ. Сіи, чрезъ напряженіе всѣхъ своихъ силъ, однимъ разомъ вдругъ разрывали оныя. Многіе изъ нихъ, которые удалилися отъ *привычекъ* съ крайнимъ поспѣшеніемъ, уставали отъ скораго бѣга и паки попадались въ руки оныхъ.

Другіе примѣтивъ, что чрезмѣрно овладѣла ими особенная нѣкая *привычка*, призывали на помощь или *разумъ*, или *Религію*. Тотъ и сія охотно приходили къ нимъ на помощь; однако не съ одинакою ревностію, не съ одинакимъ успѣхомъ. *Привычки* часто осмѣливались вступать въ разговоръ съ *разумомъ*, обѣщевались иногда невольникамъ своимъ дать свободу; но *разумъ* всегда находилъ, что работствующіе *привычкамъ* никогда не отставали отъ нихъ совершенно. *Религія* никогда не удостоевала *привычекъ*, ниже однимъ словомъ; а только къ мучимымъ отъ онехъ и къ ней прибѣгающимъ простирала руку и всякій разъ не всуе: кто бы изъ таковыхъ и не смогъ итти къ ней, и таковаго уводила, наставляла на путь ко храму *блаженства*. *Разумъ* привѣтствовалъ ихъ, радуясь ихъ освобожденію, побуждалъ ихъ повиноваться той власти, которой одолжены они столь великимъ благомъ.

Пошедъ они путемъ далѣе, паки срѣтали прежнія свои *привычки*; но уже въ видѣ карлъ, немощныхъ, не дѣятельныхъ, доколѣ не срѣталися такъ же съ какою либо страстію или дѣяніемъ, коими прежде были прельщаемы: тогда вдругъ *привычки* возрастали, толкали ихъ къ послѣднимъ. Странствователи бывъ тако съ одной стороны прогоняемы, другою влекомы, уклонялись съ пути *блаженства*, и послѣ сего втораго своего уклоненія, рѣдко уже на оный попадали. Напротивъ, *религія* благовременно призываема на помощь, отнимала у *привычекъ* всю силу, и были оныя сею совершенно низлагаемы.

Вниманіе мое, взирая на сей путь, не утомлялось, всѣ идущіе по оному казались веселы и довольны, и чемъ шли далѣе, тѣмъ болѣе радовались, тѣмъ болѣе увѣрялись во благоразуміи путеводительницы своей.

Нѣкоторые, кромѣ самыхъ малыхъ совращеній съ пути со временемъ навыкли преодолѣвать *желанія* и *страсти* силившіяся предпоставлять имъ препоны въ шествіи ихъ, другіе поздно на оный вступившіе, или которые долго и далеко теряя его, не имѣли отъ *религіи* ни малѣйшей помощи, таковыхъ всѣ труды оставались напрасны. Примѣтилъ я однако же, что, когда доходили они до безплодной вершины горъ, то мало между ими было, которые бы безъ помощи *привычекъ* могли продолжать путь, что состоявшіе подъ властію *привычекъ* сильныхъ, или прямо въ густый туманъ, не чувствуя утомленія, съ равнодушіемъ и съ совершенною довѣренностію, и терялись во ономъ отъ глазъ моихъ, предъ одними только очами *религіи* не могли они сокрыться, *разумъ же*, какъ ни пристально и любопытно глядѣлъ въ слѣдъ ихъ; но увидѣть ихъ не могъ; однако повелительница его поднимала его отъ земли; и тако зрѣніе его распространяла.

„Теперь Өеодоръ, сказалъ мнѣ собесѣдникъ мой, „отврати лице свое отъ мѣстъ покрытыхъ мракомъ, „посмотри на судьбу тѣхъ, кои будучи оставлены „*воспитаніемъ*, не хотѣли признавать никакого ру„кородителя кромѣ *разума*, смотри, какъ они заблу„ждаются и буди мудръ.„

Устремилъ я взоры на путь *разума*, который доколѣ не раздѣлялся съ путемъ *религіи*, и вездѣ со онымъ сходствовалъ, дотолѣ познавалъ *разумъ*, что открытіемъ пути сего долженствовалъ онъ *религіи*; но *Гордыня* иногда побуждала его возмечтать, что самъ онъ его обрѣлъ, совѣтовала ему именоваться вождемъ *религіи*: по многихъ тщетныхъ усиліяхъ, однако же находилъ онъ, что самое наибольшее его преимущество состояло въ томъ, чтобъ умѣть послѣдовать ей. Наконецъ *разумъ* получилъ довольное свѣдѣніе о пути, и казалось, что съ успѣхомъ указывать оный могъ, когда *страсти*, или *желанія* не мѣшали ему: обуздывать ихъ было ему весьма трудно. Когда *страсти* уловляли послѣдующихся имъ, отводилъ отъ того слабо. съ *желаніемъ* хотя сражался лучше, но посредѣ самыхъ сраженій уставалъ, естьли же и *привычки* присоединялись къ *желеніямъ*, изнемогалъ со-

вершенно. *привычка* какая либо, стараяся уловить *послѣдователей религіи*, всякой разъ мало прибавлялась въ своемъ ростѣ, и всякой разъ сберегала для себя удобность къ бѣгству; но нападая на послѣдователей *разума*, ничего не боялась. безпрестанно возрастала, безъ всякія пощады налагала на нихъ оковы за оковами.

Изъ тѣхъ, кои оставляли путь *разума*, нѣкоторые были обманываемы пошептами *честолюбія*, которое безпрестанно твердило имъ о великолѣпныхъ чертогахъ, исчисляло имъ удовольствія и обилія, превозносило благоденствіе сильныхъ земли. Внушенія сіи печатлѣлись въ умахъ и привычка тотъ часъ налагала на нихъ свои цѣпи. Узнавали глупость выбора своего; но весьма не многіе, даже и намѣревались назадъ возвратиться. *Честолюбіе* водило ихъ отъ одной стремнины на другую: многіе падали во оныя и къ тому уже не показывались. Тѣ, кои гибели сей избѣжали, пойманы были руками *скупости*, начали копить сребро и злато не заботясь, впрочемъ, ни о чемъ иномъ до самой смерти своей; богатства же ихъ напослѣдокъ послужили жертвою расточенія ихъ наслѣдниковъ.

Иные *неумѣренностію* склоняемы были скитаться для исканія благовонныхъ плодовъ, висящихъ надъ отверстіями камней, выдавшихся отъ поверхности горъ. Примѣтилъ я, что *привычки* вились около неумѣренности и вдругъ получали ростъ исполинской. *Разумъ* на устраняющихся столь безумно отъ пути надлежащаго, взиралъ презрительно и сурово, почти не надѣясь возвратить ихъ на оный: ибо вѣдалъ, что ни *надежда* какакая-либо, ниже *страхъ*, не могли ихъ склонить къ тому, ибо *привычка* взяла столь безпредѣльную власть, что и сама *совѣсть*, естьлибъ *религія* разбудила ее, не успѣла бы.

Еще нѣкоторыхъ преступленіе состояло въ томъ что болѣе презирали *разумъ*, нежели ему повиновались. Отъ воздушныхъ суровостей и безпокойствъ дороги, не въ пріятномъ жилищѣ *неумѣренности* но въ лабаринтахъ *нечувствительности* искали убѣжища. Всегда могли имѣть въ виду путь *разума*, всегда желали держаться его; но всякой разъ хотѣли про-

кладывать себѣ собственную свою особенную дорогу. *Привычки*, между тѣмъ, не престаравали непримѣтно опутывать ихъ своими узами и ежеминутно удалять отъ истиннаго пути, который всегда имъ всегда найти они могутъ. Изъ одной излучины лабиринта шли въ другую такую же, не примѣчая, что всѣ прочіе странствователи впередъ подавались и что травы и цвѣты по обѣимъ у нихъ сторонамъ отъ часу блѣднѣе, запахи же отъ нихъ отвратительнѣе становились. Тако продолжали шествіе по мѣстамъ унылымъ и мрачнымъ, безъ удовольствія, да и чувствуя, что не могутъ уже попасть на истинный путь. Что же иное оставалось?.... Пьяница долженъ былъ утѣшать себя виномъ; любочестный неудачною надеждою его соперника, *нечувствительные* не находили никакія отрады: *не удовольствіе* помрачало ихъ взоры, бродили не вѣдая сами куда, негодуя, и досадуя, доколѣ не достигали глубокія пустыни, водворенія одних печальныхъ тѣней и призраковъ, коею ск н е вается царство *нечувствительности*. Цѣпи привычки заковываются здѣсь навсегда; а *задумчивость*, по долговременномъ томленіи мучимыхъ ею, предает ихъ наконецъ лютостямъ *отчаянія*.

Собесѣдникъ мой увидѣвъ меня размышля... семъ столь ужасномъ явленіи, сказалъ мнѣ: „н... „Феодоръ! и буди мудръ, не допускай привычкѣ „...дѣть тобою..." Пробудился я отъ сна нахожу... бя окруженна камнями *Тенерифской* горы: слышу ... ніе утреннихъ птицъ на древесахъ, денница проли... вала на меня лучи свои.

Обратимъ мысли наши на страсти, разсмотримъ нѣкоторыя только, кои суть всеобщее или опаснѣе, и предложимъ нѣсколько правилъ, какъ оныя располагать достохвально.

УДИВЛЕНІЕ.

1) Начнемъ *удивленіемъ*, поелику оное есть безъ сомнѣнія первая страсть въ человѣкѣ... Польза страсти сей есть, что мы вниманіе наше устремляя на

вещи насъ окружающія, естественныя ли, или рукотворныя, заставляемся судить объ нихъ. Чрезъ то получаемъ не только скорое познаніе о ихъ свойствахъ и употребленіи, но въ то же время печатлѣются оныя въ памяти нашей на все прочее жизни нашей теченіе. въ первой нашей юности, почти каждый предметъ раждаетъ въ насъ *удивленіе*. Углубляяся мы въ произведеніяхъ Божіихъ, открываемъ и всегда открывать будемъ, что-либо новое, мудрое, великое, или что-либо такое, которое вселяетъ въ насъ пріятное чувствованіе. Напротивъ, *удивленіе* въ человѣкѣ бываетъ иногда такъ же и такое, которое есть токмо глупое изумленіе, посмѣшища достойное: всячески должно отвыкать отъ онаго за время рано. По сему удивленіе человѣка имѣетъ отношеніе или съ его благоразуміемъ или его невѣжествомъ; обширное познаніе веществъ въ природѣ художества, достопамятнѣйшія приключенія въ родѣ нашемъ, суть одни пособія ко учиненію насъ способными къ первому, удалить отъ втораго.

Страхъ.

2) *Страхъ*, такъ же весьма часто возникаетъ въ сердцахъ отъ глупости, матери и кормилицы своей прежде нежели возьимѣ емъ мы о вещахъ правильныя понятія. Польза страсти сей есть та, что воображенія о опасностяхъ или бѣдствіяхъ намъ угрожающихъ какогобъ рода или качества нибыли, бываютъ сильнѣе, и заставляютъ стараться оныхъ избѣгать. Въ такомъ смыслѣ страхъ есть столь полезная страсть, что превращается иногда во охранителя и самыя нашея жизни, слѣдовательно, есть страсть полезная благоразумнымъ людямъ. Кто не подходитъ близко утѣснаго брега глубокія пропасти? кто не бѣжитъ отъ лютаго звѣря? кто будетъ говорить досадительно предъ толпою вооруженныхъ злодѣевъ? . . . Страхъ сердца и души наши занимая, дѣлаетъ насъ унылыми малодушными, неспособными противиться пороку и неправосудію, злоключенія жизни сносить съ твердостію; подвергаютъ насъ тѣмъ же самымъ зламъ, отъ коихъ долженствовалъ бы отводить насъ. Есть еще

другой родъ страха, который овладѣвая нами, учиняетъ насъ нещастными совершенно. Сирѣчь, когда боимся привидѣній, нищеты, напастей, смерти. Надежнѣйшее и одно предохранительное средство, имѣть совѣсть безъ угрызенія препоручать себя во всемъ промыслу Божїю. Сїе только даетъ намъ неустрашимость, отъ всего случится съ нами могущаго, человѣкъ тако укрѣпленный, не трепещетъ ни отъ чего видимаго и невидимаго; равнодушно взираетъ на нищету, болѣзни и самую смерть; но какъ страхъ не совсѣмъ вреденъ человѣку, ибо можетъ не рѣдко быть ему полезенъ и надобенъ, естьли когда соотвѣтствуетъ предметамъ оный возбуждающимъ. Напримѣръ, женщина боящаяся тараканов, или инаго какого-либо гада, не меньше сколько боится она и хищнаго звѣря: равно безумствуетъ съ такимъ, который столько же не боится хищнаго звѣря, какъ мухи и томъ подобнаго. Той и другаго понятїе о сихъ животныхъ во одинакой степени, ложно, съ разностїю, что послѣднїй несравненно паче вредоноснѣе самъ себѣ. „Какого достоинъ презрѣнїя„ говоритъ Церванте съ„ боящїйся какого-либо „пресмыкагося болѣе, нежели существа всемогущаго, „и который менѣе всего печется благоугождать послѣднему.

Гордыня.

3) Преопасная страсть. Богъ влїялъ оную въ природу нашу для того, дабы возбуждала въ насъ соревнованїе къ подражанїю великимъ и достойнымъ качествамъ и дѣянїямъ; ревность къ тому, что справедливо и похвально; негодованїе на тѣхъ, которые притѣсняютъ другихъ, не правосудствуютъ: словомъ, для того, чтобъ мы сами не унижали надлежащую нашу цѣну; презирали бы человѣка развращеннаго сколько бы ни былъ знатенъ. По сему гордость становится добродѣтелїю, можетъ, по справедливости называться великостїю духа. Но гордость, какъ и другїя страсти, обыкновенно стремится не къ предметамъ, къ коимъ бы долженствовала, или бываетъ выводима за приличествующїе ей предѣлы. Часто видимъ, что человѣка низкаго состоянїя, каждый порокъ дѣлаетъ зло-

получнымъ, каждая глупость дѣлаетъ презрѣннымъ; но другой, отъ знатныхъ родителей произшедшій, за самые тѣ же пороки и глупости, извиняемъ бываетъ хотя на предковъ своихъ походитъ только именемъ и титлами; хотя самые бы сіи его предки, естьли бы воскресли, возгнушалися бы имъ, и не признали за своего потомка; выскоблили бы имя его въ родословной своей, которою онъ только хвалится. Богатство! о сколь не рѣдко есть, ты источникъ гордыни и высокомѣрія! но можешь ли имѣющему тебя дать мудрость, добродѣтели? Сіи гордятся снисканными, другіе природными, качествами души своей: на примѣръ: ученостію, остроуміем, памятію: но всякая сего рода гордыня есть безуміе. Слѣдовательно убѣгать оныхъ должно равно, какъ бы и не прослыть скудоумнымъ Ни что такъ не обычайно, что люди ученостную гордость основываютъ на незнаніи того, о чемъ въ самой вещи мало вѣдаютъ. Естьли могли бы подобные просвѣтиться обширностію наукъ, узнали бы, что выученное ими есть ни что противу остающагося, чему еще учиниться имъ; что за ученыхъ людей пріемлютъ ихъ только невѣжды. Добродѣтели и полезныя премущества, превозносящія человѣка въ человѣцехъ И такъ воспитанники мои! пріимите за правило: чемъ болѣе имѣетъ кто либо въ себѣ отъ сихъ двухъ изящныхъ качествъ, потому менѣе онъ гордъ и надмѣненъ предъ другими.

Гнѣвъ.

4) Гибельная для спокойствія души нашей страсть однако же нужно, чтобъ нѣчто и отъ ней въ нѣкоторыхъ случаяхъ трогало сердце и возвышало духъ человѣка. Чувствуемъ мы праведное отвращеніе противу утѣсненій и несправедливости;
но не должны поступать ни на какое кровавое мщеніе развлачно пріемлемое удовлетвореніемъ; ни на какія презрѣнныя средства скрываемой злобы: но токмо открыто и правильно негодуя противуя утѣснителей и ненавистниковъ. И пуститъ ли человѣкъ страсти сей волю давать духъ е при всякомъ маловажномъ случаѣ какъ напримѣръ: согрубитъ ли ему кто либо, пре-

ступится ли предъ нимъ его слуга, попротиворѣчитъ ли нѣкто изъ знаемыхъ его: учинится лютъ къ подчиненнымъ, досадителенъ къ начальникамъ ненавидимъ подверженнымъ его глупостямъ, посмѣшищемъ о всѣхъ прочихъ. Надобно обмыслить, что весьма мало въ свѣтѣ вещей заслуживающихъ гнѣвъ человѣка мудраго, но и въ разсужденіи оныхъ, естьли онъ благонравенъ, всеконечно умѣрять будетъ страсть.

Любовь.

5) Сею-то страстію, нужно вамъ, дѣти мои! управлять съ великою осторожностію. Страсть сильнѣе всѣхъ дѣйствующая въ юныхъ сердцахъ, всячески беречься вамъ должно первыхъ ея порывовъ ... Въ какія глупости, въ какія крайности, въ какое безуміе впадаютъ молодые люди, отдавшіяся въ полную власть ея!... Болѣзни, нищета, угрызенія совѣсти, стыдъ суть неизбѣжные слѣды безпорядочнаго и неумѣреннаго удовлетворенія страсти сея. Старайтеся же (еще повторяю,) всѣми вашими силами обуздывать ее благоразуміемъ и добродѣтельми; въ противномъ случаѣ, утратите здравіе, имѣніе, словомъ, все ваше благосостояніе. Подумайте, что одно приманчивое личико никого не дѣлаетъ любви достойнымъ, а часто подъ нимъ кроется гнусная душа; что въ первой юности почти незнаютъ еще, кто заслуживаетъ быть любимъ и любимъ страстно; что легче истребить страсть любви при ея начаткахъ, нежели когда воздарствуетъ уже надъ сердцемъ.

Могъ бы сказать вамъ нѣчто и еще о другихъ страстяхъ, но довольно на сей разъ упомянутыхъ уже страстей наиглавнѣйшихъ.....

Первое отдѣленіе части сей моего вамъ преподаванія заключилъ я иносказаніемъ, то и сію окончу баснею изъ лучшихъ во всей древности.

ИЗБРАНІЕ.

Геркулесъ, сынъ Юпитера, достигнувъ цвѣтущихъ лѣтъ жизни, того возраста, когда гордое и ве-

селое юношество вступаетъ въ возмужалость и слѣдуетъ безпрепятственно по пути, по которому страсть или благоразумїе, ему руководствуетъ. Въ семъ еще неостепенившемся возрастѣ, или порокъ, сїе совершенно неистребляемое терние сердецъ человѣческихъ, распространяетъ ядовитый свой корень по первобытной онаго чистотѣ; или удачно показываются изницанїя добродѣтелей, далѣе же прекрасные цвѣты наивкуснѣйшихъ оныя плодовъ. Достохвальное намѣренїе, единожды глубоко впечатлѣвшееся въ непорочной душѣ отрака, водворяться будетъ и въ мужественной уже его груди..... Алкидъ въ нѣкїй день размышляя о своихъ лѣтахъ, которые были способны къ знаменитымъ дѣянїямъ, искалъ уединенїя, сея матери мудрыхъ бесѣдъ съ самимъ собою; каждый его шагъ отраждалъ новыя мысли въ его умѣ. Тако продолжая шествїе нашелся, наконецъ, на долинѣ, далеко отъ селенїй. Съ одной стороны представилася ему гора утѣсныя крутизны, и была то гора доблести; съ другїя усыпанный цвѣтами путь, и былъ то путь роскоши.

Зрѣлище уражаетъ юную душу. Грудь его воскипѣла рвенїемъ къ славѣ; но и приманчивости нѣги и сластолюбїя вперяли ему мысли кроткїя, уменьшали первое его почувствованїе. Внезапу видитъ вдали двухъ женъ: видъ имѣли превыше человѣчества, паче нежели естественную красоту. Шли къ нему прямо; каждая очаровывала его особенными своими прелестьми: одна вселяла къ себѣ почтенїе, другая любовью къ себѣ воспламеняла.

Первая безъ всякаго убранства, сама только собою украшалась, но уражала собою болѣе вторыя. Взоры ея являли здравїе, одежда ея бѣлѣлась паче снѣга, походка ея была величественна, лице кроткое, очи блистали огнемъ небеснымъ. Чемъ болѣе ближилась, тѣмъ казалась прекраснѣе и любезнѣе, однако не льзя было, чтобъ при неизреченномъ удовольствїи взирать на нее нерастворять онаго съ нѣкїимъ священнымъ къ ней почтенїемъ.

Лице другой еще было прелестнѣе, но нѣчто излишнѣ смѣлое наономъ изображалось. Взоры ея разсѣвались съ непонятною скоростїю; на пламенныхъ ея

ланитахъ зрился искусствомъ сдѣланный румянецъ; ноги ея, едва касались земли; ткань самая тонкая и почти прозрачная прикрывала ея тѣло, увеличивала прелести. Часто смотрѣла не только на самую себя съ улыбкою, да и на тѣнь свою, а потомъ разсѣвала взоры во кругъ, любуяся изумленіемъ, красотою ея производимымъ.... Приближаяся къ Алкиду послѣдняя опередила подругу свою, подступила къ нему, начали говорить смѣло, отнюдь не мысля, чтобъ онъ въ чемъ нибудь попротиворѣчилъ ей. Взяла его за руку, плѣняющій чувствія гласъ текъ отъ устъ ея подобно медоточной росѣ.

,,Къ чему печальное сіе уныніе, въ какомъ нахо-,,жу тебя любезный Геркулесъ? Юноша прекрасный! ,,какія сомнѣнія могутъ колебать духъ твой? Предай-,,ся токмо руководству моему, предатися во объя-,,тія радости и довольствія. Бѣги со мною отъ суетъ ,,мірскихъ, печалей и заботъ, и услаждатися будеши ,,безпрерывнымъ щастіемъ, безпрерывными веселость-,,ми. Путь къ славѣ труденъ, кровь и смерть на немъ ,,повсюду; стези мои безмятежны; на каждомъ шагѣ, ,,успокоеніе. Оставь славу душамъ грубымъ. Тебѣ пред-,,уставлены восхищенія наиприятнѣйшія. Удовлетворю ,,всѣ пожеланія души твоей; все, что можетъ услаж-,,дать слухъ твой, что можетъ веселить твое зрѣніе; ,,все, что воображеніе твое представить тебѣ можетъ ,,въ насыщеніе чувствъ, все сіе найдеши у меня. Обиль-,,нѣйшія трапезы, музыка разнѣживающая внутрен-,,ность; рѣдкія благовонія; прохладнѣйшія убѣжища ,,въ садахъ; прозрачные источники водъ; тѣнистыя ,,рощи; тьмы, только что раскинувшихся цвѣтовъ для ,,украшанія жилища твоего и во увѣнчаніе главы тво-,,ей: все сіе будетъ твоею собственностію. Игры и ,,смѣхи послѣдуютъ за твоими стопами, спокойствіе ,,будетъ возлежать съ тобою на ложѣ твоемъ. Столь ,,чистыми удовольствіями, безъ труда пріобрѣтаемы-,,ми, никакими печальми нерастворяемыми, я всегда ,,тебѣ доставлять буду. Воздыхающая нужда будетъ ,,отъ тебя далеко; бдѣнія не станутъ орошать чела ,,твоего потомъ; изобильная жатва, мгновенно созрѣ-,,васмая, учинится достояніемъ твоимъ. Пусть гру-,,бые водѣнщики мрутъ надъ работами; пусть буй-

„ственные ратники дѣлятъ между собою корысти за-
„воеванiй своихъ: возчувствуеши за радостьми радости
„пожелай токмо, и все дастся тебѣ . . . Тако ща-
„стливлю миролюбныхъ моихъ друзей.„

Слова прелестницы приводятъ въ восхищенiе внимающаго оныя; не можетъ насытиться смотрѣнiемъ на нее. Напослѣдокъ проситъ ее, чтобъ сказала ему свое имя . . . „зовутъ меня, прекрасный юноша! *благо-*
„*получiе*, и что то заслуживаю, друзья мои удосто-
„вѣрить тебя могутъ: ибо съ ними оное раздѣляю;
„они лучшее другихъ возвѣстятъ тебѣ славу мою.
„Сколь ни усиливается клевета именовать меня рос-
„кошью: укоризна, ощутительно ложна! не вѣрь ей,
„подлая сiя завистница, всегда готовая умалять ис-
„тинное мое достоинство, неутомленно надрывает-
„ся мрачить и уничижать мою знаменитость.„

За симъ подходитъ къ Алкиду и вторая жена . . . Все въ ней проявляло величiе; шествуетъ степенно и осанисто. „Познай, Геркулесъ!„ говоритъ юношѣ голосомъ мужественнымъ, „происхожденiе твое отъ кро-
„ви боговъ. Несозрѣлый возрастъ твой удобенъ вниматъ
„ти полезныя наставленiя; будеши благодушенъ, тер-
„пѣливъ, храбръ и мудръ, ежели не ошибешся во из-
„биранiи теперь вождя тебѣ. Всѣ жители страны
„сея ожидаютъ видѣти тебя возвышающаго дѣяньми.
„Воспряни же о юноша! превозноси тебя самаго и ме-
„ня совокупно; покажи, что чадо еси небесъ, удосто-
„иться сыновства отца боговъ. Внушенiя истинны,
„уста мои, не должны отъ тебя утаить. Безъ тру-
„довъ не можешъ взойти на предстоящую намъ стре-
„мнистую высоту горы; бодрственность токмо и неу-
„томленiе могутъ тебѣ въ снисканiи громкiя тоя сла-
„вы, тогда прямаго щастiя, которыя небо тебѣ пре-
„допредѣляетъ. Онымъ награждаются одни только от-
„важные и храбрые мужи. Честь толико превосхо-
„дная, не есть жребiй робкихъ, роскошныхъ, жено б-
„разныхъ, людей: опасности и труды престолъ ея
„окружаютъ и охраняютъ, (такъ угодно Зевсу). Сни-
„скиватель ея долженствуетъ нести возлагаемое на вре-
„мя отъ ней, прославится на вѣчность терпѣнiемъ, под-
„вигами, попеченiями и бѣдами. Желаеши ли обратить
„на тебя особенное благоволенiе о Геркулесъ! проси без-

„смертныхъ, падай предъ олтарями оныхъ съ чис-
„тымъ сердцемъ, съ моленіями и жертвами, да помо-
„ществуютъ тебѣ. Желаешь ли возгремѣть славою въ
„твоемъ отечествѣ, учинится ему отцемъ возлюблен-
„нымъ и уважаемымъ божеству подобно. Мужайся, на-
„блюдай во всемъ онаго пользу, мужайся, будь его
„гласомъ на собраніяхъ общественныхъ, мечемъ его
„въ битвахъ. И въ мирныя и военныя времена, не вы-
„пускай изъ мыслей выгодъ его; не щади для него
„жизни, проливай за него кровь твою. Хощешь ли
„стать бичемъ для гордыхъ; опоною притѣсняемыхъ
„соружіемъ въ рукахъ; хощешь ли отличитися крѣ-
„постію силъ твоихъ .... прежде научись владѣть
„самимъ собою. Отвергни спокойствіе, музыку и вся-
„кое томное, разнѣживающее токмо человѣка, чув-
„ствованіе радованій и забавъ. Нощи, посвященныя
„сну, освѣщай бодрствованіемъ духа твоего, дни про-
„води въ трудахъ. Презирай суровость зимы и зной
„лѣта; члены тѣла твоего окрѣпнутъ, явишся не прео-
„долеваемъ на сраженіяхъ.

„Послушайся только ея, прервала *роскошь*:„ съ
„какими чудовищами совѣтуетъ тебѣ ратоборствовать!
„какія опасности, о знаменитый юноша! предлагаетъ
„ко искушенію твоему! война и безпокойства непри-
„личны нѣжному твоему возрасту: возрасту къ весе-
„лію и любви токмо способному. Иди ко мнѣ пре-
„красный! иди къ любви и веселію! къ нимъ-то я те-
„бя поведу. Нѣтъ чудовищъ, которыя бы нашлися въ
„силахъ воспрепятствовать легкости твоего шествія
„никакія печали не нарушатъ удовольственныя тво-
„ея жизни. Поведу тебя близкимъ и гладкимъ путемъ
„къ благополучію. Путь сей безмятеженъ, пріятенъ и
„улобенъ. Гряди же ко мнѣ прелестный юноша! вѣч-
„ныя радости вѣчно же неразлучны со мною.

„Какія радости, нечестивая прелестница! (рекла
„къ *роскоши добродѣтель*) ты, которая одними
„только занимаешься соблазнами и безпечностію, ко-
„торыя разслабленные нѣгою составы неспособны не-
„зазорнымъ упражненіямъ, производителямъ благоден-
„ствія прочнаго; ты, которая опустошаешь полныя
„чаши напитковъ, прежде нежели возъимѣешь жажду
„пресыщенися снѣдьми, не взалкавъ; мнимыя твои,

,,удовольствія упреждающъ пожеланія; неумѣренность
,,служитъ тебѣ вмѣсто глада. Любимцы твои вотще
,,поимашаяють разнообразные способы ко удаленію
,,отъ себя отвращенія отъ всего слѣдующаго за ними
,,повсемѣстно. Сладкій нектаръ, драгоцѣнная трапеза,
,,все сіе становится имъ не на вкусъ. Спокойствіе
,,души бѣжитъ отъ твоего цвѣтами усыпаннаго водво-
,,рилища. рыхлыя твои постели, не сонъ, толико
,,укрѣпительный по трудахъ, но изнуреніе силъ смы-
,,каетъ глаза твои; вмѣсто сновидѣнія мечтается те-
,,бѣ, что-либо нелѣпое; не засыпаеши, а притупляют-
,,ся только суетныя твои помышленія . . . Отъ не-
,,рукотворенныхъ сокровищъ щедрыя природы проис-
,,текаетъ чистый источникъ непреложныхъ радостей;
,,но ты, въ противность ей, самые пріятнѣйшіе ча-
,,сы теряешь въ грѣзахъ развращенныхъ. Сонъ. дѣй-
,,ствіе нощное, похищаетъ у тебя дни, сладостра-
,,стіе ночи. Геркулесъ! ты хотя исчадіе божества,
,,но раздраженнымъ Юпитеромъ удаленъ отъ небесъ
,,отъ сего блаженнаго обиталища безсмертныхъ, да
,,поживеши на землѣ между бренными человѣки. Какое
,,жилище! на землѣ, которую мудрый презираетъ, къ
,,которой прилѣпляется; несмысленные нещастные!
,,лаская чувствамъ вашимъ, обманываете вы сами себя,
,,мня находить въ сей жизни удовольствія. Признай-
,,ся о развратница души слабыхъ! услаждалася ли ты
,,хотя единожды дѣлами благими посредѣ согласныхъ
,,звуковъ мусикійскихъ, веселыхъ пѣсней, прохладила-
,,ли тебѣ, когда-либо на мысль истинная слава, вос-
,,хищающая душу несравненно сладостнѣе всего она-
,,го? безумцы только распутство твое, пагубныя твои
,,цѣнятъ высоко. Въ чемъ состоитъ блаженство лю-
,,бимцевъ твоихъ? . . . . Юность ихъ бываетъ испол-
,,нена неистовствъ, зрѣлой возрастъ суетными пои-
,,сками: въ цвѣтущихъ лѣтахъ лишаются уже силъ
,,старость постигаетъ ихъ преждевремянно, однако
,,же не умудряетъ ихъ. Порокъ лишаетъ ихъ вдругъ
,, и разума и здравія. За всегда вѣтрены, праздны,
,,разнѣженны; проводятъ вѣкъ какъ бы въ сыпучей
,,болѣзни и нерадивости ни о чемъ. Плачевныхъ сихъ
,,жертвъ любимичества твоего постигаютъ, напослѣ-
,,докъ, разныя злоключенія, безъ всякія надежды ко

„облеченію оныхъ, влачатъ горестные остатки дней своихъ въ заботахъ о настоящемъ, стыдяся прошед„шаго, презираемы отъ всѣхъ. Наконецъ умираютъ, и „никто не жалѣетъ объ нихъ. Мое пребываніе между „ними и имъ подобными человѣки. Взираетъ на ме„ня всемогущій яко на первородную дщерь свою со благоволеніемъ. Всѣмъ достопамятнымъ дѣяніямъ сихъ „и оныхъ я виновторица. Въ сердцѣ моемъ ношу пра„вила пречистыя: крѣпость и искуство, соединенныя „съ трудолюбіемъ узами нерѣшимыми. Наставленія „мои вооружаютъ, учатъ, исправляютъ нравы суть „самыя надежнѣйшія пособія премудрости, самые „вожди для смертныхъ. Прямое дружество мною быт„ствуетъ и связуетъ токмо превосходныя души, „мною же спознакомливаемыя. Держащіеся меня не„имѣютъ нужды въ пиршествахъ; голодъ предохра„няетъ ихъ отъ слѣдствій прихотей; труды приу„готовляютъ удрученные ихъ члены къ цѣлебному „успокоенію: сонъ ихъ сладокъ; пробуждаются легко „въ веселіи и силѣ. Полны здравія, спокойствія вну„тренняго и внѣшняго, со славою шествуютъ по „пути моему. напослѣдокъ же подъемлются въ горняя „ликовствующе, что провели временную ихъ жизнь „благо; что ниже одинъ оныя часъ не проми„нулъ безполезно; что каждый оныя день озна„меновали особымъ достохвальнымъ дѣяніемъ. Прахи „ихъ почтитъ будутъ въ мирѣ; память ихъ никогда не „умолкнетъ хвалитися устами добродѣтельныхъ; „словомъ, препобѣдятъ они общую судьбу смерт„ныхъ.... Се Геркулесъ! блаженство, единое истин„ное. Внемли гласу моему и дерзай, небесное проис„хожденіе твое да возвыситъ и распространитъ твои „мысли. Воззри, се путь къ славѣ! пріидеши онымъ „отъ земли къ безсмертію! се онъ! обѣщаюся пред„вождать тебя. Воспряни и гряди путемъ симъ, да„же до небесъ, отечества твоего.

Слова добродѣтели озарили умъ младаго человѣка свѣтомъ небеснымъ, вліяли въ него новыя силы грудь его воздымалась отъ невмѣщенія ревности къ истинной славѣ; наполнился размышленіями высокими; мракъ заблужденія изчезъ предъ его очами; увидѣлъ *роскошь*, при всѣхъ ея притворствахъ и хитро-

стяхъ, въ естественномъ видѣ ея. Прелести ея, толико прежде привлекательныя, помрачились, претворились въ безобразїе.

Розовая краска на ланитахъ ея обнаружилась рукотворенною. глубоко впавшїе глаза едва были отверсты; всѣ черты лица ея стали подъ отвратительною блѣдностїю, подобно *Ирисѣ*, чрезъ нѣсколько времени распростирающей водоносную дугу свою, гордящейся своею распещренностїю; но скоро потомъ начинаютъ мрачиться яркїе ея цвѣты, напослѣдокъ же вовсе престаетъ бытствовать; и на мѣстѣ томъ сходятся, и взаимно густѣютъ облака.

Между тѣмъ, отъ часу болѣе красящаяся сама собою *добродѣтель*, открывала новыя въ себѣ прїятности, отъ часу болѣе становилась любезнѣе. Кроткїе, но веселые ея взоры. уменьшали страхъ, вперяемый величественнымъ ея видомъ..... „Распоряжай мною, „о *добродѣтель*! я достоянїе твое (воскликнулъ Алкидъ), божество благотворное! научай меня опознавати стези твои; обладай вѣчно всею моею душею; „буди моею предводительницею; непопусти, чтобы „когда либо уклонился отъ тебя.„

Добродѣтель наполнила вышеестественною силою юношу. Дарованїя, постоянство, храбрость, терпѣнїе соединила въ душѣ его узами нерѣшимыми навсегда. Проявился неутомимъ въ трудахъ, неустрашимъ вопасностяхъ, а чрезъ то, при помощи дщери сея небесъ, великими своими предпрїятїями и подвигами очистилъ землю отъ чудовищъ ужасныхъ. Наконецъ же, ею самою пресeленъ въ жилище блаженства нескончаемаго съ неувядаемою вѣчно юностїю, включенъ онъ въ число безсмертныхъ.

Баснь сїя сочинена *Продикусомъ*. Ксенофонъ упоминаетъ объ ней въ достопамятностяхъ своихъ о Сократѣ, болѣе двухъ тысячь лѣтъ была во отмѣнномъ уваженїи отъ всѣхъ ученыхъ мужей: ибо содержитъ въ себѣ изящныя тѣ правила, кои никогда не потеряютъ высокїя своея цѣны. Того-то ради судилъ я разсказать оную и вамъ ученики мои! теперь приступимъ къ третьему отдѣленїю слова моего. како снискати вы можете истинное щастїе, состоящее въ томъ чтобъ умѣть чувствовать и мыслить правильно.

Конецъ Третїй Части.